

ИИИ
А К А Д Е М И Я Н А У К С С С

06
4

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

I

06
У 06
Д. 5373

ПРОВЕРЕНО

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

У Ч Е Н Ы Е   З А П И С К И
И Н С Т И Т У Т А
С Л А В Я Н О В Е Д Е Н И Я

Т о м   I

• ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД—1949

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
академик Б. Д. ГРЕКОВ

06

п. 5373

38867

ОТ РЕДАКЦИИ

Институт славяноведения Академии Наук СССР начинает настоящим томом выпуск своих «Ученых записок», которые, в отличие от самостоятельно издаваемых больших монографий и сводных коллективных работ, являются основной формой публикации исследований сотрудников Института.

Задачи «Ученых записок» определяются в первую очередь важнейшими проблемами, над которыми работает Институт, призванный развивать и углублять марксистско-ленинское славяноведение.

Разрабатывая проблемы истории западных и южных славян, истории западно- и южно-славянских литератур, славянского языкознания, истории славяноведения в СССР и зарубежных славянских странах, Институт сосредоточивает свое внимание прежде всего на наиболее научно актуальных проблемах новой и новейшей истории.

История трудящихся масс — история рабочего класса и крестьянства, история революционного движения, создание и развитие народной демократии в славянских странах, вступивших на путь построения социализма, — таковы важнейшие области исследования советских историков-славистов.

Отражение этих основных моментов истории славянских народов в их литературе, идеологическая борьба в ней, развитие прогрессивной, подлинно народной литературы — стоит на первом плане в исследованиях советских литературоведов-славистов. Борьба с буржуазным славяноведением, вскрытие и преодоление его пережитков — первоочередная задача в области исследования истории славяноведческой науки.

Институт славяноведения Академии Наук СССР — не единственное научное учреждение нашей страны, разрабатывающее вопросы советского славяноведения. Исследование истории западных и южных славян, славянской филологии ведется и в ряде смежных научно-исследовательских институтов в Москве, республиканских и областных центрах, кафедрами высших учебных заведений, работниками архивов и т. д. Долг Института всячески содействовать этой работе и всемерно направлять ее.

«Ученые записки» должны помочь выполнить и эту серьезную задачу. На страницах «Ученых записок» будут публиковаться исследования не только сотрудников Института славяноведения. Каждая присланная в Институт работа, стоящая на уровне современного марксистско-ленинского славяноведения, будет принята для публикации в «Ученых записках».

Настоящий том «Ученых записок» Института славяноведения посвящается памяти выдающегося советского историка-слависта, академика Владимира Ивановича Пичета. Это не только дань уважения научным заслугам покойного, которые освещаются рядом статей, открывающих том; с именем В. И. Пичета тесно связаны и другие статьи данного тома, исследующие проблемы революции 1848 г. в славянских странах. Изучение этих проблем было предпринято по инициативе В. И. Пичета и велось вначале под его руководством.

ПАМ'ЯТИ
АКАДЕМІКА
В. І. ПИЧЕТА

В. И. ПИЧЕТА.

С. В. Бахрушин

В. И. ПИЧЕТА КАК ИСТОРИК СССР¹

Когда пересматриваешь богатое научное наследство безвременно ушедшего от нас Владимира Ивановича Пичета, когда вспоминаешь его доклады и выступления, то невольно поражаешься разносторонности его знаний и разнообразию его интересов. Глубокий эрудит в области не только отечественной, но и всеобщей истории, он оставил нам капитальные труды по истории России, Литвы, Белоруссии, Украины, Польши, Чехии. В последние годы жизни Владимира Ивановича его имя особенно тесно было связано с изучением истории западных и южных славян. Но прежде всего он всегда был и считал себя историком своей Родины, историком СССР. В Институте истории Академии Наук СССР, стоя во главе сектора славяноведения, он оставался членом сектора истории СССР до XIX в. и неоднократно в разговорах со мной любил подчеркнуть это обстоятельство.

Свою работу по истории нашей страны В. И. Пичета начал еще до Великой Октябрьской социалистической революции. Его первый печатный труд вышел в 1904 г. В 1910 г. В. И. Пичета сдал магистерский экзамен при Московском университете, после чего приступил к подготовке своей магистерской диссертации, которую защитил в 1917 г. Но полностью его научная деятельность развернулась только в советское время, и это определило методологию его исследований и их тематику.

Первое, что мне хотелось бы отметить, это то, что Владимир Иванович был в самом широком смысле историком Союза Советских Социалистических Республик, он был историком не одного лишь русского народа, но историком многих народов нашей страны.

В 1910 г. он напечатал научно-популярный очерк истории великого княжества Литовского до Люблинской унии включительно в «Русской истории в очерках и статьях», выходящей под редакцией проф. Довнар-Запольского.

Результатом дальнейших углубленных исследований была капитальная двухтомная монография «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве», за которую В. И. Пичета была присуждена степень магистра (1917 г.) и доктора исторических наук (1918 г.).

---

¹ Доклад на совместном заседании Ученого совета Института славяноведения и Ученого совета Института истории АН СССР 23 июня 1948 г.

Этот труд до сих пор сохраняет значение одного из основных трудов, посвященных прошлому литовского народа.

Лишь при советской власти труды Владимира Ивановича по истории Литвы приняли тот широкий тематический охват и ту глубину, которые так характерны для его творчества. Он продолжает в ряде статей разрабатывать темы, связанные с его диссертациями и являющиеся как бы их продолжением: изучая хозяйственные мероприятия королевы Боны, он освещал предисторию реформы Сигизмунда-Августа; вместе с тем в специальной статье, вышедшей в 1927 г., он касался и последствий аграрной реформы Сигизмунда-Августа.

Большой интерес проявил В. И. Пичета к истории права Литовского великого княжества; по вопросам, связанным с этой темой, он опубликовал ценные статьи.

Наиболее значительный круг научных вопросов по истории Литовского великого княжества охватывают работы по социально-экономической истории княжества. К ним относятся, кроме диссертаций и упомянутых выше статей, еще труды, посвященные отдельным вопросам истории сельского населения Литовского великого княжества. В 1928 г. В. И. Пичета напечатал статью «Крестьяне тяглые во второй половине XVI века в великом княжестве Литовском», за которой последовала статья о юридическом положении сельского населения ко времени издания Литовского статута, а за год до его смерти вышла статья, посвященная институту холопства в великом княжестве Литовском в XV—XVI вв., которая представляется мне настоящим маленьким шедевром по глубине мыслей и по тому искусству, с каким автор устанавливает связь социальных явлений с явлениями экономическими. Таким же шедевром является другое произведение последних лет жизни В. И. Пичета: его статья «Польша на путях колонизации Украины и Белоруссии. Люблинская уния и ее политические последствия», в значительной своей части посвященная истории Литвы. Написанная ярким языком, она дает необычайно отчетливое и вместе с тем новое освещение событий, связанных с потерей Литовским княжеством его независимости в XVI в.

Проблематика основных печатных трудов В. И. Пичета по истории Литвы сложилась еще в дореволюционное время; она, как мы видим, сосредоточивается главным образом вокруг XVI века, но эта тематика далеко не исчерпывает всего содержания его работ по истории Литвы. В советское время он расширил круг своих исследований далеко за пределы тех хронологических рамок, с которых он начинал изучение прошлого литовского народа. Они охватили всю историю Литвы с момента образования Литовского государства до нашего времени. Для многотомной «Истории СССР» им были написаны главы, посвященные истории великого княжества с XIII до XVII в. Он много работал над историей разделов Речи Посполитой и присоединения ее литовских земель к России. В 1940 г., приветствуя вступление Литовской республики в состав нашего Великого Советского Союза, он напечатал ценное небольшое исследование «Из истории борьбы литовского народа за свое освобождение», в котором, обрисовав ход освободительной борьбы в Литве во время первой мировой войны, главное внимание сосредоточил на последнем, новом этапе истории Литвы, предшествовавшем превращению буржуазной Литовской республики в республику социалистическую. «Новый этап истории Литвы, — говорил он, — ближайшим образом связан с Великой Октябрьской социалистической революцией, которая содействовала подъему революционного дви-

жения в Литве, направленного и против германских оккупантов, и против буржуазного марионеточного правительства Тарибы».² Этот подъем революционного движения, начиная с 1918 г., Владимир Иванович изучал чрезвычайно деятельно и углубленно. Так, начав с изучения средневековой Литвы, В. И. Пичета в советское время, воодушевляемый подлинным советским патриотизмом, подошел к разрешению научных задач, связанных с историей нашего Советского государства.

Итогом работ Владимира Ивановича по истории литовского народа явилась законченная в 1944—45 гг. «История Литвы с древнейших времен до наших дней» (рукопись).

Работа по истории Литовского великого княжества вовлекла Владимира Ивановича в изучение истории другого советского народа — белорусского народа. Русская буржуазная историография уделяла мало внимания этой чрезвычайно важной теме. Историю Белоруссии изучали почти исключительно в связи с историей Литовского великого княжества, в состав которого некогда входили белорусские земли, или с исследованиями о восточнославянских племенах, среди которых были и предки белорусского народа. Владимир Иванович первый поставил вопрос об истории белорусского народа как самостоятельную задачу и много сделал для ее разрешения. Большой отрезок жизни В. И. Пичета был тесно связан с Белоруссией: с 1921 по 1930 г. он был ректором и профессором университета в Минске, а с 1928 г. до смерти — действительным членом Белорусской Академии Наук. Это обстоятельство способствовало заострению его научного интереса к прошлому Белоруссии. Но интерес этот возник не с момента его назначения в Белорусский университет, а значительно раньше. Еще в 1918 г. он читал в Москве курс истории Белоруссии.

В 1924 г. В. И. Пичета издал на белорусском языке I том «Истории Белоруссии», охвативший период до конца XVI в., а в 1927 г. очерк, посвященный той части Белоруссии, которая в то время была насильственно оторвана от Советской Белоруссии, — «Исторические судьбы Западной Белоруссии». Затем последовал ряд монографических исследований, посвященных различным периодам истории Белоруссии не только в целом, но и отдельным областям. Напомню его очерк «Полоцкая земля в начале XVI ст.», вышедший в Минске в 1926 г. На первом плане у Владимира Ивановича стояло изучение социально-экономических явлений. Ему принадлежит специальная монография «История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии до конца XVI в.» (1927 г.) и много статей об аграрной реформе в Белоруссии в начале XVII в., о народных движениях и классовой борьбе в Белоруссии в XIX и начале XX в.

Наряду с изучением социально-экономических явлений В. И. Пичета устремлял свое внимание и на историю белорусской культуры. В этом сказались одна из черт Владимира Ивановича, которая делала таким привлекательным научное и товарищеское общение с ним. Он никогда не относился к предмету своих исследований равнодушно. В. И. Пичета любил Белоруссию, любил белорусский народ, остро чувствовал невзгоды, которые народ этот претерпел в прошлом, и радовался счастью, наступившему для него в наши дни. Любовь к белорусскому народу нашла свое выражение в том исключительном интересе, который Владимир Иванович всегда проявлял к его культуре, к его

² «Вестник АН СССР», 1940, № 11—12, стр. 89—90.

письменности, к его языку. Накануне Великой Октябрьской социалистической революции великорусские и польские шовинисты одинаково отрицали способность белорусского народа к самостоятельному культурному развитию и спорили только о том, какая культура поглотит белорусскую народность — католическая польская или православная великорусская. В защиту белорусской культуры со всем свойственным ему увлечением выступил Владимир Иванович. В 1924 г. он напечатал статью о белорусском языке как факторе национальной культуры. Он писал о расцвете белорусской культуры в XVI в., о так называемом «белорусском возрождении». Он посвятил несколько работ создателю белорусского литературного языка и белорусского книгопечатания Франциску Скорине. В одной из своих статей 1928 г. о высшей школе в Белоруссии в XIX—XX вв. В. И. Пичета показал, как белорусский народ боролся при царизме за право иметь свою школу.

Одна из последних работ В. И. Пичета ставила задачей разрешить труднейший вопрос об этногенезисе белорусского народа («Вопросы истории», 1946 г., № 5—6). Глубокое овладение марксистской методологией, широкая и разносторонняя эрудиция и исключительная тщательность в разработке деталей позволили автору наметить правильное решение поставленного им вопроса. Он правильно относит окончательное сложение белорусской народности ко времени нахождения Западной Руси в составе великого княжества Литовского и изначальный момент процесса формирования белорусской народности ставит в связь с периодом установления между отдельными областями экономических связей, которые содействовали исчезновению этнического множества и образованию этнического единства. Эта статья может служить образцом методологически правильного подхода к вопросу об этногенезисе не только белорусского народа, но и других родственных ему народов.

В итоге многолетней работы В. И. Пичета оставил после себя богатое наследство по истории Белоруссии с древнейших времен до нашего времени. Для многотомной «Истории СССР» он написал главы по истории Белоруссии, начиная с эпохи ее вхождения в состав Литовского княжества и кончая первой половиной XIX в. В составленном Институтом истории АН СССР I томе «Истории Белоруссии (до 1861 г.)» ему принадлежит почти две трети. Эти и ряд других трудов В. И. Пичета по истории Белоруссии остаются пока в рукописи. Можно сказать, что печатный станок не успевал за творческой работой горячего патриота Советской Белоруссии.

Такой же любовью воодушевлены труды В. И. Пичета по истории другого советского народа — украинского. В досоветское время собственно русские историки мало уделяли внимания Украине. Украинская история в основном разрабатывалась украинскими историками, среди которых тон задавал Грушевский, ярый представитель реакционного националистическо-сепаратистского направления. Владимир Иванович, украинец по матери, не мог относиться равнодушно к прошлому родной ему Украины. Еще до Октябрьской революции он помещал в «Летописи Екатеринославской ученой архивной комиссии» и в «Украинской жизни» отдельные статьи по истории Украины.

После освобождения Украины от оккупантов и белогвардейско-петлюровских банд и после вступления ее в состав СССР, работа Владимира Ивановича получила и большую широту, и большую целеустремленность. Он принимал активное участие в разработке марксистской концепции при изучении истории украинского народа, вел борьбу с антинаучными

направлениями польских буржуазных историков и зарубежных украинских националистов, продолжавших реакционные традиции Грушевского, оказывавших известное влияние на советскую историографию Украины. Мне достаточно напомнить, как много сделал В. И. Пичета для установления правильного марксистского понимания классового характера освободительного движения, возглавляемого Богданом Хмельницким. Ему пришлось вести много ожесточенных споров, прежде чем он этого достиг; впрочем, споров он не боялся, любил их и вел самые горячие дискуссии с чисто юношеским увлечением.

Большое принципиальное значение имеет деятельность В. И. Пичета по разоблачению антинаучных и политически вредных представлений об изменившем России Мазепе, которого буржуазные националисты стремились изобразить национальным героем Украины, якобы борющимся за ее свободу.

В полемике по острым вопросам украинской истории В. И. Пичета проявлял с особенной силой свойственное ему умение выявлять важнейшие в научном и политическом отношении проблемы и верность и точность научного анализа.

К сожалению, до сих пор не напечатаны общие работы В. И. Пичета по истории Украины, в том числе главы по истории Украины в XVIII—XIX вв., подготовленные им для «Истории СССР».

Историк и искренний друг белорусского и украинского народов, В. И. Пичета горячо и радостно приветствовал воссоединение Западной Белоруссии и Западной Украины с Советским государством в 1939 г. «Настал конец вековому расчленению украинского и белорусского народов, — писал он, — бывшие рабы панской Польши стали свободными советскими гражданами могучей социалистической державы, уверенно под знаменем Ленина — Сталина идущей вперед к коммунизму».³ Принятие Западной Белоруссии и Западной Украины в состав СССР в ноябре 1939 г. возлагало новые задачи на советских историков, и В. И. Пичета это отлично понимал. В том же 1939 г. он выступил в «Историке-марксисте» со статьей «Основные моменты в исторических судьбах Западной Украины и Западной Белоруссии», а в следующем, 1940 г. выпустил брошюру, замечательную по четкости мысли и богатству содержания при сжатом изложении: «Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии», в которой показал ход закабаления этих земель польскими и литовскими феодалами и освободительной борьбы, которая привела в конечном итоге к радостному воссоединению их с Украинской и Белорусской Советскими социалистическими республиками.

Не только народы Литвы, Белоруссии и Украины были объектами научного изучения В. И. Пичета. В работах по истории этих земель имеются обширные и очень ценные экскурсы в историю еврейского народа, в которых очень отчетливо показано расселение в среде еврейского населения городов великого княжества Литовского.

В годы эвакуации в Ташкенте он принимал активное участие в работах по составлению «Истории народов Узбекистана». Его четкие и всегда теоретически обоснованные суждения много помогали соавторам. Им самим написана одна из глав книги.

Я думаю, что даже беглое перечисление далеко не всех трудов В. И. Пичета по истории народов нашей страны достаточно ярко харак-

³ «Исторические записки», М., 1940, т. 6, стр. 16.

теризует его как историка СССР, введшего в круг научного изучения историю народов, многие из которых, как, например, белоруссы, до тех пор вообще рассматривались лишь как объекты исторического процесса, не имеющие собственной истории.

Но не только в этом заслуга В. И. Пичета. Начав свою работу по истории Литвы под руководством М. К. Любавского, который как буржуазный ученый стоял на чисто идеалистических позициях, В. И. Пичета последовательно преодолевал традиции русской буржуазной науки, вырастая в выдающегося историка-марксиста. С первых же шагов своей научной деятельности он выдвинул необходимость изучения экономической основы и классовой борьбы в историческом процессе. В. И. Пичета не стал вульгарным экономистом в духе Покровского, резко и самокритично оценивал он элементы механистического материализма в своих ранних, еще незрелых работах.

Тенденция к изучению экономического фактора сказалась уже в магистерской диссертации В. И. Пичета. С тех пор во всех своих исследованиях он изучал явления политической жизни в сочетании с изучением экономической жизни. В этом сила всех его исследований. Так, например, говоря об институте холопства в великом княжестве Литовском, он ставил изменения в положении холопов в XVI в. в связь с развитием товарно-денежных отношений в стране.

Особенно показательна прекрасная статья о политических последствиях Люблинской унии; здесь чрезвычайно подробно изучены экономические предпосылки и классовая борьба, как основная канва, на которой развиваются политические события. Точно так же и в книге «Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии» все изложение поставлено в связь с явлениями, происходившими в хозяйственной области. Отмечу еще одно ценное указание В. И. Пичета о большом развитии сельского хозяйства в Галицком княжестве по сравнению с другими русскими землями как факторе, способствовавшем особенному усилению галицких феодалов.

В. И. Пичета много работал по изучению наименее исследованных вопросов экономической истории России.

Уже в 1912 г. в коллективных изданиях буржуазных историков, посвященных столетию Отечественной войны 1812 г., выделилась своей тематикой его статья «Хозяйство в России в начале XIX века». Приблизительно тогда же в другом юбилейном труде, вышедшем в связи с пятидесятилетием крестьянской реформы 1861 г., появился его очерк «Помещичье хозяйство накануне реформы».

Рано определившийся интерес В. И. Пичета к истории русской экономики XIX в. получил дальнейшее развитие в советское время, что находится несомненно в связи с формированием В. И. Пичета как историка-марксиста.

В 1922 г. В. И. Пичета выпустил свою монографию «История народного хозяйства России в XVIII и в половине XIX в.». То обстоятельство, что уже в следующем году потребовалось второе издание этой книги, свидетельствует об актуальности избранной им темы, об ее новизне и об отсутствии аналогичных исследований. Экономике России XIX в. касался В. И. Пичета и в напечатанном в 1925 г. очерке «К истории крепостного хозяйства и труда», в котором он выступал против буржуазного экономиста П. Струве.

Россия до Октябрьской революции была страной преимущественно аграрной. И именно история сельского хозяйства и аграрных отношений занимала первое место в исследованиях В. И. Пичета. Первое его печатное произведение, вышедшее в свет еще в 1904 г., было посвящено падению крепостного права в России. И позже он много занимался вопросами, связанными с реформой 1861 г., в частности в 1928—29 гг. напечатал ценные очерки «Вопрос об усадебной оседлости в Московском губернском комитете» и «Вопрос о перенесении усадеб крестьян в Московском губернском комитете по крестьянскому делу в 1858 г.». Другие его работы — «Крестьянская реформа в Воронежской губ.» и «Вопрос о дворовых людях в Московском губернском комитете» — остаются в рукописи.

Изучая историю крестьянства в России, В. И. Пичета, как подлинный марксист, уделял особенное внимание классовой борьбе. В 1923 г. он даже приступил к печатанию широко задуманной «Истории крестьянских волнений в России». Отсюда его большой интерес к истории крестьянской войны в начале XVII в. Еще в дореволюционное время он опубликовал статью «Смута и ее отражение в трудах историков» и ряд научно-популярных статей на эту тему, среди которых выделяется широкого замысла статья об экономическом и социально-политическом положении Московского государства накануне Смутного времени — «Московское государство во второй половине XVI века», в которой автор выясняет предпосылки крестьянской войны. Чем глубже вникал В. И. Пичета в учение классиков марксизма-ленинизма, тем глубже становился его понимание характера и исторического смысла крестьянских войн в феодальную эпоху. Его статья «Крестьянская война и борьба с иностранной интервенцией в начале XVII в.», помещенная в сборнике «Против антимарксистской концепции Покровского», может с полным правом служить примером как теоретического раскрытия марксистского понимания сущности крестьянских войн, так и толкования с этой точки зрения событий начала XVII в. При изучении истории Белоруссии и Украины В. И. Пичета также в первую очередь останавливает свое внимание на явлениях классовой борьбы, на этот раз в более позднее время — в XIX и начале XX вв. Я имею в виду его статью «Крестьянское движение в Белоруссии после аграрной реформы 1861 г.», очерки, посвященные 1905 году, статьи, связанные с национально-освободительной борьбой украинского и белорусского народов и, наконец, статью «Октябрьская социалистическая революция на Украине».

Был еще один вопрос из истории крестьянства, который волновал и захватывал Владимира Ивановича. Это вопрос об активном участии русских, белорусских и украинских крестьян в деле обороны родины от внешних врагов. Особенно возмущали его попытки, иногда наблюдавшиеся в русской историографии, снизить значение выступления крестьянских масс в Отечественной войне 1812 г. «Буржуазные историки войны 1812 года, — говорит он, — обычно не учитывали крестьянских противонаполеоновских движений в Литве и Белоруссии. Так же поступил и Покровский. . . Недооценка Покровским важнейшего значения русской народной войны, — продолжает он далее, — свидетельствует лишь о недостаточно углубленном изучении столь важного вопроса».⁴

Я боюсь, что в сжатом очерке трудов В. И. Пичета, который я сделал, есть много пробелов, но даже в этом коротком докладе, даже в

⁴ «Против исторической концепции М. Н. Покровского». Сб. статей, ч. 1, М.-Л., 1939, стр. 299.

беглом перечне многочисленных и разнообразных по тематике работ В. И. Пичета по истории СССР рельефно выступает образ этого выдающегося историка народов нашего Союза, подлинно советского ученого, соединявшего знание источников и строгость научной методологии с горячей любовью к нашей многонациональной Родине.

Но научная деятельность передового историка далеко не исчерпывается его печатными и рукописными книгами и статьями. Он высказывает много ценных мыслей в общении со своими учениками, ряд смелых и новых суждений в своих публичных выступлениях. Говоря о наследии В. И. Пичета, приходится особенно вспомнить эту сторону его деятельности.

В. И. Пичета никогда не замыкался в своем кабинете, он любил делиться своими научными наблюдениями, щедро сообщал свои знания и в беседах, и в прениях, и на защитах диссертаций. Исключительную ценность имеют его выступления в качестве оппонента. Многие из них застенографированы и заслуживают напечатания. В этих выступлениях он всегда поражал своей громадной осведомленностью и в самом разнообразном архивном материале, и в литературе. Не было почти ни одного вопроса из истории СССР, по которому он не мог бы указать какой-нибудь им просмотренный архивный фонд или малоизвестную книгу. Но в своих выступлениях он не только сообщал ценные сведения об источниках, он давал начинающим научным работникам указания на методы исторической работы. К каждому вопросу он подходил с позиций марксистской идеологии. Он строго требовал от других тщательного обоснования выводов источниками, т. е. того, что требовал от самого себя, но и к источникам он учил подходить критически. Он требовал широкого знания литературы и давал в своих трудах и выступлениях блестящий пример сокрушительной критики зарубежной буржуазной литературы.

Истек год, как от нас ушел Владимир Иванович Пичета, и за этот год мы еще острее, чем в момент его смерти, осознаем, какую тяжелую потерю понесла в его лице советская историческая наука.

Образ его — советского ученого и патриота — зовет нас, советских историков, к беззаветному исполнению нашего научного долга и к прерыванию его преждевременно прерванных работ.

Н. М. Ткаченко

РАБОТЫ АКАДЕМИКА В. И. ПИЧЕТА ПО ИСТОРИИ УКРАИНЫ

Важное место в научно-исследовательской деятельности Владимира Ивановича Пичета занимают его труды по истории Украины. Начиная с первых своих работ, Владимир Иванович обращался к изучению отдельных вопросов из истории украинского народа. Его интересовали новые архивные материалы, источники по истории Украины, вопросы историографии, он специально занимался исследованием одной из важнейших исторических эпох — освободительной войны украинского народа в 1648—1654 гг., много уделял внимания изучению Западной Украины, истории крестьян, вопросам периодизации истории Украины, а в последнее время — этногенезису украинского народа. Этот широкий диапазон научных интересов Владимира Ивановича в области истории Украины был соединен с творческим его ростом, постоянной работой над собой, борьбой с буржуазной исторической наукой.

После окончания Московского университета Владимир Иванович начал преподавательскую работу в Коростышеве на Украине, потом работал в Екатеринославе (Днепропетровске). Когда здесь была в 1903 г. организована Ученая архивная комиссия, он был одним из первых ее членов. На заседании Комиссии 30 сентября 1903 г. он выступил с докладом «Записка Юрия Крижанича о Малороссии» (окончательная редакция этой работы имеет дату 8 августа 1903 г.). Указанный доклад, очевидно, был одной из частей дипломной работы Владимира Ивановича «Юрий Крижанич о Московском государстве».

Владимир Иванович в это время принимал также деятельное участие в изучении местных екатеринославских архивов.

В результате этого в первом выпуске «Летописи Екатеринославской ученой архивной комиссии» (1904 г.) появились три первые его работы:

- 1) «Записка Юрия Крижанича о Малороссии»,
- 2) «К столетию Общества истории и древностей российских»,
- 3) «Несколько слов о состоянии архива Екатеринославского нижнего земского суда».

Последняя работа интересна тем, что в ней обращается внимание на изучение крестьян, на историю экономических отношений. В 1904 г. Владимир Иванович выступал с докладом «Падение крепостного права в России». Дальнейшие работы Владимира Ивановича публиковались, кроме

указанной «Летописи», еще в «Вестнике Екатеринославского земства». Всего в 1904—1905 гг. здесь было опубликовано В. И. 13 работ по разным вопросам.

Переехав из Екатеринослава в Москву, Владимир Иванович работает по общей истории России, по истории Литвы, интересуется новыми трудами, которые появляются на Украине, нередко выступает по поводу них с рецензиями. Нужно отметить, что Владимир Иванович всегда уделял большое внимание рецензиям, выдвигая в них в связи с критическими замечаниями на работы свое решение обсуждаемых вопросов, отмечая те новые темы, которые подлежали дальнейшему исследованию.

Особенно привлекала внимание Владимира Ивановича история Левобережной Украины XVII—XVIII вв., которой он посвятил ряд статей, опубликованных на страницах журнала «Украинская жизнь», выходившего в годы первой мировой войны в Москве. Из таких работ отметим: «Юрий Крижанич о политике Москвы по отношению к Украине в XVII веке», «Наказы украинских городов в 1767 г.», «Верховный тайный совет и малороссийские дела», «Князь А. И. Шаховской и вопрос об управлении Малороссией» и др.

На страницах «Украинской жизни» появились и две обзорные работы «Новые материалы и работы по истории Украины», «Новые труды польских историков по истории Украины».

В эти же годы Владимир Иванович написал небольшой очерк истории украинского народа в рамках обзорной работы «Исторический очерк славянства».

Вся эта деятельность Владимира Ивановича протекала вне стен Московского университета, из которого он ушел в 1911 г. в знак протеста против реакционной политики царского министра Кассо. Владимир Иванович получил возможность вернуться в Университет лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

Только после 1917 г. разворачиваются его творческие силы. Он вырастает в одного из передовых представителей советской исторической науки.

Из работ, написанных В. И. Пичета в первые годы после Октябрьской революции, отметим его книгу «Введение в русскую историю». В ней автор дает обзор источников и историографии России, Белоруссии, Украины, отмечая также и общие черты в развитии исторической науки трех братских славянских народов — русского, украинского и белорусского. Эта книга вышла двумя изданиями (1922, 1923 гг.).

Очень важны для изучения экономических, социальных отношений и политической жизни Украины XIV—XVI вв. многочисленные работы В. И. Пичета по истории Литвы и Белоруссии, которые появились в 1920-х годах. В них совершенно по-иному, чем в работах буржуазных историков М. Любавского, Ф. Леонтовича и других, рассматриваются вопросы истории крестьян. Приведем оценку значения этих работ В. И. Пичета в новейшем, обобщающем исследовании академика Грекова: «Прежде всего, в отличие от своих предшественников, он не только признал феодальные отношения на Руси и в частности в Белоруссии, но и понял феодализм, как систему производственных отношений. . . Работа В. И. Пичета поставила всю проблему по-новому и сделала большой шаг вперед по пути ее разрешения».¹

¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.-Л., 1946, стр. 430.

В 1930-х годах В. И. Пичета принимает участие в написании первого и второго томов вузовского курса «Истории СССР». Под его редакцией (совместно с М. Н. Тихомировым и А. В. Шестаковым) в 1941 г. вышел т. I «Истории СССР» для неисторических факультетов, в котором большинство очерков по истории Украины принадлежит перу В. И. Пичета.

В связи с воссоединением Западной Украины с Советской Украиной и Западной Белоруссии с Советской Белоруссией появляются новые работы В. И. Пичета: «Основные моменты в исторических судьбах народов Западной Украины и Западной Белоруссии», «Конец вековому угнетению украинского и белорусского народов», «Польша на путях колонизации Украины и Белоруссии», «Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии» и еще ряд статей в разных журналах.

Освободительной войне украинского народа (1648—1654 гг.) под руководством великого государственного деятеля и полководца Богдана Хмельницкого посвятил В. И. Пичета ряд статей и рецензий («Великий сын украинского народа Богдан Хмельницкий», «Богдан Хмельницкий — дипломат и стратег», рецензия на книгу К. Осипова «Богдан Хмельницкий» и др.).

В историческом очерке Украины в «Большой Советской энциклопедии» (т. 55) Владимир Иванович дал новую периодизацию освободительной войны, положив в основу этой периодизации классовую борьбу, борьбу крестьянства, а не ход внешних событий, как это делали некоторые советские историки, повторяя схему буржуазной исторической науки.

В. И. Пичета внимательно следил за развитием исторической науки на Украине после Великой Октябрьской социалистической революции. Идеологи буржуазного национализма, М. Грушевский и другие, фальсифицировали историю Украины для обоснования своих буржуазно-националистических позиций. Они пропагандировали идею «безбуржуазности» украинской нации, игнорировали борьбу народных масс и изображали историю украинского народа без внутренних классовых противоречий и борьбы. В работах М. Грушевского и его «школы» отрицалась историческая преемственная связь Киевского государства с Северо-восточной Русью, проводилось совершенно неверное утверждение, будто Киевская Русь — начальный период истории только украинского народа, а не колыбель трех братских славянских народов — русского, украинского и белорусского. Концепция «школы» Грушевского оказала влияние и на издаваемые Институтом истории Украины Академии Наук УССР «Очерки истории Украины» («Нариси з історії України»). В своих рецензиях на страницах «Историка-марксиста» В. И. Пичета подвергал отдельные выпуски «Очерков» обстоятельному разбору.

Особое внимание В. И. Пичета обращал на вопросы периодизации истории Украины. В 1942 г. вышел «Нарис історії України», в котором была дана периодизация, навеянная буржуазно-националистической схемой М. Грушевского. Основные периоды истории Украины здесь определялись по внешнеполитическим событиям, а не по важнейшим этапам развития социально-экономических формаций. Против этой периодизации выступил Владимир Иванович в рецензии, опубликованной в № 1—2 «Вестника АН СССР» за 1944 г. Антимарксистский характер периодизации в этом и других изданиях Института истории Украины был осужден в принятом ЦК КП(б)У в 1947 г. постановлении «О политических ошибках и неудовлетворительной работе Института истории Украины АН УССР».

В годы Великой Отечественной войны советского народа, когда шла героическая борьба с гитлеровскими ордами, наша страна праздновала 25-летие победы Великой Октябрьской социалистической революции. Институт истории АН СССР издал специальный сборник «Двадцать пять лет исторической науки в СССР». В нем была напечатана статья В. И. Пичета «История Украины в советской историографии»; здесь были освещены те основные научные проблемы, которые разрабатывали советские историки в УССР, и особенно подчеркнута борьба с украинскими буржуазно-националистическими историками. В статье отмечен ряд работ по истории экономических отношений, по истории борьбы крестьян за свое освобождение, по изучению источников по истории Украины и др. В. И. Пичета справедливо говорил, что его историографический обзор не претендует на полноту. Этот обзор можно было бы дополнить сведениями о работах по истории пролетариата на Украине. Но все же итоги обзора говорят о том, что советские историки «отбросили старую тематику или радикально изменили старый подход к ней. Они приступили к изучению больших проблем, рисующих подлинную жизнь украинского народа, его упорную классовую борьбу за свое социальное, политическое и национальное освобождение».²

В связи с 25-летием Украинской Советской социалистической республики была напечатана небольшая, но очень интересная статья В. И. Пичета «Октябрьская социалистическая революция на Украине» («Исторический журнал», 1943, № 10), в котором Владимир Иванович дает изображение хода Великой Октябрьской социалистической революции на Украине, вскрывает контрреволюционную деятельность буржуазной Украинской Центральной Рады, показывает значение борьбы рабочего класса под руководством партии большевиков для освобождения украинского народа.

Отметим также статью «Борьба украинского и белорусского народа за свою свободу» («Вестник АН СССР», 1943, № 9—10), которая появилась в печати, когда происходило освобождение украинских и белорусских земель от немецко-фашистской оккупации. Говоря об освобождении Киева от немецко-фашистских оккупантов, автор пишет:

«Воссоединившиеся в едином государстве украинский и белорусский народы быстро залечат свои раны. Вновь начнется пора героического социалистического строительства. Нет под солнцем той силы, которая вновь искусственно разъединила бы эти народы. . .»

В 1945 г. была издана на шведском языке работа В. И. Пичета «Западная Украина и Западная Белоруссия» (значительно расширенный вариант работы, опубликованной в 1940 г.).

В 1945 г. Владимир Иванович выступает с лекциями «Возрождение Украины-Руси и Белой Руси в XVI в. — начале XVII в.», «Казацкое государство на Украине (XVII—XVIII вв.)». Здесь автор освещает классовую структуру тогдашнего общества на Украине и его противоречия, подчеркивает, что уже при Брюховецком выступает «с одной стороны, формирование крупного землевладения, и с другой — рост феодально-крепостнических отношений, поскольку крестьяне теперь обязаны были отправлять повинности не в пользу государства, а в пользу владельцев земли». В. И. Пичета выступает против теории украинских буржуазно-националистических историков, которые утверждали, что юридически

² «Двадцать пять лет исторической науки в СССР», Сборник, М., 1942, стр. 178.

крепостное право было установлено только при Екатерине II. Акт 1783 г. «является только итогом борьбы украинских помещиков с крепостными крестьянами, той борьбы, которая велась на протяжении всего XVIII века».

И в годы Великой Отечественной войны и после ее победоносного окончания В. И. Пичета, несмотря на свою напряженную деятельность, всегда находил время следить за новыми историческими исследованиями, которые появлялись на Украине.

Во время пребывания в Киеве в июне 1946 г. Владимир Иванович выдвинул предложение о составлении и издании специального сборника против буржуазно-националистической концепции М. Грушевского и его школы.

Работая над проблемой происхождения белорусского народа, В. И. Пичета опубликовал свои наблюдения по этому вопросу и в отношении украинского народа. Остановливаясь на общем вопросе этногенеза трех братских славянских народов, он указывал: «... окончательное сложение великорусской, белорусской и украинской народностей как особых этнографических типов следует отнести приблизительно к XVI в., времени, когда образовались и народные языки с их морфологическими и фонетическими особенностями. . . На Украине памятником украинского языка (руського) является Пересопницкое евангелие 1556—1561 годов. Фонетические особенности украинского языка уже можно отметить в Галицко-Волынской летописи XIII в.»³

Всего в печати известно свыше 60 работ (в том числе и рецензий) В. И. Пичета по истории Украины. Некоторые из них имеют большое значение для развития советской украинской исторической науки. При изучении отдельных вопросов истории Украины советским историкам придется не раз к ним обращаться.

До последних дней своей жизни В. И. Пичета живо интересовался развитием советской исторической науки на Украине, радуясь ее успехам, указывая на ошибки, борясь против фальсификации истории Украины.

---

³ В. И. Пичета. Рец.: акад. Н. Державин. Происхождение русского народа — великорусского, украинского, белорусского. «Вопросы истории», 1945, № 1, стр. 124.

С. А. Никитин

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. И. ПИЧЕТА В ОБЛАСТИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

В 1901 году 23-летний Владимир Иванович Пичета, кончая университет, избрал для своей кандидатской работы тему «Юрий Крижанич о Московском государстве». Нам представляется, что интерес к Крижаничу, который Владимир Иванович пронес через всю свою научную жизнь, был интересом не только к автору, писавшему о Московском государстве XVII в., но и к Крижаничу, как представителю славянства, как к ученому-хорвату, смотревшему на Московское государство со своей своеобразной точки зрения. Избрание для первой самостоятельной работы темы о Крижаниче является указанием на тот интерес к истории славянства, который замечен на всем протяжении научной деятельности В. И. Пичета, хотя в продолжении большей части своего научного пути ему приходилось заниматься не столько историей славянства, сколько историей народов СССР.

Вопрос о Крижаниче характерен сплетением в нем русских и славянских мотивов. К изучению их Владимир Иванович, под каким-либо новым углом зрения начинавший интересоваться Крижаничем, обращался не раз. Спустя тринадцать лет после написания первой работы о Крижаниче — в 1914 г. В. И. Пичета вновь возвратился к этой проблеме. Последний раз уже накануне смерти он подробно разбирал новую книгу молодого автора о Крижаниче и сам написал работу, посвященную ему же. Эта работа была опубликована на страницах редактировавшегося им «Славянского сборника». Однако хотя указанная тема важна для понимания научных интересов и научного творчества В. И. Пичета и дает возможность судить о давности и неизменности его интереса к истории славянства, но не она на протяжении большей части его жизни определяла круг его основных занятий.

В. И. Пичета много работал над историей Литовского великого княжества. Промежуточное положение Литвы между Польшей, Москвой и Прибалтикой заставляло его входить в широкий круг международных, в том числе и межславянских отношений.

Начав изучение истории Литвы с аграрной истории, В. И. Пичета занимался в дальнейшем другими вопросами социально-экономической истории, но в то же время никогда не уходил от вопросов международно-политических отношений и очень живо интересовался историей международных отношений славянских стран.

Говоря об интересе Владимира Ивановича к истории славянства, нельзя не учитывать еще одного, чисто личного обстоятельства: В. И. Пичета никогда не забывал своего происхождения, своих далеких родичей и их порабощенной родины. Он нередко напоминал о том, что его отец был выходцем из Герцеговины. Его работы, посвященные славянам, его устные выступления, известные людям, знавшим его, свидетельствуют о глубокой и горячей любви к славянству. В. И. Пичета был далек при этом от националистических пристрастий и шовинизма.

Вплоть до последнего десятилетия своей жизни Владимир Иванович по преимуществу занимался историей Литвы, Белоруссии, Украины, России. Но его научные интересы привлекала и история западных и южных славян. Он живо откликался на те острые политические события, которые выдвигали славянские проблемы. Так, первая мировая война побудила В. И. Пичета обратиться к истории славян и современному их положению. Он опубликовал исторический очерк славянства, содержащий изложение исторических судеб всех основных славянских народов. Этот очерк не претендовал на особую глубину. Сам объем работы не давал возможности сколько-нибудь широко развернуться. В этой работе Владимир Иванович касался преимущественно политической истории славян и затрагивал сторону социально-экономических отношений лишь в минимальном объеме. Этот очерк, изданный в напряженный политический момент, когда вся обстановка заставляла интересоваться вопросами, касающимися славян и их положения, давал ответ на вопросы, возникавшие у современников. И эта небольшая брошюра была важным и нужным произведением.

В эти годы Пичета написал ряд подобных очерков. Среди статей этой поры на славянские темы нельзя не отметить одну тоже популярную статью, но заслуживающую особого внимания. Статья эта носит название «Исторические судьбы Сербии». Помещенная в малораспространенном журнале «Экскурсионный Вестник», статья эта представляет собой чрезвычайно характерную иллюстрацию приемов, с которыми Владимир Иванович подходил к задачам популяризации. Кто не знает, как часто популярные работы превращаются в вульгаризацию, как часто они основываются на случайном материале. Небольшая статья, о которой идет речь, снабжена большим количеством подстрочных сносок, где автор указывает работы, касающиеся положения славян; монографии на русском, чешском, сербском, немецком, французском языках свидетельствуют об огромной, кропотливой предварительной работе исследователя, которая была проделана до того, как был написан этот маленький популярный очерк.

Еще раз к вопросу об исторических судьбах Сербии Владимир Иванович возвращается в момент, когда будущее Сербии в связи с ходом международно-политических событий казалось неясным и неопределенным. В 1917 г. после разгрома Сербии в маленькой брошюре он высказал надежду, что Сербия возродится для лучшей и счастливой жизни.

Вновь В. И. Пичета вернулся к вопросам славянской истории спустя двадцать лет — в 1939—1940 гг. На этот раз его к этому побудила вторая мировая война, тот натиск фашизма на славянство, который начала гитлеровская Германия, стремившаяся к уничтожению славянских народов. Между тем условия для организации изучения проблем истории славян были весьма сложными и трудными, так как число специалистов в этой области ограничивалось тогда немногими единицами. Возникла задача создания условий для разработки вопросов славянской истории. К разрешению ее и был призван В. И. Пичета.

Деятельность Владимира Ивановича в области славяноведения велась одновременно в нескольких направлениях. Остро сознавая научное и политическое значение славяноведения, В. И. Пичета направляет свои силы на создание учебного и научного центров, которые могли бы растить молодые кадры советских славистов и координировать их деятельность в совместной разработке научных вопросов. Эти усилия, получившие полную поддержку со стороны руководящих научных органов, привели к созданию в Институте истории АН СССР сектора славяноведения, а в Московском университете — кафедры истории западных и южных славян, которые возглавил Владимир Иванович. Создание этих двух центров представляет собой факт, значение которого переоценить трудно. Если вспомнить, что на протяжении ряда лет в наших университетах не было ни курсов, посвященных славянству, ни специальных семинарских занятий; если вспомнить, что вопросы истории западных и южных славян нигде не разрабатывались, то значение создания этих двух центров станет совершенно ясным. Особая важность этого заключалась не столько в том, что была возрождена научная и педагогическая традиция в области славяноведения, сколько в том, что работа в области славяноведения возникла теперь на иных началах, чем прежде. Достаточно вспомнить, что представляла собой старая университетская славистская школа, насквозь реакционно-шовинистическая; зараженная панславизмом, поставившая себя на службу внешней политике царизма. Русская буржуазная наука сводила при этом славяноведение преимущественно к филологии. В. И. Пичета с самого начала ставит вопрос о том, что подготовка новых кадров историков-славистов должна вестись на широкой общесторической базе. Он хотел создать новое поколение историков-славистов, новую славяноведческую школу, основанную на единственном подлинно научном методе — марксизме-ленинизме.

Исходя из этих основных предпосылок, В. И. Пичета строил и программу работ кафедры и программу подготовки кадров в секторе славяноведения. Владимир Иванович проявил огромную активность для того, чтобы собрать вокруг этого центра всех советских ученых, работающих над историей западных и южных славян и в смежных областях. Он вовлек в работу сектора и в работу кафедры тех представителей славянской эмиграции, которые в это время находились в Москве, в частности известного чешского ученого и общественного деятеля проф. З. Р. Неedly.

Эти усилия привели к тому, что сложились две организации, из которых каждая заняла свое место — одна в системе научных учреждений Советского Союза, другая — в системе учебных учреждений — в высшей школе. Кафедра университета и сектор Института истории стали вскоре не только местными московскими центрами, у них возникли связи с научными и учебными заведениями, они стали воздействовать на состояние работы в области славяноведения на периферии и преподавание этой дисциплины в периферийных университетах.

Сектор славяноведения, созданный Владимиром Ивановичем в Институте истории, был первоначально малочислен, но в дальнейшем он рос и пополнялся за счет выраставших на кафедре молодых специалистов. Все это давало возможность сектору постепенно расширяться, укрепляться и расти, и позволило в дальнейшем ставить вопрос о преобразовании сектора в его новом и уже окрепшем виде в самостоятельную научную организацию, занимающуюся вопросами славяноведения. Эта мысль нашла свое воплощение в создании Института славяноведения, открытого в январе 1947 г.

Владимир Иванович был не только организатором этих двух учреждений, но и руководителем многочисленных учеников и вдохновителем всей работы в области славяноведения.

В своих статьях, посвященных Институту, его задачам, Владимир Иванович разработал проблематику, подлежащую изучению, и намечал подход Института к решению отдельных научных задач. Владимир Иванович выдвигал на первое место значение монографической разработки отдельных проблем, но всегда указывал на необходимость параллельно с этим создать целостные исторические обзоры отдельных славянских стран. Он подчеркивал важность издания памятников по истории славянства.

В период этой кипучей научно-организаторской деятельности Владимира Иванович уделял много времени и сил пристальному наблюдению за новой литературой по истории славян. Он отмечал ее в рецензиях, но рецензии эти по тому огромному материалу, который лежал в основе их, нередко перерастали в самостоятельные научные исследования.

Вся деятельность В. И. Пичета, литературная и организационная, шла в эти годы в одном направлении, и разные стороны этой деятельности — это лишь разные формы в стремлении к одной цели — развитию советского славяноведения.

К той же цели Владимир Иванович стремился в работах, которые известны пока еще меньше других. Это его исследовательские работы по истории славян, большая часть которых еще ждет своего опубликования.

Подвергнув в последний период своей жизни переоценке с марксистско-ленинских позиций итоги старой русской науки, Владимир Иванович совершал такого же рода пересмотр и выводов, делавшихся ранее им же самим. Этот пересмотр, в котором ярко отразилась исключительная научная честность и прямота Владимира Ивановича, можно видеть, например, в его последней работе о Крижаниче, где он отказался от ряда своих старых выводов. Этот пересмотр был проявлением принципиальности историка-марксиста, который стремился всю свою исследовательскую работу пронизать последовательной и целостной марксистско-ленинской идеологией.

Не случайно поэтому, что в работах Владимира Ивановича большое место занимает вопрос о периодизации истории. Он стремился к созданию новой марксистской периодизации истории славянских стран.

Когда в советской литературе было предпринято исследование возникновения государства, в частности государства русского, В. И. Пичета, отправляясь от тех капитальных работ, которые были созданы историками СССР (Б. Д. Греков и др.), попытался заново пересмотреть вопрос об образовании и возникновении славянских государств, трактуя государство, как продукт и проявление непримиримости классовых противоречий, как организацию, возникшую в определенный исторический период. По-новому Владимир Иванович подходил ко многим вопросам истории славян, но отдать себе ясный отчет в том, как он решал отдельные вопросы, мы сможем тогда, когда литературное наследство Владимира Ивановича станет доступным.

Работа в области славяноведения была для В. И. Пичета основной в последние годы его жизни. Владимир Иванович всего себя отдал советскому славяноведению, и славяноведческая историческая наука, возрожденная усилиями В. И. Пичета, всегда будет ощущать свою связь с ним, с результатами его научных трудов, с его указаниями последующим исследователям и с учреждениями, в создании которых ему принадлежала значительная роль.

В. Д. Королюк

РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДСТВО АКАДЕМИКА В. И. ПИЧЕТА

I

Очень трудно говорить о человеке, ушедшем из жизни, но как бы незримо присутствующем среди нас. Перед глазами все еще стоит живой образ Владимира Ивановича. Попытаемся мысленно пробежать его жизненный путь, отмеченный выразительными вехами его многочисленных книг и статей, определить те отличительные черты, которые характеризуют его творческий облик.

Перед нами с шелестящих страниц встает образ человека, постоянно стремящегося идти в ногу с новой действительностью, с развивающейся исторической мыслью, человека, постоянно впитывающего в себя новые знания, неутомимо работающего над расширением своего кругозора, успевающего учиться и в процессе обучения других. А эти замечательные качества характера, в свою очередь, объясняют нам необычайную разносторонность интересов и почти энциклопедическую эрудицию ученого, его поразительную жизнерадостность и оптимизм, необычайно острое восприятие жизни. Становится понятной его постоянная тяга к новым, неисследованным еще темам, тяга, сочетающаяся, вместе с тем, с полным внутренней логики развитием его главных исследовательских интересов и с тем широким кругом вопросов, над которыми работал и думал покойный в течение почти всей своей жизни и к которым он неоднократно возвращался в своих печатных выступлениях.

И первоначальный круг научных интересов и первоначальный облик Владимира Ивановича как ученого формировались под сильным и непосредственным влиянием его учителя М. К. Любавского. Но если тема великого княжества Литовского стала основной темой, которой были посвящены первые годы творчества В. И. Пичета, то уже в эти годы он начал критически преодолевать общие исторические воззрения и научную методологию своего учителя, что сказалось, между прочим, и на самом выборе главных вопросов исследования. Такими вопросами явились вопросы истории аграрного развития Литовского государства и аграрной политики литовского господствующего сословия в XVI в., исчерпывающе разработанные покойным в его двухтомной монографии —

«Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве» (Москва, 1917).

Но разработкой этих вопросов не ограничивался круг научных интересов покойного. Уже в дореволюционный период он был гораздо более широким и охватывал большое количество проблем, связанных с изучением исторических судеб русского и украинского народов, главным образом вопросов социального и экономического развития России, внешней политики русского правительства XVIII—XIX вв. и окраинной политики русского царизма. И уже тогда, в дореволюционный период, особое место в этом широком круге волновавших его проблем занимали вопросы истории славянских народов.

Впоследствии, после Великой Октябрьской социалистической революции, эта необычайная широта научного диапазона Владимира Ивановича, многогранность его научного творчества расширилась и оформилась. Овладевая марксистско-ленинской методологией, В. И. Пичета непрерывно рос и совершенствовался как исследователь и к концу своей жизни стал одним из ведущих советских историков, крупнейшим специалистом по истории России, Белоруссии, Украины и Литвы, наконец, одним из самых авторитетных знатоков истории славянских народов, создававшим в Московском университете и в Институте истории АН СССР, а затем в Институте славяноведения АН СССР советскую школу историков-славистов.

Тот факт, что в целом круг вопросов, открывающий ученый путь Владимира Ивановича и завершающий его, приблизительно совпадает, является прекрасным свидетельством прочности тех научных интересов, в области которых жил и творил покойный. Сошлемся хотя бы на один, как нам кажется, далеко не случайный пример. «Политико-экономические взгляды Юрия Крижанича в связи с состоянием Московского государства во второй половине XVII века» (Екатеринослав, 1905) — такова тема одной из первых работ В. И. Пичета; «Юрий Крижанич и его отношение к Русскому государству (1618—1683 гг.)»,¹ — тема одной из последних законченных им при жизни работ. Разумеется, кроме темы, между первым и вторым исследованиями почти нет точек соприкосновения. В 1947 г. методология исследования, постановка проблемы была совершенно иной, чем в 1905. В этом сказалось влияние советской действительности на творческий путь Владимира Ивановича, для которого итти в ногу с жизнью, итти в ногу с советской исторической наукой было девизом жизни.

Но влияние это сказалось и на эволюции научных интересов Владимира Ивановича в главной, основной линии исследований, характеризующих его творческий путь. Уже в годы, предшествовавшие Октябрьской революции, В. И. Пичета был известен как крупный специалист по истории великого княжества Литовского, посвятивший ряд работ исследованию социального и аграрного развития княжества, изучению развития его отношений с Польшей. После революции он становится крупным авторитетом по истории Белоруссии. Но и здесь его преимущественно интересуют вопросы аграрного развития и (теперь уже в первую очередь) вопросы классовой борьбы закрепощенного белорусского крестьянства. В то же время его постоянно интересуют тесно связанные с областью аграрной истории проблемы политики царского правительства по отношению к поль-

¹ «Славянский сборник». ОГИЗ, Госполитиздат, 1947, стр. 202—240.

скому землевладению в присоединенных к России провинциях. Глубокое исследование окраинной политики русского царизма, в свою очередь, приводит его к постановке проблемы польско-русских отношений XVIII—XIX вв. Тема русско-польских отношений и является одной из основных тем, разрабатываемых В. И. Пичета в течение многих лет, вплоть до последних дней его жизни. С другой стороны, он подвергает всестороннему исследованию проблемы, связанные с аграрным и промышленным развитием Польши. Аграрный вопрос и вопросы истории польского города были основными вопросами, изучение которых могло помочь выяснению проблемы упадка Речи Посполитой и хода польского исторического процесса в XIX в. Именно на основе изучения этих вопросов и была предпринята Владимиром Ивановичем попытка в общем курсе воссоздать сложный ход польского исторического процесса с древнейших времен и до 1863 г.

Однако изучение основных проблем польской истории и глубокий интерес к вопросам истории других славянских народов не прервали и в этот последний период его жизни проводимой им углубленной разработки истории Литвы и Белоруссии. Создание общих трудов по истории этих двух стран являлось основной задачей, которую ставил перед собой Владимир Иванович. Таковы отличительные черты Владимира Ивановича как ученого, таково полное внутренней логики развитие его научных интересов, как оно представляется теперь на основе знакомства не только с его печатным, но и рукописным наследием, таков, наконец, первый итог предварительной обработки его архива.

II

Каков выявленный в настоящий момент состав архива В. И. Пичета? Рукописное наследие покойного хранится сейчас на его квартире и занимает почти целый стеллаж. Нужно сказать, что разбор и классификация рукописей еще не завершены, поэтому представить полный обзор рукописного наследия Владимира Ивановича пока не представляется возможным. Однако к некоторым выводам можно притти уже сейчас, после предварительного, черногого разбора архива.

Основная масса сохранившихся в рукописи работ Владимира Ивановича относится к последнему периоду его жизни. От дореволюционного периода его творчества сохранилось очень немного бумаг. Для научной биографии Владимира Ивановича несомненный интерес представляет беловой экземпляр дипломного сочинения, посвященного изучению взглядов Юрия Крижанича, с собственноручной оценкой В. О. Ключевского на титульном листе: «отлично». Основную массу сохранившихся от этого времени рукописей составляют черновики и материалы для опубликованной им в 1917 г. двухтомной работы «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве». В планы Владимира Ивановича входило, повидимому, продолжение работы, которое должно было превратиться в самостоятельное исследование под названием «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в действии». Черновики начальной стадии этой работы также удалось обнаружить среди оставшихся после смерти Владимира Ивановича бумаг.

Несколько больше сохранилось от 1920—30-х годов, в том числе несколько работ, посвященных истории белорусского крестьянства на бело-

русском языке, опубликованных автором при жизни. Интерес в основном лишь для изучения эволюции научного мировоззрения покойного представляет широко задуманная и отчасти завершенная им работа над общим курсом по истории Белоруссии. «История Белоруссии с древнейших времен до конца XIII в.» охватывает большой исторический промежуток времени, начиная с ледникового периода на территории Белоруссии и кончая появлением на сцене дофеодального литовского государства. Общий объем ее превышает 30 печ. листов. Бывшая в свое время (1927), несомненно, наиболее полной сводкой по истории древнейшего периода страны, в настоящий момент она сильно устарела и не отвечает собственным взглядам автора, сформулированным им в последних работах.

Однако самую крупную группу рукописей составляют рукописи работ, относящихся к последним годам жизни Владимира Ивановича. Среди них, в свою очередь, прежде всего следует отметить очень большое количество рукописей по истории Литвы, Украины и Белоруссии. Рукописи эти составляют самую большую часть научного наследия Владимира Ивановича и в основном не вошли в состав его печатного наследия. Необычайно широк тот круг вопросов, которые были поставлены Владимиром Ивановичем в этих работах. Можно было бы, однако, уже сейчас попытаться выделить те главные темы, над которыми трудился он в последние годы своей жизни. Этими темами были: политика русского царизма по отношению к присоединенным к России в результате разделов Речи Посполитой областям Восточной Белоруссии, судьба польского восстания 1830—1831 гг. на территории Украины, Литвы и Белоруссии, а также исследования, посвященные государственно-правовому и социально-экономическому положению великого княжества Литовского в составе Речи Посполитой после Люблинской унии. В этих последних работах Владимиру Ивановичу удалось поставить проблему выявления социально-экономических корней литовского сепаратизма и перейти, таким образом, ту грань — 1569 год, на которой ранее останавливались исследования русских буржуазных историков Великого Княжества и которую удалось перешагнуть лишь одному из них — И. И. Лаппо.

Одной из самых крупных работ Владимира Ивановича, относящейся к этому тематическому комплексу, является исследование «Западный комитет», выполненное автором за несколько лет до начала второй мировой войны. Тогда же Владимир Иванович начал подготовку ее к печати. Объем работы — около 15 печ. листов. Политика русского правительства в западных губерниях по отношению к польскому землевладению, мелкой шляхте, духовенству, крестьянству и евреям после восстания 1830—1831 гг. — такова основная тема исследования. Большое место отводится в нем и той борьбе различных точек зрения на задачи русской политики в западных губерниях, которая происходила в 30-х годах XIX в. в русских правительственных сферах. Если учесть, что в основу работы положено изучение громадного архивного материала и что подобной работы до сих пор не появлялось в печати, необходимость скорейшего опубликования ее станет совершенно очевидной.

Другой работой, относящейся к тому же комплексу рукописей, является небольшая обзорная статья Владимира Ивановича под названием «Литовско-польские унии в новейшей исторической литературе (1918—1939)». Объем — около 2 печ. листов. Время написания — прибли-

зительно 1945 г. Отсутствие последних листов рукописи, пока еще не найденных, очевидно, затруднит ее подготовку к печати.

Говоря о работах Владимира Ивановича по истории Украины, Литвы и Белоруссии, мы имеем в виду, разумеется, и те главы для многотомной истории СССР, которые были написаны им и которые составляют довольно значительную часть его рукописного наследства.

Владимиру Ивановичу удалось подвести итоги своим многолетним исследованиям в области истории Литвы и Белоруссии и в общих курсах. Речь идет о двух сохранившихся среди его бумаг учебниках. Первый из них — учебник по истории Белоруссии для высших учебных заведений, составляющий два больших тома, общим объемом в 45 печ. листов.

Работа эта была выполнена авторским коллективом под руководством и при участии В. И. Пичета для Института истории АН БССР и представляет собой первую часть вузовского учебника. Этот учебник был первым опытом создания общего курса по истории Белоруссии на основе марксистско-ленинской методологии. При составлении учебника, как указывается в предисловии к нему, написанном Владимиром Ивановичем, был использован опыт написания учебника для вузов по истории СССР.

Учебник открывается характеристикой первобытно-общинного строя на территории Белоруссии и доводит изложение вплоть до 50-х годов XIX в., включая анализ той революционной ситуации, которая сложилась в Белоруссии накануне крестьянской реформы 1861 г.

После пространного введения, излагающего задачи и обосновывающего принятую авторами учебника периодизацию истории Белоруссии, следуют две объемистые главы, написанные Владимиром Ивановичем и содержащие подробный обзор источников и историографии по истории Белоруссии. Следующая, IV глава («Первобытно-общинный строй на территории Белоруссии») принадлежит перу М. В. Поликарповича. Главы V—VII («Славяне», «Дофеодальный период», «Период феодальной раздробленности») написаны А. П. Пьянковым. Остальные главы, исключая главу XII («Белоруссия под игом панской Польши во второй половине XVI и первой половине XVII вв.»), написанную И. Ф. Лочмелем, принадлежат В. И. Пичета. Главы эти следующие: глава VIII — «Образование Литовского государства», глава IX — «Великое Княжество Литовское в XIV—XV вв.», глава X — «Белорусские земли в составе Великого Княжества Литовского во второй половине XIV—нач. XV вв.», глава XI — «Белоруссия накануне Люблинской унии», глава XII — «Белоруссия в период упадка и загнивания Речи Посполитой», глава XIII — «Белоруссия в период разделов Речи Посполитой», глава XIV — «Белоруссия в период разделов Речи Посполитой», глава XV — «Белоруссия в первой четверти XIX в.» и глава XVI — «Разложение крепостного хозяйства и развитие капитализма во второй четверти XIX в.»

Если учесть то обстоятельство, что, как указывают авторы учебника в «Введении» к нему, «История Белоруссии — это история классовой борьбы закрепощаемого и закрепощенного белорусского народа против феодалов всех мастей: литовских, белорусских, польских и русских», причем «на известных этапах его истории эта борьба сливается с национально-освободительной борьбой украинского народа под руководством Б. Хмельницкого, а в XIX в. — с борьбой русского крестьянства и

пролетариата против гнета помещиков и капиталистов», — то значение этой работы для понимания творческого облика Владимира Ивановича, посвятившего много лет изучению судеб белорусского крестьянства, национально-освободительной борьбы украинского и белорусского народов и аграрной политики господствующих классов Речи Посполитой и русского царизма, станет совершенно очевидным. Работа была полностью завершена еще накануне Отечественной войны.

«История Литвы с древнейших времен до наших дней» была задумана Владимиром Ивановичем в качестве учебного пособия и выполнена до конца им самим. Общий объем ее около 15 печ. листов.

Важно отметить, что «История Литвы с древнейших времен» — первый опыт написания общего курса по истории Литвы на основе марксистско-ленинской методологии. Центральной и наиболее полной частью этой работы В. И. Пичета является та часть, которая посвящена истории великого княжества Литовского XV—XVIII вв. и истории литовского народа первой половины XIX в., т. е. тому времени, которым больше всего занимался покойный.

Много места уделено в этой части анализу положения литовского и белорусского крестьянства, анализу тех сложных процессов, которые происходили в аграрном строе Литвы на протяжении XV—XVIII вв. и которые вели к неуклонному росту барщины, обезземеливанию и все большему закреплению отдельных групп крестьянства. С неменьшим вниманием прослеживает здесь Владимир Иванович и историю литовско-белорусского города, в слабости и замкнутости городского сословия он видит одну из основных причин слабости центральной великокняжеской власти. Чрезвычайно интересны, наконец, те страницы работы, которые посвящены истории внутриклассовой борьбы среди феодалов в великом княжестве Литовском и которые выясняют социально-экономические корни постоянного преобладания в стране можновладства, причины такого характерного для Речи Посполитой явления, как литовский сепаратизм.

Характер более беглого обзора литовской истории носят те части работы, которые посвящены периодам X—XIV вв. и XIX—XX вв. Однако и здесь автор ставит ряд принципиальных вопросов, подчеркивая тот факт, что объединению многочисленных литовских племен в единое государство в весьма значительной мере способствовало наличие военной угрозы со стороны Ливонского и Тевтонского орденов и что Литва, подобно Киевской Руси, Польше и другим странам, миновала в своем историческом развитии рабовладение как социально-экономическую формацию. Формирование литовского феодализма, рост крестьянской зависимости — такова основная тема этой первой части работы.

Страницы работы, касающиеся истории XIX в., посвящены главным образом вопросам аграрного и промышленного развития Литвы. Много места уделено здесь вопросам истории культуры, национально-освободительных движений и русской политике. Несомненно, большой интерес представит тот раздел работы, в котором трактуются проблемы складывания литовской нации. Заканчивается работа кратким обзором событий 1918—1940 гг., включая установление советской власти в Литовской республике и вступление ее в состав СССР.

«История Литвы с древнейших времен» написана Владимиром Ивановичем в 1944 или в 1945 г. Однако в свое время она не была отредактирована и выправлена автором.

В заключение этого краткого обзора рукописей Владимира Ивановича по истории Литвы и Белоруссии нам хотелось бы остановиться в нескольких словах еще на последней работе покойного, посвященной проблеме белорусского поместья XVI в. Согласно замыслу автора, работа эта должна была явиться в известном смысле продолжением его монументальной монографии об аграрной реформе Сигизмунда-Августа. О продолжении ее Владимир Иванович, как указывалось, думал уже давно, свидетельством чему могут служить сохранившиеся в его бумагах черновики работ, носящие название «Аграрная реформа в действии». К сожалению, Владимиру Ивановичу так и не удалось окончить ее. Неоконченной осталась и работа о белорусском поместье. Однако некоторые разделы этого исследования, во всяком случае раздел, касающийся бенефициального землевладения, находится сейчас в таком состоянии, что, как указывал, между прочим, и сам Владимир Иванович, в одном из своих писем (к Похилевичу), издание его отдельной статьей не составит больших затруднений.

Другая, тоже очень большая группа рукописей Владимира Ивановича посвящена истории Польши. Только ознакомившись с ними, можно полностью представить себе все то многообразие и тот огромный объем вопросов, над которыми работал Владимир Иванович в последние годы своей жизни. Главным объектом его исследований была тема русско-польских отношений в широком смысле слова, включая проблемы политики царизма по отношению к польскому землевладению на белорусских и украинских землях, присоединенных к России в результате разделов Речи Посполитой, а также международный аспект польско-русских отношений конца XVIII — начала XIX вв. Одной из первых работ по истории Польши, написанной Владимиром Ивановичем задолго до Отечественной войны, является небольшое, объемом около 4 печ. листов, исследование — «Россия и Пруссия в эпоху польского восстания 1830—1831 гг.». Работа написана на основе большого количества архивных источников из ленинградских фондов архива Министерства иностранных дел и обрисовывает не только политический курс Пруссии, поставившей себя целиком на службу николаевскому правительству, но и дипломатическую акцию польского национального правительства.

Вскоре после этой работы было написано исследование — «Восстание Костюшко 1794 г.». Владимир Иванович ставил своей задачей не только проследить ход восстания, но и выяснить его движущие силы, состав его руководства и причины поражения. Исследование этих вопросов привело его к необходимости сосредоточить внимание на неизученной в польской литературе проблеме участия в восстании крестьянства и городских плебейских масс. Именно отказ шляхетских и буржуазных руководителей движения от удовлетворения крестьянских требований, отказ от широкого привлечения к борьбе масс крестьянства и плебейства и явился, по мнению Владимира Ивановича, причиной слабости движения и его поражения. Много места отводится в работе таким важным вопросам, как вопросы военных сил и финансов восстания. Совершенно по-новому дается анализ событий, вызванных восстанием на Литве, где среди шляхты попрежнему сильны были сепаратистские тенденции, толкнувшие ее на выступление против соответствующего параграфа в конституции 3 мая о полном слиянии Короны и Великого Княжества в единое государство и осложнившие положение дел в лагере восставших. В основу работы

положено изучение «Следственного дела Костюшко», публикацию которого рассчитывал предпринять Владимир Иванович. Впоследствии Владимир Иванович, очевидно, не возвращался к этой своей работе и не успел полностью подготовить ее к печати. Объем работы около 6 печ. листов.

Самой крупной работой, предпринятой Владимиром Ивановичем в плане изучения польско-русских отношений, является исследование «Польский вопрос в международном отношении в 1795—1848 гг.». К сожалению, Владимиру Ивановичу, много работавшему над ним в 1945 и 1946 гг., не удалось довести его до конца. Пока найдена лишь часть исследования, которая посвящена изучению польского вопроса в промежуток времени между 1795 и 1831 гг. Она составляет довольно объемистую папку рукописей размером до 25 печ. листов. Рукопись эта дает подробный обзор русско-польских отношений на широком международном фоне. Детальному анализу были подвергнуты польско-французские отношения в период 1795—1812 гг.; результаты анализа отчетливо выясняют корыстный по отношению к польскому национально-освободительному движению характер политики наполеоновского правительства. В следующих разделах исследования автор останавливается на судьбе польского вопроса на Венском конгрессе и после него. Последние, найденные нами, части исследования посвящены тому сложному клубку международных противоречий, который завязался вокруг польского вопроса в период польского восстания 1830—1831 гг. Здесь вскрывается та тесная связь, которая существовала между польской «консервативной» революцией и событиями в Западной Европе.

Тема русско-польских отношений не была, разумеется, единственной темой, занимавшей Владимира Ивановича. В подтверждение сошлемся, например, на сохранившуюся среди его бумаг работу о польском средневековом цехе и об аграрной политике польского правительства в Западной Белоруссии накануне сентябрьской катастрофы 1939 г.

Трехтомная «История Польши» должна была подвести итоги многолетним исследованиям Владимира Ивановича в области истории польского народа. Владимиру Ивановичу не удалось, однако, закончить этой работы, целью которой было создать стоящий на уровне современной советской науки полный курс истории Польши, дать новую периодизацию польской истории и вскрыть на основе марксистско-ленинской методологии основные черты польского исторического процесса. Вчерне закончен лишь первый том «Истории Польши», доведенной Владимиром Ивановичем до 1795 г. Первому тому должен был предшествовать довольно подробный обзор русской и польской историографии, над которым работал Владимир Иванович последнее время и который остался неоконченным, обрываясь на изложении исторических взглядов так называемой «краковской школы». До сих пор не найден и отмеченный в составленном Владимиром Ивановичем плане «Истории Польши» раздел, посвященный обоснованию принятой им периодизации истории Польши. Помимо того, в работе отсутствует раздел, который должен быть посвящен истории реформации в Польше. Владимир Иванович неоднократно говорил о необходимости дополнить им свою работу, однако, повидимому, не успел сделать этого. Во всяком случае, рукопись этого раздела пока еще не найдена среди его бумаг.

В меньшей степени автору удалось осуществить свой план работы над подготовкой второго тома «Истории Польши». За очень небольшими исключениями обнаружены все черновики, относящиеся к этому тому. Со-

гласно плану Владимира Ивановича, изложение событий польской истории должно было быть доведено в нем до 1863 г. Наиболее значительное место в работе занимает анализ промышленного и аграрного развития Польши и польского национально-освободительного движения. Пробелы в изложении, с которыми нам пришлось столкнуться, относятся как раз к тем главам, в которых идет речь о национально-освободительном движении и политической жизни польского общества после восстания 1830—31 гг. Что касается третьего тома, то работа над ним была только начата Владимиром Ивановичем; в его бумагах сохранились лишь черновики нескольких параграфов. Общий объем первого тома работы достигает 50 печ. листов, второго — свыше 35.

В заключение этой части нашего обзора назовем последнюю крупную работу Владимира Ивановича по истории Польши — «Источники польской истории». Объем ее около 15 печ. листов. «Источники польской истории» дают довольно полный обзор польских, русских, немецких и других иностранных источников по крупным периодам польской истории, например: источники по истории образования польского государства; источники по истории феодальной раздробленности и т. д. Работе предшествует введение, в котором дается характеристика разных видов источников с указанием их основных изданий. Последний раздел работы посвящен источникам по истории периода упадка и разделов Речи Посполитой. Окончательно работа была закончена еще в 1945 г., но к подготовке ее к печати Владимир Иванович приступил лишь в 1947 г., успев отредактировать довольно значительную ее часть.

Третью группу работ Владимира Ивановича, оставшихся в рукописи, представляют несколько небольших исследований по разным вопросам истории славянских народов. Укажем важнейшие из них. Это «История Чехии в чешской историографии с древнейших времен и до наших дней» (2 печ. л.), «Юрий Крижанич. Историографический обзор» (1,5—2 печ. л.), «Новейшая литература о Юлийской Крайне и Триесте» (1 печ. л.). Самой крупной работой из этой группы рукописей Владимира Ивановича является исследование «Белорусский народ в семье славянских народов» (4 печ. л.), излагающее основные этапы истории белорусской культуры на широком славянском культурно-историческом фоне.

Наряду с проблемами истории Польши, Литвы, Белоруссии и Украины, в последние два года жизни Владимира Ивановича очень большое место в его научных интересах и в его научном творчестве занимали проблемы истории южных славян, особенно история Югославии. Свидетельством этого интереса остались два небольших наброска по истории Югославии 1918—1923 и 1918—1939 гг.

Четвертую группу рукописей Владимира Ивановича составляют рукописи его многочисленных отзывов и рецензий на книги и диссертации, свидетельствующие о той большой научно-организационной работе, которую проводил покойный не только в области советского славяноведения, но и в области изучения истории Литвы, Белоруссии и особенно в области изучения истории Украины. К сожалению, сохранившиеся материалы этой группы рукописей характеризуют лишь последний период деятельности покойного.

К пятой группе относятся стенограммы лекций Владимира Ивановича по истории западных и южных славян и стенограммы его многочисленных докладов.

Наконец, шестая и последняя группа рукописей — это многочисленные, копии, снятые покойным в разных архивных хранилищах с документов, представляющих большой научный интерес. Среди них укажем на довольно большое количество копий с материалов, относящихся к восстанию Костюшко и к польскому восстанию 1830—1831 гг., и многочисленные выписки из иностранной периодической прессы, которые Владимир Иванович думал использовать при продолжении работы над своей «Историей Польши».

Сказанным, разумеется, не исчерпывается все содержание архива В. И. Пичета. Необходимо подчеркнуть, что в дальнейшем список рукописей возможно значительно увеличится, поскольку разбор рукописного наследства Владимира Ивановича еще не закончен.

Очевидно, необходимо продолжить работу по разбору и классификации рукописей. Классификацию их предполагается произвести по следующим крупным разделам: 1) Украина, Литва и Белоруссия, 2) Россия и общие работы по истории СССР, 3) Польша, 4) остальные западные и южные славяне, 5) рецензии и отзывы, 6) стенограммы докладов и лекций, 7) отчеты и другие бумаги Владимира Ивановича. Восьмой отдел составят копии и выписки из архивных и других материалов, хранящиеся в архиве Владимира Ивановича.

Обработанный таким образом архив академика В. И. Пичета будет передан на хранение в рукописный отдел библиотеки Института славяноведения АН СССР или в Архив АН СССР и явится прекрасным материалом не только для будущего биографа Владимира Ивановича, но и богатым источником сведений для исследователя, посвятившего себя изучению истории Литвы, Белоруссии, Украины и истории других славянских народов. И может быть не одна смелая мысль, не одна блестящая гипотеза сверкнет в мозгу молодого специалиста, погружившегося в изучение рукописей Владимира Ивановича, может быть знакомство с ними значительно расширит его исторические горизонты и натолкнет его на новые, не разработанные еще темы.

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ В. И. ПИЧЕТА¹

1904

1. Падение крепостного права в России. (Доложено в обыкновенном собрании 17 апреля 1904 г.). Екатеринослав, 1904, 50 с. Литература с. 50. (Екатеринославское научное об-во, год 4-й, вып. 1).
2. Внеклассное чтение в Екатеринославском коммерческом училище. [Организация внеклассного чтения учащихся]. Екатеринослав, тип. Петкина и Синайского, 1904, 9 с. (Екатеринославское коммерческое училище ведомства Министерства финансов, 8).
3. Записка Юрия Крижанича о Малороссии. — В кн. Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии. Изд. под ред. А. Синявского. Год 1-й. Екатеринослав, тип. Губ. зем., 1904, с. 1—17.
4. К столетию Императорского общества истории и древностей российских. — Там же, с. 44—53.
5. Несколько слов о состоянии Архива Екатеринославского нижнего земского суда. — Там же, с. 54—61.
6. Несколько слов об учительских семинариях. — «Вестн. Екатериносл. зем.», 1904, № 14—15, с. 425—430.
7. Из Екатеринославской старины. [Винокурение в Екатеринославском уезде в 1762 г.]. — «Вестн. Екатериносл. зем.», 1904, № 40, с. 1186—1187.
8. Памяти Сергея Михайловича Соловьева. — «Вестн. Екатериносл. зем.», 1904, № 44, с. 1299—1304.
9. Социальный и женский вопрос в произведениях Жорж-Санд. — «Вестн. Екатериносл. зем.», 1904, № 49, с. 1473—1480; № 50, с. 1508—1513.

1905

10. Из Екатеринославской старины. [Краткий обзор документов Архива Екатеринославского нижнего земского суда, относящихся к первым годам XIX столетия (до 1807 г.)]. — В кн. Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии. Изд. под ред. А. Синявского. Год 2-й. Ч. I. Екатеринослав, тип. Барановского, 1905, с. 13—21, 2-й пагинации.
11. Из Екатеринославской старины. Архив Екатеринославского нижнего земского суда. — Там же, с. 22—29, 2-й пагинации.
12. Политико-экономические взгляды Юрия Крижанича в связи с состоянием Московского государства во второй половине XVII века. — Там же, с. 47—68, 2-й пагинации.
13. Дело о попе Феодоре Чепельовском. (Из связки секретных дел, хранящихся в архиве Екатеринославского губернского правления). — Там же, с. 69—71, 2-й пагинации.

1906

14. Очерки русской истории. М., «Помьза», [1906], 248 с., рис. [Совместно с Е. И. Вишняковым].

¹ Составлена Н. М. Асафовой и А. П. Пичета.

1907

15. *Рец.*: Царевичество 11 марта 1801 г. Записки участников и современников. СПб., Суворин, 1907, XLVIII, 375 с. — «Крит. обзор.», 1907, в. 2, с. 52—54.
16. *Рец.*: К о р ф, С. А. Дворянство и его сословное управление за сто лет. 1762—1855. СПб., 1906, 707 с. — Там же, с. 54—55.

1908

17. Очерки русской истории. М., «Польза», 1908, 268 с., рис. [Совместно с Е.И. Вишняковым].
18. *Рец.*: Переворот 1762 г. Сочинения и переписка участников и современников. М., 1908, 158 с. — «Крит. обзор.», 1908, в. 2, с. 48—50.
19. *Рец.*: К о в а л е в с к и й, М. Очерки по истории политических учреждений России. Пер. А. Баумштейна. СПб., Глаголев, 1908, 242 с. — «Крит. обзор.», 1908, в. 3, с. 43—46.
20. *Рец.*: П и с а р е в с к и й, Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII веке. М., 1909. — «Крит. обзор.», 1908, в. 8, с. 46—50.

1909

21. Внешняя политика и рост территории Московского государства в XVI веке. — В кн. Москва в ее прошлом и настоящем. Ч. I, вып. 2. М., «Образование», [1909], с. 5—21.
22. Литовско-польские унии и отношение к ним литовско-русской шляхты. — В кн.: Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете (5/XII 1879—5/XII 1909 года). М., «Печатня Яковлева», 1909, с. 605—631.

1910

23. Смутное время и его следствия. — В кн. Книга для чтения по истории нового времени. Т. I. М. Изд. Сытина и Залесской. 1910, с. 439—474.
24. Образование территории Московского государства. — В кн. Русская история в очерках и статьях. Составлена при участии профессоров и преподавателей под ред. М. В. Довнар-Запольского. Т. 2. М., Моск. уч. книгоизд., [1910], с. 81—117.
25. Литовско-Русское государство. — Там же, с. 337—439.
26. *Ред.*: Книга для чтения по истории нового времени. Т. I. М., Изд. Сытина и Залесской, 1910, 631 с. [Совместно с др.].

1911

27. Посессионные крестьяне. — В кн. Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. Т. I. М., Изд. Сытина, 1911, с. 127—146, рис.
28. Помещичьи крестьяне в Великороссии XVIII века. — В кн. Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. Т. 2. М., Изд. Сытина, 1911, с. 1—24, рис.
29. Противники крепостного права в начале XIX века. — Там же, с. 107—123, рис.
30. Помещичье хозяйство накануне реформы. — В кн. Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. Т. 3. М., Изд. Сытина, 1911, с. 105—138, рис.
31. Крестьянский вопрос и отношение к нему правительства и общества в первой четверти XIX века. — В кн. Крепостное право в России и реформа 19 февраля. М., Изд. Сытина, 1911, с. 129—159, рис.
32. Торговая и промышленная политика в России XVIII века. [До Петра I]. — В кн. Книга для чтения по истории нового времени. Т. 2. М., Изд. Сытина и Залесской, 1911, с. 600—638.
33. От Редакции. — В кн. Отечественная война и русское общество. 1812—1912. Юбилейное издание. Т. I. М., Изд. Сытина, 1911, с. III—VIII. [Совместно с А. К. Джигелевым и С. П. Мельгуновым].

34. Международная политика России в начале царствования Александра I (до 1807 г.). — Там же, с. 152—174, рис.
35. Международная политика России после Тильзита. — В кн. Отечественная война и русское общество. 1812—1912. Юбилейное издание. Т. 2. М., Изд. Сытина, 1911, с. 1—32, рис.
36. Хозяйство в России в начале XIX века. — Там же, с. 246—259, рис.
37. Домашний быт московских патриархов. — В кн. Москва в ее прошлом и настоящем. В. 4. М., «Образование», [1911], с. 107—123.
38. Быт московских царей и цариц. — В кн. Москва в ее прошлом и настоящем. В. 4—5. М., «Образование», [1911], с. 124—166.
39. Боярский быт в XVII веке. — В кн. Москва в ее прошлом и настоящем. В. 5. М., «Образование», [1911], с. 167—186.
40. Падение крепостного права. — «Новая жизнь», 1911, № 3, с. 160—188.
41. *Рец.:* Барвинский. Крестьяне в Левобережной Украине в XVII—XVIII вв. Харьков, 1910, 296 с. — «Русская мысль», 1911, кн. 3, с. 95—96. (Крит. обозрение).
42. *Рец.:* Лаппо, И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-русский совет и его сеймик. Юрьев, 1911, 624, 191 с. — «Русская мысль», 1911, кн. 6, с. 235—236. (Крит. обозрение).
43. *Ред.:* Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. Т. 1—6. М., изд. Сытина, 1911. [Совместно с А. К. Дживелеговым и С. П. Мельгуновым]. Т. 1, 260 с.; т. 2, 256 с.; т. 3., 268 с.; т. 4, 280 с.; т. 5, 310 с.; т. 6, 352 с.
44. *Ред.:* Отечественная война и русское общество. 1812—1912. Юбилейное издание. Т. 1—2. М., Изд. Сытина, 1911. [Совместно с А. К. Дживелеговым и С. П. Мельгуновым]. Т. 1, VIII, 236 с.; т. 2, 2, 272 с.
45. *Ред.:* Книга для чтения по истории нового времени. Т. 2. М., Изд. Сытина и Залесской, 1911, 750, 7 с. [Совместно с др.].
46. *Ред.:* Крепостное право в России и реформа 19 февраля. М., Изд. Сытина, 1911, 399 с. [Совместно с А. К. Дживелеговым и С. П. Мельгуновым].

1912

47. Причины Отечественной войны. Исторический очерк. М., «Польза», 1912, 80 с. (Универсальная библиотека, № 658).
48. Галицкое княжество. — Энци. сл. «Гранат», изд. 7, перераб., т. 12, 1912, стб. 367—376. Литература 7 назв.
49. Гелимин. — Энци. сл. «Гранат», изд. 7, перераб., т. 13, 1912, стб. 43—45. Литература 8 назв.
50. Гермоген, патриарх. — Энци. сл. «Гранат», изд. 7, перераб., т. 14, стб. 378—380. Литература 5 назв.
51. Польская конфедерация в 1812 году. — В кн. Отечественная война и русское общество. 1812—1912. Юбилейное издание. Т. 3. М., Изд. Сытина, 1912, с. 154—161, рис.
52. Александр I и Европа. — В кн. Отечественная война и русское общество. 1812—1912. Юбилейное издание. Т. 7. М., Изд. Сытина, 1912, с. 57—87, рис.
53. Внешняя политика в России до 1812 г. — В кн. Отечественная война и ее причины и следствия. Иллюстрированный сборник. Под ред. В. И. Пичеты. М., Изд. Сытина, 1912, с. 41—58.
54. Война 1812 г. и народное хозяйство. — В кн. Война и мир. Сборник памяти Л. Толстого под ред. В. П. Обнинского и Т. И. Полнера. М., «Задруга», 1912, с. 227—246.
55. Фритредеры и протекционисты в первой четверти XIX века. — В кн. Книга для чтения по истории нового времени. Т. 3. М., Изд. Сытина и Залесской, 1912, с. 620—651.
56. Внешняя политика России при царе Алексее Михайловиче. — В кн. Три века. Россия от смуты до нашего времени. Т. 2. М., Изд. Сытина, 1912, с. 94—125, рис.
57. Исторические взгляды и методологические приемы В. О. Ключевского. — «Изв. Об-ва слав. культ.», 1912, т. 1, кн. 1, с. 13—29.
58. Патриарх Гермоген. — «Изв. Об-ва слав. культ.», 1912, т. 1, кн. 2, с. 15—23.
59. Патриарх Гермоген и его деятельность. — «Русские ведомости», 1912, 17/II, № 39.
60. Borodino. — Russian Review, London, 1912, v. 1, № 4, p. 38—46.

61. *Ред.*: Отечественная война и русское общество. 1812—1912. Юбилейное издание. Т. 3—7. М., Изд. Сытина, 1912. [Совместно с А. К. Дживелеговым и С. П. Мельгуновым]. Т. 3, 230 с.; т. 4, 270 с.; т. 5, 238 с.; т. 6, 210 с.; т. 7, 334 с.
62. *Ред.*: Книга для чтения по истории нового времени. Т. 3. М., Изд. Сытина и Залесской, 1912, 11, 796 с. [Совместно с др.].
63. *Ред.*: Отечественная война и ее причины и следствия. Иллюстрированный сборник. Изд. М., Сытина, 1914, 264 с.
64. *Ред.*: Нейман, Л. Что было в России сто лет тому назад. М., Изд. Сытина, 1912, 103 с. [Совместно с В. Н. Бочкаревым].

1913

65. Смутное время в Московском государстве. Причины, ход и следствие смуты. Исторический очерк. М., «Польза», 1913, 178 с. (Универсальная библиотека, № 670—671).
66. Даниил Романович князь Галицкий. — Энци. сл. «Гранат», изд. 7, т. 17, [1913], стб. 568—570. Литература 3 назв.
67. Реформа армии и флота при Петре Великом. — В кн. Три века. Россия от смуты до нашего времени. Т. 4. М., Изд. Сытина, 1913, с. 34—42, рис.
68. Финансовая и экономическая политика Петра и государственное хозяйство России конца XVII и начала XVIII века. — Там же, с. 43—61, рис.
69. Внешняя политика Екатерины II. — В кн. Три века. Россия от смуты до нашего времени. Т. 5. М., Изд. Сытина, 1913, с. 47—69, рис.
70. Внешняя политика Павла I. — Там же, с. 105—114, рис.
71. Финансы в царствование Александра I. — Там же, с. 228—235, рис.
72. Земские учреждения 1864 года. — В кн. Три века. Россия от смуты до нашего времени. Т. 6. М., Изд. Сытина, 1913, с. 155—162, рис.
73. Городская реформа 1870 года. — Там же, с. 173—179, рис.
74. Московское государство во второй половине XVI века. — В кн. Смутное время в Московском государстве. Сборник статей. М., «Задруга», 1913, с. 3—44, рис.
75. Смута и ее отражение в трудах историков. — «Голос минувшего», 1913, № 2, с. 5—39.
76. Польша и Франция в конце XVIII в. — Там же, с. 276—277.
77. Вел. кн. Константин Павлович и княжна Елена Любомирская. — «Голос минувшего», 1913, № 7, с. 237—238.
78. *Рец.*: Вальдеберг. Государственные идеи Крижанича. СПб., 1912. — «Голос минувшего», 1913, № 1, с. 198—200.
79. *Рец.*: Платонов, С. Ф. Статьи по русской истории (1883—1912). СПб., 1912. — Там же, с. 200—201.
80. *Рец.*: Русская история в очерках и статьях. Под ред. проф. М. В. Довнар-Запольского. Т. 3. Киев, 1913. — «Голос минувшего», 1913, № 2, с. 256.
81. *Рец.*: Энциклопедический словарь т-ва «Гранат» Т. 13, 14, 15. — Там же, с. 264—265.
82. *Рец.*: Клепатский, П. Г. Очерки по истории Киевской земли. Т. 1. Одесса. 1912, XVIII, 595 с. — «Голос минувшего», 1913, № 5, с. 263—264.
83. *Рец.*: Вел. кн. Николай Михайлович. Письма высочайших особ графине А. С. Протасовой. СПб., 1913. — «Голос минувшего», 1913, № 10, с. 287—288.
84. *Рец.*: Пирлинг, П. Исторические статьи и заметки. СПб., 1912, 189 с. — «Голос минувшего», 1913, № 11, с. 260—261.
85. *Ред.*: Книга для чтения по истории нового времени. Т. 4, ч. 1. (История Западной Европы). М., Изд. Сытина и Залесской, 1913, 746 с. [Совместно с др.].
86. *Ред.*: Смутное время в Московском государстве. Сборник статей. М., «Задруга», 1913, 286 с. [Совместно с В. Н. Бочкаревым и Ю. В. Готье].

1914

87. Исторический очерк славянства. М., Изд. кн. маг. «Вестн. мануф. пром.», 1914, 167 с. (Славянская библиотека, № 1).
88. Крестьяне в России [до XVIII в.]. — Энци. сл. «Гранат», изд. 7, перераб., т. 25, 1914, стб. 441—463.
89. Помещичье хозяйство и быт крестьян накануне реформы. — В кн. Книга для чтения по истории нового времени. Т. 4, ч. 2. Славянство в начале XIX в. и Россия

в царствование императора Николая I. М., Изд. Сытина и Залесской, 1914, с. 138—170. Литература с. 138.

90. Юрий Крижанич. — В кн. Юрий Крижанич. Экономические и политические его взгляды. СПб., тип. «Энергия», 1914, с. 1—16. (Культ.-ист. библиотека под ред. Ист. ком. Уч. отд. Об-ва распротр. техн. зн.).

91. От составителя. — Здесь же, с. 1.

92. «Неволя» в творчестве Т. Г. Шевченко. — «Укр. жизнь», 1914, № 2, с. 24—31.

93. Новые материалы и работы по истории Украины. — «Укр. жизнь», 1914, № 4, с. 106—108.

94. Новые труды польских историков по истории Украины. — «Укр. жизнь», 1914, № 5—6, с. 98—103.

95. *Рец.*: Грушевський, М. Історія України Русі, т. 8, ч. 1. Київ-Львів, 1913. — «Научн. ист. ж.», 1914, т. 2, в. 2, № 4, с. 122—124.

То же. — «Укр. жизнь», 1914, № 3, с. 128—130.

96. *Рец.*: Iwaszkiewicz, I. Litwa w roku 1812. Warszawa. 1912. — [Литва в 1812 году]. — «Научн. ист. ж.», 1914, т. 2, в. 2, № 4, с. 124—127.

97. *Рец.*: Козловский, И. П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. Т. 1—2. (Исследование и приложение к исследованию). Варшава, 1914. — «Голос минувшего», 1914, № 5, с. 268—270.

98. *Рец.*: Сиротинин, А. Россия и славяне. СПб., 1913. — «Голос минувшего», 1914, № 11, с. 269—271.

99. *Рец.*: Державин, Н. С. Болгаро-сербские взаимоотношения и македонский вопрос. — Там же, с. 271—274.

100. *Ред.*: Книга для чтения по истории нового времени. Т. 4, ч. 2. Славянство в начале XIX в. и Россия в царствование императора Николая I. М., Изд. Сытина и Залесской, 1914, 386 с. [Совместно с др.].

1915

101. История России 18 века. Конспект лекций, читанных на Высших женских курсах В. А. Полторацкой в академическом 1914/15 году. М., б. и., 1915, 189 с. Литогр. изд.

102. Драма болгарского народа. Борьба за национальное объединение Болгарии. М., «Общее дело», [1915], VI, 28 с. (Мир и война. Библиотека общедоступных очерков, посвященных войне 1914 г., в. 3).

103. Исторические судьбы Сербии. — «Экскурсионный вестник», 1915, кн. 4, с. 3—33.

104. Юрий Крижанич о политике Москвы по отношению к Украине в XVII веке. — «Укр. жизнь», 1915, № 3—4, с. 169—170.

105. Федор Салтыков, современник Петра о политике России по отношению к Малороссии. — «Укр. жизнь», 1915, № 8—9, с. 101—104.

106. Наказы украинских городов в 1767 году. Города Малороссийской губернии. — «Укр. жизнь», 1915, № 10, с. 43—54; № 11—12, с. 77—100.

107. Письма М. Г. Черняева и П. А. Кулаковского к И. С. Аксакову о Сербии в 1880—1882 гг. Предисловие. — «Голос минувшего», 1915, № 9, с. 232—235.

108. *Рец.*: Uebersberger, Russlands Orient Politik in den letzten zwei Jahrhunderten. Bd. I. Stuttgart. 1913. [Восточная политика России в последние два столетия]. — «Голос минувшего», 1915, № 12, с. 275—277.

109. *Рец.*: Сборник императорского Исторического общества. Т. 144. СПб., 1914. — «Укр. жизнь», 1915, № 2, с. 99—100.

110. *Рец.*: Красовский, А. Борьба против унии в Западной России и единство русского народа в 1648—1668. Историческое исследование. Витебск, 1914. — Там же, с. 100—102.

111. *Рец.*: Василенко, Н. П. Очерки по истории Западной Руси и Украины. Киев. 1916. — «Укр. жизнь», 1915, № 11—12, с. 160—162.

112. *Рец.*: Багалей, Д. И. Русская история. Т. I. Княжеская Русь до Ивана III. М., 1914. — В кн. Український науковий збірник. М., Укр. Наук. тов. у Києві, 1915, с. 98—101.

113. *Ред.*: Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1 января 1864 г. с последующими изменениями и дополнениями по изданию 1886 г. Сергиев Посад, тип. Иванова, 1915, 64, 12 с. [Совместно с А. И. Яковлевым].

114. *Ред.*: Глубовский, Б. Проклятый вопрос России. (Восточный вопрос). М., «Общее дело», 1914/15, 20 с.

1916

115. Причины Отечественной войны. Исторический очерк. Изд. 2. М., «Польза», [1916], 80 с. (Универсальная библиотека, № 658).
116. Верховный тайный совет и малороссийские дела. — «Укр. жизнь», 1916, № 3, с. 32—53.
117. Князь А. И. Шаховской и вопрос об управлении Малороссией. — «Укр. жизнь», 1916, № 10—11, с. 43—47.
118. Василий Иванович Семевский (Некролог). — «Ист. изв.», 1916, № 2, с. 192—197.
119. *Recz.*: Ламанский, В. И. Славянское житие Св. Кирилла, как религиозно-эпическое произведение. — «Ист. изв.», 1917, № 1, с. 105—107.
120. *Recz.*: K o l a n k o w s k i, L. Zygmunt August, wielki książę Litwy po roku 1548. Lwów, 1914 — [Сигизмунд Август, великий князь Литовский, после 1548 года]. — Там же, с. 107—109.
121. *Recz.*: Everley, Ld. The partitions of Poland. Edit. 2. London, 1915. — [Разделы Польши]. — «Ист. изв.», 1916, № 2, с. 107—110.
122. *Recz.*: Гешов, И. Е. Балканский союз. Воспоминания и документы. Пг., 1915. — «Голос минувшего», 1916, № 3, с. 276—278.
123. *Recz.*: Materiały do sprawy polskiej. Królestwo Polskie. Dokumenty historyczne dotyczące prawno-politycznego stosunku Królestwa Polskiego do Cesarstwa Rosyjskiego. Wyd. Radziwiłł i Winiarski. Warszawa, 1915. [Материалы по польскому вопросу. Королевство Польское. Исторические документы, касающиеся правовых и политических отношений Королевства Польского к Российской империи]. — «Голос минувшего», 1916, № 4, с. 249—250.
124. *Recz.*: Погодин, А. Л. 1) Краткий очерк истории славян. М., 1915. 2) Славянский мир. М., 1915. — «Голос минувшего», 1916, № 10, с. 207—208.
125. *Recz.*: Розенфельд, И. Б. Присоединение Малороссии к России (1654—1793). Историко-юридический очерк. Пг., 1915. — «Укр. жизнь», 1916, № 3, с. 98—100.
126. *Recz.*: Альбовский. Харьковские казаки. СПб., 1914. — В кн. Украинський науковий збірник. В. 2. М., Вид. Укр. наук. тов. у Києві, 1916, с. 121—123.
127. *Recz.*: Готье, Ю. В. Очерки истории землевладения в России. Сергиев Посад, 1915. — Там же, с. 124—127.
128. *Recz.*: Литература по русской истории. Библиографический обзор. — «Ист. изв.», 1916, № 1, с. 118—169; № 2, с. 131—173; № 3—4, с. 236—276. [Совместно с Ю. В. Готье].

1917

129. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. Ч. 1—2. М., Синод. тип., 1917.
- Ч. 1. Подготовка и производство реформы. VIII, 330 с.
- Ч. 2. Отношение литовско-русского общества к аграрной реформе и правительственная деятельность в эпоху реформы. II, 302, II с.
130. История Московского государства. Курс лекций, читанных на Высших женских курсах В. А. Полторацкой в 1916/17 академическом году. М., Об-во Высш. женских курсов, 1917, 76 с. На правах рукописи.
131. Первые русские социалисты. М., «Универсальная библиотека», [1917], 31 с. (Народная библиотека, серия ист., № 107).
132. Сербия. Пг.—М., «Задруга», 1917, 14 с. (Свобода и братство народов, № 7).
133. Прилученне України до Москви в Московській історичній літературі. Київ, «Шлях», 1917, 15 с.
- То же. — «Шлях», 1917, № 5-6, с. 89—101.
134. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа и литовско-русская шляхта. — В кн. Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., тип. Брукера, 1917, с. 542—594.
135. Украина и московское самодержавие. — «Укр. жизнь», 1917, № 3-6, с. 65—83.
136. Диспут А. И. Яковлева. — «Ист. изв.», 1917, № 1, с. 208—213.
137. Письмо в редакцию [по поводу рецензии С. П. Мельгунова на два первых №№ журнала «Исторические известия»]. — «Голос минувшего», 1917, № 2, с. 315—317. [Совместно с Ю. Готье].
138. *Recz.*: Литература по русской истории. Библиографический обзор. — «Ист. изв.», 1917, № 1, с. 145—191; № 2, с. 178—200. [Совместно с Ю. В. Готье].

1920

139. Ранняя история белорусского племени. — В кн. Курс белоруссоведения. Лекции, читанные в Белорусском народном университете летом 1918 года. М., друк. Яроцкого, [1920], с. 1—86. Литература 63 назв.

1921

140. История Литовского государства до Люблинской унии. Вильно, «Литва», 1921, 76 с. Литература с. 75.

141. Помещичий экономический наказ 1819 г. — В кн. Сборник материалов и статей. Ред. журн. «Исторический архив». М., Гос. изд., 1921, с. 21—38.

142. Новейшая история Белоруссии в зарубежной историко-политической литературе. — «Вестн. Нар. ком. проsv. ССРБ», 1921, № 1, (октябрь), с. 29—32.

143. Новые работы по истории Белоруссии. — «Вестн. Нар. ком. проsv. ССРБ», 1921, № 2, (ноябрь), с. 18—24.

144. *Рец.*: Smoleński, W. Dzieje narodu polskiego. Wyd. 5. Warszawa-Kraków, 1919, 596 s. [История польского народа]. — «Печ. и рев.», 1921, кн. 2, с. 141.

145. *Рец.*: Kutrzeba, St. Historia ustroju Polski w zarysie. Po rozbiorach. Lwów, 1917, t. 3, 335 s. — [Очерк истории общественно-государственного строя Польши. Эпоха после разделов]. — Там же, с. 141.

146. *Рец.*: Handelsman, M. Napoleon a Polska. Warszawa, 162 s. [Наполеон и Польша]. — Там же, с. 142.

147. *Рец.*: Philipps, W. A. Poland. London, 1917, 250 p. [Польша]. — Там же, с. 142—143.

148. *Рец.*: Kutrzeba, St. Historia ustroju Polski w zarysie. Litwa. Lwów, 1914, 240 s. [Очерк истории общественно-государственного строя Польши. Литва]. — Там же, с. 143.

149. *Рец.*: Jäger, W. Weissruthenien. Land. Bewohner. Geschichte. Volkswirtschaft. Kultur. Dichtung. Berlin, 1919, 140 S. Abb., Kart. [Белоруссия. Страна. Жители. История. Народное хозяйство. Культура. Поэзия]. — Там же, с. 175.

150. *Рец.*: Das Litauen Buch. Eine Auslese der Zeitung der 10 Armee. 1918, 195, 47 S. [Литовская книга. Выдержки из газеты 10 армии]. — Там же, с. 175.

151. *Рец.*: Ukraina. Berlin, Lanz, 1918, 94 S. [Украина]. — Там же, с. 175—176.

152. *Рец.*: Radziśzewski. Polska idea ekonomiczna. Warszawa. 1918, 124 S. [Польская экономическая идея]. — «Печ. и рев.», 1921, кн. 3, с. 185—186.

153. *Рец.*: Diveky, A. Węgrzy a polacy w XIX stuleciu. Warszawa—Kraków. 1918, 208 s. [Венгры и поляки в XIX столетии]. — Там же, с. 195—196.

1922

154. Введение в русскую историю. (Источники и историография). М., Гос. изд., 1922, 205 с.

155. История народного хозяйства в России XIX—XX вв. Начало индустриализации и разложение крепостного хозяйства. М., «Русск. книжник», 1922, 127 с., Литература 47 назв.

156. История крестьянских волнений в России. Минск, «Белтрестпечатъ», 1922, 157 с.

157. Сербия. Экономическая история. — Энци. сл. «Гранат», изд. 7, перераб., т. 38, 1922, стб. 349—362.

158. Волочная устава королевы Боны и устава о волоках. — «Тр. Бел. гос. ун-та», 1922, № 1, с. 147—164.

159. Наказ старостам и державцам и волочная устава. — «Тр. Бел. гос. ун-та», 1922, № 2—3, с. 229—245.

160. Проверка прав на землю во владениях королевы Боны. — В кн. Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову 1882—XL—1922. Пг., «Огни», 1922, с. 83—90.

161. Новые работы по истории Белоруссии. — «Вестн. Нар. ком. проsv. [ССРБ]», 1922, № 1 (3), с. 15—18; № 2 (4), с. 10—13; № 3-4 (5-6), с. 34—37.

162. М. Богдановіч, як гісторык Беларускага адраджэньня. — «Вестн. Нар. ком. проsv. [ССРБ]», 1922, № 5-6 (7-8), с. 8—12.

163. Очередные вопросы белорусской историографии. — «Вестн. Нар. ком. просв. [ССРБ]», 1922, № 11-12, с. 30—32.
164. Год працы Беларускага Дзяржаўнага універсітэту. — «Сав. Беларусь», 1922, 29/X, № 240.
165. Светоч науки трудящихся. — «Звезда», 1922, 29/X, № 257.
166. Интеллигенция и Октябрьская революция. — «Звезда», 1922, 7/XI, № 264.
167. *Рец.*: Воронежский Историко-археологический вестник. 1921. В. I, 58 с. — «Кр. архив», 1922, т. I, с. 431—432.
168. *Рец.*: *M i c h a e l i s, P. Kurland und Litauen in deutscher Hand. Ber in 1918, 198 S.* [Курляндия и Литва в руках немцев]. — «Печ. и рев.», 1922, кн. I, с. 194—195.
169. *Рец.*: *T h u g u t, St. Polska i polacy. Pośé i rozszedlenie ludnosci polskiej.* [Польша и поляки. Численность и распределение польского населения]. Warszawa. 30 s. — Там же, с. 259.
170. *Рец.*: *V i d u n a s, W. St. Litauen in Vergangenheit und Gegenwart.* [Литва в прошлом и настоящем]. — Там же, с. 259—260.
171. *Рец.*: *Z i n k s c h, E. Litauen und die Litauer.* Stuttgart. 1917. 56 S. [Литва и литовцы]. — Там же, с. 260.
172. *Рец.*: *G a i g a l a t, W. Litauen. Das besetzte Gebiet, sein Volk und dessen geistige Strömungen.* Frankfurt, 1917, 179 S. [Литва. Территория. Народ и его духовное развитие]. — Там же, с. 260.
173. *Рец.*: Цв и к в и ч, А. Краткий очерк возникновения Белорусской народной республики. — «Печ. и рев.», 1922, кн. 2, с. 225.

1923

174. Введение в русскую историю. (Источники и историография). М., Кооп. изд. научн. работ., 1923, 205 с.
175. История крестьянских волнений в России. Минск, «Белтрестпечать», 1923, 159 с. Литература 50 назв.
176. История народного хозяйства в России XIX—XX вв. Начало индустриализации и разложение крепостного хозяйства. Изд. 2. М., «Русск. книжник», 1923, 128 с. Литература 48 назв.
177. Состав населения в господарских дворах и волостях Западной части Белоруссии в пореформенную эпоху. — «Тр. Бел. гос. ун-та», 1923, № 4—5, с. 82—97.
178. Завещание Николая I сыну. — «Кр. архив», 1923, т. 3, с. 291—292.
179. Письма К. П. Победоносцева к Александру III. [Вступительная статья]. — «Кр. архив», 1923, т. 4, с. 317—319.
180. Работа секции Истпарта на Конференции архивных работников. — «Арх. дело», 1923, в. I, с. 132—133.
181. А. Я. Фименко. [Некролог]. — Там же, с. 137—139.
182. Не магу маўчаць. [По поводу гонений на белорусскую интеллигенцию в Польше]. — «Сав. Беларусь», 1923, 29/IV, № 94.
183. Другі год працы Беларускага Дзяржаўнага універсітэту. — «Сав. Беларусь», 1923, 30/X, № 249.
184. *Рец.*: Описание дел Архива Министерства народного просвещения под ред. С. Ф. Платонова и А. С. Николаева. Т. I, Пг., 1917, LI, 360, XXIX, 58 с. — Там же, с. 162—163.
185. *Рец.*: С м и р н о в, М. И. Переславщина. Источники и материалы краеведения, их систематизация и обзор. В. 9. Переславль-Залесский, 1921, 77 с. — Там же, с. 163—165.
186. *Рец.*: Описание дел бывшего Архива Министерства народного просвещения. Казенные еврейские училища. Т. I. Под ред. С. Г. Лозинского со вступительной статьей С. М. Гинзбурга. Пг., 1920, 424 с. — Там же, с. 165—169.
187. *Рец.*: Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 21. Книги Литовской метрики. М., 1916, VII—XXVIII, 577 с. — Там же, с. 170—171.
188. *Рец.*: Ф р о л о в с к и й, А. В. Воля панская и воля мужицкая. Страница из истории аграрных волнений в Новороссии. 1821—1863. Одесса, 1922, 76 с. — «Печ. и рев.», 1923, кн. 2, с. 173.
189. *Рец.*: Я н ч у к, Н. А. Нарысы па гісторыі беларускае літаратуры. Старавыя парогад. Менск, 1922, 118 с. — «Печ. и рев.», 1923, кн. 4, с. 258.
190. *Рец.*: К а р с к и й, Е. Ф. Белоруссы. Т. 3. Пг., 1921, 246, VI с. — «Печ. и рев.», 1923, кн. 5, с. 273—274.

191. *Рец.*: Геддон, А. Переселение народов. Пер. с англ. Э. К. Пименовой. Под ред. и со вступительной статьей В. А. Егорова. Пг., 154, V с. — «Печ. и рев.», 1923, кн. 6, с. 161—162.

1924

192. Гісторыя Беларусі. Ч. I. М.—Л., Дзярж. выд., 1924, 134 с.
 193. Белорусский язык, как фактор национальной культуры. Минск, «Белтрест-печать», 1924, 23 с.
 194. Клясавыя супярэчасці ў Беларусі напярэдадні рэвалюцыі. — В кн. Беларусь. Нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і рэвалюцыйнага руху. Менск, Цэнтр. выканаўч. кам. БССР, 1924, с. 78—99, табл.
 195. Формы нацыянальнага і опазыцыйнага руху на Беларусі. — «Полымя», 1924, № 2, с. 142—162.
 196. Студенчество и краеведение. — «Голос пролет. студ.», 1924, № 1, с. 20—21.
 197. Чарговыя заданні архіўнай справы на Беларусі. — «Сав. Беларусь», 1924, 31/I, № 24.
 198. Прамова [на VI Чрезвычайном всебелорусском съезде советов]. — «Сав. Беларусь», 1924, 15/III, № 61.
 199. На порозе чацьвертага году [существования Белорусск. гос. ун-та]. — «Сав. Беларусь», 1924, 30/X, № 252.
 200. *Рец.*: Арский, Р. Крестьянский вопрос в Польше. М., 1923, 66 с. — «Печ. и рев.», 1924, кн. 4, с. 211—212.
 201. *Рец.*: Тхоржевский, С. И. Народные волнения при первых Романовых. Пг., 1924, 222 с. — Там же, с. 218—219.
 202. *Ред.*: Аграрный вопрос в Совете министров (1906 г.). М.—Л., Гос. изд., 1924, 177 с.
 203. От редакции. — Здесь же, с. 3—6.

1925

204. Довнар-Запольский, Митрофан Викторович. — Энци. сл. «Гранат», изд. 7, перераб. (11 стереот.), т. 18, [1925], стб. 515.
 205. Крижанич, Юрий. — Энци. сл. «Гранат», изд. 7, перераб. (11 стереот.), т. 26, [1925], стб. 68—70. Литература 5 назв.
 206. Ливонский орден. — Энци. сл. «Гранат», изд. 7, перераб. (11 стереот.), т. 27, [1925], стб. 126—131. Литература 7 назв.
 207. Литовско-Русское государство. — Там же, стб. 221—238. Литература 18 назв.
 208. Состав населения в господарских дворах Западной Белоруссии в пореформенную эпоху. — «Працы Бел. дзярж. ун-ту», 1925, № 6—7, с. 299—307.
 209. К истории крепостного хозяйства и труда. — «Труд в России», 1925, № 1, с. 109—125.
 210. Эпоха гарадзкое гаспадаркі на Беларусі. — «Полымя», 1925, № 6, с. 125—139.
 211. Первая Всебелорусская архивная конференция. — «Арх. дело», 1925, в. 2, с. 144—146.
 212. Вступительная речь [на торжественном акте 20 февраля 1925 года, посвященном первому выпуску Белорусского гос. университета по факультету общественных наук]. — В кн. Первый выпуск Белорусского государственного университета 20 февраля 1925 года. Витебск, изд. БГУ, 1925, с. 17—20.
 213. Наш першы выпуск. — «Сав. Беларусь», 1925, 20/II, № 41. (I-шы выпуск Беларускага Дзяржаўнага універсітэту).
 214. Беларускае адраджэньне XVI веку і сучаснае беларускае нацыянальна-культурнае адраджэньне. — «Сав. Беларусь», 1925, 4/VIII, № 174; 5/VIII, № 175; 6/VIII, № 176; 8/VIII, № 177; 9/VIII, № 178; 11/VIII, № 179; 12/VIII, № 180; 13/VIII, № 181.
 215. Напярэдадні юбілейнага году. — «Сав. Беларусь», 1925, 30/X, № 247. [К чатырхлетню аснования Беларускага гос. ун-та].
 216. Францішак Скарына і яго працы. — «Сав. Беларусь», 1925, 24/XII, № 292; 25/XII, № 293.

1926

217. Павлов-Сильванский, Николай Павлович. — Энци. сл. «Гранат», изд. 7, перераб. (11 стереот.), т. 31, [1926], стб. 13—16.
 218. Посошков, Иван Тихонович. — Энци. сл. «Гранат», изд. 7, перераб. (11 стереот.), т. 33, [1926], с. 124—128. Литература 8 назв.

219. Полацкая зямля ў пачатку XVI стагоддзя. — В кн. Чатырохсотлецце беларускага друку. 1525—1925. Менск, Инст. бел. культ., 1926, с. 76—113, 4 вкл. л. пл., карт., рис.
220. Беларускае адраджэнне ў XVI стагоддзі. — Там же, с. 132—156, 3 вкл. л. факс.
221. Друк на Беларусі ў XVI і XVII стагоддзях. — Там же, с. 228—261, 8 вкл. л. факс.
222. Scorigiana. — Там же, с. 284—327.
223. Зямельнае права ў статутах 1529 і 1566 гадоў. — «Працы Бел. дзярж. ун-ту», 1926, № 11, с. 93—103.
224. Крестьянское и рабочее движение на Белоруссии в эпоху 1905 г. — Там же, с. 105—127.
225. Крестьянское движение в Белоруссии в 1905 году. — «Працы Бел. дзярж. ун-ту», 1926, № 12, с. 95—115.
226. Юбілей Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту. — «Маладняк», 1926, № 7—8, с. 166—171.
227. Распрацоўка гісторыі літоўска-беларускага права XV—XVI стагоддзяў ў гісторыяграфіі. — «Польмя», 1926, № 8, с. 169—178.
228. Из архивной жизни Чехо-Словакии. — «Арх. дело», 1926, в. 7, с. 135—137.
229. Архивное дело в Польской республике. — «Арх. дело», 1926, в. 8—9, с. 130—131.
230. Востоковедение в Польше. — «Новый Восток», 1926, кн. 12, с. 347—350. (Хроника).
231. Курловский расстрел в Минске (18 октября 1905 года). — «Каторга и ссылка», 1926, кн. 4, с. 49—55.
232. Современная литература по истории народного хозяйства Белоруссии. — «Сов. стр.», 1926, № 12, с. 188—193.
233. Юбілей Беларускага дзярж. ўніверсітэту — свята працоўных мас. — «Сав. Беларусь», 1926, 5/XII, № 277.
234. Рец.: Рябинин, Ив. Государственный архив в Люблине. Варшава, 1926, 88 с. Riabinin, I. Archiwum Państwowe w Lublinie. — «Арх. дело», 1926, в. 7, с. 154—155.
235. Рец.: 1) Ігнатоўскі, Ў. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Выл. 4. Менск, 1926, 170 с.; 2) Ігнатоўскі, Ў. і Смоліч, А. Беларусь. (Территория, население, экономика, важнейшие моменты истории, экономический очерк советской Белоруссии и ее округов). Менск, 1925, 74 с.; 3) Лучанин, М. Заходняя Беларусь под панаваннем Польшчы. Менск, 1926, 55 с.; 4) Ігнатоўскі, Ў. Гісторыя Беларусі ў XIX і ў пачатку XX стагоддзя. Менск, 1925, 251 с.; 5) Пичета, В. Гісторыя Беларусі. Ч. 1. Менск, 1924, 134 с.; 6) Заходняя Беларусь. Зборнік. Менск, 1925, 68 с.; 7) Поляк, Л. Советская Белоруссия. М., 1925, 77 с. — «Печ. и рев.», 1926, кн. 8, с. 147—149.
236. Рец.: 1) Огіенко, І. Історія українського друкарства. Т. 1. Львів, 1925, 418 с.; 2) Початкі книгопечатання на землях України. В пам'ять 350-ліття першої друкованої книжки на Україні у Львові 1573—1574 року. Замислом, трудом і заходами І. Свенцицького. . . 1924, XXII, 90 с., 42 табл.; 3) Попов, П. М. Початкі друкарства у славян. Київ, 1924, 37 с. Отд. отт. из «Бібліол. Вістій» за 1924 р., ч. 1—3; 4) Барвінок, В. Загальний огляд стародруків Київських бібліотек. Київ, 1924, 19 с. Отд. отт. из «Бібліол. Вістій» за 1924 р., ч. 1—3; 5) Abramowicz, L. Cztery wieki drukarstwa w Wilnie. 1525—1925. Wilno, 1925, 149 s. [Четыре века книгопечатания в Вильне.] — Там же, с. 168—170.
237. Рец.: 1905 год ў Беларусі. Зборнік архіўных дакументаў. Менск, 1925, III, 256 с. — «Каторга и ссылка», 1926, № 3, с. 270—272.
238. Рец.: L'Europa Orientale. Roma, 1926, № 1-6. [Восточная Европа]. — «Польмя», 1926, № 7, с. 184.
239. Рец.: 1) Огіенко, І. Історія українського друкарства. Т. 1. Львів, 1925; 2) Попов, П. М. Початкі друкарства у славян. Київ, 1924; 3) Барвінок. Загальний огляд стародруків Київських бібліотек. 4) Abramowicz, L. Cztery wieki drukarstwa w Wilnie. 1525—1925. Wilno, 1925. — Там же, с. 186—188.

1927

240. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии. Ч. 1. (До конца XVI века). Минск, Наркомзем, 1927, 179 с.
241. Современная литература по истории народного хозяйства. Минск, 1927. 14 с.

242. Белоруссия. [Исторический очерк]. — БСЭ, т. 5, 1927, стб. 354—358. Литература 4 назв.

243. Белорусская Социалистическая Советская республика. — Энци. сл. «Гранат», изд. 7, перераб., т. 41, ч. 3, 1927, стб. 467—498, табл.

244. Исторические судьбы Западной Белоруссии. — В кн. Западная Белоруссия. Сборник статей. Кн. 1. Минск, Бел. гос. изд., 1927, с. 44—90. Литература 90 назв.

245. Беларускі Дзяржаўны ўніверсітэт напярэдадні 10-годзьдзя Кастрычнікавай Рэвалюцыі. — В кн. Беларускі Дзяржаўны ўніверсітэт. 1921—1927. Да 10-й гадавіны Кастрычнікавай Рэвалюцыі. Менск, 1927, с. 5—46.

246. Гаспадарскія (вялікакняскія) двары ў заходніх волосьнях Беларусі пасля рэформы Жигімонта-Аўгуста. — В кн. Гістарычна-археалёгічны зборнік, № 1. (Даклады і рэфэраты 1926—1927 году). Менск, выд. Ін-ту бел. культ., 1927, с. 97—118. (Інстытут беларускае культуры Соцыяльна-гісторычна сэкцыя і гістарычна-археалёгічна камісія. Адз. 2. Сэрэя 1, кн. 3. Прапы і матар'ялы да гісторыі і археалёгіі Беларусі).

247. До історіі опікунскаго права в Литовському статуті 1529 р. — В кн. Юбілейний збірник на пошану академика Дмитра Івановича Баголія. З нагоди сімдесятої річниці життя та п'ядесятих роковин наукової діяльності. Київ, УАН, 1927, с. 476—490.

248. Современная литература по истории народного хозяйства. — «Працы Бел. Дзярж. ун-ту», 1. Факультэт права і гаспадаркі, 1927, № 14-15, с. 114—125.

249. Рабочее движение в Белоруссии в 1905 г. — Там же, с. 154—166.

250. Распроцоўка гісторыі літоўска-беларускага права XV—XVI сталяццяў ў гісторыяграфіі. — «Польмя», 1927, № 2, с. 125—155.

251. Новое ў археалёгіі. 1. Беларусь. 2. Украина. — «Польмя», 1927, № 5, с. 192—195.

252. Современная литература по истории народного хозяйства Польши. — «Сов. стр.», 1927, № 1, с. 212—218.

253. Современная литература по народному хозяйству Литвы и Латвии. — «Сов. стр.», 1927, № 2, с. 209—214; № 4, с. 163—171.

254. Заява [на Всесоюзном съезде научных работников по поводу событий в Западной Белоруссии]. — «Сав. Беларусь», 1927, 13/II, № 36.

255. Выступлення [на VIII Всебелорусском съезде Советов]. — «Сав. Беларусь», 1927, 9/IV, № 81; 12/IV, № 83.

256. *Рец.*: 1) Довнар-Запольский, М. В. Народное хозяйство в Белоруссии. 1861—1914. Минск, 1926, 239 с. 2) Дрхангельский, Б. Д. Укрупненная БССР. Минск, 1927, 80 с. 3) Петрович Я. А. Адаўлена Беларусь. Менск, 1926, 43 с. 4) Переход, В. И. Леса и лесное хозяйство БССР. Краткий очерк. Минск, 1925. — «Печ. и рев.», 1927, кн. 8, с. 134—136.

257. *Рец.*: Сборник Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете. В. 2. Пермь, 1927, 201 с. — Там же, с. 143.

258. *Рец.*: Беларускі архіў, т. I (XVI—XVII ст.). Менск, 1927. — «Польмя», 1927, № 6, с. 214—216.

1928

259. Вопрос об усадебной оседлости в Московском губернском комитете. — «Уч. зап.» [Института истории РАНИОН], 1928, т. 5, с. 430—459.

260. Юрыдычнае становішча вясковага насельніцтва на прыватнаўласніцкіх землях к часу выдання Літоўскага статуту 1529 г. — «Запіскі Адзеду гуманітарных навук». Кн. 3. Працы клясы гісторыі [Інстытуту беларускае культуры]. Т. 2. Менск, 1928, с. 375—432.

261. Пытаньне аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінулым. — «Працы Бел. дзярж. ун-ту», 1928, № 19, с. 3—19.

262. Французские дипломаты о торговле России с Францией в первые годы царствования Екатерины II. — «Працы Бел. дзярж. ун-ту», 1. Фак. права і гаспад., 1928, № 20, с. 172—197.

263. Крестьяне тяглые во второй половине XVI века в Великом Княжестве Литовском. — В кн. Юбілейний збірник на пошану академика Михаила Сергіевича Грушевського. З нагоди шістдесятої річниці життя та сорокових роковин наукової діяльності. I. Київ, УАН, 1928, с. 169—175.

264. Польска-савецкія адносіны і Рыскі мір. — «Польмя», 1928, № 4, с. 146—166; № 5, с. 81—100; № 6, с. 126—147.

265. Новые издания по архивному делу в Польше. — «Арх. дело», 1928, в. 1, с. 107—111.

266. Две культуры на Белоруссии. (Буржуазная культура и культура социалистическая). — «Сов. стр.», 1928, № 3—4, с. 131—146.
267. Савецкая ўлада і пытаньне аб адчыненні універсітэту на Беларусі. — «Сов. стр.», 1928, № 6, с. 137—144.
268. La littérature historique blancheruthène. Compte rendue 1921—1926. [Историческая литература Белоруссии. Обзор за 1921—1926 гг.]. — Bulletin d'information des sciences historiques en Europe orientale, Varsovie, 1928, t. I, fasc. 3-4, p. 212—222.
269. Паншчына на Беларусі. — «Сав. Беларусь», 1928, 1/IV, № 78.
270. Гістарычны тыдзень ў Бэрліне. — «Сав. Беларусь», 1928, 29/VII, № 174; 31/VII, № 175.
271. Аб пралетарызаванні і беларусізацыі БДУ. — «Сав. Беларусь», 1928, 5/X, № 230; 10/X, № 234; 11/X, № 235; 12/X, № 236.
272. Беларуская Акадэмія Навук — сьвята працоўных мас. — «Сав. Беларусь», 1928, 16/X, № 239, рис.
273. Да выбараў Акадэміі Навук СССР. — «Сав. Беларусь», 1928, 21/X, № 244, портр.; 23/X, № 245.
274. Беларускі Дзяржаўны універсітэт і Кастрычнік. — «Сав. Беларусь», 1928, 7/XI, № 257.
275. Беларуская навука за 10 год існавання БССР. — «Сав. Беларусь», 1928, 31/XII, № 301.
276. *Рец.*: 1) М е л е ш к о, М. Паншчына на Беларусі. Сялянскія бунты за прыгоном на Вітебшчыне. 1832—1855. Менск, 1925, 44 с. 2) Ш л ю б с к і А. Паны і сяляне ў першай палове XIX стагоддзя. Менск, 1924, 23 с. — «Печ. и рев.», 1928, кн. 1, с. 147—149.
277. *Рец.*: Запросы белорусских послов в польский сейм 1922—1926 гг. Сборник документов о панских насилиях, мучениях и издевательствах над крестьянами и рабочими в Западной Белоруссии. Минск, Белгосиздат, 1927, 484 с. — «Печ. и рев.», 1928, кн. 8, с. 166—168.

1929

278. Юрыдычнае становішча вясковага насельніцтва на прыватнаўласніцкіх землях да часу выдання Літоўскага статуту 1529. «Запіскі Аддзелу гуманітарных навук». Кн. 8. Працы класы гісторыі. Т. 4. Менск. Бел. Акад. навук, 1929, с. 459—519.
279. Селянскія рухі на Беларусі пасля аграрнай рэформы 1861 г. — «Польмя», 1929, № 8—9, с. 126—153; № 11—12, с. 108—122.
280. Вопрос о перенесении усадеб крестьян в Московском губернском комитете по крестьянскому делу в 1858 году. — «Уч. зап.» [Института истории РАНИОН], 1929, т. 4, с. 194—205.
281. Аб кнізе тов. Агурскага «Гісторыя рэволюцыйнага руху на Беларусі». (Стэнограма паседжання гісторычнае сэкцыі НТМБ). — В кн. Марксыцкі зборнік. 1. Менск, Нав. тавар. марксыстыв БССР, 1929, с. 195—202.
282. Die Agrarreformen in den östlichen Bezirken des litauisch-weissrussischen Staates in der zweiten Hälfte des 16. und zu Beginn des 17. Jahrhunderts. [Аграрная рэформа в восточных округах Литовско-белорусского государства во второй половине XVI и в начале XVII в.]. — Aus der historischen Wissenschaft der Sowjetunion. Vorträge ihrer Vertreter während der «Russischen Historikerwoche» veranstaltet in Berlin 1928 von der Deutschen Gesellschaft zum Studien Osteuropas. Hrsg. von O. Hoetzsch. Berlin, Ost-Europa-Verl., 1929, S. 153—188.
283. Die weissrussische Geschichtsforschung 1922—1928. [Исследования по истории Белоруссии. 1922—1928]. — «Slavische Rundschau», 1929, № 8, Okt., S. 661—666; № 10, Dez., S. 823—827.
284. *Рец.*: Соцыялістычны рух на Беларусі ў пракламацыях 1905 году. Менск, выд. ІБК, 1927. — «Польмя», 1929, кн. 2, с. 218.
285. Атака з нягоднымі сродкамі. — «Сав. Беларусь», 1929, 1/III, № 48.

1931

286. Рада. — Энци. сл. «Гранат», изд. 7, перераб., т. 35, 1931, стб. 316—318. Литература 8 назв.

1932

287. Речь Посполитая. История Польши от Венского конгресса до мировой войны. — Энци. сл. «Гранат», изд. 7, т. 36, ч. 1, 1932, стб. 628—720.

1935

288. Угорская Русь. — Энци. сл. «Гранат», изд. 7, перераб. (11 стереот.), т. 42, 1935, стб. 52—54. Литература 7 назв.

1937

289. *Рец.*: Законодательные акты Великого Княжества Литовского XV—XVI вв. (Документы и материалы по истории народов СССР). Сборник подготовлен к печати И. И. Яковкиным. Л., 1936, 153 с. — «Ист.-маркс.», 1937, кн. 3, с. 184—187.

290. *Рец.*: З у т и с, Я. Я. Политика в Прибалтике в первой половине XVIII века. М., 1937, 214 с. — «Ист.-маркс.», 1937, кн. 5—6, с. 202—208.

1938

291. Программа специального курса по истории Белоруссии и Украины. М., МГУ, 1938, 7 с. Литература 20 назв. Литогр. изд.

292. *Рец.*: М и л л е р, Г. Ф. История Сибири. Т. I. М.—Л., АН СССР, 1937, VII, 608 с. — «Ист.-маркс.», 1938, кн. 1, с. 138—142.

293. *Рец.*: Материалы по истории СССР под ред. А. В. Шестакова. «Пропагандист и агитатор РККА», 1937, № 33—36; 1938, № 4. — «Ист.-маркс.», 1938, кн. 4, с. 124—137.

1939

294. Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии. М., «Моск. рабочий», 1939, 40 с.

295. Исторический путь Западной Украины и Западной Белоруссии. М., 1939, 8 с. (Микрофонные материалы Всес. радиокомитета № 114). Литогр. изд. На пра-вах рукописи.

296. Павлов-Сильванский, Николай Павлович. — БСЭ, т. 43, 1939, стб. 751—752. Литература 10 назв.

297. Основные моменты в исторических судьбах народов Западной Украины и Западной Белоруссии. — «Ист.-маркс.», 1939, кн. 5—6, с. 67—98.

298. М. Н. Покровский о войне 1812 года. — В кн. Против исторической концепции М. Н. Покровского, Сборник статей. Ч. I. М.—Л., АН СССР, 1939, с. 276—302.

299. Борьба русского народа с шведско-немецкой агрессией в XII—XIII вв. — В кн. История СССР. Т. I. С древнейших времен до конца XVIII в. Под ред. В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова и С. В. Бахрушина. М., Гос. соц.-эк. изд., 1939, с. 182—193. Литература с. 771—772.

300. Великое Княжество Литовское (XIII—XVI вв.). — Там же, с. 250—280. Литература с. 773.

301. Крестьянская война начала XVII в. и польско-шведская интервенция. — Там же, с. 400—447. Литература с. 774—775.

302. Первый раздел Польши. Украина и Белоруссия. — Там же, с. 687—695. Литература, с. 778—779.

303. Второй и третий разделы Речи Посполитой. — Там же, с. 727—733. Литература с. 778—779.

304. Западная Украина и Западная Белоруссия. — «Сов. наука», 1939, № 12, с. 155—170.

305. Ответ [на статью Б. Волкова «О точности в хронологии»]. — «Ист. ж.», 1939, № 2, с. 84—86.

306. О рабовладельческих обществах на территории СССР. — «Ист. ж.», 1939, № 5, с. 110—111.

307. Что представляет собой Западная Украина и Западная Белоруссия? — В кн. Ответы на вопросы рабочих и колхозников. В. 19. М., «Моск. рабочий», 1939, с. 16—23.

308. Исторический путь народов Западной Украины и Западной Белоруссии. — «Октябрь», 1939, кн. 10—11, с. 3—11.

309. Исторический путь народов Западной Белоруссии и Западной Украины. — «Молодой большевик», 1939, № 18, с. 45—50.

310. Православная церковь в Польско-литовском государстве и ее борьба против освободительного движения украинского и белорусского народов. — «Антирелигиозник», 1939, № 12, с. 33—38.

311. Братья-украинцы и братья-белоруссы. (Из истории народов Украины и Белоруссии). — «Известия», 1939, 21/IX, № 219.
312. Западная Белоруссия. Историческая справка. — «Московский большевик», 1939, 30/IX, № 174.
313. *Рец.*: Ученые записки Свердловского государственного педагогического института. В. I (исторический). Свердловск, 1938, 248 с. — «Ист. ж.», 1939, № 7, с. 145—146.
314. *Ред.*: Юшков, С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., АН СССР, 1939, 254 с.

1940

315. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М., Гос. соц.-эк. изд., 1940, 136 с.
316. Конец вековому расчленению украинского и белорусского народов. — «Ист. зап.», 1940, т. 6, с. 3—16.
317. Польша на путях к колонизации Украины и Белоруссии. Люблинская уния и ее политические последствия. — «Ист. зап.», 1940, т. 7, с. 59—90.
318. Крестьянская война и борьба с иностранной интервенцией в начале XVII века. Дворянско-буржуазная историография и М. Н. Покровский. — В кн. Против анти-марксистской концепции М. Н. Покровского. Сборник статей. Ч. 2. М., АН СССР, 1940, с. 91—139.
319. Образование Царства Польского и конституция 1815 г. — В кн. История СССР. Т. 2. Россия в XIX веке. Под ред. М. В. Нечкиной. М., Гос. соц.-эк. изд., 1940, с. 124—130. Литература с. 145—146.
320. Хозяйственное развитие Украины. — Там же, с. 130—135. Литература с. 145—146.
321. Хозяйственное развитие Белоруссии и Литвы. — Там же, с. 135—140. Литература с. 145—146.
322. Польское восстание 1830—1831 гг. — Там же, с. 203—221. Литература 19 назв.
323. Белоруссия, Литва и Украина в 1830—1850-х годах. — Там же, с. 221—240. Литература 21 назв.
324. О «кочевом феодализме». — «Ист. ж.», 1940, № 1, с. 130—133.
325. Из истории борьбы литовского народа за свое освобождение. — «Вестн. АН СССР», 1940, № 11—12, с. 85—100.
326. Положение крестьян в Западной Белоруссии в XIX веке. Вводная статья. — «Кр. архив», 1940, № 1, с. 177—184.
327. *Рец.*: Осипов, К. Богдан Хмельницкий. М., 1939, 414 с. — «Ист. ж.», 1940, № 12, с. 127—132.
328. *Рец.*: Гуслистий, К. Нариси з історії України. Вип. 2. Україна під литовським пануванням і захоплення її Польщею. Київ, АН УРСР, 1939. — «Ист.-маркс.», 1940, кн. 2, с. 150—153.
329. *Рец.*: Пресняков, А. Е. Лекции по русской истории. Т. 2, вып. 1. Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939, 246 с. — «Ист.-маркс.», 1940, кн. 3, с. 138—141.
330. *Рец.*: Оглоблин, О. П. Україна в часи Петра I. Київ, АН УРСР, 1939, 58 с. — «Ист.-маркс.», 1940, кн. 4—5, с. 136—137.
331. *Рец.*: Ястребов, Ф. Нариси з історії України. В. 8. Україна в першій половині XIX столеття. Київ, АН УРСР, 1939, 274 с. — Там же, с. 137—138.
332. *Рец.*: Новое достижение на фронте истории СССР. История СССР. Учебник для VIII класса средней школы. Под ред. А. М. Панкратовой. М., Учпедгиз, 1940, 224 с. — «Вестн. др. ист.», 1940, № 3—4, с. 160—166.

1941

333. Образование Литовского княжества. — В кн. История СССР. [Учебник для неисторических факультетов]. Т. I. М., ОГИЗ, Госполитиздат, 1941, с. 74—78.
334. Великое Княжество Литовское в XIV—XV вв. — Там же, с. 97—101.
335. Великое Княжество Литовское в конце XV и в XVI в. (До Люблинской унии 1569 г.). — Там же, с. 123—132.
336. Образование Российской империи. — Там же, с. 203—227. [Совместно с А. Савичем].
337. Россия при преемниках Петра I. (1725—1762). — Там же, с. 228—242.

338. Дворянская империя Екатерины II (1762—1796). — Там же, с. 242—276. [Совместно с А. В. Шестаковым].
339. Буржуазная французская революция и царизм в конце XVIII в. — Там же, с. 281—289.
340. Королевство Польское и восстание 1830—1831 гг. — Там же, с. 363—368.
341. Украина. — Там же, с. 400—404.
342. Белоруссия и Литва. — Там же, с. 404—406.
343. Вековая борьба польского народа с немецкими захватчиками. — «Ист. ж.», 1941, № 9, с. 64—73.
344. Работа кафедр истории западных и южных славян Московского государственного университета. — «Ист. ж.», 1941, № 12, с. 148—149. [Совместно с И. С. Миллером].
345. К истории славяноведения в СССР. — «Ист.-маркс.», 1941, кн. 3, с. 36—62.
346. Единый фронт народов против фашистской Германии. — «Под знаменем марксизма», 1941, № 8, с. 11—20.
347. Единый фронт славянских народов. — «Октябрь», 1941, кн. 9—10, с. 164—173.
348. Славянские народы в борьбе против немецких захватчиков. — «Большевик», 1941, № 18, с. 28—33.
349. [Борьба славянских народов против германской агрессии]. — «Вестн. АН СССР», 1941, № 9—10, с. 78—81. (В Отделении истории и философии).
350. Гитлеровской банде не покорить свободолюбивых славян! — «Спутн. агит.», 1941, № 14, с. 9—16.
351. Польша. (Историческая справка). — «Пропагандист Кр. Арм.», 1941, № 19, с. 27—28.
352. Лютый враг славянства. — В кн. Единый фронт свободолюбивых народов. Свердловск, Обл. изд., 1941, с. 10—16.
353. Гитлеру не покорить свободолюбивые славянские народы. — В кн. Германскому народу не покорить свободолюбивые славянские народы! (Сборник статей). М., ОГИЗ, Госполитиздат, 1941, с. 23—27.
354. В чем заключается историческая общность славянских народов. — В кн. Ответы на вопросы трудящихся, в. 13, М., «Моск. рабочий», 1941, с. 3—8.
355. Исторические судьбы славянства. — В кн. Борьба славянского народа против германского фашизма. Красноярск, Гос. изд., 1941, с. 15—20.
356. Доблесть и мужество русского народа. — «Труд», 1941, 19/VII, № 168.
357. Гитлеру не покорить свободолюбивые славянские народы. — «Комсомольская правда», 1941, 19/VII, № 168.
358. Лютый враг славянства. — «Известия», 1941, 20/VII, № 170.
359. Гитлер — лютый враг русского народа. — «Авиационная газета», 1941, 28/VII.
360. Великая борьба польского народа с немцами. — «Авиационная газета», 1941, 5/VIII, № 34.
361. Славяне никогда не будут рабами. — «Правда», 1941, 15/VIII, № 225.
362. Пусть каждый клочок славянской земли станет могилой врагу. — «Известия», 1941, 15/VIII, № 192.
363. Исторические судьбы славянства. — «Комсомольская правда», 1941, 24/VIII, № 199.
364. *Рец.*: Необходимое дополнение к курсу истории. 1) Тихомиров, М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Курс источниковедения истории СССР. Т. 1. 1940, 256 с. 2) Никитин, С. А. Источниковедение истории СССР XIX века (до начала 90-х годов). Курс источниковедения истории СССР. Т. 2. 1940, 226 с. Глав. Архивное управление. Историко-архивный институт. — «Уч. газ.», 1941, 31/I, № 15.
365. *Рец.*: «История Украины». — «Известия», 1941, 11/III, № 58.
366. *Рец.*: Ценное пособие для историков (Юшков, С. В. История государства и права СССР. Ч. 1. М., 1940, 596 с.). — «Уч. газ.», 1941, 16/IV, № 46.
367. *Рец.*: «Исторические записки». Орган Ин-та истории АН СССР. (Т. I—VII, 1937—1940 гг. Обзор). — «Вестн. АН СССР», 1941, № 1, с. 71—81.
368. *Рец.*: Тихомиров, М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века. Курс источниковедения. История СССР. Т. 1. Под ред. Ю. В. Готье. М., 1940, 256 с. — «Ист. ж.», 1941, № 4, с. 123—127.
369. *Рец.*: Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. Сборник статей. Ч. 2. М.—Л., 1940, 506 с. — «Ист. ж.», 1941, № 6, с. 115—122.
370. *Рец.*: «Мазепа». Збірник. Т. 1., 1938; т. 2, 1939. Варшава. — «Ист.-маркс.», 1941, кн. 5, с. 123—125.

371. *Рец.*: Історія України. Короткий курс. Під ред. С. М. Белоусова и др. Київ, 1940, 411 с. — «Ист.-маркс.», 1941, кн. 6, с. 103—110. [Совместно с В. Круть].

372. *Рец.*: А в и ж о н и с, К. Шляхта в государственной жизни Литвы во времена дома Вазы. Каунас, 1940, 572 с. — Там же, с. 121—122.

373. *Ред.*: История СССР. [Учебник для неисторических факультетов]. Т. I. М., ОГИЗ, Госполитиздат, 1941, 440 с. [Совместно с М. Н. Тихомировым и А. В. Шестаковым].

1942

374. Александр Невский. Ташкент, УзФАН, 1942, 39 с., портр.

То же. Алма-Ата, КазОГИЗ, 1942, 60 с., I вкл. л. портр. [На казах. яз.].

То же. Фрунзе, Киргизгосиздат, 1942, 40 с. [На кирг. яз.].

То же. Ташкент, Госиздат УзССР, 1942, 40 с., портр. [На узб. яз.].

375. История Украины в советской историографии. — В кн. Двадцать пять лет исторической науки в СССР. Под ред. В. П. Волгина, Е. В. Тарле, А. М. Панкратовой. М.—Л., АН СССР, 1942, с. 164—178.

376. История Белоруссии в советской историографии. — Там же, с. 179—188.

377. Славяноведение в СССР за 25 лет. — Там же, с. 222—235. [Совместно с У. А. Шустером].

378. Сектор славяноведения Института истории Академии наук СССР (с 22 июня 1941 г. по 1 июля 1942 г.). — «Ист. ж.», 1942, № 11, с. 100—101. [Совместно с А. Целовальниковой].

379. [Политические планы Наполеона относительно России. Краткое изложение доклада]. — «Ист.-маркс.», 1942, № 10, с. 139. [Хроника. Автор заметки А. Тифлисова].

380. Александр Невский. (К 700-летию со дня «Ледового побоища»). — «Правда Востока», 1942, 5/IV, № 81.

381. *Рец.*: Великий полководец. Брагин, М. Полководец Кутузов. М., «Мол. гвардия», 1941, 269 с. — «Знамя», 1942, кн. 1—2, с. 354—356.

1943

382. Борьба украинского и белорусского народа за свою свободу. (XIII в. — 1943 г.). — «Вестн. АН СССР», 1943, № 9—10, с. 34—49.

383. Октябрьская социалистическая революция на Украине. — «Ист. ж.», 1943, № 10, с. 17—25.

384. Великий сын украинского народа — Богдан Хмельницкий. — «Пропагандист», 1943, № 23—24, с. 24—28.

385. Богдан Хмельницкий. — «Блокнот агит. Кр. Арм.», 1943, № 31, с. 8—15.

386. *Voj slovanských národů proti německému útoku.* [Борьба славянских народов против немецкой агрессии]. — «Nová Svoboda», London, 1943, v. 20, № 2—3, s. 36—37.

387. Новые работы по истории южных и западных славян. — «Известия», 1943, 30/VII, № 178.

388. Богдан Хмельницкий великий син українського народу. — «Соціалістична Харківщина», 1943, 11/XII, № 211.

389. Богдан Хмельницкий — выдающийся полководец и стратег. (Годы освободительной войны против шляхетской Польши 1648—1654). — «Сов. Укр.», 1943, 25/XII, № 233.

390. Вековая борьба белорусского народа за свою свободу. — «За родину», 1943, 30/XII, № 306.

391. Советская Белорусь. — «Московский большевик», 1943, 31/XII, № 309.

392. *Рец.*: Греков, Б. Д. Борьба Руси за создание своего государства. М.—Л., АН СССР, 1942. — «Вестн. АН СССР», 1943, № 11—12, с. 119—125.

1944

393. Богдан Хмельницкий — великий сын украинского народа. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Доме ученых в Москве. М., 1944, 26 с. На правах рукописи.

394. Русский народ в борьбе с германской агрессией и освободительное движение западных и южных славян. — В кн. Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии. Под ред. З. Р. Неелды. М., Гос. изд. полит. лит., 1944, с. 6—31.

395. Борьба западных славян против германской агрессии до начала X века. — Там же, с. 42—48.
396. Борьба Чехии и Польши против германской агрессии. (X—XII вв.). — Там же, с. 60—66.
397. Наступление Австрии и Пруссии на славянские народы в XVI, XVII и XVIII вв. — Там же, с. 80—94.
398. Богдан Хмельницкий — дипломат и стратег. — «Изв. АН СССР», серия ист. и фил., 1944, № 2, с. 49—59.
399. Богдан Хмельницкий — стратег. — «Україна», 1944, № 2, с. 11—13.
400. История южных и западных славян в трудах русских историков. — В кн. Научная конференция [МГУ]. Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. 5—12 июня 1944 г. Программы и тезисы докладов. М., МГУ, 1944, с. 69—71.
401. Академик Юрий Владимирович Готье. [Некролог]. — «Вестн. АН СССР», 1944, № 3, с. 123—126.
402. Начало колонизации Галицкой Руси. — «Вестн. АН СССР», 1944, № 7—8, с. 107. (Отделение истории и философии).
403. Византия и славяне. — Там же, с. 111—114.
404. Воссоединение белорусского народа в едином Белорусском Советском государстве. — «Большевик», 1944, № 12, с. 30—38.
405. Минск. [Из истории города]. — «Белорусь», 1944, № 3, с. 24—27, рис.
406. Могилев. [Исторический очерк]. — «Белорусь», 1944, № 6, с. 27—30.
407. Богдан Хмельницкий. — «Красноармеец», 1944, № 21—22, с. 13, портр.
408. Изучение истории славянства. — «Московский университет», 1944, 16/V, № 20.
409. Витебск. — «Красный воин», 27/VI, № 136.
410. Рец.: Наукові записки, кн. I. Вид. АН УРСР, 1943. — «Ист. ж.», 1944, № 9, с. 99—101.
411. Рец.: Грацианский, Н. П. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. Пособие для преподавателей. М., Учпедгиз, 1943. — «Ист. ж.», 1944, № 10—11, с. 136—138.
412. Рец.: Воблий, К., Густлистый, К., Дядиченко, В. и др. Нарис історії України за ред. К. Густлистого, Л. Славіна, Ф. Ястребова. Вид. АН УРСР, 1942, 212 с. — «Вестн. АН СССР», 1944, № 1—2, с. 92—96.
413. Рец.: Книга о борьбе украинского народа за воссоединение в едином Украинском советском государстве. Петровский, Н. Воссоединение украинского народа в едином Украинском советском государстве. Госполитиздат, 1944, 86 с. — «Пропагандист», 1944, № 22, с. 45—48.

1945

414. Om Västukraina och Västvitryssland. [Западная Украина и Западная Белоруссия]. Stockholm, Bonniers Förlag, 1945, 228 s., 1 kart.
415. Воссоединение польских земель в Польском государстве. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Лекционном зале в Москве. М., 1945, 24 с.
416. Славяне и Византия. Стенограмма лекции, читанной 4 ноября 1944 г. М., 1945, 18 с. (Объединение Гос. изд-в при СНК РСФСР. Лекторий 1944/45 уч. год. Курс лекций по истории СССР. Лекция 2).
417. Возрождение Украины-Руси и Белой Руси в XVI в. — начале XVII в. Стенограмма лекции, читанной 10 февраля 1945 г. М., 1945, 20 с. (Объединение Гос. изд-в при СНК РСФСР. Лекторий 1944/45 уч. год. Курс лекций по истории СССР. Лекция 26). На правах рукописи.
418. Казацкое государство на Украине (XVII—XVIII вв.). Стенограмма лекции, читанной 31 марта 1945 года. М., 1945, 21 с. (Объединение Гос. изд-в при СНК РСФСР. Лекторий 1944/45 уч. год. Курс лекций по истории СССР. Лекция 38). На правах рукописи.
419. Академия Наук и славяноведение. — «Вестн. АН СССР», 1945, № 5—6, с. 157—175, рис.
420. Академия Наук и византиноведение в Советское время. — Там же, с. 189—194.
421. Академик Юрий Владимирович Готье. [Некролог]. — «Ист. зап.», 1945, т. 15, с. 301—314.
422. Труды Ю. В. Готье по истории Литвы, Белоруссии, Украины и славянских народов. — «Докл. и сообщ. Ист. фак. МГУ», 1945, в. I, с. 17—20.

423. Академия Наук и славяноведение. — «Славяне», 1945, № 7, с. 10—19.
 424. Вековая борьба славян против германской агрессии. — «Агитатор», 1945, № 12, с. 10—20.
 425. Победа славянских народов над немецкими захватчиками. — «Агит. и проп. Кр. Арм.», 1945, № 18, с. 12—19.
 426. Битката при Грюнвалд. — «Българо-съветска дружба», София, 1945, кн. 9, с. 24.
 427. Битва при Грюнвальде. — «Известия», 1945, 15/VII, № 165.
 428. Победа славянских народов в вековой борьбе с немецкими захватчиками. — «Комсомольская правда», 1945, 28/VII, № 176.
 429. Рец.: Державин, Н. Происхождение русского народа — великорусского, украинского, белорусского. М. 1944. — «Вопр. ист.», 1945, № 1, с. 121—125.

1946

430. Роль русского народа в исторических судьбах славянских народов. М., Воен. изд., 1946, 52 с.
 431. Російський народ у боротьбі з німецькою агресією і визвольний рух західних та південних слав'ян. Київ, «Рад. школа», 1946, 24 с.
 432. Академик Станислав Кутшеба. — «Ист. зап.», 1946, кн. 19, с. 284—293.
 433. Институт холопства в Великом Княжестве Литовском в XV—XVI вв. — «Ист. зап.», 1946, кн. 20, с. 38—65.
 434. Изучение литовских статутов в новейшей историко-юридической литературе. (1918—1940 гг.). — «Изв. АН СССР», серия ист. и фил., 1946, № 1, с. 31—42.
 435. Восточная Белоруссия под властью царизма. (1773—1796). — «Уч. зап.» (МГУ), 1946, в. 93, История, кн. I, с. 20—42.
 436. Образование белорусского народа. — «Вопр. ист.», 1946, № 5—6, с. 3—29.
 437. Н. П. Грацианский и его труды по истории славянских народов. — «Вопр. ист.», 1946, № 7, с. 96—99.
 438. Сектор славяноведения Института истории Академии Наук СССР. — «Вопр. ист.», 1946, № 10, с. 153—154.
 439. Роль русского народа в исторических судьбах славянских народов. — «Пропагандист», 1946, № 5, с. 23—32.
 440. Институт славяноведения. — «Вечерняя Москва», 1946, 24/XII, № 299.
 441. Рец.: N a i m i a n, M. Kosciuszko in the American revolution. New York, Polish institute of arts and sciences in America. 1943. [Костюшко в американской революции]. — «Вопр. ист.», 1946, № 5—6, с. 134—136.
 442. Рец.: Ученые записки Ярославского государственного педагогического института. В. 7, История. Ярославль, 1945. — «Вопр. ист.», 1946, № 10, с. 120—123.
 443. Рец.: Греков, Б. Д. Борьба Руси за создание своего государства. М.—Л., АН СССР, 1945. — «Вестн. др. ист.», 1946, № 2, с. 105—112.
 444. Рец.: Державин, Н. С. История Болгарии. Т. I. М.—Л., АН СССР, 1945. — «Сов. кн.», 1946, № 1, с. 81—86.
 445. Рец.: Державин, Н. С. История Болгарии. Т. 2. Болгария Первого и Второго царств (679—1393). — «Сов. кн.», 1946, № 10—11, с. 70—75.
 446. Ред.: Балканские страны. Ответств. ред. Ф. Н. Петров. М., «Сов. энц.», 1946, 548 с.). [Редактирование раздела «История», совместно с другими.]
 447. Ред.: Бережков, Н. Г. Литовская метрика как исторический источник. Ч. I. М.—Л., АН СССР, 1946, 180 с.

1947

448. Воссоединение польских земель в Польском государстве. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в лекционном зале в Москве. Вильнюс, Гос. изд. полит. лит. 1947, 40 с. [На лит. яз.].
 449. Сперанский, Михаил Михайлович. — БСЭ, т. 52, 1947, стб. 399—402. Литература 6 назв.
 450. Украинская ССР. Исторический очерк. — БСЭ, т. 55, 1947, стб. 858—893.
 451. Основные проблемы советского славяноведения. — В кн. Юбилейный сборник, посвященный тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 2. М.—Л., АН СССР, 1947, с. 677—699. Литература 22 назв.

452. Образование Польского государства. — В кн. Славянский сборник. М., ОГИЗ, Гос. изд. полит. лит., 1947, с. 45—73.
453. Юрий Крижанич и его отношение к Русскому государству. — Там же, с. 202—240.
454. Борьба русского народа с шведско-немецкой агрессией в XII—XIII вв. — В кн. История СССР. Т. I. С древнейших времен до конца XVIII века. Изд. 2. Под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина и В. И. Лебедева. М., ОГИЗ, Гос. изд. полит. лит., 1947, с. 158—167. Литература с. 712.
455. Великое Княжество Литовское в XIII—XVI вв. — Там же, с. 214—237. Литература с. 714—715.
456. Крестьянская война начала XVII в. и польско-шведская интервенция. — Там же, с. 353—397. Литература с. 717—718.
457. Первый раздел Польши. Украина и Белоруссия. — Там же, с. 620—628. Литература с. 723—725.
458. Второй и третий раздел Речи Посполитой. — Там же, с. 663—668.
459. Дифеодалный период. — В кн. История Чехии. Под ред. В. И. Пичеты. Гл. I. М., Гос. изд. полит. лит., 1947, с. 5—24. Литература с. 253—258.
460. Феодалная Чехия. — Там же, гл. 2, с. 25—64. Литература с. 253—258.
461. В Институте истории. [Защита диссертации Б. Б. Кафенгаузом «История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв.»]. — «Вестн. АН СССР», 1947, № 2, с. 97—98.
462. Проблематика Института славяноведения. — «Вестн. АН СССР», 1947, № 5, с. 3—5.
463. Институт славяноведения Академии Наук СССР и его задачи. — «Вопр. ист.», 1947, № 5, с. 165—167.
464. Славяно-византийские отношения в VI—VII вв. в освещении советских историков (1917—1947). — «Вестн. др. ист.», 1947, № 3, с. 95—99.
465. Литература и источники по истории Узбекистана от царского завоевания до первой мировой войны. — В кн. История народов Узбекистана. Т. 2. От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции. Под ред. С. В. Бахрушина, В. Я. Непомнина и В. А. Шишкина. Ташкент, АН УзССР, 1947, с. 197—203.
466. Начало экономического и политического проникновения царской России в Среднюю Азию. — Там же, с. 224—226.
467. Краткая характеристика научно-исследовательской и педагогической деятельности [Б. Д. Грекова]. — В кн. Петров, В. А. Борис Дмитриевич Греков. М.—Л., АН СССР, 1947, с. 5—10, портр. (АН СССР. Материалы к библиографии ученых СССР. Серия истории, вып. 2).
468. Предисловие. — В кн. Славянский сборник, М., ОГИЗ, Гос. изд. полит. лит., 1947, с. 3—4.
469. История Польши. Т. 2. [Автореферат]. — В кн. Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 год. Отделение истории и философии. М.—Л., АН СССР, 1947, с. 34—35.
470. Рец.: Le hr - Sp ł a w i ń s k i, T. O pochodzeniu i praojczyźnie słowian. Poznań, 1946, 237 s. [О происхождении и прародине славян]. — «Вопр. ист.», 1947, № 1, с. 110—116.
471. Рец.: N o v a k, G. Prošlost Dalmacije. I. Od najstarych vremena do Kandijskoga rata. Zagreb, 1944, 215 s. [Прошлое Далмации. От древнейших времен до Кандийской битвы]. — «Вопр. ист.», 1947, № 4, с. 126—128.
472. Рец.: K o r t a n o w a, Z. Joachim Lelewel. Łódź, 1946. [Иоахим Лелевель]. — «Вопр. ист.», 1947, № 5, с. 136—138.
473. Рец.: Украина перед визвольною війною 1648—1654 рр. Збірка документів (1639—1648 рр.). Київ, АН УССР, 1946, 256 с. — «Вопр. ист.», 1947, № 6, с. 130—131.
474. Рец.: Д ж о р д ж е в и ч, Т. Р. Сербия сто лет назад. Белград, «Просвето», 1946, 213 с. — «Вопр. ист.», 1947, № 7, с. 131—133.
475. Рец.: N e j e d l ý, Z. Hus a naša doba. Praha. «Svoboda», 1946, 60 s. [Гус и наше время]. — «Вопр. ист.», 1947, № 10, с. 142—143.
476. Рец.: Д а ц ю к, Б. Д. Юрий Крижанич. Очерк политических и исторических взглядов. Госполитиздат, М., 1946, 110 с. — «Сов. кн.», 1947, № 2, с. 67—73.
477. Рец. «Польские западные земли». Специальный номер журнала «Славянская жизнь». Русск. изд. Варшава—Краков, 1946, 80 с., 19 карт. — «Сов. кн.», 1947, № 4, с. 119—124.
478. Рец.: Ч е р м е л ь, Л. Славянское меньшинство в Италии. Словенцы и хорваты в Юлийской Крайне. Любляна, 1945, 66 с., 1 карта. — «Сов. кн.», 1947, № 5, с. 119—123.
479. Рец.: История Чехии. М., Гос. изд. полит. лит., 1947, 260 с.

1948

480. Варшавский договор 1768 г. — В кн. Дипломатический словарь. Т. I, А—К. М. ОГИЗ, Гос. изд. полит. лит., 1948, с. 339.

481. Журав енский мирный договор 1676 г. — Там же, с. 648.

482. Энтузиасты. — В кн. Пречистенские рабочие курсы. Первый рабочий университет в Москве. Сборник статей и воспоминаний к пятидесятилетию курсов. (1897—1947). М., «Моск. рабочий», 1948, с. 145—147, портр.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ИСТОЧНИКОВ

Агит. и проп. Кр. Арм.	Агитатор и пропагандист Красной Армии. Москва.
Арх. дело.	Архивное дело. Москва
Блокнот агит. Кр. Арм.	Блокнот агитатора Красной Армии. Москва
БСЭ	Большая Советская Энциклопедия. Москва
Вестн. АН СССР	Вестник Академии Наук СССР. Москва
Вестн. др. ист.	Вестник древней истории. Москва
Вестн. Екатериносл. зем.	Вестник Екатеринославского земства. Екатеринослав
Вестн. Нар. ком. просв. (ССРБ)	Вестник Народного комиссариата просвещения (ССРБ). Минск
Вопр. ист.	Вопросы истории. Москва
Голос пролет. студ.	Голос пролетарского студенчества. Минск
Докл. и сообщ. Ист. фак. МГУ	Доклады и сообщения Исторического факультета Московского гос. университета. Москва
Изв. АН СССР, серия ист. и фил.	Известия Академии Наук СССР, серия истории и философии. Москва
Изв. Об-ва слав. культ.	Известия Общества славянской культуры. Москва
Ист. ж.	Исторический журнал. Москва
Ист. зап.	Исторические записки. Москва
Ист. изв.	Исторические известия. Москва
Ист.-маркс.	Историк-марксист. Москва
Кн. и пролет. рев.	Книга и пролетарская революция. Москва
Кр. Архив	Красный Архив. Москва
Крит. обзор.	Критическое обозрение. Москва
Научн. ист. ж.	Научный исторический журнал. С. Петербург
Печ. и рев.	Печать и революция. Москва
Працы Бел. дзярж. ун-ту	Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітату ў Менскі. Менск
Пропагандист Кр. Арм.	Пропагандист Красной Армии. Москва
Сав. Беларусь.	Савецкая Беларусь. Менск
Сов. кн.	Советская книга. Москва
Сов. наука	Советская наука. Москва
Сов. стр.	Советское строительство. Минск
Сов. Укр.	Советская Украина. Харьков
Спутн. агит.	Спутник агитатора. Москва
Тр. Бел. гос. ун-та	Труды Белорусского гос. университета в Минске. Минск
Укр. жизнь	Украинская жизнь. Москва
Уч. газ.	Учительская газета. Москва
Уч. зап.	Ученые записки.
Энци. сл. «Гранат»	Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Москва

СТАТБИ

И. И. Удальцов

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОГО СЪЕЗДА В ПРАГЕ В 1848 ГОДУ

Настоящая статья не представляет собой специального и полного исследования о состоявшемся в Праге в 1848 г. славянском съезде. Являясь частью работы, посвященной политическим воззрениям и политической деятельности Ф. Палацкого, эта статья ставит перед собой лишь весьма ограниченные задачи, сводящиеся, с одной стороны, к необходимости определить подлинные цели, характер и значение пражского съезда в ходе политических событий в Чехии в 1848 г., и, с другой стороны, — к попытке выяснить ту роль, которую на этом съезде играл его председатель — Франтишек Палацкий.

Необходимость решения первой из этих задач вызывается тем, что вплоть до настоящего времени ни в советской, ни в зарубежной историографии нет еще сколько-нибудь полного исследования вопросов, связанных со славянским съездом в Праге. Более того, необходимо отметить, что подавляющее большинство авторов извращает действительные причины, характер и значение съезда, что объясняется, однако, совершенно различными обстоятельствами. Нам приходилось уже указывать на те основные тенденции в немецкой националистической и чешской буржуазной историографии, которые оказали в свое время влияние и на русскую историографию.¹ Добавим лишь, что отмеченная нами ранее националистическая тенденция немецкой историографии полностью сохранила и укрепила свои позиции в германской литературе периода фашизма. Сошлемся в подтверждение этого на работу Гергарда Гайсслера,² изданную в Берлине в 1939 г. и оценивавшую съезд как националистическое анти-немецкое выступление, осуществлявшееся под лозунгом объединения славянских земель Австрии «с матушкой Россией», как панславистскую демонстрацию. Укажем также, что оказавшиеся доступными нам чешские общие работы, вышедшие уже после второй мировой войны,³ не вносят

¹ См. нашу статью «К вопросу о революционном движении в Чехии в 1848 году». — «Вопросы истории», 1947, № 5, стр. 23, 36, 37.

² G. Geissler. Von Metternich bis Sarajewo. Das Leben Kaiser Franz Josephs. Berlin, 1939, S. 33.

³ К. Krofta. Dějiny československé. Praha, 1947; O. F i d r m u c. Přehled dějin československých a ruských. Praha, 1946; O. O d l o ž i l i k. Nástin československých dějin. Praha, 1946; O. Ř i h a. Hospodářský a sociálně-politický vývoj Českoslo-

нового в описание и оценку съезда в сравнении с тем, что отмечалось нами уже ранее. Отметим, наконец, что и в советской историографии не произошло еще сколько-нибудь серьезных сдвигов в этом направлении.

Все это говорит о необходимости формулирования определенной оценки задач, хода и значения съезда.

Решение второй из поставленных нами задач представляется необходимым прежде всего потому, что вопросу о роли Палацкого на съезде, как это ни странно, не уделялось сколько-нибудь серьезного внимания не только в общих работах, но также и биографами Палацкого и даже самим Палацким. Между тем, участие Палацкого в съезде имело существенное влияние как на ход работы съезда, так и на определение политической позиции самого Палацкого.

Таковы те конкретные вопросы, ответить на которые мы попытаемся в настоящей статье. Повторяя, что она является частью более общей работы, подчеркнем, что из всего существующего материала о славянском съезде⁴ мы привлекаем лишь то, что имеет существенное значение для ответа на поставленные нами вопросы. Однако в связи с тем, что в советской историографии нет работы, которая давала бы сколько-нибудь полную картину деятельности съезда, мы остановимся на основных этапах этой деятельности, опираясь прежде всего на связанные с нею документы.

В настоящее время считается общепризнанным, что мысль о созыве славянского съезда появилась примерно одновременно во всех славянских землях Австрийской империи, в апреле 1848 г. Об этом согласно говорят и современники событий и авторы ряда работ, посвященных съезду.⁵ И с этим можно вполне согласиться. Однако необходимо подчеркнуть, что те цели, которые ставились перед съездом представителями отдельных народов и отдельных политических направлений среди этих народов, в значительной степени различались. Представители и руководители чешской буржуазии, явившиеся наиболее деятельными организаторами съезда, стремились прежде всего к тому, чтобы опередившись в своей борьбе с немецкой

venska 1790—1945. Praha, 1946; *Slovanství v českém národním životě*. Sborník. Redig. I. Macůrek. Brno, 1947.

⁴ Подробную библиографию вопроса по состоянию на 1927 г. см. в книге: W. T. Wisłocki. *Kongres słowiański w r. 1848 i sprawa polska*. Lwów, 1927, s. 215—218. — Отметим, что за последние 20 лет эта литература пополнилась весьма незначительно.

⁵ См. о съезде, кроме названной работы Wisłockiego, также: Z. Tobiolka. *Slovanský sjezd v Praze roku 1848*. Praha, 1901; J. Černý. *Slovanský sjezd v Praze roku 1848*. Praha, 1888; J. Moraczewski. *Opis pierwszego zjazdu słowiańskiego*. Poznań, 1848; I. Созанський. До історії участі галицьких русинів у словянськом конгресі в Празі 1848 р. — «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», кн. IV, т. LXXII, Львів, 1906; I. Брик. Славянський з'їзд у Празі 1848 р. і українська справа. — Там же, т. СХХІХ, 1920; Н. Трауб. О přípravách k slovanskému sjezdu v Praze r. 1848. — «Časopis Muzea Království českého», ročn. XCII, 1918; O. Odložilík. *Slovanský sjezd a svatodušní bouře r. 1848*. — «Slovanský Přehled», 1928; V. Čejch a. Ku vznikú myšlenky slovanského sjezdu r. 1848. — «Slovanský Přehled», 1928; а также соответствующие главы в более общих работах: К. Казбунда. *České hnutí roku 1848*. Praha, 1929; J. Malý. *Naše znovuzrození*. — «Přehled národního života českého za posledního půlstoletí», část II. Praha, 1880; J. Тоуžимскý *Na usvití nové doby*. Praha, 1898; J. Frič. *Paměti*. Praha, 1891; F. Vokes. *Dějiny Slovenska a slovákov*. Bratislava, 1946; М. Прелог. *Slavenska Renesansa 1780—1848*. Zagreb, 1924. Среди русских работ назовем: П. Ровинский, Чехи в 1848 и 1849 гг. — «Вестник Европы», 1870, № 1—2; А. А. Погодин. Славянский съезд в Праге в 1848 году. — «Московский еженедельник», 1910, № 15; И. Левин. Социальная и национальная борьба в Австрии в 1848 году. — «Книга для чтения по истории нового времени», т. IV. Москва, 1913; М. И. К... ин. Славянский съезд в Праге в 1848 году. СПб., 1860, и др.

буржуазией на национальные движения славянских народов Австрии, объединить эти движения и, встав во главе их, добиться вытеснения немецкой буржуазии с внутреннего рынка, завоевать экономическое, а с ним и политическое господство в стране. Та часть чешского дворянства, которая приняла участие в съезде, рассчитывала на восстановление потерянных прав и привилегий чешского сословного сейма. И те и другие чешские представители еще до съезда определенно выступали сторонниками сохранения Австрийской империи.

В сербских, хорватских, словацких землях рассчитывали на то, что объединение политических акций славянских народов заставит венгерских буржуазных революционеров считаться с их национальными требованиями и интересами и будет способствовать осуществлению автономии сербских, хорватских и других земель.

Украинское население Галиции, испытывавшее гнет и со стороны немецких господствующих классов и со стороны польской шляхты, стремилось к тому, чтобы избавиться от этого гнета.

Руководящие политические деятели этих народов из лагеря буржуазии и дворянства считали, что осуществление в Австрийской империи национального равноправия привело бы одновременно и к осуществлению их национальных требований в рамках Габсбургской монархии.

Иную позицию занимали представители польских земель, считавшие, что одним из первых объединенных действий славянских народов должно явиться содействие восстановлению независимой Польши, часть которой входила в состав Австрийской империи. Понятно, что восстановление Польши не могло осуществиться при сохранении целостности империи Габсбургов.

При всех этих различиях в стремлениях представителей господствующих классов отдельных народов главным было то, что в ходе австрийской революции уже к апрелю 1848 г. вполне определилось то обстоятельство, что немецкие и венгерские буржуазные революционеры, стремясь к осуществлению своих классовых интересов, в то же время отвергали требования различных слоев славянских народов о проведении в жизнь принципа национального равноправия и пытались сохранить подчиненное и угнетенное положение этих народов в обеих частях империи. Вполне понятно, что такая политика немецких и венгерских буржуазных революционеров не могла не вызвать и действительно вызвала сопротивление со стороны славянских народов. Подчеркнем при этом, что шовинистическая политика мадьяр вызвала отпор не только со стороны венгерских славян, но и со стороны румын.

Признавая в общем, что идея созыва съезда возникла в апреле 1848 г. почти одновременно во всех славянских землях империи, авторы ряда посвященных съезду работ расходятся, однако, в вопросе о том, кому принадлежала инициатива выдвижения этой идеи. Так, Морачевский утверждает, что инициатива шла из Познани, в связи со стремлением пруссаков к разделу Познанского княжества и к включению части его в Германскую империю.⁶ В. Чейхан⁷ приписывает эту инициативу словакам (Л. Штуру), которые, будучи более тесно связанными с Венгрией, острее, чем южные славяне, чувствовали опасность со стороны мадьяр.⁸

⁶ I. Moraczewski. Op. cit. s. 8.

⁷ V. Čejchan. Op. cit., s. 401—408.

⁸ Ibid.; Čejchan V. Predsjezdovè revolučni ovzduší a vznik Sjezdu, s. 14.

Казбунда же, напротив того, считает, что именно меньшая связь южных славян, в частности хорватов, с Венгрией, наличие у них исторических традиций самостоятельного государственного существования, идея исторического государственного права укрепляли национальное самосознание хорватов и толкали их на борьбу за восстановление старых прав, в то время как словаки не имели исторической опоры в прошлом.⁹ Известные споры имеются и по вопросу о том, направлена ли была идея созыва славянского съезда главным образом против Франкфуртского парламента и его претензий на включение славянских земель в состав Германской империи или же она была направлена против мадьярской политики в национальном вопросе. Однако очевидно, что, как указывалось выше, именно с овою упностью ряда моментов, прежде всего стремление славянской буржуазии использовать национальное движение в своих классовых целях, и лежит в основе идеи созыва съезда.

Впервые в печати проект созыва этого съезда появился 20 апреля, в загребских «Национальных известиях», опубликовавших статью Ивана Кукулевича. В этой статье Кукулевиц, ссылаясь на объединительные движения во Франции, Италии, Германии и т. д., указывает, что никто не имеет оснований возражать против создания также и славянского союза, «чтобы и славяне двигались тем же путем, на который встали их соседи и сограждане — немцы. И славяне, как и немцы, рассеяны по многим государствам и живут под властью многих правительств. И славяне имеют, как и немцы, основания опасаться за свою национальность и за свою свободу...»¹⁰ Предлагая созвать славянский съезд, в котором он видел путь к созданию славянского союза, Кукулевиц подчеркивает, что в этом съезде должны принимать участие представители всех, без исключения, славянских народов, представители всех ветвей этих народов. «Мы не должны при этом смотреть мала или велика такая ветвь, находится она под тем или иным правительством, говорит ли на северном или южном наречии. Мы должны здесь смотреть лишь на то, чтобы развился единый национальный дух, чтобы создавался единый национальный интерес. Как во Франкфурте, наряду с представителями остальных малых и больших немецких земель, среди посланцев заседают и немцы из Пруссии, Саксонии и Австрии, так и на сейме славянского союза вместе с посланцами славян русских, польских, сербских, черногорских, болгарских, боснийских должны быть представлены славяне прусские, саксонские и всех областей Австрийской империи».¹¹ Очевидно, что планы Кукулевича не отличались реальностью. В самом деле, говорить о едином национальном духе и единых национальных интересах у всех перечисляемых Кукулевицем славянских народов, находившихся в самых различных экономических, политических, религиозных и иных условиях, было невозможно. Поэтому вполне понятно, что этот план Кукулевича в дальнейшем не встретил поддержки у подавляющего большинства организаторов съезда. Первые практические шаги к созыву съезда были предприняты небольшой инициативной группой, состоявшей из двух десятков чехов и поляков, при участии словака Людевита Штура, собравшихся 30 апреля в Праге в доме чешского писателя Я. Воцеля.¹² Людевит Штур предложил проект обращения ко всем славянам, составленный им в духе

⁹ K. Kazbunda. Op. cit., s. 183.

¹⁰ J. Černý. Op. cit., s. 7.

¹¹ Ibid., s. 8.

¹² Z. Tóbolka. Op. cit., s. 51. -- На собрании присутствовали писатель К. Зап, филолог Йордан, барон Нейберг и др. Палацкий и Шафарик не участвовали в нем.

статьи Кукулевича. После продолжительных дебатов этот проект был принят участниками совещания.¹³ Однако в связи с тем, что участники совещания были мало известны в славянских странах, было решено привлечь к организации съезда и к подписанию обращения видных чешских политических деятелей. На состоявшемся в тот же день в чешском политическом клубе «Мещанская беседа» собрании была достигнута договоренность об этом с буржуазными чешскими политиками и был образован Подготовительный комитет Славянского съезда в составе 12 человек. В этот Комитет вошли: чехи — историк Ф. Палацкий, адвокат Ф. Ригер, библиотекарь и историк В. Ганка, писатель К. Зап, барон Д. Виллани, священник и писатель В. Штульц, барон Я. Нейберг, граф В. Дейм, писатель Я. Воцель, К. Эрбен, филолог И. Иордан и поляк В. Гжибовский. Кроме того, дополнительно были избраны 5 человек из горожан для организации хозяйственных мероприятий (торговец М. Брабец, Кашпар, юрист Ярош, пивовар П. Мнуочек и архитектор Рыпота). Председателем комитета был избран граф И. М. Тун, его заместителем — барон Нейберг, а секретарем — Карл Зап.¹⁴ Граф Тун, однако, принял избрание с тем условием, что съезд будет придерживаться австрославистской позиции и что на самом съезде он участвовать не будет.¹⁵

Уже на следующий день между членами Подготовительного комитета, в первую очередь между поляками и чехами, обнаружились разногласия при обсуждении текста приглашения на съезд. Находившийся в Праге львовский адвокат Карл Малиш, представлявший польскую точку зрения, настаивал на том, чтобы обращение было адресовано всем славянам и чтобы одной из задач съезда явилось содействие восстановлению Польши. Палацкий же, возглавлявший чешскую группировку, подчеркивал необходимость сохранения Австрии и возражал против участия в съезде неавстрийских славян.¹⁶ При этом Палацкий развивал идею австрославизма, выдвинутую еще в 1846 г. К. Гавличком в статье «Чех и Славянин»¹⁷ и сформулированную самим Палацким в «Письме во Франкфурт» от 11 апреля 1848 г.¹⁸ После длительных прений восторжествовала австрославистская точка зрения, поддержанная Шафариком и другими чешскими либералами, и был принят текст приглашения на съезд, адресованный только к австрийским славянам и опубликованный вслед за этим на языках чешском, южно-славянских, лужицко-сербском, польском и немецком.¹⁹

Это небольшое приглашение, характеризующее позицию большинства Подготовительного комитета, начиналось следующим образом: «Братья Славяне! Кто из нас не взглянет с сожалением на наше прошлое? И для кого представляется тайной, что то, что мы претерпели, произошло исключительно из-за нашей несознательности и раздробленности, разделяющей братьев между собой?». Далее говорится о том, что по прошествии долгих веков, когда одни славяне стали уже забывать о существовании других и когда на их головы обрушивалось множество несчастий, наступило

¹³ Ibid., s. 52.

¹⁴ Ibid., s. 53.

¹⁵ V. Chaloupcký. Hr. J. M. Thun a slovanský sjezd v Praze roku 1848. — «Český časopis Historický» (ČCH), 1913, s. 89.

¹⁶ Z. Tobiška. Op. cit., s. 53—54.

¹⁷ K. Havlíček - Borovský. Politické spisy, díl I. Praha 1900, s. 28—102.

¹⁸ Fr. Palacký. Spisy drobné, díl I. Praha, 1901, s. 10—13.

¹⁹ W. Wisłocki. Op. cit., s. 27.

время, когда славяне поняли, что они братья. «Наступили важные времена, которые освободили народы и сняли с них бремя, под тяжестью которого они стонали». Эти времена в значительной степени освободили и нас, — говорится далее, — и мы теперь можем высказать то, что чувствовали уже давно. «Европейские народы приходят к соглашению и объединяются, немцы созвали для своего объединения во Франкфурте парламент, который стоит на том, что Австрийская монархия должна уступить ему столько, сколько того необходимо для германского единства, и чтобы к новой Германской империи была присоединена Австрийская монархия со всеми землями, кроме венгерских. Этот шаг уничтожил бы не только единство Австрии, но и связи и самостоятельность славянских племен, чьей национальности вообще стала бы грозить смертельная опасность. На нас лежит обязанность отважно защищать то, что для нас наиболее свято. Пришел час, чтобы и мы, славяне, согласились между собой и объединили наши стремления». Далее авторы приглашения заявляют, что в осуществление поступающих к ним со всех сторон просьб, они с радостью обращаются с приглашением «ко всем славянам Австрийской монархии и призывают всех лиц, имеющих доверие народа, собраться в старославянской славянской Праге чешской 31 мая сего года, чтобы здесь на общем совещании обсудить все то, что требует благо нашего народа и что в этот важный момент мы должны предпринять». Приглашение заканчивается следующими словами: «Если другие славяне, кроме живущих в нашем государстве, захотят почтить нас своим присутствием, они будут сердечно приняты нами в качестве гостей».²⁰

Таким образом, организаторы съезда в качестве главной причины необходимости объединения действия славянских народов вполне конкретно указывают на мероприятия Франкфуртского парламента, выдвинувшего требование о включении славянских земель Цислейтании в состав Германской империи. Нет никакого сомнения в том, что такая опасность была в тот момент вполне реальной, поскольку венское правительство встало на путь участия во Франкфуртском парламенте и еще раньше объявило выборы в парламент по всем землям империи. Вместе с тем очевидно, что в этом первом официальном документе, относящемся к славянскому съезду, отсутствует выраженный как-либо элемент панславизма, если понимать под панславизмом идею государственного объединения австрийских славян с царской Россией. Отметим также, что уже в этом приглашении вполне определенно политический характер предстоящего съезда, что свидетельствовало о преодолении другой группы разногласий между членами Подготовительного комитета, заключавшихся в том, что одни (Ян Эразм Воцель) предлагали придать съезду характер совещания ученых славистов по типу немецких обществ — «Germanistenverein» или «Philologenverein», другие (Ф. Л. Ригер) считали, что съезд должен быть в своей деятельности подчинен образовавшемуся ранее в Праге чешскому политическому органу — «Национальному комитету». Наконец, третьи (Палацкий) настаивали на придании съезду характера частного собрания и на

²⁰ Текст приглашения см.: Zpráva o sjezdu slovanském. Praha, 1848, Příloha I; W. Wisłocki. Op. cit., dod. I, s. 156—157 (польский текст); Корреспонденция Якова Головацкого, ч. 131, стр. 239—240 и др. Приглашение подписали: И. М. Тун, В. Дейм, Я. Нейберг, П. И. Шафарик, К. Малиш, Ф. Палацкий, В. Ганка, Л. Штур, И. П. Иордан, Я. Воцель, К. Зап, Ф. Ригер, В. Гжибовский, В. Штульц, М. Панич, Д. Виллани, К. Эрбен, Ф. Миклошич, А. Бек, Ф. Клацель, Я. Дворачек, Ю. Любомирский, С. Аранитский, Я. Добжаньский, Г. Коловрат, М. Папич, В. Вальдштейн.

объявлении главной его задачей защиту славянской национальности.²¹

Опубликование этого приглашения было встречено резко враждебно немецкой и венгерской прессой, немедленно поднявшей шум о наступлении панславизма, об угрозе для неславянских народов и т. д. Для оценки позиции венгерского министерства весьма характерна инструкция, данная им князю Эстергази, который должен был довести содержание этой инструкции до сведения венского министерства. «Заявление, опубликованное славянским комитетом в Праге, — говорилось в этой инструкции, — которым представители всех живущих в империи славянских племен приглашаются на съезд 31 мая в Прагу, привлекло к себе внимание министерства тем более, что это приглашение обращено и к славянам, живущим в нашем отечестве, и есть основания опасаться, что если этот съезд осуществится в том духе, в каком он подготавливается, то он явится поддержкой панславистскому подстрекательству, проявляющемуся в некоторых частях страны».²² В связи с этим в инструкции выражается пожелание, чтобы «назначенное в Праге собрание. . . могло бы осуществлять свою деятельность только как провинциальное собрание чешского народа».²³ При этом венгерское министерство, искушенное в политике раскола и стравливания национальностей, в качестве способа осуществления этого своего пожелания предлагает отколоть галичан от остальных славян и тем самым сорвать съезд: «Поскольку, однако, достичь этого будет возможно только в том случае, если приглашенные наравне с другими галичане не вышлют на съезд своих представителей, чего можно ожидать только тогда, когда их требования будут исполнены австрийским министерством, постольку Ваша Светлость в соответствии с этим письмом сообщит изложенные в нем взгляды министерству австрийскому и заявит ему, что венгерское министерство в интересах всей монархии, главным же образом в интересах спокойствия в стране, считает совершенно необходимым, чтобы галичанам как можно скорее были дарованы самостоятельность и независимость, которых они требуют для себя во внутренних делах, поскольку этого допускает единство империи; ибо этим способом можно рассчитывать на то, что галичане, по достижении своих желаний, не будут искать опоры в союзе с остальными славянскими племенами».²⁴

Приведя этот красочный документ, нельзя не отметить тот факт, что венгерскому министерству в голову не пришло подумать о том, чтобы предоставить самостоятельность и независимость, скажем, словакам, хотя бы только для того, чтобы не допускать их участия в съезде.

Поднявшаяся против предстоящего съезда кампания принудила Подготовительный комитет выступить с обращением к неславянским народам империи. В этом обращении, составленном Ф. Палацким, объявлялось торжественно о том, что организаторы съезда приняли твердое решение сохранить верность правящему Габсбургско-лотарингскому дому и обеспечить единство и суверенность Австрийской империи. Обращение отвергало обвинения в сепаратизме, панславизме и руссизме и указывало, что славяне

²¹ Z. T o b o l k a. Slovaný sjezd. . . , s. 57; Z. T o b o l k a. Politické dějiny československého národa od r. 1848 až do dnešní doby, díl I. Praha, 1932, s. 78; W. W i s l o c k i. Op. cit., s. 25.

²² «Ministerstvo uherské proti sjezdu slovanškému». Помещено в сборнике документов: J. Č e r n ý. Voj za právo. Sborník aktů politických u věcech státu a národa českého od r. 1898, č. 1. Praha, 1893, s. 262.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

не имеют намерения нарушать интересы неславянских национальностей или угнетать их, но что они стремятся к достижению полного равноправия для всех народов империи на основе конституции. Вместе с тем в обращении подчеркивалось, что славянские представители намерены потребовать для своих народов полного объема конституционных свобод и прав в государственной жизни, а также будут охранять и защищать эти права в случае любого нападения на них.²⁵

Одновременно Подготовительный комитет организовал ряд мероприятий по агитации за участие в съезде. Так, в отдельные славянские земли были отправлены некоторые члены Комитета и доверенные лица, причем в Галицию выехал К. Гавличек, в Хорватию отправились К. Эрбен и В. Ламбль, в Моравию — Ф. Клацель и Я. Огерал, в Далмацию, Боснию и Герцеговину — А. Кузманич, к сербам и болгарам — Тодор Павлович и т. д.²⁶

Кроме того, членами Комитета составлялись и отправлялись специальные приглашения в славянские земли, причем в этих приглашениях не всегда точно выдерживались принципы принятого Подготовительным комитетом общего приглашения. Так В. Ганка усиленно приглашал русских;²⁷ в письмах к неавстрийским славянам делалась следующая приписка: «Пусть Вас не вводит в заблуждение, что обращение адресовано только к австрийским славянам. Мы в наших сегодняшних условиях не могли поступить иначе и теперь особо призываем Вас, чтобы Вы в как можно большем числе были представлены на нашем съезде».²⁸

Весьма интересным представляется письмо секретаря Комитета Карла Владислава Запа к Якову Головацкому, приложенное Запом к тексту «Приглашения» на съезд и датированное 3 мая 1848 г. В этом кратком письме Зап следующим образом формулирует задачи съезда: «Соглашение всех славян об обороне против немецкой бюрократии, которая постепенно встает теперь уже на нелегальную, революционную почву и никоим образом не хочет выпустить из своих рук свое господство; обеспечение интересов каждой славянской ветви (žěru) в отдельности; общая оборона; превращение Австрии в государство Славянское, свободное, независимое от чьей бы то ни было чужой политики».²⁹ Заканчивает свое письмо Зап просьбой, чтобы на съезд приехало как можно больше сторонников Головацкого, «ибо галицко-русские дела потребуют особенно отважных защитников».³⁰

В письме Запа максимально сжато и, вместе с тем, весьма четко изложена позиция прежде всего чешской либеральной буржуазии, при этом в такой форме, которая полностью совпадала с точкой зрения Палацкого. В самом деле, центральным пунктом этой программы является превращение Австрии в славянское государство, что составляло вместе с тем и главное содержание идеи австрославизма. Осуществление в Австрии, где большинство населения было славянским, принципа национального равноправия должно было в конечном итоге привести и к завоеванию славянскими представителями большинства и в земских сеймах, и в общеимперском

²⁵ Zpráva... , Příloha II, s. 19.

²⁶ Z. T o b o l k a. Slovanský sjezd... , s. 59.

²⁷ В. А. Францев. Приглашение русских на славянский съезд в Праге в 1848 году. — «Голос минувшего», 1914, № 5, стр. 238—240.

²⁸ Б р и к. Ук. соч., стр. 149; W. W i s ł o c k i. Op. cit., s. 27; Z. T o b o l k a. Slovanský sjezd... , s. 58.

²⁹ Корреспонденция Я. Головацкого, ч. 132, стр. 241.

³⁰ Там же.

рейхсрате. А австрославистская теория, сформулированная Палацким в письме во Франкфурт, прежде всего настаивала на национальном равноправии. Указание на то, что Австрия должна стать свободным государством, независимым от чьей бы то ни было политики, полностью совпадает с тезисом Палацкого о том, что Австрия должна существовать прежде всего как гарантия против поглощения или подчинения населявших ее народов, с одной стороны, Германией, а с другой стороны — царской Россией.

Отметим, что австрославистская позиция, на которой с самого начала прочно стояло большинство чешских членов Подготовительного комитета, с первых же дней работы последнего встретила сопротивление со стороны поляков, требовавших от предстоящего съезда шагов к восстановлению Польши. На заседании Подготовительного комитета 1 мая в этом духе выступал К. Малиш,³¹ а 5 мая В. Гжибовский заявил, что принятие австрофильской программы будет вызовом полякам и сделает для них невозможным участие в съезде.³² Против этого выступления высказались Палацкий и М. Тун, заявившие, что «к другим славянам мы присоединиться не можем, но остальные могут присоединиться к нам на таких условиях, которые они сами определяют».³³ В конечном итоге Палацкому и его сторонникам удалось отстоять свою точку зрения, и тот же Гжибовский составил по поручению Комитета обращение к полякам,³⁴ в котором он, указывая на притеснения поляков царским правительством и немцами, поддерживает идею укрепления и сохранения Австрии и призывает поляков принять участие в съезде. Однако он предлагает присылать в качестве делегатов людей «благоразумных, умеренных, но ни в коем случае не резких и бурных»,³⁵ так как слишком резкие выступления могут погубить все дело.

Важнейшим результатом деятельности Подготовительного комитета явилось составление проектов порядка и программы съезда.

В соответствии с предложенным Комитетом «порядком Славянского съезда в Праге»³⁶ делегаты съезда разделились на три секции: в первую входили чехи, моравы, силезцы и словаки; во вторую — поляки и русины; в третью — словенцы, хорваты, сербы и далматинцы. Проект определял порядок регистрации делегатов, избрания руководящих органов секций и съезда, а также ход практической работы съезда.

«Программа предметов, подлежащих обсуждению на Славянском съезде»,³⁷ (принятая Комитетом по проекту моравского чеха Франтишка Заха)³⁸ во вступительной части указывала на происходящие в ряде европейских стран коренные преобразования и на необходимость таких преобразований и в Австрийской империи. Программа подчеркивала, что речь идет не о частичном исправлении старой австрийской системы, а о строительстве нового здания, для постройки которого, однако, должен быть использован старый материал. Происходящие в стране бурные события ставят под угрозу существование и безопасность отдельных австрийских народов, а также только что дарованные им свободы. Начавшийся уже

³¹ W. Wisłocki. Op. cit., s. 25.

³² Ibid., s. 28; I. Брик. Ук. соч., стр. 151.

³³ W. Wisłocki. Op. cit., s. 28.

³⁴ Ibid., dod. IV, s. 162—163.

³⁵ Ibid., s. 163.

³⁶ Zpráva..., Příloha III; W. Wisłocki. Op. cit., dod. VIII, s. 171—174.

³⁷ Zpráva..., Příloha IV; W. Wisłocki. Op. cit., dod. IX, s. 175—181.

³⁸ J. Černý. Slovanský sjezd..., s. 25; Z. Tobolka. Slovanský sjezd...,

распад Австрийской империи создает необходимость для каждого народа позаботиться о своей судьбе и о сохранении порядка. Для обсуждения совместных действий славянских народов в такой обстановке и созывается настоящий съезд. Далее программа предлагала съезду обсудить четыре основных вопроса. Первый из них касался заключения союза славянских народов империи для взаимной защиты и поддержки («на тот случай, если бы конституционные свободы или национальная самостоятельность одного из членов союза подверглась опасности, грозящей извне или изнутри страны»).³⁹ Авторы программы выражали при этом сожаление, что народы империи не прониклись убеждением, что единственной гарантией их государственного существования и конституционных свобод может явиться только их объединение в с о ю з н о е государство (spolkový stát). Поскольку, однако, это случилось, программа считает необходимым образование союза между с л а в я н с к и м и народами и предлагает обсудить форму и способы заключения такого союза. Программа подчеркивает, что образование свободного союза славянских народов империи для взаимной обороны создавало бы новые гарантии независимости и целостности государства и «сохранило бы блеск императорской короны и в том случае, если бы даже половина империи должна была быть утраченной».⁴⁰

Второй вопрос касался отношения славянских народов к остальным народам Австрийской империи и условий создания союзного австрийского государства. Подчеркивая, что предполагаемый союз свободных славянских народов Австрии будет союзом равноправных национальностей, программа указывает, что характеру этого союза «совершенно не соответствует стремление подчинить себе другие национальности. Мы сами слишком долго испытывали чужое иго, чтобы желать взвалить несчастья, связанные с таким игом, на другой народ».⁴¹ «Охотно, от всего сердца мы подаем руку всем народам империи: немцам, мадьярам и итальянцам, если они захотят объединить свои силы с нашими для укрепления австрийского союзного государства».⁴² Для образования такого государства программа предлагала созыв в Вене сейма в с е х народов империи, представленных одинаковым количеством депутатов, и призывала эти народы взаимно гарантировать одинаковые права и независимость, полную внутреннюю свободу, а также обсудить способы совместной обороны империи от внешних врагов. Одновременно программа осуждала продолжение мадьярами политики угнетения славянских народов, призывала мадьяр к справедливому отношению к этим народам и предупреждала, что если дело дойдет до кровавой борьбы мадьяр против славян, то представленные на съезде народы «встанут на сторону своих единоплеменников не только потому, что они являются братскими народами, но и потому, что справедливость на их стороне».⁴³ Программа высказывалась далее за равноправие всех языков в официальных учреждениях и указывала, что «понимание и знание нескольких языков является во всех австрийских землях необходимым условием для тех, кто посвящает себя общественной деятельности».⁴⁴

Третий вопрос, который предлагалось обсудить съезду, — это вопрос об отношении австрийских славян к остальным славянам. Программа выска-

³⁹ Zpráva..., Příloha IV, s. 26—30.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Ibid., s. 27.

⁴² Ibid.

⁴³ Ibid., s. 28.

⁴⁴ Ibid.

зывается здесь прежде всего, — правда в весьма общей форме, — за улаживание польско-русских споров и за освобождение славян из-под турецкого ига и выражает надежду, что «и русский народ скоро увидит свет свободы в своей отчизне».⁴⁵ Это все, что в программе говорится относительно России и русских. Заметим, что никаких следов панславистских идей или намерений мы не находим и здесь. Далее программа высказывает надежду, что прусское и саксонское правительства откажутся от политики онемечивания славянских народов в их странах, предлагает в качестве формы межславянских связей ежегодные съезды славянских ученых и призывает «все учреждения для наук и искусств в славянских землях ставить своей задачей прежде всего развитие славянских талантов с допущением свободного соревнования всех славян, независимо от их национальности или вероисповедания».⁴⁶ Как видим, и здесь нет ничего от панславизма.

Наконец, четвертый вопрос состоял в необходимости сформулировать отношение австрийских славян к европейским неславянским народам. Хотя в заголовке этого пункта говорится о «народах» во множественном числе, в тексте его речь идет лишь о взаимоотношениях с Германией. Программа решительно высказывается здесь против всяких попыток включения австрийских земель, полностью или частично, в состав Германии и предлагает съезду протестовать против претензий Франкфуртского парламента. «Австрийское союзное государство может, конечно, как государство вполне суверенное, вступить в дипломатические отношения с Германией, независимо от того, является ли она союзом народов или князей. Но мы, австрийские славяне, не можем пойти на то, чтобы уничтожить суверенность австрийской империи, включившись сами или же включив другую часть империи в иностранное государство».⁴⁷ Программа заканчивалась вопросом о том, должны ли решения съезда по этим пунктам быть представлены императору специальной делегацией. Принятием 27 мая проекта программы фактически завершилась, так сказать, «теоретическая» часть работы Подготовительного комитета. В дальнейшем членам этого комитета пришлось заниматься главным образом вопросами организационными, поскольку начался уже массовый съезд делегатов.

Характеризуя деятельность Подготовительного комитета в целом по тем ограниченным материалам, которыми мы располагаем, мы можем сказать, прежде всего, что в этом комитете вполне определенно видна руководящая роль Палацкого и его политических сторонников. Идеи необходимости сохранения Австрийской империи, как гарантии против поглощения австрийских народов Германией или царской Россией, превращения Австрии в союз равноправных народов, борьбы против притязаний Франкфуртского парламента, объединения действий славянских народов для достижения своих национальных прав и другие основные положения, нашедшие свое выражение в мероприятиях Комитета и в подготовленных им документах, — были сформулированы уже раньше Палацким в ряде его статей и выступлений.⁴⁸

⁴⁵ Ibid., s. 29.

⁴⁶ Ibid., s. 30.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ См. его «Письмо во Франкфурт». — Radhost, díl III, s. 10—17; «Что такое конституция». — Ibid., s. 3—6; «Памятная записка об изменении чешской земской конституции». — «Spisy drobné», díl I, s. 2—6; «Политический афоризм о государстве». — Ibid., s. 7—8; «Проект заявления чешских сословий». — Ibid., s. 15—16; речи в Национальном комитете. — Ibid., s. 36—44 и т. д.

Мы можем также отметить, что Палацкий и его сторонники сумели провести при подготовке съезда реакционную австрославистскую точку зрения в качестве основного принципа, определяющего характер будущей деятельности съезда.

Наконец, мы можем констатировать тот факт, что в течение всего периода подготовки съезда идея панславизма не играла сколько-нибудь заметной роли среди австрийских славян. Что же касается царского правительства, то оно весьма недоброжелательно отнеслось к сообщениям о съезде и запретило русским подданным не только участвовать в съезде, но даже и отвечать на персональные приглашения, полученные ими от членов Подготовительного комитета.⁴⁹

К концу мая большая часть участников съезда прибыла в Прагу, население которой устраивало им торжественные встречи. Основная масса делегатов приехала днем 30 мая. Среди делегатов были известные славянские национальные и политические деятели: чешские — П. И. Шафарик, Ф. Палацкий, В. В. Томек, К. Гавличек, В. Ганка, Я. Пуркине, И. Иречек, И. Франта Шумавский, Ф. Браунер, П. Фастер, Ф. Зах, граф И. М. Тун; словацкие — Людевит Штур, Михаил Милослав Годжа, Милослав Гурбан; польские — К. Либельт, К. Малиш, А. Морачевский, князя Юрий Любомирский и Леон Сапега, Эд. Хоецкий; южнославянские — Вук Караджич, Данчич, Стаматович, Станко Враз, Драгутин Кушляна, Мато Топалович и многие другие.⁵⁰ Отметим, что из общего количества 340 делегатов 35 принадлежали к аристократам и 16 — к духовенству. Почти все остальные делегаты принадлежали к буржуазной интеллигенции.⁵¹ С другой стороны, среди делегатов была известная группа лиц, принадлежавших к радикально-демократическим кругам: И. В. Фрич, В. Гауч, Ф. Гавличек, И. Подлипский, К. Сабина, К. Сладковский, Я. Ламбль, М. Бакунин, П. Фастер и некоторые другие.⁵²

В соответствии с предложенным Подготовительным комитетом порядком работы съезда, делегаты разбились, как мы уже упоминали, на три секции: чехословацкую, польско-русинскую и южно-славянскую.⁵³ Хотя назначенное на 31 мая⁵⁴ официальное открытие съезда было перенесено на 2 июня, тем не менее заседания секций начались именно 31 мая. В течение 31 мая и 1 июня секции избрали свои руководящие органы, утвердили предложенные Подготовительным комитетом порядок работы и программу съезда. От каждой секции были делегированы по 16 человек в Большой комитет, являвшийся президиумом съезда. Председателем чехословацкой секции, насчитывавшей 237 членов, был избран П. И. Шафарик, его заместителем — мораванин И. Дворжачек. Во главе польско-русинской секции, состоявшей из 61 человека, встал участник революционного движения в Познани, Карл Либельт. Его заместителем был Г. Гинилевич. Южно-славянская секция, насчитывавшая 42 члена, избрала своим председателем священника Павла Стаматовича, а его заместителем — радикала Фран-

⁴⁹ См. Францев. Ук. соч.; I. Брик. Ук. соч., стр. 148—149.

⁵⁰ См. список членов славянского съезда в приложении № 10 к «Zprávě o sjezdu slovanském».

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Бакунин называет эти секции соответственно Западной, Северной и Южной. См. М. А. Бакунин. Собрание сочинений и писем, 1828—1876, т. IV (1849—1861). М., 1935, стр. 137.

⁵⁴ В этот день должен был открыться и Франкфуртский парламент.

тишка Заха, мораванина из Сербии. 1 июня руководство съезда посетило земского президента гр. Льва Туна, приветствовавшего делегатов, но выразившего неодобрение по поводу участия в съезде и неавстрийских славян. Затем в Большом комитете произошли выборы старосты съезда. Вначале предполагалось избрание Шафарика. Однако последний отказался, и старостой был избран Палацкий.

В помещенной в чешской энциклопедии («Slovník Naučný») биографии Палацкого, просмотренной и проверенной им самим, сообщается,⁵⁵ что Палацкий поставил условием принятия им этого поста участие Шафарика в руководстве съездом.⁵⁶ Упомянув мимоходом об этом эпизоде в написанном им в 1872 г. послесловии к собранию своих статей и речей (Radhost), Палацкий подчеркивает, что он стал старостой съезда против своей воли.⁵⁷ Так это или не так, во всяком случае руководил он съездом довольно энергично.⁵⁸

Торжественное открытие съезда состоялось 2 июня⁵⁹ на Софийском острове.⁶⁰ В центральном месте зала, где происходило торжество, было вывешено черно-желтое австрийское знамя в окружении флагов всех славянских народов,⁶¹ что являлось демонстрацией лояльности съезда по отношению к Австрийской империи. Съезд должен был открыть председатель Подготовительного комитета граф И. М. Тун. Однако раздраженный тем, что неавстрийские славяне не только приняли участие в съезде (Бакунин, Либельт), но и оказались на выборных должностях (Либельт — в качестве председателя польско-русинской секции, а Бакунин — в качестве делегата от этой секции в секцию южнославянскую), И. М. Тун сказался больным.⁶² В связи с этим съезд открыл его заместитель, барон Нейберг, объявивший об избрании старостой Палацкого и об окончании деятельности Подготовительного комитета. Вслед за этим председательское место занял Ф. Палацкий, выступивший с большой речью, начинавшейся следующими словами: «О чем не могли и мечтать отцы наши, что в юности едва представлялось нам как прекрасный сон, о чем еще совсем недавно мы не осмеливались и говорить, как о своем самом горячем желании — то является сегодня перед нашими счастливыми взорами уже как реальная действительность. Братья славяне из всех своих далеко и широко раскинувшихся родных земель сошлись в огромном числе к нам, в старославную Прагу, чтобы здесь присоединиться к своей великой семье и подать друг другу руку на вечный союз любви и братства».⁶³ Приветствовав всех собравшихся на съезд делегатов и имея в виду провозглашение в Австрии конституционных свобод, Палацкий продолжает: «Свобода, которой мы

⁵⁵ См. перевод этой биографии с сокращениями в №№ 30 и 33 «Современной летописи» за 1865 г.

⁵⁶ «Современная летопись», 1865, № 33, стр. 9.

⁵⁷ «Spisy drobné», díl. I, s. 345.

⁵⁸ Так, напр., В. Халоупецкий (Fr. Palacký. — «Zlatoroh», svazek 10—12. Praha, 1912, s. 112—113) изображает Палацкого как ведущую фигуру на славянском съезде, определившую, вместе с Шафариком, направление деятельности съезда.

⁵⁹ Z. T o b o l k a. Slovanský sjezd... , s. 101. В «Zprávě o sjezdu slovanském» открытие съезда ошибочно датируется 3 июня.

⁶⁰ Вообще же работа съезда проходила в здании чешского музея.

⁶¹ W. W i s ł o c k i. Op. cit., s. 63; Z. T o b o l k a. Slovanský sjezd... , s. 101. См. также: Vlastní životopis Františka Palackého. Z pozůstalosti jeho vydává Marie Červinkova-Riegrova. Praha, 1885, s. 35.

⁶² Z. T o b o l k a. Slovanský sjezd... , s. 102.

⁶³ Radhost, díl III, s. 31.

пользуемся сегодня, это не новый и небывалый между нами гость, она не занесена к нам извне: это — дерево, выросшее на нашей домашней почве, это — подлинное и первородное наследство отцов наших». ⁶⁴

Эти слова Палацкого были направлены прежде всего против имевших тогда значительное распространение в венгерской и мадьярской прессе утверждений, что славянские народы, не знающие что такое свобода, могут получить ее только из чужих рук и должны еще учиться пользоваться ее плодами. Палацкий указывает, что уже древние славяне, соблюдавшие всегда принцип равенства перед законом, понимали свободу «много лучше, чем в наше время многие хваленые племена наших соседей, которые и сегодня еще, повидимому, не могут понять и принять свободу без господства». ⁶⁵ Палацкий призывает эти народы учиться у славян, как надо понимать и соблюдать равноправие народов. При этом он, разумеется, деликатно обходит вопрос о польско-русинских отношениях в Галиции. Далее, Палацкий переходит к определению стоящих перед съездом задач. «Главная задача нашего съезда, — говорит он, — состоит в том, чтобы возбужденному в эти дни миру открыть простую, но важную истину: «*Čeho sobě nechceš, jinému nečěj*» — «чего не хочешь для себя, того не делай и другому» — этот божественный источник всякого права и всякой справедливости». ⁶⁶ Другими словами, Палацкий здесь снова, хотя и в иной форме, выдвигает требование равноправия, разумеется не социального, но национального. Причину претерпеваемых славянскими народами бедствий, причину потери ими национальной свободы Палацкий видит в распылении славянами своих сил, в осуществлении ими различной политики. Вместе с тем он указывает, что период несвободы и угнетения имел для славянских народов ту положительную сторону, что наглядно доказал им необходимость единства, являющегося гарантией их свободы, заставил их осознать эту необходимость. «Славянин есть и будет непобедимым, пока лозунг общей свободы и единения будет отзываться в его сердце. Под этим лозунгом открывается в жизни нашего народа век новый и блестящий». ⁶⁷

Мы видим, что в этой своей речи Палацкий в основном ограничился общими фразами, не поднимая здесь практических вопросов работы съезда, что свидетельствовало, по нашему мнению, о том, что Палацкий с самого начала решил перенести решение этих вопросов на заседания чехословацкой секции, наиболее многочисленной на съезде и в большинстве своем состоявшейся из его сторонников.

После речи Палацкого секретарями секций были зачтены списки делегатов, а также порядок и программа съезда. ⁶⁸ Вслед за этим выступили с речами представители различных славянских народов. Представивший поляков Ю. Любомирский заявил, что славяне выступают теперь как третий великий европейский народ, призванный сделать для человеческого блага больше, чем народы германский или романский, и призвал австрийских славян к образованию федерации, в которой должны участвовать и неславянские народы империи. Провозгласив, что

⁶⁴ Ibid., s. 32.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Ibid., s. 33.

⁶⁸ J. T o u ž i m s k ý. Op. cit., díl I, s. 499.

⁶⁹ Подробное изложение этих речей см.: J. T o u ž i m s k ý. Op. cit., díl I, s. 500—509; J. Č e r n ý. Slovanský sjezd. . . , s. 15—20.

только федерация может обеспечить покой и свободное развитие народов, Любомирский заявил, однако, что славяне не хотят покоя ценой свободы и за свободу готовы бороться. Поляки первыми попытались создать федерацию, но она не привилась, поскольку не была скреплена общей свободой. Она привьется, если будет соблюдаться принцип — не делай другому того, чего не желаешь для себя. Выступивший от имени хорватов Мато Топалович, заявив, что хорватский народ существует лишь на бумаге, потребовал осуществления его национальных прав. От имени галицийских украинцев Иван Борисикевич заявил, что то, что Топалович сказал про свой народ, к сожалению, не может быть отнесено к народу украинскому, поскольку до сих пор его существование не признавалось даже на бумаге. Он указал, что галицийские украинцы испытывают равный гнет и со стороны польских панов, и со стороны немецкой бюрократии.⁷⁰ Он также настаивал на предоставлении национальных прав галицийским украинцам и просил принять и их в федерацию австрийских народов в качестве равноправного члена, свободу которого гарантировали бы другие славянские народы. В том же духе выступали и остальные ораторы.⁷¹ Укажем, однако, что среди чехов имелись противники федерации, считавшие, что федерация могла рассматриваться лишь как самая крайняя уступка чешского народа Австрии, так как юридическим отношением чешской короны ко всему государству должна была быть персональная уния, в связи с чем федерация была отречением от государственных прав чешской короны.⁷²

Практическая работа секций началась на следующий день, 3 июня, обсуждением 1-го пункта предложенной Подготовительным комитетом программы. Все секции были в принципе согласны с необходимостью заключения союза славянских народов для взаимной защиты и поддержки. Однако при обсуждении способов и формы образования такого союза обнаружили разногласия как между секциями, так и внутри их.

В чехословацкой секции был прежде всего поднят вопрос о роли и полномочиях происходящего съезда, т. е. главным образом о том, является ли съезд лишь совещательным или же он должен сам обеспечить также и осуществление своих решений. Доктор Фрич предлагал съезду ограничиться подготовкой проектов с последующим представлением их земским сеймам для решения.⁷³ В связи с этим мораванином Ф. Терребельским было выдвинуто предложение об ограничении предполагаемого союза только теми славянскими народами Австрии, которые имеют сеймы и, следовательно, исполнительную власть, с тем, чтобы союз этих народов помог остальным австрийским славянам добиться такой же степени самостоятельности.⁷⁴ Совершенно другую точку зрения защищал Л. Штур, требовавший, чтобы съезд сам осуществлял свои решения, и предлагавший решительно выступить за реорганизацию Австрии в союз полностью равноправных государств, в котором каждый славянский народ пользовался бы полной самостоятельностью и имел бы свой сейм.⁷⁵ Эта точка зрения была поддержана К. Гавличком,

⁷⁰ Иван Брик. Ук. соч., стр. 191.

⁷¹ Кроме названных лиц выступили от моравян — Дворжачек, от сербов — Груич, от чехов — Коубек, от словаков — Годжа; см. Тоуžимскý. Op. cit., díl I, s. 500.

⁷² Якуб Малый. Воспоминания и заметки старого чешского патриота, стр. 103, 108.

⁷³ Z. T o b o l k a. Slovanský sjezd. . . , s. 109.

⁷⁴ Ibid., s. 110.

⁷⁵ Ibid., s. 109, 111.

заявившим, что апелляция к сеймам не может дать никакого практического результата и что облеченные полномочиями от имени своих народов делегаты съезда могут добиться положительных результатов лишь в отношении тех мероприятий, которые они осуществляют собственными силами.⁷⁶ В итоге продолжительных прений секция приняла по первому пункту программы предложенный Шафариком проект решения в следующей редакции: «Собравшиеся представители славянских общин и народов всего австрийского государства, в том числе и земель венгерской короны, вступают на основе принципа конституционных свобод в союз для защиты своей национальности в полном смысле этого слова там, где они уже пользуются национальными правами, и для достижения этих прав там, где они еще лишены их. Они намерены для этой цели употребить все средства, которые в справедливо устроенном обществе возможны и действенны для защиты прав против угнетателей».⁷⁷

Этот проект, составленный в общих выражениях, подвергся резкой критике со стороны ряда членов секции, особенно словаков (Л. Штур), настаивавших в первую очередь на определении действительных способов национального освобождения Словакии от венгерского господства,⁷⁸ а также некоторых чехов (Гавличек, Дворжачек), требовавших конкретных мер помощи славянским народам в их борьбе с мадьярами.⁷⁹

Препровождая резолюцию чехословацкой секции по первому вопросу в польско-русинскую секцию, председатель П. Шафарик в приписке к ней указывал, что эта резолюция принята почти единогласно. Уже описанные нами разногласия свидетельствуют, однако, что до единогласия в чехословацкой секции было весьма далеко. Интересное сообщение по этому поводу приводится в «Воспоминаниях» Йозефа Вацлава Фрича, чешского демократа, присутствовавшего на заседаниях этой секции. Фрич рассказывает о заседании, состоявшемся 3 июня, следующим образом: «Палацкий настаивал, вопреки воле почти всех остальных, на том, чтобы собравшиеся в Праге славяне поставили во главу своей общей программы сохранение Австрийской монархии (разумеется, конституционной), с добавлением, что мы собрались главным образом для того, чтобы ее защитить. Этот свой проект он внес как староста съезда в чехословацкую секцию, в которой председательствовал Шафарик. . . Едва Палацкий прочел первую фразу своего проекта, большинство слушавших его подняло протестующий крик, в ответ на который Палацкий, швырнув в гнев свой проект на стол, раздраженный покинул зал совещаний».⁸⁰ Далее Фрич пишет, что после того, как большинство ораторов высказалось против предложения и всего выступления Палацкого, председатель секции Шафарик объявил заседание секретным и принял от каждого участника обещание хранить о нем полное молчание.⁸¹

Приписываемое в этом отрывке Палацкому заявление вполне соответствует его точке зрения, и поэтому нет оснований подвергать его сомнению. Сомнение вызывает лишь утверждение Фрича, что против Палацкого выступило большинство членов секции, поскольку в таком случае у сек-

⁷⁶ Ibid., s. 112.

⁷⁷ W. Wiśłocki. Op. cit., dod. X, s. 182.

⁷⁸ Z. Tobolka. Slovanský sjezd. . . , s. 114.

⁷⁹ Ibid., s. 112, 113.

⁸⁰ I. Frič. Paměti. Vyd. 2-e, díl III, s. 161—162.

⁸¹ Ibid., díl III, s. 162.

ции не было бы оснований в конечном итоге принять предложенную Шафариком и Палацким резолюцию.

Но даже если отвергнуть эту часть сообщения Фрича, все же описанный им эпизод весьма выпукло рисует нам позицию Палацкого и те методы, какими он пользовался для проведения своей точки зрения на съезде.

Не пытаясь рассматривать в деталях работу секций, остановимся несколько на тех моментах, которые могут помочь нам определить, что же противопоставлялось австрославистской теории Палацкого ее противниками, принципиально ли отрицалась ими эта теория и играли ли на съезде сколько-нибудь существенную роль панславистские идеи.

Нам известно, что южнославянская секция в конечном итоге поддержала австрославистскую точку зрения, однако, в отличие, например, от словаков, требовавших лишь равных прав с мадьярами в венгерском сейме и вхождения в австрийскую федерацию в составе венгерских земель,⁸² южные славяне настаивали на национальном принципе построения федерации, когда каждая национальность входила бы в эту федерацию непосредственно.⁸³ При этом каждая из этих национальностей должна была бы иметь собственные органы самоуправления, связанные непосредственно с центральным правительством. Обсуждая второй пункт программы — вопрос об условиях образования австрийского союзного государства — южнославянская секция приняла решение, проводящее разницу между интересами чешского народа в Чехии и интересами славянских народов в Венгрии. В этом решении указывалось, что земли, на которых живут один или два народа, не должны разделяться по этнографическому признаку и сохраняют свои существующие территориальные границы. Там же, где живет больше народов, они должны стать самостоятельными и сами решать вопросы о своей территории и форме политической организации. Это решение было поддержано и чехословацкой секцией.⁸⁴ Таким образом разногласия между секциями чехословацкой и южнославянской шли не по линии принципиального отрицания федерации, а по линии определения ее конкретных форм. Любомирский от имени поляков, как мы уже видели, также высказывался за федерацию. Вместе с тем нам известно, что предложенная Подготовительным комитетом программа встретила в польско-русинской секции возражения, в связи с чем представителем секции К. Либельтом был от имени секции внесен проект изменения этой программы. Однако нельзя не отметить, что изменение программы было делом отнюдь не только польско-русинской секции.

Фрич в своих воспоминаниях сообщает, что 4 июня на частных совещаниях свободомыслящих чехов, поляков и южных славян было решено выступить против этой программы и подготовить новую, более демократическую программу.⁸⁵ В выработке новой программы приняли участие, кроме Либельта, Л. Штур, М. Бакунин, Ю. Любомирский, Б. М. Клацель, Ф. Зах, Ф. Терebelский и др.⁸⁶ Обычно в историографии отмечают в качестве основных причин появления этой программы два момента — желание ускорить работу съезда и стремление поляков заставить съезд отказаться от обсуждения лишь внутренних австрийских отношений и поставить ряд вопросов международного характера. Так, например,

⁸² Z. T o b o l k a. Slovanický sjezd... , s. 137.

⁸³ Ibid., s. 138.

⁸⁴ K. K a z b u n d a. Op. cit., s. 227.

⁸⁵ J. F r i č. Op. cit., díl III, s. 163.

⁸⁶ Ibid.

3. Тоболка утверждает, что когда австрославистский проект решения по первому пункту программы встретил в польско-русинской секции сопротивление, то именно для того, чтобы не проявились уже в начале съезда разногласия между его участниками, Либельт предложил изменить программу. В качестве довода приводилась необходимость ускорить окончание съезда. «Действительной же причиной было сопротивление польско-русинской секции австрофильской точке зрения программы съезда».⁸⁷

Необходимо, однако, признать подобное объяснение явно недостаточным и подчеркнуть, что в сравнении с первой программой, программа, внесенная на обсуждение съезда Либельтом, носит принципиально иной характер. Если программа Подготовительного комитета главное и почти исключительное внимание уделяет вопросу национальному и говорит о народах в целом, то программа Либельта ставит на обсуждение уже ряд вопросов социальных, различая городское и сельское население, рабочих и т. д., выдвигая уже вполне конкретные буржуазно-демократические требования. Изложим кратко содержание проекта Либельта. Этот проект предусматривал обсуждение съездом трех главных вопросов: подготовку «Манифеста к европейским народам», который излагал бы принципы и цели славянского съезда; составление петиции к императору с изложением требований славянских народов Австрии и заключение союза славянских народов, а также определение средств осуществления принципов и целей съезда. В соответствии с проектом Либельта «Манифест к европейским народам» должен был содержать, кроме общих принципов справедливости, равенства и свободы для всех народов, также и ряд других, конкретных положений. Главными из этих положений были следующие: ни один народ не может господствовать над другим народом; каждый славянский народ должен иметь свой законодательный сейм и право самому определять для себя форму правительства; непосредственные выборы при возможно меньшем ограничении права избирать и быть избранным; двухпалатная система, при которой одна палата избирает на определенный срок палату старейшин; избираемость чиновников земского управления; вооружение народа в деревнях и городах, избираемость начальников в национальной гвардии; свобода печати, публичных выступлений, союзов, неприкосновенность личности, свобода вероисповедания, торговли и промыслов; единая торговая система в государстве; отмена смертной казни и конфискации имущества; суды присяжных и гласное судопроизводство в уголовных делах; улучшение положения рабочих; бесплатное общественное обучение под наблюдением и управлением всего народа; ни один неславянский парламент не может диктовать своих постановлений славянским народам; отдельные славянские племена, в настоящее время политически разобщенные, должны вновь объединиться в единое национальное целое и поэтому лишь временно остаются в теперешнем своем положении; вступающие в союз под властью царствующей в Австрии династии славянские племена обязуются не выступать никогда друг против друга и помогать друг другу в борьбе с внешним врагом; протест против продолжающегося угнетения отдельных славянских народов и т. д. В текст петиции императору проект Либельта предлагал включить статьи о принципах союза славянских народов под скипетром царствующей династии, об отношении этого союза к неславянским народам Австрии, о нуждах каждого славянского народа Австрии в отдельности, а также просьбу об открытии австрийских границ

⁸⁷ Z. T o b o l k a. Slovanský sjezd. . . , s. 116.

для славянских эмигрантов. Наконец, проект Либельта предлагал следующие основные средства для осуществления провозглашаемых принципов: ежегодный двукратный созыв славянского съезда — в мае и октябре, каждый раз в другой славянской столице; создание постоянного комитета из трех секций для ведения общих дел, а также комитетов отдельных национальностей, связанных с постоянным комитетом; распространение постановлений славянского съезда дозволенными путями: через газеты, союзы — для народов, через депутации и адреса — для правительств. Для поддержания и развития общеславянских связей Либельт рекомендовал образование постоянного литературного комитета, общеславянской библиотеки и Академии, а также издание всеславянского журнала. Проект подчеркивал необходимость использования для достижения этих целей законных средств и отказа от средств тайных и насильственных и указывал, что славяне вступят в бой лишь в том случае, если их права будут отвергнуты и попраны.⁸⁸

Содержание этого проекта показывает, что в нем почти вовсе нет специфически польских требований. Напротив того, в нем содержится ряд общедемократических требований буржуазных свобод, реформы избирательной системы в сторону ее демократизации и, что важно подчеркнуть, улучшения положения рабочих.

Посмотрим теперь, какие же основные требования выдвигались на съезде различными делегациями. О точке зрения большинства чешской делегации мы уже говорили. Кроме того, эта точка зрения нашла свое достаточное отражение в программе Подготовительного комитета. Добавим к уже сказанному, что чехи требовали единства земель чешской короны, оставляя таким образом в стороне вопрос о судьбе словаков.⁸⁹

Среди представленных на съезде словаков не было единства. При обсуждении словацкой проблемы в чехословацкой секции 7 июня встал вопрос о восстановлении Великоморавской державы,⁹⁰ в смысле административного объединения входивших некогда в эту державу земель и включения их, как единого административного целого, в состав Австрии. Однако Гурбан высказался против присоединения Словакии к чешским землям, утверждая, что для этого нет никаких предпосылок. Но Гурбан не высказался и за оставление Словакии в составе Венгрии и предложил создание национального словацкого сейма.⁹¹ Годжа настаивал на том, что словаки должны быть подчинены центральному австрийскому сейму в составе Венгрии.⁹² Людевит Штур потребовал образования в Словакии Национального совета. Новое предложение поступило от Гурбана, связавшегося с представителями русинов и представившего совместно с ними выработанные общие словацко-русинские требования, включавшие следующие основные положения: мадьяры должны признать равноправие словаков и русинов в административной и общественной жизни Венгрии и в венгерском сейме; должен быть создан постоянный словацко-русинский комитет, имеющий право и обязанность наблюдать за соблюдением словацких и русинских национальных прав и интересов и отвергать все приказы и распоряжения центрального венгерского правительства, которые противоречили бы этим интересам; в словацких и русинских учебных заведениях преподавание должно осущест-

⁸⁸ Zpráva. . . , Příloha VI, s. 34—37.

⁸⁹ Z. T o b o l k a. Slovanský sjezd. . . , s. 140—141.

⁹⁰ Fr. B o k e s. Dějiny Slovenska a slovákov, s. 173.

⁹¹ Ibid.

⁹² Ibid.

вляться на национальном языке; арестованные словацкие борцы за национальные права должны быть освобождены и впредь не подвергаться преследованиям; за словаками и русинами должно быть признано право основывать и развивать союзы, имеющие целью содействие прогрессу национальной жизни.⁹³

Южнославянская секция 3 июня обратилась к остальным секциям с просьбой поддержать требование об объединении сербских земель империи в единую административно-политическую единицу во главе с воеводой.⁹⁴ Галицийские украинцы выдвигали требование разделения Галиции на две части, польскую и украинскую, каждая из которых должна была пользоваться самоуправлением в составе Австрии и иметь свои сеймы.⁹⁵ Как и другие народы, они требовали признания равноправия их языка в официальной и общественной жизни и учреждениях, право на организацию национальных школ всех ступеней и свободы вероисповедания. Примерно те же требования выдвигали хорваты, словенцы, далматинцы, настаивавшие на самоуправлении и самостоятельности во внутренних делах и для себя.⁹⁶

Остановимся еще на нескольких документах, относящихся к деятельности съезда.

При обсуждении 5 июня на совместном заседании секций внесенного Либельтом проекта, последний встретил некоторые возражения. Так, Франтишек Зах предлагал, вместо того, чтобы заниматься составлением манифестов, обсудить конкретные условия заключения союза между австрийскими славянами.⁹⁷ Серб Груич считал, что информировать о целях и мероприятиях съезда целесообразно главным образом через печать, а не через манифесты, и указывал, что будущность славян должна быть обеспечена созданием собственных вооруженных сил, о чем и следует совещаться в первую очередь.⁹⁸ Палацкий, выступая при обсуждении этого проекта, как и при всех других обстоятельствах, выдвигал на первый план вопрос национальный. «Мы все хотим свободы, — говорил он, — но не все видим, в чем состоит свобода. Мы имеем обещанную нам свободу и пользуемся уже ею. Но это — только свобода личностей и сословий, свобода политическая. О ней и шла речь до сих пор. Однако есть и другая свобода, свобода народов как моральных индивидуальностей (со mravnich osob). Свобода отдельных лиц выражена в правиле: «Чего не хочешь, чтобы другие делали тебе, того не делай также и им». Свобода народов должна основываться на том же самом принципе. . . Задачей нашего съезда является провозгласить свободу народов на принципе равноправия».⁹⁹

Большинство собрания в конечном итоге, однако, поддержало проект Либельта, и он был утвержден. Для обсуждения по существу и составления указанных в проекте документов были образованы специальные комитеты. С целью подготовки проекта манифеста к европейским народам был создан «Дипломатический комитет» под председательством Палацкого,

⁹³ Ibid., s. 174.

⁹⁴ См. письмо южнославянской секции по этому поводу: W. Wisłocki. Op. cit., dod. XII, s. 180—187.

⁹⁵ I. Брик. Славянський з'їзд, стр. 200—201.

⁹⁶ Все эти требования были включены в проект адреса императору, который, однако, съезд не успел обсудить. См. Zpráva. . . , Příloha VIII.

⁹⁷ Z. T o b o l k a. Slovanský sjezd. . . , s. 124—125.

⁹⁸ Ibid., s. 125.

⁹⁹ Ibid.

при участии К. Либельта, Ф. Заха и других. Активное участие в подготовке манифеста принял и Бакунин, указывавший позже, что Палацким был использован составленный им на французском языке проект.¹⁰⁰ Комитет высказался за полное равноправие национальностей, за федеративную Австрию, осудил политику разделения Польши и угнетения славян в Венгрии, призывал прусское и саксонское правительства отказаться от политики систематической денационализации славян в Лужицах, Познани, Восточной и Западной Пруссии, выразил надежду на освобождение турецких славян и выдвинул проект созыва всеобщего европейского конгресса для разрешения всех международных вопросов.¹⁰¹

В текст манифеста, подписанный и составленный в основном Палацким, вошли, однако, и отдельные места из проектов Либельта, Бакунина и Заха. В дальнейшем, публикуя манифест в собрании своих статей и выступлений, Палацкий эти места выпустил, указав, что они принадлежат не ему.¹⁰² Именно к этим местам относятся положения, осуждающие политику разделения Польши, угнетения венгерских и турецких славян, денационализации славян в Пруссии и Саксонии и т. д.¹⁰³ Принадлежащая же собственно Палацкому часть манифеста носит в целом фразеологический характер. Отметим лишь те места этой части, где осуждается всякое господство грубой силы, отвергаются сословные различия, привилегии и преимушества, провозглашается принцип равенства перед законом, выдвигается требование преобразования империи в союз равноправных народов и признания за славянскими народами тех же прав, какими в империи уже пользуются немцы и мадьяры. Можно констатировать, что все основные мысли этой части содержались уже в программе Подготовительного комитета, часто даже в тех же формулировках, что свидетельствует о непосредственном и значительном участии Палацкого в составлении этой программы. Вместе с тем очевидно, что выпущенные Палацким в Radhostě места вошли в манифест непосредственно из проекта, представленного Либельтом.

«Манифест к европейским народам» был принят в окончательной редакции съездом на последнем заседании 12 июня. Съездом были образованы также специальные комитеты для составления проектов адреса императору и соглашения о союзе славянских народов Австрии. Эти комитеты не успели завершить своей деятельности до окончания съезда, прерванного пражским восстанием. Однако проекты были ими в основном подготовлены. Первый из них состоял из сведенных воедино изложенных выше требований отдельных славянских народов и не содержал ничего принципиально нового по сравнению с этими требованиями.¹⁰⁴ Относительно третьего пункта программы Либельта, — союза славянских народов, — съезду было подано несколько проектов, в том числе Либельтом, Бакуниным, Захом, Любомирским и др. «Но из них одни, — пишет Я. Черный, — как, например, проекты Либельта и Бакунина, не могли быть приняты потому, что

¹⁰⁰ Бакунин перед саксонской следственной комиссией. — «Пролетарская революция», 1926, № 7, июль, IX. Допрос 12 окт. 1849, стр. 207.

¹⁰¹ J. Černý. *Boj za právo, díl I.*

¹⁰² Radhost, díl III, s. 34.

¹⁰³ Эти места восстановлены в примечаниях к IV тому Собрания сочинений и писем М. А. Бакунина (М., 1935, стр. 478—480). Полный текст манифеста на чешском языке см.: Zpráva o sjezdu slovanském, Příloha VII; J. Černý. *Boj za právo, díl I*; на польском — W. Wiślicki. *Op. cit.*, dod. XVII.

¹⁰⁴ Zpráva . . . , Příloha VIII.

касались не только австрийских славян, но и славян неавстрийских; другие, как проект Заха, также не были одобрены, так как предусматривали федерацию всех, в том числе и неславянских австрийских народов в преобразованной империи. Съезд же не считал себя уполномоченным к осуществлению как той, так и другой задачи». ¹⁰⁵ Наиболее приемлемым для Комитета оказался проект, представленный Ю. Любомирским. ¹⁰⁶

Хотя этот проект, подготовка которого была завершена в соответствующем комитете лишь к середине дня 12 июня, ¹⁰⁷ и не обсуждался съездом, все же его содержание представляет для нас интерес. Проект носил название «Акт австрийско-славянской Унии» ¹⁰⁸ и состоял из 18 статей и вводной части, дававшей общую характеристику положения Австрийской империи и входивших в ее состав славянских народов и заявлявшей о заключении между австрийско-славянскими народами вечного федеративного союза для взаимной защиты и развития их национальностей. Параграф 1-й подчеркивал принцип равноправия участников Унии. Во 2-м параграфе указывалось, что вступление в Унию тех народов, которые лишь одной своей частью входят в Австрийскую империю, отнюдь не свидетельствует об их отказе от политического воссоединения в дальнейшем с остальными частями своего народа и от восстановления национального и исторического единства, а в соответствии с параграфом 4-м каждый из союзных народов сохранял полное право на самостоятельное развитие своих национальных, гуманитарных, политических и социальных институтов. В качестве основных целей заключения Унии параграф 3-й определял: взаимное обеспечение национальной независимости и территориальной целостности, обеспечение конституционных свобод, общих интересов, а также сохранение полной независимости и неприкосновенности Австрийской империи. Указывая, что Уния будет находиться под скипетром австрийских императоров из Габсбургско-лотарингского дома, проект подчеркивал, что последние ни при каких обстоятельствах не могут уступить или ограничить, непосредственно или косвенным путем, свой суверенитет в интересах какой бы то ни было иностранной державы, и сообщал о полной готовности славянских народов всеми силами защищать этот суверенитет (§ 5). К числу главных обязанностей членов Унии проект относил сохранение между ними постоянного мира и искреннего согласия, соблюдение всех условий и постановлений Унии; оказание немедленной помощи людьми, вооружением, деньгами и всеми другими способами тому из союзных народов, независимости, свободе или территориальной целостности которого стала бы угрожать опасность; защиту независимости и самостоятельности Австрийской империи и суверенитета императорского правительства и охрану целостности Унии (§ 6). Дальнейшие параграфы определяли формы практической деятельности Унии, руководящим органом которой должен был стать Совет представителей Унии, ¹⁰⁹ состоящий из 5 делегатов от каждого национального сейма, осуществляющий посредничество между членами Унии и распределяющий между ними функции по проведению совместных мероприятий. Проект предусматривал возможность вхождения в состав Унии мадьяр, в случае признания ими словом и делом равноправия славянских народов, а также и австрийских немцев, в случае отказа

¹⁰⁵ J. Černý. Slovánský sjezd. . . , s. 46.

¹⁰⁶ W. Wisłocki. Op. cit., dod. XIX, s. 210—215.

¹⁰⁷ J. Černý. Slovánský sjezd. . . , s. 46.

¹⁰⁸ W. Wisłocki. Op. cit. dod. XIX, s. 210.

¹⁰⁹ «Rada Wysłańców Unji» — Ibid., art. VIII, s. 212.

их от всякой такой политической связи с Германской империей, которая в той или иной степени нарушала бы независимость и суверенитет Австрийской монархии (§§ 16, 17).¹¹⁰

Мы видим, что и этот документ, составленный по л я к о м Ю. Любомирским, проводил точку зрения австрийской федерации, предусматривал участие в ней немцев и мадьяр и был направлен, прежде всего, против претензий Франкфуртского парламента, поддерживавшихся австрийскими немцами, и против антиславянской политики венгерского правительства.

Последняя группа интересующих нас документов связана с обстоятельствами, прервавшими съезд, и с отношением съезда к Пражскому восстанию.

Как уже указывалось, 12 июня состоялось последнее заседание съезда, на котором был принят «Манифест к европейским народам». Одновременно было решено в последующие два дня обсудить предложения комитетов по второму и третьему пунктам новой программы и 14 июня собраться на заключительное заседание. Однако разыгравшиеся в Праге 12 июня события сделали дальнейшую деятельность съезда невозможной. По распоряжению начальника национальной гвардии князя Лобковица поляки, сербы, хорваты и другие делегаты, не относящиеся к местному населению, должны были 13 июня покинуть Прагу.¹¹¹ Оставшиеся в Праге делегаты, главным образом чехи, собравшись 16 июня, объявили съезд отложенным на неопределенное время.¹¹² В специальном заявлении по этому поводу¹¹³ подчеркивалось, что съезд лишь прервал свою работу, а не прекратил ее навсегда, что делегаты и пославшие их народы не отказались от провозглашенных ими принципов и намерений и что к моменту вынужденного окончания съезда его участники сумели уже притти к согласованным решениям по всем основным вопросам. В заявлении указывались следующие задачи, над решением которых делегаты съезда были намерены работать и в дальнейшем: осуществление и укрепление связи между славянами, находившимися под властью австрийского правительства, завоевание для славян в соответствии с принципом равенства народов тех прав, которые принадлежат каждому народу уже по одному тому, что он является народом, поднятие австрийских славян на соответствующую их численности и духовной силе высоту и т. п.

Прекращение деятельности славянского съезда совпало с началом Пражского восстания 12—17 июня, явившегося кульминационным пунктом революционного движения в Чехии в 1848 г. В настоящей статье не представляется возможным и целесообразным останавливаться на ходе этого восстания. Однако необходимо отметить, что представители имевшихся на съезде политических направлений заняли в ходе восстания диаметрально-противоположные позиции. Если радикальное крыло славянской буржуазии оказалось полностью на стороне восставших, причем чешские радикалы И. В. Фрич, К. Сабина, К. Сладковский и ряд других возглавили это восстание, то либеральное крыло славянской буржуазии, возглавленное Палацким, Шафариком, Ригером и другими, выступило против восстания, солидаризировавшись в этом вопросе с политикой австрийского двора. Чешская буржуазная историография склонна всячески превозносить позицию, занятую в этом вопросе вождями чешской либеральной буржуазии.

¹¹⁰ Ibid., s. 214—215.

¹¹¹ J. Č e r n ý. Slovaňský sjezd . . . , s. 40.

¹¹² Ibid.

¹¹³ «Объявление об отсрочке съезда на неопределенное время». — Zpráva . . . , Příloha IX, s. 49—51.

И эти вожди, и все историки этого периода из лагеря чешской буржуазии осуждали Пражское восстание как гибельное и вредное для дела борьбы за исторические права земель чешской короны. Палацкий, Шафарик и их единомышленники делали все для того, чтобы прекратить восстание, чтобы добиться капитуляции чешских рабочих, ремесленников, студентов и мелкой буржуазии, сражавшихся в течение 5 дней против армии князя Виндишгреца. Иную позицию заняли представители левого, радикально-демократического крыла участников съезда. В противоположность Палацкому, Шафарику, Ригеру и другим либералам, они пытались помочь восставшим, пытались предпринять шаги к объединению усилий восставших, к созданию единого руководящего центра.¹¹⁴

Репрессии, которым подверглась Чехия после подавления Пражского восстания, коснулись и ряда участников съезда, в том числе и некоторых вполне лояльных по отношению к монархии чешских либералов. В связи с этим чешскими либералами был проведен ряд мероприятий с целью доказать непричастность к восстанию съезда в целом, предать забвению те отдельные демократические или антиавстрийские выступления или действия, которые имели место. В уже упомянутом нами заявлении об отсрочке съезда подчеркивалось, что события, прервавшие съезд, «возникли помимо него, из слоев ему совершенно чуждых»,¹¹⁵ и указывалось, что главной целью съезда было создание основ для братского союза между национальностями империи. Авторы заявления сообщали, что с целью прекращения слухов о тайных намерениях австрийских славян и пресечения распространения врагами славян злонамеренных рассказов, остающимися в Праге участниками съезда решено составить исторический отчет о Пражском съезде и приложить к нему документы съезда.¹¹⁶ Нельзя не отметить, что немецкая пресса, не говоря уже о венгерской, действительно приписывала съезду самые фантастические намерения. «Считалось догмой, — пишет по этому поводу Маршан,¹¹⁷ — что славянский съезд представляет собой некий предпарламент к созданию славянской империи». Большинство немецких газет приписывало съезду панславистские намерения, «т. е. что все славяне сошлись только для того, чтобы подготовить присоединение к России».¹¹⁸ Были и такие, которые утверждали, что подготавливается революция для создания западнославянской республики, мотивируя этот вариант присутствием на съезде большого количества поляков, «которые уже *eo ipso* отождествлялись в Германии с революцией и республикой».¹¹⁹ Немецкая пресса злорадствовала по поводу того, что участники съезда были якобы вынуждены для совещаний пользоваться немецким языком.¹²⁰ Это, однако, опровергается участниками съезда. Так, например, Якуб Малый пишет, что на всех совещаниях употреблялись славянские языки.¹²¹ Немец-

¹¹⁴ С этой целью 15 июня в одно из зданий Пражского университета — Клементинум — где руководителем восставших был Иозеф Фрич, явились мораване Бедржих Блоудек и Франтишек Зах, словак Людевит Штур и русский Михаил Бакунин. Однако их попытки не увенчались успехом, так как силы восставших иссякли и восстание близилось к концу.

¹¹⁵ Zpráva. . . , Příloha IX, s. 50.

¹¹⁶ Ibid., s. 51.

¹¹⁷ R. M a r š a n. Čechové a němci r. 1848 a boj o Frankfurt. Praha, 1898, s. 168.

¹¹⁸ Ibid., s. 169.

¹¹⁹ Ibid.

¹²⁰ Ibid.

¹²¹ J. M a l ý. Naše znovuzrození. Přehled národního života českého za posledního půlstoletí, část. II. Praha, 1880, s. 69.

кий же язык употреблялся для составления официальных документов и обращений к правительству и императору.

Разумеется, больше всех других обвинений напугало организаторов съезда обвинение в революционности, и именно это обвинение они и постарались опровергнуть в первую очередь. Граф И. М. Тун, бывший председатель Подготовительного комитета, уже 19 июня, т. е. через день после подавления восстания, направил начальнику национальной гвардии князю Иосифу Лобковицу письмо, в котором доказывал личную непричастность к восстанию и непричастность к нему съезда в целом.¹²² 28 июня в «Kvĕtech», а 30 июня в «Národních Novinách» было опубликовано заявление об отсрочке съезда, на этот раз под названием «Извещение о характере и целях Славянского съезда».¹²³ Это «Извещение» явилось основой для составленной в том же году В. В. Томком «Исторической справки о славянском съезде».¹²⁴

Работавшая в Праге по расследованию обстоятельств Пражского восстания военно-судебная комиссия потребовала от земского президента графа Льва Туна отчета о съезде. Л. Тун, в свою очередь, предложил старосте съезда Ф. Палацкому представить в комиссию все протоколы и бумаги съезда. Палацкий, вынужденный уехать в это время к своей внезапно заболевшей жене в Лобковицы, перепоручил это П. И. Шафарику, а земскому президенту отправил письмо, в котором дважды явно погрешил против истины. Так, прежде всего, он писал, что не может представить протоколы заседаний потому, что «таких протоколов вообще нет и они не велись».¹²⁵ Между тем нам известно, что в польско-русинской секции протоколы велись регулярно и подписывались председателем секции или его заместителем и секретарем.¹²⁶ Одложиконом опубликованы 7 протоколов чехословацкой секции и установлено, что южнославянская секция имела 12 протоколов.¹²⁷ Кроме того, велись протоколы в Подготовительном комитете.¹²⁸

Палацкий пишет далее в этом письме, что на съезде «не разговаривали, не совещались и даже не помышляли ни о чем таком, что противоречило бы принципам, провозглашенным в заявлении от 5 мая с. г.,¹²⁹ и что все легенды, появившиеся в последнее время о сепаратистских, либо враждебных австрийскому императорскому дому стремлениях принадлежат к тем бесчисленным и бессовестным измышлениям, лжи и наговорам, которыми немецкая журналистика, почти сплошь однородная, ныне пестрит всюду, где речь идет о славянах вообще и о чехах в частности».¹³⁰ Это свое

¹²² V. Chaloupcký. Hrabě Josef Matyáš Thun a slovanský sjezd v Praze r. 1848. — ČČN, ročn. XIX, 1913, s. 88—91.

¹²³ «Navěsti o povaze a cílech slovanského sjezdu»; J. Černý. Vojska právo, I, s. 324—325.

¹²⁴ Zpráva o sjezdu slovanskému. Praha, 1848.

¹²⁵ «O slovanském sjezdu s Praze». — Spisy drobné, díl I, s. 51.

¹²⁶ У Вислоцкого приведено 11 протоколов, из которых первый (от 31.V. 1848) подписан М. Краинским, И. Борискевичем и Ю. Любомирским; 2-й (тоже от 31.V) — временным секретарем С. Целярским; 3—7 — Либельтом и Валевским; 8—11 — Гинилевичем и Залеским.

¹²⁷ См. О. Odložilik. Slovanský sjezd a svatodušní bouře r. 1848. — «Slovanský Přehled», 1928; см. его же рецензию на книгу: Pregelg. Slavenska Renesansa. — «Časopis Matice Moravské», LI, 1927.

¹²⁸ Они опубликованы Траубом в 1918 г. См. Н. Traub. O přípravách k slovanskému sjezdu v Praze r. 1848. — «Časopis Musea Království českého», ročn. XCII. Praha, 1918.

¹²⁹ Обращение к неславянским народам Австрии.

¹³⁰ Spisy drobné, díl I, s. 51—52.

утверждение Палацкий торжественно скрепляет честным словом. Между тем он был бы значительно более близок к истине, если бы говорил о том, что гарантированную им лояльную и благонамеренную позицию занимало б о л ь ш и н с т в о съезда, но что имели место на съезде и «крамольные» речи и выступления. Напомним, что, например, Л. Штур требовал, чтобы съезд боролся за сохранение и спасение славянских народов, а не австрийской империи: «Наша цель состоит в том, чтобы сохранить с е б я. Прежде всего мы должны служить себе, а не другим. До сих пор Австрия стояла, а мы гибли. Что сказал бы мир, если бы мы не заботились ни о чем, кроме сохранения Австрии! С гибелью Австрии мы не погибнем».¹³¹ Присутствовавший на съезде Бакунин прямо призывал к уничтожению Австрийской империи.¹³² Значительные антиавстрийские настроения имелись у поляков.

Вместе с тем Палацкий утверждает, что съезд «с самого начала постановил, что его решения не будут иметь ни законодательной, ни административной силы, и все переговоры на нем имели скорее характер дружеской частной конференции».¹³³ Подобное заявление в устах Палацкого звучит несколько странно, так как ему было хорошо известно, какое «дружественное» отношение встречала со стороны некоторых участников съезда его позиция по ряду вопросов. Да и достаточно необычное явление представляет «частная конференция», обращающаяся с манифестом к европейским народам и предъявляющая требования к ряду европейских правительств.

Те же мысли Палацкий развивает и в написанном позже (в январе 1849 г.) так называемом «Вынужденном заявлении»¹³⁴ по поводу появившейся в конце 1848 г. брошюры Бакунина «Послание к славянам», перепечатанной Карлом Сабиной в «Известиях Славянской Липы». Не вдаваясь в детали вопроса о роли и позиции Бакунина в 1848 г. вообще и в чешских событиях в частности, поскольку этот вопрос требует специального исследования,¹³⁵ отметим лишь то, что касается позиции Палацкого. Последний выступает в этом заявлении против призывов Бакунина к революции, противопоставляя при этом революцию свободе, и против его требований разрушения и уничтожения австрийской монархии. Говоря о славянском съезде, Палацкий утверждает, что этот съезд «не знал более важной и настоящей задачи, нежели та, чтобы гибель Австрии, грозившую тогда более всего со стороны франкфуртско-мадьярских планов, предотвратить объединением всех славянских племен империи».¹³⁶

Как и в более ранних своих политических выступлениях и произведениях, Палацкий подчеркивает при этом, что «... члены славянского съезда уже тогда, как и теперь, имели в виду Австрию новую, справедливую, как союз свободных и равноправных народов под властью наследственного сильного императора, но никоим образом не очаг старого абсолютизма, не гнездо реакции, не Эльдorado бюрократии».¹³⁷

¹³¹ K. K a z b u n d a. Op. cit., s. 232.

¹³² V. Č e j c h a n. Bakunin v Čechách. Praha, 1928, s. 23; Z. T o b o l k a. Politické dějiny československého národa. . . , díl I, s. 85. — Сам Бакунин пишет об этом в ряде мест; см. также: F. P a l a c k ý. Spisy drobné, díl I, s. 91—92.

¹³³ «Spisy drobné», díl I, s. 51.

¹³⁴ Ibid., s. 90—92.

¹³⁵ Мы полагаем, что уже тогда роль Бакунина следует оценивать как отрицательную, дезорганизаторскую, хотя он и примыкал к радикально-демократическому течению.

¹³⁶ F. P a l a c k ý. Spisy drobné, díl I, s. 91.

¹³⁷ Ibid., s. 92.

В заключение укажем, что П. И. Шафарик действительно представил графу Л. Туну кое-какие бумаги, относящиеся к деятельности съезда, но в крайне незначительном количестве, сославшись на то, что те записи, которые делались отдельными делегатами, были ими при поспешном оставлении Праги захвачены с собой. В препроводительном к этим бумагам письме¹³⁸ Шафарик, в полном соответствии с заявлениями Палацкого по этому вопросу, пишет, что «единственной целью, которую имели инициаторы съезда, было законными средствами сохранить, укрепить и возвысить славянские народы в Австрии, которые подвергаются опасности со многих сторон» и что «ни на минуту им не приходила в голову мысль действовать против стародавней династии и против государственных интересов Австрийской монархии».¹³⁹ Заметим при этом, что Шафарик более осторожно, чем Палацкий, говорит здесь лишь об инициаторах съезда, а не обо всем съезде в целом.

Ограничимся этими документами и подведем итоги.

1. Славянский съезд 1848 г. в Праге явился одним из проявлений славянского национального движения, буржуазного по своему существу и характерного тесными связями с дворянством; съезд этот, как и другие национальные выступления, отражал борьбу молодой славянской буржуазии против господства немецкой и венгерской буржуазии в экономической и политической жизни империи. Вместе с тем съезд происходил в обстановке роста недовольства славянских «низов» — крестьянства и пролетариата — шовинистической политикой буржуазии и дворянства господствующих в империи наций. Антиславянская политика немецкой и венгерской буржуазии, претензии Франкфуртского предпарламента на включение славянских земель в состав Германской империи и другие подобные факты вызвали среди различных классов разобщенных славянских народов Габсбургской монархии недовольство и сопротивление, создавшие благоприятные условия для пропаганды и осуществления идеи созыва славянского съезда.

2. Наряду с этими общими причинами возникновения мысли о славянском съезде должны быть отмечены и некоторые специфические интересы отдельных национальностей, как, например, надежды чешской буржуазии использовать национальное движение австрийских славян для завоевания экономического и политического господства в чешских землях, стремление галицийских украинцев к освобождению от гнета польской шляхты и к созданию собственного административно оформленного национального очага и т. п.

3. При возникновении идеи о славянском съезде содержание ее было совершенно неясным и имелся ряд вариантов относительно формы, мероприятий и компетенции этого съезда. В связи с этим наиболее сильная в организационном отношении чешская либеральная буржуазия, поддержанная частью дворянства, постаралась, и притом с успехом, взять дело организации съезда в свои руки с тем, чтобы придать ему определенный, соответствующий ее интересам и политической позиции, характер.

4. Руководителям этой группы чешской буржуазии, среди которых одну из первых ролей играл Палацкий, удалось в период подготовки съезда провести в качестве руководящего принципа идею австрославизма, а

¹³⁸ List P. J. Šafařika hr. Lvu Thunovi o slovanském sjezdu. — Помещено в книге: А. Вајеровá. Z české revoluce 1848 r. Praha, 1919, s. 77—81.

¹³⁹ Ibid., s. 78, 79.

в качестве главного вопроса для обсуждения — вопрос национальный, что нашло свое отражение в выработанной Подготовительным комитетом программе деятельности съезда.

5. Однако в ходе самого съезда некоторые положения этой программы, ее сосредоточенность на одном лишь вопросе о национальном равноправии и нежелание ставить вопросы, имеющие социальный характер, встретили возражения и оппозицию среди демократически настроенных участников съезда, что нашло свое отражение в составлении последними нового проекта программы, представленного Либельтом.

6. Палацкий и его сторонники из лагеря чешской либеральной буржуазии вели борьбу за сохранение съездом намеченного ими еще в подготовительный период австрославистского направления. Поскольку демократическое течение было представлено на съезде в количественном отношении слабо, им удалось в основном это направление сохранить.

7. Ф. Палацкий, верный своей теории австрославизма, провозглашенной им задолго до съезда, последовательно отстаивал и на съезде эту теорию. Верный также своему стремлению объединить все слои чешского народа под знаменем борьбы за «общенациональные», другими словами — буржуазные интересы, Палацкий здесь, как и всюду, выдвигал на первый план эти интересы, стараясь отвлечь чешский народ от борьбы за интересы классовые, социальные.

8. Господствующей идеей во всех опубликованных и подготовленных съездом документах является сохранение и укрепление Австрийской империи, преобразованной в федерацию равноправных национальностей, пользующихся полным самоуправлением во внутренних делах. Во всех этих документах, как и в деятельности съезда, нет никаких следов намерения сколько-нибудь значительной группы делегатов отстаивать идею государственного объединения славянских народов Австрии с царской Россией.

9. Необходимо, однако, подчеркнуть, что большинство участников съезда, поскольку оно защищало австрославистскую теорию, заняло, таким образом, враждебную европейскому революционному движению позицию, так как одной из главных задач этого движения была борьба за уничтожение реакционной империи Габсбургов. Поддержка же этой империи означала на деле укрепление сил общеевропейской реакции и контрреволюции, а тем самым и косвенную поддержку русского царизма, что неоднократно подчеркивалось Марксом и Энгельсом, призывавшими европейских революционеров к революционной войне против царской России — жандарма Европы.

Именно с этой точки зрения основоположники марксизма резко осуждали восторжествовавшую на съезде реакционную политику славянской, прежде всего чешской, либеральной буржуазии, возглавленной Палацким и установившей открытый союз и сотрудничество с дворянством и Габсбургами против революционного движения.¹⁴⁰

¹⁴⁰ См. статьи Маркса и Энгельса «Падение Вены», «Демократический панславизм» и др. (Сочинения, т. VI, VII). Вопросу об оценке Марксом и Энгельсом революционных событий в Чехии в 1848 г. и контрреволюционной позиции чешской либеральной буржуазии и дворянства мы посвящаем специальную статью, в настоящее время подготавливаемую к печати.

С. А. Никитин

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ СЕРБОВ ВОЕВОДИНЫ В 1848 ГОДУ

Политическая история Воеводины в 1848 г. — тема, которая уже давно и в разных формах освещалась в литературе. Больше всего ее касались в связи с венгерской революцией и сравнительно мало изучали внутреннюю историю Воеводины. Уже давно в литературе наметились достаточно ясно две точки зрения. Первая из них ведет свое происхождение от современных событиям 1848 г. политической литературы и выступлений некоторых руководителей движения. Это — взгляд на сербское движение как движение в существе своем проавстрийское; его раньше всего высказывали И. Николич в чисто публицистическом произведении «Войводство серба австрийски» (1849) и С. Каппер в своей книге «Die serbische Bewegung in Südbungarn» (1851).

Задачу показать исторический ход воеводинского движения, на основе нового архивного материала, в связи с участием в нем сербов княжества, впервые поставил себе М. Павлович в книге «Србија и српски покрет у јужној Угарској 1848 и 1849» (1904). Он дал много новых и интересных данных, показал связь движения в Воеводине с Сербией и участие последней в делах Воеводины. Гораздо резче, чем это делалось до того, он показал национальный элемент в сербском движении, но совершенно не остановился на вопросе об оценке его общего характера. В появившейся в последнее время работе В. Богданова («Nacionalni i socijalni sukobi vojvodana i mađara 1848—1849») автор поставил себе задачу пересмотреть вопрос об общем характере и существе венгерской революции, а также о характере движения сербов Воеводины. Он старался вскрыть классовые и национальные антагонизмы, действовавшие в это время. Впервые и вполне верно он указал на участие демократических элементов в движении, но ошибочно подчеркивал демократический и прогрессивный характер всей борьбы сербов Воеводины, не различая этапов ее развития; он неверно характеризовал венгерскую революцию как дворянское движение, игнорируя ее значение как буржуазно-демократического переворота. Таким образом, при всем интересе, какой представляет эта работа, многие положения ее являются спорными, а некоторые вопросы, очень важные для понимания характера отношений в Воеводине, не поставлены и в этой новейшей работе.

Автор настоящей статьи не пытается поднять всех проблем, относящихся к пониманию характера событий 1848 г. в Воеводине. Его интересует главным образом социальная и политическая сторона движения.

I

Территория, известная под именем Воеводины, не представляла в рассматриваемое время единства ни с точки зрения административной, ни в отношении сложившейся здесь социально-экономической обстановки. Политическая борьба 1848 г., которую называют движением в Южной Венгрии (М. Павлович) или движением в Воеводине (В. Богданов), охватила территорию сербских комитатов Венгрии и примыкающей к ним части Военной границы. Движение распространилось в районах Баната (Великая Кикинда, Велики Бечкерек, Потисский дистрикт), в Панчовском округе Военной границы. Оно коснулось Бачки, которую затронуло слабее, чем Банат, и где центр борьбы пришелся на юго-восточную ее часть, захватив, таким образом, оба берега Тиссы. Оно распространилось на правом берегу Дуная, в Среме, т. е. в Петроварадинском округе Военной границы и Сремской жупании Хорватии и Славонии. Такова территория движения 1848 г. Положение местного населения в названной территории не было одинаковым. Не одинаковым оказалось и участие населения в движении. Разные части охарактеризованной территории и разные группы населения проявили себя в движении различно.

Военная граница, ведущая свое начало с XV в. в качестве меры военно-оборонительного порядка, представляла собою систему военных поселений, разделенных в XVIII в. на ряд полков. Численность полка определялась численностью населения, живущего на его территории. Каждый способный к военной службе граничар должен был нести военную службу, получая от казны участок земли, военную амуницию и пару сапог в год. Только граничарская кавалерия субсидировалась правительством. В военное время все граничарское войско содержалось и продовольствовалось за счет государства. Помимо военной повинности, граничары были обязаны уплачивать денежные налоги за землю, изменявшиеся в зависимости от качества земли и приносимых ею доходов, отбывать натуральные повинности по нарядам граничарского командования — 1 день ручной работы или $\frac{1}{2}$ дня работы одного человека с упряжкой за каждый иох (от 0.3 до 0.5 га) принадлежащей граничару земли. Служба в армии давала налоговые льготы: за каждого человека, находящегося на службе, скидывалось с суммы денежных налогов 12 флоринов в мирное время и 18 — в военное¹.

На территории Военной границы существовали две формы земельного владения. Владение землей, налагающее обязанность военной службы (*dominium utile*), и владение на праве полной собственности. Если размер второго вида владения не подвергался ограничению, то военное держание было лимитировано 24—34 иохами земли, что составляло «полную ферму» — *Grenzhaus*. Но наряду с целостными фермами существовали фермы, раздробленные на части, равные $\frac{3}{4}$, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ целого надела.

¹ H. Desprez, *Les peuples de l'Autriche et de la Turquie*, v. II. Paris, 1850, p. 295; J. H. Schwicker, *Geschichte der Österreichischen Militärgrenze*. W., 1883. S. 246.

Основная цель, поставленная государством, — обеспечение военной службы — привязывала владельцев земли и их семьи к земле и службе. Сын получал от отца землю и с нею обязательство отбывать военную службу. Если в семье не оставалось наследника-мужчины, земля могла перейти к дочери умершего, на которую возлагалось обязательство в двухлетный срок выйти замуж за человека, способного к военной службе. Если это условие не выполнялось, семья, лишившаяся мужчины, лишалась и земли.

«Полная ферма» являлась обычно владением целой семейной задруги (Familie или Communion), насчитывавшей в среднем 7—11 человек.² Эта средняя цифра и единая номенклатура скрывают значительные различия, существовавшие между семьями, среди которых были и задруги в точном смысле этого слова и семьи в обычном значении термина. Таким неодинаковым характером семей-владельцев отдельных ферм объясняется и сравнительно высокая средняя цифра численности семьи.

Сельское хозяйство велось по трехпольной системе.³ Хлебные культуры составляли основу его, возделывались виноградники, сажались овощи, жители занимались скотоводством и т. п. Помимо членов задруги — в значительной мере женщин — в сельскохозяйственных работах участвовали наемные рабочие. В хозяйстве граничар были распространены домашние ремесла, в частности — изготовление разных тканей. Но хозяйство не было чисто натуральным: многие потребности его и нужды быта удовлетворялись путем покупки на рынке. В пределах Военной границы шло развитие городов, рыночных пунктов, проникновение торговцев и ремесленников в сельские местности. Граничарское хозяйство, в свою очередь, выбрасывало на рынок и продукты сельского хозяйства и домашнего ремесла. Граничары пользовались правом торговли своими продуктами не только на внутреннем рынке: было установлено свыше 20 пунктов, где граничарам была разрешена торговля с соседними странами — Румынией, Сербией, Боснией, турецкой Хорватией.⁴

На территории Военной границы был ряд важных по своему значению городских пунктов: Земун, Панчево, Карловцы, Бела Црква, Петроваград. По данным, относящимся ко второму десятилетию XIX в. (1815), население этих городов составляло:⁵

Земун	8313 чел.
Панчево	7682 »
Карловцы	5797 »
Бела Црква	4360 »
Петроваград	3847 »

Небольшая численность населения в период, для которого мы располагаем данными, связана с обстоятельствами времени: население Военной границы потерпело существенные потери за время наполеоновских войн. Имеющиеся в нашем распоряжении данные о населении некоторых из указанных пунктов в конце XVIII в. дают более высокие цифры. Так, в 1795 г. в Земуне числилось 11 тыс. чел., в Карловцах и Петроваграде — по 6 тыс.

² C. B. Hietzinger. Statistik der Militärgrenze des Österreichischen Kaiserthums, Th. I. W., 1817, S. 188.

³ Ibid., Th. II, S. 41.

⁴ Fr. Vaniček. Specialgeschichte der Militärgrenze aus Originalquellen und Quellwerken geschöpft, Bd. IV. Wien, 1875, S. 302.

⁵ C. B. Hietzinger. Op. cit., Th. I, S. 174 (таблица).

чел.⁶ Но дело не в нескольких сотнях или тысячах человек населения, как это само по себе ни важно. Значение городов на Военной границе определялось не столько численностью их населения, сколько их экономической ролью.

Выпущенный в 1821 г. в Москве статистический обзор важнейших европейских государств⁷ не случайно относит Земун к важнейшим торговым городам Австрийской империи. Хитцингер признает его «первым рынком (Handelsplatz) Военной границы, вместе с тем в высшей степени важным для оптовой торговли империи».⁸ Действительно, расположенный близ впадения в Дунай Савы, неподалеку от впадения в него Тиссы, Земун не мог не превратиться в центр торговых сношений с Хорватией, Краиной, турецкими землями, в частности — с Боснией, с Сербией, а также с различными областями Австрии. До сербского восстания 1804 г. торговля Земуна с Сербией оценивалась в полмиллиона флоринов, но она отнюдь не исчерпывала всех оборотов этого города, которых в полном объеме установить не удастся.

В нашем распоряжении, однако, имеются данные о весе и количестве товаров, ввезенных через Земун в 1817 и 1818 гг. Нет смысла приводить абсолютную величину этих цифр. Важно, что соседние пункты на р. Саве — Митровица и Брод — ввозили по отдельным статьям в 3—5 раз меньше товара. Значительным был и оборот судов в Земуне, по данным 1810 г. составивший 240 судов.

Торговля Земуна концентрировалась в немногих руках. По данным 1815 г., в городе насчитывалось 79 крупных торговцев (Handelsleute) и 77 мелких (Krämer). Но это было количество значительно большее, чем во всех других городах рассматриваемой территории, исключая Панчева — крупнейшего торгового центра Банатской Военной границы.

	Крупных торговцев	Мелких	Всего
Панчево	—	—	168
Бела Црква	—	—	86
Карловцы	24	30	54
Петроварадин	9	6	15

Помимо транзитной торговли, которая велась земунскими купцами, изучаемые города специализировались на торговле хлебом, скотом, лесом (Панчево), вином (Бела Црква). Хлебные магазины, лесные склады, винные погреба свидетельствовали о характере торговли этих пунктов.

Конскрипция 1816—1817 гг. показывает скопление купчества в городах и наличие их в других, более мелких, населенных пунктах. На Военной границе повсеместно была развита ярмарочная торговля; скупщик сельскохозяйственных товаров был вполне естественной фигурой, поскольку торговля ими широко велась граничарами.

На Военной границе существовало развитое ремесло. В каждом городе мы встречаемся с сотнями ремесленников (в Земуне — 461 чел., Панчево — 305, Белой Церкви — 277, Карловцах — 179, Петроварадине — 102), под-

⁶ R a y m o n d e t R o t h. Tableau statistique de la monarchie Autrichienne au commencement de la guerre présente. Paris, 1809.

⁷ «Опыт начертания статистики главнейших государств по нынешнему их состоянию». М., 1821, ч. 1, стр. 277.

⁸ С. В. Hietzinger. Op. cit., Th. II, S. 421.

мастерьев и учеников. Еще указы конца XVIII в. предоставили им свободу занятий и цехового самоуправления. «Основной закон» 1807 г., сохранив эти привилегии, оставил за граничарами право заниматься нецеховыми ремеслами. Земун, Карловцы, Сланкамен, Панчево, Бела Црква были центрами изготовления предметов из железа, кузнечного и замочного производств. В Земуне были две жестяные мастерские, здесь же и в Панчеве были часовые мастера. Токарные и гребеночные изделия готовились в Земуне, Панчеве, Белой Церкви. Можно не приводить дальнейших примеров, свидетельствующих о развитии ремесла. Но следует обратить внимание на двойственный характер отношений в области ремесла. Городское цеховое ремесло представляло собой феодальное явление, хотя цеховые ремесленники работали на рынок, всё сильнее подчиняясь влиянию новых условий; наряду с цеховым ремеслом среди граничар развивались ремесла, свободные от феодальных пут цеховой организации.

Крупных предприятий на Военной границе не существовало. В Панчеве, в составе населения, указан один фабрикант (Fabrikunternehmer),⁹ но так как сведений о существовании фабрики в нашем распоряжении нет, можно предполагать, что речь идет о раздатчике работы на дом.

Материал, которым мы располагаем, не дает возможности детальнее вскрыть внутренние отношения в хозяйствах граничар, ближе рассмотреть торговлю и ремесло Военной границы. Но, думается, и сказанного достаточно. Внутри феодальной системы Военной границы стали развиваться новые отношения. Самый факт их наличия отмечается в данных, касающихся внутреннего рынка и его развития. Широкая продажа граничарами своих сельскохозяйственных и ремесленных продуктов как внутри страны, так и за границу, значительная городская торговля, скупщики, действующие в сельских ярмарочных пунктах, — все это говорит о развитии внутреннего рынка. Ленин указывал: «Внутренний рынок появляется, когда появляется товарное хозяйство. . . Степень развития внутреннего рынка есть степень развития капитализма в стране».¹⁰ Капиталистические отношения на Военной границе были слабо развиты; развитию их препятствовала военно-феодальная организация границы. Но развитие это все же началось. Так можно формулировать результаты наших наблюдений над экономическим развитием данной территории.

Население интересующей нас части Военной границы было преимущественно сербским. Численность его, по данным 1813 г., составляла около 200 тыс. человек. Управление находилось в руках военных властей; на высшие посты назначались чаще всего немцы, низшие офицерские должности обычно занимали сербы, в массе своей имевшие мало надежд на дальнейшее служебное продвижение. Существовал ряд ограничительных положений, суживавших возможности карьеры сербского офицерства. Офицер не мог служить там, где его родственники владели землей; он не мог жить в одном доме с родными. Были установлены ограничения для служебного землепользования офицеров, как находящихся на службе, так и отставных. Ограничения эти вели к тому, что только офицерство из числа землевладельцев имело возможность, опираясь на собственность, дававшую экономическую независимость, продвигаться по служебной лестнице.

⁹ С. В. Hietzinger. Op. cit., Th. II, S. 428.

¹⁰ В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 4-е, т. 3, стр. 47.

Городские общины имели право самоуправления: выбирали на 3 года двух бургомистров. Но если деятельность бургомистров встречала одобрение комиссара из военной администрации, он мог «для пользы службы» продлить их полномочия без новых выборов. Городской судья, писарь, юрисконсульт (синдик), начальник полиции и 12 членов магистрата были также выборными. Магистрат был судом первой инстанции, но генерал, командующий данным округом, должен был утверждать приговоры. Вмешательство военной администрации в дела городских общин на практике совершалось шире и чаще, чем это предусматривал закон.

Городское население делилось на две основные группы — бюргерство и податное сословие (Kontribuentenstand). Право на первое подтверждалось специальным документом и обосновывалось занятием, наличием состояния и личных заслуг. Так, сыновья бюргеров не получали бюргерских прав автоматически, а каждый раз требовалось доказать право на принадлежность к этой группе. В состав второй группы входили работавшие по найму (Ackersleute), ремесленники, по бедности не получившие бюргерских прав, и т. п.¹¹ Члены этой группы участия в городских выборах и других городских делах не принимали.

Таким образом, самоуправление городов было ограниченным и в сословном отношении и в отношении правовом. Рука военной администрации тяготела над городами Военной границы.

Военно-феодальный режим сковывал жизнь Военной границы, препятствовал свободному развитию экономического оборота, нес с собою национальные ограничения для сербов, связывал их военной дисциплиной и субординацией, внушал мысль о верности присяге императорскому дому Австрии.

Иным было положение в сербских районах Южной Венгрии. Численно сербское население их было невелико. На территории собственно Венгрии (без Хорватии и Ердельи — Семиградья) в 1840 г. насчитывалось 391,9 тыс. сербов, т. е. 3,0% всего населения.¹² Оно концентрировалось на территории Баната, Бачки и прилегающих местностей, неравномерно распределялось в них. В одних районах (В. Кикиндском) сербы составляли подавляющее большинство населения (по более поздним данным 88%), в других численность их не достигала и 50% всего населения (в Торонтале — 34%).

Основная масса сербского населения была крестьянской. Крестьянство делилось на две группы. Одна группа владела лишь домом с усадьбой, на которой обычно был разбит фруктовый сад. За это они платили феодалу определенную денежную ренту и должны были отбывать 18 дней барщины в год. Если дом, в котором жили крестьяне, принадлежал помещику, они освобождались от денежной уплаты.

Другая группа состояла из держателей земельных участков — сессий (jobbágy). Они платили денежную ренту помещику, десятину духовенству, девятину помещику и несли личные повинности, размер которых определялся размером участка земли, находившимся в их руках.

Участки земли были нормированы. Размер их устанавливался в соответствии с указом 1836 г.: от 16 до 40 йохов пахотной земли, 6—22 йоха луга и 4—22 йоха пастбища. Владелец полного участка должен был отбы-

¹¹ J. H. Schwicker. Op. cit., S. 212.

¹² Д. I. Попов и Ђ. Војеводина. Прилози проучавања наше земље и нашега народа. Београд., 1925, стр. 61.

вать 52 дня барщины с упряжкой или 104 дня без нее, по выбору землевладельца. В период уборки урожая и при особой нужде помещик имел право удвоения нормальной барщины. Закон запрещал дробление нормированных участков на части меньше $\frac{1}{4}$ нормальных.

Крестьянин не имел права владеть мельницами, трактирами, мясными лавками, быть сборщиком на переправах и мостах, он не имел права заниматься охотой и рыбной ловлей.

Помимо повинностей в пользу помещика, крестьянин был обязан нести военную службу, платить военный налог, шедший в государственную казну, и гражданский — на расходы комитатской администрации. Кроме того, он должен был отбывать барщину (12 дней с упряжкой) в порядке трудовой повинности.

За крестьянином признавалось право продажи участка, на котором он сидел, и перехода в другое место, даже право возбуждения иска против помещика. Но реальное содержание подобных законодательных норм прекрасно раскрывается статьей закона о порядке рассмотрения дел об отказе крестьянина от барщины. Такого рода споры рассматривались судейской коллегией из пяти помещиков, председатель которой выбирался помещиком, возбуждающим иск. Крестьянин мог быть подвергнут телесному наказанию по приговору суда, состоящего из помещиков. Нет нужды говорить, что признававшиеся законом права крестьян оставались мертвой буквой.¹³

Все это с известными местными особенностями походит на положение крестьян в других частях Австрийской империи накануне 1848 г.¹⁴ И это существенно, так как обнаруживается сходство не только в положении крестьян в Венгрии с положением их в других областях, но и некоторая общность процессов развития внутри крестьянского хозяйства. В крестьянской среде, несмотря на законодательные меры, совершался процесс расслоения; он выражался в дроблении крестьянского надела. Попыткой прервать этот процесс был закон 1836 г. Но законодательные меры были бессильны. Образовалась группа не только малоземельных, но и безземельных крестьян. На другом полюсе, в руках богатых крестьян, происходила концентрация земель. Установленные законом нормы были в значительной мере фикцией. Безземельный крестьянин не мог найти выхода из своего положения в приобретении комитатских земель, захватываемых более богатыми. Вот как Хорват характеризует отношения в кикиндском округе: «Случалось, что владение землей сосредоточивалось во все меньшем количестве рук. Временами, когда цена на землю сильно возрастала, безземельные твердили, что несправедливо, чтобы землей, которую округ держит в аренде, большей частью владели поодиночке, и требовали нового передела».¹⁵ Здесь все характерно: и самый факт аренды земли, и захват земли более богатыми крестьянами в порядке индивидуальной аренды, и безвыходное положение безземельных. Все это свидетельствует о разложении крестьянства, о развитии торгового земледелия в крестьянской среде (для чего сверх своих наделов более богатые крестьяне арендовали землю), о проникновении рыночных отношений в деревню феодальной Венгрии.

¹³ D. Irányi et Ch.-L. Chassin. Histoire politique de la révolution de Hongrie 1847—1849, v. I. Paris., 1859, p. 39—42.

¹⁴ См. М. Бах. Австрия в первую половину XIX века, гл. I. СПб., 1902.

¹⁵ V. Bogdanov. Nacionalni i socialni sukobi vojvodana i mađara 1848—1849, s. a., стр. 74.

Мы говорили, что большую часть сербского населения составляло крестьянство. Однако существовало и сербское дворянство. Оно было немногочисленным: помещичий класс Южной Венгрии был преимущественно венгерским.

Более богатые сербские элементы, лица, получившие образование, сближались с венграми и приобретали дворянские права. «Постепенно, — читаем в важной и близкой к событиям 1848 г. книге Каппера, — среди сербов возникало дворянство, в силу того, что богатство, влияние того или другого высоко оценивались, или тот или другой проявлял услужливость мадьярским соседям. Было естественно, что молодое сербское дворянство как правило (in Allen und Jedem) забывало свое происхождение и стремилось уравниваться с венгерским».¹⁶

Сербское дворянство принадлежало преимущественно к низшим слоям дворян Венгрии, где дворянство распадалось на магнатство (титулованная знать) и рядовое дворянство (нетитулованное). Обе части высшего класса пользовались одинаковым, только дворянству присущим правом: они были освобождены от уплаты личного налога, а также от поземельных налогов; в обычное время они не могли привлекаться ни к каким общественным повинностям; они могли подвергнуться аресту лишь при взятии с личным в момент совершения преступления; судить их могли лишь равные им по положению. В военное время дворянство должно было вооружаться и сражаться под командой палатина, но на свой счет. Только если армия покидала пределы страны, жалование платилось и дворянам.¹⁷

Землевладение было экономической основой существования и господства дворянства. В Венгрии, где 92.5% территории представляют земли, удобные для земледелия,¹⁸ сельское хозяйство являлось основным источником благосостояния помещиков. Свободные от налогов помещичьи земли производили дешевую пшеницу, виноград, табак и могли конкурировать с продуктами других областей империи. В Венгрии было много скота. Но таможенная граница между Венгрией и Австрией затрудняла торговлю с последней. Отсутствие удобных путей сообщения тормозило вывоз. Неудивительно, что венграми поднимался вопрос о постройке железной дороги до Реки (Фиуме), что встречало возражения со стороны Австрии.¹⁹ Неудивительно поэтому, что Тисса и Дунай становились основными торговыми дорогами. Так или иначе, уже в это время помещичье хозяйство Южной Венгрии выбрасывало на рынок известную часть своей сельскохозяйственной продукции; оно ощущало затруднения в сбыте, искало облегчения его для дальнейшего развития рыночных связей. «Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распада старого режима».²⁰

Венгрия была страной господствующего феодального и частично капитализирующегося дворянства, страной преимущественно аграрной. Города в Венгрии были мало развиты. Так было и в южной части.

Такие города, как Велики Бечкерек, Велика Кикинда, Стари Бечей, представляли собою административные центры аграрных районов, но как

¹⁶ S. Kappeler. Die serbische Bewegung in Südungarn. Berlin, 1851, S. 46.

¹⁷ D. Irányi et Ch. - L. Chassin. Op. cit., v. I, p. 38—39.

¹⁸ J. H. Schwicker. Statistik des Königreiches Ungarn. Stuttgart, 1877, S. 197.

¹⁹ D. Irányi et Ch. - L. Chassin. Op. cit., v. I, p. 63.

²⁰ В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 4-е, т. 3, стр. 158.

центры торговли и ремесла они были малозначительны. Самым крупным городом Южной Венгрии был Нови Сад, известный как населенный пункт уже с конца XVII в.

Первоначально Нови Сад носил название «сербского города по ту сторону Дуная» («Rascianica civitas trans Danubium») и считался пригородом (подграфье) Петроварадина. В середине XVIII в. он купил за значительную сумму право на городские привилегии, что способствовало дальнейшему экономическому росту города. К середине XIX в. Нови Сад стал крупным почти чисто-сербским городом (по более поздним данным 19 119 чел. жителей) с развитой торговлей, разными ремеслами и промыслами. Население его занималось отчасти сельским хозяйством, отчасти скотоводством, откармливая на пустошах, принадлежащих городу, значительные стада крупного скота и овец и продавая их. Часть городского населения была занята постройкой и ремонтом судов, на которых совершалась торговля по Дунаю. На них был значительный спрос со стороны хлеботорговцев, торговцев вином, табаком и т. п., возивших свои товары и за пределы австрийских земель и в Реку, Трст и другие места. Новосадское купечество было зажиточным, что нашло выражение в щедрых пожертвованиях, на которые были созданы школы и больницы.

Венгерское правительство ограничивало число церквей и духовенства в Нови Саде, и это придавало городу светский характер; город стал средоточием сербской светской интеллигенции, свободно относившейся к вероисповедным различиям. Даже секретарями новосадского епископа бывали иногда протестанты, а евангелик П. Шафарик стоял во главе православной гимназии.

Учебные заведения, оживленная торговая жизнь — все это стягивало в Нови Сад представителей сербской интеллигенции, более чем в какой-либо другой город. С Нови Садом были связаны Досифей Обрадович, Раич; здесь работали позже такие деятели, как Светозар Милетич, И. Субботич, М. Полит. Среди жителей города были драматурги, поэты, актеры. К кругам этой интеллигенции тяготели местные торговцы, разъезды которых по торговым делам способствовали развитию культурных интересов, цеховые мастера. Это был один из наиболее развитых сербских городов, и «Сербски народни новине» справедливо замечали, что общество Нови Сада «может соперничать с первыми в австрийской империи обществами».²¹

Управление Венгрией было в руках короля (он же австрийский император) и палат. Законодательная власть принадлежала выборному из дворянской среды сейму. Находившийся в Будапеште и возглавлявшийся палатином *Consilium regium locumteniale Hungaricum* осуществлял исполнительную власть. Он назначался королем. Высшее управление было целиком в руках венгерского дворянства. Сербское население в сейме было представлено лишь высшим духовенством.

Местное управление осуществлялось в комитатах, на которые была разбита Венгрия и где все должности были выборными. Выборы происходили каждые три года на собраниях, называвшихся конгрегациями, где участвовало все венгерское дворянство и католическое духовенство; сюда имели доступ сербские митрополиты и настоятели монастырей, а также немногочисленные представители сербского дворянства (племичества). Эти же собрания посылали представителей в сейм. Второй основой

²¹ В а с а Стајић. Нови Сад, српски културни центар. — «Летопис Матице српске», 1946, св. 1—2 (кн. 356), стр. 18.

местного управления были магистраты свободных городов, имевших свои административные советы. Советы избирались городскими собраниями, состоявшими из дворян и части городской буржуазии. Хотя все городские должности были выборными, кандидатуры выдвигались правительством при посредстве специально назначаемых для того комиссаров. Это обстоятельство и ограниченный круг избирателей делали городское самоуправление крайне узким, оставлявшим в стороне от него всю городскую массу. По справедливому суждению исследователей венгерской революции 1848 г., Ирани и Шассена, даже комитатское управление было «бесконечно более либеральным», чем городское. Вот почему не приходится обольщаться наличием в городских собраниях некоторой части крупной буржуазии и преувеличивать демократизм этого устройства.

Организация управления Венгрии имела отсталый характер, сохраняя в неприкосновенности весь старый феодальный уклад, обеспечивавший господство дворянства. В органах власти нераздельно господствовало венгерское дворянство, которое отводило ничтожно малую роль редким представителям сербского дворянства. Последние не считались в политическом отношении особой группой и рассматривались как часть дворянства венгерского.

В связи с этим понятно, что особые национальные права сербов рассматривались в Венгрии как несуществующие. В этом отношении очень характерен разговор Кошута с новосадской депутацией в 1848 г. Кошут заявил, что государственные венгерские интересы требуют, чтобы в Венгрии был один венгерский народ. Это было то отрицание политического существования сербов, которое было свойственно всему порядку, установившемуся в Венгрии. Заявление Кошута продолжало политику омадьярения, которая осуществлялась на протяжении ряда лет, предшествующих восстанию, и которая дала себя отчетливо знать в ближайший к нему период. Пожунский (Пожун — Пресбург, ныне — Братислава) сейм 1843 г. знаменовал усиление венгерского натиска на славян. Латинский язык на сейме был заменен венгерским, который, кроме того, стали вводить и в такие области жизни, где до того он вовсе не применялся. Требовали, например, перевода церковных (метрических) книг на венгерский язык. Обязательным языком во всех школах был признан венгерский, в судебных органах также вводился венгерский язык.²² Короче говоря, венгерский язык становился государственным языком, а сербский подвергался ограничениям. Известны случаи запрещения сербских календарей; крестьян подвергали даже телесным наказаниям за обнаружение у них этого запрещенного издания. Палки становились средством омадьяривания.²³ Сейм 1847 г. продолжал ту же политику. Венгерский язык еще шире вводился в практику государственных учреждений, чиновники были обязаны говорить и вести дело-производство на венгерском языке. Все это еще до начала революции в Австрии создавало весьма напряженные отношения между венграми и сербами Воеводины. Обнаруженное нами среди материалов III Отделения с. е. и. в. канцелярии перлюстрированное письмо неизвестного автора, присланное из-за границы и направленное для ознакомления Николаю I, так рисует положение: «Со времени последнего сейма в Пресбурге партия агитаторов вынуждала уступки: введение во всей Венгрии венгерского

²² «Законни членови унгарског државног собору год 1843/4. . . превео С. Филиповић». У Пешти, 1845, стр. 11—13.

²³ [С. К а п п е р]. Српски покрет у јужној Угарској. Београд., 1870, стр. 24—25.

языка в администрации вместо латинского, который всегда был официальным языком. Самое большое недовольство обнаружилось вследствие этого среди всех славянских народов, живущих в различных провинциях Венгрии, и особенно в Банате, Словении, Среме и Хорватии. Благодаря этому преимуществу славяне были лишены мест, которые они занимали в соответствующих провинциях, и венгры — всегда враги славян — злоупотребляли всеми способами относительно толкования, что книги православных церквей (*des églises grecques*) должны вестись на венгерском языке.²⁴ Автор письма указывает далее, что принуждение, шедшее со стороны венгров, вызвало жалобы хорватской печати, кровавые столкновения. Возникли даже, говорит он, «тайные общества с целью сопротивления этому притеснению, этому лишению прав, как только благоприятные обстоятельства предоставят шансы выполнить это с успехом».

Мы оставляем последнее утверждение о создании тайных организаций на совести автора письма, но считаем нужным обратить на него внимание последующих исследователей этой малоизученной страницы из прошлого сербского народа.

Приходится помнить, что в истории национального подъема сербского народа 40-е годы вообще были очень значительным периодом.

Составленное в 1844 г. И. Гарашанином «Начертание» явилось не только программным документом: изложенная в нем идея общеславянского объединения не осталась без попыток осуществления. Как указывает Д. Страньякович, Гарашанин не только сообщил свою программу правительству, но уже в 1845 г. приступил к рассылке агентов в разные сербские области для выяснения настроений, завязывания связей и подготовки создания будущей организации. К 1846 г. ряд таких связей был установлен.²⁵ Правда, мы не имеем прямых указаний на связи с Воеводиной, однако, поскольку среди соратников Гарашанина были и австрийские сербы, деятельно проявившие себя в 1848 г., можно предполагать наличие известного их влияния и в более ранний период. Но если даже в это время Гарашанину еще и не удалось установить отношений с засавскими и задунайскими сербскими областями, самый факт создания «Начертания» и попытки его осуществления являются ярким доказательством национального оживления.

Были и другие признаки национального подъема сербов: выход в 1847 г. такого важного для всего сербства литературного памятника, как «Горски вијенац» П. Негоша, а в самой Воедине — стихотворений Бранка Радичевича, альманаха «Славјанка» и некоторых других литературных произведений, опубликование «Рат ја српске језик и правопис» Джуре Даничића и перевод Нового Завета Караджича. Сербские народные песни в сборнике Караджича можно было найти в каждом доме, в каждом самом маленьком поселке, — говорит современник.²⁶ Все эти произведения находили широкое распространение и сочувственный отклик в сербских землях Австрии, обнаруживая тем самым, что население их не оставалось в стороне от общего потока национального движения. И не было бы ничего неожиданного в том, что национальный подъем сербов, столкнувшись с венгерским национальным наступлением, привел к созданию обществ или групп, стремившихся к защите национальных прав сербского народа.

²⁴ ГИА, III Отд. с. е. и. в. канцелярии, I Секр. архив, д. № 52, л. 2.

²⁵ Д. Страньяковић. Србија Пијемонт јужних словена 1842—1853. Београд, 1932, стр. 12—14.

²⁶ S. K a r p e r. Die serbische Bewegung. . . , S. 19.

Вероятность этого сообщения подкрепляется и другим соображением. Иллирское движение находило себе отклик не только в Хорватии, но и в смежных областях Военной границы, куда проникали загребские издания. Кровавые столкновения в Загребе в 1842 г. между хорватами и венграми, острая борьба, развернувшаяся в Загребе в следующем году, — все это шло в том же направлении, что и борьба сербов Южной Венгрии, и могло содействовать известному организационному оформлению сербского национального движения в Воеводине.

Однако важно даже не это. Все эти данные существенны в том отношении, что показывают наличие горячего материала в Воеводине до вспышки австрийской революции, свидетельствуют, что национальный вопрос был очень острым вопросом для венгерских сербов, вопросом, в равной мере затрагивавшим городские и дворянские круги, что он создавал уже в это время основу для сближения сербов и хорватов на почве борьбы против общего противника. Все это вместе взятое объясняет остроту национального конфликта в 1848 г.

II

Движение в Воеводине возникло вслед за получением первых сведений о революции в Вене и Будапеште. Горожане Земун и Панчева, крестьяне кикиндского и потисского дистриктов восстали против местных властей, сменили их и создали новую власть. В Панчеве движение началось уже 10 (22) марта. Жители собрались в городском управлении и после краткого обсуждения прогнали чиновников; градоначальнику (Stajger) при этом вырвали бороду, и он еле спасся от толпы. На следующий день было решено послать к палатину в Пожун (Пресбург) депутатов с петицией от города. В то же время (10/22 марта) произошло выступление в Земуне (Землине). Были смещены местные представители власти: магистрат и штайгер. Вместо смещенного градоначальника был выбран заместитель.²⁷ Можно было бы привести и другие примеры подобного выступления горожан. Они имели место в Старом Бечее, Великой Кикинде, Бечее (Becse). В последнем из названных пунктов выступление было очень бурным; были разрушены дома магистрата, а некоторые из особенно ненавистных городских деятелей были убиты.²⁸ Городское движение не ограничивалось революционным низвержением местной власти, сменой управления. Создавалась национальная гвардия, в которую охотно шли не только сербы, но венгры и немцы. Выступление горожан содержало в себе зародыш неповиновения центральной государственной власти. Это видно из обстоятельств, имевших место в тех же городах. После революционной вспышки в Земуне туда был направлен военный отряд. Но так как его появление вызвало стечение в город сельского населения, которого набралось до 5 тыс. человек, правительство оказалось вынужденным отступить. Та же картина повторилась в Панчеве. Сюда был прислан отряд граничарской пехоты с пушками, расположившийся против штаб-квартиры национальной гвардии. Однако, не успев в своей попытке договориться с национальной гвардией, которая не шла на соглашение и требовала вывода войск из города, граничарский отряд не рискнул вступить в борьбу с восставшим городом и отступил.

²⁷ V. Bogdanov, Op. cit., p. 57—58.

²⁸ «Oesterreich, Ungarn und die Woiwodina. Von eine Saxo-magyaren». Wien., 1850, S. 41.

Все эти события происходили в пору, когда в Венгрии уже было создано свое правительство, представленное сейму 23 марта (7 апреля н. ст.), и назначение министров было утверждено в Вене. Пожунский сейм завоевывал руководящее положение, он добился уступки со стороны центральной власти. Понятно, что руководители движения в Воеводине хотели использовать создающееся положение — расширение прав Венгрии, в состав которой они входили, — и начали обращаться со своими петициями в Пожун. Если в первый момент движения в Венгрии среди сербов Воеводины возникали опасения, что основная задача венгров — решить вопрос о языке,²⁹ то вскоре эти опасения рассеялись. Очевидно, сведения о будапештских требованиях отмены феодальных прав, предоставления свободы печати, введения суда присяжных, представительства национальностей и т. п. внесли успокоение.

В Нови Саде и Темешваре будапештские требования были встречены с радостью. В первом из названных городов их приветствовали артиллерийским салютом, а у четырех алтарей духовенство православное, католическое, протестантское и еврейское совершало богослужение о победе революции.³⁰

Одна из городских петиций — новосадская — заявляла о желании «братского согласия и теснейшего союза с милыми соотечественниками» — венграми.³¹ Города Воеводины, как мы уже упоминали, начинают направлять свои делегации с петициями в Пожун. 23 марта делегация отправилась из Панчева, 3 апреля — из Нови Сада, 5 апреля был выработан текст петиции в Земуне.

Городские петиции — очень важный источник для понимания данной стадии движения. К сожалению, мы не имеем полных текстов этих петиций, и пользовались извлечениями, какие дает Богданов и другие авторы. Все же и неполный текст позволяет сделать некоторые выводы.

Панчевская петиция требовала нового налогового порядка, т. е. отмены изъятия отдельных лиц от прямых налогов (*javnih tereta*), отмены трудовой повинности (*кулученья*), чрезвычайных налогов на местные нужды, свободного выбора чиновников из среды горожан, свободы печати и собраний, введения суда присяжных, организации национальной гвардии, установления контроля горожан над городским бюджетом.

Земунская петиция требовала отмены принудительного общинного кулука, отмены аренд и всех косвенных налогов (*posrednih poreza*), настаивала на предоставлении права выбора магистратских чиновников, права самоуправления, права собирать комитатские доходы и распоряжаться ими; требовала замены регулярной армии национальной гвардией и др.

Нови Сад был центром сербской интеллигенции, однако петиция новосадская всеми признается крайне скромной. Она выражала готовность признать венгерский язык официальным языком королевства, но желала признания прав сербского языка в местной политической и церковной жизни. Она требовала свободы православной веры, организации школ, права создания церковного синода и народных скупщин. В новосадской петиции имелись требования признания за сербами права быть чиновниками, отмены феодальных прав на Военной границе и установления неограничен-

²⁹ [С. Каппер]. Српски покрет. . . , стр. 47.

³⁰ Там же, стр. 48.

³¹ V. B o g d a n o v. Op. cit., p. 59.

ного права собственности, купли и продажи; отмены всех принудительных общинных работ и т. п.; отмены феодальных прав требовали и сербы Шайкашской команды (6 апреля н. ст.).³²

Все приведенные данные свидетельствуют о противофеодальном, буржуазно-демократическом характере городского движения в Воеводине. А то, что петиции адресовались в Пожун и сербы делали попытки сговориться с венграми, что в состав национальной гвардии входили не только сербы, но и немцы и др., указывает на отсутствие национальной исключительности среди сербской городской буржуазии и буржуазной интеллигенции, бывших вождями движения в это время.

Другой силой, выступившей в начале движения, было крестьянство. В одном из важнейших центров крестьянского движения, в Кикиндском районе, оно началось в конце апреля (24 апреля н. ст.). Дождавшись выхода народа из церкви, один из вождей местного движения, студент Джордже Радак, произнес горячую речь. В руке он держал сербское знамя, полученное от митрополита. Он призывал верить только ему, как представителю митрополита, а не начальникам, показавшим, что они против народного дела. Только при этом условии возможно осуществить передел земли. Увлеченный его словами народ двинулся к магистрату и заменил на нем венгерское знамя сербским. Окружной Совет решил вернуть венгерское знамя, арестовать Радака и пытался при посредстве местного протоиерея умиротворить народ, но достигнуть этого не смог. Толпа ворвалась в совещательную комнату и требовала передела земли; магистрат обещал исследовать этот вопрос для каждого жителя-землевладельца (*stanovnik-posjednik*) в отдельности. Это не успокоило народ, и магистрат сделал попытку разогнать собравшихся силой. Насилие лишь разъярило толпу, которая, вооружившись чем попало, наступала на войска. Последние пытались сопротивляться, но после ранения офицера отступили. Народ разгромил окружной магистрат, а потом стал громить дворянские дома, крича: «Перебить господ — венгров и немцев!» Однако масса не разбирала, какой национальности владелец дома и, наряду с немецкими и венгерскими, громила дома сербов.³³

Декларация пожунского сейма об уничтожении барщины, повидимому, не вызвала успокоения среди крестьян. Зато местное дворянство с самого же начала крестьянских выступлений решило дать отпор аграрному движению. Крупный землевладелец Баната Э. Киш (*Kiš*) одним из первых выступил против крестьян. Близ Старого Бечая барон Нович со своим отрядом обрушился на крестьян и разогнал их толпы, громившие имения. Позиция дворянства в отношении крестьянского движения — причем дворянства всех национальностей — была резко враждебной. Уже позже, когда волна крестьянской борьбы спала, страх перед крестьянством, ненависть к нему нашли яркое выражение в письмах графа Петра Черноевича представителям Карловацкого одбора, требовавшим освобождения арестованных в петроварадинском округе представителей Одбора Милетича и Радака. Возмущенный поджогами, отнятием имущества, он протестовал против разгрома помещичьих имений.³⁴ Сам Черноевич, владелец крупного состояния, действовал против народного движения в качестве полномочного королевского комиссара.

³² V. Bogdanov. Op. cit., p. 76—77.

³³ Там же, стр. 74—75.

³⁴ «Прилози за повесnicu српског народног покрета г. 1848». — «Српски летопис», кн. 111, стр. 143.

Джордже Стратимирович — один из вождей буржуазно-либерального течения — писал патриарху: «...народ восстал против старых форм и не допустит, чтобы их возвратили». Городское и крестьянское движения по-разному показывают справедливость этого положения. Но если последнее было движением стихийным, мало организованным, локальным, не выдвинувшим общих вождей и самостоятельных лозунгов, то городское движение имело свою программу и пыталось ее осуществить. Однако и оно не было единым. В нем действовали массы, добивавшиеся уничтожения феодального гнета, осуществлявшие низвержение старых властей, борющихся с представителями австрийско-венгерского владычества. В нем действовали представители городской буржуазии и интеллигенции, направлявшие петиции в сейм и пытавшиеся придать движению известные формы. Сама подача петиций показывает, что эти элементы предпочитали мирное соглашение, сговор. В своих петициях они были довольно умеренны. Многие деятели этого крыла уже тогда смотрели на митрополита, как на вождя и главу движения. В момент первого взрыва борьбы сербские либеральные круги были оттеснены на задний план демократическими массами, но они выходят на первый план в связи с петиционной кампанией. Все это особенно ярко проявилось в истории подачи новосадской петиции.

Но прежде чем говорить о ней, нельзя не сделать нескольких дополнительных замечаний.

Бросается в глаза характерный факт. Взрыв городского движения произошел в один день, 10 (22) марта, спустя неделю после провозглашения будапештских 12 пунктов, известное участие в составлении которых принимали и будапештские сербы.³⁵ Следовало бы выяснить связи будапештских сербов с Воеводиной. Это может быть пролило бы свет и на приведенное выше сообщение о возникновении тайной организации. Для нас решение этих вопросов невозможно за отсутствием данных. Несомненно, что движение вдохновлялось будапештскими требованиями и что по этому примеру сербы стали формулировать свои пожелания, которые в виде петиций обращали к венгерскому сейму.

Раньше всех собралась новосадская депутация, отправившаяся в Будапешт, а затем в Пожун 22 марта (3 апреля), и прибывшая туда 27 марта (8 апреля). В нее входили Д. Стратимирович, адвокат А. Костич, М. Полит. Александр Костич произнес в сейме речь, в которой от имени 12 тысяч сербов Нови Сада, ожидающих удовлетворения своих требований, заявлял готовность жертвовать за Венгрию своим имуществом и жизнью. Члены сейма встретили депутацию приветственными возгласами. Но когда начались переговоры с Кошутом, выяснилось, что венгры не желают признать прав за сербским языком, так как не соглашаются на предоставление им прав самостоятельного политического бытия в пределах Венгрии. Объяснение носило острый характер и закончилось с сербской стороны заявлением о намерении искать признания сербских требований в другом месте и иными способами. В ответ на это Кошут бросил вызов: «В таком случае решит сабля».

³⁵ М. Павлович. Србија и српски покрет у јужној Угарској 1848 и 1849. Београд, 1904, стр. 3; V. Bogdanov. Op. cit., p. 59. — Уже одно это хронологическое соображение опровергает утверждение В. Библа, что сербское движение было результатом выступления хорватов: «их [хорватов. — С. Н.] примеру последовали в середине мая сербы...» — W. Bibl. Der Zerfall Oesterreichs, Bd. II. Wien, 1924, S. 152.

Неудачной оказалась и другая попытка сговориться с венграми, что обнаружилось при приеме венгерским премьер-министром Баттьяни депутации из Панчева, требовавшей, в числе прочего, отмены Военной границы, т. е. освобождения граничар от обязательной военной службы за пользование землей, а также от других обязанностей и стеснений, с нею связанных. Министр отклонил панчевскую петицию, заявив: Венгрия получила Военную границу и сохранит, пока не изучит вопроса, и сербы должны оставаться под воинским знаменем.

Попытка сербских городских депутатий добиться удовлетворения своих требований путем переговоров с деятелями венгерской революции окончилась неудачей. Причиной разногласий между ними явился вопрос о правах сербского народа. Совершенно так же, как по поводу городского движения сербов, венгерские власти с самого начала становились на путь репрессий и подобно тому, как против сербских крестьян они сразу же начали вооруженную борьбу, — венгерская буржуазия заносила теперь саблю над всем движением Воеводины. Добиваясь от Австрии прав для себя, она хотела оставить в прежнем угнетенном положении сербов и хорватов.

Нельзя не отметить, что на рассмотренном этапе — во время развития городского и крестьянского движения — ни митрополит Раяич, ни высшее духовенство не играют никакой роли. Во главе движения стоят городские буржуазные слои, буржуазная интеллигенция и отдельные представители низшего духовенства. Тем не менее, тенденция к сговору с Веней существовала в некоторых кругах и в это время. Носителями ее был прежде всего сам Раяич и реакционный новосадский адвокат И. Хаджич. Названные лица встретились в Пресбурге, где обменялись мнениями, обсуждая необходимые меры. Было решено просить Вену о разрешении созыва Народной скупщины и согласовать этот вопрос с Будапештом. Австрийское правительство встретило это представление сочувственно, но события развивались быстрее, чем это хотелось митрополиту: в Будапеште образовалось венгерское министерство, а в Воеводине разыгрались изложенные события. Скупщину созвать не удалось. Митрополит пытался добиться от венского правительства некоторых реформ на Военной границе: предоставления граничарам права собственности на землю, личных политических прав, ведения официальной переписки на сербском языке, но получить согласия Венy не удалось. Он сделал затем еще попытку добиться от Будапешта согласия на созыв церковного собора, но безуспешно. Всего этого нельзя не учитывать при анализе дальнейшего развития событий. Великодержавность венгерской буржуазии оттолкнула от себя не только руководителей массового движения, но и представителей правых течений. Это было чревато тяжелыми последствиями для успеха борьбы обоих становившихся во враждебные позиции народов.

III

Во время пребывания новосадской депутации в Пожуне там находилась группа сербских студентов: С. Милетич, Д. Радак и др. Милетич в студенческие годы был близок к молодому еще тогда словацкому деятелю Л. Штуру, воспринял его романтическую идею создания общеславянской цивилизации. Милетич и его кружок были в сношениях с сербской учащейся молодежью в Вене и Пресбурге. Были у него связи и с сербами княжества. Так, в 1847 г. он находился в Белграде в момент создания «Дружины Мladeжи српске» — первой литературной организации в Сербии,

объединившей либеральные элементы. После неудачи переговоров между представителями воеводинских сербов и венгерским правительством Милетич и его товарищи отправились в Вену узнать о настроениях тамошней сербской молодежи. Они решили созвать 8 (20) апреля в Нови Саде оmlадинскую скупшину. Дело в том, что здесь должно было состояться народное собрание для заслушания отчета делегации, ведшей переговоры с венгерским правительством; призывая молодежь к участию в скупшине, кружок Милетича вел агитацию в пользу возможно более широкого участия народа в новосадском собрании.³⁶

Надо сказать, что пропаганда Милетича и его друзей дала заметные результаты. Еще накануне 7 (19) апреля в Нови Сад стал стекаться народ из разных пунктов Баната, Бачки и Срема, среди которого было особенно много учащейся молодежи и интеллигенции. На скупшине депутация доложила об исходе своей поездки. Негодование народа было очень велико и выразилось в антивенгерской демонстрации: были сожжены церковные записи, ведшиеся на венгерском языке. Затем толпа со знаменами двинулась в Карловцы.

Задача этого похода была заранее ясна: надо было принудить митрополита созвать народную скупшину, о созыве которой на 1 (13) мая один из представителей либеральной группы — Св. Милетич объявил в Чуруге.³⁷ Это свидетельствует, что решение собрать скупшину шло из буржуазно-либеральных кругов.

Небольшая, первоначально, толпа направилась через Петроварадин, по дороге она заметно росла. Шли с песнями, слепцы-сказители вспоминали древних сербских героев. Иногда толпа задерживалась, и новосадский протопоп Стоматович во время таких остановок произносил речи.

Придя в Карловцы, толпа явилась на митрополичий двор и требовала созыва народной скупщины. Толпа окружила митрополита, пытаясь воздействовать на него. Однако Раячич не сразу уступил народным требованиям. Вместо скупщины он предлагал созыв церковного собора. Участники новосадской делегации в Пожун Александр Костич и Стоматович настаивали на удовлетворении требований. Митрополит отговаривался, пока ему не был сунут в руки календарь и не показано число 1 (13) мая, как дата созыва скупщины.³⁸

В этот решительный момент опять, как и раньше, не митрополит явился инициатором созыва скупщины, а народ. Митрополит же оказался вынужденным подчиниться настояниям и воле представителей городских либерально-демократических кругов.

Надо сказать, что либералы в это время уже выступили организованно. Это обстоятельство подтверждает высказанные выше предположения об организационной стороне движения. Ряд представителей буржуазно-демократической молодежи отправился в разные пункты Воеводины в качестве пропагандистов и организаторов движения. И. Тим в интересной, основанной на архивном материале, хотя кое в чем и спорной статье приводит сведения об этом. В Бачку отправился Богобой Атанацкович, в Чайкистский дистрикт — родившийся там С. Милетич, в Срем — Иован Живанович, в Вуковар — Готтард Профф, в Н. Сад и Тител — Урош

³⁶ В. Стајић. Светозар Милетић. Живот и рад. Н. Сад, 1924, стр. 71.

³⁷ V. Bogdanov. Op. cit., p. 61; В. Стајић. Ук. соч., стр. 85.

³⁸ М. Павловић. Ук. соч., стр. 9; V. Bogdanov. Op. cit., p. 61.

Боришев, в Земун — Павел Чавлович.³⁹ Они провозглашали лозунг освобождения от власти Венгрии и пропагандировали объединение с Сербией, призывая сербов по ту сторону Савы сбросить, в свою очередь, турецкое иго.

Не успела собраться скупщина, как начались враждебные столкновения между венграми и сербами. 12 (24) апреля между национальной гвардией и народом, с одной стороны, и венгерскими войсками, с другой, произошел бой около Кикинды, куда венгерское военное министерство двинуло войска. Это было продолжением той политики в отношении сербов, которая проводилась венграми в период переговоров и которая осуществлялась в отношении восставших сербских крестьян.

В назначенный срок собралась скупщина. На нее были приглашены по 2 депутата от крупных и по 1 от мелких сербских общин в Среме, Банате, Баранье, Военной границе, даже Славонии и Хорватии. Еще за несколько дней до 1 мая стал собираться народ. Но так как правительственный комиссар Черноевич объявил Нови Сад на осадном положении, то скупщина собралась в Карловцах. Это имело известное значение. Вместо буржуазно-демократических кругов важнейшего центра сербской экономической и культурной жизни, каким был Нови Сад, делегаты попадали в столицу сербской митрополии с ее многочисленным духовенством, усиленно пропагандировавшим мысль поставить во главе народного дела Раячича.⁴⁰ Состав участников скупщины был пестрый: крестьяне, горожане, интеллигенция, учащаяся молодежь. Большинство, вероятно, составляли крестьяне. Дворянство, крупные собственники, высшее духовенство отсутствовали.⁴¹

После торжественной службы в кафедральном соборе митрополит произнес речь, в которой говорил, что пришел час свободы сербов, в то же время он показывал как народную святыню императорские дипломы 1690 и 1691 гг., которыми сербам были пожалованы позже отобранные права; дипломы были прочитаны; всем этим Раячич ясно выражал верно-подданническое отношение к Австрии.

Вслед за тем 15-тысячная толпа, — в которой, кроме делегатов от австрийских сербских областей, была делегация сербов княжества, а также случайные люди, — провозгласила Раячича патриархом. Вторым был поднят вопрос об избрании воеводы; из шести предложенных кандидатов воеводой был избран Стеван Шупликац, полковник огулинского граничарского полка, в данный момент находившийся в армии Радецкого в Италии.

На следующий день новый патриарх совершил торжественное служение, а 3 (15) мая состоялась последнее собрание скупщины, которое приняло решение по ряду вопросов, начинающееся следующим вступлением: «Принимая во внимание, что ни один народ не может осуществить свое призвание и развить свои способности и силу до тех пор, пока все препятствия, стоящие на его пути... не будут устранены, постановляет...»⁴² Далее шли следующие пункты:

³⁹ J. R. Thim. Die Gründungsversuche Jugoslaviens 1848—1849. — «Ungarische Jahrbücher». Hrg. v. R. Gragger. Bd. I, H. 1, Berlin — Leipzig, 1921, S. 24. Биография Атанацковича, написанная Скерlichem, лишена сведений о его участии в событиях. — J. Скерлич. Богобој Атанацковић. Студија из историје српске књижевности. — «Летопис Матице српске», 1903, књ. 221.

⁴⁰ [С. Каппер]. Српски покрет... , стр. 61.

⁴¹ V. Bogdanov. Op. cit., p. 62.

⁴² S. Kappeler. Die serbische Bewegung... , S. 77.

1. Сербский народ является политически свободным и самостоятельным, но находится под властью общеавстрийского правящего дома и входит в состав Венгерского королевства.

2. Срем с Военной границей, Баранья, Бачка с Бечейским и Шайкашским дистриктами, Банат с Кикиндским дистриктом должны составить территорию Воеводины.

3. Воеводина находится в политическом союзе с королевством Хорватии, Славонии и Далмации.

4. Скупштина избирает одбор (комитет) и поручает ему урегулировать возникающие вопросы и предложить на окончательное решение скупщины. Одбор имеет право созыва народной скупщины, а для текущих дел — право выбора из своей среды более узкого состава («постоянную депутацию») с пребыванием в Карловце.

5. Назначенный венгерским правительством на 15 мая народный собор не должен быть созван.⁴³

6. Одбор имеет право по соглашению с патриархом и остальными хранителями народного фонда пользоваться из него необходимыми средствами, отчисляясь в расходах перед скупщиной.

7. Одбор совместно с патриархом изберет депутацию для переговоров с королем и хорватской земской конгрегацией (Landeskongregation) и особую делегацию на славянский конгресс в Праге.⁴⁴

Решения майской скупщины возникли как результат борьбы различных течений. По вопросу о будущем положении Воеводины существовали три точки зрения. Представители более радикального направления стремились к максимальной самостоятельности воеводства, а отношения с Хорватией хотели строить по образцу хорватско-венгерских. Другие, — их было большинство, в состав которого входил и патриарх, — тяготели к тесному сближению с хорватами и образованию общего хорвато-сербского министерства. Третье, самое слабое течение стремилось к союзу с венграми на основе признания ими постановлений майской скупщины.⁴⁵ Если точка зрения третьей группы не нашла отражения в решении, то известное влияние первой группы на вторую, несомненно, имело место, и постановление носило несколько компромиссный характер. Помимо этого программного компромисса, можно говорить и об организационном компромиссе. Скупщина избрала Главный одбор (Центральный комитет), постоянный и исполнительный комитет, затем распущенный. Главный одбор составил преимущественно из городского элемента; туда вошел Джордже Стратимирович, 6 (18) мая 1848 г. избранный его председателем. Это была одна из наиболее ярких фигур восстания. Он происходил из состоятельной семьи, ведущей свою родословную от одного из воевод короля Лазаря; получил хорошее образование, окончив инженерную академию в Вене. Но военно-техническими знаниями его кругозор не ограничивался: он изучал философию, литературу, историю, зачитывался Кантом и Уландом и даже написал несколько стихотворений на немецком языке, частично напечатанных. Он поступил затем на военную службу, был послан в Италию, где с интересом наблюдал за деятельностью «Молодой Италии». Вернувшись на родину, Стратимирович вскоре оставил военную службу и жил в имении,

⁴³ Венгерское правительство предполагало созвать так называемый народно-церковный собор, обладавший ограниченными правами, чтобы ввести сербское движение в более умеренное русло.

⁴⁴ Ibid., S. 78—81.

⁴⁵ М. Павловић. Ук. соч., стр. 14.

занимаясь хозяйством, предполагая добиваться депутатского мандата в венгерский сейм.

Двадцатилетний молодой человек, возглавивший Одбор, имел достаточно отчетливую программу. В письме к Костицу (от 17 сентября 1848 г.) он говорил о том, что Австрия имеет будущее лишь в качестве славянского государства, что она должна освободиться от германизма и принять «славянский вид на основе конституционных свобод». Он считал необходимым очистить ее «от швабского бюрократизма», но не выступал против монархии.⁴⁶ В обращении к населению, разосланном в июне по Банату, Стратимирович давал свое решение национально-языкового вопроса, обещая уважать право каждой национальной группы и ввести порядок, при котором официальным языком каждого села будет язык большинства его населения.⁴⁷ В области социальных отношений Стратимирович был сторонником уничтожения опутывавших сербское население оков феодализма и в одном из писем к патриарху, как мы отмечали, писал: «... народ восстал против старых форм и не допустит, чтобы их возвратили».⁴⁸

Это была не вполне договоренная, недостаточно развитая точка зрения, но весьма близкая к австрославистской программе чешских либералов.

Несколько позднее, в момент схватки с реакционными элементами, возглавляемыми Раячицем, выяснилось, что Стратимирович призывал к откату от взноса налогов австрийскому правительству и упрекал патриарха, что последний «продался Австрии».⁴⁹ Он понимал, что существующее австрийское правительство не могло сочувствовать автономистским вожделениям сербов, и отделял свою позицию от позиции патриарха.

Программа Стратимировича не была выражением только его взглядов. Об этом свидетельствует большое сходство ее со взглядами представителя сербской буржуазной интеллигенции Св. Милетича, который говорил о необходимости реорганизации Австрии на федеративных началах. В основу федерации должны быть положены национальные государства, самоуправляющиеся, но связанные между собой и имеющие ряд общих органов (общие министерства — иностранных дел, военное, финансов, торговли и строительства, высший суд). Воеводина должна возглавляться воеводой и иметь народное «попечительство» для решения и ведения внутренних дел.⁵⁰ Мы увидим ниже, что эти мысли и позже высказывались сербами. В этих положениях выражались интересы сербских буржуазных кругов, стремившихся к реорганизации Австрийской империи на основе некоторых изменений ее социального и политического строя, к уравниванию своих прав с правами других народов Австрии, но отнюдь не преследовавших задачу разбить империю или революционным путем перестроить ее, радикально изменить ее социальный строй. Стремления последнего рода были в городской демократической среде, что видно из первых выступлений городского населения; эти стремления были и у крестьян, громивших помещичьи усадьбы и пытавшихся провести передел земли. Но городские демократические элементы и крестьянство не выработали своей программы. Первые внесли свои социальные требования в петиции, а затем были отодвинуты на задний план буржуазно-либеральными группами, вождем которых стал Стратимирович.

⁴⁶ «Србски летопис», књ. 111, стр. 195.

⁴⁷ V. Bogdanov. Op. cit., p. 90.

⁴⁸ Ibid., p. 78.

⁴⁹ «Србски летопис», књ. 111, стр. 198.

⁵⁰ «Српски књижевни гласник», 1940, књ. 59, № 2, стр. 135.

Руководимый Стратимировичем Одбор включал ряд сторонников Стратимировича и деятелей из кружка Милетича. К ним принадлежал, в частности, секретарь Одбора Йован Станкович «пламенный (begeisteter) патриот и мой верный единомышленник», как его характеризует сам. Стратимирович. Ораторское дарование делало его хорошим агитатором. Были в Одборе и сторонники патриарха. Установить соотношение между сторонниками разных групп нам не удалось, но отчетливо видно, что в первый период Стратимирович со своей группой занимал руководящее положение. Одбор сосредоточил власть в своих руках. Опираясь на решение скупштины, Одбор сформировал депутацию в Загреб и Вену, во главе которой был поставлен Раяичич. Депутации вместо Вены пришлось отправиться в Инсбрук, где переговоры окончились неудачно.⁵¹ В это время фактическое руководство делами находилось в руках Одбора. По его образцу в городах (Нови Сад, Земун, Панчево, Бечкерек и др.) образовались местные одборы из горожан, распространившие свое влияние и власть на весь округ. В их руках сосредоточилась и гражданская и военная власть. Создавались одборы и в селах.⁵² Одбор принял следующее наименование, в котором выразилась мысль о его назначении: «Главни одбор за привременно управљање војводства србскога». Это была новая власть, возникшая в результате восстания.

Важнейшим и ближайшим последствием майской скупштины было установление союза с хорватами. Уже 23 мая (5 июня) хорватский бан Елачич, после состоявшихся переговоров с сербской депутацией, заявил об установлении союза с сербами Воеводины на основе свободы и равноправия (jednakosti) и о признании всех пожеланий сербов.⁵³ Елачич обещал вести все дела совместно и в своих сношениях с Австрией и Венгрией действовать с общего согласия. По сообщениям Тима и Страньяковича, в подготовке этого союза принимал участие эмиссар сербского правительства М. Бан, который в самом начале движения объехал Земун, Карловцы, Нови Сад и «имел поручение белградского правительства к патриарху Иосифу Раяичичу готовить союз с хорватами».⁵⁴ В разговоре с Елачичем, Бан, излагая взгляд сербского правительства, заявил, что разгром венграми Триединого королевства повлек бы за собою опасность для Сербии и ее позиции на Балканах. Сербия поддержит борьбу против венгров. Елачич, с своей стороны, заявлял о намерении, если вспыхнет борьба, опереться на императорский дом как по соображениям служебного долга, так и по мотивам легализации борьбы против венгров, а также в надежде на австрийскую поддержку.⁵⁵ Таким образом Елачич, так же как и митрополит Иосиф Раяичич, с самого начала ориентировался на Вену, ясно показывая готовность поддерживать императорский дом против революционной Венгрии.

Другим существеннейшим результатом майской скупштины было обострение отношений с венграми. П. Черноевич требовал от Раяичича отречения от незаконно присвоенного патриаршества. Он хотел противопоставить скупшине и избранному ей Одбору новую силу, о создании

⁵¹ На славянский конгресс в Прагу были посланы: архим. Никанор Груич, новосадский протопоп Павел Стаматович, Н. Радованович и И. Субботич.

⁵² V. Bogdanov. Op. cit., p. 71.

⁵³ «Србски летопис», кн. 111, стр. 137.

⁵⁴ I. R. Thim. Op. cit., S. 26.

⁵⁵ Д. Стрѣяковича. Ук. соч., стр. 16.

которой хлопотало венгерское правительство, — народный собор и призывал к участию в ней, но безрезультатно.

Отказываясь отречься от уже совершенного, Одбор обратился 10 (22) мая с прокламацией к немецкому населению Воеводины, где говорил о намерении сербов защитить свои права, не нарушая чужие. «Будьте спокойны, сербы не совершат никакого беззакония (Unrecht) . . . поэтому, немецкие братья, живущие с нами, не бойтесь за вашу национальность (Nationalität). . . Сербский народ признает новую национальную политику (Völkerpolitik), которая, кроме равенства граждан и религии, также утверждает (versicht) равенство народов и национальностей (der Nationen und der Nationalitäten)».⁵⁶

Все это неизбежно должно было вести к осложнению отношений с Венгрией. Недаром Вук Караджич, прекрасно знавший положение дел, писал из Праги 12 (24) мая своему русскому корреспонденту — Н. И. Надеждину: «По всей вероятности, сербы и хорваты подерутся с мадьярами».⁵⁷ Действительно, как раз в то время варадинский комендант ген. Храбовский получил приказ подавить сербское восстание оружием, а Черноевич был заменен темешским поджупаном Саввой Вуковичем, сербом по национальности, помещиком по социальному положению, мадьярофилом по политической ориентации.

Венгерская национальная гвардия была двинута на разоружение сербского населения. Были учреждены чрезвычайные суды, призванные судить участников и сторонников сербского движения. Из Ярковца, Халаша, Сента, Меликута, Кикинды, Врбаса и других мест венгры, вооруженные ружьями, вилами, косами, двинулись к сербским местностям. Округам Арадскому, Чанадскому, Темешварскому, Бачкому, Сегединскому, Самборскому и Кикиндскому было предписано двинуть для подавления сербского движения не только национальную гвардию, но и добровольцев. Были установлены кордоны для пресечения связей сербов с другими районами.

Одбор должен был стать не только центром управления, но и военным руководителем приближающейся борьбы. Он мог рассчитывать на поддержку граничар, но они были связаны военной дисциплиной и подчинены Храбовскому. Нужно было разорвать эту связь. 29 мая (10 июня) была послана в Варадин депутация, просившая у Храбовского защиты от венгерских шаек, двинутых против сербов будапештским правительством. Она получила отрицательный ответ. Храбовский признал себя в равной мере подчиненным и Вене и Будапешту и на жалобы о насилиях, жертвой которых является сербский народ, отвечал, что в австрийских пределах такого народа нет, и сербский народ на карте Австрии не показан. Сербия находится по ту сторону Дравы; кто хочет быть сербом — пусть идет туда.

Исход переговоров возбудил негодование в Карловцах. Одбор решил обжаловать действия Храбовского перед Веней. Со специальной прокламацией он обратился к населению Воеводины. Используя слова Храбовского, что сербов нет на карте Австрии, указывая на военные заслуги сербов перед Австрией, прокламация призывала к оружию. Всем подборам (низовым комитетам) было предписано готовить порох и свинец, избирать старейшин отрядов и сосредоточивать силы под Карловцем, Перлезом и у Римского шанца.

⁵⁶ S. K a r p e r. Die serbische Bewegung. . . , S. 88.

⁵⁷ Письма Платона Атанацковича, Вука Караджича, Миклошича и Коллара к Н. И. Надеждину — «Русский архив», 1873, кн. II, стр. 1153.

На следующее утро, 30 мая (11 июня), Храбовский прислал в Карловцы двух офицеров, предлагая Одбору направить новую депутацию, чтобы продолжать переговоры. Была ли это военная хитрость или боязнь последствий? Что бы это ни было, попытка продолжать переговоры была сделана слишком поздно. Одбор ответил, что после посылки жалобы на Храбовского он продолжать переговоры с ним не может. Разрыв совершился.

Что же столкнуло сербов и венгров? Контрреволюционный сепаратизм, верность реакционной Австрии? Что было знаменем славян? На все эти вопросы нельзя ответить одним словом. Мы видели, что стремление к освобождению от Венгрии не было изначальным. Оно возникло в процессе развития отношений между сербами и венграми, под влиянием великодержавной позиции последних. Различные круги сербской общественности были далеко не единодушны в своем отношении к Австрии. Для Д. Стратимировича безусловной верности австрийскому правительству не существовало; еще менее существовала она для крестьянских масс, стремившихся к разделу имений помещиков — будь то немецкие, мадьярские или сербские помещики; не существовало ее и для городских низов. Знаменем либералов, как указывал Маркс, была «чисто буржуазная революция и создание буржуазной власти в форме конституционной монархии».⁵⁸ Но революция эта протекала в сложных условиях тяжелого национального гнета, и чтобы понять особенности момента, о котором сейчас идет речь, следует учесть своеобразие местных отношений. Мы говорили о выступлениях помещиков против крестьян в самом начале движения, то же имело место и в мае — июне, причем в числе врагов воеводинского движения были как помещики-венгры, так и помещики-сербы. П. Черноевич начал действия против повстанцев вслед за событиями в Кикинде. Он арестовывал, вешал, добиваясь неприкосновенности помещичьих имений. Но действия его были сочтены недостаточно энергичными, и он был заменен С. Вуковичем — опять сербом и помещиком. Рядом с ним боролись венгерские помещики: великий жупан торонтальской жупании Карачони Ласло, получивший в свое распоряжение военный отряд от темешварского коменданта, упоминавшийся ранее Э. Киш и др. Борьбу против сербского движения возглавляли крупные помещики и дворяне, жупаны, поджупаны и другие представители старой власти, в ней участвовало в значительном количестве австрийское офицерство.⁵⁹ Но в среде сербов, как увидим ниже, буржуазные элементы скоро уступили руководящее место представителям реакционно-феодалных кругов. Это изменение повело к тому, что те социальные, антифеодалные ноты, какие в движении звучали с самого начала, ослабевают, а затем окончательно тонут в националистических лозунгах и тех мотивах легальности и верности Австрии, которые раньше всего были сформулированы представителем хорватских помещичьих кругов Елачичем, а в Воеводине — Раячичем.

Сербо-венгерская война — продукт сложного комплекса классовых и национальных отношений. В возникновении ее сыграли немалую роль стремления венгерско-сербских помещиков подавить массовое движение сербского крестьянства. Вопрос о сербском сепаратизме для венгерских помещиков был прежде всего вопросом о сохранности помещичьих латифундий в Воеводине, в области, которая претендовала на самостоятельность.

⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VII, стр. 72.

⁵⁹ V. Bogdanov. Op. cit., p. 99.

Сербская либеральная буржуазия и сербские феодалы-реакционеры стремились к завоеванию автономии Воеводины, но понимали они ее различно. Первые хотели славянской федерации и осуществления социальных реформ; вторые стремились к местной церковно-государственной автономии и думали лишь о мелких, не радикальных реформах

Движение, возникшее с яркими чертами социальных требований, внесенных городскими демократическими элементами, отражавшими не только свои, но и крестьянские стремления, элементами, которые затем были отодвинуты на задний план ставшими у руководства либералами, — в силу конфликта с венграми превращалось в столкновение главным образом национального характера. А выдвигание на первый план национальных мотивов, обеспечивая сохранение союза слабой буржуазии и более сильных феодальных элементов, позволяло реакционной части сербов пытаться покончить с требованиями широких социальных реформ и крупных политических преобразований. Внутренний конфликт в сербской среде становится неизбежным. Он явился главным содержанием событий ближайших месяцев.

IV

Одбор обратился к населению, призывая его образовывать отряды и вооружаться. Началось образование отрядов, состоявших из крестьян Срема и Бачки и некоторых граничарских частей. Крестьян Баната мы не видим в отрядах. Энергичные действия сербских и венгерских помещиков против крестьянского восстания в Банате позволили венграм усилить свои позиции в Банате и оторвать от общей борьбы не только крестьян, но и горожан. Крестьянские отряды были плохо вооружены, многие имели лишь дубины, хотя действовали в первых же столкновениях весьма отважно. Граничарские отряды представляли первоначально мелкие разрозненные соединения — роты, батальоны.⁶⁰ Удовлетворительные с точки зрения вооружения, они нуждались в организации и сведении их в более крупные соединения. Во главе отрядов стояли отчасти кадровые офицеры-граничары, отчасти отставные офицеры. Некоторое количество сербов-офицеров, находившихся в других частях австрийской армии, также прибыло, и что, очень важно, с разрешения австрийского военного министра.⁶¹ Но офицеров было недостаточно, и часть командиров вышла из рядовых участников борьбы. Во главе вооруженной борьбы стал Стратимирович.

31 мая (12 июня) ген. Храбовский совершил нападение на Карловцы; оно было отбито. Но столкновение показало слабость восставших в самом центре движения. Чтобы обезопасить его, было решено начать активные действия в Среме. 3 (15) июня Стратимирович во главе отряда в 500 чел. захватил Тител, где взял значительное количество оружия. В результате этого успеха Шайкашский батальон и Петроварадинский полк, до того колебавшиеся, присоединились к повстанцам. Успех имел важное значение. На сторону сербов приходили все новые и новые подкрепления. В течение двух недель в распоряжении Одбора оказалось до 15 тыс. человек и 40 пушек.⁶²

Войско было расположено в Каменице, Сентомаше (Србобран), Перлезе, Алибунаре. Однако оно было плохо организовано, его надо было

⁶⁰ G. Stratimirović. Was ich erlebte. Wien, 1911, S. 36—38.

⁶¹ I. Стефановић. Из живота еднор. ц. к. официра аустрийско-сербског военог хара у години 1848 и 1849 народног устанка сербског. У Земуну, 1863, стр. 14.

⁶² «Српски покрет...», стр. 84—85.

спаять в единую силу. Для этого была нужна передышка. Чтобы ее получить, были начаты переговоры о перемирии с венграми, охотно шедшими навстречу желаниям сербов, чтобы тем временем сконцентрировать против них свои войска. 12 (24) июня было подписано перемирие. На двенадцать дней наступил мир, но мир этот не был полным: кое-где происходили столкновения. Особенно важные события разыгрались в Нови Саде спустя два дня после заключения перемирия. Они важны во многих отношениях. П. Черноевич хотел осуществить избрание представителя в венгерский сейм. Сербская новосадская буржуазия, опасаясь участия в «мятежном» венгерском сейме, хотела получить согласие Вены на свое вхождение в него. Нельзя забывать, что это происходило после капитуляции Пражского восстания. Трусливая сербская буржуазия боялась поднимавшей голову реакции, а национальная вражда с венграми вызывала опасения попасть между двумя противниками. Эта боязнь побуждала буржуазию, страшившуюся революционного движения, к сближению с Веней. Венгерские власти Нови Сада настаивали на немедленном проведении выборов; они рассматривали их как способ выяснения степени лояльности сербов. Уклончивость последних, показавшая нежелание сербской буржуазии связать свою судьбу с судьбой революционной Венгрии, послужила причиной столкновения, перешедшего в борьбу на улицах города, в свою очередь повлекшую обстрел его венгерскими войсками. Сербь в Нови Саде были разоружены; в городе было введено военное положение. Режим, созданный в Нови Саде, оторвал его от общего движения сербов и сохранил в нем венгерское господство.⁶³

Это ослабляло буржуазную группу в воеводинском движении. В то же время в лагерь повстанцев прибывали все новые отряды граничар, спаянные военной дисциплиной и гораздо более умеренные в своих общеполитических стремлениях, нежели городские буржуазные элементы. Факт этот тем важнее, что Нови Сад был не единственным городом, оторвавшимся от участия в дальнейшей борьбе. Подавление крестьянского движения в Банате повело к тому, что и города Баната оказались в сфере венгерского влияния. Таково было, например, положение чисто сербского города Велики Бечкерек, который руководство сербским войском стремилось привлечь к борьбе на своей стороне.⁶⁴

В то же время начинающаяся борьба с венграми выдвигала на первое место консервативные элементы, так как либеральные были или в Карловце или в войске. Это видно по той ориентации на Вену, какая обнаружилась среди верхов новосадской буржуазии, участвовавшей в выборах. Городское движение под влиянием усиления австрийской контрреволюции и венгерского наступления на Воеводину явно ослабевало. Городские буржуазные верхи, не решаясь вступить в борьбу, становились на путь предательства и стремились к союзу с австрийской контрреволюцией. Но это не значит, что такую же позицию занимали немногочисленные демократические элементы города. Они хотели бы продолжать борьбу и с венграми и с предателями из сербской буржуазии, но были слабы, неорганизованы и оказывались изолированными. В этом отношении очень характерен рассказ современника. В октябре 1848 г. поручик Бараич, командовавший отрядом, двинутым в Кикинде, сообщал со слов кикиндских

⁶³ S. Kapper. Die serbische Bewegung. . . , S. 106—107.

⁶⁴ G. Strati mirović. Op. cit., стр. 43.

жителей, что местные «господа» в Кикинде все мадьяроны⁶⁵ и что эти жители предлагают принять против них решительные меры.

Увеличение числа граничарских частей в сербском войске очень существенно и, в числе других обстоятельств, объясняет дальнейший ход событий. В сербском войске все возрастала группа, находившаяся в очень большой зависимости от своих командиров. Стратимирович, за отсутствием воеводы командовавший войском, в своих воспоминаниях рассказывает, что на Военной границе плохо прививались местные одборы, смущавшие законопослужных военных. Военное руководство не стремилось насаждать комитеты, распространяя свои «революционные мероприятия» лишь на офицерство и поддерживая в среде солдат и унтер-офицеров обычную дисциплину.⁶⁶ Вождь буржуазной группы тем самым создавал послушное орудие, которым позднее воспользовалась контрреволюция.

В июле начались военные действия. Срем и Бачка были территориями, твердо державшимися против венгров. Но в Банате, где крестьянство было подавлено, где имелось значительное количество немцев, венгров, румын, национальные расхождения обнаружили с полной ясностью. Несербское население оказалось враждебным сербам; оно ориентировалось на венгров, помогало им. Многие населенные пункты приходилось отвоевывать, нередко оказывалось необходимым для этого посылать специальные экспедиции, постоянно надо было вести наблюдение.⁶⁷

Особенно значительной была экспедиция в Панчево. Здесь был штабной центр немецко-банатского полкового округа, подчинявшегося венгерским властям. Он препятствовал всякому проявлению сочувствия сербскому движению. Сказывалось соседство сильно омадьяренной Белой Церкви, где командовал банатский землевладелец майор Мадерспак, опиравшийся на венгерско-немецкие элементы. Привлечь Панчево — такой крупный центр — было очень важно, и туда был двинут отряд. Слабость венгерских сил позволила ему войти в город; венгры и немцы были обезоружены. К населению Баната всех национальностей было опубликовано обращение, обещавшее под угрозой наказания безопасность и защиту против всякого неприятеля, но требовавшее прекращения связей с венграми и угрожавшее наказанием за них. Были созданы местные одборы. Однако добиться поддержки со стороны несербского населения не удалось.

Венгерские войска концентрировались около Сегедина и Кикинды. 1 (13) июля они начали наступление на Сентомаш, но овладеть им не могли и отошли. Военный успех способствовал поднятию настроения сербов и обезопасил южную часть Бачки с Тителом. Вслед за тем начались столкновения в Банате. Около Перлеза был крупный сербский лагерь (5 тыс. человек с 12 орудиями). Задача наступавших венгерских частей заключалась в овладении Перлезом, чтобы тем самым поставить под удар и Тител. Командование над сербами в этом столкновении принял Стратимирович, который 3 (15) июля нанес венграм поражение, и они отступили к Бечкереку.

Борьба требовала денег, снаряжения, людей. Денег у сербов Воеводины было особенно мало. Они обратились к княжеству Сербии с просьбой о помощи. В конце июля из Сербии прибыл давно собиравшийся, но удерживавшийся правительством член Совета воевода Кничанин во главе добровольцев, переправе которых содействовало сербское правительство. Это

⁶⁵ Стефановић. Ук. соч., стр. 79.

⁶⁶ G. Stratimirović. Op. cit., S. 35.

⁶⁷ Стефановић. Ук. соч., стр. 30—31, 47, 49.

была военная поддержка, но это была также сила, влияние которой ощущалось и во внутренних отношениях Воеводины.

Дело в том, что помимо раскола между сербами и другими национальностями, помимо обнаружившегося раскола в городской среде и начавшегося отхода городских элементов от движения, разногласия проявлялись в форме прямой борьбы враждебных группировок и их вождей.

Недовольство в народе вызвал союз с Елачицем. Толки о том, что бан — реакционер, что он хочет сохранения старой системы, были широко распространены и вызывали беспокойство у Раячица,⁶⁸ рассматривавшего их как мадыарскую интригу. Но это было не так. Скоро возникло разногласие у Стратимировича с Раячицем и реакционной частью офицества. Нельзя признать то объяснение этому конфликту, какое дает Павлович, считающий его результатом недовольства заслуженных старых офицеров слишком юным командиром. Столкновение с офицеством — только часть конфликта между буржуазными и реакционными феодальными элементами. Оппозиционная к Стратимировичу офицерская группа поддерживала Раячица, ориентация которого на Австрию вполне совпадала с позицией Елачица. Раячица поддержала консервативная часть Одбора (Петрович, К. Богданович, секретарь Раячица Станкович), патриарха поддерживали сторонники избрания воеводой одного из двух представителей изгнанной из Сербии династии Обреновичей. Когда вопрос перешел на рассмотрение Главного одбора, Раячиц попытался осуществить компромисс: сохранить Стратимировича в подчиненном себе положении, а действия его поставить под контроль двух членов Одбора. Положение осложнялось зависимостью Воеводины в борьбе против венгров от сербской помощи.

Рассчитывая на поддержку Кничанина, Стратимирович прервал переговоры с Раячицем и Одбором и в ночь на 8 сентября бежал в лагерь Кничанина. Но последний, не имея указаний от своего правительства, не мог оказать ему помощь. Стратимирович покинул Кничанина и направился в лагерь сербских войск в Тител, где получил поддержку расположенных здесь отрядов.

Патриарх вместе с архимандритом Груичем — прекрасным оратором — прибыл вслед за Стратимировичем в Тител. Он пытался лишить его опоры в войске, требовал от Стратимировича отказа от возбуждения народа против императора. Раячиц этим хотел скомпрометировать Стратимировича в глазах подчиненных ему граничар, но ничего не добился. Солдаты кричали «Живео Стратимирович» и стреляли в воздух.⁶⁹

Успех был принят Стратимировичем за победу. «Veni, vidi, vici! После весьма опасного и решительного дня мой принцип победил», — писал он в частном письме. Рассказав о неудаче двухчасовой беседы Раячица с войском, Стратимирович продолжал: «Начинается новый период нашей революции, необходимо способное правительство [управление]. Поспешите, чтобы посоветоваться и подыскать соответствующих и достойных людей для политического управления. . .»⁷⁰ Но радость была преждевременной. Патриарх обратился к сербскому правительству, обвиняя Стратимировича в стремлении взбунтовать народ, во вражде к Австрии и династии, угрожая отставкой, если Стратимирович не будет обуздан, и просил заманить его в Сербию и там удержать. В ответ на это сербское правительство приказало

⁶⁸ «Србски летопис», књ. 111, стр. 151.

⁶⁹ G. Strati mirovi ć. Op. cit., S. 56.

⁷⁰ «Србски летопис», кн. 111, стр. 194.

Кничанину оказать помощь патриарху⁷¹ и сообщало ему, что никогда не поддержит тех, кто ополчается против империи (царства).⁷²

Было решено оказать давление и на Стратимировича. Специальный агент сербского правительства Гайя Перишич был послан добиться от Стратимировича покорности. Он побывал сначала в Карловцах, затем встретился со Стратимировичем и вынудил его капитулировать перед патриархом, но, повидимому, Стратимировичу было обещано не выдавать его бывшему австрийскому консулу в Сербии — Мейергоферу, который принял на себя командование австрийскими войсками Земунского округа и обещал 100 дукатов за голову Стратимировича. Мейергофер принимал участие в военных действиях против венгров и был в близких отношениях с Раячичем.

Для окончательного решения вопроса об организации управления было решено на 25 сентября ст. ст. созвать скупшину.

Она собралась двумя днями позже намеченного срока. Выбранный на майской скупшине воевода Шупликац прибыл из Италии, где он был в армии Радецкого. И это меняло положение. Теперь Стратимирович не мог претендовать на место и титул «верховного вождя», поскольку налицо был избранный воевода. Обнаружившееся уже раньше усиление проавстрийских тенденций в руководящем органе — Одборе и в войске заставляло отходить от движения радикальные элементы. Известно, что поэт Бранко Радичевич, первоначально принявший участие в движении, затем отошел от него, осознав беспочвенность кровопролития ради австрийского двора.⁷³

Несмотря на успехи сербского войска, борьба не сулила быть легкой и простой. Это делало позицию патриарха, рассчитывавшего на поддержку Австрии и в некоторых формах получавшего ее, более предпочтительной не только в глазах проавстрийски настроенных офицеров, но только в глазах консервативной части Одбора, тяготеющей к Сербии и слушавшей внушения сербского правительства, но и с точки зрения других элементов, ранее шедших за более радикальными лозунгами. Борьба и внутренние несогласия вызывали известное падение интереса к общественным делам. На созванной скупшине было всего около 70 представителей; некоторые округа и города вовсе не были представлены. Характерно, что к числу районов, не пославших своих представителей, принадлежали те, в которых развертывалась вооруженная борьба, а совсем далекие от военных событий, примыкающие к Хорватии — Вуковарский и Илокский, с городами Вуковар и Илок.

Скупштина приняла решение о передаче всей полноты политической власти патриарху, которому предоставлялось право организовать Одбор главным образом из числа лиц, избранных в широкий Главный одбор на майской скупшине, но не включая тех, кто по своей партийной принадлежности негоден сербскому правительству. Военная власть отходила к воеводе Шупликацу, который составил из всех наличных военных сил корпус под названием «Австрийско-сербская армада», уже одним этим названием подчеркивая свое единомыслие с патриархом.

Таким образом, сентябрьская скупштина была не только победой патриарха над Стратимировичем, как думал Павлович, но и победой реакцио-

⁷¹ Павлович. Ук. соч., стр. 72.

⁷² «Србски летопис», кн. 111, стр. 190—191.

⁷³ Видо Латковић. О Бранку Радичевићу. — «Младост», 1947, № 9.

неров над либералами, что находит объяснение не только в местных обстоятельствах, но и в общеавстрийских событиях.

21 сентября (3 октября) был издан известный императорский манифест, объявлявший войну Венгрии. Елачич был назначен королевским комиссаром, и ему были подчинены войска, действовавшие против Венгрии. Назначение вызвало восторг Раячича, излитый им в поздравлении Елачичу.⁷⁴ Ориентация на Австрию окончательно закреплялась. Австрийское и сербское знамена отныне вывешиваются рядом. Раячич и Елачич вступают в связь с Виндишгрецем. Последний посылает деньги на содержание сербского войска. Опального командира Стратимировича отправляют в Вену хлопотать об утверждении постановлений майской скупщины. Если раньше просьбы об этом были безрезультатны, то теперь, после убийства восставшим народом Вены военного министра Латура, правительство стало обнаруживать больше интереса к сербам. 14 (26) ноября патриарх удостоился получения личного письма императора с сообщением последних манифестов. В декабре Шупликац получает орден Железной Короны I степени. Это было оформление союза сербских реакционеров с австрийской контрреволюцией. Но заключенный союз, естественно, не мог быть равноправным. Это было ознаменовано тем, что после смерти Шупликаца (декабрь 1848 г.) временное командование «Австрийско-сербской армией» принял Мейергофер.⁷⁵ Сербские — когда-то повстанческие — отряды становятся орудием контрреволюции. Австрия получила возможность укрепиться «благодаря черно-желтому энтузиазму славян».⁷⁶

Стратимирович во время пребывания в Вене проявил стремление к сближению с реакцией. Он вручил приветственный адрес новому императору Францу-Иосифу и в ответ услышал поощряющие слова о доказанной на деле верности сербов. На специальном банкете его приветствовал Елачич. А 3 (15) декабря новый император, в ответ на поданную просьбу, сообщил подтверждение избрания Раячича патриархом и Шупликаца воеводой. Смерть Шупликаца 15 (27) декабря вызвала новую попытку Стратимировича взять дело в свои руки, попытку, приведшую вновь к столкновению с патриархом. Повидимому, происшедший в связи с предшествующими событиями разброд буржуазного лагеря побудил Стратимировича ориентироваться теперь на Сербию и там искать поддержки своим планам. Но попытки заручиться содействием сербского правительства окончились неудачей. В письмах Гарашанина Кничанину, написанных после переговоров со Стратимировичем, содержалось предупреждение не оказывать поддержки претенденту в воеводы: «Я боюсь его, как венгров, не за то, что желает зла сербству, но за то, что он хочет такого добра, какого теперь не может быть». Утопизм Стратимировича заключался, по мнению Гарашанина, в попытке одновременного освобождения от власти Венгрии и от власти меттерниховской Австрии путем ее перестройки на федеративной основе. Одновременная борьба против двух противников казалась нереальной.

Антиавстрийская направленность Стратимировича вызывала особую настороженность сербского правительства, опасавшегося влияния Стратимировича на массы.

Эта попытка Стратимировича добиться власти, сделанная вслед за его переговорами в Вене, свидетельствует о беспринципности честолюбивого

⁷⁴ «Србски летопис», кн. III, стр. 211.

⁷⁵ То же, кн. III, стр. 112.

⁷⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VII, стр. 215.

вождя сербских либералов. Но новая попытка осталась бесплодной. Группировка, на которую он опирался раньше, рассыпалась. Многие из его соратников заняли далекую от прежней позицию. Так, Иован Субботич, председатель Славянской Липы в Митровице, предлагал избрать воеводой австрийского императора, а вице-воеводу избрать из своей среды. Мы уже отмечали перемену ориентации И. Станковича. Тем не менее Стратимирович добивался воеводского места. Однако он не имел необходимой для этого поддержки. Патриарх не передал ему военной власти. Прибывший в начале января в Земун, где находился патриарх, представитель сербского правительства Тенка советовал не давать Стратимировичу никакого назначения, но прочно держать при себе, чтобы он не наделал «глупостей». У патриарха возникли расхождения и с Одбором. Последний оставался в Карловцах, звал к себе Раячича, но тот отсиживался под сербской охраной в Земуне и опасался ехать в Карловцы. Стратимировича он держал при себе. Однако тот нашел способ бежать из Земуна и прибыл в Карловцы. Ему удалось воздействовать на Главный одбор, который высказался за него. Провозгласив себя центральной властью, Главный одбор отменил приказ патриарха об аресте Стратимировича, а самого патриарха вызвал в Карловцы. Не ограничившись этим, Одбор обратился в Вену с письмом, где разъяснял свою позицию и обвинял в ссоре патриарха, уверял в лояльности Стратимировича и в целесообразности его позиции с точки зрения интересов династии.

Значение этого выступления было не велико. Раячич поставил во главе войска ген. Теодоровича, которого поддерживало офицерство; он опирался на австрийское и сербское правительство. Стратимирович был фактически изолирован, хотя делал попытки опереться на сторонников Обреновичей. Благоприятная ситуация давала возможность патриарху покончить с противником.

На заседании Одбора с участием патриарха 28 и 29 января (9 и 10 февраля) 1849 г. патриарх выступил против Стратимировича, обвиняя его в революционных планах. В итоге обсуждения, — хотя вопрос об аресте Стратимировича отпал, — судьба его была поручена «особой милости» патриарха, признанного теперь единственным главой Воеводины с титулом «Управитель Воеводины». Все нити управления сосредоточивались в его полновластных руках, уже не наталкивавшихся ни на какую оппозицию. Либеральные поползновения Стратимировича были окончательно подавлены. Раячич и поддерживавшие его проавстрийско-консервативные группы полностью овладели положением. Стратимирович был окончательно отодвинут на задний план. Началась полоса тесного сотрудничества с Елачичем и австрийцами для разгрома и подавления венгерской революции. Это не значило, однако, отказа сербов от надежды на получение автономии. Наоборот, в своей переписке с баном, с австрийским министром-президентом Вессенбергом, с сербским правительством Раячич постоянно напоминает о постановлениях майской скупщины и просит императора санкционировать эти решения.⁷⁷ Главный одбор занимался разработкой конституции для Воеводины, а работу возглавить должен был Стратимирович и закончить к 12 января 1849 г. Бывший вождь сербских либералов окончательно превратился в прислужника контрреволюции.

⁷⁷ «Србски летопис», кв. 112, стр. 407, 411, 412.

После отозвания сербских добровольцев и Кничанина в Сербию венгры решили перейти в наступление и в середине марта 1849 г. нанесли сербам поражение. Но это были последние попытки активных действий перед разгромом революционной Венгрии. Уже с 24 декабря (5 января) Будапешт был в руках Виндишгреца. Победитель показал свою тяжелую руку не только венграм, но и своим союзникам — сербам. Вслед за тем комендантом банатской границы был назначен майор Рукавина, пожелавший сосредоточить всю власть в своих руках, что вызвало протест со стороны Раячича. Патриарх указывал на подтверждение решений майской скупщины императором в его рескриптах 3 (15) декабря 1848 г.,⁷⁸ а в этих решениях речь идет о воеводе как главе управления и местной администрации. Копии своего ответа Рукавине патриарх доставил Виндишгрецу, Елачичу и австрийскому правительству, но никто из них не откликнулся. Натиск Рукавины продолжался, и под давлением его патриарх начал смягчать свои ответы и оправдывать существование местных комитетов необходимостью борьбы с анархией. Не видя возможности отстоять положение, он обратился к графу Стадиону с предложением имперскому правительству взять местную администрацию в свои руки. Но Стадион в ответ сообщил, что до полного умиротворения все должно оставаться так, как есть. Для окончательной же пацификации правительством будут собраны представители всех народов Венгрии, в том числе и сербов (2 человека).

В действительности решение пришло раньше. 24 февраля (7 марта) 1849 г. был распущен австрийский рейхстаг и провозглашена новая конституция, которая признавала старые права сербов (§ 72) и обещала гарантировать церковную и политическую свободу, но ни об автономии, ни о правах, которые требовала майская скупщина и которые отчасти признали рескрипты 3 (15) октября, речи больше не было. Ориентация реакционных сербских кругов на Австрию принесла свой окончательный результат — укрепление и стабилизацию Австрийской империи.

V

Но и после окончательной победы контрреволюции деятели движения в Воеводине не сразу поняли последствия своей тактики. На протяжении 1849 г. вышел ряд книжек, обсуждавших перспективы образования Воеводины, доказывавших права сербов на автономию в пределах Австрийской империи. Они различаются по характеру, подходу к вопросу; они не одинаковы в решении многих вопросов, но при всем том они сходны в главном: в надежде добиться желаемого самоуправления путем сговора с австрийским правительством.

Раньше других (предисловие помечено 2 апреля н. ст. 1849 г.) появился конституционный проект Стефана Радичевича, бывшего попечителя правосудия и просвещения Сербского княжества. Сторонник конституционной монархии, построенной на основе внутренней автономии национальных областей, Радичевич считает основные общегосударственные вопросы областью деятельности центрального имперского правительства. К ним он относит вопросы войны и мира, внешнюю политику, торговую политику, горную промышленность, монетное дело и общегосударственные финансы, почту, телеграф, пути сообщения, юстицию, назначение высших чинов-

⁷⁸ Там же, стр. 469—470.

ников.⁷⁹ Все остальные вопросы должны составить сферу деятельности провинциальных правительств. Последние имеют своих выборных руководителей; для Воеводины это — воевода, действующий вместе с народным представительством (скупштиной) в области законодательства. Провинции обладают национальной гвардией, являющейся резервом имперской армии. «Император [царь] представлял бы народы империи перед иностранными державами, а поглавари [главы правительств отдельных областей. — С. Н.] свой народ в империи. Император командовал бы своим регулярным войском для поддержания законного порядка в империи и обеспечения мира и дипломатических отношений с другими государствами, а поглавари командовали бы национальной гвардией для поддержания законного порядка в своей провинции. . . Император был бы наследственным, а поглавари были бы избраны своим народом и подтверждены императором».⁸⁰ Автор уподобляет намечаемую им государственную структуру солнечной системе, где имперский центр подобен солнцу, а провинции — планетам.

После такого введения автор дает проект конституции Воеводины, где в 12 главах (216 параграфов) конкретизируются приведенные общие положения. Существенным для данного проекта является его явно выраженный антифеодальный характер. Радичевич требует личной и имущественной свободы для всех жителей Воеводины. В специальном параграфе он раскрывает содержание своих мыслей; здесь мы встречаемся не только с тезисом о свободе каждого располагать имуществом, но и со статьей об отмене барщины и феодальных повинностей без выкупа, об отмене феодальной системы Военной границы. Оговорено равноправие всех граждан, отмена смертной казни за все преступления, свобода печати.

Проект излагает далее систему управления Воеводиной, на которой мы не будем сейчас останавливаться. Проект Радичевича является буржуазным проектом включения Воеводины в общую систему перестроенной на началах автономии Австрии, с достаточно сильной центральной властью, обладающей солидными полномочиями. Этот очень лояльный в отношении австрийского правительства проект был, повидимому, самым решительным. У других авторов, касавшихся проблемы взаимоотношения монархии и Воеводины, мы не встречаем тех социальных пожеланий, о которых говорил Радичевич. Более того, некоторые из них прямо пресмыкаются перед контрреволюцией.

Так, вторая значительная по размерам книга И. Николаича «Войводство серба аустрийски», вышедшая в 1849 г. в Вене на средства кн. Михаила Обреновича, поражает прежде всего введением, восхваляющим молодого императора, покровителя сербов, николаевскую Россию и рядом с ними «мать-Сербию».

Николич начинает с краткого исторического обзора судеб воеводинских сербов, говорит об их правах, закрепленных в грамотах австрийских императоров. После этого он переходит к рассмотрению Воеводства с политической точки зрения, приводит текст манифеста 3 (15) декабря 1848 г., признавшего патриаршество и воеводство как основу национальной автономии, которая должна быть создана по восстановлению мира. Николич рассматривает положение Воеводины в отношении со всей империей, с Вен-

⁷⁹ Стефан Радичевич. Проект устава за Войводину сербу с државословным приметбама. У Земуну, 1849, стр. 17—18.

⁸⁰ Там же, стр. 22—23.

грий и триединым королевством, он разбирает вопрос о территории и внутреннем управлении ее.

Воеводство мыслится Николичу в рамках единства всей империи,⁸¹ но отдельным от Венгрии и находящимся в союзе с Хорватией. В главе, рассматривающей вопрос о территории Воеводства, эта территория устанавливается в таком виде: три банатских комитата — Торонтальский, Темешский, Крашовский с прилегающей частью Военной границы, Бачко-Бодроковский комитат с Шайкашским батальоном, Сремский комитат с Петроварадинским полком. Баранью Николич готов уступить Хорватии.

Слабее всего в книге Николича разработан вопрос о внутреннем управлении Воеводиной. Стремясь избавиться от многочисленной бюрократии, хорошо известной сербам по австрийским порядкам, Николич говорит о создании шестичленного совета при воеводе в качестве центрального органа управления. Но вся система внутренней организации остается неясной ни в отношении принципов ее построения, ни в отношении структуры.

Автор еще одного известного нам произведения, посвященного патриарху Раичичу, А. Стоячкович, еще более скромнее, чем предыдущие. Своей брошюре он придал характер исторического сочинения. В первой части ее он изложил историю сербов в Венгрии от древнейших времен до возрождения сербской Воеводины в 1848 г.; во второй напечатал ряд документов, начиная с решений майской Карловацкой скупщины 1848 г. и кончая патентом 18 ноября 1849 г. о Воеводине и присоединении титула «Великого воеводы Воеводины сербской» к другим титулам австрийского императора. Книжка эта⁸² снабжена предисловием, доказывающим политическую зрелость сербского народа, его верность императорской династии. «Трижды народ сербский спасал государство и династию от гибели и уничтожения (ништеге), . . . трижды он принимал в свою грудь неисчислимые вражеские стрелы, трижды он выносил на своих плечах тяжчайшее государственное бремя. . . Премилостивый император, который излил уже в прошлое время такие милости на сербский народ, . . . не забудет и далее, что сербский народ — его народ. . . и никогда не перестанет быть его».⁸³

Тут уж даже намек на желания и волю сербского народа не видно. Все надежды возлагаются на императорскую милость.

Указанные политические трактаты характерны как показатель прочности проавстрийских тенденций в кругах политических деятелей Воеводины. Либеральная буржуазия и дворянство не пытались искать решения вопроса иным путем, чем путем обивания порогов венского правительства. Предавшие городские демократические круги и крестьянство, они не могли рассчитывать на поддержку масс в решении национального вопроса, и им не оставалось ничего другого, как возлагать свои надежды на австрийское правительство. Легко понять, как нереальны были эти расчеты.

Политическое движение сербов Воеводины в 1848 г. началось выступлениями городских демократических масс и крестьянства. Вскоре оно было возглавлено либерально-буржуазными деятелями, сделавшими попытку договориться с венгерским правительством. Неудача ее побудила

⁸¹ Исидор Николич. Войводство серба австрийски. У Виенни, 1849, стр. 74.

⁸² Александр Стоячкович. Черте живота народа србского у унгарским областима. . . У Бечу, 1849.

⁸³ Там же, стр. VII, VIII.

прокламировать автономию Воеводины, что повело к дальнейшему обострению отношений с Венгрией.

Но в сербской среде не было единства. Немногочисленное сербское дворянство раскололось с самого начала и в большей своей части перешло на сторону венгров, стремившихся подавить крестьянское движение. Единичные его представители, в частности Стратимирович, участвовали в сербском движении. Возникшие при начале военных столкновений с венграми сербские отряды состояли из добровольцев — крестьян и горожан, а также из разрозненных граничарских частей. Поражение Пражского восстания вызвало колебания в среде сербской буржуазии и частичный отход ее от борьбы. Измена буржуазии совпала с увеличением в составе вооруженных сил сербов численности граничарских отрядов, в дальнейшем явившихся опорой реакционной группы во главе с Раяичем. Между Раяичем и Стратимировичем началась борьба, проходившая в условиях дальнейшего разброда в рядах буржуазно-либерального лагеря. Опору себе вождь сербских реакционеров Раяичич нашел и в Сербском княжестве.

Укрепление реакционного союза Елачича с монархией и объявление реакцией войны Венгрии еще более усилило позицию Раяичича. Либерально-буржуазный лагерь явно разваливался, а вождь его Стратимирович повел беспринципную борьбу за власть, ища поддержки то в Вене, то в Белграде; после неудачи он окончательно превратился в прислужника реакции.

Малочисленная сербская буржуазия оказалась трусливой и предала движение, как только реакция начала поднимать голову. Измена ее развязывала руки реакционным кругам, возглавлявшимся Раяичичем, которые в союзе с Елачичем и Виндишгрецем повели контрреволюционную войну против Венгрии, все еще не расставаясь с тщетной надеждой на получение автономии из рук императора. Ее поддерживали обещания, шедшие со стороны правительства до тех пор, пока оно было слабым. Но когда с помощью войск Елачича победа осталась за монархией, последняя обнаружила свои подлинные стремления: ни о какой автономии речи быть не могло. Чего же достигли буржуазия и дворянство предательством в отношении своего народа? «Добились они лишь того, что славянская народность теперь всюду подрывается австрийской централизацией, — и обязаны они этим лишь собственному фанатизму и слепоте».⁸⁴

⁸⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VI, стр. 62.

И. С. Миллер

НАБАЛУНЕ ОТМЕНЫ БАРЩИНЫ В ГАЛИЦИИ

*(Из истории идейно-политической борьбы в польском обществе
в 30—40-х годах XIX столетия)*

Предлагаемая статья имеет целью определить место и значение крестьянского вопроса в польском общественном мнении в 40-х годах прошлого столетия, охарактеризовать основные направления польской общественной мысли, рассмотреть те многочисленные и разнородные проекты, предложения, полемику вокруг крестьянского вопроса, которые вводят нас в глубь важнейших, наиболее животрепещущих и острых проблем той эпохи.

Нам неизбежно придется касаться тех конкретных социально-экономических условий, которыми определялась эта публицистическая борьба, однако (оговорим это с самого начала), та характеристика положения крестьянства в Галиции в первой половине XIX в., которую мы даем ниже, основывается почти исключительно на литературе вопроса и имеет очень узкую, чисто служебную цель — ориентировать читателя в той мере, в какой это представляется необходимым для изучения основной группы разбираемых в статье вопросов. В равной мере и крестьянская реформа 1848 г. в Галиции освещается нами лишь с точки зрения того, как подготовка этой реформы и ее проведение преломлялись сквозь призму тех или иных общественно-политических программ польских политических лагерей.

Таким образом, настоящее исследование посвящено не крестьянскому вопросу в его полном и самостоятельном значении, а лишь его месту и роли в развитии польской общественной мысли того времени. Мы считаем, что и такое, сравнительно узкое по постановке проблемы исследование оправдано и целесообразно, потому что крестьянский вопрос был осью всего польского вопроса в изучаемый период и стал центральным пунктом программы демократических слоев польского общества. Поэтому освещение той борьбы, которая развернулась вокруг этого вопроса в польском обществе, имеет большое и самостоятельное значение.

Мы отнюдь не претендуем (и проделанная нами работа не дает для этого оснований) на то, чтобы дать и с ч е р п ы в а ю щ и й обзор всех мнений по крестьянскому вопросу; публицистика изучаемого времени столь развита и число различных откликов по этому, более всего занимавшему умы вопросу так велико, что охватить их целиком чрезвычайно трудно, а

подвергать каждый из них анализу нет необходимости. Мы ограничиваем свою задачу освещением в а ж н е й ш и х направлений общественной мысли, важнейших как по своей объективной значимости, так и по степени резонанса, который они вызвали. Более детально мы останавливаемся лишь на публицистических выступлениях, относящихся к самому 1848 г. и представляющих тем самым особый интерес.

Естественно, что исследование взглядов на крестьянский вопрос трудно ограничить рамками одной Галиции. Тем не менее Галиция будет оставаться в центре нашего внимания, так как именно она явилась в рассматриваемый нами период основной ареной важнейших событий, связанных с изучаемой проблемой. Такими событиями были краковское восстание в феврале—марте 1846 г. (мы причисляем к Галиции государственно отдельный от нее Краков, так как он и в это время являлся центром тяготения для всей Западной Галиции), крестьянские движения в Западной Галиции в это же время, революционные бури 1848 г. и отмена барщины. Вокруг этих событий сосредоточилась и полемика, связанная с крестьянским вопросом. Таким образом, и объективное значение событий, происходивших в Галиции, и степень резонанса этих событий в публицистике дают основание сосредоточить внимание прежде всего на Галиции. Вместе с тем, как покажет дальнейшее изложение, мы считаем, что события, происходившие на территории Галиции в конце 40-х годов прошлого века, представляют собою узловой пункт развития польской общественной мысли середины XIX в. и исходный пункт развития важнейших политических направлений господствующих классов польского общества (не только одной лишь Галиции) в последующий период.

Наконец, еще два вводных замечания. Хотя, как уже сказано выше, в центре нашего внимания в настоящей статье стоит Галиция — д в у н а ц и о н а л ь н ы й политико-административный организм, наше исследование ограничивается исключительно польской публицистикой; мы ставим своей задачей исследовать определенный этап в развитии польской общественно-политической мысли. В соответствии с этим мы совершенно не касаемся вполне самостоятельного вопроса о развитии украинской общественной мысли в Галиции. Чтобы не допустить при этом ошибок, связанных с недоучетом ее влияния на польское общественное мнение, мы используем в первую очередь материалы, связанные с Краковом и Западной Галицией, и лишь с большой осторожностью пользуемся польскими материалами, происходящими из Львова и Восточной Галиции.

Читатель не найдет в настоящей статье широкого освещения собственно-крестьянских взглядов на аграрные отношения. Мы не считали возможным на основании незначительных и сомнительных по своей достоверности данных, которые могут быть привлечены для этой цели, предпринимать попытку рассмотрения этой большой и важной проблемы. Несомненно, что умолчание о взглядах на крестьянский вопрос крупнейшего и непосредственно связанного с этим вопросом класса польского общества — самого крестьянства составляет зияющий пробел в исследовании, но заполнить этот пробел при нынешнем состоянии опубликованных материалов невозможно.

С сожалением приходится отметить также, что в библиотеках Москвы и Ленинграда мы не смогли отыскать некоторых источников, представляющих значительный интерес для нашего исследования, например, воспоминаний Павла Попеля. Также лишь по отдельным ссылкам известен

нам ряд работ, знакомство с которыми могло бы во многом помочь автору; это относится в особенности к работам Яника о Якубе Шеле, Лучакувны о Хельтмане, Лесневского о Манифесте Демократического общества.¹

1. Аграрные отношения в Галиции в первой половине XIX в.

Вся территория, за которой закрепилось в XIX в. название Галиции,² была присоединена к Австрийской империи во времена первого раздела Речи Посполитой — в 1770-1772 гг. Если не считать небольшой части Восточной Галиции — так называемого Гарнопольского округа, с 1809 по 1815 г. входившего в состав Российской империи, Галиция оставалась под властью Австрии с этого времени непрерывно; австрийские законы, австрийские порядки имели за собой в Галиции к 40-м годам XIX в. уже прочную, не нарушавшуюся в течение 70 лет традицию. Рано отделенная от Речи Посполитой, в пору ее наибольшего внутреннего упадка, Галиция не переживала воздействия ни реформ Четырехлетнего сейма, ни восстания Костюшко, на нее не распространялась наполеоновская конституция Варшавского княжества, она не была непосредственно затронута восстанием 1830—1831 гг. Это необходимо иметь в виду, когда мы говорим об особенностях социальной, экономической и идейно-политической жизни Галиции.

Если оторванность Галиции от важнейших событий, отражавшихся на процессе развития польского общества и общественной мысли, следует считать первым важным фактором, определившим особенности этого процесса в Галиции, то вторым таким фактором было существование Галиции в системе Австрийской монархии, особого мира, значительно отличавшегося по своим условиям как от старой Речи Посполитой, так и от России и Пруссии, в составе которых находились в XIX в. остальные польские земли.

Галиция вошла в состав Габсбургских земель в пору расцвета «просвещенного» абсолютизма. Связанные с именем императора Иосифа II реформы затронули многие стороны жизни австрийских земель, среди них и Галиции; они касались системы государственного управления, земской администрации, судостроительства, вероисповедных отношений, цеховых организаций и т. д.

Значительное место среди реформ Иосифа II занимали реформы крестьянских отношений. Значение иозефинских реформ неоднократно

---

¹ Уже в то время, когда эта статья находилась в печати, мы познакомились с несколькими работами, изданными в Польше в 1948 г. и посвященными столетию революции 1848 г. Они представляют значительный интерес; некоторые из них (особенно статьи Стефана Кеневича) непосредственно перекликаются с нашей статьей в отношении затрагиваемых вопросов. Мы не имели уже возможности сколько-нибудь широко привлечь эту литературу в настоящей статье, заметим лишь, что, сообщая ряд новых фактических сведений и делая несомненный шаг вперед по сравнению с предыдущими польскими исследованиями, новые польские работы далеко не всегда еще, по нашему мнению, дают правильную и четкую оценку позиции различных классовых и политических сил в польском обществе в отношении крестьянского вопроса. В рамках настоящей статьи разбор и оценка новых польских работ по революции 1848 г. в Галиции неосуществимы. Мы постараемся, однако, вернуться к ним при первой же возможности.

² Мы имеем здесь в виду территорию Галиции, какой она была между 1815 и 1846 гг., т. е. до присоединения к ней Краковской республики.

подчеркивалось исследователями, которые давали им, однако, резко различающиеся, подчас диаметрально противоположные оценки.

Консервативной польской исторической литературой и публицистикой, отражавшей интересы помещиков, был сформулирован тезис о том, что все реформы Иосифа II в Галиции, в том числе и крестьянская реформа, имели целью угнетение и в конечном счете искоренение польской национальности; с именем Иосифа II связывается начало деятельности австрийского чиновничества, бюрократии, на счет которой относилась шляхетская публицистика все пороки социальных отношений и экономического развития Галиции. Крестьянская реформа, по мнению этих авторов, совершенно не считалась с существовавшими местными отношениями; почти ничего не дав крестьянину, она разрушила существовавшие ранее патриархальные связи между помещиком и крестьянином, создала и обострила антагонизм между ними, связала руки помещику, лишенному возможности отечески заботиться о благе своих подданных. В результате, делает вывод Валериан Калинин, крупнейший представитель этого направления, «благодаря патентам и заботам бюрократии, барщина приняла такое развитие в Галиции, что начала противоречить не только экономике, но и политике и безопасности жизни граждан».³

Прямо противоположный полюс в оценке реформ Иосифа II представлен не только немецкими историками либерального направления, но и великим украинским поэтом и видным историком Иваном Франко,⁴ который характеризовал иозефинские реформы как акты высокого гуманизма, как не доведенную до конца с связи со смертью императора-реформатора попытку коренной перестройки крестьянско-помещичьих отношений.

Нас, естественно, не может удовлетворить ни та, ни другая характеристика. Специальное исследование иозефинских реформ не входит в нашу задачу, мы попытаемся лишь кратко определить их значение и тенденции.

Первые мероприятия австрийских властей в Галиции были непосредственно связаны с самим актом завоевания и носили чисто фискальный характер. 28 января 1773 г. правительство объявило о том, что все коронные и королевские имения переходят в собственность государства. Патен-

³ W. K a l i n k a. *Galicja i Kraków pod panowaniem austriackim*, wyd. 2-e (Dzieła, t. X). Kraków, 1898, s. 172.

Заметим здесь, чтобы уже не возвращаться к этому в дальнейшем, что в терминологии шляхетских публицистов в 40-х годах XIX в. (да и нередко значительно позднее) понятие «гражданин» (*obywatel*) включало в себя только помещиков и духовенство, иногда также разночинную интеллигенцию, но никогда не распространялось на крестьян. В 1848 г. либеральничающая шляхта стала и крестьян именовать гражданами, считая, однако, при этом необходимым оговорить, что речь идет о «гражданах, созданных [следует разуметь — её, шляхты, заботами. — И. М.] из сегодняшних крестьян» («*Jutrzanka*», 1848, № 26, 20. IV).

⁴ І. Ф р а н к о. Панщина і її скасування в 1848 року. У Львові, 1898, стр. 30, 36; «Громадське шпихлірі в Галичині 1784—1840 рр. Збірка документів і розвідка д-ра Івана Ф р а н к а» («У раїнсько-руський архів», видає історично-філософічна секція Наукового товариства ім. Шевченка, т. II. Причинки до історії економічних і соціальних відносин Галичині в XVIII—XIX вв., вип. I). У Львові, 1907, стр. XX—LXXIV. См. також рецензії Франко на серію очерков Бр. Лозинського, вошедших в книгу «*Szkice z historii Galicji w XIX w.*» — «Записки Наукового товариства ім. Шевченка» (в дальнейшем при ссылках — ЗНТШ), т. L, Львів, 1902, Бібл., стр. 40—41, т. LII, Львів, 1903, Бібл., стр. 25—26, на книгу Людвіга ф. Мизеса: «*Die Entwicklung des gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisses in Galizien (1772—1848)*». — ЗНТШ, т. L, Львів, 1902, Бібл., стр. 37—40.

том от 18 апреля 1775 г. в Галиции был введен так называемый рустикальный, т. е. крестьянский, налог. Имена облагались этим налогом в зависимости от их величины; ответственность за его сбор возлагалась на помещика, который был волен производить по своему усмотрению раскладку налога среди своих крестьян и определять методы его сбора. Вскоре, однако, последовал ряд патентов и распоряжений, непосредственно вторгавшихся в сферу взаимоотношений между помещиком и крестьянином.

Уместно напомнить, что в Речи Посполитой власть помещика над крестьянином была неограниченной. Лишь накануне первого раздела конституция сейма 1768 г. лишила помещика права карать уголовные преступления крестьян, передав их рассмотрение гродским и земским судам, а также установила наказания для помещиков за убийство крестьян. Во всех остальных отношениях шляхетское государство полностью устранялось от какого-либо вмешательства в положение помещичьих крестьян. Размер крестьянских повинностей во многих имениях фиксировался инвентарями; однако инвентарь не имел никакой обязательной силы для помещика, за которым оставалось юридическое право по своему усмотрению изменять повинности и земельные наделы крестьян. Крестьяне еще с конца XV в. были лишены права свободного выхода; современники определяли их положение термином, заимствованным из римского права, — *glebae adscripti*. Это было крепостное право в одной из наиболее кабальных его форм.

Патентом от 1 сентября 1781 г. крестьянам было дано право подавать жалобы на пана, право, которым в Речи Посполитой пользовались только крестьяне старостинских имений. Однако это право сразу же было сведено на-нет, так как первой инстанцией по разбору жалоб на помещика был вотчинный суд, т. е. сам помещик. Одновременно с этим крестьянам строго напоминалось, что подача жалоб не освобождает их от полного послушания помещику. Во второй инстанции разбор крестьянских жалоб поручался окружным чиновникам. Наложённые на помещиков за притеснения (прегравации) штрафы не попадали крестьянам, а составляли отдельный фонд, который позднее был предназначен для организации и поддержания общинных зерновых складов. 5 сентября 1784 г. ответственность помещика была распространена также и на те несправедливости, которые причиняли крестьянам помещичьи служащие.

Патент от 5 апреля 1782 г. отменял личную зависимость крестьян. Безземельный крестьянин получал право свободного выхода; крестьянин, имеющий надел, мог покинуть его при условии представления на свое место заместителя.

Государственное вмешательство распространилось и на крестьянские повинности.

Распоряжение от 20 ноября 1781 г. устанавливало максимум барщины в 3 дня в неделю. Уже 11 декабря 1781 г. было издано новое распоряжение, которым устранялись недосмотры первого — в трехдневную норму включались также все дополнительные повинности (*stróža*, *podwoły* и т. п.).

16 июня 1786 г. был издан большой патент о крестьянских повинностях (*Robotpatent*). В 84 статьи этого патента детально регулировался размер барщины, помочей, обязанности челяди и т. д. Наконец, в конце 1789 г. был издан патент, предусматривавший дальнейшее уменьшение крестьянских повинностей при одновременной замене барщины чиншем. Крестьянину по этому патенту должно было быть гарантировано 70% валового дохода его хозяйства, 12²/₉% забирало в виде прямых налогов государство,

177 $\frac{9}{10}$ % составлял чинш. Однако патент этот не вступил в силу (он должен был войти в силу лишь в октябре 1791 г.) и уже в апреле 1790 г. был отменен новым императором Леопольдом II.

Был введен ряд ограничений в право распоряжения помещика крестьянскими землями. Предписание от 26 июля 1784 г. запрещало помещикам закладывать крестьянские земли и брать под них заем в размере более 20 польских злотых без разрешения окружных властей. Июньский патент 1786 г. называет помещиков уже не собственниками, а верховной властью (*Grundobrigkeiten*) над крестьянскими землями. Ст. 41 этого патента лишила помещика права делить рустикальные земли. 2 апреля 1787 г. последовало запрещение присоединять рустикальные земли к фольварочным или заменять их без разрешения окружных властей. Помещики, таким образом, были лишены права сгонять крестьян с их земли. Во избежание попыток обойти эти предписания в 1789 г. было издано запрещение помещикам заключать какие-либо соглашения с крестьянами без санкции окружных властей. Для разрешения споров в отношении владения землей, пользования угодьями и т. д., патент от 10 февраля 1789 г. предписывал считать нормой положение на 1 ноября 1786 г.

Наконец, были ограничены права вотчинной юрисдикции. Разрешение споров между крестьянами стало с 1784 г. функцией сельских судов, избравшихся крестьянами на каждые 50 дворов в составе солтыса и двух присяжных. Солтыса назначал помещик из трех предложенных крестьянами кандидатов. Вотчинный суд имел право разбора дел, связанных лишь с малыми провинностями; все уголовные дела рассматривались государственным судом, который принимал также апелляции на решения вотчинного суда. Не жившие лично в своих имениях помещики должны были назначать специального судебного чиновника — юстициария, который оплачивался помещиком, но экзаменовался и утверждался окружными властями.

Таковы основные реформы Иосифа II, касавшиеся положения крестьянства в Галиции.⁵

Разумеется, сразу же можно отвергнуть тезис польской шляхетской публицистики о том, что основным побуждающим фактором при проведении этих реформ было стремление подорвать положение польских помещиков, а тем самым (поскольку в глазах этих публицистов именно в помещиках, в шляхте сосредоточивались все элементы польского национального духа и национальной культуры) положить начало уничтожению самой польской нации. Нет нужды заниматься опровержением основной посылки

⁵ І в а н З а н е в и ч [псевдоним Остапа Терлецкого]. Знесене панщини в Галичині. Причинок до історії суспільного життя і суспільних поглядів в 1830—1848 рр. Перша половина [Исследование доведено до 1845 г., продолжение не было написано]. Львів, 1896, стр. 99—101, 113, 183; W. K a l i n k a, *Galicja i Kraków*, s. 59—60, 135—147; A. I. Ś w i ę t o c h o w s k i. *Historja chłopów polskich*, wyd. 2-e. Poznań, b. r., s. 262—267; І. Ф р а н к о. Громадське шпихлірі, стр. XV і н.; St. L u b i c z. *Sprawa włościańska w Polsce porozbiorowej*, Kraków, 1909, p. 46—52.

Иозефинские законы были распространены в последние годы XVIII в. и на земли, захваченные Австрией при третьем разделе Речи Посполитой. В 1809 г. эта территория была потеряна Австрией и только г. Краков с небольшой прилегающей областью (Краковская республика) был вновь захвачен Австрией в 1846 г. В отличие от остальной Галиции нормой соотношения помещичьих и крестьянских земель на территории Краковского округа, по распоряжению от 14 апреля 1847 г., было объявлено положение на 15 ноября 1815 г. См.: *Die Grundentlastung in Oesterreich. I Teil. Nach amtlichen Quellen dargestellt*. Wien, 1857, S. 4; Felix S ł o t w i ń s k i. *O stanie prawnym włościan okręgu krakowskiego*. Kraków, 1851, p. 10.

этого лживого тезиса, но важно отметить, что все указанные выше мероприятия отнюдь не были чем-то исключительным, не были «галицийской» политикой Иосифа II. Все они несколько ранее или одновременно с Галицией осуществлялись и в других подвластных Габсбургам землях; наиболее близкой аналогией являются чешские земли — Чехия, Моравия и Силезия.

Нужно, впрочем, отметить, что хотя реформы Иосифа II не носили исключительно антипольского характера, им были присущи (в крестьянской реформе это проявляется менее отчетливо, чем в иных) явные централизаторские, а вместе с тем и германизаторские тенденции, в равной мере антипольские, как и античешские, антивенгерские и т. д. В этом, но только в этом смысле можно говорить об антипольской направленности этих реформ, стремившихся стереть национальный облик различных австрийских земель, превратить их в единообразные провинции Габсбургской монархии.

Но реформы Иосифа II не только не были по своей направленности специально антипольскими, они тем более не были антипомещичьими, и не могли быть таковы. Эти реформы должны были устранить некоторые наиболее вопиющие стороны крепостничества; они были попыткой отдельными частными коррективами подновить загнивающий феодальный строй, но никак не задевали его существа. Сокращение барщины, но не отмена ее, переход от одного вида феодальных повинностей к другому, но не ликвидация их, некоторое ограничение помещичьего произвола, отмена крепостничества (*Leibeigenschaft*), но оставление зависимости (*Hörigkeit* или — по иозефинской терминологии — *gemässigte Untertänigkeit*) — этим ограничивалось содержание реформ Иосифа II. Мы не находим в этих реформах каких-либо элементов новых, капиталистических отношений, хотя несомненно, что определенную роль в облегчении развития этих отношений они сыграли.

Если говорить о побуждающих факторах реформ Иосифа II, то нужно отметить, что и крестьянская реформа, как и другие более в этом смысле явные и отчетливые мероприятия, наряду со стремлением «модернизировать» феодальные отношения и удовлетворить в определенной мере потребности нарождающейся буржуазии, преследовала основную цель, которой была подчинена вся деятельность Иосифа II — укрепить абсолютизм, усилить его позицию «арбитра» между классами, «надклассовой» силы, способной диктовать свою волю классам-антагонистам, защищая в конечном счете интересы господствующего класса — феодалов. Укрепление абсолютизма не могло, разумеется, не ущемлять в известной мере прерогатив помещиков, тем паче столь независимых от государства, какими были ранее галицийские помещики. Этим объясняется то недовольство, с которым встречали реформы Иосифа II помещики не только в Галиции, но и в других габсбургских землях, и с которым вспоминала позднее об этих реформах помещичья историография. Реакцией на обвинения, выдвигаемые этим лагерем против Иосифа II, явились неумеренные похвалы, расточаемые по его адресу не только буржуазными историками, но и такими демократическими деятелями, как Франко.

Крестьянская реформа Иосифа II, несомненно, могла принести известное облегчение положения галицийского крестьянства. Однако, не говоря уже о том важнейшем обстоятельстве, что она лишь ослабляла тяготевшее над крестьянином ярмо, но не снимала его, эта реформа имела довольно скромные результаты, во-первых, потому, что помещики изыскивали способы

обходить стеснительные для них нововведения, а во-вторых, потому, что в изменившихся условиях, при преемниках Иосифа II, часть его реформ была официально или молчаливо отменена. В дальнейшем вплоть до 1846 г. венское правительство уже не делало никаких попыток внести изменения в сложившуюся в Галиции систему феодальных отношений.

Как отличалось действительное положение галицийского крестьянства от норм, предписанных иозефинскими законами, уже в первые годы после их издания, показывает воспроизведенное Заневичем распоряжение галицийского губернатора от 2 апреля 1802 г., перечисляющее наиболее частые примеры помещичьих беззаконий.

Помещики составляли новые инвентари или заставляли крестьян подписывать «добровольные» соглашения, увеличивавшие размер повинностей.

Ссылаясь на иозефинские законы, помещик запрещал раздел наделов между крестьянами-сонаследниками до тех пор, пока каждый из них не соглашался отрабатывать на барщине такое же количество дней, какое прежде должен был отрабатывать владелец полного надела.

Организуя барщинные работы по своему усмотрению, помещики устанавливали дневные нормы выработки такого размера, что их можно было выполнить только в несколько дней, и считали несколько дней барщины за один; переносили барщинные дни с зимы на лето; требовали от крестьянина, лишившегося тягла, двойной работы на пешей барщине; заставляли крестьян сверх барщины бесплатно работать при панской охоте, осушении болот, очистке прудов, в ночном карауле и т. д.

Опасаться создания «излишков» барщины помещику не приходилось, так как за неотработанные на барщине дни он требовал от крестьян денежной платы, либо, несмотря на запрещение подобных сделок австрийскими законами, перепродавал крестьянский труд своим соседям.

Помещики использовали всякий повод для увеличения барщины: произвольно накладывали штрафы (опять-таки в виде отработки) за поимку крестьянского скота на барской земле, предоставленные крестьянам ссуды зерном заставляли отрабатывать, а не возвращать зерном или деньгами и т. д.⁶

Австрийские власти время от времени издавали циркуляры, подобные вышеизложенному, бесстрастно констатируя факты нарушения законов. Вмешательство чиновников в отношения между помещиками и крестьянами ограничивалось тем, что известная доля сверхбарышей помещика оседала в чиновничьих карманах; помещичий произвол был по существу неограничен и санкционирован.

Лишь крайнее отчаяние могло побудить крестьян решиться на подачу жалобы на помещика. Их ждала палочная расправа и притом на «законном» основании: ведь первой инстанцией, разбиравшей их жалобу, был сам помещик. Когда же жалоба попадала во вторую инстанцию — к окружным властям, они проявляли, как правило, чрезвычайный интерес к ней, но отнюдь не в том смысле, как это было бы желательно крестьянам. Начинались поиски составителя жалобы для привлечения его к ответственности по закону против «подпольных писарей», и если разбор крестьянских жалоб тянулся иногда десятилетиями, то «бунтовщиков» ждал суд скорый и немилостивый.

⁶ Заневич, стр. 102—110.

С точки зрения юридической, все земли в Галиции делились на табулярные, т. е. записанные в *tabula* — земские книги, введенные в 1780 г., и нетабулярные. Табулярная собственность принадлежала исключительно помещикам и являлась полной, свободно отчуждаемой, закладываемой и т. д. собственностью. К нетабулярным землям, которые рассматривались как земли, находящиеся лишь во владении (*posiadłość*), а не принадлежащие на праве собственности, относились, наряду с крестьянскими землями, также земельные участки сельских священников (так называемые эрекциональные земли), немногочисленные городские земли и некоторые владения мелкой шляхты, которые не были внесены в земские книги.

В подавляющем большинстве случаев, однако, понятие табулярного владения совпадало с помещичьими — доминикальными землями, а нетабулярного — с крестьянскими — рустикальными землями.

Для того чтобы представить себе феодальные отношения в галицийском поместье в первой половине XIX в., познакомимся с его структурой, распределением земель между помещиком и крестьянами.

Калинка, пользовавшийся австрийской официальной статистикой, весьма, впрочем, неточной, определяет общую поверхность Галиции и Буковины в 15.5 млн. моргов (морг $\approx$ ок. 0.58 га, в 1 га — 1.7 морга), в том числе продуктивную площадь — в 13.5 млн. моргов.⁷

Площадь эта по своему характеру делилась следующим образом:

Вид земель	Размер (в моргах)	% от общей площади земель
Пашня	5 803 452	43
Луга и огороды	2 077 148	15
Пастбища	1 563 100	11
Леса	4 254 974	31

⁷ W. Kalinka. *Talicja i Kraków* s. 223—224. Во второй из приводимых таблиц общий итог подведен Калинкой ошибочно: итог по доминикальным землям должен составить 6 499 625 (ошибка почти на 180 тыс. моргов), а по рустикальным — 6 696 704 (ошибка на 100 тыс. моргов). В то же время не следует искать ошибки в том, что сумма процентов в таблице не дает 100, так как здесь не учитываются земли священников и т. п.

Цифры, приводимые Калинкой, относятся к распределению земель непосредственно после реформы 1848 г., однако, поскольку ни патенты 1846 г., ни реформа 1848 г. не произвели перераспределения земель, а размежевание сервитутов было произведено позднее, то данные эти могут быть приняты для характеристики и предреформенного положения.

Ф. Буйак в своей книге «*Galicja, t. I. (Kraj. Ludność. Społeczeństwo. Rolnictwo)*» *Lwów — Warszawa*. 1908, s. 263—266, приводит несколько отличающиеся данные о размерах помещичьего землевладения (в 1852—1866 гг.): 25.4% всей пашни, 23.3% лугов и огородов, 22.4% пастбищ, 89.6% лесов; всего 42.4% всей поверхности, в том числе в Западной Галиции 37.4% и в Восточной 44.4%. Близкие данные для 1867 г. приводит и В. Будзиновский. *Аграрні відносини Галичини.—ЗНТШ, т. IV. Львів, 1894, стр. 43—44.*

Распределение этих земель между помещиками и крестьянами было таково:

Вид земель	Доминикаль- ные земли	% от общей площади данного вида земель	Рустикальные земли	% от общей площади данного вида земель
Пашня	1 496 859	25.8	4 197 498	72.3
Луга и огороды	361 297	17.4	1 517 662	73.6
Пастбища	600 217	38.3	919 794	58.9
Леса	4 041 252	92.6	61 750	1.4
Всего	6 677 690	49.4	6 796 685	50.3

По своему составу доминикальные земли имели 23.3% пашни, 6% лугов и огородов, 9% пастбищ и 61.7% лесов; рустикальные земли — 62% пашни, 23% лугов и огородов, 14% пастбищ, 1% лесов.

Уже эти общие цифры показывают, что, наряду со значительной частью пахотных земель (более $\frac{1}{4}$ всей их площади), помещики держали в своих руках громадные пастбищные угодья и все леса. Процесс экспроприации общинных лесов и пастбищ был к этому времени уже полностью завершен. За крестьянами остались лишь сервитуты — право сбора хвороста, ограниченной порубки в бывшем общинном, а ныне панском лесу, право выпаса скота на бывших общинных, ныне панских пастбищах. Крестьянам приходилось вести напряженную борьбу за эти сервитуты с помещиками, стремившимися превратить леса и пастбища в свою полную нераздельную собственность.

Однако общие цифры еще не дают полного представления о соотношении помещичьей и крестьянской земли. Картина становится значительно более ясной, если мы сравним положение в различных по своим условиям районах Галиции — горных, предгорье и равнине. Такое сравнение сделано для центральной части Галиции на материале трех деревень — лежащей в горах д. Гочев (Санецкий округ), предгорного села Издебки (Санецкий округ) и расположенной на равнине дер. Мочерады (Перемышльский округ).⁸ Вот результаты этого сравнения. Во всех трех деревнях помещикам принадлежало 100% лесов. В Гочеве, где пашни было сравнительно немного и особенное значение имело животноводство, помещику принадлежало 27% пашни, но 70.5% лугов и 84.7% пастбищ; в земледельческой же деревне Мочерады, где под пашню было занято более 80% всей земли, помещик владел 35.8% всей пашни, причем пахотные земли в хозяйстве помещика занимали $\frac{3}{4}$ всех земель. Промежуточный характер носило помещичье хозяйство в селе Издебки, где было особенно крупное фольварочное хозяйство — 571 га пашни, что составляло половину всей помещичьей

⁸ Дальнейшие данные по этим деревням приводятся по статье: dr. Roman Zubu k. Wirtschaffliche Struktur des Dorfes in Galizien um die Wende des 18. und 19. Jahrhunderts (Contributions à l'histoire de l'Ukraine au VII-e Congrès international des sciences historiques, Varsovie, août 1933, réd. par Miron Korduba). Léopol, 1933, p. 99—109. На рубеже XVIII и XIX вв. Гочев принадлежал графу Я. Фредро, отцу известного писателя Александра Фредро, о деятельности которого по крестьянскому вопросу нам придется говорить в дальнейшем. См.: St. Sch n ü r - P e r ł o w s k i. Z papierów po Fredrze. Przyczynki do biografii poety, wyd. 2-e. Kraków, 1900, s. 8.

земли и 27.2% общего числа пахотных земель. Помещику в Издебках принадлежала и половина всех сравнительно немногочисленных пастбищ. Таким образом, распределение земель в различных районах резко менялось в зависимости от хозяйственных интересов помещика.

Мы указывали выше, что, по неосуществленному проекту Иосифа II, при замене барщины чиншем размер крестьянских повинностей (чинша) должен был равняться $17\frac{7}{9}\%$ валового дохода с крестьянского хозяйства. Каков же был размер этих повинностей в действительности? Попытаемся определить это хотя бы в самых ориентировочных чертах. Самое понятие крестьянского «дохода», как оно предстает перед нами в работах помещичьих и буржуазных экономистов, разумеется, не выдерживает критики с точки зрения марксистской политэкономии. Но для того чтобы получить материал для сравнения истинного положения галицийского крестьянина с нормами, намечавшимися иозефинским законодательством, мы, определяя степень эксплуатации крестьянства, принуждены будем подсчитать и «доход» крестьянина в том смысле, в каком применяет это понятие проект Иосифа II.

Следует иметь в виду, что для помещичьих и буржуазных экономистов определение доли крестьянского дохода, которую забирали помещик, сравнительно несложное при чиншесом (оброчном) хозяйстве, становится весьма затруднительным при хозяйстве барщинном. Опираясь на понятие «дохода», эти экономисты логически легко расчленили этот доход в условиях господства натуральной или денежной феодальной ренты, получая которую помещик отбирает реально существующую и вполне определенную часть крестьянского дохода, но они становятся в тупик перед отработочной рентой, именно потому, что в ней «прибавочный труд точно отделен от необходимого труда».⁹ Ведь с точки зрения «дохода», помещик, используя бесплатный труд крестьянина, получает определенные ценности, а тем самым и доход, в рамках своего, помещичьего, хозяйства, лишает крестьянина не реально существующего, а только потенциального «дохода». Следствием этого была нередкая в работах помещичьих и буржуазных экономистов ошибка, заключавшаяся в том, что они определяли забираемую помещиком при барщине часть крестьянского дохода путем оценки рыночной стоимости отработанных крестьянином дней, которая затем вычиталась из валового дохода собственного хозяйства крестьянина. Так, граф Александр Стадницкий, на основании подобных подсчетов, пришел к выводу, что в 1845 г. крестьяне в Галиции выплачивали помещикам в форме отработки и оброка 79.5% чистого дохода со своей земли, а в трех галицийских округах — Тарновском, Саноцком и Стрыйском — более 100%! Аналогичные данные приводит Заневич, заимствуя их из материалов Краинского.¹⁰ Но подобные подсчеты показывают лишь, что барщин-

⁹ Маркс и Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 259.

¹⁰ Al. Stadnicki. O spadkach włościańskich w Galicji. Цит. по книге: Sew. Uruski. Sprawa włościańska. Wyjătki z nowożytnych polskich ekonomistów, t. I. Warszawa, 1860, s. 324—325 ita bl.; см. относительно подсчетов такого рода: W. Kuła. Wielkość i podział dochodu w ustroju feudalnym. — «Pamiętnik VII powszechnego zjazdu historyków polskich we Wrocławiu 19—22 września 1948». Warszawa, 1948, t. I, s. 391—392.

На первый взгляд удивительно, что один из представителей галицийского магнатства, каким был Стадницкий, не поколебался опубликовать столь ошеломляющие и даже завышенные данные об эксплуатации галицийского крестьянства. Однако, если мы учтем, что подсчеты свои он производил в 1845 г., в разгар обсуждения в сословном сейме вопроса о замене барщины чиншем или отмене ее при вознаграждении помещи-

⁹ Ученые записки, т. I.

ный, прибавочный труд крестьянина был равен его труду в собственном хозяйстве либо превосходил его. Применяя разные критерии подсчета «дохода» крестьянина при оброке (включая отдаваемый помещику прибавочный продукт в состав валового «дохода» крестьянина) и при барщине (не учитывая создаваемого крестьянином прибавочного продукта при определении валового «дохода» крестьянина), эти подсчеты могут внести лишь путаницу.

Как определить степень эксплуатации крестьянина в условиях господства отработочной феодальной ренты? Весьма распространенным, «обычным» является ограничение лишь указанием на количество барщинных дней без дополнительного раскрытия этого понятия. Между тем, «день» барщины — понятие весьма условное. Поясим это на примерах.

С л у ч а й п е р в ы й: норма барщины — 1 день в неделю: логически напрашивается определение соотношения прибавочного и необходимого труда как 1 : 6. Однако в данном примере доля прибавочного труда сравнительно невелика и можно предполагать, что, располагая 6 днями в неделю для работы в своем хозяйстве, крестьянин не испытывал необходимости в растягивании продолжительности рабочего дня по сравнению с тем рабочим днем, который он должен отработать на барщине; скорее, наоборот, мы вправе предположить, что единственный рабочий день прибавочного труда занимал в рабочей неделе крестьянина не одну седьмую, а большую долю. Размер подобной поправки определить весьма нелегко, но необходимость введения ее нельзя не учитывать.

С л у ч а й в т о р о й: при норме барщины — 6 дней в неделю мы делаем заключение, что прибавочный труд в 6 раз превосходит необходимый труд; между тем крестьянин-барщинник в этих условиях, для того чтобы отдать своему хозяйству хотя бы минимум необходимого труда (понятно, что 1 день в неделю такого минимума не обеспечивает), принужден работать на своем поле и в те дни (правильнее сказать — ночи), когда он работал на помещика. Крестьянин не может прокормиться (= обеспечить воспроизводство своей рабочей силы) иначе, чем растягивая продолжительность рабочего дня в своем хозяйстве по сравнению даже с изнурительным (от зари до зари) рабочим днем на барщине. Если же в рамках того предположительно единственного рабочего дня крестьянина, который создаст необходимый продукт, ввести все часы, когда крестьянин в течение недели трудится в своем хозяйстве, то мы вероятнее всего получим фантастическую продолжительность рабочего «дня», значительно превышающую 24 часа. Таким образом, определив при этой норме барщины процентную долю необходимого труда во всем труде крестьянина в 14⁰/₁₀₀, мы несомненно занижим ее. При этом необходимо учесть, что из этой доли еще вычитаются натуральные и денежные повинности, которые, как правило, существуют и при барщинной системе эксплуатации. Мы придем, таким образом, к иррациональному выводу о том, что весь труд крестьянина есть прибавочный труд; для воспроизводства же рабочей силы крестьянина по этим расчетам не останется ничего. И в этом случае расчеты требуют внесения поправки в связи с разной продолжительностью рабочего дня крестьянина на барщине и в своем хозяйстве, поправку, которую весьма трудно определить.

ков (при этом и чинш и вознаграждение должны были определяться в соответствии с существующими размерами барщины), то мотивы этого «разоблачения» становятся вполне понятны.

Разумеется, феодально-крепостнические отношения в Галиции в первой половине XIX в. значительно более схожи со вторым из приведенных нами вариантов.

Заметим при этом, что, говоря об одном или шести днях барщины в неделю, мы имели в виду наиболее простой для расчетов, но отнюдь не типичный для реальных условий случай, когда «день» барщины укладывается в рамки действительного рабочего дня. Между тем, в барщинном хозяйстве, как это ярко показано Марксом в «Капитале» (т. I, гл. VIII, § 2), «день» барщины обычно является условным понятием, которому соответствует несколько действительных рабочих дней крестьянина. Такая практика была обычной и в Галиции. Это сводит, по нашему мнению, к минимуму необходимость внесения дополнительных поправок, связанных с тем, что в составе семьи крестьянина-барщинника были еще трудоспособные члены, между которыми могли распределяться барщинные повинности. Следует иметь в виду, что отбывание тяглой барщины всегда требовало труда двух человек—основного работника и вспомогательного, так называемого «пгоньча».

В связи с этим мы приняли комбинированную систему подсчета, системе, которая исключает возможность выяснения абсолютной величины эксплуатации крестьянина, но всего легче дает возможность определить в грубых чертах степень ее, т. е. соотношение между необходимым и прибавочным трудом крестьянина. Расчеты эти охватывают лишь наиболее типичное для Галиции зерновое хозяйство в помещичьих фольварках. Не воспроизводя здесь соответствующих расчетов, укажем, что в основу их наряду с количеством барщинных дней принято соотношение пахотных земель в помещичьих фольварках и крестьянских хозяйствах, так как обработка пахотных земель помещика поглощала наибольшее количество барщинного труда, в среднем до 70%. Учитывая прочие формы использования помещиками барщинного труда крестьянства, а также оброчные повинности крестьян, мы пришли к выводу, что прибавочный труд относился к необходимому труду крестьянина, как 6 : 5, или, возвращаясь к терминологии иозефинского законодательства, что помещик получал около 55% «дохода» крестьянского хозяйства.

Эта, на первый взгляд, не такая уж значительная цифра в три раза превосходит норму, намеченную законодательством конца XVIII в. Из оставшихся 45% громадную долю забирало абсолютистское государство, главным образом в форме косвенных налогов. На остатки своего «дохода» крестьянин вел голодное существование либо вовсе не имел возможности существовать.

Посмотрим, как складывались эти отношения на практике.

Основным доминирующим видом крестьянских повинностей была барщина. По указанным выше деревням на барщину приходилось в среднем 82.4% всех крестьянских повинностей, причем в равнинной деревне Мочерады этот процент поднимался до 92.7. На одно крестьянское хозяйство приходилось в горной деревне Гочев 201 день барщины в год, в предгорном селе Издебки — 211 дней, а в Мочерадах — 268 дней. Иозефинская норма — 3 дня в неделю (156 дней в год) была далеко превзойдена. На один гектар доминикальной земли (без леса) приходилось в горах 36, а в предгорье и на равнине 50 дней барщины в год. Денежный оброк играл сколько нибудь заметную роль лишь в горной деревне, где на него приходилось 12.9% всех повинностей. Официальные австрийские дан-

ные определяют размер основных повинностей к 1848 г. следующим образом.¹¹

	Барщина в днях		Десятина в гульт.	Натуральный оброк в гарницах				Чинш в гульт.
	пешая	тяглая		пшеница	рожь	ячмень	овес	
Львовский округ	8 990 342	11 316 684	88 357	14 335	42 733	45 728	333 890	236 225
Краковский округ	7 462 560	3 085 270	73 240	6 122	49 012	17 308	117 248	137 516
Вел. кн. Краковское	400 108	48 631	1 928	178	2 594	994	2 135	113 735
Итого	16 835 010	14 450 585	163 525	20 635	94 339	64 030	453 273	487 476

Если подсчитать общий объем барщины в Австрийской империи без Венгрии, Хорватии, Далмации и Ломбардо-Венецианского королевства, то на Галицию с Буковиной и Краковом приходится 43.7% всей пешей и 49.1% всей тяглой барщины. Следующей за Галицией по размеру барщины земель была Чехия, на которую приходилось 7 042 698 дней пешей барщины (т. е. меньше, чем в каждой из обеих частей Галиции) и 8 129 500 дней тяглой барщины. В то же время чинш, выплачивавшийся чешскими крестьянами, в два с лишком раза превосходил сумму чинша со всей Галиции — 1 109 156 гульденов (при почти равном количестве населения в обеих землях). Даже в маленькой Моравии, по площади и населению примерно равной Западной Галиции, размер чинша был равен сумме чинша со всей Галиции — 483 055. На фоне отсталого, феодального сельского хозяйства империи Галиция выделялась как область с наиболее отсталыми, чисто крепостническими производственными отношениями.

Наряду с совершенно бесплатным крестьянским трудом в виде барщины помещики широко использовали для обработки своей земли еще и принудительный дешевый труд крестьян в наиболее напряженный период с.-х. работ в форме так называемых помочей.¹² Помочи были введены по ходатайству губернатора Галиции графа Бригида (в целях облегчения «тяжелого» положения помещиков после издания Robotpatent'a 1786 г.) патентом от 8 августа 1786 г., обязавшим к отбыванию их крестьян, работающих на барщине менее 3 дней в неделю. Крестьянин не имел права отказываться от помочей, за которые он получал ничтожную плату по установленной окружными властями таксе. Помочи стали основной формой эксплуатации малоземельного и безземельного крестьянства — халупников, коморников и др. Большое количество коморников заменяло для галицийских помещиков фольварочную челядь, столь распространенную в Познанском княжестве и Королевстве.¹³

¹¹ Die Grundentlastung in Oesterreich, S. 66—67. — В Краковский округ здесь входит Западная Галиция без великого княжества Краковского (бывшей Краковской республики). Во Львовский округ кроме Восточной Галиции входит Буковина.

¹² См. о помочах: В г. Ł o z i ń s k i. Z czasów i aktów dominikalnych (Przyczynek do historii administracji w Galicji). — «Kwart. Hist.», Lwów, 1906, s. 252—285 или в его же книге: «Szkice z historii Galicji w XIX wieku» [в дальнейшем при ссылках — Szkice]. Lwów, 1913, s. 135 i n.; Мих. Зубрицкий. Помічні дні. Причинки до історії панщини в Галичині в XIX в. — ЗНТШ, т. LVIII, Львів, 1904; І в а н К р е в е ц ь к и й. Помічні дні. Причинки до історії панщини в Галичині в XIX в. — ЗНТШ, т. LXXVI, Львів, 1907, стр. 143—155.

¹³ См. W ł. G r a b s k i. Historia wsi w Polsce. Warszawa, 1929, s. 315.

Число безземельных крестьян непрерывно росло в течение всей первой половины XIX в. Одновременно с этим уменьшались и размеры среднего крестьянского надела. Если в конце XVIII в. полным наделом считался надел в $13\frac{1}{3}$ морга, то к середине XIX в. 44% крестьянских хозяйств имело наделы менее 5 моргов. Уменьшение наделов лишь отчасти объясняется дроблением крестьянских земель, так как число крестьянских хозяйств в 1819—1847 гг. увеличилось всего на 35%. Основной причиной уменьшения среднего размера крестьянского надела является уменьшение общего количества крестьянских земель в результате экспроприации их помещиками. Процесс экспроприации шел не только за счет так называемых *pustek*, т. е. оставленных крестьянами земель, но и за счет сгона крестьян с земли или отторжения части их наделов. Какие широкие масштабы, несмотря на все официальные запреты, приобрела экспроприация крестьянских земель в первой половине XIX в., показывает обширный материал жалоб, поданных украинскими общинами Галиции Головной Раде в 1848—1849 гг., изученный доцентом Львовского университета им. Франко Е. А. Терлецким.¹⁴

Положение зависимого крестьянства было ужасающим. Из-за огромного числа барщинных работ крестьяне были лишены возможности хорошо обрабатывать и те ничтожные наделы, которыми они владели. По свидетельству современника, галицийские крестьяне лишь 3—4 месяца в году имели хлеб, 5—6 месяцев они питались одной картошкой, а весной в течение 3—4 месяцев должны были довольствоваться травой.¹⁵ (Для этих весенних голодовок существовало даже специальное слово — *przedpówek*). Собственное хозяйство не могло прокормить крестьян и они должны были искать заработка на стороне. Во время уборки много галицийских крестьян отправлялось на работы в Королевство.

Особенным бичом были периодически повторявшиеся неурожаи. Наиболее опустошительным был неурожай, продолжавшийся в течение трех лет — 1844—1846 гг., когда к стихийному бедствию (наводнение) присоединился первый в Галиции картофельный мор. Данные о ценах на с.-х. продукты во Львове¹⁶ показывают, что к 1847 г. они возросли по сравнению с 1843 г. в 3—6 раз, при этом, в отличие от обычных лет, когда осенью наблюдалось падение цен на с.-х. продукты (на сено — с июня), в 1844—1846 гг., после короткого колебания цен летом, в осенние месяцы они начинали особенно резко возрастать.

Положение крестьян было таково, что еще иозефинское законодательство в 1785 г. вменило в обязанность помещикам постоянно (отнюдь не только во время самых тяжелых неурожаев) спасать от вымирания свои деревни, предоставляя крестьянам весной ссуды как для того, чтобы продержаться до нового урожая, так и для самого посева. Расчеты по таким ссудам тянулись многие годы, систематический голод превращался в дополнительное средство закабаления крестьян.

¹⁴ Заневич, стр. 102; Будзиновский. Аграрні відносини Галичини, стр. 43; Fr. Bujaka. Galicja, s. 251. — Исследование Е. А. Терлецкого известно нам в рукописи.

¹⁵ Mich. Kubrakiewicz. Essai sur le gouvernement paternel et les mystères d'Autriche. Paris, 1846, p. 75; цит. по книге: Boj. Lipanowski. Historia ruchu rewolucyjnego w Polsce w 1846 r. Kraków [1913], s. 43.

¹⁶ См. St. Horszowski. Ceny we Lwowie w latach 1701—1914 (Badania z dziejów społecznych i gospodarczych pod red. prof. Fr. Bujaka, Nr. 13). Lwów, 1934, s. 71—72 (tabl.). Надо иметь в виду, что львовские цены не могут дать полного представления о масштабах бедствия, так как более всего пострадала от голода: Западная Галиция, особенно Тарновский и Бохенский округа.

Несмотря на ростовщический характер этой «помощи», несмотря на то, что помещик в своих же интересах должен был спасти крестьянина, которого он довел до порога голодной смерти, помещицья публицистика не находила слов для достойной похвалы «филантропии» своих собратьев и для порицания «лености и расточительства» мужика, который всегда де рассчитывает на помощь пана. Заявления такого рода появлялись не только в низкопробных и безответственных памфлетах¹⁷: они находили себе место в официальных распоряжениях австрийских властей — «расходование средств, безрассудная надежда на чужую помощь, бездеятельность и лентяйничанье были непосредственным следствием неосторожно примененных в прошлом году вспоможений» (губерниальное распоряжение №15817 от 8 января 1848 г.).¹⁸ Точки зрения польского шляхтича и обвиняемого им в «заигрывании» с крестьянством австрийского бюрократа оказываются здесь совершенно идентичны. А учены й Калинка доходит до того, что выражает недоумение, как помещики, владеющие всего лишь $\frac{1}{4}$ пахотной земли, «кормят» крестьян, которым принадлежит целых $\frac{3}{4}$.¹⁹

Для нас эта помещицья «помощь» представляет особенный интерес потому, что она является ярким свидетельством того, как далеко зашла экспроприация крестьянских земель и крестьянского труда, до какой степени обнищания, пауперизации был доведен крестьянин в Галиции.

Говоря о положении крестьянства, необходимо учитывать и тот добавочный гнет, каким ложилось на его плечи абсолютистское государство. Этот гнет выражался как в тяжелых прямых налогах — в период 1813—1835 гг. земельный налог в Галиции составлял ежегодно 4 млн. злотых,²⁰ так и в целой системе косвенных налогов, среди которых особенно тягостен был налог на соль (хотя галицийские соляные копи были поставщиком соли для всей Австрии, галицийскому крестьянину соль оказывалась не по средствам). Тяжелым бременем давила крестьянство рекрутчина, налог кровью, особенно обильный во время длительных войн против революционной и наполеоновской Франции.

Обнищание крестьян, разрушение и деградация крестьянского хозяйства — такова одна сторона того кризиса, который переживали феодальные отношения в Галиции в первой половине XIX в.

Помещицье хозяйство, основанное на принудительном барщинном труде, вступило в полосу затяжного кризиса еще в последний период существования Речи Посполитой. Этот кризис не только не разрешился, но еще более обострился с переходом Галиции под власть Габсбургов.

Фольварочное хозяйство было преимущественно зерновым хозяйством. Необходимым условием существования и развития для него являлось наличие рынка сбыта. Внутренний естественный рынок сбыта в Галиции

¹⁷ К числу таких памфлетов можно по праву отнести изданные в Лейпциге Бобровичем анонимно сочинения — «O chłopach», Lipsk, 1847 (написана в основном до 1846 г.) и «Kwestja włościańska w Polsce podług właściwych swoich perwiastków przed sąd opinji publicznej wytoczona i poprzedzona projektem, w jaki sposób chłopom w Polsce a nawet w Rossji dopomódz można do nabycia własności gruntowej bez nadwężenia zasad porządku publicznego», Lipsk, 1849 (написана в 1847 г.). Автором последнего сочинения был Юзеф Голуховский, помещик из Ковалевства, реакционер и мистик.

¹⁸ Цит. по статье: Мих. Зубрицкий. Тисяч роки. Причинки до історії Галичині 1846—1861 pp. — ЗНТШ, т. XXVI. Львів, 1898, стр. 11—12. — См. также: Вг. Łoziński. Agenor hrabia Gołuchowski w pierwszym okresie rządów swoich (1846—1859). Lwów, 1901, s. 204—207.

¹⁹ W. Kalinka. Galicja i Kraków, s. 137, 225.

²⁰ St. A. Kempfer. Rozwój gospodarczy Polski od rozbiorów do niepodległości, Warszawa, 1924, s. 149.

был узок. Галицийские города были сравнительно невелики, они являлись по преимуществу административными центрами. Вопрос о развитии капитализма в Галиции в первой половине XIX в. еще совершенно не исследован. В одной из новейших работ мы находим следующую характеристику: «Австрийские покровительственные тарифы поддерживали высокие цены на промышленные изделия, но отечественная промышленность [в Галиции] не могла развиваться вследствие помех, чинимых бюрократией, неопытности предпринимателей и недостатка капиталов в стране. Низкие цены на зерно вынуждали помещиков обращаться к другим отраслям сельскохозяйственного производства. Винокурение было подорвано в конце 30-х годов внезапным повышением акциза. Зато развилось овцеводство: число овец между 1837 и 1846 гг. удвоилось. 80% шерсти вывозилось из Галиции в виде сырья; лишь выработка полотна была отраслью, в которой было занято около 3 500 сельских ткачей. Старые величские соляные копи; примитивная добыча железной руды; несколько маленьких сахарных заводов; десятка полтора (kilkanaście) маленьких фабрик, дилетантски организованных магнатами — вот вся галицийская промышленность».²¹

Изучение развития капиталистических отношений в этот период является одной из важнейших задач исследования истории Галиции; это большая и самостоятельная задача, решение которой выходит за пределы настоящей статьи. Не пытаюсь предвосхитить такое развернутое решение, не располагая в настоящее время никакими существенными новыми материалами по этому вопросу, мы считаем, однако, необходимым сформулировать два тезиса, имеющих значение для исследуемой нами проблемы.

Вопрос о развитии капитализма в Галиции представляет для нас двойкий интерес. С одной стороны, важно определить уровень и степень развития капитализма, чтобы понять, какова была основа развития буржуазной идеологии определенных групп польского общества в Галиции. Несомненно, что в первой половине XIX в. промышленность Галиции еще оставалась целиком на мануфактурной стадии развития. Да и значительно позднее, в начале XX в., Буяк был принужден констатировать, что «ремесленность в Галиции еще стоит под знаком ремесла».²² Но именно мануфактура (в особенности же мануфактура рассеянная) является наименее исследованным этапом в развитии капитализма в Галиции. Она не была, по нашему мнению, столь незначительной, как это рисуется приведенное выше высказывание Кеневица, во всяком случае она была уже настолько распространенным фактором, что не могла не оказывать — и в действительности оказывала — немалое влияние на процесс формирования либерально-буржуазной и буржуазно-демократической идеологии определенных социальных слоев польского общества. С другой стороны, развитие капиталистической мануфактуры не создало еще промышленного пролетариата. Это имеет огромное значение для понимания революционных событий

²¹ S. Kieniewicz. *Galicja w latach 1846—1848*, «Wiosna ludów na ziemiach polskich». Łódź, 1948, s. 270. Мы не останавливаемся на оценке Кеневицем причин слабого развития капитализма; приведенные им объяснения либо ошибочны, либо касаются второстепенных моментов, главная же причина — сохранение феодально-крепостнических производственных отношений в сельском хозяйстве, а в значительной мере и на вновь появляющихся мануфактурах, при полном политическом господстве феодалов, остается неупомянутой. В приведенном отрывке нас интересует лишь характеристика самого состояния промышленности Галиции в ту эпоху.

²² Fr. Bujałk. *Galicja*, t. I, s. 203. Разрядка автора (В данном контексте понятие «ремесло» является лишь противопоставлением машинной промышленности).

1846—1848 гг. В то же время отсутствие значительного слоя полностью оторвавшихся от сельского хозяйства производителей (в небольших масштабах таким слоем была плебейская масса — ремесленники, пролетариат — крупнейших галицийских городов) определяло узость, малую емкость рынка для сбыта сельскохозяйственной продукции.

Галиция была оторвана и от внешних рынков. Географическое положение связывало ее западную часть с бассейном Вислы и Балтикой и ее восточную часть через Днестр и (в меньшей мере) через Прут с Черным морем, ставя в то же время серьезную преграду развитию торговых связей с землями, лежащими на юг и юго-запад от Галиции. Между тем политические условия — границы и экономическая политика австрийского правительства — почти полностью исключали возможность развития экспорта с.-х. продуктов в Западную Европу, а на внутриавстрийском, лежащем по ту сторону Карпат рынке Галиция оказывалась в чрезвычайно невыгодных условиях по сравнению со своими конкурентами — чешскими землями и Венгрией. Попытки галицийских помещиков добиться улучшения путей сообщения были безрезультатны. Выдвинутый в начале 40-х годов группой крупных помещиков (кн. Леон Сапега, граф Генрик Дзедушицкий, граф Александр Фредро, в числе инициаторов был также Тадеуш Василевский) проект постройки галицийской железной дороги был отклонен австрийским правительством,²³ на основанное было на Днестре паромовое судоходство был наложен запрет.

Нет необходимости в данной связи останавливаться на том, каковы были причины искусственного торможения австрийским правительством развития путей сообщения в Галиции. Мы полагаем, что эти причины следует искать в военно-дипломатических соображениях. Что австрийское правительство ясно представляло себе положение Галиции, и политика его не была случайностью, подтверждают высказывания самого Меттерниха, писавшего в 1823 г., во время своего пребывания во Львове: «Область очень продуктивна, но нет никаких средств вывоза».²⁴

Если в период наполеоновских войн конъюнктура способствовала временно росту хлебных цен, то уже к 1818—1820 гг. они значительно падают. Местные неурожаи, приводившие к росту цен, не меняли дела, так как внутренний рынок был очень узок и покупательная способность массы страдавшего от неурожая населения весьма невелика.

В этих условиях важнейшей формой сбыта продукции фольварков стало винокурение. Право пропинации, сохраненное австрийским правительством за помещиком, использовалось самым широким образом. В 1836 г. в Галиции было 4898 малых винокурен; винокурни были в 80% деревень.²⁵ Хлеб и картофель, возвращенные крестьянским трудом на помещичьих полях, возвращались к голодающему крестьянину в виде водки из панского шинка; пьянство среди крестьян не только поощрялось и культивировалось, но крестьяне просто принуждались к покупке водки у помещика. Заслуживает упоминания тот переполюх, который вызвало среди помещиков появление в Галиции весьма безбидных обществ трезвости и выступления некото-

²³ St. S c h n ü r - P e r ł o w s k i. Szkice historyczne. Lwów, 1900, s. 104—105; Br. Ł o z i Ń s k i. Epilog Stanów Galicyjskich (I). Ostatnie sesje sejmiku stanowego. — Szkice, s. 39, 61.

²⁴ St. A. K e m p n e r. Rozwój gospodarczy. . . , s. 149.

²⁵ Fr. B u j a k. Galicja, t. I, s. 157. Отмечаемое Кеневичем ухудшение условий винокурения вследствие повышения акциза отражалось в конечном счете на крестьянах. Оно могло, правда, в известной мере способствовать еще большему углублению кризиса барщинного хозяйства.

рых ксендзов с проповедями против пьянства. Но одно лишь винокурение (хотя в этой области Галиция и занимала первое место в империи) не могло разрешить проблемы сбыта фольварочной продукции.

Таким образом, помещичье хозяйство в Галиции оказалось в тупике. Выход из этого тупика был невозможен без ломки старых феодальных отношений, без создания развитой капиталистической промышленности, вокруг которой образовался бы широкий внутренний рынок и при поддержке которой для галицийских помещиков могли бы открыться и внешние рынки. Реорганизация хозяйства, введение новых, с рыночной точки зрения более рентабельных культур (сахарная свекла, табак, хмель и т. п.) также были невозможны на базе барщинного подневольного труда; кроме того, они требовали применения технических усовершенствований, закупки необходимого инвентаря. Между тем большинство помещиков не только не имело для этого свободных средств, оно не имело даже самого примитивного инвентаря и тягла, которые обеспечивало фольваркам крестьянство. Поместья были отягчены долгами до такой степени, что часто помещик сам не был в состоянии разобраться, в какой мере он является хозяином своего поместья.

Единичные попытки реорганизации хозяйства путем перевода крестьян на чинш свидетельствовали о том, что такие эксперименты под силу лишь магнатам, таким, как кн. Сапега.²⁶ Не могли разрешить проблемы и вновь организуемые кредитные учреждения — созданное в 1841 г. Галицийское земское кредитное общество²⁷ и в 1844 г. — Галицийская сберегательная касса.

Невозможность ведения хозяйства старыми методами, финансовый крах, перед которым стояли галицийские помещики, — такова другая сторона кризиса феодальных отношений, которая особенно явственно проявилась к 40-м годам XIX в.

Эти обстоятельства послужили причиной возникновения среди самого помещичьего класса Галиции мнения о необходимости реформы аграрных отношений, реформы в интересах самих помещиков. Споры, которые велись вокруг задач и методов предполагаемой реформы, очень скоро потеряли свой «академический» характер. Боязнь надвигающегося крестьянского восстания, появление иной, демократической программы перестройки аграрных отношений подгоняли помещиков-реформаторов, привлекали к их проектам все большее внимание и сочувствие значительных кругов господствующего класса в Галиции.

2. Крестьянский вопрос в программе польских демократов в 30—40-х гг. XIX столетия

Жестокий крепостнический гнет составлял существо социальной жизни шляхетской Речи Посполитой. В течение XVI—XVIII вв. находилось немало передовых представителей господствующего класса, обращавших внимание общества на невыносимые условия существования крепостного крестьянства, на то, что крепостничество является той язвой, которая подтачивает слабеющие силы шляхетской республики. На страницах написанного Александром Свентоховским обширного исследования по истории

²⁶ «O chłorach», s. 6.

²⁷ Этому кредитному обществу была передана значительная часть средств крестьянского резервного зернового (так называемого шпихлерового) фонда. Таким образом, австрийское правительство оказало помощь помещикам за счет крестьянских сбережений и тех штрафов, которые взимались с помещиков за притеснение крестьян. См. Франко. Громадське шпихлірі. . . стр. LXXII in.

польского крестьянства мы найдем десятки известных в истории польского народа, славных в истории польской культуры имен, с которыми связаны подчас печальные, подчас гневные речи о тяжкой доле миллионных масс польского народа. Однако напрасно стали бы мы искать Радищевых среди этих печальников за польское крестьянство: их ламентации проникнуты чувством бессилия, их программа ограничивалась лишь попытками смягчить и разжалобить своих собратьев-шляхтичей, а призывы их неизменно разбивались о твердыню шляхетского классового и сословного эгоизма. Даже такой выдающийся деятель своего времени, как Станислав Сташиц, чьи обличения и предостережения произвели целую бурю в общественном мнении в эпоху Четырехлетнего сейма, когда, казалось, Речь Посполитая находила в себе силы для нового возрождения, даже Сташиц, ясно видевший, что от решения крестьянского вопроса, от готовности бесповоротно вступить на путь социальных преобразований зависит существование или гибель польского государства, не решился выдвинуть такую программу, ограничиваясь увещеваниями и паллиативными предложениями. И это не удивительно, ибо, видя в крестьянстве ту силу, которая может поддержать рушащиеся устои Речи Посполитой, Сташиц не был способен признать в нем также и единственную в тот момент силу, способную обновить Речь Посполитую; предостережения Сташица адресовались к той самой шляхте, которая стояла на пути прогрессивного развития Польши.

Насыщенная важнейшими политическими событиями, ознаменованная резкими переворотами в судьбах польского народа, эпоха от Четырехлетнего сейма до восстания 1830—1831 гг. включительно не прошла бесследно для развития крестьянского вопроса. Мы имеем в виду здесь не только законодательные акты, изменявшие положение крестьянства, среди которых важнейшим была декларированная наполеоновской конституцией великого княжества Варшавского отмена личной зависимости, но и предпринимавшиеся представителями самого польского шляхетского общества попытки реформирования крестьянских отношений. Такие попытки выражались в производимых отдельными помещиками переводах крестьян с чинши на чинш, в появлении зачатков аренды капиталистического типа, в спорадических фактах применения на зарождающихся вотчинных мануфактурах наемного труда и т. п. Эти немногочисленные, впрочем, новшества имели весьма ограниченное значение, но они привлекали к себе внимание, вызывали широкий и, заметим притом, несочувственный резонанс в помещичьих кругах. Революционная эпоха была ознаменована и такими событиями, как знаменитый Поланецкий универсал Костюшко, как предложение Шанецкого в сейме в 1831 г.

Все это свидетельствует о том, что крестьянский вопрос, ставший в центре внимания польских общественных кругов после поражения восстания 1830—1831 гг., отнюдь не был чем-то новым; он имел за собой уже длинную цепь многообразных выступлений публицистического, законодательного, подчас и хозяйственного характера. Был вместе с тем ряд обстоятельств, благодаря которым восстание 1830—1831 гг. должно быть признано переломным пунктом в развитии взглядов на крестьянский вопрос. Сравнение отправных пунктов постановки крестьянского вопроса, методов его разрешения в период, предшествующий восстанию 1830—1831 гг. и в период после поражения восстания, убеждают нас в том, что мы имеем дело с различными, качественно отличающимися друг от друга явлениями.

Что характерно для всех попыток разрешения крестьянского вопроса, реформы аграрных отношений в период до 1831 г.? Мы можем отметить три определяющих момента, общих для всех этих попыток, независимо от того, идет ли речь о единичном факте перевода помещиком в своем имении крестьян на чинш или об имевшем общегосударственное значение Поланецком универсале, рассматриваем ли мы самую осторожную или самую радикальную из выдвинутых в этот период программ.

Во-первых, все проекты крестьянской реформы исходили от представителей господствующего класса и (что особенно важно) господствующему классу адресовались. Все они предполагали согласие господствующего класса, согласие, которое должно быть достигнуто силой убеждения, заложенной в самом выдвигаемом проекте, или силой обстоятельств, в которых этот проект появился. Не в о п р е к и помещикам, а п о с р е д с т в о м помещиков — таков путь, которым шли авторы этих проектов. Мы не делаем в этом отношении исключения и для Поланецкого универсала, так как хотя этот универсал был облечен в форму обязательного, имеющего значение закона, распоряжения диктатора, на практике исполнение его зависело от доброй воли помещиков и имевшееся в универсале предостережение о привлечении к ответственности помещиков, которые бы («чего не ожидаю» — добавил Костюшко) противились его осуществлению, осталось лишь декларацией.

Во-вторых, все эти проекты имели в виду не коренное изменение отношений между помещиком и крестьянином, не ликвидацию феодальных институтов, а лишь определенную их реформу, видоизменение, модернизацию; они не затрагивали с у щ е с т в а феодальных отношений. Даже наиболее прогрессивное из всех подобных выступлений — проект, внесенный 28 февраля 1831 г. Яном Ольрихом Шанецким на рассмотрение сейма, предусматривая отмену барщины, постепенный выкуп чиншей и превращение крестьянских наделов в собственность, ограничивал предлагаемую реформу к а з е н н ы м и именьями. Единственный депутат повстанческого сейма, осмелившийся поставить в повестку дня крестьянский вопрос, слишком хорошо знал своих собратьев, чтобы рискнуть предложить им реформу, которая задела бы их непосредственные интересы. Он придал поэтому своей программе решения крестьянского вопроса искусственно суженный характер, при котором основная и наиболее угнетаемая масса крестьянства оставалась бы вне пределов предлагаемой реформы. Но единодушный отпор, который встретил проект Шанецкого, показывает, что заседавшие в сейме помещики достаточно хорошо понимали опасность даже такой ограниченной реформы. Сохранить феодальные отношения, освободив их лишь от некоторых наиболее устарелых и одиозных сторон, нередко уже невыгодных и тягостных для самого помещика — к этому, в конечном счете, сводилось содержание предлагаемых реформ.

В-третьих, все эти попытки, не исключая (как это ни парадоксально звучит) и тех из них, которые делались в революционную эпоху, предполагали не революционный путь разрешения крестьянского вопроса, а путь медленной и осторожной эволюции, при которой интересы помещиков охранялись бы наиболее тщательным образом. В большинстве случаев речь шла о «добровольных» и «полюбовных» соглашениях между помещиком и крестьянами, причем вмешательство государства в эти соглашения должно было быть минимальным. Не революционная ломка отживших институтов, а наоборот, узкая и робкая их реформа, необходимая для того, чтобы избежать революционного взрыва, — к этому сознательно или незаметно для

самих себя приходили авторы предложений по крестьянскому вопросу.

Чем объясняется такое отношение к крестьянскому вопросу у наиболее передовой части шляхетского класса, отношение, которое, как мы увидим, не только коренным, принципиальным образом отличается от взглядов демократического лагеря в непосредственно следующий за 1831 г. период, но было отвергнуто (разумеется, в смысле масштаба намечаемой реформы, а не методов ее осуществления) и значительной частью помещиков?

Одной из причин указанного различия мы считаем то обстоятельство, что именно после 1831 г. с особенной силой начало расти, а вместе с тем и выявляться, то новое, что можно в целом объединить единым понятием — проникновение капиталистических отношений в сельское хозяйство. Рассмотрение этого процесса не входит в нашу задачу; отметим только, что хотя факторы, способствовавшие ему, — развитие промышленности в Польше, рост хлебного экспорта (особенно в 40-х годах), появление железных дорог и др. — выступали весьма неравномерно в различных частях Польши, однако процесс этот выявился уже с такой очевидностью, что для значительной части помещиков старые, феодальные отношения, старые, барщинные методы ведения хозяйства уже теряли свою привлекательность, становились экономически менее выгодны, чем новые, капиталистические (с значительным, впрочем, сохранением феодальных пережитков) методы, основанные на применении наемного труда, усовершенствованной с.-х. технике, широком использовании арендных отношений. Примером этой новой системы являлось великое княжество Познанское — классический образец прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве; результаты проведенных там в 20-х годах реформ выявились и особенно привлекали внимание помещиков других частей Польши в последующие десятилетия. Таким образом, осознание экономической выгоды и необходимости перестройки своего хозяйства, а вместе с тем необходимость реформы крестьянских отношений наступило для большинства помещиков Королевства Польского и Галиции после 1831 г. То, что ранее было ясно лишь одиночкам, в 30—40-х годах начинает понимать значительная часть господствующего класса.

Наряду с этим, на отношение помещиков к реформе оказало сильнейшее влияние то обстоятельство, что опасность революционного решения крестьянского вопроса значительно увеличилась. Теперь уже не одиночки, а широкие круги помещиков начинают сознавать, что лучше поступиться частью, чем целым, что необходимо, пока еще не поздно, реформами предотвратить революционный взрыв.

Наконец, если ранее мысль о необходимости привлечения к борьбе за независимость широких народных масс, т. е. прежде всего крестьянства, высказывалась лишь отдельными лицами, то после поражения восстания 1830—1831 гг. эта идея получает все большее распространение, становится руководящим принципом деятельности демократических кругов, накладывает отпечаток на весь ход национально-освободительной борьбы вплоть до восстания 1863 г.

Приведенная выше характеристика основных черт выступлений по крестьянскому вопросу в период до восстания 1830—1831 гг. и побуждений, которыми диктовались эти и последующие выступления, может показаться резкой и несправедливой. Мы считаем необходимым оговорить, что, вне всякого сомнения, известная часть этих выступлений (хотя вряд ли есть основания к именам Сташица, Костюшко и Шанецкого присоединять, как это делает Свентоховский, имена таких реформаторов, как Солтык или Ста-

вярский) диктовалась неподдельно гуманистическими побуждениями. Здесь важно подчеркнуть, что при наилучших побуждениях деятели этой эпохи в силу реальных условий не были в состоянии выдвинуть программу, которая вышла бы за отмеченные выше пределы.

Мы начинаем рассмотрение крестьянского вопроса в польской публицистике 30—40-х годов с публицистики «великой эмиграции», прежде всего демократического ее лагеря. Это представляется наиболее правильным, так как волновавшие польское общество проблемы всего свободнее, шире, оживленнее обсуждались в эмиграции; эмигрантская литература в значительной мере определяла формирование взглядов, направлений и деятельность общественных групп в самой стране. Это с особенным основанием можно сказать о демократической эмигрантской печати, которой принадлежала, мы бы сказали, духовная инициатива напряженной идейно-политической борьбы внутри польской эмиграции. Уступая своим противникам в количестве печатных органов, находясь в несравненно худших финансовых и издательских условиях, польская демократическая печать была полна несокрушимой энергии, боевого духа, которого недоставало монархистско-аристократическим эмигрантским органам. Эти последние оказывались в конечном счете в полной зависимости от демократической печати в выборе поля боя для идеологической борьбы; задачи и лозунги, выдвигаемые демократией, становились осью этой борьбы, и противники демократии не только бывали вынуждены вести бой вокруг таких проблем, которых они рады были бы не касаться; больше того, в ходе этой борьбы, чтобы избежать полного разгрома, им приходилось подчас принимать самое оружие демократии, заявлять о своей приверженности ненавистным демократическим принципам ради сохранения остатков иссякавшего политического капитала, ради сохранения влияния, которое можно было бы в дальнейшей политической борьбе использовать для того, чтобы путем умелого искажения обезвредить опасные демократические идеи. Все сказанное целиком и в первую очередь относится к крестьянскому вопросу. Поэтому первой задачей нашего исследования будет выяснение взглядов демократической эмиграции по крестьянскому вопросу.

Среди многочисленных в первый период демократических групп и объединений эмигрантов быстро выделилось своей организованностью, целеустремленностью, влиянием основанное в марте 1832 г. «Польское демократическое общество» (*Towarzystwo Demokratyczne Polskie*). Это Общество постепенно объединило в себе все живые, истинно демократические силы польской эмиграции и завоевало прочный авторитет у демократических групп, действовавших в самой стране.

В 1836 г. завершился период организации Демократического общества. Во главе Общества стал облеченный широкими полномочиями избираемый постоянно действующий коллегиальный орган — так называемая Централизация. 4 декабря 1836 г. после широкого обсуждения был принят основной программный документ Общества — его Манифест. Манифест и ряд развивающих и дополняющих его статей главного редактора Манифеста Виктора Хельтмана — многолетнего члена Централизации, бывшего, по свидетельству даже его недоброжелателей, основателем и неутомимым канцлером Централизации, главным ее авторитетом по крестьянскому вопросу,²⁸ — дают

²⁸ См. *Во I. Limanowski. Wiktor Heltman (Szermierze wolności. Kraków, 1911, s. 112—177).*

нам богатый материал для выяснения системы взглядов крупнейшей демократической эмигрантской организации.²⁹

Демократическое общество составилось из бывших участников восстания 1830—1831 гг. Его возникновение неразрывно связано с идеей восстановления независимого польского государства. Для подавляющего большинства эмигрантов — бывших повстанцев не существовало вопроса — продолжать ли борьбу за независимую Польшу. Вопрос заключался в том, как продолжать эту борьбу. Для того чтобы найти правильный ответ на этот вопрос, необходимо было прежде всего осмыслить уроки 10 месяцев повстанческой борьбы, определить причины поражения, а уже затем наметить задачи, формы и методы дальнейшей борьбы. Именно определение причин поражения и стало пунктом решительного размежевания мнений.

Уже при своем возникновении Демократическое общество ясно засвидетельствовало, что основным пороком восстания 1830—1831 гг. оно считает его недемократичность. В Манифесте эта мысль нашла наиболее четкое выражение: «... неудачно избранный момент, превосходство сил противника, военные ошибки, измена некоторых руководителей, недоброжелательство и злая воля соседних держав, а тем более неполучение помощи от Франции и Англии [здесь перечисляются все те обстоятельства, которыми пытались объяснить поражение восстания противники Демократического общества. — И. М.] — это лишь второстепенные и не имеющие принципиального значения (bezzasadne) причины ее [т. е. революции. — И. М.] упадка. Главная причина бесполезности стольких усилий лежит целиком в торможении и придании реакционного направления движению, которое было торжественным проявлением национального духа, видящего свою великую миссию в гуманности. Хранители предрассудков и представители правившего когда-то сословия в первый же момент почувствовали, что их узурпации будет подорваны и уничтожены, если не будет изменено первоначальное направление революции. Поэтому лукаво захватив кормило правления, они превратили революционное движение в простую военную кампанию, а вместо того чтобы поднять массы и нанести удар всюю мощью нации, предпочли броситься в объятия лицемерных кабинетов, просить помощи у самих соучастников убийства Польши [намек на венскую миссию Константина Чарторыйского. — И. М.], вступать даже в переговоры с врагом; предпочли погубить дело родины, чем расстаться со своими узурпациями. Так ничтожным и контрреволюционным поведением они ослабили веру нации в собственные свои силы, остудили порыв, отвратили отвагу... Польша еще раз была погублена не одним лишь превосходством орд захватчиков, но эгоизмом привилегированных».

Между тем, первоначальные порывы народа по призыву ноябрьской революции обещали успешнейшее будущее. Неудерживаемое движение принесло бы, несомненно, свои результаты: всеобщее социальное освобождение, развитие истинно национальной войны, бесспорную победу национального дела. Народ восстал бы как один человек, вооружился и разгромил захватчиков без чужой помощи... Ибо нет силы, которая могла бы победить и закабалить двадцатимиллионную нацию, сплоченную общей свободой».³⁰

²⁹ Манифест Демократического общества и статьи Хельтмана цитируются нами по изданию: «Demokracja polska na emigracji. Wyjątki z piśm Wiktora Heltmana» (Biblioteka pisarzy polskich, t. XXXV). Lipsk, 1866 [в дальнейшем при ссылках — Demokracja].

³⁰ Demokracja, s. 5. Заметим здесь, что мы, как правило, переводим слово «naród», «narodowy» как нация, национальный, а слова «lud», «ludowy» как

Последние строки приведенного отрывка показывают, что Демократическое общество было полно веры в силы своего народа. Оно не сомневалось, что достаточно правильно понять ошибки прошлой борьбы, чтобы избежать этих ошибок в дальнейшем, а это будет вернейшей гарантией успеха.

Народ не поддержал восстание 1830—1831 гг., не поддержал потому, что оно утратило революционный характер, более того — восстанию намеренно было придано реакционное направление. В этом причина поражения, ибо широкое всенародное движение непобедимо. Задача заключается в том, чтобы народ признал дело восстания, дело независимости своим делом. Таков исходный пункт программы Демократического общества. Мы подчеркиваем это потому, что, как мы увидим в дальнейшем, сильные и слабые стороны выдвинутой Обществом программы социальных преобразований в значительной мере определяются ее генезисом.

Идея независимости породила идею демократии. Великим достижением Демократического общества, определяющим место, занимаемое Обществом в истории передовой польской общественной мысли, является утверждение неразрывной связи этих идей, утверждение того, что независимой Польша может стать лишь установив демократический строй. Этот лозунг Демократическое общество написало на своем знамени: «Польша независимая и Польша демократическая — вот цель нашего Общества».³¹

Необходимо указать, что будучи в подавляющем своем большинстве по происхождению шляхтичами (чаще всего, впрочем, из мелкой, подчас деклассированной шляхты), члены Демократического общества считали одной из своих основных задач полный отказ от «сословных предрассудков», слияние с народом и т. д. Они были искренне проникнуты духом народолюбия. Другое дело, что объективно их стремления не выходили за рамки буржуазной демократии, а в своей тактике они оказывались робкими и непоследовательными. Здесь для нас важно отметить, что выдвинутый Обществом лозунг создания демократической Польши был действительной, отнюдь не показной его целью. Эта «народная демократия» оказывалась на поверку, как мы увидим, буржуазной демократией в стране со слабо развитой промышленностью, в стране по преимуществу крестьянской, т. е. той формой буржуазной демократии, которую основоположники марксизма называли аграрной демократией и в которой они видели важнейшее в это время условие прогрессивного развития великих земледельческих наций Восточной Европы.³²

Демократическое общество не ограничилось для подкрепления своих выводов уроками последнего восстания. Оно предприняло в своем Манифесте более широкий экскурс в прошлое. Ознакомление с соответствующим местом Манифеста будет нелишним для нас, ибо с взглядами Общества на прошлое тесно связана и выдвинутая Обществом программа будущей социальной перестройки польского общества.

Расходясь в ряде пунктов политической программы и по многим тактическим вопросам с Лелевелем, Демократическое общество вместе с тем

на р о д, н а р о д н ы й. Это, очевидно, единственный способ четко разграничить сходные по звучанию, но далеко не равнозначные слова — польское «naród» и русское «народ».

³¹ Demokracja, s. 10.

³² Ф. Э н г е л ь с. Прения по польскому вопросу во Франкфурте. — К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т. VI, стр. 383.

в системе своих исторических взглядов почти полностью зависело от этого крупнейшего историка.

Духом лелевелевской школы дышит вступительная фраза к исторической части Манифеста: «История доказывает, что наша родина пала не от превосходства врагов, а из-за пороков социального строя».³³ Это положение было впоследствии присвоено историками краковской школы, провозглашено их крупнейшим достижением, а попутно и «подправлено» — речь шла уже о пороках г о с у д а р с т в е н н о г о строя, прежде всего, об отсутствии сильной монархической власти, а все выводы имели целью толкнуть польское общество на путь примирения с захватчиками, «органической работы» под их властью, вместе с ними. В Манифесте тезис о пороках старой Речи Посполитой сохраняет в полной мере свое прогрессивное значение и революционную окраску.

Духом лелевелевской школы проникнуты и дальнейшие строки Манифеста: «. . . Издавна на развалинах древнего гминовладства правила в Польше шляхта; издавна, сама лишь развиваясь и образовываясь, она поглотила в себе жизнь всей нации. Первоначальная национальная идея, замкнутая в узком кругу, должна была утратить свою всемогущую силу. Свобода, равенство, братство, общие когда-то всем, стали исключительной привилегией одного сословия; народная же масса, отстраненная от политической жизни, лишенная всяких прав, лишенная собственности, превращенная сама в неотъемлемую от земли собственность, не могла иметь общей цели с правящим сословием. Интересы шляхты и интересы народа были так противоположны друг другу, как свобода и неволя, богатство и нужда. Разрыв единства, раздвоение сил нации имели естественное следствие — всеобщее бессилие. Привилегированные не хотели извратиться от него отказом от своих узурпаций, совестливым оказанием справедливости угнетенным. Польша же, не имея поддержки в доведенных до одеревенения закабаленных массах, не была в состоянии дать отпор захватчикам».³⁴

В приведенном отрывке авторы определенно следуют за Лелевелем, принимая и основные положения его исторической концепции и его терминологию. Они полностью воспринимают представление о первоначальном польском общинном строе (гминовладстве), проникнутом национальной идеей — демократическими принципами. В самом Манифесте не выступают достаточно четко дальнейшие особенности построения Лелевеля, по которому после упадка древнего гминовладства новый подъем наступает в период шляхетского гминовладства, когда шляхта становится выразителем, носителем национальной идеи. Между тем, представление о шляхетском гминовладстве было воспринято Демократическим обществом. Об этом свидетельствуют следующие строки одной из статей Хельтмана: «Даже после полного закабаления народа, отнятия у него прав, собственности, гражданских и политических свобод, правящее сословие. . . сохранило, ибо должно было сохранить, первоначальную национальную идею. . . Поэтому с уничтожением демократического строя не исчезла национальная идея. Сами угнетатели народа должны были ее развивать и совершенствовать». Из этого следует и дальнейший вывод: «Жизнь других наций не имеет такого прошлого, этим мы отличаемся от них. Демократия — наша врожденная, много веков назад возникшая на родной земле, веками подкрепляе-

³³ Demokracja, s. 4.

³⁴ Там же.

мая и хранимая идея». ³⁵ Автор сразу же, впрочем, добавляет, что демократия является вместе с тем и идеей всего современного общества.

Не будучи сами историками, деятели Демократического общества опирались при обращении к истории на работы Лелевеля. Однако они не просто воспроизвели его положения: они акцентировали некоторые стороны концепции Лелевеля, представлявшие, очевидно, для них особый интерес и особенную ценность.

Такой стороной было, прежде всего, подчеркивание исконности демократических идей и институтов у польского народа, что должно было не только доказать закономерность их воскрешения, но и обосновать исключительную, провиденциальную роль польского народа в развитии самой идеи демократии.

Такой стороной было также указание на первобытную общинную форму организации общества. Из этого положения, являвшегося одной из замечательнейших догадок Лелевеля, деятели Демократического общества делали, однако, глубоко ошибочный вывод о необходимости возродить старую земельную общину. Ложность подобного построения была отмечена Марксом, писавшим 16 октября 1856 г. Энгельсу, что у Мерославского «решительно выдвигается социальная революция в Польше как основное условие политической; но посредством исторической дедукции, доказывающей как-раз *обратное*, он пытается показать, что истина — в восстановлении старой земельной общины». ³⁶ Заметим при этом, что в отличие от русских народников 60—70-х гг., заблуждавшихся в оценке существа, роли и будущего действительно существовавшей в России в то время сельской общины, польские демократы стремились возродить общину уже совершенно разрушенную, по существу исчезнувшую.

Наконец, немалую службу сослужил Демократическому обществу весь тот добытый Лелевелем богатый исторический материал, который рисовал процесс закрепощения крестьянства, лишения его всех политических прав, все те исторические примеры, которые показывали, как узкословная недальновидная политика шляхты становилась источником беды и окончательного падения шляхетской республики. Работы Лелевеля позволяли Демократическому обществу уверенно говорить, что «все усилия восстановить утраченную независимость доказывают, с одной стороны, бессилие замыкающегося в себе самом сословия [т. е. шляхты.— *И. М.*] и его упорство в удержании захваченного, а с другой стороны, неугасшее в массах чувство свободы и готовности к борьбе по мере обращаемых к ним обещаний и надежд». Это подтверждалось примером восстания Костюшко, когда «непреодолимое сопротивление шляхты социальным реформам парализовало и обратило в ничто грандиознейшее дело», ³⁷ это подтверждалось и свежим примером восстания 1830—1831 гг.

Так складывался традиционный для демократической литературы этого времени образ шляхты — средневекового вампира, который давно мертв, но встает из могилы, чтобы убивать все живое.

Причудливое сочетание точного, конкретного исторического материала и насквозь идеалистического понимания исторического процесса, гениальных догадок и удивительной наивности, ясного представления об ошибках

³⁵ W. Heltnan. Charakter demokracji polskiej [1837]. — Demokracja, s. 15—16.

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXII, стр. 159.

³⁷ Demokracja, s. 4.

прошлого и утопических рецептов на будущее — такой предстает перед нами историко-научная база программы Демократического общества.

Не только исторические открытия и исторические взгляды Лелевеля и не только распространенные среди польской эмиграции мессианистические веяния наложили отпечаток на Манифест Демократического общества. В нем явственно сказывается влияние как французских буржуазных просветителей XVIII в. с их теорией естественного права, так и французского утопического социализма.³⁸

Манифест провозглашает: «Все люди, как существа одной и той же природы, имеют равные права и равные обязанности, все братья, все дети одного отца — бога, все члены одной семьи — человечества».³⁹

Далее Манифест провозглашает основные принципы демократии — равенство, свободу и братство, трактуя их с определенными, хотя и весьма наивными социалистическими тенденциями; объявляет, что право владения землей и всякой иной собственностью может быть признано лишь за трудом.

Надо отметить, что проводившаяся по Манифесту дискуссия показала, что большинству членов Общества были чужды социалистические идеи. Многие вполне основательно указывали, что социализм находится в резком противоречии с выдвинутой Обществом программой социальных преобразований, основывавшейся на признании незыблемости принципа частной собственности. Однако в окончательной редакции Манифеста (возможно из-за недосмотра) остался ряд противоречащих этому принципу мест, в том числе и заявление, что земля и ее плоды принадлежат нации.⁴⁰

Централизация скоро обратила внимание на это противоречие, тем более, что Манифест подвергся резкой критике со стороны социалистических групп «Грудзэндз» и «Умань», руководимых Станиславом Ворцелем. Ответом явилась написанная в том же 1836 г. Хельтманом статья «Принципы польской демократии», направленная против социализма. В этой статье Хельтман пробует с сомнительным успехом интерпретировать указанные места Манифеста, доказывая, что они ничего общего не имеют с социалистическими формулами. Сторонников коллективной собственности он называет присвоителями плодов чужого труда, ставя их на одну доску с эксплуататорами. Хельтман выдвигает тезис: «человеку безразлично, кто нарушает его независимое естество, — отдельные ли люди или само общество», и заключает из этого, что «коллективная собственность является всеобщим грабежом».⁴¹

Воюя против социалистов, Хельтман одновременно выступил и против лозунга национализации земли, лозунга, который теоретически может быть осуществлен в рамках буржуазной революции. Хельтман с возмущением писал: «Мы не понимаем, почему именно земля может быть изъята из этого общего правила»⁴² (речь идет

³⁸ Как отмечал Лимановский («Stanisław Worcell», Kraków, [1910], s. 123 i n.), особенно близка польским демократам была носившая религиозную окраску социалистическая система Буше.

³⁹ Demokracja, s. 7. — Один из руководящих деятелей Общества Войцех Дараш говорил, что свои взгляды выводит из декларации прав человека и гражданина французской революции конца XVIII в. (J. Falkowski. Wspomnienia z r. 1848 i 1849. Poznań, 1879, s. 155).

⁴⁰ Demokracja, s. 7. См. также: Jan Alcyata. Wypadki w 1846 r. в книге: «Wizerunki polityczne dziejów państwa polskiego», t. II. Polska w kraju i za granicą od 1831 do 1848 r. Zbiór dokumentów z tych czasów jako materyałów do historii politycznej narodu polskiego, wydany przez Leona Zienkowicza (Biblioteka pisarzy polskich, t. XXIX, Lipsk, 1864 [в дальнейшем при ссылках — Wizerunki, t. II], s. 151).

⁴¹ W. Heltnan. Zasady demokracji polskiej [1836]. — Demokracja, s. 26—28.

⁴² Demokracja, s. 29.

о принципе: результаты труда человека — его собственность). Нет сомнения, что выдвигание лозунга национализации земли в качестве одного из первоочередных лозунгов будущей революции было бы опасной ошибкой, пренебрежением теми реальными условиями, в которых эта революция должна была развиваться. Но вместе с тем, решительный отказ от национализации земли, отказ по п р и н ц и п и а л ь н ы м мотивам, объявление национализации социалистическим лозунгом (а что от социалистов, то от лукавого) — было несомненной ошибкой Демократического общества.

Нам придется в дальнейшем говорить, почему Демократическое общество, в котором, как мы видим, вначале были налицо социалистические тенденции, столь поспешно и резко отшатнулось от социализма. Заметим сейчас, что Демократическое общество не изменило своего осторожного и холодного отношения к социалистическим, а позднее к коммунистическим теориям. Вступивший в 1846 г. в состав Общества и ставший бессменным членом ее Централизации Ворцель сохранил в значительной мере свои старые социалистические убеждения, однако он принял и в своих выступлениях отстаивал программу Общества, не пытаясь ее изменить.⁴³

Итак, мы выяснили, что, стремясь к восстановлению независимости родины, значительная часть эмигрантов — участников восстания 1830—1831 гг. осознала важнейшую причину поражения восстания и сумела сделать из этого правильный вывод, поняла, что независимость Польша может обрести лишь на демократическом пути, и приняла принципы демократии, организовав для борьбы за распространение и окончательную победу этих принципов Демократическое общество.

Какова же была та конкретная программа социальных, экономических и политических преобразований, которую выдвинуло Общество?

Первая формулировка была дана в воззвании Общества к гражданам-солдатам, изданном 12 сентября 1832 г. В этом воззвании писалось: «Бог дал землю для всех людей, но особенно для тех, кто на ней трудится. . . Крестьянам принадлежит по праву собственности та земля, которую они обрабатывают; освобожденные от барщины и иных повинностей в отношении панов, они смогут хорошо обрабатывать землю и не будут бедны. . . Им принадлежит также право на участие в законодательстве».⁴⁴ Если формулировка эта не оставляет никаких сомнений в том, что Общество высказывается за отмену барщины и иных повинностей (хотя здесь еще не говорится ничего о том, на каких условиях эта отмена должна быть произведена), то в отношении права собственности крестьян на землю ясности нет. Что подразумевается здесь под «той землей, которую обрабатывают крестьяне»? Крестьяне обрабатывают землю, находящуюся в их распоряжении, и землю помещика. Означает ли приведенная формулировка, что Общество высказывается за передачу крестьянам помещичьей земли? Нет, не означает. В этом нас убеждает не только общий тон воззвания, но и более тщательное рассмотрение приведенного отрывка. Вряд ли потребовалось бы объяснять крестьянам (в данном случае эмигрировавшим солдатам польской повстанческой армии), что, получив все помещичьи земли, они «не будут бедны». Фраза — «смогут хорошо обрабатывать землю» в случае освобождения от барщины —

⁴³ См.: Bol. Limanowski, Stanisław Worcell, s. 212 i n. — В своей речи на берлинском процессе 1847 г. Мерославский от имени Демократического общества заявил: «Мы трудились для революции, а не для анархии», подразумевая под последней коммунизм («Demokrata polski», 1848, 18. I).

⁴⁴ Цит. по статье Хельтмана: «Demokracja na emigracji. II» (1840). — Demokracja, s. 73 и по книге: Al. Świątchowski. Historia chłopów. . . , s. 277.

очевидно, предполагает, что освобожденным от барщины крестьянам придется обрабатывать меньшее количество земли, чем они обрабатывали раньше, т. е. труд, а следовательно и собственность крестьян, не будет распространяться на помещичьи земли. Таким образом, говоря о праве собственности крестьян на ту землю, которую они обрабатывают, Демократическое общество имело в виду лишь те земли, которыми крестьяне владели (*posiadali*). С другой стороны, из утверждения воззвания, что эти земли «*принадлежат* крестьянам по праву собственности», мы можем сделать вполне основательное предположение, что Общество имело в виду предоставление права собственности крестьянам на земли, которыми они владеют, без каких-либо дополнительных условий, т. е. без выкупа или иного вознаграждения в пользу помещиков, без «отрезков» и т. п. Нужно отметить, однако, что во всей формулировке чувствуется еще нечеткость, неопределенность; это первый эскиз будущей программы, сделанный еще неопытной и неуверенной рукой и вызывающий сомнения и различные толкования.

Кратка и не вполне точна также и соответствующая часть Манифеста: «Первым лозунгом в бою должно быть раскрепощение ⁴⁵ народа, передача ему отнятой у него земли в неограниченную собственность, возвращение прав, призывание к пользованию благами независимого существования всех без различия вероисповедания и происхождения».⁴⁶

Здесь мы видим пункт политического характера, декларирующий установление демократических гражданских свобод, пункт, касающийся не только крестьянства, а в определенной части («без различия вероисповедания») менее всего относящийся к польскому крестьянству. Два других пункта целиком относятся к крестьянскому вопросу. Один декларирует в общей форме раскрепощение, т. е. отмену феодальных институтов; этот пункт вряд ли может вызвать различные толкования. Зато второй пункт вновь ставит нас в тупик: «передача народу [т. е. крестьянству] отнятой у него земли в неограниченную собственность»: Какая земля имеется в виду: совершенно ли отнятая у крестьянства доминикальная, фольварочная земля или же только крестьянские наделы, в отношении которых узурпация ограничилась лишь правом собственности, оставив крестьянина фактическим владельцем земли? Текст Манифеста не дает нам ответа на этот первостепенной важности вопрос. Однако не только позднейшее истолкование Манифеста, но и известные нам мнения в период его обсуждения (см., например, ниже о реферате Ворцеля «О собственности») убеждают нас в том, что авторы Манифеста имели в виду лишь те наделы, которыми фактически владеют крестьяне. Такая нечеткость формулировки, объяснимая в раннем воззвании, адресованном к тому же крестьянам и соответственно стремившемуся к максимальной популярности, может вызвать лишь серьезное недоумение, когда мы встречаем ее в таком ответственном, программном документе, каким является Манифест, документе, принятом после длительной дискуссии. Есть ли это результат той поспешности и небрежности редактирования, которую нам приходилось уже отмечать выше, или это сознательная недомолвка, сделанная для того, чтобы допустить различные толкования? На первый взгляд, возможность сознательной недомолвки представляется менее вероятной. Ведь дискуссия по Манифесту имела широкий

⁴⁵ За отсутствием точного русского эквивалента мы переводим обычно так слово «*usamowolnienie*». В дальнейшем мы не оговариваем подобных мест. Также не оговариваем мы и передачи слова «*uwłaszczenie*» описательными оборотами: «предоставление крестьянам права собственности», «превращение крестьян в собственников» и т. д.

⁴⁶ *Demokracja*, s. 11.

резонанс, современники привыкли уже видеть за фразами Манифеста ряд поясняющих его выступлений и их внимание не фиксировалось на двусмысленности провозглашенного в Манифесте лозунга. Воздержимся, однако, на время от окончательного суждения. В целом можно сказать, что выдвигаемая Манифестом положительная программа отличается чрезвычайно общей формой, она не конкретизирована, это еще лишь лозунг, может быть набросок программы, но не программа.

Наиболее развернуто программа Демократического общества была сформулирована Хельтманом в 1840 г. в статье «Гарантии для народа».

«Для духовного раскрепощения народа: отмена неволи, зависимости, повинности (*służebności*); отмена всех привилегий происхождения, шляхетства, титулов князей, графов, баронов; отмена прав, создающих различие в возможностях исполнения общественных функций, и тех, которые дают преимущество одному вероисповеданию перед другим; словом, ликвидация всякой, будь-то действительной, будь-то фиктивной зависимости одних лиц или классов или корпораций от других; а вместо этого провозглашение обширнейшей полной личной свободы, уравнивание перед нацией всех нынешних сословий, равное и одинаковое для всех право на занятие должностей; равное и одинаковое для всех правосудие; равная опека для всех религиозных культов; словом, гражданское, политическое и религиозное равенство; для материального раскрепощения: аннулирование прав владения, являющихся узурпациями; отмена барщины, чиншей, даней, помочей (*daremszczyzn*), даров (*ofiar*), пропинации и всех иных поземельных тягот; отмена всякого рода монополий и торговых и ремесленных привилегий; а вместо этого превращение в собственников земледельцев, раскрепощение труда и даже, насколько это будет возможно, его организация (*urządzenie*) — все это при первом призыве: к оружию! может, а следовательно, и должно быть торжественным актом объявлено и введено в жизнь».⁴⁷

Перед нами широкая программа демократических преобразований: отмена феодальных институтов, утверждение максимума буржуазно-демократических свобод, даже робкое намерение «организовать труд». И вновь на вопрос: что же получают крестьяне, которых надлежит превратить в собственников? — мы встречаем двусмысленный ответ: «аннулирование прав владения, являющихся узурпациями». Но какие же права суть узурпации и какие нет?

Очевидно, что мы имеем дело не со случайной оговоркой, не с простой неточностью. Такая неточность, повторяемая в течение ряда лет по серьезнейшему принципиальному вопросу, не может быть случайностью.

Для решения этого вопроса нам следует рассмотреть всю совокупность высказываний ведущего теоретика Демократического общества, особенно в крестьянском вопросе — Хельтмана.

В изданной Центризацией по поводу дискуссии по Манифесту брошюре была помещена статья Хельтмана «Средства польской демократии», написанная в 1836 г. В этой статье отмечается, что первое место среди этих средств занимает «возвращение народу захваченной у него собственности».⁴⁸ Эту формулировку Хельтман употребляет неоднократно. Она неточна; по вкладываемому в нее содержанию правильнее было бы сказать: возвращение крестьянству захваченного у него права собственности на те земли, которыми оно владеет.

⁴⁷ W. Helman. *Rękopis dla ludu* (1840). — *Demokracja*, s. 160—161.

⁴⁸ W. Helman. *Srodki demokracji polskiej* (1836). — *Demokracja*, s. 32.

Почему такое значение придавалось этому средству? В цитированной выше статье «Гарантии для народа» Хельтман пишет:

«Разбирая вышеперечисленные средства, мы особо выделяем одно, столь соответствующее положению Польши, столь легкое для осуществления . . . , что сознательно его обходить значило бы совершить преступление по отношению к Польше. Мы говорим здесь о предоставлении собственности [т. е. права собственности. — И. М.] той части крестьянства, которая ныне отбывает барщину или платит чинш с обрабатываемой ею земли. Одним лишь этим средством около 7 миллионов человек, не имеющих сейчас никакой собственности, сразу превратится в собственников, имеющих землю, движимость, дом и весь хозяйственный инвентарь, а это именно то, что помимо свободы их более всего интересует. Это будет для них наиболее осязаемое (ибо материальное) доказательство, что руководящая идея восстания совершенно отлична от тех, которые руководили прежними восстаниями. Поэтому можно сказать, что превращение этого класса в собственников является жизненным условием всех гарантий, а тем самым жизненным вопросом восстания. Без него все иные гарантии были бы ничем . . .»⁴⁹

Итак, передача крестьянам, владеющим землей, права частной собственности на эту землю как одно из наиболее легких, осуществимых в первый же момент восстания и в то же время как одно из наиболее действенных средств привлечения народных масс к восстанию. О том, что средство это рассматривается исключительно с тактической стороны, что оно отнюдь не исчерпывает программы Общества по крестьянскому вопросу, говорит следующее высказывание:

«Обратим прежде всего внимание на разницу между окончательной организацией страны и временной ее организацией, использованной как средство для привлечения (wydobycia) национальных сил. Возвращение народу захваченной у него собственности, возвращение ему политических и гражданских прав, отмена многочисленных тягот, которые его угнетают, словом, все то, что может быть осуществлено уже в первый момент восстания, не есть для нас цель, но лишь политическое средство, вытекающее из наших принципов, ернейшая гарантия для масс, что дело независимости будет их делом, а не только, как это было до сих пор, делом одного только класса».⁵⁰

Нет сомнения в том, что превращение восстания с первых же шагов в широкое и массовое было серьезнейшей задачей Демократического общества; нет сомнения также, что избранное для этого средство действительно было одним из наиболее эффективных, оно могло послужить мощным толчком к разворачиванию крестьянского движения. Формулировка этой задачи и выбор средства для него были значительным успехом Общества.

Как же формулирует Хельтман дальнейшие задачи? Что должно повести революцию к новому, более высокому этапу? Какова должна быть окончательная организация общества? И здесь мы наталкиваемся на настоящее отступление.

«Осуществление полной справедливости, охватывающее новое построение всех отношений общежития, а тем самым и собственности, может дать лишь окончательная организация уже независимой страны. Эта организация есть для нас цель, которой мы посвятим все усилия. Призывая массы

⁴⁹ Demokracja, s. 161—162.

⁵⁰ Tamże, s. 32.

к оружию, не время разбираться в основательных и бесосновательных претензиях лиц, бывших до сих пор собственниками земли, или выкупать землю. . . , не время мерить земли, освобождать в соответствии с определенным минимумом от общественных повинностей; либо выделять каждому столько земли, чтобы доход с нее был достаточен для осуществления права равенства. Все это не может быть осуществлено в момент восстания и должно быть отнесено к окончательной организации».

Перспектива поистине безотрадная. После освобождения страны, упрощения независимости начнется окончательная организация, и эта организация будет заключаться в разборе претензий прежних собственников крестьянской земли, претензий основательных и бесосновательных! Но если предполагается, что претензии эти могут быть основательны, то, очевидно, они будут удовлетворяться, и естественно — за счет крестьян. Чтобы устранить всякие сомнения, далее говорится о выкупе. Мало утешительно звучат предположения о каких-то перемерах земли, освобождении от общественных повинностей или наделении землей, чтобы «доход с нее был достаточным для осуществления права равенства [!]». Автор не высказывает своего отношения к тому или иному из этих положений, становится в позицию лица, которому не надлежит предрешать эти вопросы. Кратко формулируя, картина, нарисованная Хельтманом, такова: в момент восстания крестьяне получают право собственности на свою землю, но после того, как их руками будет добыта победа, вопрос об этой земле или, по крайней мере, об условиях, на которых она передается, будет пересматриваться вновь, причем Демократическое общество воздерживается от ясного и недвусмысленного определения своей позиции по отношению к такой перспективе. Где же та цель, к которой стремится Общество и которой оно «посвятит все усилия»?

В дальнейшем Хельтман уже без недомолвок высказывается против всякого вознаграждения помещиков за отказ от крестьянских земель: «Предоставление собственности, чтобы оно дало желательный результат, должно быть безусловным и осуществлено в первый момент общего движения. Если оно будет простым обещанием, то народ, не верящий обещаниям, не восстанет; если будет обусловлено каким-либо видом вознаграждения нынешних владельцев, можно не сомневаться в том же результате. Первое понятно само собой, для убеждения же во втором достаточно подумать о том, что всякое условие отняло бы у этого акта важнейшее его качество — великого, национального, всеобщего акта справедливости, а тем самым лишило бы его всякого очарования. По самой же сути тяжесть вознаграждения всегда пала бы непосредственно или скрыто (pośrednio) на народ, а его здравый разум, подстегиваемый еще недоверием, легко бы обнаружил расставленные ему сети».⁵¹

Таким образом, пусть при помощи аргументации чисто тактического характера, Хельтман приходит к выводу о необходимости предоставить крестьянам право собственности на их земли без какого-либо вознаграждения.

Однако этим крестьянский вопрос еще далеко не исчерпывается. Это ясно и Хельтману: «Хотя мы считаем возврат народу отобранной у него собственности наиболее действенным средством развязывания национальных сил, однако это средство не охватывает всех классов нашего народа, а тем самым может привести в движение не все еще силы. Чтобы убедиться

⁵¹ Demokracja, s. 162.

в этом, достаточно глянуть на статистику Польши. В конгрессовом Королевстве класс, занимающийся земледелием [!], составляет около 3 млн. чел., из них класс землевладельцев охватывает только 160 тыс. чел., остальные собственности не имеют. Но из этих остальных только 1500 тысяч хозяйев и чиншеви́ков, а 1300 тысяч поденщиков (*wugobników*) и др., которые не имеют сейчас даже чужой земли. Кроме того, класс незанимающихся земледелием составляет около $\frac{1}{4}$ населения.

Какими действительными средствами заинтересовать всю эту массу, это будет, с одной стороны, предметом постоянных трудов Общества, с другой — заботой тех наших братьев на родине, которые примут нашу идею. Сейчас мы можем указать лишь главные основы заинтересования, вытекающие из наших принципов. Раскрепощение народа, возврат ему всех прав и захваченной собственности без всякого вознаграждения; призвание к пользованию благами независимого существования всех без различия вероисповедания и происхождения; словом, совестливое предоставление угнетенным справедливости в первую же минуту восстания — вот средства, которые легко развить, сообразовать с временем и обстоятельствами». ⁵²

Разумеется, освобождение от барщины и прочих повинностей было облегчением для всех категорий крестьянства, но трудно без иронии говорить о «призвании к пользованию благами независимого существования» безземельных крестьян и батраков. Остается лишь констатировать, что вопрос о наделении земель безземельных крестьян в 1836 г. совершенно еще не был решен Демократическим обществом. Увы, этот «предмет постоянных трудов Общества» не получил прямого ответа и в 1840 г.:

«Предоставление собственности остальным жителям, занятым земледелием, не столь легко осуществить. Оно может и должно быть провозглашено как принцип, но если обстоятельства не позволили бы его осуществить в процессе революции, сам факт предоставления собственности половине крестьянства будет для другой половины серьезной гарантией, что, по устранении внешних помех, справедливость распространится также и на остальных». ⁵³

Впрочем, было бы несправедливо сказать, что в приведенной цитате мы не находим ничего нового и любопытного. Наделение безземельных земель, как намекает автор, не исключено и в процессе революции, во всяком случае оно должно быть провозглашено в принципе. Если же оно не будет совершено в процессе революции, то черед его придет после устранения внешних помех. Каковы «внешние помехи», препятствующие наделению земель безземельных? Это не внешний враг, ибо он может помешать любому мероприятию, а не только этому. Во всяком случае — это не только внешний враг. Не нужно было, разумеется, четырех лет для размышлений, чтобы определить — как, за чей счет может быть наделена землей громадная масса безземельных. Для осуществления этой грандиозной задачи никак не могло бы хватить национальных имуществ, т. е. фольварков казенных имений, как это предлагалось в некоторых выступлениях секций Демократического общества. Любое обещание наделения земель безземельных должно было предполагать ликвидацию или, по крайней мере, сокращение помещичьего землевладения. Это была проблема значительно более трудная, чем объявление собственностью крестьян земель, фактически им принадлежащих.

⁵² *Demokracja*, s. 35—36.

⁵³ *Tamże*, s. 163.

Мы полагаем, что именно этой перспективой необходимости решения вопроса о наделении земель безземельных крестьян за счет помещиков и объясняется та неясность формулировок в отношении «отнятой у народа земли», «аннулирования прав владений, являющихся узурпациями» и т. п., которая отмечалась нами ранее. Неизбежность постановки вопроса о переделе доминикальных земель, которые (и это было ясно деятелям Демократического общества) являются также землями узурпированными, принуждала отыскивать формулировки, которые, с одной стороны, не были бы гарантией неприкосновенности помещичьих земель, а с другой, не были бы и прямой постановкой вопроса об их переделе. На причинах этого нам предстоит остановиться далее.

Подведем некоторые итоги.

Мы говорили выше, что возникновение программы Демократического общества по крестьянскому вопросу тесно связано с борьбой Общества за восстановление независимости Польши. Проведенное рассмотрение основных программных документов Общества позволяет нам уточнить этот вывод. При всем том значении, которое придавало Демократическое общество крестьянскому вопросу, оно, вольно или невольно, сознательно или бессознательно, подчиняло решение этого вопроса планам воссоздания польского государства.

Выдающееся значение крестьянского вопроса для Демократического общества заключалось в том, что именно крестьянство должно было стать основной силой, осуществляющей эти планы. Между тем, несмотря на всю, без сомнения, искреннюю преданность деятелей Общества принципам демократии, несмотря на то, что лозунгом Общества было «все для народа и благодаря народу (przez lud)»,⁵⁴ Общество не чувствовало себя частью этого «ludu», оно было принуждено искать «средства з а и н т е р е с о в а н и я народа»,⁵⁵ говорить о «г а р а н т и я х для народа, что дело восстания будет его делом».⁵⁶ Именно в плане «заинтересования», в плане чисто тактическом рассматривало Общество свою программу по крестьянскому вопросу. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что в этой программе фиксируются лишь те мероприятия, которые можно и надлежит приурочить к первому моменту восстания. Общество ясно сознавало, что они отнюдь не исчерпывают вопроса, но из года в год откладывало развитие программы, оставаясь попрежнему вооруженным лишь планом действий на первом этапе борьбы, не пытаясь определить своих взглядов — какова должна быть та окончательная организация государства, о которой оно само говорило как о своей цели.

Было бы несправедливо недооценивать громадное политическое значение программы Демократического общества. Здесь мы должны прежде всего отметить радикальную, бескомпромиссную постановку вопроса о барщине, ее модификации — чиншах и всех видах крестьянских личных или так называемых реальных повинностей. Общество выдвинуло лозунг полной, немедленной и безвозмездной ликвидации всего этого феодального бремени, давившего польское крестьянство. Замечателен даже самый тон, в каком этот лозунг выдвигался. Надо перенестись мысленно в ту эпоху, отдаленную всего несколькими годами от провала значительно более робкого и ограниченного проекта Шанецкого, чтобы по достоинству оценить ту реши-

⁵⁴ Манифест. — Demokracja, s. 9.

⁵⁵ Demokracja, s. 32.

⁵⁶ Название изданной Центризацией брошюры Хельтмана — «Rozbiór kwestji: Jakie ludowi złożyc rękojmie, iż sprawa powstania jego będzie sprawą?».

тельность и непреклонную уверенность, которой проникнуто выступление Общества. Это был истинный голос грядущей демократической революции, и он приковывал к себе умы ее сторонников и ее врагов.

Велика была заслуга Общества и в формулировании того первоочередного мероприятия, которым должна была начать свою деятельность революционная власть — признания крестьян собственниками принадлежащей им земли без какого-либо выкупа или вознаграждения в пользу помещиков. На место феодального представления о собственности должно было прийти буржуазное право полной и неограниченной частной собственности, возвещая окончательную гибель феодальных отношений.

Нет сомнения, что осуществление такой программы явилось бы крупнейшим прогрессивным актом, избавлявшим крестьянство от многих лет мучительного и разорительного изживания феодального наследия, как это было позднее в действительности в Галиции и Королевстве Польском.

С другой стороны, Демократическое общество само видело неполноту своей программы и несколько раз подходило к постановке вопроса о наделении землей многочисленных групп безземельного крестьянства. Этот вопрос, однако, так и не получил разрешения. Причина этого, разумеется, не в том, что деятели Демократического общества не знали, за счет кого и как произвести это наделение. Предложения такого рода вносились не раз. Из них наиболее радикальным было предложение секции Авиньон во время дискуссии по Манифесту: «Необходимо, чтобы в с я з е м л я Польши, при первой же возможности изъятая из рук экспроприаторов (z pod przyswłaszczenia dotychczasowego), была бы одновременно и навечно разделена среди всего польского народа и издавна осевших в Польше — кроме заводимых изменников и захватчиков — для каждой самостоятельно живущей семьи».⁵⁷ Однако ни это, ни подобные ему предложения не были приняты или, во всяком случае, их не осмелились провозгласить.

Истинной причиной этой непоследовательности, недоведения до конца принятой линии в крестьянском вопросе была боязнь оттолкнуть помещиков крайними революционными лозунгами, своим радикализмом в лагерь противников национального дела, врагов польской независимости.

Демократическое общество неоднократно и в весьма резкой форме выступало против либеральной шляхты, которая, заявляя о своем согласии с отменой феодальных повинностей и передачей крестьянам права собственности на принадлежащие им земли, требовала вознаграждения для помещиков. В вопросе о вознаграждении помещиков Общество видело водораздел между истинными защитниками народа и лицемерами.⁵⁸ В своей критике либеральной шляхты Общество приходило к сознанию того, что шляхта, как сословие, враждебна демократии,⁵⁹ что она «не может сотрудничать с народом... , ибо должна была бы самораспуститься, расстаться со своими привилегиями и узурпациями, т. е. принести жертву, на которую ни одно господствующее сословие никогда не было способно».⁶⁰ Эта мысль подкреплялась ярким примером позиции французского дворянства в период буржуазной революции 1789—1794 гг.

Казалось бы, Общество стояло на правильном пути, подходило к правильной оценке роли помещичьего класса в будущей революции и должно

⁵⁷ Цит. по книге: A. I. Świątchowski. Historia chłopów..., s. 279. — Разрядка моя. — И. М.

⁵⁸ Demokracja, s. 71—72, 162.

⁵⁹ W. Helimań. Szlachta i rewolucja (1843). — Demokracja, s. 132—134.

⁶⁰ Demokracja, s. 38.

было сделать на основании этого соответствующие выводы. Между тем этого не случилось.

Общество оказалось скованным ложным тезисом, что для того, «чтобы восстание собственными силами могло удался, нужно привести в движение все элементы, образующие польское общество, использовать все его моральные, умственные и материальные силы. . . Один только народ [т. е. крестьянство. — И. М.] и одна только шляхта не имеют в себе всех сил. Их сотрудничество является поэтому необходимым, обязательным условием».⁶¹

Получался своего рода заколдованный круг: с одной стороны, сотрудничество шляхты с крестьянством признается необходимым, с другой же — оно невозможно. Выход из этого надуманного, в действительности несуществовавшего противоречия лидеры Общества видели в том, что «для каждого поляка достаточно сознания, что без всеобщего раскрепощения и предоставления собственности народу нет Польши, ибо это единственные средства подъема до высшей ступени национальных сил. Это сознание, в течение нескольких лет неустанно расширяемое и с каждым днем все более распространяющееся, проникает все ббльшую массу лиц шляхетского сословия. Демократия имеет право рассчитывать на них».⁶² Таким образом, вера в приверженность шляхты национальным идеалам приводила Общество на практике к отказу от единственно правильного сознания враждебности шляхты как класса демократическим преобразованиям.

Следствием этого явилась порочная в самой своей основе установка — «единственное средство спасения родины в слиянии всех классов нашего общества в единое целое».⁶³ Цитата эта, взятая из статьи, опубликованной в сентябре 1848 г., показывает, между прочим, что и в 1848 г. польские демократы продолжали обманывать себя иллюзиями единства национальных интересов всех классов польского общества. Но об этом позднее.

Не затрагивая в настоящем исследовании другие области программы Демократического общества, в том числе и его взгляды на национальную проблему, мы не должны, однако, забывать, что, говоря о восстановлении независимости Польши, польские демократы неизменно имели в виду воссоздание польского государства в границах старой Речи Посполитой и рассматривали (во всяком случае до 1848 г.) все население территорий до Днепра, Сожа и Западной Двины как польское. Об этом свидетельствует, между прочим, и постоянное определение численности польского народа цифрой 20 миллионов, которой в это время соответствовало отнюдь не число поляков, а численность всего населения на территории, входившей в состав Речи Посполитой до разделов. Таким образом, Демократическое общество не только стремилось опереться одновременно и на крестьянина и на помещика, но хотело также поднять на борьбу за восстановление польского государства мнимых польских, в действительности же украинских, белорусских, литовских крестьян в союзе с угнетавшими их польскими помещиками.

Выдвигая лозунг гармонии национальных интересов, Демократическое общество в своей программе останавливалось на полпути, чтобы не оттолкнуть от движения шляхту, отказывалось от выдвижения наиболее задевающих ее интересы лозунгов.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же, s. 135.

⁶³ W. Heltema n. Zniesienie pańszczyzny w Galicji («Dziennik Stanisławowski», 1848, № 9, 30.IX); цит. по изданию: Demokracja, s. 167.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство. Руководствуясь правильным в основе своей положением, что крестьянство нуждается в руководстве, что оно неспособно самостоятельно разрешить задачи демократической революции,⁶⁴ Демократическое общество делало серьезнейшую ошибку, заключающуюся в том, что оно не только считало возможным искать таких руководителей среди шляхты, но, ограничивая свою программу, действительно способствовало тому, что во главе движения часто оказывались попутчики из рядов шляхты, которым были чужды задачи буржуазно-демократической революции, которые могли принять имя «демократов» лишь потому, что демократическая программа была искусственно сужена, ограничена ради того, чтобы стать приемлемой для определенных кругов шляхты. Нечего говорить о том, что перед лицом действительно развернувшегося движения все условные наименования и маски спадали и подобного рода «демократы» оказывались предателями движения, перебегали в лагерь его врагов. Так было в 1846 г. с одним из членов самой Централизации Демократического общества Яном Альциатой, таков был в 1848 г. «демократизм» Леона Жевуского и подобных ему либеральных магнатов; немногим отличались от них и столпы галицийского национал-либерализма Францишек Смолька и Флориан Земялковский.

Ограничение демократической программы наносило, таким образом, двойной вред движению, не только лишая его перспективы, суживая его задачи, подрывая его массовую базу, но и способствуя засорению руководства демократического движения чуждыми ему элементами.

Особенно разительно выступают слабые стороны программы Демократического общества, когда мы знакомимся с теми методами, которыми она должна была осуществляться.

«Заявляем, наконец, — гласят заключительные строки Манифеста, — что нам далека мысль насилий и поджигательства в собственной стране. Не с мечом архангела, но с книгой отечественной истории в руках мы будем, с одной стороны, объявлять угнетенным, что ни божественные законы, ни вековое человеческое насилие не обязывают их оставаться более в нужде и унижающей человеческое достоинство неволе; с другой стороны, пробуждая то же самое чувство извечной справедливости, приводя те же самые исторические воспоминания, мы не перестанем призывать наследников шляхетских узурпаций и предрассудков во имя их собственных интересов, во имя современного просвещения, а особенно во имя (волшебное для всех нас) любви к родине, возвратить народу отобранные права. Не знаем, чувство ли справедливости в одних, нетерпеливость ли и обманутые надежды других будут знаменем освобождения Польши».⁶⁵

Руководители Демократического общества убеждали сами себя не всегда правильными примерами недавнего прошлого, что шляхта, не выступавшая ранее с оружием в руках против революции или реформ и ограничивавшаяся лишь пассивным протестом (Хельтман явно не хочет вспоминать о реакционной Тарговицкой конфедерации 1792 г.), не окажет сопротивления и будущей революции. Надежды эти основывались на том, что социальные вопросы тесно связаны с вопросом независимости, и если будущее восстание представит для шляхты гораздо большую опасность, чем прежние восстания, то и угнетение со стороны держав-захватчиков тоже гораздо большее, чем раньше.

⁶⁴ Demokracja, s. 38.

⁶⁵ Tamże, s. 12—13.

Руководители Демократического общества заявляли, что в независимой стране могла бы идти речь о мирном изменении социального строя, положение же Польши таково, что эта возможность исключена.⁶⁶

Постоянные упоминания о «законности», о «справедливости», отказ от дальнейшего развития программы на том основании, что Общество не желает захватывать прерогатив, принадлежащих всей нации в освобожденной стране, притупляли революционную остроту программы Общества.

Манифест, правда, провозглашал: «Если бы, однако, необходимые изменения общественного строя и следующая за ними независимость не могли бы наступить без насильственных потрясений, если бы народ должен был быть суровым судьей прошлого, мстителем за причиненные ему несправедливости и исполнителем безусловных приговоров времени, то мы не принесем в жертву кучке привилегированных счастья двадцати миллионов, а пролитая братская кровь падет лишь на головы тех, кто в безрассудстве возносит свой эгоизм выше общего блага и освобождения родины».⁶⁷

Однако все что нам известно о взглядах Общества на необходимость национального единства для достижения независимости, убеждает нас в том, что нарисованная в этих строках перспектива пугала Общество, казалась ему равносильной крушению планов восстановления независимости, и, очевидно, эта декларация понималась скорее как провозглашение определенного морального принципа, а не как реальная перспектива и принятая установка для действия.

Здесь уместно вспомнить высказывание Лелевеля — типичное для хода мысли и представителей Демократического общества: «Произвести предоставление крестьянам собственности насильственной операцией, силой оторвать у панов — какой результат? Помещики при этой угрозе будут усерднее (dzielniej) оборонять свое, чем родину и свободы, и будут иметь за собой половину народа. Деспотизм протянет опекунскую руку обеим сторонам. Прощай тогда национальное дело, свободы и даже собственность!»⁶⁸

Слабые стороны программы Демократического общества были быстро обнаружены и подверглись атаке как со стороны реакционного помещичьего лагеря, так и со стороны более последовательных представителей демократического направления.

О критике программы Демократического общества помещичьими кругами целесообразнее говорить в иной связи, когда мы перейдем к рассмотрению их откликов на события 1846 г. Остановимся на критике программы Общества слева.

Центром этого направления была эмигрантская колония (громада) «Грудзёндз» в Англии, которая в 1835 г. вышла из состава Демократического общества и развернула широкую критику программы Общества и его тактики. Консервативно-аристократическая эмиграция видела в действиях громады «Грудзёндз» свидетельство распада ненавистного ей демократического лагеря, не понимая, что польские социалисты-утописты сосредоточили огонь своей критики на Демократическом обществе именно потому, что видели в нем единственного возможного союзника и стремились привить систему своих взглядов хотя бы части членов Демократического общества. «Входя в Демократическое общество, мы рассчитывали найти

⁶⁶ Demokracja, s. 132—135.

⁶⁷ Tamże, s. 13.

⁶⁸ Цит. по книге: Wł. Grabski. Historja wsi w Polsce, s. 292.

в нем помощника нашим спасительным планам, — гласит один из документов громады. — Когда наши надежды не оправдались, нам остался один лишь путь, а именно — трудиться над перестройкой самого Общества, когда же и это оказалось невозможным, нам не оставалось ничего, как выйти из него и трудиться для его разрушения». И далее: «Мы были бы чересчур суровыми судьями, если бы относили свои возражения ко всему Демократическому обществу. Мы знаем, что в его недрах есть много доброй веры».⁶⁹

Положительная программа польских социалистов-утопистов была мало разработана и ограничивалась провозглашением принципа коллективной собственности на средства производства как залога достижения высшего равенства — уравнивания социальных условий (*roównania kondycji socjalnych*), она была насквозь пропитана духом христианского (точнее, католического) «социализма».⁷⁰ Но сила общества «Польский народ» (*Lud polski*), как называли себя громады «Грудзёндз» и «Умань», была в их критике программы Демократического общества.

Социалисты-утописты разоблачали непоследовательность и неприципиальность программных документов Демократического общества.

2 августа 1836 г. на заседании громады Станислав Ворцель выступил с рефератом «О собственности», в котором подверг уничтожающей критике орган Демократического общества «Новую Польшу» (*Nowa Polska*), которая пыталась отстаивать принципы «законности» и выдвигала лозунг передачи крестьянам в собственность той земли, которой они владеют. Ворцель показал, что защитник шляхетской собственности М. Накваский, требовавший в изданной в 1835 г. брошюре «*O nadaniu własności włościanom polskim*» вознаграждения помещиков, по существу более последователен, чем полемизирующая с ним «Нова Польска»; он «считает нынешнюю собственность законной и как законную ее защищает». Между тем «Нова Польска» «удивительным, произвольным решением ограничивает незаконность земельных владений [помещиков. — И. М.] определенной, постоянной, математически отмеренной, для всех относительно равной их частью». Ворцель показал, что «Нова Польска» предлагает реформу, в корне расходящуюся с провозглашенными ею же принципами равенства, справедливости, законности и т. п. Ворцель мастерски рисует картину отношений, которые создадутся после проведения предлагаемой Демократическим обществом реформы, и указывает, что положение крестьянства будет немногим лучше, особенно в случае, если принять предлагаемый газетой (позднее отброшенный Демократическим обществом) принцип, «чтобы новый собственник ни под каким видом не мог переменить своей собственности, уменьшить ее, увеличить, продавать». Ворцель с возмущением восклицает: «Крестьяне! Вот какую собственность обещают Вам ваши опекуны!»⁷¹

Следует заметить, что громада «Грудзёндз» была одной из редких среди эмигрантов групп с преимущественно крестьянским составом. Нет сомнения в том, что идея полной ликвидации помещичьего землевладения была особенно близка слушателям реферата Ворцеля.

⁶⁹ «*Lud polski na emigracji. 1835—1846*». (Wydął Zeno Świętosławski). Jersey, 1854. s. 7, 31—32, 43.

⁷⁰ Там же, s. 3, 57—63.

⁷¹ Там же, s. 73—74 (Реферат Ворцеля воспроизведен полностью в книге: *Vol. Litwa a n o w s k i*. Stanisław Worcell, s. 382—391).

В чем основа взглядов Демократического общества на крестьянский вопрос? Ворцель и его сподвижники отвечали: «Общество приняло к рассмотрению наделение крестьян как в о п р о с , а самоею собственностью, собственностью индивидуальную, наследственную, понимаемую так, как ее понимают сейчас, объявила заранее принятой догмой».⁷²

Резко критикуя проект Манифеста Демократического общества, социалисты-утописты указывали на то, что половинчатое решение крестьянского вопроса в этом проекте открывает путь для компромиссов с консервативным помещичьим лагерем. «Что им [т. е. помещикам. — *И. М.*] помещает согласиться на собственность для крестьян, если их собственностью останется еще больше половины польской земли?»⁷³ Программа Демократического общества оставляла возможность для подобного маневра и, как мы увидим в дальнейшем, опасения социалистов-утопистов были справедливы: в критический момент, накануне восстания 1846 г., аристократическая эмиграция устами Адама Чарторыйского провозгласила программу, на первый взгляд почти аналогичную программе Демократического общества, дезориентируя этим самым своих противников.

В отличие от нерешительной и непоследовательной постановки вопроса о методах борьбы в Манифесте Демократического общества, громада «Грудзѣндз» без колебаний заявила, что не мыслит себе революции без насилия и что считает его основой революционной тактики, а пропаганду лишь дополнением. С презрением говорит она о «друзьях народа», боящихся пролить в борьбе за его освобождение нечистую кровь его угнетателей, боящихся терроризма, осуждающих французскую революцию. Не действия Робеспьера, который уничтожал врагов революции во имя народных интересов, а расстрел безоружных женщин и детей Парижа Байльи и Лафайетом, истребление республиканцев после 9 термидора — вот что такое терроризм!⁷⁴

Польские социалисты-утописты ясно видели, к какой цели стремится Демократическое общество, и отвергали эту цель. «Демократическое общество отворачивается от шляхты, а на ее место вводит промышленное, купеческое сословие, ... меняя таким образом лишь имя тиранов, но не свержая самой тирании... Господство шляхты или купцов, панов или лавочников — это не что иное, как видоизмененная неволя».⁷⁵

Уничтожающей критике подвергали громады «Грудзѣндз» и «Умань» буржуазное общество, с отвращением отзывались о строе современных им капиталистических государств — особенно о Франции июльской монархии, с ее делением граждан на активных и пассивных. Но социалисты-утописты понимали, что в условиях капиталистического строя народные массы оттесняются от политической жизни не только избирательными законами, и свидетельствовали об этом, заявляя, что в будущем социалистическом

⁷² Tamże — Gromada Grudziądz do obywateli sekcją Vimoutiers w tak zwanym Towarzystwie Demokratycznym składających, s. 26. Разрядка подлинника.

⁷³ Tamże — Gromada Grudziądz i Humań o projekcie do Manifestu Towarzystwa Demokratycznego, s. 62.

⁷⁴ Tamże — Gromada Grudziądz do sekcji Fontainebleau, s. 29—30.

⁷⁵ Tamże — Gromada Grudziądz do emigracji polskiej, s. 4—5. Следует отметить, что в критике капиталистического строя польскими социалистами-утопистами прощаются элементы «феодалного социализма»: «Не вытягивайте из него [крестьянина. — *И. М.*] благородные соки, чтобы влить в его жилы мешанскую кровь. Шляхта имеет по крайней мере прошлое . . . Католицизм имеет свое прошлое . . . А какое прошлое имеют мешанство и протестантизм?» (Ibid., s. 62).

обществе «не будет пассивных граждан, лишенных политических прав, если не по закону, то в силу своего положения».⁷⁶ Критику Манифеста Демократического общества польские социалисты закончили следующим ироническим советом: «Вы, чья доктрина — право человека, идол — эгоизм, цель — индивидуальное счастье, ступайте в страну реализованной вашей программы, в Соединенные Штаты Америки, влейтесь в ее демократические массы, познакомьтесь с их всем огуществом. А если вас очарует этот блеск, будете вместе с этими массами вотировать законы об умерщвлении голодной смертью краснокожих, о превращении чернокожих в скот».⁷⁷

Громада «Грудзёндз» осталась вне Демократического общества, объявившего настоящую войну социализму. Это неудивительно, ибо с социализмом связывался тот лозунг, который Общество, надеявшееся на поддержку и сочувствие шляхты и искавшее этой поддержки, оказалось не в силах выдвинуть — ликвидация помещичьего землевладения. Критика социалистами Манифеста Демократического общества не прошла бесследно для членов Общества. Комиссия громады «Грудзёндз» отмечала влияние критики на отдельных членов Демократического общества и даже на целые секции (Шайо и Пантеон).⁷⁸ Однако в конечном счете влияние Централизации Демократического общества было несравненно более значительным, и ей удалось одержать победу над социалистами-утопистами не только в самом Демократическом обществе. Когда в 1846 г. обстановка привела к объединению всех демократических групп эмигрантов, авторитет Демократического общества был так прочен, что оно поглотило руководимую Ворцелем и Лелевелем лигу «Зъедночене», став единственной организацией демократических сил.

Авторитет Демократического общества был велик и в самой Польше. Издаваемая Обществом литература многочисленными тайными путями проникала в страну, завоевывала демократии новых сторонников; между Обществом и организовавшимися в разных частях Польши нелегальными группами и союзами устанавливался контакт, эти группы превращались в своего рода отечественные филиалы Общества.

Демократическое движение в самой Польше имело, естественно, свои специфические особенности. Во-первых, движение это не могло быть открытым, легальным; провозглашение демократических принципов или гласное обсуждение проблем политического или социального характера было невозможно. Вся демократическая деятельность была деятельностью конспиративной, тайной. Во-вторых, в отличие от эмигрантов демократы на родине имели возможность вести (разумеется, скрыто и исподволь) агитацию демократических и национально-освободительных идей среди самого народа, крестьянства.

Так создалась своеобразная форма сотрудничества демократической эмиграции с демократами в стране. Задачей первой было в условиях более благоприятных для обмена мнениями, для публикации пропагандистской литературы, ковать то идеологическое оружие, которым пользовались в самой Польше демократы-конспираторы. Из этого не следует, однако, что последние не вносили своей доли в арсенал демократических идей,

⁷⁶ Tamże, s. 27. Разрядка подлинника.

⁷⁷ Tamże. — Gromada Grudziąż i Humań o drugim projekcie do Manifestu Towarzystwa Demokratycznego Polskiego, s. 102. Разрядка подлинника.

⁷⁸ Tamże, s. 84—85.

как мы увидим это на примере краковских событий 1846 г. Однако в силу указанных условий эмиграция создавала основную идеологическую базу польской демократии.

В нашу задачу не входит, естественно, воссоздание истории тайных обществ в Галиции. Как и эмигрантским обществам, им посвящена немалая литература, дающая обильный фактический материал по различным вопросам их истории, в том числе и об их отношении к крестьянскому вопросу. Знакомство с этим материалом убеждает нас в том, что тайные патриотические общества в Галиции не представляли собою единого демократического течения. В них явно обнаруживается и иное, еще не развитое в 30-х годах направление, бывшее зародышем буржуазного либерализма.

Остановимся кратко на тех разногласиях по крестьянскому вопросу, которые возникали в галицийских тайных обществах. Наиболее значительным среди тайных обществ в Польше в 30-х годах XIX в. было Объединение польского народа (*Stowarzyszenie ludu polskiego*), основанное в 1835 г. Центром деятельности его была Галиция, а активность распространялась и на другие польские земли. До 1836 г. руководство Объединения находилось в Кракове; после удаления из Кракова эмигрантов по требованию держав-«опекунов», руководство перешло во Львов. 1836—1837 гг. были временем напряженной внутренней борьбы в Объединении.

Одна группа деятелей, наиболее видными представителями которой были Станислав Малиновский, Ян Щепановский, братья Адольф и Леон Залеские, были сторонниками решительного революционного действия. Они выдвигали программу социальных преобразований, аналогичную программе Демократического общества, осуществление этой программы должно было произойти в результате национальной революции, основной движущей силой которой должно было быть крестьянство. В связи с этим главной задачей своей эти радикально-демократические элементы считали агитацию среди крестьянства, непосредственное обращение к нему. Это не оставалось лишь лозунгом, многие демократические деятели шли «в народ»: поэт Каспер Ценглевиц жил среди крестьян в Самборском округе, работая сельским кузнецом, юрист Станислав Мариновский стал пастухом в Подгалыи и т. д. Это направление было представлено главным образом выходцами из мелкой шляхты и разночинной интеллигенции; здесь были сборщики налогов, помещичьи служащие, лесники и т. п., т. е. люди, постоянно общавшиеся с крестьянством. Именно это направление и было проводником, осуществителем программы, выработанной радикально-демократической эмиграцией.⁷⁹

Но в Объединении было и другое направление, виднейшими деятелями которого были львовские адвокаты Францишек Смолька и Роберт Хеферн, помещик Казимир Грохольский; несколько позднее к ним присоединился Флориан Земялковский. Деятельность их заслуживает особого внимания потому, что впоследствии эти лица играли видную роль в политической жизни Галиции и всей Австрии: Смольку, который стал президентом вен-

⁷⁹ Обширные данные о деятельности демократов-конspirаторов в Галиции в 30-х (а также в 40-х) годах XIX в. приводит — Moriz v. S a l a. *Geschichte des polnischen Aufstandes vom Jahre 1846. Nach authentischen Quellen dargestellt.* Wien, 1867, S. 59—98. Барон Заля был в течение долгого времени губернским советником в Галиции, для своей книги он использовал, помимо обширных личных сведений, также документацию галицийского губернского управления, австрийских мини-терств внутренних и иностранных дел и верховного суда. Все это делает книгу Зали одним из наиболее ценных источников, сохраняющим свое значение и в настоящее время.

ского, а затем кромержижского парламента в 1848—1849 гг., мы встречаем на посту председателя нижней палаты австрийского рейхсрата еще в 1893 г.; Грохольский, глава реакционной партии «подоляков» — польских помещиков Восточной Галиции, был первым министром по галицийским делам в составе австрийского министерства и в 70—80 гг. в течение ряда лет председателем польской фракции в австрийском рейхсрате; Земялковский, по выражению Франко, «все плыл на волнах популярности, пока не достиг счастливой пристани — министерства без портфеля».⁸⁰ Политическая эволюция этих деятелей представляет значительный интерес для выяснения генезиса основных буржуазно-помещичьих польских партий Галиции второй половины XIX в.

До настоящего времени в польской историографии еще существует путаница в отношении характеристики этих деятелей, прежде всего Францишка Смольки. Так, Стефан Кеневич в статье, опубликованной в 1948 г., говорит о «демократических деятелях 1848 г. во главе с Францишком Смолькой и Флорианом Земялковским».⁸¹ Если подобная характеристика дается деятельности Смольки в 1848 г., когда ее буржуазно-либеральное содержание обнаруживается со всей очевидностью, то тем более закрепилось представление о демократизме Смольки и Земялковского применительно к 30-м годам, времени их конспиративной деятельности, завершившейся в 1841 г. арестом, а в 1845 г. формальными смертными приговорами, объявленными им перед освобождением. В 1848 г. Смолька и Земялковский пользовались репутацией жертв деспотизма, национальных героев; этот ореол, очевидно, не потускнел и в глазах некоторых современных польских историков.

Смолька — типичный и виднейший представитель польского национал-либерализма в Галиции в 1848 г. — не был демократом и в 30-х годах. Он был решительным противником подготовки вооруженного восстания, антишляхетской агитации среди крестьянства. В лице Смольки галицийская шляхта имела сторонника и приверженца. Биограф Францишка Смольки, его сын Станислав, писал: «С самого начала он выделялся среди сотоварищей не только живой симпатией к польской шляхте, но и глубоким чувством уважения к ее историческим заслугам и даже определеннойнисходительностью к ее типичным недостаткам».⁸² Станислав Смолька утверждает, что с самого начала своей деятельности в тайных обществах его отец был воодушевлен «идеями мужественной борьбы на два фронта: с гнетущим жизнью абсолютизмом и несущей смерть анархией»,⁸³ подразумевая под последней демократическую революцию.

Сведения Станислава Смольки нельзя принимать безоговорочно, на веру. Убежденный консерватор — «станчик», он мог намеренно извращать облик своего отца, стремясь очистить его от черт демократизма. Однако

⁸⁰ I. Франко. Рецензия на книгу: Br. Łoziński. Agenor hr. Gołuchowski, — ЗНТШ т. XLVIII, Львів, 1902, Бібл., с. 26.

⁸¹ S. Kieńczyk. Galicja w latach 1846—1848. — «Wiosna ludów na ziemiach polskich», s. 271; на стр. 281 автор делает, впрочем, оговорку, что «в тайных обществах 30-х годов они принадлежали к «умеренному крылу» и что они были людьми, «излечившимися от конспираций». Но уже без всяких оговорок говорит Кеневич о «группе демократов Смольки» в своем докладе «Galicja w roku 1848» («Pamiętnik VII zjazdu historyków polskich», t. I, s. 273) и в статье «Sprawa włościańska w Galicji w 1848» («Przegląd historyczny». 1948, s. 77).

⁸² Dziennik Franciszka Smolki 1848—1849 w listach do żony (Wstęp — «O ojcu i jego listach» Stanisława Smolki). Kraków, 1913, s. XIV.

⁸³ Там же, s. XX.

вряд ли можно предполагать какое-либо стремление приукрасить Смольку у барона Зали, который считает его участие в тайных обществах лишь юношеской «фантазией», влиянием патриотических чувств, и заявляет, что еще до ареста, в 1838 г., Смолька «оставил навсегда революционную карьеру и решительно отвергал в дальнейшем многочисленные попытки привлечь его к участию в новых интригах».⁸⁴

Ярче всего, однако, о настроениях Смольки говорят его собственные слова. 18 августа 1848 г. Смолька выступил с речью в венском парламенте, стремясь защитить галицийскую шляхту, против которой накануне произнес пламенную обвинительную речь крестьянин Иван Капушак. В своей речи Смолька не останавливался перед полным извращением истории отмены барщины в Галиции, стремясь приписать шляхте несуществующие заслуги в этом вопросе. Не следует думать, что, выступая с такой речью, недавний «демократ-конспиратор» кривил душой. В тот же день он писал жене: «Сегодня, моя дорогая, годовщина нашей свадьбы, день для меня тем более радостный, что как раз сегодня мне удалось весьма успешно выступить в защиту галицийских граждан [obywateli — т. е. помещиков. — И. М.]»⁸⁵ Очевидно Станислав Смолька не клеветал на своего отца, когда утверждал, что еще с юности он проникся симпатиями к шляхте.

Целью руководимого Смолькой направления было восстановление независимости Польши. Это привело представителей этого направления в тайные общества, это было основой объединения их на некоторое время с демократами под общими знаменами демократизма, это нивелировало в определенной мере всех участников тайных обществ в глазах австрийских властей.

Однако сосуществование демократов и либералов в общей организации не могло быть долговечным. Либералы отвергали радикальное решение социальных вопросов. После того как руководство в Объединении польского народа перешло в 1836 г. к Смольке и его единомышленникам, в этом обществе возник острый конфликт. Он завершился в 1837 г. тем, что радикально-демократические элементы создали новые тайные общества — Конфедерацию, Молодую Сарматию и ее филиал союз «Сыны родины». В эти организации вошла значительная часть членов Объединения польского народа. Либералы постепенно отходят от движения, которое все более приближается к народу: помимо агитации среди крестьянства развертывается агитация и среди солдат. Процесс размежевания либералов и демократов не был завершён в эти годы, он был нарушен волной арестов, прошедшей в 1839—1841 гг. Были разгромлены почти все тайные общества.

Некоторые руководители обществ, среди них основатель Объединения — поэт Северин Гощинский, эмигрировали; некоторые из активных участников движения поплатились жизнью: покончили самоубийством Игнатий Кульчинский, Адольф Давид, Коткевич; многие на долгие годы попали в мрачные австрийские застенки: Ценглевич⁸⁶ был осужден на 20-летнее заключение в Куфштейне, Мариновский — на 12 лет, Юлиан Горошкевич — на 6 и т. д.

⁸⁴ M. S a l a, S. 82. — Разрядка автора.

⁸⁵ Fr. S m o l k a. Dziennik, s. 16.

⁸⁶ О деятельности Ценглевича см.: I. Ф р а н к о. Шевченко героем польской революционной легенды. — «Житє і слово», т. I, Львів, 1894, стр. 378—402; З а н е в и ч, стр. 56—79; W. C w i k [псевдоним Холодецкого]. Aleksander Morgenbesser. Życiorys na podstawie zapisków autobiograficznych, dokumentów, listów, notatek i podań rodzinnych. Czerniowce, 1893, s. 40—45.

Движение, однако, далеко не было подавлено. Его руководящие центры теперь находились за пределами Галиции — в Кракове, в Познанском великом княжестве.

Среди руководителей движения в начале 40-х годов особенно выделялся страстный, энергичный, беззаветно преданный идее демократической революции Эдвард Дембовский. Ему были близки идеалы утопических социалистов,⁸⁷ но, в отличие от утопистов, Дембовский сочетал мечту о социалистическом обществе с неутомимой, напряженной революционной деятельностью. Дембовский требовал отказа от каких-либо попыток вести пропаганду среди помещиков, максимально развивая революционную агитацию среди крестьянства.

В 1843—1845 гг. агитация приняла особенно широкий характер. Как свидетельствует один из современников — Богданский, «в западной части Галиции и горах крестьян подстрекали к настоящему мятежу против шляхты, представляя им перспективу возможности освобождения от ее власти, а вместе с тем и от зависимости и барщины, хотя бы насилем, и овладения помещичьими землями».⁸⁸ Тон агитации передает также воззвание, распространявшееся в Жешовском округе одним из наиболее радикальных демократических деятелей, учеником Дембовского — Юлианом Госляром: «Паны никогда не отменят барщины, не отменит ее также и император. Разве может немца, сидящего в Вене, занимать судьба польского крестьянина? Помощь может притти только от бога. Но бог — не рыцарь, который бы сражался с вашими врагами, не адвокат, который бы защищал ваше дело перед судом, не ваш слуга, который бы вытирал пот с вашего чела. Бог дал вам руки и сталь, чтобы вы сами были своими рыцарями, дал вам разум, чтобы сами защищали свое дело. . . Да, дорогие братья, только вы сами можете освободить себя от зависимости. Бог благословит вас с неба, если освободитесь. Вас так много, что если бы каждый бросил камень в тех, кто вас угнетает, на трупах ваших врагов выросли бы горы».⁸⁹

Надо заметить при этом, что и само крестьянство особенно охотно воспринимало наиболее радикальные лозунги. В Краковской республике, где положение крестьянства в общем было относительно лучшим, чем в Галиции (свобода перехода, частичное очиншевание и т. п.), крестьяне обратились к комиссии держав-«опекунов» с петицией, заканчивавшейся словами: «Мы просим передать нам за чинш фольварочные (dworskie) земли, иначе мы готовы обратиться к средствам, которые могли бы нарушить общественное спокойствие». В могильском и кшешовицком districts республике крестьяне требовали освобождения от барщины, а крестьяне цистерианского имения в Могиле требовали передачи им фольварочных земель.⁹⁰

В канун революционных событий 1846 г. размежевание между демократами и либералами принимало все более отчетливые формы. Ярким проявлением этого размежевания является следующий эпизод: Эдвард Дембовский, находясь во Львове, обратился к вышедшему в 1845 г. на свободу

⁸⁷ Дембовский заявлял: «Свобода может быть лишь там, где нет собственности». См. М. S t e c k a. Edward Dembowski. — «Przegląd historyczny», 1911, s. 56.

⁸⁸ Цит. по книге: A l. S w i e t o c h o w s k i. Historia chłopów polskich, s. 284.

⁸⁹ M. S a l a, s. 127, 339—349 (текст).

⁹⁰ W. K o p f f. Wspomnienia z ostatnich lat Rzeczypospolitej krakowskiej («Biblioteka krakowska», № 31), Kraków, 1906, s. 70. См. также А. G r a b o w s k i. Wspomnienia, t. I. («Biblioteka krakowska», № 40). Kraków, 1909, s. 137.

Смольке с предложением взять на себя руководство восстанием, подготавливаемым в Восточной Галиции. Смолька решительно отказался; более того, он заявил, что готов принять руководство, но лишь для того, чтобы всеми силами препятствовать возникновению восстания.⁹¹

События 1846 г. полностью завершили размежевание между революционно-демократическими элементами и попутчиками-либералами как в Демократическом обществе в эмиграции, так и в самой стране; отношение к этим событиям стало пробным камнем для проверки идейно-политической позиции всех, кто ранее по разным соображениям, с разными целями собирался под знаменами польской демократии.

Необходимо заметить, что деятельность национал-либералов в эпоху, предшествующую 1848 г., была весьма незначительна; течение это кажется очень слабым, во всяком случае намного уступающим по своим силам буржуазно-демократическому. Это объяснялось двумя основными причинами: во-первых, в условиях строгого полицейского режима, перед лицом, казалось, могучего абсолютизма, лишь немногие либералы решались на сколько-нибудь явное проявление своих стремлений, на самую робкую оппозицию; таким образом, численность активно действовавших либералов была несравнимо меньшей, чем численность их потенциальных единомышленников, притаившихся в страхе перед правительственными репрессиями; во-вторых, национал-либералы 30—40-х годов были за немногими исключениями представителями сравнительно немногочисленной и еще слабой политически польской буржуазии, а чаще буржуазной интеллигенции; контакт с либеральными помещиками, который определил политическое значение и силы национал-либерального течения, они установили лишь в 1848 г.

3. Помещичьи планы крестьянской реформы в Галиции в 1842—1845 гг.

Кризис, переживаемый крепостническим хозяйством, и нарастание угрозы крестьянского восстания в Галиции поставили вопрос о неизбежности крестьянской реформы и перед самими галицийскими помещиками.

Обсуждение этого вопроса в печати было по существу невозможно, к тому же выдвигаемые проекты носили отнюдь не теоретический, абстрактный, а непосредственно прикладной характер. Поэтому эти проекты адресовались галицийскому сословному сейму, который стал в начале 40-х годов главной трибуной для провозглашения различных вариантов помещичьего решения аграрного вопроса.

Сословный сейм был учрежден в Галиции в 1775 г. патентом императрицы Марии-Терезии. Деятельность его, начавшаяся в 1782 г., была крайне незначительна, а вскоре и совсем прекратилась. В 1817 г. сейм был восстановлен и с этого времени более или менее регулярно созывался каждый год до 1845 г. включительно. В сейме были представлены 4 сословия: 1) духовенство — в сейме *ex officio* заседали католические и униат-

⁹¹ К. W i d m a n n. Franciszek Smolka, jego życie i zawód publiczny. Od roku 1810 do 1849. Lwów. 1886, s. 103. См. также S t e c k a. Edward Dembowski. — «Przegląd historyczny», 1911, s. 191. Дата этой встречи неизвестна; может быть, к ней относится незаконченная строка в дневнике Смольки за 1846 г., где, записав сообщение о вероятной гибели Дембовского, Смолька вписал: «Был 8 февраля . . .» и оборвал фразу, оставив в рукописи пробел (Fr. S m o l k a. Dziennik, s. 260).

ские архиепископы, епископы и ректор Львовского университета, а также депутаты, избранные капитулами; 2) магнаты — князья, графы и бароны, большинство из которых получило титулы от австрийского правительства; депутатские кресла в этом сословии переходили по наследству; 3) шляхта, представительство которой ограничивалось весьма высоким цензом — уплатой 75 рейнских гульденов (300 польских золотых) поземельного налога в год; 4) города, представительство которых было почти символическим — в сейме заседали 2 депутата от города Львова. Функции этого так наз. «постулатового» сейма были определены в соответствии с общим абсолютистским характером государства: сейм был призван обсуждать только как наилучшим образом исполнять повеления (постулаты) монарха; ни рассмотрения их по существу, ни каких-либо поправок сейм производить не мог. Единственной формой проявления инициативы, которая была разрешена сейму, было обращение к монарху с адресами, выражающими пожелания сословий. Францишек Смолька в своей речи в венском парламенте 18 августа 1848 г. дал удачную характеристику бессилия (но не стремлений!) сословного сейма, сказав, что его функцией было «просить о том, чего краю никогда не давали, и благодарить за то, что краю давали, но о чем он не просил и что ему никак не могло быть полезно». ⁹² Это средневековое сословное представительство было анахронизмом в абсолютистском государстве, а тем более в эпоху, когда сам абсолютизм уже стал анахронизмом.

Подстать этому отжившему учреждению, в котором были представлены лишь различные прослойки одного и того же господствующего феодального класса, были и те проекты крестьянской реформы, которые в нем зародились.

Галицийский сословный сейм нашел своего историка в Брониславе Лозинском, опубликовавшем серию очерков о деятельности сейма, вошедшую в его книгу «Szkice z historii Galicji w XIX wieku». В этих очерках Лозинский касается между прочим и вопроса о проектах крестьянской реформы. Научное значение очерков Лозинского весьма невелико. Как указывает Вацлав Токаж, автор предисловия к его книге, написанного во вполне благожелательном в отношении Лозинского тоне, одной из целей, которую имел в виду Лозинский, занимаясь изучением истории сословного сейма, было подтвердить, что «от польской шляхты исходила прогрессивная инициатива ликвидации барщинных отношений и что, следовательно, на нее не ложится бремя ответственности за события 1846 г.» ⁹³ Подчиняя материал этой неблагодарной задаче, Лозинский не останавливался ни перед какими натяжками, давая столь тенденциозное и искаженное изображение вопроса, что Франко с полным основанием указал в одной из своих рецензий на очерки Лозинского: «Такая историография лучше всего свидетельствует, что вопрос о барщине и связанных с ней отношениях между крестьянством и шляхтой для польского историографа до сих пор еще не перестал быть чувствителен, не перестал будоражить его страсти. А в таком случае не лучше ли было б не касаться его?» ⁹⁴

Для нас в очерках Лозинского представляет интерес лишь приводимый им в обширных извлечениях недоступный для нас документальный материал.

⁹² Fr. Smolka. Dziennik, s. 296.

⁹³ Br. Łoziński. Szkice. Przedmowa prof. dra Waława Tokarza, s. XIV.

⁹⁴ I. Франко — рецензия на: Br. Łoziński. Z teki Maurycego Kraińskiego. — ЗНТШ, т. L, Львів, 1902, Бібл., стр. 41. См. также другие рецензии Франко на работы Лозинского в XLVIII, LI, LXXV томах ЗНТШ.

Тот же материал исследует и цитирует в своей книге Терлецкий-Заневич. Естественно, что выводы, к которым приходит представитель украинской буржуазной историографии, весьма отличаются от выводов панегириста польского помещичьего сейма.⁹⁵

Первым выступлением с проектом реформы крестьянских отношений был мемориал, представленный 2 апреля 1842 г. графом Казимиром Красицким в сословный отдел (*Wydział stanowy*) — постоянно действующий выборный орган сословного сейма. Граф Казимир Красицкий, один из наиболее влиятельных магнатов, был впоследствии в течение многих лет председателем земского кредитного общества. Его мемориал отражал интересы и настроения определенных кругов крупных помещиков. Он весьма любопытен по своему подходу к вопросу и методам аргументации, что, на наш взгляд, оправдывает приведение в дальнейшем значительных цитат из него.⁹⁶

В начале своего мемориала Красицкий констатирует факт отсталости Галиции, несмотря на хорошие природные условия, по сравнению как с другими провинциями Австрии, так и со всем цивилизованным миром. Своей задачей он считает выяснение причин этой отсталости и установление путей ее преодоления.

«Главнейшим препятствием, которое мы встречаем в нашем хозяйстве, — заявляет Красицкий, — является, несомненно, отсутствие рабочих рук (*brak robotnika*). Это происходит не от недостатка населения, так как большая часть нашей земли, особенно западные округа, имеет вполне достаточное население. Но наш мужичок (*chłopek*) не видит нужды работать больше, чем это вызывается насущной необходимостью и повинностями. Это происходит по природе вещей, так как крестьянин не имеет никакой собственности, не может ее приобрести, а с другой стороны, имеет очень мало жизненных потребностей; будучи же по природе склонным к лени, он больше всего заботится об удовлетворении этой последней».

О подобного рода клевете на польского крестьянина нам приходилось говорить и прежде, и не было бы нужды приводить еще одно измышление, если бы с ним не был связан следующий любопытный «исторический» экскурс:

«Это положение вещей берет начало издавна, от первоначального патриархального образа жизни славян, унаследованного поляками, когда помещик, как отец своих мужичков (*kmiotków*), помогал нуждающимся, но также и наказывал порочных, поскольку от благосостояния подданных зависело и благосостояние помещика. Эти в первоначальные времена весьма похвальные отношения со временем из-за злоупотреблений должны были

⁹⁵ Важнейшим из источников, цитируемых обоими названными историками, является свод документов, составленный Мавр. Краинским (рукопись Оссолинеума № 2945). В 1948 г. Стефан Инглот издал «*Maurowego Krainkiego Regesty materiałów do historii zniesienia stosunku poddańczego w Galicji*». (Archiwum Komisji Historycznej PAU, ser. 2, t. IV, № 1. Kraków, 1948). Для настоящей работы мы смогли использовать это издание лишь отчасти, так как ознакомиться с ним нам удалось, когда статья уже находилась в печати. К сожалению, Инглот опубликовал лишь комментарий Краинского, документы же, составляющие основную ценность этого собрания, остаются неизданными.

⁹⁶ Мемориал Красицкого является первым документом в упомянутом своде Краинского. Текст выдержек, приводимых из него Лозинским и Заневичем, не имеет существенных расхождений. Перевод сделан нами в основном по Лозинскому, воспроизводящему текст польского оригинала. См.: Br. Łozinski. Epilog Stanów galicyjskich (I). Ostatnie sesje sejmu stanowego. — Szkice, s. 43—47; Заневич, стр. 128—137.

измениться. Земская администрация (rządy krajowe), желая положить предел злоупотреблениям, разделила с помещиком опеку над крестьянами. Но этим самым была разрушена основа патриархального общества. Вмешательство в семейные дела третьего лица не всегда приводит к желательным результатам. Исчезло неограниченное доверие и верность мужичка помещику; помощь, которую ранее он принимал от пана с благодарностью, теперь уже вымогает и, полагаясь на нее, пренебрегает хозяйством, не думает о завтрашнем дне, транжирит, что имеет, живя в каком-то иступлении упрямого и испорченного ребенка».

Итак в существовавшие некогда патриархальные идиллические отношения между отцом-помещиком и детьми-мужичками вторглась, воспользовавшись какими-то злоупотреблениями, третья сила — австрийское правительство со своим бюрократическим аппаратом. Следует учесть, что мемориал Красицкого в конечном счете был адресован этой третьей силе, и автор, несомненно, подбирал наиболее деликатные формы для выражения своей мысли, сводившейся к тому, что именно вмешательство австрийских властей, «развративших» крестьян, — а не древние, неизвестно чьи (уже не самих ли крестьян?) злоупотребления, — является причиной всех бед. Мы уже видели пример таких «исторических» доказательств у Калинки, объявившего барщину следствием иозефинских реформ. Что не смутило историка Калинку, тем более было приемлемо для графа Красицкого.

Отведя таким образом от помещиков упрек, что они виновники отсталости Галиции (несомненно, что возможность такого упрека была ясна автору мемориала), Красицкий вновь обращается к основному интересующему его вопросу — как восполнить недостаток рабочих рук или (в интерпретации Красицкого) как заставить крестьян идти в батраки к помещику?

Беда оказывается в том, что крестьянин настолько пауперизован, настолько нищ, что его нельзя ничем испугать, его нечего лишать.

«Уже время признать этого ребенка [т. е. крестьянина. — И. М.] совершеннолетним и отдать ему управление имуществом и указать начальное направление действий, следя, однако, за его поведением, наблюдая за добросовестным исполнением обязанностей по отношению к властям [zwierzchności — термин, подразумевающий прежде всего помещиков. — И. М.] и обществу, всецело поставив его в условия имущественной ответственности за свое поведение. Имущество нынешнего сельского хозяина заключается в пожизненном пользовании панской, по существу, земель. Но что из того, когда эта так наз. рустикальная земля никому не принадлежит, является мертвой вещью, не имеющей никакой реальной цены, так как то, что не может быть продано, заложено и подарено, не имеет никакой реальной цены. Крестьянин отвечает за долги, подати, свои повинности только своим движимым имуществом;⁹⁷ поэтому старается иметь как можно меньше этого движимого имущества и, если имеет какое-либо, то прячет его, чтоб никто о нем не узнал».

Оставив на совести автора объяснение того, почему крестьянин имеет мало движимого имущества, и следующие за этим фарисейские lamentации о несчастной доле крестьянских детей, которые не наследуют никакого имущества, обратим внимание, что для графа Красицкого реальную цену

⁹⁷ Следует иметь в виду, что австрийское законодательство (декрет от 24 мая 1826 г.) рассматривало крестьянское тягло, инвентарь, посевной материал и т. п. как неотчуждаемую отдельно часть крестьянской недвижимости.

имеет лишь то, что может быть продано, заложено, подарено, т. е. собственность в полном, б у р ж у а з н о м смысле этого слова. Это уже совершенно новая система взглядов на собственность. Неудивительно, что она сочетается со стремлением к новым методам эксплуатации.

«Это зло можно было бы пресечь, придав табулярное значение (wartość) рустикальным землям, т. е. пусть крестьянин будет вправе землю, на которой сидит, с тяготеющими на ней повинностями и обязанностями, дарить, продавать, заложить, взять под нее займы, только не делить, причем надлежит учредить в каждом имении (dominium) или гминном округе земельные книги. Этим способом можно было бы получить ипотеку на подати, повинности, долги и т. д. В случае невыполнения обязательств плохого хозяина не отстраняли бы от земли вместе с невинными детьми, но продавали бы землю с торгов, не давая ее чужому человеку,⁹⁸ который бы пришел к владению ею без всякого старания, не умел бы ее ценить и по большей части считал бы ее скорее бременем, чем благодеянием и средством создания имущества. Кредитор был бы успокоен, дети не были бы полностью лишены имущества, [т. е. получили бы разницу, оставшуюся после уплаты «долгов» помещику.—И. М.], а приобретший землю всеми силами старался бы удержаться на ней».

Эффектный «филантропический» акт — предоставление крестьянам в собственности «панской, по существу» (как мимоходом определил Красицкий) земли — разрешал столь беспокоящую магната-«реформатора» проблему.

Посредством небольшой оговорки — крестьянин мог разориться, остаться вовсе без земли, опутать себя и свою землю долгами, но только не делить ее! — гарантировалось появление значительной массы полностью обезземеленного крестьянства, тех рабочих рук, отсутствие которых становилось тормозом развития крупного помещичьего хозяйства. Красицкий подчеркивает, что это было бы выгодно не только помещикам: «не было бы недостатка в рабочих руках и каждый хозяин мог бы довести до совершенства свое хозяйство и продукцию. Всякие фабрики имели бы гораздо более легкий доступ в наш край».

Все это, разумеется, густо сдобрено филантропической патокой; предлагаемая реформа изображается благодеянием для крестьян, — ведь именно об их благе, а ни о чем ином, печется прежде всего граф Красицкий.

Значение предложенной реформы не исчерпывалось, однако, разрешением проблемы рабочих рук. Она давала помещику то средство воздействия, отсутствие которого печалило Красицкого — у крестьянина теперь было бы что отбирать «в случае невыполнения им обязательств», т. е. прежде всего барщины. Напомним читателю, что о барщине Красицкий не сказал ни слова, и не следует думать, что мы в нашем изложении просто еще не дошли до этого вопроса. Нет, указанным мероприятием — передачей крестьянам «почти полного» права собственности на ту землю, которой они владеют — и ограничивается реформаторская программа Красицкого. Обеспечивая себе необходимую рабочую силу, граф Красицкий отнюдь не торопится расставаться с уже неудовлетворяющим его полностью, но все еще дорогим его помещичьему сердцу и интересам барщинным трудом. В его руках оказывается средство, которого лишили польских помещиков иезуитские реформы и которым, применив его на новый лад, Красицкий хочет обновить заржавевший механизм крепостнической эксплуатации — угроза лишения крестьянина земли за невыполнение повинностей.

⁹⁸ В обоих случаях разрядка моя. — И. М.

Красицкий не хочет упускать и иных выгод, которые могут проистечь из задуманного им «благodeяния». Он боится конкуренции ростовщиков и того, как бы вероятная пожива ростовщического характера не прошла мимо рук помещиков:

«В случае, если бы земельная собственность давала определенную ипотеку, то каждый помещик мог бы предназначить определенный капитал для частичной помощи подданным, давая им ссуды под установленные проценты с выплатой в рассрочку. Это был бы вид кредитного учреждения для крестьян и сберегательной кассы для дворовых и не имеющих земли, которые, в надежде приобретения какой-либо собственности, могли бы сдавать туда же на проценты сбереженную часть заработка. Отсюда проистекли бы неисчислимыe добрые последствия для всех».

Однако и эти радужные перспективы еще не исчерпывают тех выгод, которые сулил помещикам проект Красицкого. Недаром автор вполне резонно предусматривает возможность того, что крестьянину придется не только закладывать или обременять долгами свою землю, но и продавать. И здесь, слишком поспешно выдав свою затаенную мысль словами о том, что землю эту не следует давать «чужому человеку» (а кто же ближе мужичку, чем его отец-помещик?), Красицкий пытается, без особого, впрочем, старания и искусства, сделать мину незаинтересованности, беспристрастия:

«Упрек, что в этом случае помещики, пользуясь возможностью покупки рустикальных земель, начали бы их приобретать, не может иметь места, так как и уже существующие доминикальные земли не могут быть в достаточной мере обработаны (*urgrawiane*) из-за недостатка рабочих рук».

Заневич, который принимает всерьез это заявление Красицкого, объясняет эту незаинтересованность в увеличении земель тем, что помещики «награбили столько земли, что были уже совсем сыты и даже не могли ее обработать и использовать».⁹⁹ Не приходится, однако, сомневаться в том, что в случае реализации проекта Красицкого, открывавшего широкие перспективы для разрешения тревожившей помещиков проблемы рабочих рук, аппетита помещиков не ограничились бы уже награбленными землями. Напротив, округление помещичьих земель прогрессировало бы удвоенными темпами и притом без каких-либо докучных юридических помех. Ведь помещики не испытывали бы недостатка в наличных деньгах, они не лишались и барщины, — более того, барщина одновременно становилась главным рычагом, посредством которого крестьяне выбрасывались бы со своей земли. Заневич явно недооценил стройность и целеустремленность проекта графа Красицкого.

Итак, превращение крестьянина в «собственника» должно было стать средством создания массовой армии безземельных крестьян — крепостных коморников или наемных сельскохозяйственных рабочих, у которых не было бы возможности «транжирить бесполезно время и силы в безделье» и которые обеспечили бы не только восполнение ощущавшегося помещичьими хозяйствами недостатка рабочей силы, но и обработку земель, вновь приобретенных помещиками у разорившихся крестьян-«собственников». При этом применение новых, капиталистических методов эксплуатации должно было сочетаться с усилением (по крайней мере в интересах скорейшего обезземеливания зависимого крестьянства) старых, барщинных. Таков этот поистине оригинальный вариант прусского пути развития капи-

⁹⁹ Заневич, стр. 130.

тализма в сельском хозяйстве. Неудивительно, что проект графа Красицкого вызывал такое неподдельное умиление у верного наследника помещичьих традиций, каким был пан Бронислав Лозинский, даже несмотря на то, что помещики отнюдь не имели оснований быть в претензии на ту крестьянскую реформу, которая была осуществлена в действительности в 1848 г.

Мы были бы неправы, если бы ограничились освещением лишь этой стороны предложенной Красицким реформы. Всякое благодеяние предполагает и определенное вознаграждение, и, «облагодетельствовав» крестьян, Красицкий не оставил без внимания и помещиков.

Первым возмещением, которое должны были получить помещики, было освобождение их от крестьянских сервитутов. При этом те сервитуты, на которые крестьяне имели документально подтвержденные права, должны были быть отменены за вознаграждение, остальные же просто аннулированы. Речь идет здесь, уверяет Красицкий, о простом восстановлении справедливости; сервитуты в большинстве своем возникли «благодаря добродушию или небрежности владельца, либо благодаря подкупности и недобросовестности его заместителя». Мы не беремся судить, Красицкому ли принадлежит приоритет создания этой версии «истории» сервитутов, отметим лишь, что к ней не раз обращались помещичьи «реформаторы» в последующие годы, стремясь представить экспроприированные помещиком крестьянские общинные земли его исконной собственностью, а сервитуты, т. е. остатки прав крестьян на пользование этими землями, — филантропическим «даром» помещика или самочинным «захватом» крестьян.

Дело, однако, не в аргументации. Красицкий, поставив вопрос о сервитутах, нащупал тот пункт в крестьянском вопросе, который стал одной из важнейших позиций, облегчавших закабаление крестьянства уже в пореформенные времена. Отошла в прошлое барщина, формула «ліса і пасовиски» продолжала звучать выражением того наследия барщинных, феодальных отношений, которое попрежнему тяготело над галицийским крестьянством.

Красицкий сознавал, сколь животрепещущего вопроса он коснулся. Он понимал, что крестьяне не примирятся с лишением сервитутов, подрывающим и без того нищее их хозяйство. Это показывает оговорка, что предлагаемая реформа «не принесет пользы, если не будет сочетаться со средствами принуждения».

И это еще не исчерпывает проекта Красицкого.

«Обратим теперь внимание на всякие виды ответственности, тяготеющие на землевладельце. Помимо обязанности поддержания благосостояния своей общины, он ответственен еще за выполнение ею податей, за порядок и местную полицию, за назначение и представление рекрутов и т. д. Кто из нас не страдал уже из-за неумения, лености или недобросовестности своего мандатария? При этом крестьянин, издавна привыкший исполнять свои повинности и обязанности только в пользу пана, остается по сие время в убеждении, что все существующие обязанности придуманы паном и имеют целью его корысть. Далее обязанность содержать полицию, разыскивать преступников, бродяг, а в случае обнаружения какого-либо проступка — определять наказания в первой инстанции или передавать дело в высшие суды — все это возбуждает ненависть в темном народе и чрезвычайно часто влечет за собой месть. Отсюда столь частые в нашем крае пожары... Я полагаю, что нам было бы целесообразно избавиться от этого огромного

бремени, сохраняя за собой патримониальную власть (*zwierzchność*), пока наш народ, благодаря дальнейшему физическому и моральному совершенствованию, не дойдет до того уровня, что будет в состоянии полностью исполнять свои обязанности».

Приведенная цитата представляет значительный интерес в нескольких отношениях.

Во-первых, она отражает общее для весьма широких помещичьих кругов стремление избавиться от ряда административных, полицейских и т. п. функций, которые были возложены на помещиков австрийскими властями и влекли за собой определенные расходы. Не принося никаких выгод и не входя сколько-нибудь значительно в круг помещичьих интересов, эти функции вместе с тем способствовали еще большему обострению классового антагонизма между помещиками и крестьянством. Помещики хотели добиться, чтобы австрийское абсолютистское государство приняло на себя по праву принадлежащую ему «долю» крестьянской ненависти, вполне основательно полагая, что для них ее останется также немало. Это было стремление разрушить тщательно поддерживаемую австрийскими властями фикцию надклассовости абсолютистского государства, заставить это государство не только по существу, но и по форме полностью выступать в качестве полицейской силы на службе помещичьего класса.

Надо заметить при этом, что австрийское государство действительно использовало (о чем нам подробнее придется говорить в дальнейшем) классовый антагонизм для того, чтобы держать в узде внушавшие ему опасение антиавстрийски, национально настроенные элементы среди польских помещиков. Однако не эти элементы определяли политическую физиономию галицийских помещиков, большинство которых не отваживалось даже на такую безбидную фронтду, какой были, например, вышеприведенные строки мемориала Красицкого. И это неудивительно, так как в целом австрийская государственная машина была подчинена интересам феодальных классов империи.

Во-вторых, приведенный отрывок свидетельствует о том, что, отказываясь от различных «несвойственных» частным лицам государственных функций, помещики отнюдь были не прочь оставить за собой на неопределенно долгий срок патримониальную власть, т. е. те права вотчинной юрисдикции, а следовательно, и «охраны порядка», полиции и т. п., которые могли составить для них непосредственный интерес и выгоду. Это стремление сохранить отжившие феодальные институты характерно, как мы видели, для всего проекта Красицкого.

Наконец, особенный интерес вызывают сетования автора на ненависть «темного народа». Она не в меньшей мере, чем хозяйственные интересы помещиков, побуждала графа Красицкого взяться за перо. Боязнь опоздать с реформой «сверху» перед лицом надвигающейся революции «снизу» дышат заключительные строки мемориала:

«Задача просвещенных людей отнюдь не заключается в том, чтобы задерживать естественный ход развития, но (что важнее) в том, чтобы придать ему такое направление, в котором оно могло бы следовать спокойным потоком. Полые воды, наткнувшись в своем беге на препятствие, прорывают его или меняют русло. Поэтому надлежит соответствующими мерами предохранить себя от всякого непоправимого ущерба и заставить разбушевавшуюся стихию, чтобы она достигала цели, к которой стремится, не разрушая своего русла. Уже время нам последовать по пути наших отцов, поставивших целью освобождение сельского сословия[?] Пусть же эта прекрасная

мысль осуществится благодаря нам, почитающимся в глазах ослепленных людей угнетателями народа, наибольшим препятствием в улучшении его положения. Повергая к стопам его величества покорнейшую просьбу о разрешении действовать в этом духе, мы остаемся в счастливым убеждении, что удовлетворили требованиям человечности, предлагая способ и определенную гарантию для осчастливления и образования наших собратьев».

Какой убогой фальсификацией предстает перед нами в свете приводимых им самим документов утверждение Лозинского, что «не было даже видимости, что это предложение исходило не от доброй воли и чистых побуждений, но лишь под давлением отношений — накануне бури и катастрофы 1846 года, в которой идея отмены барщины сыграла столь фатальную роль».¹⁰⁰

Граф Красицкий в своем мемориале, несомненно, более честен, по крайней мере, более откровенен и бесхитроуен, чем его усердный панегирист.

Страх перед «разбушевавшейся стихией» еще не принял вместе с тем в этом мемориале тех панических форм, каких он достиг у галицийских помещиков несколько лет спустя. Красицкий еще считает возможным осуществить реформу без отмены барщины. Ограничивая рамки намечаемой реформы, он получает возможность сделать эффектный жест, который оказывается не под силу иным из его последователей, — выдвинутый им план «облагодетельствования» крестьян не предусматривает какого-либо выкупа за передаваемую крестьянам «панскую» землю.

Необходимо отметить, что выступление Красицкого было также в определенной мере ответом на демократические планы крестьянской реформы и на всю деятельность демократов в эмиграции и в самой Галиции. Об этом свидетельствует упоминание этим оскорбленным «гуманистом» об «ослепленных людях», в глазах которых Красицкий и ему подобные почитаются угнетателями народа.

Так, кризис феодальной системы, обострение классовых антагонизмов и деятельность польской демократии вызвали к жизни первый помещичий проект крестьянской реформы в Галиции.

Этот проект, однако, уже при самом своем появлении оказался мертворожденным. Порочность самой идеи — попытаться произвести какую-либо перестройку аграрных отношений, не касаясь основного, наиболее животрепещущего вопроса о барщине, — была, очевидно, понята и самими инициаторами проекта.

В составленных значительно позднее примечаниях к мемориалу Красицкий писал: «Здесь в конечном счете речь определенно шла об отмене барщинных отношений, а следовательно, и всяких из этих отношений вытекающих взаимных обязанностей, а также и всяких земельных повинностей. Но так как в те времена абсолютистского режима и устарелых предрассудков нельзя было сразу приступить к конечной цели, поэтому ясно указывались подготовительные средства».¹⁰¹ Не говоря уже о цене оправданий «сдержанности» мемориала, все его содержание ясно свидетельствует, что Красицкий к «конечной цели», т. е. отмене барщины, отнюдь не стремился. Эти примечания представляют собой попытку этого неудачливого реформатора изобразить все последующие выступления по крестьянскому вопросу близких ему кругов лишь как развитие его мемориала, доказать свой приоритет в постановке этого вопроса. Нет сомнения, что

¹⁰⁰ B r. Ł o z i ń s k i. Szkice, s. 48.

¹⁰¹ Tamże, s. 48—49.

в этом ретроспективном выступлении Красицкого мы имеем дело с сознательным стремлением исказить смысл мемориала 1842 г. и обстоятельств его обсуждения.

Обстоятельства же были таковы. Во время сессии сейма, происходившей с 19 по 27 сентября 1842 г., у референта сословного отдела и вице-маршалка сейма Тадеуша Василевского было создано частное совещание группы депутатов сейма, на котором были обсуждены мемориал Красицкого и краткая записка Юзефа Левицкого по крестьянскому вопросу. Очевидно, именно на этом совещании, о мнении которого Красицкий в своих примечаниях говорит весьма туманно, мемориал был подвергнут критике, так как вскоре — 17 октября 1842 г. — мемориал был сдан Василевским в архив с резолюцией, в которой упоминалось, что «вопросы в этом представлении рассматриваются в совокупности, в литературном (*konwersacyjnym*) тоне, без более точного указания средств для достижения намеченной цели, вследствие чего оно не может быть предметом специального обсуждения».¹⁰² Таким образом, на совещании у Василевского мемориал был отвергнут, однако было решено поставить вопрос о крестьянской реформе на будущем сейме 1843 г. Была ли при этом намечена программа предлагаемой реформы, сказать трудно; во всяком случае, программа, выдвинутая в 1843 г. Василевским, значительно отличалась от мемориала Красицкого.

Сейм 1843 г. начал свои заседания 18 сентября. На следующий день большое число депутатов собралось по примеру прошлого года на конфиденциальное совещание, на котором Василевский выступил с предложением подвергнуть обсуждению на сейме вопрос об отмене барщины. Василевский встретил серьезную оппозицию, однако после того, как на состоявшемся 20 сентября втором заседании было обсуждено отредактированное представление, вопрос был вынесен на обсуждение сейма.

Василевский также начал свой проект¹⁰³ характеристикой состояния Галиции. Эта характеристика заслуживает внимания, так как отражает и зарождение капиталистических отношений в Галиции и втягивание в них (судя по вниманию, уделенному им Василевским) части помещиков. «Наш край может не только высоко развить сельское хозяйство, но имеет данные также и для широкого развития фабричной промышленности. В обеих отраслях внимательный читатель может заметить слабые зачатки прогресса. Строятся дороги, медленно расширяется торговля, кое-где основывается та или иная фабрика, там и сям производятся опыты ведения более рационального сельского хозяйства. Но все это идет очень медленно, несмело и слабо. Прогрессу промышленности и национального богатства препятствует нищета крестьянства».

Придя к этому вполне оправданному выводу, Василевский выясняет, в чем же причины нищеты крестьянства. Он с возмущением отбрасывает объяснение, которое, как мы видели, вполне удовлетворило Красицкого: что в нищете крестьян повинны сами крестьяне. Василевский высоко отзывается о трудолюбии и моральных качествах галицийского крестьянства. Оно, по его словам, имеет лишь те «недостатки и дурные стороны, которые в каждом народе и в каждом веке бывают следствием угнетения, приниженности и темноты».

¹⁰² Br. Lozinski, s. 48.

¹⁰³ Проект Василевского излагает (с обширными цитатами) Заневич, стр. 156—188, по рукописи «O włościanach w Galicji. Cz. 3. Plan poprawy stosunków włościańskich» (Ossol., nr. 3225). Проект этот, очевидно, значительно шире и обстоятельнее, чем те предложения, с которыми Василевский выступил официально на сейме.

С удивлением мы читаем далее у Василевского строки, словно взятые из статей членов версальской Централизации: «Кто видел, как у нас мужик издали снимает шапку перед паном, как кланяется ему в ноги, кто сравнит богатство шляхты с нищетой мужиков, кто посмотрит на управляющего в поле, подгоняющего на работе палкой старца и малолетнего, беременную женщину и кормящую мать, тот скажет, что в этом крае царит неволя и гнет».

Вывод, к которому приходит Василевский, закономерен и правилен: основным злом, определяющим плачевное положение Галиции, является барщина.

Описав, как разрушает барщина крестьянское хозяйство, Василевский указывает, что барщина невыгодна и самому помещику. Он не ценит ее, не умеет с толком применить, заводит ради того, чтобы употребить даровый крестьянский труд, убыточное винокурение и т. п.

Крестьяне могут отказаться выполнять барщину. «Несомненно, правительством стало бы тогда на стороне прав помещиков и подавило бы бунт. Но обеспечены ли были бы после подавления спокойствие и согласие? Мы имели примеры на Украине, как затушенный пожар долго тлеет в пепле и при первом дуновении ветра вспыхивает новым пламенем, как поколение передает поколению месть... Годы и поколения прошли со времен коливищины, время сравняло ее следы, но какие чувства и сейчас еще песня или одна лишь казацкая мелодия будит в нашем украинском народе?»

Василевский заключает: «Отмены барщины требует человечность, справедливость, хорошо осознанные собственные интересы и забота об общем благе и спокойствии края». Эта формулировка, очевидно, не случайно сходна с выводом, который делал годом ранее Генрик Каменский в статье, опубликованной анонимно в «Bibliotece Warszawskiej»: «Интересы человечности, требующие освобождения крестьян от неволи, общие интересы продуктивности и национального богатства, интересы землевладельцев в увеличении ценности земли одинаковы и нераздельны».¹⁰⁴ Проект Василевского создавался, вероятно, под непосредственным влиянием этой статьи, так как выдвигаемая им положительная программа аналогична в принципе программе Каменского.

Каким же образом Василевский предлагает отменить барщину? И здесь, как и в мемориале Красицкого, дело не обходится без «исторического экскурса», который должен обосновать выдвигаемую автором программу. История нужна Василевскому для того, чтобы обосновать тезис о договорном происхождении барщины. «Таким образом, — писал он в пояснение своего проекта в частном письме, — наш *titulus* на пользование ею законен, санкционирован извечным владением. Отбирать это право, нарушать владения помещиков и уменьшать их владения я не думаю. То, что я сам имею, заключается в земле и барщине, и потерять это я не хочу».¹⁰⁵

После всех мниморадикальных фраз о недостатках барщины, Василевский «доказывает», что плоха отнюдь не сама плата, которую крестьянин

¹⁰⁴ «Biblioteka Warszawska», 1842, III. Цит. по книге: B o l. L i m a n o w s k i. *Historja ruchu rewolucyjnego*, s. 24. — О большой полемике по вопросу об очиншевании, которая развернулась в прессе Королевства Польского в 1842—1846 гг., см.: A l. S w i e t o c h o w s k i. *Historja chłorow ...*, s. 392 i n.

¹⁰⁵ Письмо Василевского Ивану Федоровичу, арендатору имения Грималсв, от 23 апреля 1844 г. — З а н е в и ч, стр. 160 (по копии в рукописном собрании И. Франко).

обязан давать помещику за пользование «помещичьей» землей, а способ ее взимания в виде отработки.

Проект Василевского сочетал основную идею мемориала Красицкого — передачу крестьянам земли в собственность на «майоратных» началах — с освобождением их от барщины при условии вознаграждения помещиков в форме постоянного (*wieczystego*) чинша. Даже эту «реформу» во избежание бурных потрясений следовало производить не сразу, а постепенно, в несколько приемов освобождая от барщины по определенной группе крестьян в каждой общине.

Крестьяне должны были получить право полного выкупа единовременно или в рассрочку по договоренности с помещиком. Выкуп должен был равняться двадцатикратному чиншу. Если учесть при этом, что чинш должен был, по Василевскому, соответствовать стоимости всех крестьянских повинностей, и вспомнить, какого размера достигали эти повинности, то станет ясно, что подавляющему большинству крестьян вряд ли под силу было выкупиться даже в рассрочку.

Любопытно, что при всем этом Василевский считал свой проект гуманным и даже связанным с какими-то жертвами со стороны помещиков. В цитированном выше письме Федоровичу он писал, вскрывая попутно важнейшие мотивы своего выступления: «Помещиков может лишитъ барщины воля правительства или революция, в последнем случае без всякого, в первом, возможно, без достаточного вознаграждения. Сейчас мы еще можем о ней договориться и отказаться от нее под справедливыми условиями. Сделаем же это! Договоримся с народом, обеспечим себе будущее, хотя бы это не обошлось без жертв с нашей стороны».

Василевский был одним из наиболее видных либеральных помещиков, недаром своему проекту он предпослал введение, которое должно было в самом выгодном свете представить «прогрессивность» взглядов и намерений автора. Даже полвека спустя Франко счел нужным аттестовать его как «человека честного и прогрессивного».¹⁰⁶

Василевский не был единственным выразителем помещичьего либерализма в сословном сейме. Его проект был поддержан в выступлениях графа Владислава Стадницкого, князя Кароля Яблоновского, отчасти князя Леона Сапеги и др. Против предложения Василевского выступили князь Владислав Сангушко, граф Александр Цетнер и др.

Цетнер не ограничился выступлением в сейме. Вскоре он написал две статьи, в которых развивал целую систему возражений против замены барщины чиншем.¹⁰⁷

Цетнер возражает против каких-либо изменений существующего порядка. «Каждая обязанность для народа священна лишь постольку, поскольку ее освящает обычай». Ввести какое-либо изменение означало бы «вырвать последнюю подпору наших прав и тем самым поколебать и ослабить существующий порядок, придав массам смелости частичными уступками; латать старое строение, которое, подкопанное у основания самими же нами, может при любом потрясении обрушиться на наши головы». Выгоды для помещика перевода крестьян на чинш для Цетнера весьма

¹⁰⁶ I. Франко. Паницина, стр. 60. — Весьма высокую оценку Василевскому дает в недавно появившихся работах и Кеневич.

¹⁰⁷ Заневич (стр. 189—226) излагает и цитирует две рукописи Цетнера: «Pojedyncze zdanie dotykające w ogólności propozycji JWgo Wasilewskiego rozwiązania istniejących stosunków poddańczych w Galicji. Dnia 1 listopada 1843» (Ossol., Nr 3645) и «Poddanstwo i pańszczyzna. Podkamień 15 lutego 1845» (Ossol., Nr. 3643).

сомнительны: «Даже в трудные годы неурожая и голода крестьянин способен отработать барщину, но большой вопрос: каким способом он мог бы выплатить чинш деньгами или зерном?». Наконец, в барщине граф Цетнер обнаружил не только экономический, но и глубокий философско-педагогический смысл: помещик, выгоняя в первый же день недели мужика на барщину, побуждает этого лентяя к труду.

Цетнер в конечном счете согласен даже на то, чтобы отменить барщину, но только не немедленно, а когда-нибудь позднее, и предлагает свой проект сложнейшей выкупной операции, рассчитанной на 66 лет. Примечательной особенностью этого проекта является то, что он должен распространиться лишь на тех крестьян, кто работает на барщине не реже одного дня в неделю, все же прочие, т. е. коморники, халупники и т. д., должны и впредь оставаться барщинниками.

Однако на ближайшие времена Цетнер рекомендует не отменять существующую систему, а упорядочить ее, дав помещику право гонять плохого работника с земли и введя в целях борьбы с плохой работой на барщине учет ее не по дням, а по урокам.

Очевидно, предложения графа Цетнера были взяты из самой жизни и являлись своего рода обменом опытом между практичным помещиком и менее искусственными собратьями. Когда через 5 лет с трибуны венского сейма крестьянин из Станиславщины Иван Капушак произносил свою яркую и проникновенную речь против вознаграждения помещиков за отменяемую барщину, то одним из первых приведенных им примеров помещичьих злоупотреблений в Галиции была «образцовая», в представлении графа Цетнера, практика: «Когда мы вместо 100 дней должны были работать 300, когда мы должны были работать три, четыре дня, а то и всю неделю, а помещик считал нам это только за один день — ответьте, господа, кто должен платить возмещение — крестьянин или помещик? „Ба, — говорят, — помещик обходился с крестьянами ласково“. Правда! Но это была такая ласка, когда крестьянина, наработавшего за всю неделю, в воскресенье или праздник заковывали, запирали, чтобы на следующую неделю скорее выходил на работу. И за это помещики должны получить вознаграждение? Далее говорят: „Шляхтич гуманен.“ И это правда, ибо он поднимал дух измученного барщинника батогом».¹⁰⁸

Оппозиция проекту Василевского была весьма значительна, но дело было не только в ней, так как сейм не имел права принять сам никакого решения.

В результате была принята компромиссная резолюция: «По представлению ясновельможного пана Василевского, вице-маршалка этих королевств [т. е. Галиции и Лодомерии. — *И. М.*] и сеймового депутата, после обсуждения большинством 86 голосов против 15 решено было обратиться к его величеству с покорной просьбой, чтобы всемилостивейше разрешил сословиям избрать на будущем сейме из своего состава комиссию, задачей которой было бы: приступить к изучению взаимоотношений между землевладельцами и крестьянами в этой земле, надлежащим образом и с благоразумной осмотрительностью изучить их с целью внесения в них улучшений и изменений, представить в свое время сейму такие предложения, которые, отвечая цели и объединяя благо землевладельцев с благом крестьян, были бы тем самым согласны с общественным благом, чтобы на этой основе

¹⁰⁸ Цит. по статье: Іван Кревецький. З виборчого руху у східній Галичині в 1848 р. (Вибір Івана Капушака). — ЗНТШ, т. LXX, Львів, 1906, стр. 80—81.

сейм мог бы в дальнейшем повергнуть свои просьбы к подножию трона его величества».¹⁰⁹

Петиция эта была принята с согласия земского президента барона Франца Криг фон Хохфельден, который рекомендовал составить ее в возможно более осторожных выражениях и остеречься не только публикации, но и разговоров о ней, так как это может нарушить общественное спокойствие. Приведенный выше текст не только мог удовлетворить вкус самого придирчивого австрийского бюрократа, но и вряд ли мог бы в случае своего оглашения послужить причиной нарушения «общественного спокойствия».

Венским канцеляриям никогда не была свойственна поспешность и оперативность. И на этот раз ответ на петицию галицийского сейма последовал лишь 9 июля 1844 г. Надо сказать, однако, что этот неспешный ответ был зато не лишен известного специфически бюрократического юмора. В нем император сообщал сейму, что его отцовское попечение всегда простиралось и будет и впредь простираться на отношения между землевладельцами и крестьянами и на те улучшения в этих отношениях, которые возможно совершить «без нарушения приобретенных прав и избегая какого-либо принуждения». Император выражал свое удовольствие по поводу того, что сейм обратил внимание на этот важный предмет, однако, «поскольку решение сейма неопределенно и общо, то создание особой комиссии, задачи которой ни в смысле круга вопросов, ни в смысле направления деятельности не определены с достаточной четкостью, его величество не признает истинным средством, способным без нарушения всех заслуживающих особого внимания соображений довести этот трудный вопрос до вышеуказанного [какого? — И. М.] результата». Сейму не возбранялось, впрочем, возобновить свое ходатайство, дав ясное и четкое определение предмета занятий комиссии.¹¹⁰

Ответ был достоин обращения. Нет сомнения, что рутинное абсолютистское правительство Меттерниха было менее всего способно осуществить или содействовать осуществлению социальных реформ, особенно когда речь шла о реформе одного из устоев всего феодального режима. Однако в ответе, данном галицийскому сейму, нет ни испуга, ни раздражения, скорее насмешка. Франко расшифровывал этот ответ так: «Давайте, панове, цось виразнійше!»¹¹¹ Венские хранители феодальных институтов ясно видели, что галицийские помещики отнюдь не рвутся к скорейшим и радикальнейшим реформам, что все это замышляется «не вдруг», и если предоставить дело его «естественному» ходу, т. е. бюрократической волоките, то галицийский сейм отнюдь не будет на это в претензии.

И действительно, собравшийся в сентябре 1844 г. сейм, «проникнутый глубочайшей благодарностью в ответ на полное мудрости и доброты высочайшее постановление» (цитата из принятого сеймом адреса), принял решение, которое в основных чертах было возвращением к проекту Красицкого. Согласно этому решению вопросами, подлежащими рассмотрению предполагаемой комиссии, должны были явиться: 1) введение земельных книг, которые бы в будущем могли служить основанием для разрешения споров; 2) признание за крестьянскими землями права *dominii utilis* (немецкое — *Nutzeigentum*, польское — *własność użytkowa*, т. е. собственность ограниченная, фактическая, но не юридическая); 3) урегулирование сервитутов

¹⁰⁹ В г. *Żoziński*. *Szkice*, s. 49—50.

¹¹⁰ *M. S a l a*, S. 116.

¹¹¹ *И. Франко*. Панщина, стр. 63.

и общих владений. По этим вопросам комиссия должна была выработать проект для рассмотрения сейма и последующего представления высшим властям. Никакой речи об изменении или уменьшении крестьянских повинностей в сеймовом решении не было. Пункт о сервитутах по предложению Крига был опущен и не вошел в окончательную редакцию адреса.¹¹²

Таким образом, как признает кн. Леон Сапега, которого никак нельзя упрекнуть в чрезмерном радикализме, намеченная сеймом для изучения программа предусматривала лишь «незначительные перемены в нынешнем положении вещей». На такие перемены могли согласиться и самые яростные противники реформ, тем более что «при этом сейм был особо заинтересован в том, чтобы ему впервые был предоставлен для рассмотрения вопрос законодательного характера».

Отказ от напугавшего значительные круги помещиков проекта отмены барщины, хотя бы за выкуп, хотя бы постепенно, хотя бы с заменой ее вечным чиншем, был воспринят этими кругами с удовлетворением. Вряд ли кого может обмануть лицемерная ссылка на то, что это было необходимо, «чтобы удовлетворить императорское решение и не напугать правительство и противников этого вопроса слишком большими пожеланиями».¹¹³ Владислав Грабский имел все основания сказать о галицийском сейме, «что в нем были тенденции скрываться за спиной австрийского правительства в целях защиты собственных интересов».¹¹⁴

Самому земскому президенту было трудно что-либо возразить против вполне лояльного и резонного предложения, чтобы сейм сразу же избрал комиссию, которая могла бы начать деятельность после получения на то высочайшего разрешения. Криг дал согласие на проведение выборов комиссии. Однако противники перемен во главе с кн. Владиславом Сангушко, ободренные тактикой Вены и своим успехом в определении круга деятельности комиссии, решили сорвать выборы, завязав спор о ее форме и составе. За истечением времени сеймовых заседаний Криг перенес обсуждение вопроса на сейм 1845 г.

Разрешение на создание комиссии, которая получила официальное наименование «Комиссии для подготовительных работ в целях урегулирования книг крестьянских земельных владений», было дано 11 марта 1845 г.¹¹⁵ В состав Комиссии должны были войти избранные сеймом представители каждого из 18 галицийских округов (от каждого округа 1 член комиссии и 1 кандидат), прокуратор камеры (управления камеральными, казенными имениями) и назначенный правительством чиновник.

Уже после получения разрешения на создание комиссии, но до созыва сейма, который ее избрал (т. е. между 11 марта и 15 сентября 1845 г.), появилось новое сочинение неизвестного автора, оставшееся в рукописи.¹¹⁶ Горячо приветствуя (по мотивам, сходным со встреченными нами у Красицкого и иных помещиков-«реформаторов») предоставление крестьянам прав

¹¹² Заневич, стр. 249—255; Br. Łoziński. Szkice, s. 51—52.

¹¹³ Leon Sapieha. Wspomnienia (z lat od 1803 do 1863 r.) Kraków—Warszawa, 1912, s. 357 (письмо кн. Адаму Чарторыйскому— «O ważności i o działaniach sejmów galicyjskich», 1845).

¹¹⁴ Wł. Grabowski. Historia wsi w Polsce, s. 317.

¹¹⁵ Краинский (Regesty, s. 9) указывает иную дату — 11 мая 1845 г.

¹¹⁶ «O nadaniu poddanym praw własności użytkowej do gruntów rustykalnych niezakupnych i skutkach tego nadania» (Ossol., Nr. 2945, all. 8) — приводится в обширных извлечениях Заневичем, стр. 258—279.

użytkowej собственности, аноним аргументирует необходимость этого мероприятия и рекомендует сейму одновременно требовать освобождения от обязательства предоставлять ссуды крестьянам и отмены сервитутов, «вознаградив» крестьян за последние увольнением от второстепенных повинностей, либо некоторыми прирезками земли, либо уменьшением барщины.

Обращает внимание требование отмены декрета 1811 г., разрешавшего приобретение крестьянских земель только крестьянам. Аноним предлагает сохранить этот запрет в силе лишь для помещиков, но предоставить право скупки крестьянских земель фабрикантам, мещанам и т. п., а также разрешить как раздел крестьянских наделов, так и объединение нескольких крестьянских наделов в одних руках с обязательной в таких случаях заменой барщины чиншем.

Здесь, как и в проекте Василевского, ясно сказывается вторжение в мир феодальных отношений новых, капиталистических начал. Автор, — судя по содержанию всего сочинения помещик, — приветствует их, рассчитывая, очевидно, на то, что они помогут помещицкому хозяйству выйти из затяжного кризиса; старая феодальная денежная рента — чинш — выступает в этих условиях как этап на пути к капиталистической аренде. С появлением зачатков капиталистических отношений неразрывно связан и идущий уже процесс расслоения крестьянства, с пути которого «новый» помещик предлагает убрать тормозящие юридические рогатки.

Последний галицийский сословный сейм, сейм 1845 г., собрался в тревожной обстановке. Голод, следствие двухлетних неурожаев и наводнений, опустошал край, особенно западные округа. Сейм был принужден принять специальную петицию о выделении для помощи пострадавшим районам крупной ссуды из государственных средств. В то же время все более ширились слухи о брожении среди крестьянства, известия о нападениях в отдельных местах на шляхетские усадьбы, о предстоящем восстании.¹¹⁷

В этих условиях настроение большинства депутатов было таково, что когда Маврикий Краинский внес предложение ходатайствовать о расширении задач комиссии, поручив ей изучить средства, чтобы «повинности могли быть заменены зерновыми взносами (осуру), или денежными чиншами, или полностью выкуплены», предложение это было принято 116 голосами против 10.¹¹⁸

Мотивы, которые побуждали собранных в сейме помещиков к такому, казалось бы, непоследовательному решению, достаточно ясно раскрывает представленный императору адрес:

«Сейм ни в коей мере не хочет нарушить чью бы то ни было собственность, отнимать законно приобретенные права, возбуждать опасения и надежды, которые могли бы отрицательно отразиться на хозяйстве края и уменьшить его продуктивность, либо создать угрозу спокойствию; напротив, сословия чтут закон, но хотят устранить всё мешающее его использованию (*korzystnemu używaniu*), открыть путь добровольным соглашениям и дать возможность лучшего развития сил как землевладельцам, так и крестьянам, для подъема земского хозяйства и богатства, и отнять на будущее повод и предлог у каждого

¹¹⁷ M. Sala, S. 124; Заневич, стр. 281—287.

¹¹⁸ M. Kraiński, Regesty, s. 10; L. Sapieha. Wspomnienia, s. 358—359; Br. Łoziński, Szkice, s. 53—54. — Интересны наблюдения Стефана Кеневича в отношении изменения редакции предложения Краинского земским президентом Кригом. См. S. Kieniewicz. Sprawa włościańska w galicyjskim sejmie stanowym (1843—1845). — «Sobótka», 1948, t. 1, s. 182—184.

нарушающего спокойствие движения, сделать их невозможными.

Ограниченная слишком тесными рамками комиссия не принесет ожидаемых от нее плодов. Доказательством того, что расширение ее деятельности признается необходимым повсеместно, может служить то, каким большинством утвердили обращение с этой покорной просьбой к монарху собранные в большем чем обычно числе представители сословий, являющиеся в подавляющей массе (po największej części) землевладельцами из различных округов». ¹¹⁹

Понятно, что не перспективы «лучшего развития сил», «подъема сельского хозяйства», т. е. не экономические выгоды отмены барщины вызвали столь быстрый и крутой перелом в сознании заседавших в сейме помещиков. Эти факторы действовали в такой же мере годом или двумя ранее, когда большинство депутатов и слышать не хотело об отказе от старых методов эксплуатации крестьянства. Не экономические соображения руководили помещиками, а страх перед надвигающимся взрывом народного движения, стремление предотвратить полную катастрофу, которой грозило им это движение, заранее и наиболее выгодным для себя образом проведенными «сверху» реформами и некоторыми мероприятиями для разрежения атмосферы в наиболее пострадавших от голода округах.

Сейм избрал, наконец, злосчастную «Комиссию для подготовительных работ». В ее состав вошли: кн. Леон Сапега, кн. Владислав Сангушко, кн. Кароль Яблоновский, граф Людвик Яблоновский, граф Казимир Красицкий, три графа Стадницких, граф Станислав Александр Дзедушицкий, граф Альфред Потоцкий, граф Александр Фредро, граф Леопольд Стаженский, еще нетитулованный в ту пору будущий граф Казимир Бадени и др. Председателем комиссии был назначен генерал-губернатор Галиции эрцгерцог Фердинанд д'Эсте. Такой состав комиссии, несомненно, свидетельствовал, что сейм придавал ей первостепенное значение. Можно, вместе с тем, представить себе, какое понимание крестьянских нужд и выгод проявили бы все эти сиятельные магнаты.

Однако цвету галицийского магнатства не пришлось оставить истории памятника своих реформаторских талантов. ¹²⁰ Уже через 10 дней после избрания комиссии эрцгерцог Фердинанд д'Эсте сообщил сословному отделу, что он не предполагает созывать комиссию до получения решения по представленному сеймом императору ходатайству о расширении круга ее деятельности.

Решение это последовало 22 марта 1846 г., т. е. уже после потрясших Галицию событий, и гласило: «Что касается предложений, относящихся к комиссии для подготовительных работ в целях урегулирования книг крестьянских земельных владений, его величество отложил распоряжение на будущее, постановив при этом, чтобы эта комиссия не приступала к деятельности, пока по этому вопросу не будет издано распоряжение». ¹²¹

Так бесславно закончился первый этап «реформаторской» деятельности галицийских помещиков.

¹¹⁹ Цит. по книге: В г. Łoziński. Szkice, s. 61. — Разрядка моя. — И. М.

¹²⁰ В конце ноября 1845 г. член комиссии от Тарновского округа кн. Владислав Сангушко провел с помещиками округа несколько совещаний о способе ликвидации барщины. Выдвигались различные варианты вознаграждения помещиков, сам Сангушко отстаивал проведение реформы по прусскому образцу с передачей помещикам части крестьянских земель. — См. Sala, S. 159.

¹²¹ Цит. по книге: В г. Łoziński. Szkice, s. 55.

Смешными и жалкими выглядят сетования историографа этой деятельности — Лозинского — на то, что «именно то начинание, которым галицийский сейм после долгого и бесплодного прозябания должен был продемонстрировать свою жизненность и которым, как великой реформой, он должен был навсегда отметить себя в памяти страны и истории, окончилось ничем, не было даже доведено до такой подготовительной фазы, чтобы потом, когда в 1848 г. эта реформа была произведена венским правительством внезапно, в темпе и стиле революционной неожиданности [!], инициатива сословного сейма сохранилась бы, по крайней мере, в благодарной памяти того класса населения, для пользы которого это делалось».¹²²

И поистине диким по своей нелепости и пренебрежению к здравому смыслу читателей является после этого вынужденного *testimonium pauperatis* заявление, что трагичность в представлении Лозинского галицийских событий 1846 г. особенно усиливается тем фактом, что «эти события произошли как раз в тот момент, когда шляхта искренне и даже с чрезвычайной поспешностью подняла единственно доступным для нее тогда путем реформы — в сословном сейме — дело отмены барщины».¹²³

Так писалась польская история всего несколько десятилетий назад, в начале XX века!

Сформулируем некоторые выводы. Перед нами вторая линия подхода к крестьянскому вопросу, линия, коренным образом отличающаяся от рассмотренной нами в предыдущем разделе.

Польские демократы, выдвигая крестьянский вопрос в качестве первоочередного по своей социальной и политической значимости, видели в решении крестьянского вопроса устранение вековой несправедливости, раскрепощение основной массы польского народа, акт величайшего исторического и морального значения. С решением крестьянского вопроса у польских демократов связывались планы построения нового, более совершенного общественного строя. Таким строем большинство польских демократов сознательно или помимо своей воли считало строй капиталистический, созданный в процессе решительной ломки феодальных отношений, в результате буржуазно-демократической, аграрной революции. Не подлежит сомнению, что для той эпохи эта линия была линией прогрессивного развития, и ее осуществление имело бы громадное значение не только для судеб польского народа, но и для хода приближавшихся революций в других европейских странах.

Рассматривая, однако, крестьянский вопрос в связи с задачей восстановления независимого польского государства и подчиняя его этой задаче, польские демократы, в силу неправильного понимания интересов и позиций различных классовых сил в предстоящей борьбе, шли на сужение своей программы по крестьянскому вопросу, не давали в своих основных программных документах последовательного, до конца принципиального решения крестьянского вопроса. Этот серьезнейший недостаток, наряду со значительной оторванностью революционно-демократических групп от масс польского крестьянства, послужил одной из основных причин тех неудач, которые потерпело демократическое движение и, в частности, в крестьянском вопросе в рассматриваемый нами период.

Крестьянский вопрос встал и перед польскими помещиками, в рассматриваемый период — с наибольшей остротой перед помещиками Галиции,

¹²² B r. Ł o z i ń s k i. Szkice, s. 41.

¹²³ Там же, s. 40.

Кризис феодальных отношений, стремление преодолеть его, перейдя к новым формам эксплуатации, — такова одна из главных причин возникновения помещичьих проектов разрешения крестьянского вопроса. Однако такие стремления еще долгие годы разделялись бы лишь небольшой группой помещиков, прежде чем основные слои помещичьего класса преодолели бы рутинную привязанность к старым, отжившим феодальным институтам, преодолели бы страх перед тем — не рухнут ли эти институты полностью, при первом прикосновении к любому из них. Определяющим моментом для изменения позиций этих слоев оказался подъем народного движения, опасность революционного взрыва. Необходимость проведения некоторых реформ в целях отдаления или устранения опасности революционного взрыва осознавалась все более значительными кругами помещиков. Реформы эти объективно должны были способствовать развитию капиталистических отношений, но они замышлялись с максимально возможным закреплением за помещиками феодальных прав, привилегий и т. п. и с минимальными уступками крестьянству. Сами реформы должны были послужить укреплению помещичьего хозяйства за счет хозяйства крестьянского.

Таким образом, и революционно-демократическая программа решения крестьянского вопроса и помещичья в конечном счете имели бы своим следствием развитие капиталистических отношений. Но если демократические круги стремились при этом к радикальному уничтожению феодальных отношений, к развитию по образцу Франции, то помещики свой образец видели в Пруссии, дававшей пример приспособления феодальных институтов к новой, капиталистической системе. Если для демократов задача была в развертывании аграрной революции, то для помещиков — в предотвращении ее. Если демократы стремились связать социальную революцию с борьбой за восстановление национальной независимости, то реакционные силы ради своих классовых интересов пресмыкались перед абсолютистскими монархиями, угнетавшими польский народ.

Такими предстают перед нами эти две линии в важнейшем, определяющем вопросе общественно-политической жизни польского народа накануне революционного кризиса 1846—1848 гг.

4. Крестьянский вопрос в революционных событиях 1846 г.

Рассматривая предпосылки и генезис Краковского восстания 1846 г., необходимо прежде всего отметить, что подготовлявшие восстание демократические круги во главе с Демократическим обществом исходили в своей деятельности из совершенно правильного представления об общем предреволюционном состоянии Европы. Отказавшись от усвоенного аристократической эмиграцией принципа игры на международных противоречиях, польские демократы связывали свои планы и надежды с помощью революционных народов Европы. Восстание в Польше должно было положить начало революции в других странах и в свою очередь найти в них поддержку. Существо дела не меняется от того, что эти надежды не оправдались и восстание на два года опередило подъем общеевропейской революционной волны. Вряд ли можно рассматривать это как ошибку организаторов восстания, так как на решение и выбор сроков восстания в значительно большей мере повлияли иные факторы, связанные с положением в самой Польше.

Появление с а м о с т о я т е л ь н ы х крестьянских тайных обществ (так. наз. «заговор» Петра Сцегенного), расширение деятельности демокра-

тических организаций в Познанском княжестве, установивших связи с крестьянством и ремесленниками в городах («Союз плебеев» Стефанского), свидетельствовали о нарастании революционного подъема. Однако наиболее важным элементом предреволюционной обстановки являлось положение в Галиции. Здесь к 1845 г. сложилась по существу революционная ситуация. Рассмотренные нами в предыдущей главе материалы свидетельствуют о том, что галицийские «верхи» — помещики — уже не могли управлять по-старому.¹²⁴ «Низы» — крестьяне — с особенной остротой ощутили невозможность существовать по-старому в эти годы повторяющихся неурожаев и стихийных бедствий. Нам уже приходилось выше упоминать о явственно определившейся в 1845 г. перспективе крестьянского восстания в Западной Галиции и о том, какое влияние эта перспектива оказала на деятельность помещичьего галицийского сейма. Но если для галицийских помещиков она стала побудителем к скорейшему проведению ограниченной аграрной реформы, то для демократических кругов Галиции и эмиграции она стала отправным пунктом попытки осуществления национальной буржуазно-демократической революции.

Крестьянское восстание в Западной Галиции в 1846 г. было предметом жестоких споров среди современников и историков. Независимо от точки зрения и партийной принадлежности, подавляющее большинство польских публицистов и историков сходилось в одном — они рассматривали это восстание как следствие подготовки демократами национального восстания, возлагая на них определенную ответственность за галицийскую «резню» (аристократический помещичий лагерь) или отклоняя эту ответственность (буржуазно-демократический лагерь). В то же время обе стороны единодушно обвиняли австрийские власти в том, что они спровоцировали крестьянское восстание, чтобы, используя его, задушить национально-освободительное движение.

Мы не предполагаем рассматривать здесь вопрос о роли и характере крестьянского восстания 1846 г. и коснулись его лишь с той целью, чтобы отметить ошибочность в самой основе указанных выше построений. Краковское восстание, в которое вылилась подготавливавшаяся демократами общепольская революция, и крестьянское восстание в Галиции — явления, бесспорно, тесно связанные между собой. Было бы, однако, серьезной ошибкой сводить эту связь к тому, что крестьянское восстание было якобы лишь прямым или косвенным (контрмеры австрийских властей) следствием повстанческой деятельности демократов. В действительности вспыхнувшее в феврале 1846 г. крестьянское восстание было в течение ряда предшествующих месяцев надвигающейся и неотвратимой перспективой, возникновение которой объясняется сложившейся в Галиции социально-экономической и политической обстановкой, а не деятельностью немногочисленных галицийских демократов-конspirаторов и тем более не действиями австрийских властей. И тем, и другим, однако, было ясно приближение крестьянского восстания, и те, и другие рассчитывали использовать его в своих, прямо противоположных друг другу целях.

Таким образом, приближение стихийного крестьянского восстания в Галиции следует, на наш взгляд, рассматривать как одну из важных

¹²⁴ Необходимо, однако, иметь в виду также и иные «верхи» общеавстрийского масштаба — абсолютистское правительство. Революционная ситуация в Галиции сложилась несколько раньше, чем во всей Австрийской монархии. Это наложило отпечаток и на развитие событий 1846 г.

первопричин принятия Демократическим обществом решения о начале восстания. Это не противоречит, тем не менее, тому, что сама вспышка крестьянского восстания оказалась, в свою очередь, связана с повстанческой деятельностью демократов.

Решение о проведении восстания в начале 1846 г. было окончательно принято Центризацией Демократического общества осенью 1845 г. Незадолго перед тем Хельтман совершил тайную поездку по Галиции, а последние месяцы 1845 г. он находился в Познанском княжестве.

В рамках настоящей статьи не представляется возможным, да и не было бы целесообразно останавливаться на процессе подготовки восстания, его планах и т. д. Укажем лишь на то, как формулировались программы в отношении крестьянского вопроса в этот ответственный момент.

Включенный в 1845 г. в состав Центризации непосредственный руководитель будущего восстания Людвик Мерославский произнес 29 ноября 1845 г. речь, содержание которой было полностью согласовано с Центризацией. В этой речи превращение крестьян в собственников называлось наиболее действенным средством пробуждения масс и подчеркивалось, что речь идет не о разрешении социального и экономического вопроса, а о политическом средстве. «Мы ищем в этом средстве исключительно быстрого и решительного увеличения числа граждан и общественного богатства для воскрешаемого государства без предрешения радикальных и окончательных перемен, которые надлежит осуществить в социальном строе и экономике республики органическому сейму при окончании революции».¹²⁵

Таким образом, речь Мерославского, вновь подчеркивая значение крестьянского вопроса, отодвигала полное и окончательное его решение до завершения революции. Здесь опять сказались отмеченная уже нами при рассмотрении программных документов Демократического общества боязнь напугать своей революционностью возможных союзников из рядов шляхты.

Подготовленное Центризацией постановление о предоставлении крестьянам права собственности характеризовало политику Общества с еще большей определенностью, чем речь Мерославского. Это постановление должно было быть провозглашено Национальным правительством в момент восстания. Текст его находился у уполномоченного Центризации Яна Альциаты и был увезен им при его поспешном отъезде из Кракова накануне восстания. Таким образом, это постановление никогда не приобрело характера государственного акта и было опубликовано лишь позднее в воспоминаниях Альциаты. Это, однако, нисколько не умаляет его значения для характеристики взглядов Демократического общества.

«Желая освятить день призыва к новой борьбе за независимость великим актом национальной справедливости, устранить причину недоверия крестьян, закрепить узы братства, связывающие всех поляков, как сынов одной общей родины, правительство постановляет:

Ст. 1. Зависимость со всеми ее следствиями отменяется. Крестьяне получают в вечную собственность те земли, с которых они до сих пор отработывали барщину или платили чинш.

Ст. 2. За норму отделения крестьянских земель от дворянских должно служить положение, существовавшее при начале предыдущей войны за независимость в 1830 г.

¹²⁵ «Demokrata polski», 1845, 6. XII. Цит. по книге: B o l. L i m a n o w s k i. *Historja ruchu rewolucyjnego*, s. 90—91.

Ст. 3. Если где-либо после указанного времени число крестьянских хозяйств было уменьшено или их земли были урезаны, то эти крестьяне или их потомство имеют право вернуться к владению своими землями или урезанными их частями. В случае же необъявления никого из заинтересованных в течение одного года по завершении нынешней войны, указанные земли будут предназначены для наделения защитников страны.

Ст. 4. В тех частях страны, где вследствие регуляции или сепарации крестьянские земли уже отделены от дворских, отделение это остается в силе.

Ст. 5. Министр финансов в кратчайший срок представит правительству проект справедливого распределения земельного налога между владельцами дворских земель и получающими право собственности крестьянами.

Ст. 6. Исполнение этого постановления поручается министру внутренних дел и министру финансов.

Оно должно быть троекратно оглашено во всех приходях и общинах; при этом пробощи и войты гмин будут призывать крестьян, наделенных сейчас правами собственников, помочь владельцам дворских земель за установленную по добровольному договору плату обработать эти земли, чтобы страна, войска, сражающиеся с врагом, и сами же крестьяне не пострадали от голода.¹²⁶

Ограниченность этого акта сразу бросается в глаза. За помещиками закреплялись земли, захваченные ими у крестьян в ходе длительной экспроприации, в тех же польских областях, которые находились под властью Пруссии (ст. 4), даже фиксировались результаты ограбившей крестьянство реформы 20-х годов. Вопрос о наделении землей малоземельных и безземельных остался совершенно не затронут постановлением. Но вместе с тем эта реформа при всей ее ограниченности должна была иметь прогрессивное значение — она отменяла повинности, превращала зависимых крестьян в мелких собственников, не отягчая их выкупом, отработками и т. п. и не предусматривая новых «отрезков» за счет крестьянских земель.

Нарастание революционного подъема в стране, отрывочные сведения о готовящемся восстании вызвали оживление деятельности и консервативно-аристократического лагеря эмиграции. Мы до сих пор не останавливались специально на взглядах этого лагеря по крестьянскому вопросу. Число различных высказываний, выступлений в печати и т. д., освещающих эти взгляды, в 1832—1845 гг. было весьма велико, однако влияние их на ход событий и на формирование взглядов соответствующих кругов в самой стране никак не следует переоценивать. Выраженное Костоловским мнение, что деятельность галицийского сословного сейма в 1843—1845 гг. в отношении крестьянского вопроса направлял Hôtel Lambert¹²⁷, не может быть признано основательным. Письмо Леона Сапеги Адаму Чарторыйскому, сообщавшего в конце 1845 г. об описанной нами деятельности галицийского сейма, убедительно свидетельствует о том, что крестьянский вопрос не был до этого предметом сообщений Сапеги, который уже в силу родственных связей (он был зятем А. Чарторыйского) был среди галицийских помещиков самым близким лицом к главе аристократической эмиграции. Если до 1845 г. представлявшие Hôtel Lambert публицисты касались крестьянского вопроса, то это диктовалось, прежде всего,

¹²⁶ Wizerunki, t. II, s. 301—302.

¹²⁷ E. Kostołowski. Studja nad kwestią włościańską w latach 1846—1864. Lwów, 1938, s. 107.

интересами борьбы со взглядами демократии, стремлением развенчать демократическую доктрину, которая выступала перед консерваторами как потенциальная угроза. В напряженной, предгрозовой обстановке 1845 г. эта угроза приняла уже вполне реальные и непосредственные формы. Этим определяется значительное повышение активности консервативных эмигрантских кругов в выступлениях по крестьянскому вопросу.

Особое значение среди высказываний консервативных деятелей и наиболее широкий резонанс имело выступление главы этого лагеря князя Адама Чарторыйского. В течение долгого времени Чарторыйский избегал в своих публичных выступлениях касаться крестьянского вопроса, но речь, произнесенную 29 ноября 1845 г. на традиционном заседании Польского литературного общества, в связи с годовщиной восстания 1830 г., он посвятил главным образом крестьянскому вопросу. В этой речи Чарторыйский заявил:

«После всесторонних и совестливых размышлений я искренне заявляю, что предоставление крестьянам права собственности на землю, на которой они издавна живут и с которой в течение многих лет кормятся, я считаю в принципе (оставляя в стороне экономические выгоды, которые со временем от этого произтекут) главным и необходимым для нас средством, если мы хотим, чтобы в момент, когда будет решаться наша судьба, вся нация, т. е. миллионные массы народа, загорелись общим и согласным воодушевлением и обратили его на своих угнетателей».¹²⁸

Не следует удивляться этому неожиданному, на первый взгляд, заявлению «короля де факто», как именовали Чарторыйского его сторонники. Последующие положения его обширной речи объясняют причины, заставившие старого врага демократии заговорить столь несвойственным ему языком.

«Землякам, не разделяющим изложенного мнения, я указал бы, что это единственная мера, которая предохранит нас от всяких многообразных, переплетающихся социальных потрясений, может быть и от замышляемых кровавых акций внутри страны, и которая в великом национальном движении объединит все мнения и партии, все усилия.

... Чрезвычайно важным вопросом останется — какими способами удастся уменьшить и ослабить нежелательные следствия, всегда связанные с большой и внезапной переменой, ... как со временем вознаградить понесенный ущерб путем справедливых двусторонних договоров при неослабном и охотном содействии Национального правительства и поддержке из созданных им фондов.

... Готовность землевладельцев участвовать в этом необходимом для Польши средстве, их умелое им руководство, принятие ими на себя руководства освобожденным народом — это необходимейшие части серьезного мероприятия, чтобы оно могло быть счастливо начато и полностью удалось в своих результатах».

Из приведенных выше отрывков неоспоримо следует, что, оценив общую ситуацию в стране и учитывая взятый демократами курс на организацию восстания, Чарторыйский сделал попытку перехватить инициативу действий в крестьянском вопросе в свои руки. Принятие им по внешности демократической и прогрессивной программы было лишь не особенно искусным политическим камуфляжем. Предлагаемая Чарторыйским форма должна была предотвратить более радикальное решение крестьян-

¹²⁸ «Trzeci Maj», 1846, № 1—2, 4. I.

ского вопроса революционным путем; в этом смысле она равнозначна проектам галицийских помещиков. Как и последние, Чарторыйский не упускает из виду и экономических выгод перестройки аграрных отношений, но определяющими побудителями его выступления были политические мотивы. Чарторыйский отнюдь не склонен провозглашать безвозмездный отказ от верховных «прав» помещиков на крестьянскую землю, он вполне определенно высказывается за последующее вознаграждение. Наконец, и это самое главное, затаенный смысл этого выступления состоит в последнем из цитированных нами отрывков: назревающее движение неотвратимо, нужно не противопоставлять себя ему, а, принимая внешне его лозунги, заявляя о готовности участвовать в нем, овладеть его руководством, подчинить его себе. Возглавить народное движение для того, чтобы его обезглавить, — вот истинный смысл программы Чарторыйского. Эта программа не осталась пустой декларацией. Она была воспринята консервативными помещиками, что нашло выражение в революционных событиях 1846 и 1848 гг. и особенно в тактике «белых» в восстании 1863 г.

В последние месяцы 1845 г. и в начале 1846 г. Hôtel Lambert развил энергичную деятельность по консолидации консервативных элементов. Особое внимание было обращено на Краков: в начале февраля Краков посетили эмиссары Чарторыйского — его племянник Владислав Замойский и Бытшоновский.¹²⁹ Не случайно эта поездка совпала по времени с состоявшимся в конце января или начале февраля 1846 г. у главы краковских консерваторов Антония Зигмунта Хельцеля совещанием, в котором принял участие личный друг Хельцеля — один из крупнейших польских реакционных деятелей середины XIX в. маркиз Александр Велёпольский.¹³⁰

Выработанный Централизацией Демократического общества план восстания предусматривал одновременные действия во всех частях Польши, развертывание революционной войны не только против России, но и против Австрии и Пруссии. В этом восстание 1846 г. принципиально отличалось не только от 1830, но и от 1863 г. Познанское княжество, Краковская республика и Галиция рассматривались этим планом как районы начала восстания, а в дальнейшем — как оперативная база, опираясь на которую можно будет развернуть военные действия на главном театре — в Королевстве Польском. Военным руководителем с широкими, почти диктаторскими полномочиями был назначен Мерославский; при нем образовывалось правительство из пяти представителей основных областей — Кракова, австрийского и прусского «захватов», Королевства и Литвы. Управление на местах должно было осуществляться назначенными повстанческим правительством комиссарами провинций и поветов. Восстание должно было начаться 21 февраля 1846 г.

Однако подготовка восстания не ускользнула от внимания прусских и австрийских властей. В первой половине февраля в Познанском княжестве были произведены массовые аресты; среди арестованных был ряд руководящих деятелей восстания и сам Мерославский, тайно прибывший

¹²⁹ E. Kostołowski. Studja. . . , s. 59.

¹³⁰ H. Lisicki. Antoni Zygmunt Helcel. 1808—1870. Lwów, 1882, t. I, s. 131. — Очень большое значение представляет также сообщение, что летом 1845 г. («около св. Яна» — 24 июня) в Вене происходило совещание группы польских консерваторов; в числе участников было несколько лиц из Познанского княжества, Галицию представляли кн. Леон Сапера, Маврикий Краинский, поэт Винцентий Польш. См.: L. Dębicki. Portrety i sylwetki z dziewiętnastego stulecia, ser. II, t. I. Kraków, 1906, s. 89.

в княжество в конце декабря 1845 г. 18 февраля в Краков были введены австрийские войска. На созванном вечером того же дня совещании руководящей группы повстанцев Альциато от имени Централизации отдал распоряжение об отмене восстания, которое в создавшейся обстановке не имело шансов на успех. В тот же вечер Альциато покинул Краков, предоставив оставшимся самим решать вопрос — как в оставшиеся два дня передать это распоряжение рассеянным по Галиции эмигрантам. Между тем было ясно, что предотвратить попытки восстания уже не удастся. Убежденные в том, что независимо от успеха восстание найдет широкий отклик в польском народе, превратит провозглашенные в бою лозунги из предмета дискуссий узкой группы в общенациональную программу, демократы в Кракове после отъезда Альциаты отклонили его решение и 20 февраля предприняли попытку овладеть городом. Они потерпели неудачу, но через два дня австрийский гарнизон без всякой видимой причины покинул город; вместе с ним бежали за Вислу министры-резиденты держав-«опекунов» и власти Краковской республики. Вечером 22 февраля власть в городе перешла в руки повстанческого Национального правительства.

Эпизод с отступлением австрийских войск из Кракова заслуживает особого внимания. Австрийский генерал Коллин принял решение очистить город под влиянием слуха о крестьянском восстании в окрестностях города и движении большого отряда вооруженных крестьян к Кракову.¹³¹ Любопытно, что даже те авторы, которые отвергают настойчиво проводимую помещицей публицистикой и историографией версию, что крестьянское восстание в Галиции было инспирировано австрийскими властями, проходили мимо этого яркого свидетельства страха австрийских властей перед тем, что крестьяне поддержат поднятое буржуазными демократами восстание.

Образовавшееся в Кракове революционное Национальное правительство Польской республики вечером 22 февраля опубликовало Манифест к польскому народу, оканчивавшийся словами:

«Нас 20 миллионов, встанем все, как один человек, и мощи нашей не одолеет ни одна сила; добудем свободу, какой еще до сих пор не было на земле; завоюем общественный строй, в котором каждый по заслугам и способностям будет пользоваться национальным достоянием, а ни одна привилегия ни под каким видом не будет иметь места, в котором каждый поляк найдет обеспечение для себя, своей жены и детей, ... в котором земля, находящаяся сейчас лишь в условном владении крестьян, станет их безусловной собственностью; будут отменены чинши, барщины и всякие тому подобные повинности без какого-либо вознаграждения, а служение национальному делу с оружием в руках будет награждено землей из национальных имуществ».¹³²

Владислав Грабский заметил, что краковский Манифест не был, по сути дела, обязывающим декретом, а лишь намечал путь реформы («з а в о ю е м общественный строй» и т. д.).¹³³ Замечание это, может быть, и резонно с формальной стороны, но не подлежит сомнению, что составители Манифеста отнюдь не считали его какой-либо предварительной декларацией, а рас-

¹³¹ W. K o p f f. Wspomnienia, s. 78; A. G r a b o w s k i. Wspomnienia, t. I, s. 148—149.

¹³² «Dziennik Rządowy Rzeczypospolitej Polskiej», 1846, № 1, 26. II. Цит. по изданию: «Kopia Dziennika Rządu rewolucyjnego z czasów ostatniego powstania w Krakowie 22 lutego 1846 r.» Paryż, 1846 [в дальнейшем при ссылках — «Dziennik Rządowy»].

¹³³ Wł. G r a b s k i. Historia wsi w Polsce, s. 322.

сма тривали как акт, вполне определенный и имеющий юридическую силу. Об этом свидетельствует тот факт, что никакого иного постановления по крестьянскому вопросу революционное правительство не принимало, ссылаясь в случае надобности на Манифест: «Всюду, куда попадет это воззвание, всякие барщины, чинши и оброки безусловно отменяются, как это определено революционным Манифестом».¹³⁴

Недостатки редакции Манифеста объясняются, по видимому, спешностью, с которой он составлялся. Подготовленный ранее Либельтом текст Манифеста, дополнением к которому должен был служить приведенный выше проект постановления о предоставлении крестьянам права собственности, был, как сообщает Альциато,¹³⁵ уничтожен (вероятно, им самим) в Кракове, когда было принято решение об отмене восстания. В изданном 22 февраля Манифесте его составители воспроизводили по памяти текст первоначального проекта. Отсутствие дополнительного постановления по крестьянскому вопросу наводит на мысль, что составители краковского Манифеста вообще не были ознакомлены Альциатой с проектом этого постановления.

Краковский Манифест не давал точного юридического оформления крестьянской реформе, но фиксировал ее содержание полно и в недопускающих превратного толкования выражениях. Зато, если подготовленное Централизацией постановление прежде всего выражало беспокойство о том, как обеспечить помещикам обработку оставшихся за ними земель, то краковские революционеры сразу же после издания Манифеста озаботились принять меры по обеспечению проведения в жизнь крестьянской реформы. 23 февраля был издан «Революционный статут», статья 4 которого гласила: «Грабеж, самосуд, хотя бы и в отношении виновных, в м о г а н и е ч и н ш е й и л и б а р щ и н ы, вооруженное противодействие, шпионаж, подрыв государственных финансов, злоупотребление властью и присвоение власти караются смертной казнью».¹³⁶ Таким образом, революционное правительство включило требование феодальных повинностей в число тягчайших преступлений против революционного порядка и закона.

К Манифесту и «Революционному статуту» с особенным основанием можно отнести слова Энгельса: «все принятые там [в Кракове. — И. М.] меры отличались тою демократическою, я сказал бы почти пролетарскою смелостью, которой нечего терять кроме нищеты, и которой предстоит приобрести целое отечество, целый мир».¹³⁷

В момент, когда австрийские войска оставили город, а революционное правительство еще только организовывалось, краковские консерваторы сделали попытку захватить власть и образовали контрреволюционный Комитет общественной безопасности, в который вошли Юзеф Водзицкий, Петр Мошинский, Юзеф Коссовский, Леон Бохенек и Антоний Зигмунт Хельцель. По требованию революционного правительства этот Комитет был принужден самораспуститься. «Однако, — писал позднее Хельцель, — несколько членов Комитета и еще несколько жителей собралось у графа

¹³⁴ «Dziennik Rządowy», 1846, № 2, 27. II — воззвание диктатора Яна Тыссовского к крестьянам от 26 февраля 1846 г.

¹³⁵ Wizerunki, t. II, s. 170.

¹³⁶ «Dziennik Rządowy», 1846, № 1, 26. II — «Ustawa rewolucyjna». Разрядка моя. — И. М.

¹³⁷ Ф. Энгельс. Речь по польскому вопросу (22 февраля 1848 г.). — К. М а р к с и Ф. Энгельс. Сочинения, т. V, стр. 265.

Юзефа Водзицкого, где решили, что нужно по крайней мере постараться побыстрее организовать постоянных жителей города в стражу безопасности под руководством наиболее уважаемых граждан».¹³⁸ Упомянутая группа консерваторов вдохновляла и организовывала контрреволюционный переворот, попытка которого была предпринята 25 февраля профессором университета Михаилом Вишневым. После неудачи ряд консерваторов, не скомпрометировавших себя явно, принял важные должности в организующемся революционном государственном аппарате. В числе этих новоявленных «революционеров» был и Хельцель. Их побуждения ярко характеризует сам Хельцель, писавший: «Единственным старанием этих чиновников было — делать елико возможно меньше и не в революционном духе».¹³⁹ Такова была политика Чарторыйского в действии.

Предпринятые демократами в отдельных районах Галиции попытки восстания не увенчались успехом. Их выступления совпали с началом крестьянского восстания, охватившего Тарновский, Бохенский, Ясельский и отчасти Жешовский, Саноцкий и Сандецкий округа.

Понимая, что в той напряженной обстановке, которая сложилась в Галиции, революционное выступление демократов неминуемо вызовет крестьянское восстание, австрийские власти сосредоточили свои усилия не на предотвращении крестьянского восстания, а на том, чтобы использовать его в своих интересах. При этом в отдельных случаях австрийские чиновники даже выступали с призывом к крестьянам взяться за оружие и заявляли, что император хочет облегчить положение крестьян, но ему мешают сделать это паны, которые к тому же задумали против него бунт. Направленное против помещиков крестьянское восстание обратилось одновременно и против чуждых крестьянству, носящих панский облик повстанцев. Так роковым для движения образом сказалась оторванность революционных демократов от крестьянства.

Основную роль в этой тактике австрийских властей сыграли политические расчеты: лишить демократическое движение поддержки крестьянства, подорвать веру в возможность такого союза, скомпрометировать польское национальное движение и вызвать в нем внутреннюю борьбу, припугнуть недостаточно верноподданных Австрии польских помещиков. В значительной мере австрийской бюрократии удалось достичь этих результатов.

Уверяя всю Европу в том, что польские крестьяне явили образец любви к своему — австрийскому — императору, меттерниховские чиновники отнюдь не обманывали сами себя относительно причин выступления

¹³⁸ A. Helcel. O stosunku większości obywateli m. Krakowa do ostatniej rewolucji — воспроизводится в книге: H. Lisicki. Helcel, t. I, s. 137—138. О контрреволюционной деятельности этой группы см. также: W. Korff. Wspomnienia, s. 79—83; A. Grabowski. Wspomnienia, t. I, s. 153; P. Popiel. Pisma. Kraków, 1893, t. II, s. 161—187; Kł. Wąkowski. Kronika krakowska 1796—1848. Cz. III. «Biblioteka krakowska» № 42). Kraków, 1909, s. 190—191; Józ. Wawel-Louis. Kronika rewolucji krakowskiej w roku 1846. Kraków, 1898, s. 75—76, 79, 109—113. Исследование М. Тырновича, основанное на неопубликованных показаниях диктатора Яна Тыссовского следственным властям, свидетельствует, вопреки точке зрения автора, о том влиянии, которое оказывали на Тыссовского краковские консерваторы. См. М. Туговиц. Jan Tyssowski, dyktator krakowski r. 1846. Działalność polityczna i społeczna. 1811—1857. Warszawa, 1930, s. 112—113, 117—119.

¹³⁹ H. Lisicki. Helcel, t. I, s. 146. Для характеристики Хельцеля приведем еще одно его высказывание: «Счастье познанской провинции, что разумное и отечески заботливое прусское правительство не допустило до взрыва и арестовало заговорщиков» (Ibid., s. 133).

крестьянства. Для них было ясно, что крестьянство восстало, побуждаемое не австрийским патриотизмом, а ненавистью к помещикам.¹⁴⁰ В донесениях чиновников чувствуется страх перед грозными «защитниками», растерянность и беспомощность.

Известие о галицийских событиях было болезненно воспринято в революционном Кракове. Но последовательные революционеры ни на миг не поколебались в своей вере в крестьянство, в революционные силы народа. Эдвард Дембовский возлагал вину за события в Галиции на галицийскую «эксшляхту» и вновь провозглашал: «Революция и народ — два неразрывных понятия».¹⁴¹ Следует отметить, что там, где действовал сам Дембовский, ранее (в Подгалье) или в момент восстания (в Величке), крестьянство выступало на поддержку демократов, не ставило их на одну доску с помещиками. 25 февраля за подписью диктатора Тыссовского и Дембовского, его секретаря, было издано воззвание «Кo всем полякам, умеющим читать», предписывающее разъяснять крестьянам принципы Манифеста и призывать их к борьбе за права, которые им возвращает революция. Воззвание особенно обращало внимание, чтобы речи к крестьянам были ясны и проникновенны — «w serce przetawiać».¹⁴²

Попыткой обращения к крестьянству была и организованная 27 февраля религиозная процессия, выступившая из Кракова за Вислу. Она подверглась нападению со стороны австрийских войск; среди погибших был и шедший во главе процессии Дембовский.

Дембовский стоял на голову выше большинства современных ему польских буржуазных демократов; он не только провозглашал лозунг единения с народом, но все этапы его неутомимой деятельности были примером подлинно демократической связи с крестьянством. Последовательный борец за аграрную демократию, он отвергал идею общенационального, внеклассового единства, хотя обстоятельство и ложно понятий долг партийной солидарности принудили его отказаться от своих возражений против излишней и вредной, по его убеждению, демократической агитации среди помещиков. В наиболее критический и ответственный момент — перед лицом антипомещичьего крестьянского восстания, смешавшего планы буржуазных демократов, — Дембовский не колеблясь выступил на стороне крестьянства против помещиков. Его деятельность, его последовательный демократизм в первую очередь определили лицо краковской революции 1846 г.

3 марта 1846 г. революционный Краков пал.

События в Кракове и Галиции произвели громадное впечатление на различные общественные круги в Польше и во всей Европе и вызвали многообразные политические последствия.

Мы не касаемся здесь таких последствий этих событий, как уничтожение Краковской республики, не рассматриваем влияния событий в Польше на революционное движение в других европейских странах и т. д.;

¹⁴⁰ Рапорт комиссара Ясельского округа Карла Банхельцеля — E. K o s t o -
I o w s k i. Studja..., s. 362.

¹⁴¹ «Dziennik Rządowy», 1846, № 2, 27. II — «Rewolucja i lud».

¹⁴² «Dziennik Rządowy», 1846, № 3, 28. II. Характерно, что на подписанном 26 февраля распоряжении диктатора, грозящем крестьянам в случае продолжения убийств и своеволий военным судом и смертной казнью («Dziennik Rządowy», 1846, № 2, 27. II), подписи Дембовского нет. Распоряжение подписано другим секретарем диктатора — Роговским.

остановимся лишь на вопросах, имеющих непосредственное отношение к интересующей нас проблеме.

Польские помещичьи круги в самой стране и в эмиграции были потрясены вестью о крестьянском восстании в Галиции. Их растерянность проявилась в полном политическом разброде и появлении нередко прямо противоположных программ действия. В одном лишь были едины все голоса, раздававшиеся из помещичьего лагеря, — в своей ненависти к революции и в страхе перед нею.

Стремясь убедить общественное мнение Европы в том, что крестьянское восстание вызвано отнюдь не беспощадным угнетением крестьянства, а злонамеренными подстрекательствами, реакционные публицисты не щадили своих сил, чтобы описать прелесть патриархальных отношений польской деревни. «Историк-юрист» Хельцель издал в Гамбурге брошюру, в которой утверждал, что в Польше вообще никогда не было крепостного гнета. Его друг и единомышленник маркиз Велёпольский в своем известном открытом письме к Меттерниху лил крокодиловы слезы, восклицая: «Возьми нашу жизнь, но прежде верни нам любовь наших крестьян».¹⁴³ Юзеф Голуховский извлек на свет старую пошлую басню Мененция Агриппы: «Пан в обществе — душа крестьянина, а он — его тело. Пан за него и для него думает, а он на пана и для себя работает».¹⁴⁴

В своем стремлении убедить читателей, в том числе и крестьян, что галицийское восстание было противно самому духу польского крестьянства, помещичья публицистика доходила до удивительных «открытий», далеко оставивших позади «любовь» крестьян к маркизу Велёпольскому. В издававшейся в 1848 г. псевдонародной газетке «Кракус» со всей серьезностью повествовалось, что Шеля, Коряга, Тварог — руководители крестьянских отрядов в Галиции в 1846 г. — татары и что именно этим и объясняется восстание 1846 г.¹⁴⁵

Но такого рода побасенки для легковерных иностранцев или (представлявшихся, вероятно, умственному взору издателя «Кракуса») тупых и невежественных крестьян не могли, разумеется, успокоить самих помещиков. Их страшила мысль, что «массы почувствовали свою силу и знают теперь каков вернейший путь для достижения своих целей».¹⁴⁶

Галицийские события во много раз увеличили число помещиков — сторонников скорейшей аграрной реформы. Их настроения ярко отразил анонимный публицист, писавший: «Важнейшей обязанностью истинных граждан является обращение всех усилий на урегулирование крестьянских отношений. Иначе нельзя отстранить грозящей опасности социализма и коммунизма. . . . Дать свободу законно, чтобы не попытались добыть ее незаконно — таков должен быть лозунг этого урегулирования. Делать для народа, но не посредством народа, так как последнее ведет к самым печальным крайностям и беззакониям».¹⁴⁷

Однако далеко не все помещики были готовы пойти на частичную жертву ради того, чтобы предотвратить революционный взрыв. В этот критический момент ясно обнаружилась ошибка Демократического общества, предполагавшего, что шляхта может решиться разве только на пассивное

¹⁴³ См. это письмо в издании: Н. L i s i c k i. Aleksander Wielopolski. 1803—1877, т. IV. Kraków, 1879.

¹⁴⁴ «Kwestja włościańska w Polsce», s. 31.

¹⁴⁵ «Krakus. Piśmo dla ludu», cz. 2. Kraków, 1848, 20. V.

¹⁴⁶ «Kwestja włościańska w Polsce», s. 19.

¹⁴⁷ «O chłopach», s. V—VI.

сопротивление, но не пойдет на союз с захватчиками для сохранения своих социальных позиций.¹⁴⁸ Жизнь опровергла это ложное убеждение.

В страхе перед революцией значительная часть польских помещиков обратилась к защите абсолютистских правительств и прежде всего к царю. Велёпольский в своем открытом письме провозгласил отказ от каких-либо планов восстановления независимой Польши и призвал к безоговорочной покорности самодержавию. Он не был одинок. В одной современной брошюре, носившей характерное название «Руссомания в великом княжестве Познанском», автор признавал, что познанские помещики, еще вчера ненавидевшие Николая I, при известии о галицийских событиях стали руссофилами, а точнее говоря — поклонниками самодержавия.¹⁴⁹ И еще в 1849 г. краковский «Час», не смущаясь заявлял, что предпочитает видеть Польшу под кнутом самодержавия, чем управляемую Централизацией.¹⁵⁰

Даже Австрия, политика которой вызвала озлобление большинства польских помещиков, находила среди них приверженцев, таких, как, например, граф Агенор Голуховский, начинавший в это время свою бюрократическую карьеру.

Отношение к галицийскому крестьянскому восстанию в значительной мере предопределяло отношение реакционных помещичьих кругов и к краковскому восстанию и к его организатору — Демократическому обществу.

Со страниц эмигрантских аристократических органов сыплются обвинения в адрес Демократического общества. Оно объявляется главным виновником «резни». «Мы предостерегали не раз, — провозглашает передовица «Третьего мая», — что несчастное Демократическое общество было тем троянским конем, внутри которого враг вносил в Польшу пламя гражданской войны».¹⁵¹ В другой статье та же газета не ограничивается осуждением демократов и их политики, но противопоставляет им истинные, по ее мнению, образцы: «... дальновидные люди, предвидя опасность, добивались социального переустройства, галицийские сеймы в течение шести лет умоляли врага об изменении отношений, существующих между крестьянином и помещиком . . . Немалая и тяжкая часть вины [за восстание. — И. М.] падает на тех, кто вместо живительного слова правды питал умы своих братьев отравой, кто, фатально объединяя и темных, неподготовленных просвещением умах понятие Родины с ненавистью к богатым, послужил орудием врагу, наточил разбойничьи ножи на головы собственных сестер и братьев».¹⁵² Иные помещичьи органы патетически восклицали: «Кто посеял в стране семена гражданской войны? Разве не панна Централизация помогла вооружить крестьян против шляхты?» («Ожел бялы») или публиковали памфлеты вроде акта присоединения Якуба Шели к Демократическому обществу («Дзенник народов»).¹⁵³

¹⁴⁸ W. Heltnan. Szlachta i rewolucja. — Demokracja, s. 134.

¹⁴⁹ E. Breza. De la russomanie dans le Grand-Duché de Posen. Berlin, 1846, p. 12.

¹⁵⁰ «Czas», 1849, № 18; см.: E. Kostolowski. Studja. . . , s. 69.

¹⁵¹ «Trzeci Maj», 1846, № 37. — Разрядка подлинника.

¹⁵² Ibid., № 17. — Разрядка подлинника.

¹⁵³ См. «Trzeci Maj», 1846, № 34. Не было недостатка и в обвинениях в провокации и национальной измене. Так, Зигмунт Красинский среди многих клеветнических обвинений в адрес Демократического общества бросает фразу: «Я убежден, что на этих демагогов, как на Данаю, сыплется густой дождь рублей» (Z. Krasinski. Listy, t. II. Lwów, 1882, s. 269—270).

С неприязнью и злобой говорят эти органы о краковском восстании и особенно о его самом последовательном революционном деятеле — Дембовском.¹⁵⁴

Неудача краковского восстания оттолкнула от Демократического общества некоторых попутчиков, среди них был и бывший член Централизации Ян Альциато.¹⁵⁵ Но, освобождаясь от деятелей, подобных Альциате, Демократическое общество лишь укрепляло свои ряды. Важным достижением было объединение вокруг Общества всех демократических сил эмиграции: в мае 1846 г. в состав Демократического общества влилась основная масса членов лиги. Съедночене во главе с Лелевелем и Ворцелем.¹⁵⁶ Это объединение произошло на основе принятия принципов краковского Манифеста.

Краковский Манифест стал программой всех прогрессивных сил Польши.

Демократическое общество было обязано, однако, определить свое отношение не только к краковскому восстанию, но и к крестьянскому восстанию в Галиции. Оно энергично отклонило от себя упреки в том, что антипомещичий характер этому восстанию придала демократическая агитация. Деятели Общества не преминули даже сослаться в подтверждение на брошюру бывшего члена Централизации Томаша Малиновского, который в 1843 г. призывал обращать ненависть народа против внешнего врага, а не на «домашний спор».¹⁵⁷ Между тем Малиновский принадлежал к противникам организации восстания и в 1845 г., ввиду несогласия с практической деятельностью Централизации, вышел из ее состава.¹⁵⁸ Ссылаясь на него, деятели Демократического общества становились на путь, который мог привести (и, как мы увидим в дальнейшем, отчасти и привел) к отказу от традиции краковского восстания, к отказу от вовлечения крестьянства в революцию.

Демократическое общество было склонно видеть в галицийском восстании трагическое недоразумение. Оно закрывало глаза на то, что крестьянское восстание ясно показало нереальность планов построения общенационального фронта, примирения крестьянина с помещиком. Перед Обществом стояла дилемма: добиваться национальной независимости в союзе с помещиками ценою отказа от социальных требований, повторяя, по существу, с некоторыми коррективами опыт восстания 1830—1831 гг., или решительно выступить против помещиков, привлекая к себе крестьянство, осуществляя и развивая тот план действий, которым руководствовался Дембовский. Это был вопрос жизни и смерти для Демократического общества, а вместе с тем и вопрос, от которого зависели дальнейшие судьбы польского народа. Но Общество не разрешило этой проблемы, оно обошло ее. Провозглашая своей программой краковский Манифест, оно продолжало пропагандировать идею национального единства, в изданных специально

¹⁵⁴ См. также: Józ. Miller-Kossowski i St. Gajewski. Uwagi nad zaszłymi w kraju wypadkami i obecnym położeniem emigracji (вводная статья в издании: «Kopia Dziennika Rządu rewolucyjnego»).

¹⁵⁵ В июле 1846 г. он опубликовал письмо Централизации, в котором объявлял о своем разрыве с Демократическим обществом («Treci Maj», 1846, № 34).

¹⁵⁶ B o l. L i m a n o w s k i. Stanisław Worcell, s. 212 i n.

¹⁵⁷ [T. M a l i n o w s k i]. Kilka rad o wyzwoleniu Polski. Paryż, 1843. Его мнение цитировалось в «Dziennikiem Stanisławowskim», 1848, №6, 20.IX; см.: E. K o s t o ł o w s k i. Studja. . . , s. 49, 68.

¹⁵⁸ Неудивительно, что для Малиновского находится похвальное слово и у такого ультрареакционного историка, как Лисицкий (H. L i s i c k i. Helceł, t. I, s. 116).

для крестьянства брошюрах Хельтмана и Зенковича («*Boże słowa do ludu polskiego*») и Подолецкого («*Słowa prawdy dla ludu polskiego*») оно вновь убеждало крестьянство в том, что шляхта полна желаний облегчить его долю, но этому мешают захватчики и т. д.¹⁵⁹ Таким образом, Общество не сформулировало своей программы в важнейшем вопросе польской общественной жизни, не заняло четкой позиции в отношении двух основных антагонистических сил польского общества. Но оставление вопроса без ответа является, по существу, также ответом. 1848 год был поверкой того, какие уроки из опыта 1846 года извлекли польские буржуазные демократы.

Показательным является, что деятели Централизации стремились изобразить Дембовского энтузиастом-романтиком, а его политическую позицию представить лишь незрелым и не заслуживающим серьезного внимания плодом юношеской экзальтации. Уже упомянутый выше член Централизации Зенкович написал впоследствии восторженное предисловие к книжке Хоецкого — отвратительному пасквилю на краковское восстание 1846 г., в котором автор, трусливо избегая называть Дембовского по имени, осыпает руганью его «якобинизм», «донкихотский поход на шляхетскую мельницу» и т. д.¹⁶⁰

Несомненно, однако, что та высокая оценка, которая была дана краковскому восстанию 1846 г. Марксом и Энгельсом, имела в виду как раз его последовательную революционность, его «якобинизм». «Люди, которые стояли во главе краковского революционного движения, имели глубокое убеждение в том, что только демократическая Польша могла быть независимой и что польская демократия невозможна без упразднения феодальных прав, без аграрного движения, которое превратило бы крепостных крестьян в свободных собственников, собственников современных».¹⁶¹ Отсюда с бесспорной очевидностью явствует, что Маркс не только поддерживал выраженную в Манифесте Польского Демократического общества мысль, что лишь демократическая Польша может стать независимой, но и определенно указывал, что упразднение феодальных прав должно произойти в ходе аграрного движения. Не «пожалование прав» крестьянству буржуазными демократами с последующим вовлечением его рядом со вчерашними его угнетателями в национальное движение, как это рисовалось демократам-эмигрантам, а установление демократического строя и завоевание независимости в процессе широкого аграрного движения, направленного и против абсолютистских захватчиков и против помещиков, как это провозглашал Дембовский, — таков вывод, содержащийся в указании, данном Марксом в канун революционных битв 1848 г.

В краковской революции и в (не названном прямо по имени) галицийском крестьянском восстании основоположники марксизма видели «бесповоротный переход польского народа на сторону демократии»;¹⁶² в этом выступлении народа — крестьянства — с антифео-

¹⁵⁹ См.: Е. Kostołowski. Studja... s. 299—303. Отрывки из книжки Хельтмана и Зенковича приводятся и в издании: «*Rok 1848 w Polsce*». Wybór źródeł. Opracował S. Kieniewicz. Wrocław, 1948, s. 9—16.

¹⁶⁰ Е. Chojecki. Rewolucjonizm i stronnictwa wsteczne w 1848 r. Wyd. 2-e, przejrzone, z dodaniem wstępu o wypadkach obecnych przez L. Zienkowicza («*Wizerunki polityczne dziejów państwa polskiego*», t. III. Biblioteka pisarzy polskich, t. XXX). Lipsk, 1865, s. XIII i n., 74—77.

¹⁶¹ К. Маркс. Речь по польскому вопросу (22 февраля 1848 г.). — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. V, стр. 263.

¹⁶² Ф. Энгельс. Речь по польскому вопросу (22 февраля 1848 г.). — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. V, стр. 266.

дальними, демократическими лозунгами «заклучалась, — по словам Энгельса, — победа демократии, отмеченная краковской революцией».¹⁶³ Эта победа давала основание надеяться, что неудача краковского восстания, несвязанность крестьянского движения с буржуазно-демократическим и их столкновение лишь преходящие явления, уроки которых будут учтены в будущем.

Наиболее ярким показателем того, какое значение придавали Маркс и Энгельс краковскому восстанию 1846 г., является известное положение «Манифеста Коммунистической партии»: «Среди поляков коммунисты поддерживают партию, которая ставит аграрную революцию условием национального освобождения, ту самую партию, которая вызвала краковское восстание 1846 г.».¹⁶⁴

И не случайно столь близка по звучанию к заключительным строкам «Коммунистического Манифеста» приведенная выше оценка Энгельса демократической, почти пролетарской смелости действий краковских революционеров. В момент выхода в свет «Коммунистического Манифеста» и произнесения речей на брюссельском митинге Маркс и Энгельс обращались к краковскому восстанию как к самому свежему и самому яркому образцу революционного порыва.

Австрийское правительство после официального заявления о том, что крестьяне в Галиции восстали на защиту обожаемого монарха, стремилось ликвидировать восстание исподволь. Император обратился к «верным галицийцам», призывая их «вновь вернуться к мирным занятиям и точно исполнять повинности (obowiązki poddańcze)».¹⁶⁵ Это воззвание вызвало возмущение крестьян. «Раз нет панов, не должно быть и панщины», — заявляли они. Крестьяне не только отказывались от исполнения барщины. Во многих местах они выдвигали требование раздела помещичьих земель. Показателен в этом отношении рапорт австрийского чиновника, который сообщал, что Шеля на вопрос — на каком основании крестьяне не исполняют барщины, заявил: «Там, где паны убиты, обрабатываем поля, так как урожай принадлежит нам; там же, где паны живы, не делаем ничего, пусть сами обходятся как знают, мы хотим выплачивать в деньгах вместо отработки барщины».¹⁶⁶

13 апреля 1846 г. был издан императорский патент, которым крестьяне в Галиции были освобождены от подводной повинности на далекое расстояние и от принудительных платных помочей. Это «благодеение», ни в коей мере не коснувшееся основного гнета, тяготевшего на крестьянстве, было принято им как обман. Ширились слухи о том, что чиновники утаили настоящий патент, отменяющий барщину; крестьянское движение не только не затухало, но, наоборот, с конца марта приобрело еще больший размах. Его антифеодальный характер вырисовывался все более явственно.¹⁶⁷

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. М., Госполитиздат, 1948, стр. 100.

¹⁶⁵ A. I. Świątchowski. Historia chłopów... , s. 292.

¹⁶⁶ M. Janik. Zesłanie Jakuba Szeli na Bukowinę. Kraków, 1934, s. 10. Цит. по книге: E. Kostołowski. Studja... , s. 357.

¹⁶⁷ Br. Łoziński. Agenor Gołuchowski, s. 30. Еще 15 мая 1846 г. А. Е. Козьян сообщал ген. Фр. Моравскому: «Завтра отправляюсь в Галицию; уверяют, что можно ехать без опасения погибнуть под цепями» (А. Е. Козьян. Listy, t. II, cz. I. Lwów, 1894, s. 28). Интересно указание Зали, что в конце марта отмечался отказ крестьян от работы на барщине в районах, которые совершенно не были охвачены крестьянским движением в феврале — начале марта (S a l a, S. 314).

Австрийские власти применили военную силу. До сентября 1846 г. в Западной Галиции действовали полевые суды, приговаривавшие к повешению каждого крестьянина, схваченного с оружием в руках.¹⁶⁸

Правительству было, однако, ясно, что одни лишь экзекуции и «льготы», данные патентом от 13 апреля, не обеспечат умиротворения провинции. Некоторые чиновники были убеждены в невозможности сохранить барщину. Так, губернский референт по барщинному вопросу, советник Эмингер, бывший позднее наместником Нижней Австрии, сообщал надворной канцелярии: «Недавние печальные события ясно показали, что в сельском населении царит глубокая ненависть к барщине, с которой, к сожалению, связаны частые злоупотребления. Эта ненависть вследствие последних событий выросла до явного сопротивления. Старания властей, поддержанные многочисленными военными мероприятиями, восстановили, правда, в данное время послушание общин, но ненависть населения не прекращается и следует опасаться, что она будет постоянно вызывать столкновения между помещиками и крестьянами, усиливая возмущение последних и неудовлетворенность первых, а тем самым нарушать социальный строй страны и будет угрожать общественной безопасности, особенно потому, что враги социального порядка не перестают использовать этот горячий материал для своих коварных целей. Такое положение вещей, опасное для внутреннего спокойствия провинции и государства, является для правительства более чем достаточным мотивом, чтобы заняться рассмотрением вопроса об отмене барщины и введении вместо нее эквивалента».¹⁶⁹

Правительство отвергло это предложение, опасаясь нежелательных последствий в других землях монархии. Однако оно признало необходимость принятия новых мер по крестьянскому вопросу.

В конце мая Криг, оставшийся во главе администрации Галиции после отзыва наместника эрцгерцога Фердинанда д'Эсте, созвал комиссию для обсуждения вопроса о крестьянской реформе. В состав комиссии вошли два члена сословного отдела — губернский советник граф Агенор Голуховский и Маврикий Краинский, которые представили обширный проект реформы.¹⁷⁰ Проект предусматривал полную отмену барщины с выкупом ее крестьянством при одновременной отмене сервитутов.

По расчетам Голуховского и Краинского выкуп должен был равняться 20-кратному годовому доходу помещиков за вычетом 30%, складывающихся из 5% за освобождение от обязанностей собирать с крестьян урбариальный налог, 5% за пастбищные и 10% за лесные сервитуты, 10% за освобождение от патримониальных обязанностей в отношении крестьян. Одновременно должен был быть отменен за выкуп и урбариальный налог. На всю сумму выкупа помещикам (за барщину) и государству (за урбариальный налог) крестьянские общины должны были выдать 4%-ные облигации.

Авторы проекта приводили следующий расчет: годовой доход помещиков Галиции составляет 5 800 тыс. гульденов. За вычетом 30% и 531 600 гульденов урбариального налога оставалось 3 528 тыс. гульденов, что и являлось основной цифрой расчета выкупа. За 20 лет при 4% годовых помещики должны были получить 70 567 822 гульдена.

¹⁶⁸ Bol. Li m a n o w s k i. *Historja demokracji polskiej w epoce porozbiorowej*, wyd. 2-e, Warszawa—Kraków, 1922, cz. 2, s. 195; S a l a, S. 316.

¹⁶⁹ Цит. по статье: Br. Ł o z i ń s k i. *Z teki Maurycyego Kraińskiego*.—Szkice, s. 164; см. также: M. K r a i ń s k i. *Regesty*, s. 12.

¹⁷⁰ M. K r a i ń s k i. *Regesty*, s. 12. Этот проект детально изложен в книге: Br. Ł o z i ń s k i. *Agenor Gołuchowski*, s. 17—24.

Приведя этот проект, Лозинский патетически восклицает: авторы «хорошо понимали, что в своем проекте дошли до крайней границы уступок крестьянам и правительству».¹⁷¹ Для того чтобы оценить по достоинству эту «крайнюю границу» уступок, укажем для сравнения, что при действительном вознаграждении помещиков за отмену барщины они получили в 50—60-х годах 73 483 842 гульдена,¹⁷² однако это вознаграждение не было связано с ликвидацией сервитутов. Как видно, Голуховский и Краинский в своем проекте не обделяли помещиков.

Проект этот особенно ярко показывает стремление помещиков добиться при отмене барщины одновременно ликвидации сервитутов, т. е. окончательно и полностью закрепить за собой захваченные общинные земли. Лишение крестьян леса и пастбищ обеспечивало, по мнению этих «реформаторов», условия для дальнейшей кабальной эксплуатации крестьян.

Для разработки мероприятий по крестьянскому вопросу в Галицию был направлен в качестве чрезвычайного и полномочного гофкомиссара граф Рудольф Стадион.

Галицийские помещики встретили Стадиона рядом петиций. Известный драматург граф Александр Фредро убеждал его в своем мемориале, что «патриархальная власть принадлежит помещикам, и никто ее в полной мере не заменит». В то же время Фредро пугал правительство тем, что «власть помещиков, какова она сейчас, не сможет долго противостоять мощи крестьянства». Далее, описав продажность чиновников и их враждебность помещикам, Фредро заявлял: «Обязанностью низших чиновников должно быть убеждать народ, что барщина это не только собственность пана, но одновременно и элемент порядка, установленного силою закона и волею монарха, что тот, кто не исполняет в этом отношении своих обязанностей, нарушает право собственности и сверх всего выступает против указанной высочайшей воли и, если его постигнет кара, то не за то, что он замешкался в работе на пана, а за то, что он сопротивляется установленному императором закону».¹⁷³ Мемориал Фредро пользовался чрезвычайной популярностью среди галицийских помещиков, его переписывали и распространяли.

107 помещиков подало в июне 1846 г. властям адрес, в котором предлагали осуществить реформу, в основных чертах повторяющую уже знакомый нам проект Красицкого — сохранение барщины при одновременном признании за крестьянами права собственности на рустикальные земли. Авторы подкрепляли этот проект аргументом, которого не было у Красицкого — сохранение барщины должно было убедить крестьян в неоспоримости права помещиков на крестьянские повинности.¹⁷⁴ Реформу должна была подготовить созданная в 1845 г. сословным сеймом комиссия.

Результатом деятельности Рудольфа Стадиона было издание 25 ноября 1846 г. трех циркуляров, согласно которым за крестьянами признавалось право *użytkowej* собственности на их землю — они могли ее передавать, завещать, отягочать долгами до $\frac{2}{3}$ ее ценности — с сохранением верховного права собственности помещика; нормой владения признавалось распределение земель на 1820 г., а не на 1786 г., как это было ранее; нако-

¹⁷¹ Br. Łoziński. *Agenor Gołuchowski*, s. 24.

¹⁷² I. Франко. Панщина, стр. 104.

¹⁷³ A. Fredro. *Uwagi nad stanem socjalnym Galicji* воспроизведено в книге: St. Schnür-Pełowski. *Z papierów po Fredrze*, s. 71—91.

¹⁷⁴ E. Kostołowski. *Studja...*, s. 145, 358; I. Франко. Панщина, стр. 72—74.

нец, мерой повинностей в пользу помещика признавалась половина занесенных в кадастр доходов крестьянских хозяйств данного имения.

Реформа Стадиона должна была несколько уменьшить размеры барщины.¹⁷⁵ Она, однако, оставляла нерушимым основы феодальных отношений, оставляла в силе барщинный труд и закрепляла юридические результаты экспроприации крестьянских земель в период 1786—1820 гг. В некоторых округах Галиции (Тарновском, Бохенском, Самборском, Коломыйском) крестьяне протестовали против этой реформы так бурно, что правительство было серьезно обеспокоено.¹⁷⁶

Проведение в жизнь реформы было поручено новому наместнику Галиции Францу Стадиону, который сразу же столкнулся с серьезным недовольством помещиков деятельностью своего брата. Им были созданы для обсуждения порядка проведения реформы две комиссии: чиновников и помещиков. В составе последней наиболее деятелен был Маврикий Краинский, который вновь предпринял попытку склонить власти к одобрению проекта, представленного им вместе с Агенором Голуховским годом ранее. Аргументация Краинского свидетельствует, что помещики были весьма напуганы фактом отмены части барщины без вознаграждения. Краинский пытается задеть самые слабые струны в сердцах австрийских сановников: «Уменьшение барщины без всякого вознаграждения, как это предполагается сделать согласно циркуляру от 25 ноября 1846 г., подрвало бы принципы морали у крестьян, так как вследствие такой перемены крестьянин либо проникся бы убеждением, что помещик не имел прав на барщину, — а такое убеждение в случае принудительного выполнения оставшейся после регуляции барщины возбудило бы в нем подозрение и антипатию к самому же правительству, — либо вновь принужденный считать барщину законной собственностью помещика, должен был бы утратить всякое уважение к чужой собственности».¹⁷⁷

Проект Краинского не был принят и на этот раз, не получили реального осуществления и уже обнародованные циркуляры Рудольфа Стадиона. Галицийское губернское управление было все еще занято подготовкой осуществления этой куцой реформы; наконец подготовка была завершена, и в Вену была направлена об этом реляция. Это было 17 марта 1848 года!¹⁷⁸

По иронии судьбы одновременно происходило собрание группы помещиков на дому у Маврикия Краинского, где было решено составить адрес императору с просьбой созвать сословный сейм для принятия решения об отмене барщины «за справедливое вознаграждение».¹⁷⁹ Решено было на следующий день собрать находящихся во Львове помещиков и предложить им проект адреса.

Таким образом, и галицийские власти и помещики строили планы проведения ограниченной крестьянской реформы «сверху», не зная еще того (на следующий день это стало известно не только им, но и всему Львову), что Вена, в которую они адресуют свои проекты и донесения, охвачена

¹⁷⁵ По расчетам Краинского (Br. Łoziński, Szkice, s. 179) — на 27%. Данные Вл. Грабского (Historja wsi w Polsce, s. 323), что помещики должны были потерять до 15 млн. дней барщины в год, несомненно преувеличены. Франко (Панщина, стр. 76—78) указывает, что по расчетам помещиков их доход должен был уменьшиться на 705.700 гульденов в год (менее чем на 16%).

¹⁷⁶ M. Kraiński. Regesty, s. 14; Br. Łoziński. Szkice, s. 167—169.

¹⁷⁷ Br. Łoziński. Szkice, s. 180.

¹⁷⁸ Br. Łoziński. Agenor Goluchowski, s. 36.

¹⁷⁹ M. Kraiński. Regesty, s. 17.

революцией, и что ни ничтожным циркулярам Рудольфа Стадиона, ни ничтожному галицийскому сословному сейму уже не придется играть роли в решении крестьянского вопроса.

5. Вопрос о крестьянской реформе в марте—апреле 1848 г.

17 марта 1848 г. во Львове были получены первые известия о революции в Вене. На следующий день, когда достоверность известий уже не внушала сомнений, группа горожан, руководимая популярным и деятельным журналистом Яном Добжанским, обратилась к бывшему члену Объединения польского народа Роберту Хеферну с предложением выработать адрес-петицию императору. Вечером 18 марта адрес был составлен Хеферном совместно с двумя его сотоварищами по тайным обществам, уже упоминавшимся нами, — Францишком Смолькой и Флорианом Земьялковским. Для настроений авторов адреса показательным, что они рассчитывали собрать под адресом около сорока подписей.¹⁸⁰ Однако в воскресенье 19 марта на центральной площади города — пл. Фердинанда (Мариацкой), у дома, где помещалась редакция журнала, в котором сотрудничал Добжанский, собрались толпы народа. Добжанский читал адрес с балкона и в короткий срок под адресом было собрано более 12 тыс. подписей. Узкое, кружковое начинание получило, вопреки предположениям его инициаторов, значение массового народного движения. Львовский адрес стал первой политической программой, выдвинутой в Галиции в ходе революции 1848 г.

Вступительная часть адреса¹⁸¹ рисовала тягостное положение Галиции; здесь отмечалось отсутствие элементарных свобод, произвол чиновников, «безосновательные и противоестественные препятствия развитию и употреблению национального языка, национальных обычаев и свободному выражению мысли», недостаточность представительства населения в сейме, порочная процедура судов, отсутствие городского самоуправления. «Полный упадок народных школ и являющаяся следствием этого темнота народа сделали возможным несчастные события 1846 г. Галицийские сословия [т. е. сословный сейм. — И. М.] уже много лет просят, также безрезультатно, об урегулировании отношений и даже об отмене всех повинностей; после полного насильственного разрыва в феврале 1846 г. патриархальных уз, связывавших помещиков и подданных, полная отмена всех крестьянских повинностей и зависимого положения, так же как и урегулирование владений, является неизбежной необходимостью».

Далее следовало 13 пунктов, в которых выражались конкретные пожелания. Несколько пунктов содержали национальные требования: отмена всех ограничений, мешающих свободе развития польской народности, введение польского языка в школах, судах и политических учреждениях; удаление всех чиновников-негалицийцев и замещение должностей только уроженцами Галиции; реорганизация армии на национальной основе, земские галицийские войска должны расквартировываться в Галиции и иметь офицеров-галицийцев. Ряд пунктов формулировал программу конституционных преобразований: отмена сословного представительства, скорейший созыв реорганизованного провинциального сейма; равенство граждан перед законом независимо от сословной принадлежности и вероисповедания; отмена цензуры; издание нового муниципального закона; введение гласного

¹⁸⁰ F. l. Ziemiałkowski. Pamiętniki. Kraków, 1904, cz. 1, s. 8.

¹⁸¹ Текст адреса: «Jutrzenka», 1848, № 5, 27. III; см. также: K. Widmański. Franciszek Smolka, s. 139—142 (польский текст), 806—809 (немецкий текст).

судопроизводства с судами присяжных; к этой группе требований относится и объявление всеобщей политической амнистии.

Пункт 10-й адреса гласил: «Полная отмена барщины и всех крестьянских повинностей, чем галицийские помещики хотят сделать дар своим нынешним (dotychczasowym) подданным; также полная отмена зависимости и сервитутов (służebnictw pospolnych), существующих до сих пор между землевладельцами и крестьянами, одновременное урегулирование владений».

Адрес в целом представлял собою национально-буржуазную программу. Авторы его не решались в полный голос провозгласить лозунг восстановления польского государства, как это делалось в более поздних документах, например, в адресе, принятом галицийской депутацией в Вене 6 апреля 1848 г. Более того, выдвигая требования, имевшие по существу целью подготовить и обеспечить восстановление независимого польского государства или по меньшей мере создание автономной польской Галиции (пункты, касающиеся администрации и армии), авторы адреса стремились, очевидно, избежать резкого подчеркивания национального оттенка этих требований, придавали им по внешности земский характер (говоря не о поляках, а о галицийцах, уроженцах Галиции и т. п.). Эта сдержанность, объяснявшаяся, без сомнения, неуверенностью перед лицом еще вчера могущественной австрийской государственной машины, сделала в тот момент мартовский адрес приемлемым и для украинского населения Львова, которое с энтузиазмом поддержало его.¹⁸² Лишь в дальнейшем, с начала апреля, когда выступления польских политических деятелей и прессы начали отчетливо свидетельствовать о полном нежелании их учитывать и поддерживать украинские национальные требования, доходя нередко даже до отрицания самого существования украинского народа как отдельного национального организма, лишь с этого времени отошедшие в первые дни революции на задний план национальные противоречия в Восточной Галиции обострились с новой, небывалой до этого силой.

Если национальная сторона намеченной адресом программы представляла собой лишь первый неуверенный эскиз, то с еще большим основанием можно сказать это о политической стороне этой программы. Ее буржуазный характер несомненен, но как ограничен круг ее требований! В том виде, как ее формулировал адрес от 18 марта, эта программа не выходила за рамки умеренного буржуазного либерализма. И если она встретила единодушное одобрение и поддержку радикальной буржуазной интеллигенции, студенчества, ремесленников и городской бедноты, то это объясняется прежде всего политической незрелостью этих слоев, еще накануне живших в условиях феодально-абсолютистского меттерниховского режима.

Нам известен лишь окончательный текст адреса, не позволяющий, к сожалению, определить, каков был его первоначальный проект, какие пункты или редакционные поправки были внесены в ходе обсуждения адреса, чьи интересы они отражали. Это лишает нас возможности проследить идейно-политическую борьбу вокруг этого первого программно-документа революции первых дней 1848 г. в Галиции. Между тем, есть свидетельства того, что известный нам текст адреса создан не сразу, а был предметом обсуждений и исправлений и является по сути дела выражением известного классового компромисса. В то же самое время, когда составляли адрес три бывших «конспиратора», разрабатывался и еще один проект петиции на собрании

¹⁸² См.: Кореспонденція Якова Головацького в літах 1835—1849 («Збірник фільмольогічної секції НТШ», т. XI—XII). Львів, 1909, стр. 226—237.

группы помещиков у графа Александра Фредро. Показательно для настроений Смольки и его сотоварищей, что, узнав об этом, они прежде всего поспешили установить контакт с этой группой помещиков. Это не удивительно, так как, рассматривая свой адрес как частное или узко групповое начинание (ведь первоначально предполагалось собрать около сорока подписей), авторы адреса вероятнее всего имели в виду в качестве подписывающих «наиболее уважаемых» лиц, т. е. тех же титулованных и нетитулованных магнатов. В своем дневнике (который по форме велся от имени сына) Францишек Смолька записал под датой 19 марта 1848 г.: «В 9 часов утра отец [т. е. сам Смолька. — И. М.] несет этот адрес к барону Теодору Боровскому, чтобы его подписали некоторые граждане, которые должны там собраться. Первым подписывает адрес граф Казимир Дзедушицкий из Неслухова».¹⁸³ Эта скупая фраза имела целью не столько пояснить смысл встречи Смольки со специально собравшимися у Боровского помещиками, сколько затушевать его: сразу же после этого Смолька сообщает, что уже с 10 часов адрес был выставлен для всеобщего сведения и сбора подписей. Нет нужды гадать — действительно ли все переговоры между Смолькой и помещиками и дополнительное редактирование адреса продолжались всего один час или же Смолька в своем дневнике дал неверное описание этого момента. Несомненным является то, что, установив контакт с либеральными помещиками, группа Смольки согласовала с ними свой проект петиции. Исправленный текст был скреплен в первую очередь подписями этих либеральных помещиков.

Если сам факт отражения в тексте адреса влияния либеральных помещиков не вызывает сомнения, то, к сожалению, почти отсутствуют прямые указания на то, какие именно пункты адреса подверглись изменению. Мы располагаем в этом отношении лишь одним свидетельством, представляющим, однако, чрезвычайную ценность как по надежности источника, и специфике обстановки, в которой эта заметка появилась, так и по своему содержанию, так как она относится к представляющему для нас наибольший интерес пункту адреса — к вопросу о барщине. В дневнике, который Земляковский вел во время своей поездки в составе галицийской депутации в Вену, он записал 13 апреля 1848 г.: «Если бы шляхта 19 марта не выторговала себе этого словечка «хотим», то она лишила бы себя возможности всяких проволочек».¹⁸⁴

Влияние помещиков сказалось не только в появлении вводной фразы в пункте 10-м адреса. Можно с большим основанием предполагать, что и фраза во вступительной части адреса относительно многолетних просьб галицийского сейма об урегулировании отношений и об отмене всех повинностей исходила также от какого-либо близкого к сословному сейму лица, которое (предвосхищая поздние сожаления Бронислава Лозинского)

¹⁸³ Fr. Smolka. Dziennik, s. 263. О составлении адреса графом А. Фредро см.: St. Schnür-Pełowski. Z papierów po Fredrze, s. 92; L. Sapieha. Wspomnienia, s. 236. Необходимо в связи с этим отметить ошибочность тезиса Стефана Кеневича, заявившего в своем докладе на Вроцлавском съезде польских историков 1948 г.: «Инициативу дала группа демократов Смольки, главным образом благодаря тому, что руководители помещиков опоздали с определением своей позиции» (S. Kiepięciński. Galicja w roku 1848. — «Pamiętnik VII zjazdu historyków polskich», s. 273). Не останавливаясь на оценке группы Смольки как демократов, о чем нам уже приходилось говорить, заметим, что либеральные помещики не только не запоздали с определением своей позиции, но, воспользовавшись инициативой и помощью группы Смольки, сумели навязать свою программу массам львовского населения, превратив ее на некоторое время в общепризнанную «национальную» программу.

¹⁸⁴ Fl. Ziemiański. Pamiętniki, cz. 2, s. 79.

стремилось без особого уважения к фактам закрепить за этим малопочтенным учреждением приоритет в постановке вопроса об отмене всех крестьянских повинностей. (Впрочем Смолька, как показывает его речь 18 августа 1848 г. в венском парламенте, вполне усвоил эту фальсификацию и выступил в роли активного ее распространителя). Совершенно в духе того же сословного сейма и помещицкой публицистики звучит заявление о «насильственном разрыве патриархальных уз, связывавших помещиков и подданных».

Вопрос о том, справедливо ли мы относим приведенные выше отрывки за счет последующей редакции текста адреса, не столь существенен. Заранее ли Смолька, Земялковский и Хеферн приноравливались ко вкусам и взглядам либеральных помещиков или они только дали согласие на включение в адрес приведенных выше фраз, в конечном счете не играет существенной роли. Уже звучание этого, широко известного и всегда привлекавшегося при изучении событий 1848 г. документа должно было бы заставить задуматься тех польских историков, в исследованиях которых Смолька и Земялковский выступали в ореоле национальных героев, революционных вождей и уж во всяком случае демократов. Пример Кеневича свидетельствует о том, что легенда о демократизме Смольки и его единомышленников живет в польской историографии и в наше время.

Не демократические, а помещицьи тенденции звучат в изображении феодально-крепостнических отношений как патриархальных, в объяснении событий 1846 г. невежеством крестьян, в выдвигании и самой форме выдвигания вопроса о сервитутах.

Наконец, даже само столь радикально звучащее требование отмены барщины и всех крестьянских повинностей, которое помещики сумели снабдить такой удобной, как замечает сам Земялковский, оговоркой, было лишено уже в известной степени прежней антипомещицкой заостренности; оно поддерживалось определенными кругами либеральных помещиков. Среди поборников отмены барщины мы встречаем известного нам маршалка сословного сейма Тадеуша Василевского,¹⁸⁵ либеральных магнатов кн. Юрия Любомирского, графа Лешка Дунина-Борковского и др.

Число помещиков, надевавшихся на то, что барщину удастся сохранить, после 1846 г. значительно поредело. Начало революционных событий 1848 г. еще более способствовало этому. Два противоречивых чувства боролись в умах помещиков весной 1848 г.: с одной стороны, они хотели расстаться с барщиной как можно позднее и на как можно более выгодных условиях; с другой же — боялись новой волны крестьянских восстаний. Тон и содержание всех многочисленных и разнообразных помещицких выступлений этой поры по вопросу о барщине определялись не столько экономическими или общеполитическими соображениями, сколько воздействием конкретной политической и социальной обстановки.

Боязнь крестьянских восстаний нашла отражение и в мартовском адресе, пункт 6-й которого гласил: «Как можно более скорое всеобщее вооружение городов в целях поддержания спокойствия и порядка, безопасности личности и собственности».

Если создававшиеся в этот период во всех охваченных революцией странах Европы, в том числе и в различных землях Австрии, местные национальные гвардии были вооруженной силой буржуазии, предназначенной

¹⁸⁵ См. его письмо Ивану Федоровичу от 3 апреля 1848 г., опубликованное Франко: «Причинки до історії 1848 р. подав др. Іван Франко.» — ЗНТШ, т. LXXXVIII. Львів, 1909, стр. 105.

прежде всего для упрочения ее политических завоеваний и для подавления революционного пролетариата, а у угнетенных национальностей, кроме того, и основным костяком национального движения, то в Галиции национальная гвардия имела помещичье-буржуазный характер, и создание ее диктовалось в первую очередь страхом перед возможными крестьянскими восстаниями.¹⁸⁶

Постановка крестьянского вопроса в мартовском адресе отражала стремления и опасения либеральных помещиков; в ней проявилось уже в первые дни революции 1848 г. соглашение либеральной буржуазии и либеральных помещиков, создание польского н а ц и о н а л - л и б е р а л ь н о г о политического лагеря.

В предшествующих главах мы говорили лишь о зарождении буржуазного либерального течения в рамках только по внешности единого демократического лагеря. Отмечавшиеся нами ранее весьма серьезные по своему идейному и практическому значению расхождения и конфликты в демократическом лагере были следствием его внутренней разнородности. Но объединенные в общих организациях, исповедующие по внешности одни и те же (а в основном и определяющем их деятельность программном вопросе — национальном — и по сути дела одни и те же) взгляды, разнородные элементы этого лагеря, без сомнения, и сами далеко не всегда отдавали себе отчет в различии своих интересов. Этому смещению, внешнему нивелированию содействовала и практика австрийской полиции и юстиции. Тот факт, что Смолька и Земляковский за участие в деятельности Объединения польского народа были еще в 1845 г. приговорены к смертной казни, не мог не способствовать росту их популярности и доверия к ним в демократических кругах.¹⁸⁷ Генезис галицийского либерализма можно и должно проследживать в предшествующий 1848 г. период. Необходимо, однако, подчеркнуть, что лишь 1848 год создал условия для широкого оформления либеральной программы и превращения либерализма в активную политическую силу. Если до 1848 г. это направление было представлено лишь немногочисленными буржуазными интеллигентами, то в революции вокруг них объединились либеральные помещики (что и определило силу и значение этого лагеря).

В чем же заключались основные различия позиций трех политических направлений польского общества в Галиции в 1848 г. — демократического, либерального и консервативного? Мы должны прежде всего констатировать, что правильно оценить расстановку политических сил в революции 1848 г. в Галиции, принимая в качестве о п р е д е л я ю щ е г о элемента их национальную программу, невозможно. Применение такого ошибочного принципа приводило одних историков (Лимановский, В. Фельдман) к неправомерному и создающему искаженное представление о всем ходе событий распространению понятия «демократия» на галицийских либералов, а другим служило основанием, иногда в противоречии с их собственными поли-

¹⁸⁶ Józef Gollenhofer. Rewolucja krakowska 1848 roku. Kraków, 1908. («Biblioteka krakowska» № 38), s. 32—33. Особенно ярко отражает этот факт анонимная брошюра (автором ее одни исследователи считают Колосовского, другие — Дорана). «Położenie obecne. Głos z emigracji». Kraków, 1848, s. 7. Брошюра датирована 24 марта 1848 г.

¹⁸⁷ Описывая в панегирических тонах деятельность умеренного либерала помещика Францишка Тшепеского, Вл. Кухарский указывает, что сторонники Централизации стремились лишить его героя всякой популярности, и возврату этой популярности Тшепеский «был обязан лишь преследованиям со стороны тогдашнего правительства». См. Wł. Kucharski. Wiosna ludów w Jasielskiem. Lwów, 1910, s. 62.

тическими взглядами (Франко), для реабилитации контрреволюционной украинской Головной Рады. Действительно, и польская буржуазная демократия и польский буржуазно-помещичий либерализм стремились к восстановлению независимого польского государства; вместе с тем, оба эти лагеря равно игнорировали справедливые национальные требования украинцев, объективно способствуя этим укреплению позиций Головной Рады. Политический водораздел в польском обществе проходил не по этой линии. Было бы серьезной ошибкой умалять значение национального вопроса при оценке позиции различных лагерей польского общества в революции 1848 г. Только учитывая национальную программу польских либералов, можно понять, например, почему они в подавляющем большинстве отвергли популярную среди либералов других славянских народов Австрии австро-славистскую программу, почему в венском и кромержижском парламенте польские либералы оказались на левых скамьях, в то время как чешские на правых и т. п.

Однако основным вопросом в революционных событиях 1848 г. в Галиции был социальный вопрос, и именно он являлся пунктом политического размежевания в польском обществе.

Нам приходилось отмечать, что у польских буржуазных демократов задача восстановления независимости государства нередко оттесняла на второй план программу социального преобразования общества. Однако эта программа буржуазно-демократического переустройства была для них не внешним привеском, демагогическим маневром, а конкретной сущностью будущего государства. Даже ограничивая по ложным тактическим соображениям своего программу, буржуазные демократы оставались верны ее принципам.

В отличие от них либералы стремились ограничить решение социальных вопросов лишь не и з б е ж н ы м и преобразованиями. Более того, сами эти преобразования они хотели использовать в качестве орудия ограничения политической активности народных масс. Если демократы рассматривали крестьянство как важнейшую силу, которую надо вовлечь в борьбу за создание польского демократического государства, то либералы больше всего боялись крестьянства и в крестьянской реформе видели прежде всего средство его умиротворения. Либералы умело использовали ошибки и слабые стороны тактики демократов. Спекулируя на лозунге национального единства, они требовали осуждения агитации, которая могла бы вызвать повторение «ужасов 1846 года», изображали крестьянство враждебным революции, всецело поддерживающим австрийские власти и т. д. Цель, которую они при этом преследовали, — ослабить и сковать опасную деятельность демократических агитаторов, — была в значительной степени достигнута: среди демократов получила широкое распространение идея примирения помещиков и крестьянства путем осуществления отмены барщины как добровольного дара помещиков. Приняв этот принцип, демократы полностью выпустили из своих рук инициативу в решении крестьянского вопроса и оказались в зависимости от либеральных помещиков.

Либералов и демократов различали не только их позиции в отношении крестьянского вопроса. Не желая компрометировать себя, либералы не поддерживали монархических лозунгов консерваторов, но им был чужд последовательный демократический республиканизм. Весьма ограниченный характер имели конституционные идеалы либералов. Наконец, совершенно различны тактические принципы обоих направлений. С одной стороны, старые навыки конспиративной деятельности, с другой — настойчивое провозглашение легальных методов достижения своих целей; с одной сто-

роны, несмотря на все ошибки, революционно-демократическая тактика, с другой, несмотря на пристрастие к патриотической фразеологии, — стремление втиснуть революцию в прокрустово ложе парламентаризма.

Нельзя, вместе с тем, ставить знак равенства между либералами и консервативно-помещичьим лагерем. Либералы отвергали устаревшую сословную организацию общества, их идеалом было не феодальное сословное представительство, а буржуазный парламентаризм. Действуя нередко в блоке с консерваторами, особенно с наиболее политически гибкой в этом лагере, не чуждавшейся для демонстрации своего патриотизма демагогической фразы и жеста, группой Чарторыйского и его сторонников, используя созданное ими оружие для борьбы с демократическими идеями, либералы не сливались с консерваторами, они сохраняли свое особое социальное и политическое лицо.

Мы остановились специально на проблеме выявления и выделения либерального направления, так как она имеет существенное значение для оценки той борьбы, которая развернулась в Галиции на первом этапе революции 1848 г. вокруг крестьянской реформы. Не имея возможности в рамках настоящей статьи всесторонне осветить эту, заслуживающую самостоятельного исследования проблему, мы считали необходимым сформулировать здесь в основных чертах свою точку зрения, необходимым тем более, что постоянное, типичное для польской историографии различных направлений смешение политических лагерей, программ и т. д.¹⁸⁸ чрезвычайно усложняет и без того нелегкую задачу исследования событий 1848 г. в Галиции. В определенной мере подобное смешение можно объяснить не только политическими тенденциями авторов, стремившихся переокрасить либералов в демократов, но и произвольным перенесением по инерции привычного представления о борьбе двух основных лагерей — демократического и аристократического, представления, отражавшего идейно-политическую борьбу в предшествующий период, и на 1848 год. Здесь, однако, оно становится узким, не отражая действительной расстановки сил, и должно быть отброшено.

Выдвигая изложенное мнение, мы отнюдь не претендуем на полную оригинальность. Различие между таким «демократом», как Смолька, и такими «крайними», как Хельтман и Подолецкий, естественно, не могло не быть замечено и отмечено как современниками, так и историками. Однако типичной является тенденция рассматривать их как представителей одного и того же направления, различающихся лишь постольку, поскольку эмигрант отличается от исконного галицийца (*krajowca*), а то

¹⁸⁸ Кроме уже упомянутых в этой связи работ Лимановского и Фельдмана, подобной путаницей грешит и сравнительно новая работа Костоловского, чему способствует само построение книги, излагающей в двух отдельных разделах взгляды демократов и взгляды консерваторов и не учитывающей существование либерального направления. Как пример очевидной путаницы укажем, что Костоловский причисляет к демократам графа Леона Жевуского, именуя его даже «пионером социалистического направления» (стр. 82). Автор сам чувствует шаткость подобной оценки и уже страницей далее принужден оговорить, что «это был социализм скорее по названию». В действительности в сумбурных построениях Жевуского можно найти лишь элементы того «феодального социализма», который был так уничтожающе осмеян Марксом и Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии». «Первым социалистом в Галиции» именуется Жевуского и Кеневич. По его мнению, «Леон Жевуский, по убеждениям социалист, даже значительно опережал» революционное движение 1848 г. в Галиции (*S. Kieniewicz. Czyn polski w dobie Wiosny Ludów. Warszawa, 1948, s. 73, 88*). Несравненно более основательную характеристику Жевуского мы находим в старой, отнюдь не претендующей на научное значение книге Дембицкого, который, целиком сочувствуя Жевускому, характеризовал его «социализм» как предвосхищение энциклик папы Льва XIII. См.: *L. Dębicki. Portrety i sylwetki, serja I, Kraków, 1905, s. 190.*

и просто объяснять это различие только несходством темперамента. Исключение в известной мере составляет лишь старая работа Кароля Видмана, посвященная Смольке, где автор говорит о существовании в Галиции в 1848 г. трех течений: аристократического, демократического, или национального, и ультрадемократического, или революционного; к последнему он относит и своего героя. Центр и левая, кроме самых крайних ее групп, пишет Видман, объединились в общее национал-либеральное течение.¹⁸⁹ Если отвлечься от терминологии Видмана, то его окончательная схема вполне приемлема: демократы («крайние ультрадемократы» у Видмана), либералы и консерваторы; само же определение течения, к которому принадлежал Смолька, как национал-либерального, нам представляется чрезвычайно удачным. Рассуждения Видмана любопытны еще и потому, что он рисует оформление национал-либерального течения как результат блока Смольки и примыкающих к нему «ультрадемократов» (а в действительности — либеральной буржуазии) с более правыми элементами, т. е. либеральными помещиками. Так, по существу, и обстоит дело. Совершенно неприемлемая терминология, которой пользуется Видман, искажает истинное лицо соответствующих политических сил, однако динамика их группировки отражена правильно, и тут чувствуется не столько анализ историка, сколько непосредственное впечатление современника и участника событий 1848 г.¹⁹⁰

Возвратимся к мартовскому львовскому адресу и его постановке крестьянского вопроса. В условиях революционного подъема, тем более при таком обострении аграрных отношений, какое было в Галиции, провозглашение необходимости крестьянской реформы не могло встретить открытого противодействия. Вопрос заключался не в том — осуществлять реформу или нет, так как она была неизбежна, а в том — кто, какими методами и на каких условиях ее осуществит.

Львовский адрес выдвинул принцип дарования помещиками крестьянам феодальных повинностей и своих верховных прав на крестьянскую землю. «Дарование» стало лозунгом, настойчиво повторяемым всей либеральной печатью. Либералы видели в нем средство предотвращения революционных потрясений. Но этот лозунг был, как мы уже говорили, принят и демократами. Причины этого хорошо объясняет воззвание львовских студентов, целиком поддерживающее принцип дарования, как единственно возможный после 1846 г. метод отмены барщины.¹⁹¹ Дарование барщины помещиками должно примирить с ними крестьян, предотвратить повторение крестьянских восстаний, способствовать созданию национального единства. Нет нужды выяснять соотношение либерального и демократического влияния на львовское студенчество, так как совершенно такую же аргументацию мы встречаем в дальнейшем в бесспорно демократических органах.¹⁹²

¹⁸⁹ K. W i d m a n n. Franciszek Smolka. . . , s. 136—137.

¹⁹⁰ Интересна характеристика партий, которую дает консерватор генерал Роман Выбрановский, фактический, а затем и официальный командующий львовской национальной гвардией в апреле—ноябре 1848 г. Он с чрезвычайной враждебностью, почти с ненавистью говорит о «централизаторах» и вполне сочувственно отзываясь о «демократах», людях спокойного поведения, не во что не вмешивавшихся, не устраивавших никаких смут. См.: R. W y b r a n o w s k i. Pamiętniki. Lwów, 1882, t. I, s. 360—363.

¹⁹¹ «Odezwa akademików względem pańszczyzny»; см.: E. K o s t o ł o w s k i. Studja. . . , s. 89.

¹⁹² «Dziennik Stanisławowski», 1848, №9, 30. IX (статья Хельтмана «Zniesienie pańszczyzny w Galicyi»); см.: Demokracja, s. 167—172; «Trzy dokumenta z dziennika paocznego świadka». — Wizerunki, t. II, s. 243—267.

Принимая принцип дарования, демократы тем самым, несмотря на все возможные оговорки, отказывались по существу от одного из наиболее действенных средств своей агитации; коль скоро за помещиком признавалось право даровать барщину, это было равносильно косвенному признанию законности прав помещика на барщину, на эксплуатацию крестьянского труда. Это было широко использовано помещичьей публицистикой различных толков и направлений. Не следует думать, что накануне неизбежной ликвидации барщины спор о законности прав помещика был беспредметным и имел лишь теоретическое значение; признание их создавало базу для претензий помещиков на то или иное по форме и объему вознаграждение. И хотя в 1848 г. в Галиции демократы продолжали еще протестовать против вознаграждения, они, однако, уже стали на тот путь, который в 1863 г. в Королевстве Польском привел их к компромиссу с «белыми», к признанию вознаграждения.¹⁹³ Впрочем, уже в 1848 г., отвергая вознаграждение в прямом и открытом его виде, они не замечали или делали вид, что не замечают попыток помещиков обеспечить за собой скрытые виды вознаграждения (например, в вопросе о сервитутах).

С другой стороны, отказ демократов от осуществления реформы торжественным актом, производимым революционными органами власти, был прямой капитуляцией перед помещиками, передачей дела реформы в их руки.

Львовский адрес вообще не давал ясного ответа на вопрос — кто должен осуществить реформу. Она выдвигалась как единодушное желание помещиков, и из этого можно было бы заключить, что составители адреса и все скрепившие его своей подписью представляют себе реформу как частное дело единичных помещиков или как произведенный при посредстве какого-то местного органа сословный акт. Однако в прямом противоречии с такой трактовкой было само включение пункта, говорящего о крестьянской реформе, в число требований или пожеланий, адресуемых общеавстрийской государственной власти. Наряду с двусмысленным словом «хотят» это придавало вопросу крестьянской реформы в либеральной программе (каковой являлся адрес) особенную неопределенность и недейственность.

Депутация, направленная в Вену для вручения адреса императору, могла по пути убедиться, что даже в округах, которые были основным очагом крестьянского восстания 1846 г., помещики далеко не склонны к добровольному и решительному отказу от барщины. Любопытны записи из дневника Земялковского:

«[27 марта. Тарнов]. Шляхта советуется, что делать с барщиной, и обсуждает возможность восстания крестьян против шляхты, — это опасение задерживает большей частью шляхту от дарования барщины, хотя в желании сделать это немедленно недостатка нет.

28 марта. В Бохне шляхта также обсуждает вопрос о барщине; в трактате за стеклом мы нашли воззвание к шляхте, которое я переписал, — хотя ждать с дарованием барщины, пока не придут к согласию о способе.

... В Величке шляхта также советуется о барщине и боится даровать ее немедленно, — кто знает, может быть, это просто отговорка».¹⁹⁴

¹⁹³ Мы имеем в виду не только январский декрет Национального правительства. Неоднократно цитированный нами сборник статей Хельтмана является наглядным свидетельством эволюции его взглядов от решительных выступлений против вознаграждения помещиков в 30—40-годах до проекта «Akta uwłaszczenia ludu» 1863 г., предусматривавшего вознаграждение помещиков из государственной казны (Demokracja, s. 173).

¹⁹⁴ F. I. Ziemiałkowski. Pamiętniki, cz. 2, s. 41—42.

Эти краткие заметки — не только великолепное свидетельство истинных настроений массы галицийских помещиков, но и красочный образчик лицемерия либерала даже наедине с самим собой.

Застигнутые врасплох началом революции галицийские помещики-консерваторы недолго оставались инертными. Мысль, высказанная бохенским трактирным публицистом, нашла свое выражение в требовании — передать вопрос крестьянской реформы на рассмотрение земского сословного сейма. Наиболее полно это положение было сформулировано и аргументировано двумя галицийскими магнатами Леоном Жевуским и Адамом Потоцким, опубликовавшими следующую декларацию:

«Крестьянские повинности (*służebności*) являются частью имущества землевладельцев.

Однако, кроме этого, они представляют собой:

- 1) оборотный капитал, используемый в ведении хозяйства;
- 2) в отношениях землевладельца со своими кредиторами — часть объектов ипотеки;
- 3) в отношениях землевладельца с арендаторами — часть ценности, отданной в аренду;
- 4) в отношениях землевладельца с властями — основу урбариального налога;
- 5) в отношениях землевладельца с самими крестьянами — основание для сервитутов (*służebności*), существующих к выгоде самих крестьян, равно как и для всех обязательств, вытекающих из зависимых отношений.

Собранные в сословном сейме землевладельцы вправе рассматривать крестьянские повинности как свое имущество.

Кроме того, они обязаны:

- 1) Для замещения в хозяйстве убывающего основного и оборотного капитала выработать проект окружных банков в целях предоставления землевладельцам возможности получения кредита наличными под обеспечение нереализованной продукции и выявления капиталов, давая им [т. е. владельцам капиталов. — *И. М.*] уверенность в размещении.
- 2) Представить провинциальным властям необходимость объявления на определенный период моратория в отношении долгов по ипотекам, чтобы временное уменьшение этих ипотек не стало для кредиторов поводом требовать немедленного возврата капиталов, а тем самым для землевладельцев, лишенных фондов в наличных, причиной полного разорения.
- 3) Потребовать временного закона, регулирующего неизбежные столкновения между землевладельцами и арендаторами и обеспечивающего в новых арендных отношениях интересы обеих сторон.
- 4) Обратиться к провинциальным властям с просьбой об отмене налогов, имеющих основой существования крестьянские повинности.
- 5) Подготовить проект для представления Национальному собранию о взаимной отмене повинностей (*służebności*) и отмене обязательств, являющихся следствием зависимых отношений, как уже не могущих существовать в дальнейшем, при изменении отношений.¹⁹⁵

¹⁹⁵ «Dziennik Narodowy» (Kraków). 1848, № 3, 3.IV. — Декларация имеет дату — «Львов, 30.III.1848». Еще 28 марта краткое изложение ее было опубликовано во Львове в виде листовки; см. «Dziennik Narodowy» (Kraków), № 1; «Jutrzenka», № 10; обе газеты от 1.IV.1848 г. Эта декларация не была частным выступлением двух подписавших ее магнатов; она обсуждалась на имевшем место во Львове совещании помещиков. См.: *H. Lisicki. Helcel, t. I, s. 293.*

Особенностью этого документа, столь выпукло отражающего классовые интересы его авторов, является отсутствие упоминания о вознаграждении помещиков. Это на первый взгляд кажется удивительным: для чего же нужно передавать вопрос о реформе в такое учреждение, как сословный помещичий сейм, если вопрос этот предполагается решить, ни в чем не задевая интересов крестьян? Однако в действительности проект Потоцкого и Жевуского предусмотрел и предвосхитил ту скрытую форму вознаграждения помещиков, которая была в значительной мере осуществлена в Галиции и превратилась на многие десятки лет в средство безудержной эксплуатации «освобожденного» крестьянства. Речь идет о сервитутах.

В приведенной выше декларации применяется незатейливая игра слов, которую нельзя передать буквально в русском переводе. Одним из слов, обозначающих крестьянские повинности, было слово «służebności», но оно же употреблялось и для выражения понятия «сервитуты». Это дало возможность создать такого рода схему: за выполняемые повинности (służebności) крестьянин пользуется сервитутами (służebnościami); коль скоро ликвидируются повинности крестьянина, то и помещик должен быть освобожден от своих «повинностей» (сервитутов).

Под такого рода понимание сервитутов подводилась и историческая база. Пример такого рода мы уже видели в мемориале Красицкого, их было немало и в 1848 г. Приведем один из них, интересный тем, что он взят из либерального (по оценке многих польских историков — «демократического», «левого») органа.

«Здесь речь только о правах крестьян, которые они в период своей зависимости постепенно получили в разное время и в разных условиях; это были как бы добровольные уступки помещиков крестьянам. По мере роста населения происходило дробление пахотных земель на все меньшие части, пока не дошло до того, что крестьяне, не имея где пасти скот, обращались к помещику за выручкой. Помещик по гуманности ли или ради собственной выгоды, боясь упадка хозяйства тех, кто на него работал, назначал им либо особое пастбище, либо позволял им пасти скот вместе со своим собственным; так появились пастбищные сервитуты. Выкорчевывание лесов и превращение их в пашню или луг вызвало их упадок и постепенно привело к тому, что крестьяне получили от своих помещиков где право вольной порубки, где право сбора [хвороста и сухостоя. — И. М.] в помещичьих лесах. Все этого рода сервитуты являются следствием зависимых отношений и в определенной мере эквивалентом барщины. . .

. . . Если отменена барщина — *principale* зависимых отношений, то сервитуты — их *accessorium* — не могут существовать». Таков метод рассуждения передовицы либеральной «Ютшенки».¹⁹⁶

В чем же заключалось значение вопроса о сервитутах?

Анализируя положение мелкого крестьянина в капиталистическом обществе, Энгельс указывал, что одно из отличий его от своего предка,

Аналогичный проект (отмена барщины без вознаграждения при одновременной отмене сервитутов) подготовил для рассмотрения сословным сеймом Тадеуш Василевский (вероятно, между 11 и 22 апреля 1848 г.). В § 15 этот проект оставляет, однако, лазейку для позднейшего проведения хотя бы частичного вознаграждения помещиков. Проект этот опубликован Кеневичем в сборнике документов «Rok 1848 w Polsce», s. 256—261, по рукописи Оссолинеума № 4365.

¹⁹⁶ «Jutrzenka», 1848, № 38, 13.V; статья: A. L. Pańszczyzna i służebnictwa. — Разрядка подлинника.

крепостного, зависимого или — в случаях редкого исключения — свободного, но обязанного оброком и барщиной крестьянина, заключается в том, что «он лишился защиты самоуправляющейся общины, членом которой он был, а вместе с тем лишился и своей доли в праве пользования угодьями, раньше принадлежавшими общине. Общинная земля мошеннически была у него отнята частью бывшим его феодальным господином, частью либеральным, основанным на римском праве бюрократическим законодательством, и у современного мелкого крестьянина этим отнята была возможность содержать свой рабочий скот без покупки кормов. А в отношении хозяйственном потеря права на общинную землю с избытком перевешивает отмену феодальных поборов... Общинная земля была первым основным условием существования крестьянина».¹⁹⁷ Эта характеристика в полной мере относится к положению галицийского крестьянства в эпоху разложения феодальных отношений; в ней ключ к правильному пониманию значения проблемы сервитутов в крестьянской реформе 1848 г. в Галиции.

Сервитуты — остаток прежних прав крестьян на экспроприированные общинные пастбища и леса — были жизненно необходимы крестьянам, совершенно лишенным леса и испытывающим острую нужду в выпасах. Лишить крестьян топлива, строительного леса, корма для скота и заставить их таким образом вновь идти в кабалу к помещикам — таков был план панов Потоцких и Жевуских.

Демократы, привыкшие иметь дело с вопросом о вознаграждении в денежной, отработочной или иной явной форме, не поняли всей важности проблемы сервитутов и не противопоставили помещикам своей программы ее решения. Что же касается буржуазных либералов, то они целиком разделяли приведенные выше взгляды на сервитуты и, как мы видели, зафиксировали требование их отмены в мартовском адресе.

Заметим, между прочим, что, относя крестьянский вопрос всецело к компетенции помещичьего сословного сейма, Жевуский и Потоцкий признавали, что этот сейм не может рассматриваться как действительное представительное учреждение. Поэтому, разрешив крестьянский вопрос, сейм должен самораспуститься, а его место займет Национальное собрание, избранное всеми частями нации — шляхтой, городами, сельскими общинами. Чтобы не было сомнения, каким должно быть это Национальное собрание, авторы декларации предлагают принять следующую систему выборов: каждая община избирает из числа самостоятельных хозяев $\frac{1}{10}$ часть, а те, в свою очередь, одного депутата в избирательный округ, где собираются представители общин, все шляхтичи и лица, имеющие диплом. Маршалком на этом собрании является помещик, платящий наибольший налог. В избирательном округе выборщики избирают одного делегата, вторым делегатом является маршалок. Каждый город представляет собой избирательный округ, в больших городах образуется по несколько избирательных округов. Городские и сельские избирательные округа посылают по два делегата в административный округ (obwod), где собравшиеся делегаты избирают из своего состава $\frac{1}{3}$, которая и является представительством административного округа в Национальном собрании. По этой избиратель-

¹⁹⁷ Ф. Энгельс. Крестьянский вопрос во Франции и Германии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 444. — Разрядка моя. — И. М.

ной системе можно судить о степени и направленности «конституционно-либерального» усердия ее авторов. Впрочем, авторы проекта скромно признают, что это лишь общий набросок, так как ими еще не решен вопрос, какой следует установить избирательный ценз.¹⁹⁸ Основным же руководящим принципом надлежит считать, поясняют они, что «признанное за каждой частью общественно-политическое влияние должно соответствовать степени образования и независимости».

Выступление Потоцкого¹⁹⁹ и Жевуского вызвало (прежде всего своей конституционной стороной) недовольство либералов. Известный нам Тадеуш Василевский писал: «Здесь во Львове собирается клика, которую «*Dzięnik Mód*» от 1 апреля метко назвал Тарговицкой конфедерацией; даже имена фигурируют те же самые: Жевуский, Потоцкий, женатый на Браницкой».²⁰⁰

Несомненно, что эффектный внешне отказ от вознаграждения за барщину (а надо заметить, что оба эти магната были в числе немногих помещиков, еще до правительственного декрета «даровавших» барщину своим крестьянам),²⁰¹ мог быть приемлем лишь для наиболее состоятельных помещиков, располагавших капиталами, необходимыми для организации своего хозяйства на новых началах в изменившихся условиях. Большинство помещиков не имело собственного инвентаря и тягла, и не только не имело наличных средств на обустройство им, на наем рабочей силы и т. д., но и опутало свои имения долгами до такой степени, что, по замечанию одного публициста,²⁰² нелегко было разобраться, в какой степени тот или иной помещик является хозяином собственного имения. Наибольшая часть помещиков была настоятельно заинтересована в том, чтобы получить возможно большее вознаграждение, если барщина будет ликвидирована. Однако первоочередным их интересом было — как можно позже расстаться с барщиной. Это стремление нередко сочеталось с пониманием неизбежности крушения барщинной системы и даже с заявлениями о своем согласии в принципе с отменой барщины. Так, один либеральный помещик корил своего соседа за то, что он хочет отказаться от барщины при условии, что крестьяне обязуются работать на него прежнее число дней за плату.²⁰³ Это все-таки принуждение, возмущается либерал, «уж коли

¹⁹⁸ Ср.: [L. Rzewuski]. *Zarys projektu ustawy gminnej*. Kraków w listopadzie. 1848. — Здесь Жевуский выдвигает руководящим принципом организации общин освобождение «так наз. пролетариев» от обременительных гражданских обязанностей, а именно — от уплаты налогов, военной службы и политической службы, включая сюда и «обязанность» участвовать в выборах.

¹⁹⁹ В рамках данной работы мы не можем специально останавливаться на характеристике Адама Потоцкого, одного из наиболее активных политических деятелей этого времени. Укажем лишь, что Велёпольский и Хельцель — лидеры крайних реакционных помещичьих кругов — рассматривали его как своего единомышленника См.: H. Lisicki. *Aleksander Wielopolski*, t. I. Kraków, 1878, s. 51; H. Lisicki. *Hélczel*, t. I, s. 154. J. Gollenhofer. *Revolucja krakowska*, s. 38.

²⁰⁰ Письмо Ивану Федоровичу от 3 апреля 1848 г. «Причинки до історії 1848 р.» — ЗНТШ, т. LXXXVIII, стр. 105.

²⁰¹ W. Feldman. *Stronictwa i programy polityczne w Galicji. 1846—1906*. Kraków, 1907, t. 1, s. 30.

²⁰² См.: E. Kostołowski. *Studja...*, s. 92.

²⁰³ Такая форма «дарования» барщины была нередкой. Плату при этом помещик назначал сам. Кревецкий приводит отрывок из письма одного помещика от 28 марта 1848 г., в котором тот заявляет: «Естественно, плата [своему крестьянину] будет несколько меньшей, чем чужому работнику, так как дается она за то, что было и еще остается повинностью». См.: Іван Кревецький. *Аграрні страйки і бойкоти у східній Галичині в 1848—49 рр. (До історії боротьби за суспільно-економічне визволене українських селянських мас у східній Галичині)*. Львів. 1906, стр. 4.

я откажусь от барщины, то сделаю это без оговорок, сохраняя за собой лишь жатву в этом году».²⁰⁴ Оттянуть решение вопроса, выторговать себе хотя бы еще один сельскохозяйственный сезон, а быть может, и затянуть дело до лучших, более спокойных времен — такова была тенденция, иногда скрывавшаяся под трескучей либеральной и чуть ли не демократической фразой, иногда проявлявшаяся в откровенно реакционной форме.

При полной неприемлемости для многих помещиков хитроумного магнатского варианта реформы, выдвинутого Потоцким и Жевуским, намеченный ими путь ее осуществления вполне устраивал их. «Теперь мы видим, — писал 13 апреля Земляковский в своем дневнике, — как шляхта укрывается за этими словечками: хочет ждать сейма». У Земляковского нет никаких иллюзий относительно реформаторских способностей и «доброй воли» сейма: «Сейм нас погубит, если сойдется прежде, чем барщинный вопрос будет разрешен». И, словно для того, чтобы не было никаких сомнений в том, чем же пагубна будет деятельность сейма, он добавляет: «Нужно или немедленно объявить отмену барщины или обезоружить себя перед всяческими интригами чиновников. Дай бог, чтобы крестьяне им не поверили».²⁰⁵ Если отбросить трафаретную фразеологию, связанную с тенденцией изображения восстания 1846 г. как результата козней австрийских чиновников, то становится очевидным страх Земляковского, что обсуждение крестьянского вопроса в помещичьем сейме приведет к крестьянскому восстанию.

До настоящего времени крестьянское движение в Галиции в марте — апреле 1848 г. еще совершенно не изучено. Судя по тому, что в польской либерально-консервативной печати, усиленно муссировавшей слухи о неповиновении крестьян, об их «антинациональных» настроениях и т. д.,²⁰⁶ не встречается сообщений о вооруженных антипомещичьих выступлениях, можно предположить, что таких выступлений почти не было. (Мы остановимся в дальнейшем на других формах борьбы крестьянства). Однако наилучшим свидетельством того, как вероятно было крестьянское восстание, какова была его потенциальная мощь, служит сама необычайная нервозность помещиков, все напряжение споров вокруг реформы. «Галицийские помещики поняли, что необходимо любой ценой разорвать эти несчастные узы, и доведенные почти до крайнего отчаяния, предпочитали рисковать имуществом, лишь бы уберечь себя и свои семьи от второй резни. Сразу же после революции 19 марта начали провозглашать дарование барщины, и это движение под влиянием общественного мнения приобретало все более всеобщие размеры. Тонуций и за бритву хватается; поставленная на край пропасти галицийская шляхта принуждена была к этому сумасшедшему героизму».²⁰⁷ Заметим, что эти строки Калининка писал через несколько лет после событий в книге, целиком подчиненной задаче придать побуждениям и действиям галицийских помещиков наиболее облагораживающие их черты. Между тем приведенная цитата, значительно преувеличивая «всеобщие размеры» дарования, ясно говорит о побуждающих

²⁰⁴ Письмо Розвадовского Федоровичу от 27 апреля 1848 г. «Причинки до історії 1848 р.». — ЗНТШ, т. LXXXVIII, стр. 107.

²⁰⁵ Fl. Ziemiałkowski. Pamiętniki, cz. 2, s. 79.

²⁰⁶ См.: «Jutrzenka», 1848, № 16, 17, 22 (dod.), 23 (dod.), 29, 30, 32—33, 35, 42, 46, 66 i in. от 8, 10, 15, 17, 25, 26. IV; 6, 10, 18, 23. V; 17. VI; «Dziennik Narodowy» (Kraków), 1848, № 2 и 10 от 3 и 12. IV; «Dziennik Polityczny», 1848, № 6, 7, 9, 14, 18 от 10, 11, 13, 18, 23. V; «Gazeta Narodowa», 1848, № 77, от 28. VII (воспроизводит соответствующий протокол от 26 апреля 1848 г.) и т. п.

²⁰⁷ W. Kalinka. Galicja i Kraków, s. 172—173.

мотивах, ничего общего с самопожертвованием и «гуманностью» не имевших.

Страх перед крестьянским восстанием подталкивал либералов, убеждал их в необходимости и срочности реформы.

Посланная в Вену депутация пришла к выводу о недостаточности и нечеткости требований мартовского адреса и 6 апреля вручила императору Фердинанду новый адрес, в котором значительно резче подчеркивались национальные польские требования, выдвигалась просьба о разрешении создать Национальный комитет, облеченный широкими полномочиями по реорганизации администрации, суда, системы образования в Галиции на национальной (польской) основе и представляющий собой, по сути дела, временный верховный орган управления. Пункт 12-й (и последний) этого адреса гласил:

«Освобождение зависимых до настоящего времени крестьян от барщины и повинностей, превращение их в собственников земли, которой они владеют, является жизненным вопросом и даже историческим фактом [так! — *И. М.*], подтвержденным, с одной стороны, волей и горячим желанием нынешних владельцев барщины, с другой — всеобщим голосом нынешних зависимых крестьян. Предполагаемый комитет [т. е. Национальный комитет. — *И. М.*] провозгласит отмену барщины, превращение в крестьянскую собственность рустикальных земель во всем крае, а сейм, который должен быть созван [речь идет не о сословном сейме, а о новом представительстве, принципы которого должен был определить будущий Национальный комитет. — *И. М.*], будет обсуждать только вопрос о сервитутах, урбаниальных податях, урегулировании владений, а особо те условия, на которых освобождение от барщины и повинностей должно превратиться в обязывающий для всех закон».²⁰⁸

Последний намек достаточно прозрачен. Как можно скорее успокоить крестьянство, провозгласив отмену барщины, а затем можно будет вернуться к обсуждению условий, на каких эта отмена производится, т. е. к вопросу вознаграждения помещиков и т. д., — таков смысл этой политики.

В отличие от мартовского львовского адреса апрельский венский адрес уже не передавал решение крестьянского вопроса в руки австрийских центральных властей, а стремился сохранить его за польскими галицийскими органами. Либералы были вместе с тем далеки от мысли захватить инициативу в свои руки. Если раньше австрийские власти должны были рассмотреть и удовлетворить конкретные требования, то теперь от них зависело санкционировать организацию польского комитета, который бы принял на себя реализацию этих требований. Решение попрежнему в полной мере оставалось в руках австрийского правительства, либералы же с гордостью и усердием подчеркивали, что они прочно стоят на конституционной, легальной почве. Когда один из приехавших в Вену представителей Познанского комитета советовал «просто издать приказ гражданам, чтобы даровали барщину, мы, — пишет Земялковский, — всячески возражали против этого, не желая присваивать себе власть, которой нам никто не давал».²⁰⁹

Не только венская депутация, в других случаях в полный голос объявлявшая себя представительницей всего населения Галиции, но и создав-

²⁰⁸ «Jutrzenka», № 17, «Dziennik Narodowy» (Kraków), № 8 — обе газеты от 10. IV 1848 г.; см. также: *Widmann*, s. 810—823 (немецкий и польский тексты).

²⁰⁹ *F. l. Ziemiałkowski. Pamiętniki*, cz. 2, s. 89.

шиеся в самой Галиции в конце марта—апреле 1848 г. польские национальные представительные органы—Национальный комитет в Кракове, Национальный совет (Rada Narodowa) во Львове, окружные национальные советы и комитеты—всячески избегали возможности какого-либо упрека в нарушении легальности и превышении своих прерогатив и ограничивались в вопросе отмены барщины лишь увещеваниями помещиков.

Это заслуживает особого упоминания потому, что в составе этих органов (особенно в Краковском Национальном комитете) наряду с либералами, определенными в основном их лицо, были представлены и демократы. Немногочисленные галицийские буржуазные демократы, в том числе и освобожденные из тюрем по амнистии, а также прибывавшие с последних чисел марта в Галицию демократы-эмигранты не смогли на этом первом этапе движения преодолеть влияние либералов, больше того, они не смогли правильно разобраться в политической обстановке и лозунгах и пошли в значительной мере на поводу у либералов.

Они восприняли провозглашавшийся либералами принцип действия легальными методами, хотя позднее горячо в этом раскаивались. Зенкович, например, впоследствии с жаром доказывал, сколь нелепо революции стремиться к легальности, тем более польской революции к прусской и австрийской легальности.²¹⁰ Но тот же Зенкович—один из видных деятелей Демократического общества—был в апреле 1848 г. членом жалкого и в высшей степени легалистского Национального комитета в Кракове.

Отказавшись от ликвидации барщины революционным путем по примеру Краковского манифеста 1846 г. и встав на путь «дарований» (впоследствии они осуждали и эту свою ошибку²¹¹), демократы включились в ту агитацию, которую вели среди помещиков либералы. Краковский Национальный комитет опубликовал 8 апреля воззвание к гражданам Западной Галиции. Ниже мы приводим это воззвание в извлечениях.

«. . . Мы считаем своей первой обязанностью обратиться к Вам по самому важному в настоящий момент делу.

Мы хотим сказать здесь о предоставлении крестьянам прав собственности, отмене барщины, чиншей и всякого рода тягот, которыми до сих пор обременен наиболее многочисленный класс нашего народа.

Для всей Польши оказание полной справедливости этому классу есть вопрос первостепенной важности.

Для Вас, граждане, он еще несравненно важнее. В памяти Вашей живы ужасные сцены 1846 г. Не только благо родины, не только христианская любовь и чувство справедливости, но еще и собственные Ваши интересы, Ваша личная безопасность настоятельно требуют радикального решения этого вопроса и решения безотлагательного, единодушного, одновременного и по собственному почину.

Всякое колебание, всякая отсрочка были бы в нынешних условиях пагубны. Это могло бы поставить под сомнение искренность Вашей жертвы. Единичные же мероприятия могли бы вновь вызвать там, где крестьяне не освобождены, кровавую реакцию народа, страшную как для общего дела, так и для отдельных лиц.

Правда, мы знаем и ясно видим, насколько критическим будет положение многих из Вас, вследствие такого внезапного изменения общественных отношений. Но это положение по своей природе является лишь пере-

²¹⁰ Wizerunki, t. III, s. IX—XIII.

²¹¹ «Demokrata Polski», 1851, № 10, 16.III—«Głos z Galicji».

ходным. Освобожденная Польша, счастливая, великая, великодушная, не захочет обидеть ни одного из своих детей; она зачет в число заслуг временные жертвы и ст о р и ц е й и х в о з н а г р а д и т.

. . . Взываем к Вам, граждане, и заклінаем Вас любовью к богу и родине, Вашей национальной честью, собственным Вашим благом, не откладывать дольше великого дела полного освобождения народа и наделения его правами собственности.

Все сразу, согласно, сердечно, в один день верните ему его права, и Вы разоружите его вековое недоверие, лишите оружия хитрое коварство слуг деспотизма и создадите огромную силу, которую стоит лишь получить, а уж все остальное пойдет легко».²¹²

Это воззвание настолько проникнуто либеральным духом, что если бы не наличие неопровержимых данных (в том числе и его собственного признания), что автором его был Хельтман, если бы не типичное для методов Демократического общества стремление придать ликвидации барщины характер торжественного, общенационального акта, то не было бы оснований выделять его из общего либерального хора новорожденной галицийской бесцензурной печати.

Резким диссонансом со всеми программными документами Демократического общества, в том числе и составленными тем же Хельтманом, звучит недвусмысленное (выделенное даже формой шрифта) обещание последующего вознаграждения. Хотя намеки на возможность такого вознаграждения мы отмечали и в более ранних статьях Хельтмана, однако лишь в 1848 г. впервые виднейший представитель демократической эмиграции открыто порвал с одним из основных принципов революционно-демократической программы — отрицанием права помещиков на получение вознаграждения за раскрепощение крестьян.

Позицию польских демократов на первом этапе революции 1848 г. в Галиции, продолжавшемся до конца апреля и завершеном правительственным декретом об отмене барщины, восстанием в Кракове 25—26 апреля и одновременными столкновениями во Львове и других городах Галиции — нельзя квалифицировать иначе, как капитуляцию перед либералами.

Тактика либералов (а в известной мере и консерваторов, которых в этот момент такая линия вполне устраивала) заключалась в провозглашении политического единства польской нации и в призывах к отказу от всех старых партийных разногласий и даже наименований. Рупором либералов была краковская «Ютшенка», издававшаяся на средства Адама Потоцкого.²¹³ И когда та же «Ютшенка» в № 25 опубликовала обращение Централизации к членам Демократического общества, обращение, совершенно не затрагивавшее политических вопросов и лишь оповещавшее эмигрантов о маршрутах для направляющихся в Польшу, местах сбора и т. п., Краковский Национальный комитет, в состав которого входило несколько членов Демократического общества и даже два члена Централизации — Леон Зенкович и Францишек Шнайде, выступил публично со следующим гневным заявлением: «Объявление политических мнений

²¹² Листовка из фондов ИМЭЛ. Разрядка подлинника. Воспроизведена с незначительными разночтениями в сборнике статей Хельтмана — *Demokracja*, s. 165—166.

²¹³ На ее столбах провозглашались такого рода лозунги: «*precz z arystokratami, precz z demokratami, precz wszelkie stronnictwa, w narodzie polskim sa tylko — Polacy*» — № 9 от 31.III 1848. См. также № 12 и 15 от 4 и 7.IV 1848.

партий, которые существовали среди наших земляков в эмиграции, теперь уже не могут иметь никакой цели, поэтому заполнение газетных столбцов перепечатками публикаций этого рода должно быть признано неуместным. В момент возвращения на родину все наши братья, понимая новое положение и новые обязанности, единодушно приняли лозунг национального единства — отсюда вытекает забвение всех старых несогласий и ликвидация основанных в эмиграции обществ».²¹⁴

«Ютшенка» с удовольствием подхватила это заявление и, публикуя его, потребовала дальнейшего разоружения демократов: «Если в Комитете не заседает ни один из членов Централизации и Комитет этой Централизации не признает, то может вступить с нею в бой; если же в составе Комитета есть члены Централизации, то мы ожидали бы, что они публично отвергнут власть, которую нынче не признают. Мы знаем, что в эмиграции остались еще люди, которые потому только не вернулись на родину, что Централизация, которую они не признавали, объявила о том, что деятельность ее будет непрерывно продолжаться и на родине. Пускай же Комитет, видящий в эмигрантах лишь земляков, возвращающихся после долгого отсутствия, совершит акт справедливости и сообщит остающимся еще за границей братьям, что Централизация, не существующая уже сейчас *de facto*, не существует даже *de nomine*». Не преминул поиздеваться над Комитетом по этому поводу и консервативный «Дзенник народов».²¹⁵

Рассматривая лишь один, хотя и первостепенный по своей важности вопрос, мы не можем, разумеется, всесторонне и исчерпывающе охарактеризовать позиции политических направлений, выступавших в 1848 г. в Галиции. Необходимо, однако, подчеркнуть, что изучение других проявлений их деятельности, проведенное нами, в частности, в отношении событий в Кракове в марте—апреле 1848 г., полностью подтверждает основные излагаемые нами в настоящей работе выводы.

Подчинение демократических кругов либералам не следует оценивать как слияние этих двух направлений. На втором этапе революционного движения в Галиции в 1848 г., когда начали с особенной ясностью выявляться последствия ошибочной тактики демократов, произошло размежевание, проявлениями которого было создание самостоятельного чисто демократического органа (им был «*Dziennik Stanisławowski*»), попытки воссоздания чисто демократических организаций, планы организации восстания и др. Пути демократов и либералов разошлись, но произошло это позже, в рассматриваемый же нами период — накануне отмены барщины — в крестьянском вопросе выдвигалась лишь одна, либеральная программа, провозглашаемая либералами и демократами.

Краковский комитет призвал помещиков приурочить отказ от барщины к Пасхе — к 23 апреля.²¹⁶ К тому же сразу после своего появления призывал и Львовский Национальный совет в воззвании от 17 апреля: «Пусть день

²¹⁴ См.: «*Jutrzenka*», 1848, № 25 и 28 от 19 и 22.IV.

²¹⁵ «*Jutrzenka*», 1848, № 28 от 22.IV. — Разрядка подлинника. «*Dziennik Narodowy*» (Kraków), 1848, № 20, 25.IV статья без подписи «*Centralizacya Wersalska i Komitet Krakowski*».

²¹⁶ Впрочем, еще 25 апреля 1848 г. в единственном вышедшем номере газеты — органа Комитета редактор Бронислав Трентовский, философ-идеалист, глубоко враждебный революции, призывал в передовой статье помещиков согласиться на признание крестьян собственниками их наделов, объясняя, что «тут нет речи о безвозмездной уступке (*darowiznę*) и о принуждении к ней. . . Сейчас речь идет лишь о самом акте, завтра будут устраняться его нежелательные следствия». — «*Polska*», № 1, 25.IV.1848 (экземпляр Библиотеки АН СССР). — Разрядка подлинника.

воскресения Спасителя будет одновременно для нас днем национального воскресения и спасения».²¹⁷ Помещикам была даже разослана схема декларации, с которой они должны были обратиться к своим крестьянам: «Отныне будем жить, как братья и соседи, в согласии и любви. Что в этом нет никакого подвоха и фальши, ручаемся в этом вам письменно; это заявление каждый помещик подпишет при свидетелях для каждой общины особо. С этого дня вы не будете работать на барщине. Но наступает весна, и не годилось бы не пахать и не сеять. . . Поэтому призываю вас, чтобы громада посовещалась, а затем договорилась со мною о плате за каждый вид работы, пешей и тяглой поденно, потому что отныне всем, кто добровольно выйдет на работу, будет выплачиваться установленная поденная плата».²¹⁸

Однако результаты агитация давала неутешительные. Сам Хельтман вынужден признать: «Эти голоса прозвучали, как эхо в пустыне».²¹⁹ Еще один демократический автор пишет: «Наконец 23 апреля большинство [помещиков] назначило день 3 мая для объявления об освобождении крестьян от барщины, но позднее снова начали колебаться и откладывать до св. Яна [т. е. до 24 июня], а потом до *rozasiwów* [т. е. до осени]».²²⁰ В этой цитате много неточностей: никогда подобного решения большинства помещиков не принимало, указанные здесь сроки действительно фигурировали, но возникли они не последовательно, один за другим, а одновременно, во всяком случае ранее последних дней апреля, когда был опубликован правительственный декрет об отмене барщины, сделавший беспредметными все эти споры. Но, несмотря на неточности в деталях, основное настроение анонимный корреспондент — автор этих строк — отразил правильно.²²¹ Торжественная и одновременная отмена барщины помещиками, разумеется, не состоялась.

Немалый интерес представляют, наряду с воззваниями польских общественных органов, статьи либеральной прессы, посвященные крестьянскому вопросу. Приведем лишь одну иллюстрацию — передовицу краковской «Ютшенки»:

«Сейчас, когда необходимость освобождения крестьян уже не вызывает ни малейшего сомнения, . . . возникает необходимость дальнейшего предо-

²¹⁷ *Boł. L i m a n o w s k i*. *Historja demokracji polskiej*, cz. 2, s. 284. Воззвание воспроизведено в сборнике документов «*Rok 1848 w Polsce*», s. 261—262.

Заметим, что Смолька в своей речи в венском парламенте 18 августа 1848 г. говорил об этом воззвании горделивым тоном, допуская явные передержки (воззвание якобы опубликовано «в начале апреля», между тем сам Львовский Национальный совет возник только 13 апреля; оно «встретило всеобщее одобрение», по контексту надлежит понимать, что речь идет о помещиках и т. п.), и пытался использовать это воззвание в качестве одного из оправданий галицийских помещиков против обвинений Капушака. Однако тот же Смолька в своем дневнике в записи от 16 апреля (т. е. накануне издания воззвания) отмечал, что предложения издать такое воззвание встретили в Национальном совете сильное сопротивление и даже были отвергнуты. См.: *Fr. S m o l k a*. *Dziennik*, s. 268, 287.

²¹⁸ *Demokracja*, s. 169. См. также сборник документов «*Rok 1848 w Polsce*», s. 262—264.

²¹⁹ *Demokracja*, s. 296.

²²⁰ *Wizerunki*, t. IV, s. 155—156. (*Sprawozdanie korespondenta «Demokraty polskiego»*.)

²²¹ Известно, например, что группа помещиков Ясельского округа приняла решение не требовать от крестьян работы на барщине (оговорив, что это не должно касаться правовой стороны вопроса и что они будут просить будущий сейм не отменять барщины даром) с 3 мая, а в тех имениях, которые они арендуют (*w dzierżawach*) с 24 июня 1848 г. См. «*Jutrzenka*», 1848, № 25, 19. IV; *Wił. K u c h a r s k i*. *Wiosna ludów w Jasielskiem*, s. 11.

ставления самостоятельности крестьянам, т. е. необходимость превращения их в собственников. Превращение крестьянина в собственника не является моральной проблемой, как его освобождение, — оно является лишь политической и экономической проблемой.

Предоставление права собственности должно быть определенным видом продажи, который не требует денег. Оно не может быть национальным подарком, так как никто, даже вся нация, не имеет права распоряжаться частной собственностью в пользу другого лица. Только я, собственник, вправе сделать подарок кому захочу. Предоставление крестьянам права собственности принудительно; здесь не существенно, кто принуждает: боязнь ли реэми, национальный ли сейм или общественное мнение. Если бы общество приняло принцип раздела имущества, хотя этот принцип и вреден, то в приложении его к превращению крестьян в собственников была бы, по крайней мере, определенная логическая последовательность. Но дарить землю потому, что кто-то эту землю обрабатывает, то же самое, что дарить дом жильцу, который, платя дорогую плату, долго живет в этом доме. Я не высказываюсь здесь против предоставления крестьянам права собственности, которое принесет наилучшие последствия как для них, так и для всего национального общества, увеличенного в три или четыре раза добавлением граждан, созданных из сегодняшних крестьян; но дарование какой-либо собственности, — вознаградит ли нация сегодняшних владельцев или нет, — придает этому новому общественному явлению коммунистическую базу. Если какая-либо представляющая нацию власть сделает подарок крестьянину, то она от имени всей нации допустит коммунизм, который не утратит своего существа незаконности от того, что беззаконие против нынешних основных принципов общества будет иметь всеобщий характер. Дарование крестьянину земли как сырого материала, который, соединившись с трудом, станет средством поддержания жизни, неминуемо должно иметь логическим продолжением дарование такого же материала каждому человеку, безусловно связанному с земледелием, как сегодняшние батраки, заградники и т. п. Вслед за этим должна появиться необходимость дарования каждому трудящемуся нужных ему орудий, которые являются для него тем, чем земля для земледельца, и в такой последовательности каждый член общества должен был бы получить за общий счет средства для заработка.

Поэтому, превращение крестьян в собственников не должно исходить из ложно понятого принципа справедливости, как это обычно теперь, но исключительно из необходимости. . .»

Далее автор заявляет, что хотя предоставление крестьянам прав собственности и неизбежно, оно не перестает быть лишь необходимым злом (*malum necessarium*) и т. п.

«Итак, нам надлежит сделать два шага: освобождение крестьян и превращение их в собственников. Первое, как мы сказали, есть моральный вопрос, второе — только политический и экономический, но, однако, не менее важный и в нынешних условиях неизбежный, ибо вопрос этот уже звучит: кошелек или жизнь (*la bourse ou la vie*).

При проведении в жизнь второго из этих мероприятий мы должны, однако, подумать о средствах: 1) чтобы этот вопрос не был разрешен способом, подрывающим существующие общественные принципы; 2) чтобы не произошло затяжки в распределении земель, а тем самым не был бы вызван голод; 3) чтобы, резко снижая цены существующих имений, обезопасить их владельцев от банкротства и не лишить кредиторов ипотек, что

кроме ущерба отдельным лицам, подорвало бы общественный кредит».²²²

Статья эта свидетельствует, что перемирие между демократами и либералами было односторонним. Используя поддержку демократов, либералы продолжали бороться против демократических принципов и, — следует отдать им должное, — боролись не без искусства, умело обнаруживая слабые стороны программы польской буржуазной демократии — половинчатость решения крестьянского вопроса, боязнь коммунизма и т. д.

Заслуживает внимания и та доходящая до цинизма откровенность, с какой автор приведенной статьи поясняет причины, заставляющие его все же признать необходимость крестьянской реформы.

Если в разговорах со своим братом либералы не считали нужным особенно чиниться и называли вещи своими именами (и иногда лишь, остерегаясь непосвященных слушателей, переходили на французский или латынь), то совершенно иным был тон их обращений к народу — крестьянству. Таких обращений было немало.

Сразу же после принятия львовского адреса было издано воззвание к крестьянам, заверявшее их в наилучших намерениях помещиков, готовых даровать барщину и земли.²²³ Выехавшая в Вену депутация раздавала по пути это воззвание.

По пути же состав делегации был пополнен несколькими крестьянами, от имени которых из Вены помещик Винцентий Смагловский обратился к крестьянам с листовкой, стилизованной под крестьянскую речь (приведем вступление листовки: «Сельскому народу всей нашей польской земли любовь, правда и братское приветствие. Отчет Войцеха Бонюр из Жендзина и Станислава Меляка из Скшешова, депутатов Тарновского округа, посланных в числе других граждан из той части Малой Польши, которая сейчас называется Галицией, в Вену в понедельник 27 марта 1848 г. для совещаний о свободе своих земляков»). В этой листовке крестьянам возвещалось, что их представители убедились в искренности желаний панов отменить барщину и что теперь дело только за тем, чтобы император освободил панов от урбарияльного налога.²²⁴

Нам уже приходилось цитировать «Кракус», одно из первых «изданий для народа», первый номер которого появился еще в апреле 1848 г. Вот какой духовной пищей питал крестьян автор и издатель этого органа Владислав Ижицкий: «Сам князь Чарторыйский, что семнадцать лет бедствовал в изгнании [в оригинале сильнее — *biedował* . . . *o siudzym chlebie*. — *И. М.*], даровал теперь в Галиции барщину, а за ним пошла и шляхта. Множество уже таких добрых панов, что побратались с народом. За что тебе, боже, хвала, а помещикам таким наша любовь и братское гражданское уважение».²²⁵

Важнейшим органом консерваторов на первом этапе революции была краковская газета «Дзенник народов» (не следует смешивать с одноименной газетой, выходившей в это же время во Львове). Ее редактором был Гилярий Мецишевский, в прошлом агент Чарторыйского в Краковской республике; в 1846 г. он принимал активное участие в попытке контрреволюционного переворота в восставшем Кракове и был назначен неудачливым

²²² «Jutrzenka», 1848, № 26, 20. IV — «Uwłaszczenie włościan».

²²³ «Do gromady o adresie względem pańszczyzny» — см. Е. Костольский. *Studja* . . . , s. 310.

²²⁴ Листовка из фондов ИМЭЛ.

²²⁵ «Krakus, Pismo dla ludu». Kraków, 1848, cz. 1, s. 9.

диктатором Вишневым на пост редактора правительственной газеты.²²⁶ Активную роль играл Мецишевский и в 1848-г. После прекращения издания «Дзенника народного», который выходил лишь с 1 по 28 апреля, Мецишевский стал редактором газеты «Польска», издававшейся во Львове Помещичьим обществом (Towarzystwo Ziemiańskie), газеты столь реакционной, что ее издание было надолго прервано из-за отказа наборщиков ее выпускать.²²⁷ Эта газета была удачно охарактеризована леволиберальным «Постемпом»: «Polska» должна была бы называться «Anti-Polska», ибо ее принципы это те, которые погубили Польшу.²²⁸

В отличие от полностью откровенной «Польски», «Дзенник народowy», вышедший в период нарастания революционных событий, стремился соблюсти некоторый декорум беспристрастия и беспартийности.²²⁹ Правда, уже в передовой первого же номера он сделал выпад против Централизации (готов уважать законы и подчиняться им, только бы «они не были навязаны нашему народу. . . никакими заграничными комитетами, хотя бы даже парижскими или версальскими»), но это как бы звучало в унисон с требованиями либеральной печати покончить со всеми старыми партийными спорами. Правда, из номера в номер газета расхваливала Чарторыйского, но каждый раз так, что к ней трудно было придаться — в № 2 сообщение о речи Чарторыйского в Кёльне, где он заявил: «демократическая Польша — такова цель моей жизни и усилий», в № 5 панегирик Чарторыйскому, но сопровождающийся призывом к национальному единству, в № 12 — заявление Чарторыйского об отказе от барщины в находящемся под секвестром его галицийском имении Сенява.

Такого же рода ужимки Мецишевский делал и обращаясь к крестьянскому вопросу. В № 6 редакция заявила:

«Важнейшим и можно сказать жизненным вопросом, решение которого нельзя откладывать ни на миг, является сейчас урегулирование будущих крестьянских отношений на совершенно новых и отвечающих духу времени основах. Что касается отмены барщины, то, кажется, по этому вопросу есть лишь одно и всеобщее мнение, т. е. что барщина должна быть отменена. Однако многие под отменой подразумевают безусловное дарование; такое дарование с точки зрения последствий, которые оно должно повлечь за собой, является еще, по нашему мнению, открытым вопросом, по которому нет согласия. Но именно потому, что нет пока согласия, необходимо всесторонне исследовать вопрос. . . Редакция охотно предоставляет свои столбцы разбору этого необходимого и крайне важного вопроса, откладывая свое собственное мнение до времени, пока сама надлежащим образом не рассмотрит положение вещей и взаимные права обеих сторон. . . Редакция берет на себя обязательство скорейшего опубликова-

²²⁶ J. Biernacki. Z dziejów liberalnego i konspiracyjnego Krakowa (1833—1848) («Biblioteka krakowska» № 106). Kraków, 1948, s. 30—53; M. Turowski. Jan Turowski, s. 112, 140—144.

²²⁷ См. письма Мецишевского командованию национальной гвардии во Львове. R. Wubranowski. Pamiętniki, t. II, s. 190—195, а также — W. . . K. . . [Walerjan Kaliński]. Korespondencja z Krakowa. Lwów, 1848 (przedruk z dziennika «Polska»), s. 3; Wizerunki, t. IV, s. 271.

²²⁸ «Postęp», 1848, № 53, 26.VIII, статья: L. R. [L. Rzewuski?]. Para słów o dziennikarstwie naszym.

²²⁹ В сентябре 1848 г. Хельтман писал: «Органом реакционной партии, как теперь оказывается, был «Dziennik Narodowy» [подчеркнуто нами. — И. М.]. Хельтман поясняет: «Ему [Мецишевскому. — И. М.] не доставало той храбрости, которой он бахвалится сейчас. Но тогда, действительно, времена были пожарче» (Demokracja, s. 171).

ния [представленных статей по этому вопросу], хотя бы даже их мнения диаметрально расходились».²³⁰

Крестьянский вопрос занимал на столбцах этой газеты первое и соответственно значительно большее, чем в других галицийских газетах, место.

Заявив об отказе от какого-либо отбора статей и резервируя свое мнение до более поздних времен, Мецишевский в качестве свидетельства своего беспристрастия опубликовал в том же номере статью Кундзича,²³¹ с которой, очевидно, никак не мог солидаризироваться в отношении ее конечных выводов.

«В нынешние бурные времена следует поступить, как при пожаре — лучше пожертвовать частью имущества, чтобы огонь не охватил все. Нынешние европейские события — это пожар, грозящий уничтожить или полностью изменить общественные отношения, если только высшие сословия не предотвратят это во-время принесенными жертвами и разумным и предусмотрительным образом действий. У других народов угрозой является лишь малое число бездомных (пролетариев), а и то уже доставляет много опасений; у нас же целая масса трудолюбивого населения обременена столь тяжелыми повинностями, что не только панам, но и самому правительству может оказаться в тягость. Добавим к этому события 1846 года, добавим агитацию разного характера и значения, добавим темноту и определенный уже вкус трудящихся к свободе, и мы должны будем изумиться нашей медлительности и несогласию».

Призывая далее к отмене барщины, автор заявляет, что не следует думать, будто эта потеря будет так тягостна для помещиков. «Если несколько первых лет революционных крайностей лишат тебя некоторых доходов, идущих, как известно, скорее на излишества, чем на действительные нужды, то, с другой стороны, освобождение крестьян поднимет цену земли и лесов, что принесет прибыль только тебе, землевладелец!»

... После освобождения крестьян от барщины еще большое число людей, не имеющих пашни и халуп, останется для обработки панской земли (челядь обоего пола), ибо эти бездомные будут принуждены искать хлеба и не достанут его иначе, чем за работу. . . Выделяя для них по нескольку моргов по одногодичным контрактам, паны уже тем самым получают вскоре щедрую награду, благодаря одним только своим пустошам.

Могут сказать, что пользу от освобождения от барщины получают только одни крестьяне (kmięcie), бездомные же никакой. Это правда! . . Но сейчас нет времени размерять справедливость. . . Столько уже делалось несправедливостей, что трудно сейчас сразу и без нарушения общественных принципов установить истинную справедливость. . . Сразу всего сделать нельзя, надо же оставить что-то и для будущего прогресса!»

Автор полемизирует с Жевуским и Потоцким (не называя их имен) и отвергает предложение ждать до сейма, ссылаясь на чрезвычайную срочность дела.

Один помещик, пишет Кундзич, заявил, что предпочитает потерять руку, чем согласиться на отмену барщины. «Пусть стоит на своем и увидит, что потеряет не только руку! Другой владелец деревни и одновременно

²³⁰ «Dziennik Narodowy» (Kraków), 1848, № 6, 7.IV.

²³¹ Статья подписана «Jan Nep. Deszkiewicz»; согласно справочнику «Pseudonimy i kryptonimy pisarzy polskich, zebrała J. Z.» (Warszawa, b. r., s. 22) это — псевдоним J. N. Kundzicza. Статья датирована 28 марта 1848 г., однако содержание ее (полемика с выступлением Жевуского и Потоцкого) свидетельствует, что написана она была позднее, вероятно, в первых числах апреля.

дома в одном местечке подбивал даже мещан, чтобы они решительно отвергли § 10 требований земской депутации под предлогом, что не могут рассуждать о крестьянах, не имея их. . . Ему хорошо противиться, засев за каменной оградой местечка, а всех собратьев на селе подвергнуть всяческим опасностям и даже поставить под угрозу их жизнь!

. . . О вознаграждении за барщину в виде чинша или чего-либо подобного нельзя и думать. Это была бы лишь несправедливость и насилие иного рода, а сейчас наш мужичок и сам не согласится на это: так у него в эти последние годы открылись глаза!»

В заключение автор отводит обвинение в коммунизме, которое, как он ожидает, может последовать со стороны некоторых читателей; напротив, он хочет, «чтобы шляхте было хорошо».

Если, публикуя эту статью, редакция воздержалась от каких-либо комментариев, то уже следующее письмо, в котором выражались опасения относительно того, как сложатся после отмены барщины отношения между помещиками и их кредиторами, было снабжено несколькими выразительными заметками. Так, вторая часть фразы: «Никакому сомнению не подлежит, что барщина *должна быть отменена без какого-либо вознаграждения помещиков со стороны крестьян*» — была набрана курсивом и снабжена вопросительным знаком в скобках. Еще определеннее комментарий к другому месту письма, где автор заявляет, что пример венгров, установивших вознаграждение из общественных средств, не подходит для Галиции. «Наше положение иное, мы стремимся восстановить Родину и все резервы, какие край мог бы иметь, должны быть обращены к этой цели, поэтому *о вознаграждении у нас думать нельзя*». И здесь соответствующая часть фразы набрана курсивом, а в помещенной при этом сноске заявляется: «редакция вовсе не разделяет этого мнения».²³²

В последующих номерах газеты тон статей становится все более и более откровенным. Помещик вадовицкого округа Галлер высказывается за отмену барщины, указывая, что это диктуется собственными интересами помещиков, так как «если не они сами, то кто-нибудь другой даровал бы барщину, либо крестьяне самовольно перестали бы ее исполнять». Вместе с тем автор энергично протестует против того, что барщину изображают незаконным институтом. Старые польские конституции, конституция Варшавского княжества и Краковской республики, наконец, само австрийское правительство в лице Иосифа II, который уменьшил, но не отменил барщину, все исходили из того, что барщина законна. «Чтобы показать, как далеко должно уважаться и уважается право собственности, укажу, что английское правительство, отменяя торговлю неграми, обязало свои колонии вознаградить владельцев невольников, так как те купили их законно».²³³

Более тонкую аргументацию против отмены барщины без вознаграждения мы находим в статье Леонарда Венжика. Проведение крестьянской реформы без санкции австрийских властей может, опасается автор, привести к тому, что помещики, понесшие определенный материальный ущерб, будут обязаны выплачивать налоги в прежнем размере, и все их старые долги сохранятся в полной мере. Это приведет к разорению части помещиков и подрыву кредита, между тем «нужны будут большие расходы на покупку инвентаря, наем барщины [так! — И. М.], машин и т. п., что едва

²³² «Dziennik Narodowy» (Kraków), 1848, № 10, 12.IV. — Статья: P. . . Do kwestyi o zniesieniu pańszczyzny.

²³³ «Dziennik Narodowy» (Kraków), 1848, № 17, 20.IV.

ли при подорванном кредите смогут осуществить и владельцы земель, свободных от долгов». Нарисовав эту «страшную» картину, автор патетически восклицает: «Ведь класс мелких землевладельцев [к которым, по его мнению, относится подавляющее большинство галицийских помещиков. — И. М.] — это ядро народа, единственный интеллектуальный, мыслящий класс, который таким образом будет несправедливо, а может быть и без нужды принесен в жертву ради класса, который лишь в будущем и весьма отдаленном будущем может быть полезен стране». Последнее заключение прямо направлено против доктрины польских буржуазных демократов, рассматривавших крестьянство как важнейшую силу в борьбе за восстановление независимости Польши. Редакция газеты снабдила эти строки в высшей степени двусмысленным примечанием: «Мнение это относительно. . . Что автор понимает под «быть полезным стране»? . . . Поэтому редакция вовсе его не разделяет». Не говоря уже о том, что читателю предоставляется догадываться, от чего же отмежевывается редакция — от предположения ли, что крестьянство будет полезно стране лишь в отдаленном будущем, или от допущения, что оно вообще может быть полезно, — такое примечание оставляет совершенно не затронутой основную мысль о недопустимости нарушения интересов помещиков при проведении крестьянской реформы.

«В принципе надлежит провозглашать скорейшее безусловное освобождение крестьян, — предлагает Венжик, — в осуществлении же воздержаться до обсуждения всем польским обществом. Среди самих крестьян необходимо делать разницу: одни сидят на земле, другие, так наз. коморники, не имеют земли; неужто первые, без достаточных оснований получив дар, не придут к мысли, что к этой нелегально полученной собственности завтра протянут руку те, кто сегодня ничего не имеет? . . . Симптомы этого мы видим в прусской Силезии и княжестве Познанском. Мы не представляем себе общества без права собственности. . .». Венжик решительно отвергает опыт французской буржуазной революции 1789—1794 гг., утверждая, что «ее целью было уничтожение привилегированных классов, в то время как нашей задачей, наоборот, является всеобщее счастье и благополучие. . . Другие нации прошли этим же самым путем, ведомые прогрессом цивилизации, уничтожили барщину, но не нарушили права собственности — краеугольного камня общественного порядка».²³⁴

Итак, морочить голову крестьянам обещаниями безусловного (что имело лишь одно значение — необусловленного никаким вознаграждением) освобождения, в действительности же елико возможно оттягивать реформу, стараясь тем временем расколоть крестьянство (остающееся все еще феодально зависимым крестьянством) на два взаимно враждебных лагеря. Когда же реформа станет неизбежной, осуществить ее по примеру «цивилизованных» наций, т. е. Пруссии.

И в этой, и в других статьях усиленно подчеркивается опасность аграрного кризиса, который должен последовать за освобождением крестьян без вознаграждения помещиков и который нанесет ущерб не только помещикам, но и всему краю, при этом в момент, когда все силы нации должны быть напряжены для решения национальных задач. Этот довод, рассчитанный на то, чтобы сбить с толку, поколебать демократические круги, дополняется совершенно иным, весьма реалистическим соображением, но направленным к той же цели: «Думаете ли вы, что отказ панов от барщины крестьяне примут иначе, чем с недоверием? Или даже думаете, что это дарение. . .

²³⁴ «Dziennik Narodowy» (Kraków), 1848, № 11, 13. IV.

придаст сразу же крестьянину воодушевление национальной свободой и настроит его для действий в национальном духе?»²³⁵

Нагромождение чрезвычайных — действительных и мнимых — трудностей в осуществлении реформы: необходимость ликвидации чересполосицы, пересмотр системы поземельных налогов, вопрос о чиншах, часть которых является эквивалентом барщины и, следовательно, должна быть отменена, часть же связана с арендными отношениями и т. п. — является еще одним аргументом за задержку реформы, передачу ее на рассмотрение сейма.

Наиболее значительным выступлением консервативной мысли на страницах «Дзенника народного» была статья Томаша Потоцкого, одного из крупнейших помещичьих теоретиков крестьянского вопроса. Мы далеко уклонились бы от основной темы, характеризуя все обширные произведения Потоцкого. Для предистории крестьянской реформы 1848 г. в Галиции непосредственного интереса они не представляют. Заметим лишь, что Потоцкий находился в близких личных отношениях и целиком разделял общественно-политические взгляды двух крупнейших представителей помещиков Королевства Польского — Велёпольского и Андрея Замойского (несмотря на личную вражду последних между собой). Влияние Потоцкого необходимо учитывать при характеристике деятельности «белых» накануне восстания 1863 г., при характеристике политики Велёпольского в период его управления гражданской администрацией Королевства Польского накануне восстания 1863 г.

В своей статье Потоцкий решительно и без обиняков отвергает принцип освобождения крестьян без вознаграждения. Помимо обычных аргументов о разрушении помещичьего хозяйства, подрыве кредита и т. п., он выдвигает довольно неожиданный тезис: освобождение крестьян без вознаграждения вредно . . . для них самих. Потоцкий показывает это значительно более хитроумно, чем известный нам проект Краинского, выражавший тревогу за прочность принципов морали. Здесь вновь выдвигается на первый план тот вопрос, перед которым остановились в нерешительности буржуазные демократы, который был самым слабым и уязвимым местом их программы, — каково будет положение безземельных и малоземельных крестьян? Потоцкий умело использует эту непоследовательность программы демократов. Он констатирует, что и после проведения реформы останется еще весьма большое число крестьян, положение которых практически изменится очень незначительно. Для усиления эффекта он пользуется явно искаженными статистическими данными, согласно которым безземельные составляют чуть ли не $\frac{6}{7}$ всего крестьянства Королевства Польского. Однако если размеры этого явления Потоцким представлены весьма преувеличенно, то самое наличие его не вызвало сомнений. Потоцкий не ограничивается уже часто встречавшимся нам выводом о несовершенстве и неполноте предлагаемой реформы. Коль скоро реформа будет произведена без вознаграждения помещиков, последние не будут иметь средств для найма рабочей силы; крестьяне же, получившие землю в собственность и одновременно освобожденные от отвлекавших их повинностей, не будут нуждаться в дополнительных рабочих руках для ее обработки; в результате масса батраков останется без работы, и это в условиях, когда из-за неминуемого сокращения посевных площадей резко повысятся цены. Вывод только один — отказ от вознаграждения помещиков есть «всеобщее разрушение всего»,

²³⁵ «Dziennik Narodowy» (Kraków), 1848, № 12, 14. IV. Статья F. Rzecz o spieszonym darowaniu pańszczyzny przez panów.

грозящее страшными последствиями прежде всего беднейшему крестьянству, об интересах которого особенно усердно печется пан Томаш Потоцкий. Чувствуя, что подобными софизмами можно убедить лишь тех, кто и без того не нуждается в убеждении, Потоцкий апеллирует к сословным традициям и предрассудкам своих идейных противников. Шляхта, со времен Барской конфедерации и до нашего времени неизменно доказывающая свой патриотизм, не заслуживает уничтожения, восклицает Потоцкий. Пусть она расстанется со своими привилегиями, но ее не следует разорять, ее нельзя ставить на одну доску с французским дворянством конца XVIII в. Переходя к этой, наиболее устрашавшей помещиков исторической параллели, Потоцкий не жалеет красок, чтобы показать, какие беды принесло Франции радикальное демократическое решение крестьянского вопроса: «Национальный Конвент провозгласил подобный закон; он имел, по крайней мере, то основание, что класс землевладельцев был враждебен движению, эмигрировал, искал за границей помощи против собственной родины, так что это был вид кары, мести, возмездия, а, однако, через три года после издания этого закона цена земли уменьшилась в пять раз, а цены на продукты поднялись в пять раз. . . Чтобы питать войска, обеспечить Париж, пришлось обратиться к системе реквизиций, к моральным ценам — максимуму, и таким образом средство, которое должно было обеспечить всеобщее счастье, привело к страшнейшему деспотизму. . . Без сомнения, одно насильственное, безумное средство принудит к дальнейшим. Деспотические фискальные законы, полное ограничение собственности и свободы распоряжения ею, упадок кредита, промышленности и торговли, и терроризм как единственная пружина управления — вот неизбежные последствия безоговорочной отмены барщины».

Что же является причиной выдвижения этого, по мнению Потоцкого, безумного средства? Ответ, который он дает небезинтересен: «Два чувства в основе этой теории. У одних ненависть к тому классу, который до сих пор владел землей, желание уничтожить его до остатка. . . Боязнь! Боязнь галицийского цепа у других». Потоцкий не совсем прав в отношении демократов: он слишком сгущает краски; на беду польских буржуазных демократов они не заслужили этой оценки. Зато оценка мотивов, движущих либералами, несомненно, справедлива.

Потоцкий выдвигает свою концепцию решения крестьянского вопроса. Базой этого решения должна стать гминная организация, благодаря которой «исчезнет пролетариат, исчезнет опасность коммунизма. Ибо гмина — это организованный коммунизм, поток, ограниченный дамбами, шлюзами». Для того, чтобы гмина могла развиваться, необходимо создание значительных гминных фондов. Надо заменить барщину умеренным чиншем, часть которого будет посредством государственных процентных бумаг дана как единовременное пособие помещикам для организации их хозяйства, а остальное составит гминный фонд под контролем центральных властей. Это путь к всеобщему благополучию. «Без сомнения, желая основательно провести урегулирование, следовало бы предпринимать его не в момент восстания; во время войны только провозгласить принципы, назначить срок обеим сторонам, ориентироваться в основном на добровольные соглашения и т. п. Короче говоря, следовать примеру действий прусского правительства».²³⁶

²³⁶ «Dziennik Narodowy» (Kraków), 1848, № 18, 21. IV. — Статья: «Głos z Królestwa kongresowego do obywateli Galicji, Krakowa i Poznania o bezwarunkowym zniesieniu pańszczyzny» (опубликована анонимно, на авторство Потоцкого указывает Костолов-

Консервативные помещики не ограничивались печатной пропагандой. Они составляли свои контрпроекты решения крестьянского вопроса. Так, маркиз Велёпольский в первых числах апреля составил адрес (не получивший, впрочем, дальнейшего движения), основная идея которого определяется следующим высказыванием: «Теперь успокоить этот край не могут уже перемены в способе отбывания барщины, а только ее полная отмена и выкуп». ²³⁷ Активную деятельность в Кракове развил друг и единомышленник Велёпольского Павел Попель, дважды выступавший на собраниях помещиков с речами против дарования барщины. Речи эти нашли живое сочувствие аудитории. Избранная помещиками комиссия под председательством Попеля (в состав ее входил Адам Потоцкий) разработала проект отмены барщины, по которому помещики получали выкуп в размере $\frac{1}{3}$ полной стоимости барщины, $\frac{1}{3}$ переуступали гмине и $\frac{1}{3}$ «даровали» крестьянам. Однако в тот день, когда комиссия окончила свои труды, в Кракове был опубликован правительственный патент об отмене барщины. ²³⁸

Выступления консерваторов пронизаны страхом перед революцией: «История нашего века научила нас понимать революции. . . Насколько реформа является благодеянием, оживляющим дождем, настолько революция бывает бурей, которая разрушает и ломает так, что ущерб трудно себе представить! Хотим ли мы реформы, радикальнейшей реформы крестьянских отношений или революции? Ответ не вызывает сомнений». ²³⁹ Действительно, несомненно, что самые консервативные и закоснелые галицийские крепостники в страхе перед нарастающей революцией готовы были на реформу, может быть даже на «радикальную» реформу (и уж во всяком случае готовы были пообещать такую реформу), только бы она оправдала свое назначение — предотвратила революционное разрешение крестьянского вопроса.

Но революция страшила не только галицийских помещиков, она пугала и австрийское правительство и его чиновников, понимавших вместе с тем первостепенную важность крестьянского вопроса в развитии революционных событий. 28 марта губернатор Галиции Франц Стадион доносил министру внутренних дел Пиллерсдорфу, что «враздбная правительству партия бунтует всех, стараясь отвратить от регуляции барщины и убеждая, что улучшения положения могут ждать от этой партии, а не от правительства. К этому направлен проект полной отмены всех повинностей». Стадион предлагает отменить барщину, что направит шляхту на конституционный путь, а крестьян «утвердит в вере в благодетельные намерения его императорского величества». ²⁴⁰

Австрийское правительство еще пыталось сохранить перед внешним миром видимость уверенности в преданности галицийского крестьянина, ²⁴¹ однако его распоряжения свидетельствовали о серьезной тревоге за положение в Галиции и растерянности. Напуганный широкой агитацией за

ский). К ней примыкает более поздняя статья: «Głos drugi». См. о ней: B o l. L i m a n o w s k i. Historia demokracji polskiej, s. 288.

²³⁷ H. Lisicki. Helceł, t. I, s. 278—281. Разрядка моя. — И. М.

²³⁸ P. Popiel. Pisma, t. I, s. X—XI, t. II, s. 180.

²³⁹ «Dziennik Narodowy» (Kraków), 1848, № 12, 14. IV.

²⁴⁰ См.: E. Kostołowski. Studja. . . , s. 91; ссылка на Teki Kozłowskiego — zbiór rękopisów i drobnych druków do historii Galicji w r. 1846—1864 (Ossolineum).

²⁴¹ Ответ Фикельмона на обращение прусского министра-президента Арнима от 29. III. 1848, см.: Józ. Feldman. Sprawa polska w roku 1848. Kraków, 1933, s. 219—250.

добровольный отказ от барщины и преувеличенными сообщениями польской галицийской прессы о результатах этой агитации, Стадион 29 марта в циркуляре старостам, а 5 апреля в аналогичном распоряжении, потребовал от помещиков, отказывающихся от барщины, представления окружной администрации свидетельства о том, что имение полностью свободно от долгов. При этом отказ от барщины не должен быть ограничен никакими условиями, иначе он не будет считаться «дарованием» и потребуются заключение двустороннего договора между помещиком и крестьянами, оформление которого было связано со сложной и длительной процедурой.²⁴²

Распоряжение Стадиона вызвало негодование демократов и либералов, пропагандировавших «дарование». Показательно, однако, что либерала Земляковского больше всего возмутила «непоследовательность» и «непринципиальность» поведения австрийских властей: «Ну, вот! Прекрасно, г. губернатор! А правительство, даруя половину, а кое-где даже $\frac{9}{10}$ барщины [подразумевается неосуществленная на практике реформа 1846 г. — И. М.] обращало внимание на кредиторов?»²⁴³

Консервативная печать злорадствовала. Опубликованное в «Дзеннике народовом» без всяких редакционных примечаний анонимное письмо из Львова иронизирует: «Интересно, что будут делать те, кто подписал адрес и не мешкая объявил о безусловном отказе от барщины, так как вышеизложенное постановление ясно говорит, что даровать барщину может лишь тот, чье имение совершенно чисто от долгов, а такого у нас днем с огнем не найдешь. Выходит, что эти паны дали то, что им не принадлежит; и если они рассчитывали, что крестьяне будут к ним доброжелательны, то, возможно, ошиблись в расчетах».²⁴⁴

В поисках опоры против польского национального движения Стадион стремился, используя как главную пружину крестьянский вопрос, консолидировать вокруг правительства польские реакционные элементы. Правда, более значительных успехов в этом направлении Стадион достиг позднее, с завершением организации (в начале мая) так наз. *Beirat'a*, но уже 5 апреля он сделал попытку воскресить сословный сейм. Все наличные члены сейма были созваны под предлогом обсуждения обращения президента нижнеавстрийского ландтага Монтекукули, предложившего созвать центральное представительство всех провинций для совещаний о расширении сословных учреждений и перестройке гминных и муниципальных органов. Именно на этом совещании Стадион впервые огласил изложенное выше распоряжение, ограничивавшее право помещиков самостоятельно решать вопрос об отказе от барщины. Собравшимся было предложено избрать депутатов для направления в Вену. Несмотря на протесты либералов, заявлявших, что сословный сейм уже не вправе брать на себя представительство от всей провинции, выборы состоялись; были избраны Леон Сапега, Тит Дзедушицкий и Маврикий Краинский. Либералам удалось лишь настоять на том, что депутаты торжественно заявили о своем согласии с принципами принятого 19 марта адреса. Для большей верности Стадион присоединил к депутатам сословного сейма двух депутатов от львовского магистрата, возглавляемого в это время Агенором Голуховским. Достойно упомина-

²⁴² Распоряжение № 29 700 от 5. IV. 1848, см.: «Jutrzenka», 1848, № 28, 22. IV; «Dziennik Narodowy» (Kraków), 1848, № 8, 10. IV; о циркуляре от 29 марта 1848 г. см: Br. L o z i ń s k i. Aгенор Gołuchowski, s. 224.

²⁴³ F l. Z i e m i a ł k o w s k i. Pamiętniki, cz. 2, s. 89.

²⁴⁴ «Dziennik Narodowy» (Kraków), 1848, № 8, 10. IV.

ния, что при проезде через Краков депутаты имели совещание с Адамом Потоцким.²⁴⁵ Сразу после приезда в Вену эта депутация оказалась в конфликте с находившейся там либеральной депутацией. Один из депутатов магистрата, купец Флориан Зингер, откровенно заявил, что адреса, составленного либералами в Вене, он не подпишет, как не подписывал и первого адреса из-за пункта о барщине. Трудно сказать, каковы были мотивы, заставлявшие этого купца дорожить барщиной; вероятно, его позиция определялась не столько его личными взглядами, сколько инструкциями Стадиона и Голуховского. Остальные депутаты не делали подобных откровенных деклараций, но, очевидно, несмотря на данные во Львове обещания, недалеко ушли от Зингера, заслужив раздраженную оценку Земялковского — «Тарговица».²⁴⁶

Удача первого совещания воодушевила губернатора на более смелую попытку: 11 апреля было опубликовано распоряжение о созыве на 26 апреля сословного сейма. Это был следующий шаг на пути консолидации сил контрреволюции. Однако еще до того как определилась неудача попытки созыва сословного сейма, вопрос об отмене барщины был решен австрийским правительством.

Стадион не переставал настаивать перед Веной на необходимости отмены барщины. Это диктовалось, с одной стороны, боязнью широкого крестьянского движения и особенно боязнью использования этого движения демократами в национальных польских целях; с другой стороны — невозможностью противодействовать силой нарастающему революционному подъему и пониманием невозможности в этих условиях сохранения барщины. Показательно донесение Стадиона министерству от 12 апреля 1848 г. Он сообщает в нем об «миссарах, которые возбуждают его [крестьянина. — И. М.] против шляхты и правительства, обращая его внимание на собственную физическую силу, которая может его в один прием освободить от шляхты и правительства и сразу сделать его хозяином страны. Крестьянин еще спокоен, но следит за каждым шагом ненавистной шляхты. . . Лозунгом крестьян будет не поддержка правительства, восстановление покоя и порядка, но убийства и опустошения. . . Эта плачевная картина политических отношений станет еще мрачнее, гороскоп ближайшего будущего еще отчаяннее, если учесть в каком состоянии развала и явного расстройств находится администрация провинции. Уверенность чиновников чрезвычайно пала. Подати поступают медленно, принудительные средства забыты отчасти из опасения, как бы не вызвать еще большего возмущения, отчасти по недостатку средств принуждения, так как вооруженных сил едва хватает для поддержания спокойствия и порядка».²⁴⁷ В посланном на следующий день донесении Стадион настойчиво требует немедленной отмены барщины с вознаграждением помещиков за счет государства.²⁴⁸

Выше мы указывали, что сведений о вооруженных выступлениях крестьянства в Галиции в то время почти нет. Но это отнюдь не означает, что крестьянство было пассивно. В апреле 1848 г. в галицийской деревне стихийно

²⁴⁵ «Jutrzenka», 1848, № 20, 26 от 13 и 20.IV.; «Dziennik Narodowy» (Kraków), 1848, № 8, 10. IV.

²⁴⁶ F. l. Ziemiałkowski. Pamiętniki, cz. 2, s. 74. Сапера и Краинский действовали в Вене в контакте с главой краковских консерваторов Хельцелем. См.: L. Dębiccki. Portrety i sylwetki, ser. I, s. 230.

²⁴⁷ Br. Łoziński. Szkice, s. 86; J. Feldman, s. 243—244.

²⁴⁸ Br. Łoziński. Agenor Gołuchowski, s. 37.

развивался «мирный» процесс ликвидации барщины, ликвидации явочным порядком. Пользуясь почти полным параличом всего государственного аппарата принуждения, растерянностью помещиков, крестьяне прекращали выполнение барщины. Этот процесс еще не нашел отражения в литературе, хотя в прессе 1848 г. можно встретить прямые упоминания о нем.²⁴⁹

В этих условиях отчаянные репрессии Стадиона привели венское правительство к решению немедленно произвести крестьянскую реформу в Галиции.

Еще накануне принятия этого решения, а может быть, и уже после принятия его в принципе, в целях сохранения за собой инициативы, Пиллерсдорф заявил 13 апреля находившимся в Вене депутатам Краковского национального комитета: «Что касается проекта, относящегося к регулированию крестьянских отношений, то я должен обратить Ваше внимание на то, что никто не имеет права дарить или уступать то, что не является его собственностью. Поэтому и Краковскому комитету, который не является органом, избранным всеми гражданами-землевладельцами, и который не уполномочен ими на подобный акт, не может быть дано право объявления от чужого имени отмены барщины и превращения в собственность крестьянских земель. Однако нет никаких препятствий к тому, чтобы по выбору граждан-землевладельцев была создана комиссия, которая подвергла бы этот важный предмет серьезному изучению и выработала соответствующий проект замены барщины денежными платежами или каким-либо иным вознаграждением лиц, имеющих право на требование барщины. Если бы тем временем путем взаимного соглашения могли бы быть осуществлены добровольные договоры между помещиками и крестьянами на основе существующих до настоящего времени в Краковском округе законов, такие договоры или соглашения, с учетом того, что говорят об этом тамошние законы, будут безотлагательно утверждены».²⁵⁰

Это был знакомый уже с давних времен галицийским помещикам путь, по которому шел сословный сейм. Вновь толкая их на этот путь и явно свидетельствуя, что правительство не мыслит реформы без вознаграждения помещиков, Пиллерсдорф мог рассчитывать найти в них опору и против польского национального движения, и против нежелательного, а с точки зрения общевосточной внутренней политики и прямо опасного, радикального разрешения крестьянского вопроса. Трудно решать, насколько справедливы были такие расчеты, так как уже несколько дней спустя правительство перешло от зондажа к прямому действию, при этом и этот краткий промежуток имел значение лишь для Вены, а не для Кракова — приведенное выше заявление Пиллерсдорфа было опубликовано здесь в том же номере газеты, который известил об отмене барщины.

22 апреля во Львове и 25 апреля в Кракове было опубликовано официальное оповещение следующего содержания²⁵¹ (львовское оповещение аналогично цитируемому краковскому):

²⁴⁹ «Dziennik Narodowy» (Lwów), 1848, № 103, 27. VII, статья «Prawo jest za nami».

²⁵⁰ «Jutrzenka», 1848, № 30, 26. IV. — Разрядка подлинника.

²⁵¹ «Jutrzenka», 1848, № 30, 26. IV; «Dziennik Narodowy» (Kraków), 1848, № 20, 25. IV.

«О П О В Е Щ Е Н И Е .

Об отмене барщинных работ и других повинностей, связанных со старыми отношениями зависимости.

На основании высокого министерского рескрипта от 18 с. м.²⁶² № 878 мин. вн. дел в Краковском округе всякие барщинные и иные связанные со старыми отношениями зависимости крестьянские повинности отменяются с позднейшим вознаграждением за счет правительства.

Существующие сервитуты остаются ненарушенными настоящим распоряжением, и вознаграждение за них будет определено позднее.

Вышеуказанное постановление приобретает обязательную силу с 15 мая 1848 г.

Краков 24 апреля

За имп.-кор. гофкомиссара
действительный губернский советник
староста Краковского округа
барон Вильгельм *Криг де Хохфельден*.

В момент издания этого извещения патент еще не был оформлен; галицийские власти получили лишь (вероятно, по телеграфу) краткое уведомление о решении министерства для спешной публикации. Об этом свидетельствует, между прочим, ответ, данный Пиллерсдорфом 19 мая на адрес польской депутации в Вене, где по поводу § 12 говорится, что отмена барщины произведена патентом от 17 апреля, «а объявленный в провинции губернский циркуляр от 22 апреля, изданный в вихре (*nawale*) тогдашних событий, является лишь выдержкой из патента».²⁶³

Полностью патент был опубликован в Вене лишь 12 мая.²⁶⁴ Он предусматривал освобождение помещиков от урбариального налога, от налога за жандармерию и на рекрутский набор, от сбора налогов и от содержания юстициариев и мандатариев. Для определения убытков помещиков и размера вознаграждения должна была быть создана комиссия под председательством губернатора из членов земского управления, камерального управления, фиска и представителей земского сейма. Хотя патент временно сохранял сервитуты, однако крестьяне должны были оплачивать их помещику на основе полюбовного соглашения или в соответствии с оценкой, произведенной властями.

Официальное признание за крестьянами права собственности на их земли последовало лишь 19 августа 1849 г.

Консервативные польские помещичьи круги встретили патент с яростью и возмущением. Примером может служить написанная под свежим впечатлением, в ближайшие часы после опубликования оповещения, передовая статья «Дзенника народового», носящая колоритное название — «Воскресение Меттерниха». Автор объявляет отмену барщины «неслыханным в истории народов актом» и в возмущении взывает ко всем достойным людям, будь-то немцы, русские, французы, англичане, наконец, ирокезы. В полном противоречии с истиной и собственными призывами в предыдущих но-

²⁶² Обычной, принятой в литературе датой этого патента считается 17 апреля.

²⁶³ «Jutrzenka», 1848, dodatek do № 50, 27. V. Кеневич убедительно доказывает, что в момент издания оповещения в Галиции никакого патента еще не существовало. См.: S. K i e n i e w i c z. Sprawa włościańska w Galicji w 1848. «Przegląd historyczny», 1948, s. 91—93. Эта статья дает ряд интересных дополнительных сведений об эволюции планов австрийских властей по вопросу крестьянской реформы в марте—апреле 1848 г. Использовать эти данные в рамках настоящей статьи мы уже не могли; они, однако, не вызывают необходимости вносить в наше изложение какие-либо коррективы.

²⁶⁴ «Wiener Zeitung», 1848, № 132, 12. V; «Dziennik Polityczny», 1848, № 11, 15. V; «Jutrzenka», 1848, № 45, 22. V; «Gazeta Krakowska», 1848, № 110, 16. V.

мерах газеты он пишет: «В то время, когда галицийские граждане добровольно, единодушно и согласно решили даровать принадлежащую им барщину и землю своим крестьянам», власти всеми средствами мешали этому, а теперь незаконно распоряжаются чужой собственностью.²⁵⁵

В унисон с консерваторами встретила отмену барщины и либеральная печать, особенно подчеркивая неконституционность действий правительства: «Бросились на собственность граждан и 22 апреля министерским, не императорским, не сеймовым, патентом отменили барщину за имеющее быть когда-то правительственное вознаграждение». Автор предвидит (и заранее отвергает) аргумент правительства, что оно сделало лишь то, о чем говорили сами галицийские помещики; они имели на это право, а правительство — нет. «Этот шаг нелюбим и непопулярен, так как возбуждает в остальных провинциях государства гражданскую войну; он не логичен, так как противоречит изданному всего несколько дней назад губернатором Галиции эдикту от 5 апреля. . . наконец, он аморален, так как представляет собою самочинное присвоение прав на чужую собственность». В противоречии со своей собственной недавней позицией, газета вопрошает: «Если барщина была справедливым, но не отвечающим духу времени институтом, как можно понять по желанию министра вознаградить помещиков, то почему было не подождать до сейма». Расходившийся автор прорицает: «Сегодня в Галиции министр самочинно нарушил право собственности, завтра будет издан министерский патент, отменяющий национальную гвардию, послезавтра — свободу печати». В заключение возмущенный либерал бросает австрийскому правительству угрозу в духе Велёпольского: «Не заставляйте нас броситься в объятия Севера, ибо воистину лучше открытый враг, чем скрытый, с медом на устах и стилетом под полой».²⁵⁶

Последнее заявление не случайно. Другая статья, помещенная в том же номере газеты, заканчивается аналогичной угрозой: «Взываем: где искать справедливости? Быть может, в конце концов нам придется искать ее там, откуда меньше всего ее ожидаем — с Севера».

Отмена барщины правительством была страшным ударом для буржуазных демократов. «Временно вся политическая ее [отмены барщины. — И. М.] ценность погибла для нас. Народ поверил, что не шляхта, а правительство освободило его от наиболее чувствительно гнетущей его тяготы».²⁵⁷

Однако немедленно после появления правительственного распоряжения начались единодушные — от консерваторов до демократов включительно — попытки представить реформу делом помещиков.

25 апреля Краковский Национальный комитет издал воззвание: «Польский народ (lud)! Расклеенное сегодня на углах улиц оповещение австрийских властей, гласящее, что с 15 мая с. г. все барщинные и иные крестьянские повинности отменяются, есть лишь следствие тех пожеланий, которые помещики многократно безуспешно представляли правительству, пожеланий, которые были представлены затем для полного и окончательного разрешения польской депутацией в Вене. Наконец, во многих местах, несмотря на помехи со стороны чиновников, сами помещики провели это в жизнь

²⁵⁵ «Dziennik Narodowy» (Kraków), 1848, № 20, 25.IV — «Zmartwychwstanie Metternicha». Статья датирована 24.IV [?]. Развернутый, детализированный протест против крестьянской реформы был издан 20 мая 1848 г. помещиком тарнопольского округа Францишом Висьнёвским. — Fr. Wiśniowski. Odezwa przeciw zniesieniu powinności inwentarskich w galicji, см.: S. U r s k i. Sprawa wościańska, t. I, s. 429—438.

²⁵⁶ «Jutrzenka», 1848, № 35, 10.V. — В том же духе статья в № 2 «Dziennika Politycznego» от 4.V, в № 6 «Postępu» от 29.IV и др.

²⁵⁷ Demokracja, s. 170—171.

23 апреля. Правительство, таким образом, объявило польскому народу то, что помещики сделали уже по собственному желанию и что правительство не могло оттянуть. Как бы то ни было — нет барщины. Поблагодарим за это бога! Да здравствует Польша, свободная в равенстве и братстве всех своих детей, под опекой вечной своей королевы — св. богородицы Ченстоховской». ²⁵⁸

Воззвание это вызвало неудовольствие консерваторов. «Дзенник народowy» с возмущением заявил, что Комитет благословил правительственный акт. «Из воззвания Комитета едва ли не вытекает, что ему не столь важно, кто даровал барщину, только бы была дарована». По мнению же газеты, главным вопросом является вопрос приоритета. Поэтому следует не благодарить бога за отмену барщины, а протестовать против этого беззакония. ²⁵⁹

И Комитет протестовал. В опубликованных уже во Вроцлаве, когда Комитет покинул Краков после событий 26 апреля, отчете и обращении к народам Европы в числе «чудовищных преступлений контрреволюции» он клеймил и отмену барщины. «В Галиции [власти] возбуждают сельский народ, подготавливая повторение резни 1846 г. Отсюда запрещение частного освобождения народа, а затем внезапное освобождение его правительством. Народы Европы! Вы, возможно, не знаете, что это означает в Польше? Вы, может быть, считаете, что это всего лишь отмена зависимости и предоставление личной свободы? Нет, здесь речь идет о предоставлении собственности $\frac{2}{3}$ жителей всей польской земли, чтобы дать им возможность пользоваться гражданскими и политическими правами. Краковский манифест 1846 г. предоставлял эту землю сельскому народу и имел на это право, это было выражение и объявление воли нации. Сейчас помещики в Галиции в наибольшей части предоставили ее [т. е. землю. — И. М.], и все во всей Польше готовы ее дать, так как польский народ имеет право распоряжаться своим. Но по какому праву австрийское правительство смеет распоряжаться не своей собственностью? Почему скорее оно не отменит гнетущих страну монополий? Оно хочет разрознить классы общества, хочет истребить польский национальный элемент». ²⁶⁰

Под этим лживым документом, дезориентирующим общественное мнение относительно истинной позиции польских помещиков, превращающим краковский манифест 1846 г. в ширму угнетателей крестьянства, стоят подписи демократов Шнайде, Зенковича, Высоцкого и др. ²⁶¹

По существу этот протест Комитета немногим отличается от протеста 834 жителей Кракова, который представляла в Вене депутация, возглавляемая такими консерваторами, как Хельцель и Адам Потоцкий. ²⁶²

²⁵⁸ «Jutrzenka», 1848, № 30, 26. IV. В газете, которую Зенкович от имени «всей демократии» начал издавать в Кракове в сентябре 1848 г., было перепечатано это воззвание, но уже без заключительных фраз: «Как бы то ни было» и т. д. См.: «Przegląd. Piśmie tygodniowe, poświęcone ustaleniu zasad demokratycznych w Polsce», 1848, № 3, 14. IX.

²⁵⁹ «Dziennik Narodowy» (Kraków), 1848, № 21, 26. IV. Разрядка подлинника.

²⁶⁰ «Jutrzenka», 1848, № 34, 8. V; см. также: «Zdanie sprawy Komitetu Narodowego Krakowskiego z wypadków ostatnich w dniu 25 i 26 kwietnia w Krakowie zaszyłych». Wrocław, 1848, s. 4—6, 10—11.

²⁶¹ И даже в декабре 1848 г. галицийский корреспондент «Demokraty polskiego» заявлял, что «акт освобождения громадских [т. е. крестьянских. — И. М.] земель от барщины и всяких доминикальных повинностей, осуществленный помещиками, несмотря на помехи и административные запрещения, является, может быть, важнейшим и прекраснейшим фактом всего европейского революционного движения» (Wizegunki, t. IV, s. 270).

²⁶² «Jutrzenka», 1848, № 38, 12. V. Здесь отмена барщины фигурирует как «беззаконие» в одном ряду с бомбардировкой Кракова.

Вместе с тем была очевидна необходимость найти иные аргументы для убеждения крестьянства в том, что барщина отменена по инициативе помещиков. Одним из таких средств было поспешное объявление отмены барщины помещиками раньше, чем крестьянам станет известно об изданном правительством патенте.²⁶³ Разумеется, подобный маневр быстро обнаружился и приводил к прямо противоположным результатам.

Другим методом убеждения крестьян в злой воле правительства и доброй воле помещиков стало подчеркивание мысли, выраженной в цитированном выше обращении Краковского комитета к народам Европы, что по-настоящему добрую волю правительство могло бы продемонстрировать, отменив тягостные косвенные палаты. Примером этого может служить изданная еще 25 апреля листовка от имени таинственного Краковского национального собрания (zbór),²⁶⁴ начинавшаяся словами: «Польский народ (lud)! Паны отменили панщину, а цесарское правительство не изменило цесарщины. Оно хотело утвердить [так! — И. М.] то, что ему никогда не принадлежало, а то, что могло законно сделать, т. е. уменьшить или отменить подати, таможенные сборы, акцизы, отменить способ воинского набора, этого, однако, не сделало».²⁶⁵ А вот как убеждал крестьян «Кракус»: «Собралась шляхта в Галиции и так порешила: «Страдаем мы за грехи отцов. Довольно. Даруем, кто только хороший поляк, барщину братьям нашим, крестьянам, а бог нас наградит тем, что будет Польша. А император, добрый государь, и он тоже, со своей стороны, откажется от того, что не наше, а, конечно, ему принадлежит — от соли, акциза и от табака». И шляхта даровала барщину и смотрел на то господь бог. . . А чиновники-то некоторые, видя, что им плохо, снова подзуживают и дурачат, и лгут. «Это не шляхта, это император даровал вам барщину», — так дурачат народ глупый, хотя и достойный. Однако ж, приятель! Барщина была не императорская, а шляхетская, ведь крестьянин ее отрабатывал не императору, а шляхтичу, так значит шляхтич имел право даровать ее либо нет, а почему это ты, соловушка (roszcziwy ptaszku), не скажешь ни словечка о даровании акциза, а соли, а табака? Ага, видишь!»²⁶⁶

Веря еще в возможность жертв со стороны помещиков, Львовский национальный совет (вокруг которого сосредоточились демократы после бомбардировки Кракова и объявления там осадного положения) призвал их к отказу от обещанного правительством вознаграждения и передаче его на школы, больницы, содержание бедняков и калек.²⁶⁷ Однако даже среди тех, кто в первые дни революции заявлял о «даровании» барщины, лишь одиночки подтвердили свой отказ от вознаграждения.

²⁶³ См. письмо Гицкевича Федоровичу от 22 апреля 1848 г. «Причинки до історії 1848 р.» — ЗНТШ, т. LXXXVIII, стр. 106—107; Fr. Smolka. Dziennik, s. 270.

Помещики, впрочем, пытались сделать радостную мину при дурной игре. В галицийских польских газетах лета 1848 г. можно встретить ряд корреспонденций, описывающих, как благодарные крестьяне по собственному почину работают у помещика, да еще отказываются от платы. См., например, «Gazeta Narodowa», 1848, № 74 от 25.VII, «Zgoda», 1848, № 21 от 28.VII и т. п. Однако массовые крестьянские стачки, особенно в Восточной Галиции, впервые развернувшиеся в 1848—1849 гг., скоро отбили у либеральных борзописцев охоту к живописанию «сельских идиллий».

²⁶⁴ Краковский комитет никогда так не именовался; кроме того, все его воззвания снабжались подписями, которых на этой листовке нет.

²⁶⁵ «Jutrzenka», 1848, № 31, 27.IV.

²⁶⁶ «Krakus. Pismo dla ludu», Kraków, 1848, cz. 3, s. 15—16.

²⁶⁷ E. Kostołowski, s. 94.

Более того. Помещикам было предоставлено право взыскивать с крестьян старые барщинные недоимки. Львовский национальный совет обращением от 10 июня призвал помещиков отказаться от взыскания недоимок, которое неминуемо должно было вызвать сильнейшее недовольство крестьян. «Многие ли воспользовались этим предостережением? Сомневаемся!» — писал Хельтман.²⁶⁸

Даже во время европейской революции, даже в момент, когда обстановка требовала выдвижения новых лозунгов, замены обветшалой половинчатой программы, которая была уже реализована благодаря подъему революции, новой, более широкой, более прогрессивной, польские буржуазные демократы оказались неспособны на это. Отравленные ядом национал-либерализма, они не смогли порвать с грузом своего шляхетского прошлого, выступить против помещиков, выдвинуть радикальную программу, программу аграрной революции, повести за собой крестьянство на борьбу за независимую и демократическую польскую республику. Оставаясь в плену догматических и близоруких планов, они были обезоружены правительственной отменой барщины, потеряли перспективу действия и так и не смогли восстановить ее в ходе революции. Обращаясь к галицийским помещикам, Хельтман восклицал: «Вы сами извратили возвышенную идею, завели ее в тупик. . . Как вы выберетесь из этой пучины? Бог знает».²⁶⁹ Но в этой тираде столько же бессилия, сколько и гнева. Преодолеть это бессилие, выйти на широкую, прямую дорогу демократической революции польские буржуазные демократы не смогли ни в революции 1848 г., ни впоследствии.

И все же их деятельность не была бесплодной. Она способствовала ликвидации основ феодально-крепостнических отношений в галицийской деревне, что было важнейшим и уже неустранимым результатом революции 1848 г. в Галиции.

В польской публицистике и историографии было весьма живучим мнение, что отмена барщины в Галиции была предопределена готовностью помещиков к отказу от барщины, австрийское же правительство перехватило инициативу, боясь ликвидации классовых антагонизмов в Галиции и возникновения идиллического общенационального единства. Такую трактовку мы встречаем не только у современников событий, примеры чего мы видели выше, и не только у шляхетских историков, стремившихся фальсифицировать историю в своих классовых интересах. Даже историки социалистического толка отдавали ей дань, когда, обрушиваясь с филиппиками на своекорыстные галицийских помещиков, заявляли, что австрийское правительство напрасно боялось того, что «галицийская шляхта решится на жертву и сразу привлечет к себе сердца крестьян!.. К сожалению, эти предположения о здоровом политическом смысле и гуманности галицийских землевладельцев были неосновательны, и остается печальным фактом, что позор барщины был ликвидирован правительством захватчиков».²⁷⁰

Нет сомнения, что опасения у австрийского правительства возбуждали отнюдь не «гуманность» или «здоровый политический смысл» галицийских помещиков. Поспешность, с которой оно произвело отмену барщины, объяснялась страхом перед массовым крестьянским движением (а австрийские власти после событий 1846 г. отчетливо сознавали, какой горючий

²⁶⁸ Demokracja, s. 171.

²⁶⁹ Demokracja, s. 172.

²⁷⁰ W. F e l d m a n n. Stronictwa, t. I, s. 30.

материал накопился в Галиции и какую потенциальную силу он собою представляет) и боязнью, что это движение найдет руководителей в лице буржуазных демократов. И это последнее опасение также диктовалось не столько конкретными фактами деятельности буржуазных демократов в марте — апреле 1848 г., сколько свежими воспоминаниями о тенденциях краковского восстания 1846 г. Можно без преувеличения сказать, что крестьянское восстание в Галиции, с одной стороны, и краковское восстание — с другой, еще в 1846 г. подорвали основы барщинного порядка и предопределили его падение, а 1848 год был лишь реализацией наследия 1846 года. Не фантастическое единение помещиков и крестьян, а вполне реальная угроза того, что буржуазные демократы станут во главе крестьянского движения, страшила австрийские власти, и это со всей отчетливостью выражает цитированное нами донесение Стадиона. И, разумеется, этот страх могли внушить не колебавшиеся между либерализмом и демократией деятели типа Зенковича, а революционные демократы, такие, каким был Эдвард Дембовский или казненный в 1852 г. в Вене его сотоварищ Юлиан Госляр, хотя они были немногочисленны и не они определяли позицию демократических кругов в 1848 г.

Момент и способ осуществления реформы определялись широким планом наступления австрийской (а возможно, и не только австрийской) контрреволюции. Не случайно отмена барщины совпала с бомбардировкой Кракова, попыткой разгрома польского Национального совета во Львове,²⁷¹ приказом о высылке эмигрантов, приехавших в Галицию, началом активных действий прусских войск против польских вооруженных сил в княжестве Познанском. Знаменательно, что контрреволюция не решилась перейти в наступление, не предварив его своим вариантом решения крестьянского вопроса.

Осуществляя отмену барщины, австрийское правительство стремилось предотвратить установление боевой связи между революционными демократами и крестьянством, ограниченной реформой предвосхитить революционное решение основного социального вопроса. Оно достигло своей цели, но не следует забывать, что и это половинчатое решение было следствием революции и серьезным завоеванием революции.

Вряд ли можно переоценить значение того факта, что правительство решилось на отмену барщины в Галиции, хотя оно не могло не сознавать (и не нуждалось для этого в подсказках политиканов из «Ютшенки»), что этот локальный акт неизбежно предопределяет крушение барщинного порядка во всей Австрийской империи. И действительно, четыре месяца спустя это крушение было зафиксировано законом, принятым венским парламентом 7 сентября 1848 г.

Несомненным завоеванием революции было и то, что реформа, осуществленная австрийским правительством, не привела, как это было ранее в Пруссии, а позднее в России, к дополнительному обезземеливанию крестьянства. В условиях революции «отрезки» были невозможны.

Реформа 1848 г., подорвав основы феодально-крепостнических отношений, сохранила, однако, ряд пережитков этих отношений и создала условия для длительной консервации этих пережитков, что определило дальнейшее развитие капитализма в сельском хозяйстве Галиции по прусскому пути.

²⁷¹ Выступления контрреволюции имели место в эти дни также в Станиславе, Тагонове, Бохне и других городах Галиции. См. W. K o r f f. W s p o m n i e n i a, s. 118.

Было сохранено крупное помещичье землевладение: на долю помещиков после реформы приходилось 42,4⁰/₀ всех земель Галиции.²⁷²

Число получивших в 1848 г. право собственности на землю (uwłaszczeniych) крестьянских хозяйств составляло, по официальным данным, 546 тысяч.²⁷³ За пределами этой группы остались многочисленные безземельные крестьяне-коморники, составившие кадры сельского пролетариата — батрачества. Но и среди имевших землю крестьян более $\frac{1}{4}$ составляли владельцы карликовых наделов размером менее 2 моргов и более $\frac{2}{3}$ — владельцы наделов менее 10 моргов, между тем как только надел в 10 моргов и выше мог обеспечить нормальное существование крестьянской семьи.²⁷⁴

Надо учесть при этом непрерывно усиливающийся процесс расслоения крестьянства, чтобы по достоинству оценить условия, определявшие пореформенные отношения в галицийской деревне.²⁷⁵ Не имея возможности свести концы с концами на своем ничтожном наделе и в то же время привязанные к нему, бедняки и середняки были принуждены арендовать на кабальных условиях землю у помещиков и кулаков или наниматься к ним же за ничтожную оплату. Один из консервативных помещичьих публицистов описывал в 70-х годах систему так наз. «порций» — ничтожных ссуд (не свыше 30 гульденов), которые давали помещики крестьянам. Процентами по этим ссудам была отработка, обычно 1 день в неделю, до тех пор, пока не будет выплачен капитал. Сам автор принужден признать, что эти «порции» представляют собою «новый вид барщины».²⁷⁶

На долгие годы растянулась ликвидация сервитутов — рудимента феодальных отношений. Однако ликвидация эта была проведена так, что крестьяне почти совершенно были лишены леса и задыхались от недостатка пастбищ, что предоставляло помещикам дополнительные возможности для закабаления крестьянства. «Наши крестьяне были принуждены возбудить не менее, чем 32 тысячи процессов о сервитутах и проиграли из них не более, чем 30 тысяч», — горько иронизирует Будзиновский.²⁷⁷

Вплоть до 90-х годов затянулась индемнизация — выплата возмещения помещикам за отмененную барщину. Часть индемнизационного капитала в Галиции была предоставлена правительством (т. е. была взыскана с трудового населения всей Габсбургской монархии в целом), часть же, вопреки патенту от 17 апреля 1848 г., самой провинцией (т. е. была взыскана с трудящихся самой Галиции, прежде всего с крестьянства). Помещики Галиции получили около 75 млн. гульденов, общий же объем стоимости индемнизации, считая с административными расходами, превысил 200 млн. гульде-

²⁷² Fr. Buja k. Galicja, s. 263; В. Будзиновський. Аграрні відносини, стр. 43.

²⁷³ Die Grundentlastung in Oesterreich, S. 80—81.

²⁷⁴ В. Будзиновський, Аграрні відносини, стр. 43; см. также В. Будзиновський, Хлопска посілість, Львів, 1901, стр. 25 или W. Budzypowski. Chłopska posiadłość w Galicji. — «Światło», 1895, № 8—9, s. 222.

²⁷⁵ По данным Будзиновского (Хлопска посілість, стр. 25), к 1893 г. число карликовых хозяйств, имеющих менее 2 моргов земли, увеличилось по сравнению с 1867 г. на 250%, число 2—5-морговых хозяйств — на 154% и 5—10-морговых — на 76%. Одновременно с этим число середняцких 10—20-морговых хозяйств уменьшилось на 34%, а число кулацких хозяйств, имеющих свыше 100 моргов земли, возросло на 122,5%. В 1893 г. 46% всех крестьянских хозяйств имело менее 2 моргов земли; процент хозяйств, имеющих менее 10 моргов, достиг 86, а численность этих хозяйств была равна 1435 тысячам.

²⁷⁶ St. Tarnowski. Parcye. «Przegląd Polski», 1874, listopad, s. 163—179.

²⁷⁷ W. Budzypowski. «Światło», 1895, № 1, s. 21.

нов. По официальным австрийским данным, на душу населения в связи с индемнизацией падало платежей в Чехии — 11 гульденов, в Восточной Галиции — 20, в Западной Галиции — 23. Однако, как указывает Франко, эти цифры еще не дают полного представления о тяжести индемнизации для относительно более бедного галицийского крестьянства. Если сравнить размер индемнизационных платежей с размером подоходного налога, то выясняется, что галицийский крестьянин платил за свое «освобождение» относительно в 3 раза больше, чем крестьянин Чехии, и в 5 раз больше, чем крестьянин в Нижней Австрии.²⁷⁸

Таковы были важнейшие последствия реформы 1848 г.

Ряд новых проблем, возникших в процессе осуществления реформы 1848 г. и в результате ее, был предметом дальнейшей идейно-политической борьбы в польском обществе еще в ходе революции 1848 г. Эти вопросы, однако, выходят за рамки нашего исследования.

* * *

Польское национально-освободительное движение середины XIX в. имело большое прогрессивное значение. «Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах не было самостоятельных, массовых, демократических движений, *шляхетское* освободительное движение в Польше приобрело гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всевропейской».²⁷⁹ Борьба за независимость Польши против угнетавших ее реакционных правительств рсшатывала устои реакции, способствовала пробуждению и усилению революционного движения в России, славянских странах, во всей Европе. Это справедливо в отношении всех сил, участвовавших в национальном движении, вплоть до консервативной шляхты, коль скоро она выступала под знаменем восстановления независимости польского государства.

Но достичь победы и создать действительно жизнеспособное государство польское национальное движение могло только как движение демократическое, ибо «сила национального движения определяется степенью участия в нем широких слоев нации, пролетариата и крестьянства».²⁸⁰ И если даже *шляхетское* движение, как указывал Ленин, приобретало в тот период и в тех условиях гигантское, первостепенное значение, то в неизмеримо большей степени такое значение могло получить демократическое национальное польское движение.

Вопрос о том, поднимется ли польское национальное движение на более высокую — буржуазно-демократическую ступень, был вопросом первостепенного значения во всевропейском масштабе. Тем более велико его значение было для судеб самого польского народа. То, что польское национальное движение так и не смогло превратиться в широкое народное, демократическое, антишляхетское движение, было величайшей трагедией польского народа в ту эпоху. Значительная часть вины за это лежала на польских буржуазных демократах, чья непоследовательность, колебания, боязнь порвать

²⁷⁸ «Die Grundentlastung in Oesterreich», S. 82—86; I. Франко. Пашчина, стр. 105—107.

²⁷⁹ В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 4-е, т. 20, стр. 403.

²⁸⁰ И. В. Сталин. Сочинения, т. 2, стр. 306.

с шляхтой способствовали тому, что национальное движение осталось верхушечным, не охватило широкие массы народа и было тем самым обречено на неудачу. Но для того чтобы стать широким народным движением, оно должно было из чисто национального превратиться в социальное, последовательно антифеодалное движение. Буржуазные демократы понимали это и, как мы видели, вступили на этот правильный путь, но не сумели идти по нему до конца, заколебались на полпути.

Переломным моментом в истории польского национального движения середины XIX в. и (поскольку речь идет о Галиции) в развитии важнейшей социальной проблемы — крестьянского вопроса — был 1846 год. Никогда до этого, как уже и никогда после этого, польская буржуазная демократия не дала таких примеров революционно-демократической смелости и страсти.

Неудивительно, что выступление революционной демократии и еще не объединившееся с ним выступление, казалось, погруженного в мертвый сон галицийского крестьянства напугали оравы либералов, ранее кокетничавших демократическими лозунгами. Бегство либералов из-под демократических знамен могло лишь укрепить силы демократии, способствовать приближению ее к крестьянству. Но польские буржуазные демократы в подавляющем большинстве не смогли порвать нитей, связывавших их с либералами, потянулись за ними, уступая им позицию за позицией. После 1848 г. дальнейший путь польской буржуазной демократии представляет собой ряд отступлений, сделок с либералами и даже консерваторами типа Чарторыйского; программа ее шаг за шагом теряет свою революционную, социальную остроту. В восстание 1863 г. буржуазные демократы бросились, уже в значительной мере растеряв свой антифеодалный порыв 40-х годов, и в этом восстании они исчерпали себя.

Несмотря на это, деятельность революционных демократов XIX века представляет собой яркую и славную страницу в истории Польши. Сформулированная ими программа демократического переустройства Польши имела большое прогрессивное значение. Их деятельность способствовала расшатыванию устоев феодально-крепостнических порядков в Галиции и Королевстве Польском, а вместе с тем и во всей Австрии и во всей России. Выступая с программой национального освобождения, они будили революционно-демократическое движение других славянских народов, шли в его авангарде. История революции 1848 г. в славянских землях Австрии убедительно свидетельствует об этом. Из этой среды вышли героические революционеры — Конарский и Сцегенный, Дембовский и Госляр, Траугутт и Ярослав Домбровский, чей пример воодушевлял сотни борцов за свободную, демократическую, народную Польшу. Эти борцы, трудовые массы польского народа — истинные наследники славных боевых традиций передовых революционных демократов, тех, кто сто лет назад провозглашал: «Польша независимая и Польша демократическая — вот цель нашего Общества».

И. Н. Мельникова

ЗАКАРПАТСКАЯ УКРАИНА В РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА

I

В результате победоносного окончания войны великого советского народа против германского фашизма народ Закарпатской Украины, освобожденный Советской армией из фашистской неволи, получил возможность сам решить свою судьбу. 29 июня 1945 г. в Москве был подписан договор между Советским и Чехословацким правительствами о выходе Закарпатской Украины из состава Чехословакии и воссоединении ее с Советской Украиной.

Этот договор, осуществивший вековые чаяния закарпатских украинцев, явился событием величайшей исторической важности в жизни украинского народа.

«Впервые в своей истории весь украинский народ объединен в границах своего единого государства», — говорил В. М. Молотов при подписании этого акта исторической справедливости.

Труден был тот исторический путь, которым пришел украинский народ к созданию своего собственного национального государства.

«Столетия жил украинский народ, разделенный на части, скованный русским царизмом и австро-венгерской монархией, лишенный свободного национального развития. Столетия жил украинский народ под чужеземным игом, находясь на полукOLONИАЛЬНОМ положении. Только Советская революция в России открыла путь к возрождению украинского народа, создавшего собственное Советское государство и занявшего свое выдающееся место в Союзе Советских Социалистических Республик».¹

Особенно трудным был исторический путь закарпатских украинцев. В истории мало таких случаев, когда небольшая ветвь народа, оказавшаяся в иноплеменном окружении и претерпевшая почти что тысячелетнее жестокое национальное и социальное иго чужеземных завоевателей не только выжила бы, но, выжив, сохранила бы свою народность, свой язык и культуру. Через многие исторические испытания свято пронес украинский народ, живущий за Карпатами, сознание единства и родства с народами восточных славян — украинским и русским народом.

История Закарпатской Украины, богатая событиями, связанными с борьбой трудящихся масс против классового угнетения, переплетая-

¹ В. М. Молотов. Речь на юбилейной Сессии Верховного Совета УССР в день 30-летия Советской Украины. — «Правда», 1948, 25 января.

щейся с национально-освободительной борьбой, до сих пор еще не получила должного освещения. В свое время усилия венгерской дворянско-буржуазной историографии были направлены к тому, чтобы любым путем, не останавливаясь перед прямой фальсификацией исторических фактов, обосновать «историческое право» господствующих классов Венгрии на угнетение закарпато-украинского народа и убить в нем сознание родства с остальным украинским и русским народами, живущими на восток от Карпат. С подобной точки зрения подошли к «изучению» истории Закарпатской Украины в период вхождения ее в состав Чехословакии и те чешские историки, которые, находясь на службе у правивших Чехословакией господствующих чешских классов, заявляли, что народ «Подкарпатской Руси» не имеет своей истории и, обреченный самой судьбой на зависимое положение, не может претендовать на право устраивать свою государственную жизнь и что он может существовать только как неотъемлемая часть Чехословакии, «ветвь политического народа чешско-словацкого».²

История Закарпатья в течение долгого времени подвергалась также извращению и фальсификации местными буржуазно-националистическими историками (Волошин, Ревай, Брацайко, Гаджега, Бирчак и др.), воспринявшими основной тезис антинаучной исторической концепции Грушевского о «бесклассовом», «безбуржуазном» развитии украинской нации и применившими его при освещении истории Закарпатской Украины. Исторические «труды», выходявшие из-под их пера, имели целью укреплять классовое угнетение трудящихся Закарпатья местными украинскими помещиками и украинской буржуазией, тормозить развитие классовой сознательности трудящихся и классовой борьбы, в корне душили стремление народных масс Закарпатской Украины к воссоединению с Советской Украиной.

Из сказанного следует, что необходимо глубокое изучение советскими историками прошлого Закарпатской Украины, и прежде всего изучение проблем, связанных с ее социально-экономическим развитием, историей и борьбой классов, национально-освободительной борьбой трудящихся масс Закарпатья против чужеземных угнетателей, так как именно эти проблемы частью совсем не рассматривались в историографии, если же рассматривались, то подвергались наиболее грубым извращениям.

Одному из важных этапов в истории Закарпатской Украины — освещению исторических событий, имевших место в Закарпатье в связи с революцией 1848 г., и посвящена данная статья. Считаем нужным предупредить, что эта статья не претендует на сколько-нибудь полное исследование данного вопроса не только потому, что автор ограничен размерами журнальной статьи, но также, — и это главное, — потому, что этот вопрос до сих пор не был предметом специальных исследований, которые можно было бы использовать при составлении общего очерка, а собирание и тщательное изучение документального материала потребуют еще долгого времени и большой кропотливой работы.

Автор считает своим долгом выразить признательность сотрудникам Закарпатского областного государственного архива, содействовавшим разысканию архивных материалов и облегчившим работу над венгерскими текстами.

² В. Дворский. «Область» Подкарпатская Русь. См. Сборник «Восемь лекций о Подкарпатской Руси», стр. 10. Пер. с чешск. Д. Вергуна. Прага, 1925.

* * *

В рассматриваемый нами период Закарпатская Украина являлась частью Венгрии и именовалась «Угорской Русью», а за ее пределами часто «Закарпатской Русью». Вместе с остальной территорией Венгрии Угорская, или Закарпатская, Русь входила в состав Австрийской империи, чрезвычайно пестрой по национальному составу. Известно, что из общего числа 37 миллионов населения Австрии 17 миллионов составляли славянские народы.

Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали тот факт, что Австрийская империя возникла ценой порабощения славян. В раннее средневековье территория Австрии была заселена исключительно славянами, позднее славянские племена подверглись завоеванию со стороны немцев и мадьяр и, соответственно, — процессу германизации и мадьяризации. В то время как с запада в славянскую компактную массу вбивался немецкий клин, с востока в славянское тело врезывался такой же клин мадьярский, и «мадьярская аристократия тоже господствовала над славянскими племенами на юге и на севере, в Кроации, Славонии и в прикарпатских землях».³ Мадьярскому завоеванию в XI в. подверглась и Закарпатская Русь, входившая до этого в Киевское восточно-славянское государство. С этого времени гнет венгерских завоевателей необычайно тяжело лег на плечи народа Закарпатской Руси; ее славянское население испытывало тяжелейшее как социальное, так и национально-религиозное угнетение:

Процесс складывания феодально-крепостнических отношений завершается в Закарпатье в XVI в. Захваченные венгерскими королями земли вместе с сидевшим на них населением к этому времени были розданы немецким, венгерским и местным закарпато-украинским помещикам. В 1514 г. неограниченная власть дворянства над народом была узаконена изданием «Трипартитума» — кодекса дворянской вольности. Крестьянство лишается права перехода с места на место и окончательно закрепощается.

Высказывавшееся многими исследователями ⁴ мнение, что господствующий феодальный класс в Закарпатье не имел в своем составе местной украинской шляхты, является совершенно неосновательным. Напротив, все данные говорят за то, что украинское крестьянство Закарпатья угнетали как немецко-венгерские феодалы, так и «свои» украинские помещики, различными путями достигшие шляхетского звания. Так, в разряде «донацийных» шляхтичей (получивших шляхетские свободы и именная, так наз. донатию) значились богатые семейства украинского происхождения: Долгаи из Довгого, Билкаи из Билок, Петроваи из Мarmorоша и т. д.⁵ Значительную группу украинской шляхты на Закарпатье составляли так наз. «армалисты» — мелкие шляхтичи, получившие шляхетские права и герб и имевшие очень незначительные владения, часто не превышающие крестьянского земельного надела — телека. Так, в 1627 г. Иван Ковач, получив шляхетство, принял фамилию Пастели; семейство Пастели владело имением в Малых Пастельках; Федор и Иван Ковачи из Великого Березного получают шляхетство под фамилией Добеев; Михаил Волк из Перечина становится шляхтичем с фамилией Волкаи и т. д.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VII, стр. 272.

⁴ См., напр.: F. Gabriell. Selský stav v Užhorodskem panstvi na sklonku XVIII st. Užhorod, 1932, s. 4. А. Петров. Задачи карпаторусской историографии, стр. 9—10.

⁵ М. Н. Лелекач. Руська шляхта на Підкарпатській Русі. — «Підкарпатська Русь». Ужгород, 1936, стр. 6.

В списках шляхты, составляемых по жупам, они заносились в специальный отдел «nobiles rutheni, orosz nemesek».⁶

Чтобы получить права и привилегии венгерского дворянства, местные закарпатские помещики принимали язык и религию венгров, меняли свои славянские имена на венгерские и, таким образом, вливались в ряды венгерского господствующего феодального класса. Однако в списках шляхты XVII—XVIII вв. на Закарпатье можно найти немало и таких феодалов, которые сохранили свои славянские фамилии. Закарпатские помещики — Бачинские, Балудянские, Ферковичи, Олышавские, Бренковичи, Анталовские — фигурируют в документах как владельцы имений и крепостных.

Совершенно справедлив сделанный автором статьи, на которую мы ссылались, приводя все эти факты, вывод о том, что «архивные документы и живая традиция» свидетельствуют о существовании на Закарпатье «русских семейств, получивших полное шляхетское право с гербом и на том праве живших до самого 1848 г., как и остальная шляхта на Мадьярщине».⁷

Крестьянство Закарпатской Руси в своем крепостном состоянии делило горькую долю венгерского закрепощенного крестьянства, отягченную, кроме того, национально-религиозным гнетом, ибо и введение на Закарпатье в середине XVII столетия церковной унии венгерские феодалы рассматривали как средство окончательного порабощения славянского населения Закарпатья.

Усиление крепостного и национально-религиозного гнета вызывало сопротивление со стороны крестьян и было причиной многих народных волнений. В 1631 г. во время выступления венгерских крестьян в районе Токая волнуются и русинские крестьяне. В 1632 г. крестьянское восстание под лозунгом «За давние свободы!» охватило Бережский и Земплинский комитаты.⁸ Волной бурных социальных потрясений, резким обострением классового антагонизма внутри феодального общества был ознаменован конец XVII — начало XVIII в. В 1703—1711 гг. Закарпатье было охвачено грандиозным крестьянским восстанием, которое феодалы Ракоци и Берчени пытались использовать в интересах венгерского дворянства.

Даже тогда, когда крестьянство Закарпатской Руси не поднимало открытых восстаний и оставалось относительно спокойным, настроения народных масс были столь грозны по отношению к феодалам, что правительство нередко вынуждено было посылать войско для поддержания порядка. Когда в 1741 г. из Мукачева вышел стоявший там гарнизон, управитель Мукачевской доминии поспешил уведомить правительство, что он «считает этот русинский народ натянутым луком, склонным занять вновь свое естественное положение свободы и могущим взорваться со всей силой при малейшем движении какого-либо безличного Катилинь».⁹

Крестьянские волнения приняли такие размеры, что Габсбурги были поставлены перед необходимостью в интересах монархии несколько ограничить произвол помещиков и тем самым сохранить налоговую платежеспособность крестьян. Представительница «просвещенного абсолютизма» Мария-Терезия (1740—1780) решает издать закон, который бы регламентировал отношения между крепостным крестьянством и феодалами. Встретив сопротивление дворянства, она в 1765 г. распускает венгерский сейм

⁶ М. Н. Лелекач. Руська шляхта на Підкарпатській Русі. — «Підкарпатська Русь». Ужгород, 1936, стр. 13.

⁷ Там же, стр. 6.

⁸ О. Мицюк. Нариси з соціально-господарської історії Підкарпатської Русі. Прага, 1930, ч. II, стр. 118.

⁹ Там же, стр. 140.

и распоряжается провести общую перепись крестьян и собрать сведения о состоянии крестьянства.

На основании полученных сведений, местных «урбаров», решений высшего суда и королевских резолюций был разработан проект «урбаральной реформы», и в январе 1767 г. был издан Урбариум и формы урбаральных табелей на латинском языке; кроме того, для понимания народом, закон был издан на немецком, венгерском, словацком, а также и «русинском» языках, так как Урбариум распространялся и на Закарпатскую Русь.

Урбариум Марии-Терезии оставлял в неприкосновенности крепостничество и подтверждал исключительное право феодалов на владение землей, стремясь лишь несколько ограничить своеволие помещиков и ввести общую, унифицированную норму повинности крепостных. И хотя Мария-Терезия, в интересах государственной власти, намерена была несколько облегчить долю «кметей» (крепостных крестьян), но ввиду того, что подготовка материалов для составления Урбариума была поручена комитатской администрации, находившейся в руках местных землевладельцев, те позаботились, чтобы в новом законе были зафиксированы наиболее высокие требования помещиков к крестьянам. И, таким образом, нормы крестьянских повинностей, установленные «Урбарием», оказались выше средних, фактически существовавших до того. К тому же в Урбариуме было немало неясных, дававших возможность различного толкования, формулировок, которые всегда и толковались в интересах помещиков. Да и самые ясные постановления Урбариума, — по выражению историка крепостничества в Венгрии Ачади, — паны осуществляли в свою собственную пользу.

Урбариум был введен на всей территории Венгрии не сразу. В Закарпатской Руси его действие начиналось только спустя несколько лет после объявления (в Ужанской жупе — с 1773 г., в Угочанской и Бережской — с 1774 г., в Земплинской — с 1778 г.);¹⁰ при этом и самое проведение урбаральной реформы в Закарпатье имело свои особенности. Поэтому мы считаем полезным познакомиться с отдельными статьями Урбариума ближе, ибо это поможет нам яснее представить картину социально-экономических отношений в Закарпатской Руси накануне революции 1848 г.

В основу Урбариума был положен тезис о том, что шляхетству принадлежит исключительное право владеть землей, часть которой оно в виде «телеков» предоставляет для пользования крестьянам. «Кметскому телеку» (наделу, записанному в поземельных книгах) и посвящен был первый пункт Урбариума. Фиксации норм земельного надела предшествовало разделение земель на 5 разрядов, по их урожайности и пригодности, при этом ухудшение качества земли должно было возмещаться увеличением ее площади. Фактически же реализация этого пункта создавала широкую возможность земельного грабежа закарпатских крестьян, ибо при классификации, проведенной в комитатах Угорской Руси, специфика местных условий не принималась во внимание. Каменистая, непригодная для обработки почва в горно-лесистых районах, куда массами в средневековье выселялось закарпатское крестьянство, сгоняемое венгерскими помещиками с плодородных равнинных земель, относилась при классификации к более высоким разрядам. В то время как в Угорской Руси крестьянский надел 1-го разряда составлял 12—22 йоха пахотной земли и 6—8 йохов лугов, в венгерских комитатах

¹⁰ Там же, стр. 157.

такой же надел составлял 34—46 йохов пашни и до 20—22 йохов пастбищ.¹¹ Наделы русинских крестьян оказались почти в два раза меньше наделов в венгерских районах. Знаток крестьянского вопроса в Венгрии Ачади писал, что именно «в тех жупах, где крепостные получали мало земли — в словацких и русских, — положение крестьянства стало со временем наиболее невыгодным». Этот же факт ухудшения положения крестьянства Угорской Руси по Урбариуму Марии-Терезии отмечали и многие другие исследователи (Дулешкович, Бидерман, Легоцкий). У Легоцкого, например, по этому поводу читаем: «Мария-Терезия провела Урбариум в пользу земельных панов, и от этого положение крепостных во многих местах ухудшилось».¹²

С проведением урбарильной реформы закарпато-украинские крестьяне лишились значительного количества земли, которая теперь перешла в руки феодалов. Особенно расширили свои земельные владения немецко-венгерские магнаты, имевшие громадные латифундии в Закарпатье.

Перед введением урбариев в 39 верховинских селах Мукачевско-Чинадеевской доминии, принадлежавшей немецкому графскому дому Шёнборнов, числилось 80¹/₂ наделов. В результате же учета всех земель и проведенной реформы в 1781 г. из тех же земель получилось 318 ³/₄ наделов. По свидетельству Легоцкого, оказались не учтенными раньше 570 телеков и по другим районам доминии. Таким образом, в одной только Мукачевско-Чинадеевской доминии Шёнборна у крестьян было отобрано 800 ⁵/₈ телеков.¹³ Такое же положение наблюдалось и в других районах Угорской Руси. В Межи-Лаборце управители доминии графов Другетов из одной четверти телека делали две; в с. Быстра на Земплинщине в иезуитском поместье надел, равнявшийся ранее 40 йохам пашни, согласно нормам Урбариума, урезывался до 24—26 йохов, т. е. уменьшался почти вдвое. Во многих местах закарпатские крестьяне не получали и такого урезанного надела, а только часть его (¹/₂, ¹/₄, ¹/₈, ¹/₁₀), а то и совсем сгонялись с земли.

Пункты Урбариума, следующие за определением крестьянского надела, устанавливали обязанности крестьян по отношению к помещику. За пользование полным наделом устанавливалась норма барщинной работы в 52 тяговых или 104 пеших дня в году, сверх этого кмети отбывали различные «службы» (подворная повинность, участие в панской охоте и т. д.), увеличивавшие норму панщины на 13 дней в году. Затем следовали повинности в форме денежной и натуральной: «кметская дань» или «подомовый чинш» в один форинт (флорин), сборы на панскую кухню («culinaria»), различные чрезвычайные поборы. И, наконец, пятый пункт Урбариума говорил о «девятине» — обязательстве владельца надела отдавать помещику девятую часть всего, что «родится на земле и воспитывается на земле». В Угорской Руси встречалась замена девятины отработками (как, например, в с. Мокра на Мармарошине, вследствие чего панщина возрастала еще на 12 дней с упряжкой и 24 пеших дня) или денежным взносом в 4 форинта (с. Ясеня).¹⁴

Нормы повинностей, устанавливаемые Урбариумом, как правило, значительно превышали ранее существовавшие и тем самым давали возможность феодалам усилить эксплуатацию крестьянства и окончательно закрепить те его категории, которые по ряду причин еще не в полной мере были подчинены крепостному гнету. В Угорской Руси в результате этого

¹¹ О. Мицюк. Ук. соч., ч. II., стр. 159.

¹² T. Lechoczky. Beregvármegye monographiaja, t. I, 1881, p. 421.

¹³ О. Мицюк. Ук. соч., ч. II, стр. 161.

¹⁴ Там же, стр. 150, 151.

оказались уравненными в повинностях с крепостными тысячи крестьян, сидевших на прежних королевских землях и не лишенных еще новыми владельцами некоторых прежних своих привилегий. Так, в одной только Мукачевско-Чинадеевской доминии 1200 семейств, плативших ранее только чинш за пастбище и хату, были подведены под общую норму и обязаны панщиной и другими крепостными повинностями.¹⁵

Из всего сказанного о проведении урбариальной реформы на Закарпатье следует, что земельный закон Марии-Терезии, усиливший крепостнический гнет во всей Венгрии, сделал его особенно тяжелым в Угорской Руси и повлек за собой обезземеливание и разорение закарпато-украинского крестьянства.

В 1792, 1796, 1802, 1805, 1807, 1808, 1812, 1827, 1830 гг. венгерский сейм подтверждает терезианский урбариум, подчеркивая этим, что крестьяне обязаны пребывать в крепостном состоянии в силу закона. Кроме отбывания всей суммы повинностей в пользу помещика, крестьянство, вместе с мещанами, несло на себе всю тяжесть государственных налогов и повинностей. В Закарпатской Руси в конце XVIII в. масса налогоплательщиков, по данным, приведенным О. Миццоком, составляла 93.3%, и только 0. 7% населения составляли привилегированные сословия.¹⁶

К этому времени усиливается процесс дифференциации среди дворянства и растет массовое обезземеливание крестьянства. Для Закарпатья особенно характерно было сосредоточение земельных владений в руках немногих магнатов, преимущественно немецко-венгерских титулованных феодалов, и наличие многочисленной группы мелкой шляхты, «нямешей». Что касается социальных изменений, происходивших в массе крестьянства, то и здесь следует отметить растущую дифференциацию. С одной стороны, на селе образуется незначительная прослойка зажиточного крестьянства, с другой стороны, идет процесс массового обезземеливания. Подавляющая часть крестьян Закарпатья не имела полного крестьянского надела, владея только $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{16}$ частью его и увеличивала самую неимущую категорию («желяров»). Бедность крестьян особенно резко бросалась в глаза в горно-лесистых районах. На Верховине почти не было пашенных земель, за исключением небольших участков по берегам потоков; земля, на которой едва вызревали овес и гречиха, и занятие скотоводством не могли прокормить верховинских бедняков, и они спускались вниз, в долину, шли на заработки в имения венгерских помещиков и зажиточных крестьян за Тиссу.

В интересах сохранения контингента налогоплательщиков правительство принимало меры к тому, чтобы задержать дробление крестьянских наделов, однако все это не могло задержать процесса обезземеливания крестьянства. Начинаясь процесс так наз. первоначального накопления, тот период, когда совершался распад феодального способа производства во «всем бесконечном разнообразии форм, свойственном переходной эпохе».¹⁷

Уже на рубеже XVIII—XIX вв. крупное землевладение в Венгрии, в том числе и в Закарпатской Руси — ее северных комитатах, несмотря на преграды феодальных экономических и правовых отношений, все больше включается в развивающийся процесс товарного производства. Большое количество зерна, винограда, шерсти производится в имениях на продажу. В Мукачевской и Ужгородской доминиях перерабатываются

¹⁵ Там же, стр. 159.

¹⁶ Там же, стр. 115.

¹⁷ В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 4-е, т. 3, стр. 160.

продукты сельского хозяйства, используются природные богатства Карпат, развиваются издавна существующие в Закарпатье соляные промыслы, добывание селитры, поташа, руды и т. д. От ремесла и промысла намечается переход к созданию довольно крупных предприятий с применением некоторого количества машин и использованием наемной рабочей силы. В Кобылецкой Поляне, на Белом Потоке и у Требушан были поставлены доменные печи и сюда же привезены наемные немецкие рабочие; в конце XVIII в. в Мукачевской доминии основывается полотняная мануфактура, которая была известна своими изделиями даже в Гданске; в 1832 г. в имении Риттера при Загоне над Тиссой был поставлен сахарный завод, второй в Венгрии; в Ужгороде между 1840—1848 гг. построены суконная, спичечная фабрика и фабрика для очистки каолиновой глины.¹⁸ Растут доходы имений от продажи скота и сплава леса. В рыночные отношения втягивается также среднее и мелкопоместное дворянство и зажиточные слои крестьянства.

Шёнборны, владельцы Мукачевской доминии, имели более 2500 семейств крепостных. Количество обязанных крепостным трудом крестьян достигало таких размеров, что использовать его продуктивно становилось все труднее и уже в середине XVIII в. в Мукачевской доминии наблюдается выкуп панщины. В имениях начинает находить себе применение наемный крестьянский труд, очень дешевый, ввиду растущего разорения закарпато-украинского крестьянства. Документы называют и нормы оплаты за наемную работу: например, в 1828 г. в Бардиеве косцу за день работы платили 18 крейцеров, в Пряшеве — 16, пахарю с волами 27 и 18 крейцеров и т. д.¹⁹

Владельцы крепостных все чаще жалуются на то, что их подданные «не любят работать», и в 1839 г. появляется план — заменить панщину денежным чиншем и на эти деньги нанимать для обработки полей работников по добровольному соглашению.²⁰

О том, что феодальные отношения становились препятствием для дальнейшего социально-экономического развития, свидетельствует и характер городской жизни в XVIII — начале XIX в. И хотя в Закарпатской Руси не было крупных городских центров, однако развитие двух более или менее значительных из них — Ужгорода и Мукачева — дает картину борьбы городских сословий против феодальных порядков.

По статистическим данным Мукачевского городского архива, население Мукачева в середине XIX в. достигало 6 тысяч чел.²¹ К июню 1848 г. относится более или менее точная цифра — 6612 чел. К сожалению, мы не можем привести точных данных о делении населения по имущественному признаку, укажем лишь на то, что статистика сбора налогов, относящаяся к 40-м годам XIX в., зафиксировавшая особые суммы налогов для горожанина-домовладельца, однодворца, промышленника, мелочного и базарного торговца, свидетельствует о значительной имущественной и социальной дифференциации городского населения Мукачева.²²

Одним из проявлений социальных противоречий в Мукачева была борьба между мещанством и дворянством за руководство городским управлением.

¹⁸ О. Мицюк. Ук. соч., ч. II, стр. 266—271.

¹⁹ Там же, стр. 201.

²⁰ А. Шаш. Нариси з соціальної і господарської історії Шенборнської латифундії Мукачевсько-Чинадівської в першій пол. XVIII ст. — «Наук. зб. т-ва «Просвіта», Ужгород, 1932, стр. 101—134.

²¹ А. Шаш. Архив привилегированного города Мукачева. 1376—1750. Мукачево, 1928, стр. 111.

²² Там же, стр. 73.

С конца XVIII в. борьба эта приобретает острый характер. В 1793 г. дворянство потребовало, чтобы кандидаты на должности судьи и городских советников выдвигались из их среды. Городской совет соглашается на это, но с условием, чтобы дворянство взяло на себя обязательство принимать участие в уплате налогов и расходах по общественным работам. Отказ дворянства от принятия этого условия вызывает бурные собрания мещан; раздаются возгласы: «Мы не дадим знати вмешиваться в наши обычаи!» Борьба эта продолжается до 40-х годов XIX в. и заканчивается тем, что мелкое дворянство все же допускается к участию в городском управлении.²³ Вслед за тем городское население Мукачева начинает борьбу за освобождение от феодальных повинностей в пользу Мукачевской доминии. С 1839 г. этот вопрос становится главной заботой городского управления; в этом году на заседании городского совета было высказано пожелание о необходимости принятия мер к освобождению от уплаты следуемой доминии десятины.²⁴ Через четыре года, в 1843 г., городской совет предпринимает решительный шаг в этом направлении, отказав доминии после сбора картофеля в уплате обычной десятины. Фискал доминии Франц Балог, ссылаясь на средневековый «Трипартитум» и закон 1836 г., подтвердивший терезианский Урбарииум, заявляет городскому управлению, что город Мукачево как местность, подчиненная доминии, обязан уплачивать десятину. Об ответе городского управления мы узнаем из протокола его заседаний: «Городские жители смотрят с печалью на то, что фискал называет крепостными как дворянское, так и недворянское сословия Мукачева. Мукачев был когда-то независимым, свободным городом, не подчиненным никакому помещику. Хотя его древние вольности и были ограничены, но все же нельзя к нему относиться со строгостью урбарииальных законов. Город с негодованием протестует против выражения «крепостной» и возлагает на Ференца Романа обязанность защищать права города».²⁵ Обратим внимание на то, что на этом этапе социальной борьбы в Мукачево мелкое дворянство и мещанство сообща борются против феодальной зависимости, против господства крупнейших феодальных магнатов — немецких графов Шёнборнов, владевших Мукачевской доминией.

Крепостнический гнет, различные ухищрения феодальных эксплуататоров делали невыносимым положение народных масс Закарпатской Руси. В начале XIX в. прибавились еще и другие факторы, расстраивавшие экономическую жизнь края. То были наполеоновские войны, которые, как пишет В. Гаджега, «задержали всю жизнь, повсюду господствовала страшная дороговизна много лет, а за этим следовали и другие беды»;²⁶ стихийные бедствия: страшная засуха в 1812 г., когда «вельми скупю было на пашу» (из Гукливской хроники) и неурожайный 1813 год. В этом году в силу исключительно тяжелых обстоятельств мараморошский викарий даже освободил русинское население от соблюдения постов, сделав в бумагах викарии следующую запись: «... двома цими минувшими годами мало зерна в Мараморші уродилося, а посліднього сего года і что уродилося, подлоє било, із которого оучинений хліб горький і смердячий, токмо з великою противністю і насильством їсти возможно, і которий здоровію больше вредит, нежели пользует... К тому же доходит війною наведений

²³ Там же, стр. 59—60.

²⁴ Там же, стр. 60.

²⁵ Там же.

²⁶ В. Гаджега. Михайло Лучкай. . . , «Наук. зб. т-ва «Просвіта», Ужгород, 1828—1829, стр. 17.

недостаток пенязей между людьми . . . уболышилася бідность чрезвычайно подлим часом і непроходимими дорогами, котрими ниже что заробити, ниже зерно из сосідніх вармедь привезти можна; еще ж і із Русі, боязні раді от чуми, тяжко е зерно принести».²⁷ Неурожайными были и 1816—1817 гг. Потом, после нескольких лет относительного облегчения, в 1827 г., в Венгрии начинается эпидемия холеры, свирепствовавшая и на Закарпатской Руси до 1841 г. Все эти годы был сильный голод.

Тягость крепостнического гнета, расстройство экономической жизни во время наполеоновских войн, стихийные бедствия повлекли за собой массовые волнения крестьян в Закарпатской Руси. За крестьянскими выступлениями против панщины в 1828 г. последовало крестьянское восстание 1831 г., охватившее большую часть Закарпатья. Оно вспыхнуло в связи с эпидемией холеры, — за три летних месяца на Верховине погибло от этой страшной болезни около 56 000 человек. Как говорит запись из с. Вербяша: «Зде на Верховині, як і по всім Угорським краї, була велика хворота, котра іменовалася холера, на котру людіе зело мнозі умроша». Среди крестьян распространился слух, что паны отравляют колодцы и «распускают холеру». Во время вспыхнувшего «холерного бунта» крепостные перебили многих помещиков. Однако холерная эпидемия была только поводом к восстанию. Восстание 1831 г. было бурным протестом угнетенного крестьянства против крепостнической эксплуатации. Оно вылилось в массовое неповиновение помещикам и местной администрации, расправу с помещиками и чиновниками, разгром помещичьих имений. В движении, охватившем села украинские, венгерские, словацкие, стерлись границы религиозные и национальные. Восставших объединяла ненависть к феодалам-угнетателям. Восстание продолжалось два с половиной месяца. На его подавление австрийское правительство направило регулярные воинские части, стоявшие на польской границе.²⁸

Крестьянские волнения большей или меньшей силы происходили и позже, охватывая различные районы Закарпатья; они свидетельствовали о том, что крестьянство все решительнее выступало против ненавистных крепостнических порядков.

Такова была картина социально-экономической жизни и классовых отношений в Закарпатской Руси накануне революции, вспыхнувшей в Венгрии в 1848 г.

«Переход от феодального способа производства совершается двояким образом. Производитель становится купцом и капиталистом. . . Или же купец непосредственно подчиняет себе производство».²⁹ Для Венгрии характерно то, что капиталистическое преобразование совершалось почти исключительно первым способом. При этом капиталистическим предпринимателем становится в Венгрии в первую очередь не непосредственный производитель, а феодал-землевладелец. Энгельс, причисляя в 1847 г. Венгрию к «совершенно варварским странам», писал, что в этой стране «феодальные землевладельцы все больше и больше превращаются в оптовых торговцев зерном, шерстью и скотом и их выступления в сейме носят последовательно буржуазный характер».³⁰

²⁷ П. Светлик. Обезник Марамарошського викарія. — «Подкарпатская Русь», 1928, стр. 193—196.

²⁸ Фомич Фоман. Народный бунт в Верхней Угрии 1831 г. «Слово». Львів, 1872. № 118—120.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIX, ч. 1, стр. 362.

³⁰ Там же, т. V, стр. 247.

Таким образом, в роли буржуа в Венгрии выступают феодальные землевладельцы, а создание и развитие промышленной буржуазии становится одной из основных задач венгерской революции.³¹

Венгрия принадлежала к числу стран, где, как писал Энгельс накануне событий 1848 г., «исполняется ныне слово пророка: «Готовьте пути господу. . . Широко раскройте врата и распахните двери мира, чтобы вошел царь славы!» Кто же этот царь славы? Это — буржуа».³²

Ход экономического развития Венгрии определялся многими причинами, в числе которых не последнее место занимали ее отношения с Австрией. Австрийская политика, рассчитанная на то, чтобы превратить Венгрию в поставщика сырья для развивающейся австрийской промышленности, не могла не тормозить экономическое, промышленное развитие Венгрии.

В свою очередь, венгерская политика в областях, заселенных немадьями, в том числе и в Закарпатской Руси, ставила еще больше преград их экономическому развитию, сковывала последний узами национального гнета. В Закарпатьи полными господами экономической и политической жизни были крупные венгерские помещики и нарождавшаяся венгерская буржуазия, использовавшие богатства края и эксплуатацию закарпато-украинских народных масс в интересах господствующего класса Венгрии.

Еще Маркс и Энгельс указывали на тот факт, что в Венгрии «мадьяры вместе с немцами стали во главе интеллектуального и коммерческого развития» и что «славяне вообще с трудом создают свою национальную буржуазию».³³ Эти замечания, высказанные Марксом и Энгельсом при анализе экономического и политического положения в стране накануне и во время революционных событий 1848 г., вполне применимы по отношению к Закарпатской Руси, являвшейся наиболее угнетаемой славянской областью Венгрии. А так как в Закарпатье буржуазные отношения начали развиваться только накануне 1848 г. и так как здесь в то время не было налицо сколько-нибудь значительной группы закарпато-украинской буржуазии, то сложившееся вследствие этого соотношение классовых сил было еще таково, что революция, вспыхнувшая в Венгрии в 1848 г., не могла развернуться в Закарпатье в такой же мере, как в Венгрии, где нация «впервые в революционном движении 1848 г., впервые после 1793 г. . . осмеливается противопоставить трусливой контрреволюционной ярости революционную страсть».³⁴

* * *

Известия о будапештских событиях 13—15 марта, знаменовавших собой начало революции в Венгрии, и принятых под их прямым влиянием заседавшим в Пресбурге (Братиславе) венгерским сеймом революционных законах быстро распространились по всей стране. Дошли они и до Закарпатской Руси. И хотя из всех народов Венгрии украинцы Закарпатья, в силу уже указанных нами причин, были, пожалуй, наименее подготовлены к борьбе за буржуазно-демократические преобразования, однако события, происшедшие здесь в революционные 1848—1849 гг., свидетельствуют о

³¹ Б. Л. Ландор. Венгерская революция 1848—1849 гг. и царская интервенция. — «Исторические записки Ин-та истории АН СССР», т. IX, 1940, стр. 248.

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. V, стр. 247.

³³ Там же, т. VII, стр. 276.

³⁴ Там же, стр. 271.

революционном подъеме, развитии антикрепостнической борьбы и национально-освободительного движения в Закарпатской Руси.

Буквально через несколько дней после принятия венгерским сеймом закона о создании ответственного, независимого венгерского правительства, о создании муниципального управления на основе народного представительства, об отмене урбаральных крепостнических порядков, о свободе печати и создании национальной гвардии — во всех административных центрах Закарпатья были получены тексты этих решений, содержащиеся в обращении венгерского сейма ко всем народам Венгрии.³⁵ Уже 18—19 марта на стенах Ужгорода и Мукачева были расклеены прокламации, объявлявшие о сформулированных 15 марта в Будапеште венгерской революционной молодежью 12 пунктах, составлявших программу революционной демократии. Эти пункты не только живо обсуждались на городских собраниях, но и дополнялись новыми пожеланиями. Так, горожане Мукачева выразили полное одобрение решению магистрата венгерского города Надь-Канижа о включении в эти 12 пунктов требований о создании национального банка, о введении всеобщего гражданского равенства, об обращении имущественных благ ранее привилегированных сословий в национальные и оказании из этих фондов помощи бедным гражданам, об использовании национальных доходов на развитие культуры и просвещения. На этом же собрании было принято решение о сборе денег на сооружение в Будапеште памятника «Свободы, Равенства и Братства».³⁶

27 марта Ужгород торжественно праздновал объявление свободы. Писатель и публицист Закарпатской Руси И. Сильвай, учившийся в то время в ужгородской гимназии, вспоминает, что людьми овладевала стихийная сила «занявшегося пожаром по всей стране движения под лозунгами: свободы, братства и равенства».³⁷ Особое воодушевление охватило учащуюся молодежь, в среду которой еще раньше проникали идеи венгерского национального возрождения, вдохновенные строки революционных стихов великого венгерского поэта-демократа, трибуна революции Петефи.

Под влиянием Петефи молодой поэт Иван Рабар, охваченный ненавистью к тиранам, пишет гневные строки, призывая народ к борьбе:

Долой тирана, долой в могилу!

Свободно наше отечество и народ!

Клянемся, что Австрия никогда не будет господствовать над тобой!

Эти стихи были напечатаны в ужгородской типографии, принадлежавшей кошицкому издателю Эллингеру. Из этой типографии в 1848 г. вышло немало документов, свидетельствовавших о развитии национального движения в Закарпатской Руси.

«Школа стояла под влиянием внешней бури, — пишет тот же Сильвай, — сами профессора, вместо преподавания школьных предметов, с увлечением распространялись о течении отечественных дел. . . Учащаяся молодежь по классам перед лекциями распевала патриотические песни, под час лекций извне доносилась музыка наборных воинов, которые по улицам с веселым танцем. . . побуждали всякого поступить в ряды защитников отечества».³⁸

³⁵ Закарпатский Облгосархив, ф. Ужанской жупы, 1848, св. 49, № 89.

³⁶ Т. Лешоцку. *Bereg megye és a munkácsi vár 1848—49-ben*, 1899, p. 8.

³⁷ И. Сильвай. *Автобиография*. Ужгород, 1938, стр. 31.

³⁸ И. Сильвай. *Ук. соч.*, стр. 32.

В Мукачеве, Ужгороде, Берегове по призыву венгерского революционного правительства из ремесленников, наемных рабочих, мелкой буржуазии, учащейся молодежи и крестьян окрестных сел создаются первые отряды национальной гвардии, принимающие на себя функции по охране нового порядка. Отряд национальной гвардии сформировали рабочие металлургического завода в Фридешеве. Завод был спешно переоборудован для изготовления оружия.

В Мукачеве командование отрядом национальной гвардии принял на себя сотник Л. Ружак. Городской совет Мукачева, состоявший из представителей наиболее имущих городских кругов, использовал создание национальной гвардии для «поддержания порядка», предотвращения выступлений народных масс. Буржуазия особенно опасалась таких выступлений ввиду того, что численность городского плебса сильно увеличилась за счет нахлынувшей в Мукачево в голодный 1846/47 год из Верховины голодающей массы поденщиков и крепостных. Смертность среди этих бедняков была так велика, что священники жаловались на отсутствие мест на городском кладбище. Масса городского плебса находилась в постоянном волнении, и городские власти считали нужным принять срочные меры для предупреждения возможного «бунта». 7 апреля в Мукачеве начала действовать специальная комиссия, занявшаяся разработкой «Правил всеобщего порядка». Первым мероприятием этой комиссии было помещение в башне греко-католической мукачевской церкви вооруженного отряда «народной сторожи», которому был отдан приказ о применении оружия в случае народных волнений.³⁹ Тот факт, что с первых же дней революции городские власти Мукачева пытаются использовать национальную гвардию против народных масс, свидетельствует о имевших место острых социальных противоречиях между буржуазией и городскими низами.

Пришедшие в революционное возбуждение народные массы Мукачева и окрестностей устремляли свои гневные взоры на замок, высившийся серой громадой над городом. Грянула революция, повсюду звучали лозунги свободы, а в замке попрежнему оставался австрийский гарнизон и над его башней все еще развевался зловеющий желто-черный флаг. Со времени французской революции мукачевская крепость пользовалась печальной известностью страшной политической тюрьмы. Революционеры Вены, Венгрии, Польши, Греции, Италии, ряд выдающихся писателей и ученых проводили годы в ее мрачных казематах. В 1794 г. сюда был заточен венгерский якобинец Ференц Казинций, в 1813 г. австрийские жандармы заключили в одну из башен замка греческого князя Александра Ипсиланти, поднявшего восстание в Молдавии. К началу революции 1848 г. замок был заполнен узниками, брошенными сюда по обвинению в участии в польском революционном движении.

В конце апреля венгерское революционное правительство издало декрет об освобождении из тюрем политических заключенных. Население Мукачева, которое с первых дней революции ожидало этого момента, встретило объявление этого декрета с огромным воодушевлением. Однако ожидаемое событие произошло не сразу по получении распоряжения из Будапешта. Командовавший австрийским гарнизоном майор Франц Лауб отказался выполнить этот декрет на том основании, что он считал себя попрежнему подчиненным австрийской короне. Тогда жители Мукачева послали в замок депутацию из 60 человек, во главе с Ладиславом Кралованским,

³⁹ Т. Lechoczky. Beregmegeye és a munkácsi vár 1848—49-ben, стр. 12.

потребовавшую от коменданта подчинения революционному закону. Лауб оправдывался тем, что не получил еще распоряжения из Вены и обещал немедленно связаться со своим командованием. Он спешно отправил в Вену сообщение о волнениях в Мукачеве, предупредив, что если в течение нескольких дней не прибудет приказ об освобождении заключенных, он, Лауб, вынужден будет подчиниться воле «разъяренного народа» и открыть ворота тюрьмы.

Через восемь дней ответ из Вены был получен, и политические узники, освобожденные от кандалов, 2 мая 1848 г. вышли из ворот мукачевского замка. Они были встречены ликующей толпой мукачевских граждан и крестьян из окрестных украинских сел и отведены в город. Городской совет выдал им продовольствие, одежду и содействовал отправлению их на родину.⁴⁰

Одиннадцать польских революционеров, восемь лет томившихся в казематах мукачевской крепости, обратились к жителям Мукачева с воззванием, в котором они взволнованно благодарили своих освободителей: «Благодарим вас, наши отцы, матери, братья и благодарим Польшу, также содействовавшую нашему освобождению. Да здравствует взаимное счастье и мадьярско-польское братство! Да здравствуют верные наши братья!.. Смелость и отвага все побеждают!». ⁴¹

Жители Мукачева были обеспокоены тем обстоятельством, что немецкий гарнизон попрежнему оставался в замке. Австрийцы вели себя вызывающе, и дело часто доходило до кровавых столкновений между солдатами гарнизона и мукачевскими гражданами. Начальник замка Франц Лауб не считался с распоряжениями местных властей и на все требования поднять над замком «триколор» (национальный венгерский флаг) неизменно отвечал, что он не признает никакого другого флага, кроме австрийского, и не намерен выполнять приказаний, поступающих из Будапешта, так как он получает деньги за службу не от Кошута, а от австрийского императора.⁴²

Правительственная газета «Kossuth Hirlap» в номере от 1 октября 1848 г. поместила письмо, полученное из Мукачева от члена национальной гвардии: «Как ни посмотришь на Мукачевский замок, задумываешься с болью о том, в чьих руках этот замок находится. Офицеры замка презирают людей свободы и издеваются над ними: «Испробуйте вы еще вашу свободу на собственных спинах!», а их жены называют воинов национальной гвардии «люмпенами». Можно ли это терпеть дальше? Сколько еще будут жить кровопийцы? Пришли сюда в лохмотьях, здесь нажились и еще говорят, что ты «люмпен». Такая «благодарность» заслуживает, чтобы они были уничтожены». ⁴³

Чувствуя, насколько опасным для самих австрийцев может оказаться дальнейшее пребывание в Мукачеве, майор Лауб принял решение об оставлении замка. Однако он боялся вывести свою роту за крепостные стены,

⁴⁰ T. Lechoczky. Beregvármegye monographiaja. p. 272—273.

⁴¹ T. Lechoczky. Beregmegye és a munkácsi vár 1848—1849-ben, p. 168. Приложение № 2. -- Из Мукачевского замка не был освобожден только один заключенный — поляк Дмитрасикевич, приговоренный к 20 годам тюрьмы «за тяжчайшие политические преступления». Жители Мукачева добивались и его освобождения. Многочисленные просьбы, посылаемые правительству, были наконец удовлетворены и 4. XII военный министр подписал приказ об освобождении Дмитрасикевича. Радость этого известия для населения Мукачева была омрачена тем, что несчастный узник сошел с ума, не дождавись своего освобождения.

⁴² Ibid. p. 17.

⁴³ «Kossuth Hirlap», 1848, № 80. 1. X.

не приняв мер, обеспечивающих ей безопасность продвижения. Объявив через церковный приход манифест Фердинанда, запрещавший населению под страхом смертной кары нападать на австрийские части, майор Лауб потребовал от городского совета заложников, которые должны были сопровождать австрийцев до границы, и только тогда 250 австрийских солдат и офицеров покинули замок, который сразу же был занят отрядом национальной гвардии, водрузившим над башней революционный «триколор».⁴⁴

Создание революционного войска — национальной гвардии — было одной из первостепенных задач, вставших перед новым венгерским правительством сразу же после победы революции. В апреле по всей стране были разосланы декреты, за подписью министра Батьяни, призывающие граждан «встать на защиту отечества», вступить в ряды национальной гвардии, брать в руки оружие и быть готовыми к защите «свободы и порядка». Городским советам и комитатам (а в Закарпатье — жупному начальству), предлагалось оказывать помощь формирующимся частям национальной гвардии и обеспечивать ее всем необходимым.⁴⁵

Комиссии по вербовке в национальную гвардию были созданы в Ужгороде, Мукачево и других административных центрах Закарпатской Руси. В первые же недели в гвардию записалось много добровольцев. В Ужгороде на обучавшуюся в семинарии молодежь большое влияние имел епископ В. Попович, открыто ставший на сторону нового, революционного правительства. Возбуждая в молодежи чувство патриотизма, Попович содействовал вступлению в национальную гвардию семинаристов и священников. Некоторые из них — Андрей Андрейкович, Михаил Бачинский, Федор Дудинский, Федор Миклош, Антоний Коссий, Иван Болошук, Антоний Саксун — выдвинулись на офицерские посты и прославили себя храбрими воинами венгерской революционной армии.⁴⁶

В национальную гвардию записывались и ужгородские горожане: ремесленники, наемные рабочие, мелкая буржуазия. «У мещан завелось подобие воинской жизни, — вспоминает о том времени Сильвай, — для краевой обороны вызваны ремесленники из своих мастерских, купцы от своих лавок, иные от своих занятий, старые и молодые, и ежедневно упражнялись в воинских приемах».⁴⁷

Просматривая в Закарпатском архиве списки «гонимых» (воинов национальной гвардии) Ужанской жупы, мы встретили в них имена добровольно вступивших в гвардию семинаристов — Далоша, Ивана Чипле, Андрея Чельского, Георгия Неребецкого, студента Альберта Ласлова, ремесленного подмастерья Грабаря, каменщика Чеснока, сапожника Андрея Угольского, седельщика Поливки и многих других. Для записи в национальную гвардию в Ужгород прибывали крестьяне-добровольцы из сел Доманицы, Буковец, Черноголово, Турья Ремета, Семере, Великая Берзна, Турья, Быстра и мн. др.⁴⁸

Специальная запись добровольцев производилась среди еврейского населения, принявшего активное участие в создании национальной гвардии в надежде на то, что новое венгерское правительство предоставит евреям права религиозного и гражданского равенства. Евреи, проживающие

⁴⁴ T. L e s h o s z k y. Beregvármegeye monographiaja, p. 278—279.

⁴⁵ Закарпатский Облгосархив. ф. Ужанской жупы, 1848, св. 49.

⁴⁶ T. L e s h o s z k y. Beregmegeye és a munkácsi vár 1848—1849-ben, p. 164—165.

⁴⁷ И. С и л ь в а й. Ук. соч., стр. 33.

⁴⁸ Закарпатский Облгосархив, ф. Ужанской жупы.

в Ужанской жупе, отправили в сейм петицию с просьбой о равноправии, объявляя при этом⁴⁹ о своей готовности служить революционному правительству и выступить на защиту отечества.

Еврейская община в Ужгороде собрала значительную сумму на вооружение и обмундирование посланных ею в национальную гвардию 106 воинов.⁵⁰

После составления списков добровольцев начался общий призыв в национальную гвардию по норме — два рекрута от 127 жителей. В Ужгороде призывом руководила комиссия, возглавляемая поджупаном Габором. Уполномоченные комиссии посылались в села для вербовки гонимых. В донесениях, поступавших от таких вербовщиков в жупное управление, сообщалось, что во многих селах Закарпатья крестьяне, воодушевленные новыми, революционными законами, охотно вступали в войско («народную сторожу»), но при этом не скрывали своей ненависти к панам и требовали, чтобы, осуществляя провозглашенные с таким торжеством мартовские законы, правительство дало крестьянам вместе со свободой и землю.⁵¹

К началу лета 1848 г. г. Ужгород и девять округов Ужанской жупы (Ужгородский, Верховинский, Бежевский, Собранецкий, Винницкий, Капушанский, Доборужский, Минайский и Среднянский) выставили в национальную гвардию 1800 воинов.⁵² Приблизительно такое же число гонимых выставила и Бережская жупа, центром формирования национальной гвардии в которой был г. Мукачево.⁵³ Первый отряд национальной гвардии в Мукачево составили 40—50 горожан и жителей окрестных сел. Как сообщает современник и участник событий Т. Легоцкий, зажиточные мещане и землевладельцы, употреблявшие ранее оружие во время охоты и празднеств, ходили теперь вооруженными по улицам Мукачева, а более бедные люди свидетельствовали о своей принадлежности к национальной гвардии ношением специального головного убора и гвардейской нарукавной повязки. Местные кузнецы изготовляли им оружие.⁵⁴ С получением приказа министра внутренних дел Семере о создании отрядов национальной гвардии 26 мая было созвано специальное заседание Бережской жупы, на котором Лаврентий Будай, напомнив присутствующим о той опасности, которая угрожает революционной Венгрии со стороны ее врагов, призывал молодежь брать оружие в руки и становиться в ряды защитников отечества. Тут же добровольцами в национальную гвардию записалось еще около 60 чел. Премьер-министр Батьяни в личном письме выразил благодарность молодежи Берегова и Мукачева, выразившей готовность служить новому венгерскому правительству и рекомендовал жупному начальству назначить наиболее достойных из этих добровольцев на офицерские должности.⁵⁵ 26 мая в Бережской жупе была образована комиссия по формированию частей национальной гвардии, в которую были назначены Маньяк, Вищак, Андрей Пастель, Григорий Продад, Федор Роман, окружной униатский священник Иероним Гайду и др. Скоро в Мукачево собралось 1800 гонимых, на вербованных в Мукачево и Берегове, а также прибывших

⁴⁹ Н. М о г. Az ungi zsidok 1848—49-ben. — «Határzèli ujság», 1914, № 11—13.

⁵⁰ Закарпатский Облгосархив, ф. Ужанской жупы, протоколы за 1848 г., лл. 342, 361.

⁵¹ Закарпатский Облгосархив, ф. Ужанской жупы 1848 г., св. 49, № 1133.

⁵² Закарпатский Облгосархив, ф. Ужанской жупы, «Honvédséghez besorozott, ktaonák névjegyzéke 1848/49-ben».

⁵³ Т. L e c h o c z k y. Beregvármegye monographiája, p. 267.

⁵⁴ Ibid., p. 268.

⁵⁵ Ibid., p. 268—269.

из местечек Берег, Вары, Тарпа, верхновинского украинского селения Свалява.⁵⁶

14 июня 1848 г. в Мукачеве состоялось торжественное собрание, после которого был освящен флаг национальной гвардии. В его древко городской староста вбил 12 гвоздей, что символически напоминало о 12 пунктах революционной программы, принятой в Будапеште в марте 1848 г.⁵⁷

Весной 1848 г. в Венгрии началась подготовка к выборам в Национальное собрание, на основании нового избирательного закона. Закон этот предоставлял избирательные права, кроме дворянства, только наиболее имущим слоям города и деревни; обязательным условием для кандидата, выдвигаемого в Собрание, было знание венгерского языка, так как только этот язык официально признавался в Венгрии.⁵⁸

Выборам депутатов в Национальное собрание должно было предшествовать избрание народных представителей. Инструкции по этому поводу были присланы в Закарпатье из Будапешта в середине апреля.⁵⁹ Органами администрации были составлены списки избирателей, в которые были включены дворяне, землевладельцы, имеющие недвижимость стоимостью не менее 300 форинтов, торговцы, владельцы предприятий, цеховые ремесленники и лица, годовой доход которых составлял не менее 100 форинтов, священники, сельские нотари, учителя.

Нам уже приходилось обращать внимание на то, что в Закарпатье ревностным помощником венгерского правительства была греко-католическая церковь. Правительство Кошута пользовалось этим обстоятельством для того, чтобы через униатскую церковь, епископа Поповича и идущее за ним духовенство, главным образом сельское, влиять на ширящиеся в Закарпатье движения крестьянства, мещан, мелкой буржуазии в желаемом для себя направлении и, прежде всего, держать это движение в заранее определенных правительством границах. Венгерское правительство, хорошо понимая, что предстоящая избирательная кампания вызовет усиление политической активности масс, начало принимать меры к тому, чтобы при этом не были нарушены рамки «законности и порядка». К числу таких мер относится, между прочим, и инструкция Будапештского министерства культа мукачевской епархии о том, какова должна быть роль униатской церкви во время выборов в Национальное собрание. Получив эту инструкцию, епископский наместник Ив. Чургович обратился к закарпатскому духовенству с циркуляром, в котором обязал духовенство приложить усилия к тому, чтобы в Национальное собрание были избраны такие депутаты, деятельность которых была бы «полезна всему отечеству». В этом циркуляре Чургович предложил духовенству следить за подготовкой к выборам, контролировать составленные списки избирателей, выдвигать «достойных» кандидатов, заботиться о поддержании порядка во время выборов, «ибо, кто вызывает волнение и беспокойство, тот убивает молодую свободу».⁶⁰

В мае в комитатах были проведены выборы народных представителей. Мы уже указывали на то, что в Закарпатье национальный состав населения был неоднороден. К венгерским элементам прежде всего принадлежали

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ T. L e s c h o s z k y. Beregmegyé és a munkácsi vár 1848—49-ben.. p. 10.

⁵⁸ Закарпатский Облгосархив, ф. Ужанской жупы, св. 49, № 105.

⁵⁹ Там же, № 109.

⁶⁰ «Protokollum Parochiae Ungvar ab Anno 1839—1857», t. I, p. 114—115, циркуляр № 1394, 9 V. 1848.

наиболее имущие и влиятельные слои общества — дворянство, городская буржуазия и чиновничество. Однако в рядах этих привилегированных общественных групп были и лица украинского происхождения, хотя и в меньшем количестве, чем венгры. Всякая попытка представить в прошлом украинское население Закарпатья не знавшим классового расслоения, несостоятельна и противоречит историческим фактам. К сожалению, мы еще не располагаем теми статистическими данными, которые дали бы исследователю возможность восстановить картину социального состава украинского населения Закарпатья в изучаемое нами время, и поэтому позволим себе воспользоваться данными о выборах народных представителей, чтобы подчеркнуть имущественное и социальное неравенство, существовавшее среди украинского населения Закарпатья. Мы знаем, что, согласно изданному в 1848 г. закону, избирательное право основывалось на довольно высоком имущественном цензе: избирателями и тем более избранными могли быть только лица, принадлежащие к наиболее зажиточным слоям города и деревни. То, что в Закарпатье к таким слоям принадлежали не только венгры, но и украинцы, подтверждается наличием в списках избранных народных представителей (выборщиков) и лиц украинской национальности. Так, в числе 15 народных представителей (выборщиков) Ужгорода значится 4 украинца: Иван Ковач, Андрей Бокшовский, Павел Урбан, Георгий Латцота; в с. Баранинцы был избран Андрей Смоляк; в с. Гомок — Иван Юшко; по Ужгородскому сельскому округу были избраны в числе прочих Василий Панкович и Петро Картованец (с. Невицкое), Иван Бизаныч (с. Каменица), Федор Касана и Василий Чета (с. М. Березна), Иван Кочатко (с. Доманинцы), Иван Лешко и Василий Олемши (с. Черногорова); по Середнянскому округу — Иван Кривенько, Матвей Чорняк, Михаил Лучицкий, Павло Кожан (с. Анталовцы), Петро Гливка и Андрей Макарович (с. Яроч), Иван Баран и Иван Сливка (с. Глубокое), Иван Стрегун и Иван Пушкарь (с. Середня); в Великой Березне был избран Михаил Рогач, в с. Забродь — Михаил Кривянский, в с. Княгиня — Юрко Семяк, в с. Загороб — Стефан Вайда, в с. Луг — Гриць Олень, в с. Волосянка — Микола Цап, в с. Тиха — Андрей Вайда и Микола Куклушин, в с. Домашина — Михайло Михалко и т. д.⁶¹

Во многих местах выборы народных представителей и депутатов в парламент происходили в весьма напряженной обстановке и повлекли за собой обострение как классовый, так и национальной борьбы. Национальные противоречия в это время обнаружались особенно резко вследствие того, что практические действия нового венгерского правительства уже достаточно ясно свидетельствовали о национальной политике венгерских революционеров, строивших венгерское государство, не считаясь с интересами других народов, населяющих Венгрию.

Из 378 депутатов, избираемых в Национальное собрание, 16 должны были представлять те северные комитаты, в которые входила территория Закарпатья (Ужгород — 4, Берег — 4, Угоча — 2, Марамарош — 6).⁶² Избранные депутаты представляли главным образом венгерское дворянство, имевшее в Закарпатье большие земельные владения.

Согласно инструкции о проведении выборов, Бережская жупа была разделена на 4 избирательных округа, с центрами в Мукачеве, Косине, Берегове и Надьбереге. От этих округов депутатами в Национальное собра-

⁶¹ Закарпатский Облгосархив, ф. Ужанской жупы, св. 49, № 110 (на 11 листах).

⁶² Там же, № 105.

ние были избраны Лоянй Монгирт, Янош Синтай, Шандор Будай и Ференц Роман. В городе Мукачево избранию Ференца Романа, венгерского дворянина, служившего в поместье графа Шёнборна и занимавшего в течение долгого времени должность судьи в Бережской жупе, предшествовала острая избирательная борьба. Его противником выступил местный униатский священник Иероним Гайду, принимавший с первых дней революции активное участие в общественной жизни и явившийся членом городской комиссии по формированию национальной гвардии. Кандидатуру Гайду поддерживало греко-католическое духовенство окрестных сел и избиратели украинских селений Волового, Голубинного, Буковца и др. Некоторое число сторонников имел Гайду и среди мещан Мукачева. Исход борьбы был решен силой национальной гвардии, оказывавшей поддержку Ференцу Роману. Решительные действия венгерских офицеров национальной гвардии ослабили сторонников Гайду, и депутатский мандат получил Ференц Роман.⁶³

Большую тревогу у администрации Угочанской жупы вызвали события, происшедшие во время выборов в с. Бекень Севлюшского округа. Избиратели из Бекеня присутствовали на собрании в м. Галме, где была выдвинута кандидатура в «послы» венгерского помещика Терека Валикта. Но украинские крестьяне Бекеня выступили против этого избрания. Когда был назначен сельский сход для составления петиции, крестьяне-русины, вооруженные кольями, собрались у дома старосты и с гневом восклицали, что они не желают избрания пана — мадьяра и хотят послать в Национальное собрание от 4000 избирателей своего посла — сельского судью Ирокню. Споры со сторонниками Терека Валикта закончились открытым столкновением: крестьяне кольями избивали своих противников и грозили разорить имения.

На другой день многие из жителей Бекеня были арестованы и вызваны в суд. 27 русинских крестьян, подвергнутых допросу, показали, что русины добивались избрания Ирокни, потому что он обещал бедным землю и материальную помощь, а также национальные права. «Паны не дадут нам хлеба, а Ирокня нашей крови, из нас», — заявляли крестьяне.⁶⁴

События в Бекене не были единичным случаем. Сведения о волнениях закарпатских крестьян поступали из многих округов. Все усилия правительства провести выборы в Национальное собрание в обстановке «мира и порядка», предотвратить дальнейшее обострение классовой и национальной борьбы, в корне задуть всякое пробуждение политической активности народных масс оказались тщетными.

Поступавшие из Закарпатья вести вызывали сильную тревогу в Будапеште. В июле 1848 г. министр культа барон Иосиф Этвёш счел нужным еще раз обратиться к закарпатскому духовенству: «... 10 мая я обращался к вам с воззванием, но после этого до меня дошли сведения о том, что некоторые злонамеренные люди тут и там совершают заговоры. . . Вы должны, как хорошие патриоты и одни из руководителей дела нашего отечества, препятствовать этим злым намерениям. . . ». Этвёш призывал униатское духовенство разъяснять своим прихожанам «законы и приказы мадьярской власти» и «учить народ братской любви, порядку и миру».

Предупреждение министра о том, что священникам впредь строго-настрого запрещается дебатировать политические вопросы, обсуждать

⁶³ T. L e s h o c z k y. Beregmegye és a munkácsi vár 1848—1849-ben, p. 18—19.

⁶⁴ Закарпатский Облгосархив, ф. Угочанской жупы, 1848, № 119.

положение в государстве, форму управления, рассуждать о будущих событиях и, прежде всего, «не делать этого в публичных местах», указывает на то, что часть закарпатского духовенства, в первую очередь сельского, своей агитацией оказывала на крестьянские массы большое влияние.

В указанном обращении министр требовал также, чтобы священники с церковного амвона призывали верующих к порядку и объясняли им, «какой вред может произойти от беспокойствия и волнений».⁶⁵

Однако было ясно, что подобными мерами нельзя предотвратить неминуемое: крестьянское движение широкой волной разливалось по всей Венгрии, охватив и Закарпатье. Крестьянству мало было провозглашения свободы, оно стремилось воспользоваться плодами ее и, прежде всего, осуществить свои вековые чаяния и получить землю.

* * *

Развитие и углубление буржуазной революции в Венгрии в 1848—1849 гг., революции, которая должна была расчистить дорогу для утверждения господства буржуазии,⁶⁶ было немыслимо без разрешения крестьянского вопроса.

Необходимость уничтожения крепостнических порядков, сковывавших экономическую жизнь страны и давно ставших тормозом на пути ее развития, ясно сознавали представители различных направлений того движения за реформы, которое приняло в Венгрии широкие размеры накануне 1848 г. Наиболее решительный представитель этого движения Л. Кошут в своей речи в венгерском сейме 2 декабря 1847 г. указывал на три больших препятствия, преграждающих Венгрии путь к будущему: отсутствие политических прав у народа, налоговый иммунитет дворянства и крепостные отношения.⁶⁷

Аграрную реформу, следствием которой явилось бы уничтожение крепостничества, Кошут непосредственно связывал с задачей расширения той социальной базы, на которую опиралась его партия. При этом он подчеркивал, что превращение барщинных крестьян в свободных может предупредить движение неимущих крестьян против землевладельцев и тем самым способствовать «объединению народа». Развивая эти соображения, он писал одному из либеральных политиков, Вешеленьи: «... Пока мы не выйдем из пут остатков феодализма, из этих злосчастных урбарильных отношений, об общности интересов не может быть и речи. В них — неисчерпаемый источник взаимного недоверия и народной ненависти. . . Мы не имеем времени думать о том, нравится это дворянству или нет. Самое важное — успокоить народ и объединиться с ним».⁶⁸

И хотя программа Кошута изображалась его политическим противником Сечени как «акция», которая вызовет «кровавый призрак революции», все же и этот умеренный реформатор вынужден был накануне 1848 г. заявить: «Нам грозит пауперизм как следствие барщинной системы, ибо эта система привела к колоссальному дроблению участков, представляющему собой главный тормоз развития родного хозяйства; а самая барщинная работа — не что иное, как школа лени».⁶⁹

⁶⁵ «Protokollum Parochiae Ungvar ab Anno 1839—1858», t. I, p. 123—124.

⁶⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. V, стр. 247.

⁶⁷ Jan Holák. Politické snahy slovenske v r. 1848—49. — «Carpatica», Praha, 1936, s. 90.

⁶⁸ Z. Ferenci. Kossuth levelei Széchenyihez. Budapest, 1907, p. 52.

⁶⁹ S. Széchenyi. Adó és két garas. Budapest, 1844, p. 23.

Сторонники реформы старались убедить землевладельцев, что отмена урбариальных порядков не только не разорит их, но, наоборот, принесет им весьма существенные выгоды: денежный выкуп спасет многих из них от банкротства и доход от земли, добываемый с таким трудом, станет «реально осуществимым».⁷⁰

Однако венгерское дворянство, представленное в сейме, сопротивлялось всем этим доводам и не хотело слушать ни о каком изменении существующих аграрных отношений, даже и в тех случаях, когда оппозиция рисовала пробуждение политической активности масс как величайшую опасность, для предотвращения которой — в интересах самого дворянства — не было другого способа, как принять проекты реформ.

Ссылка на пробуждение политической активности крестьянских масс не была простой угрозой. Со всех концов страны поступали тревожные вести о народных волнениях, на крестьянских собраниях звучали речи о том, что «дело общей свободы продвигается слишком медленно».⁷¹

В декабре 1847 г., в обстановке все возрастающей угрозы крестьянской революции, венгерский сейм, заседавший в Пресбурге, решил вопрос об отмене барщины за выкуп, который бы полностью возместил убытки дворянству.⁷² Но с разработкой такого закона не спешили, надеясь, что можно будет затребовать войска у императора и задушить народное движение. В сейме начались долгие дебаты по поводу того, каким образом при проведении аграрной реформы должны быть соблюдены принципы «ненарушения частной собственности».

Эти дебаты были прерваны мартовскими революционными событиями в Вене и в Будапеште. В Пресбурге распространилось известие о том, что под Пештом стоит сорокатысячная армия восставших крестьян, возглавляемая Петефи и ожидающая приказа Кошута. В страхе перед революцией венгерский сейм немедленно принял решение об отмене крестьянских феодальных повинностей и уничтожении феодальной десятины с освобождением крестьян от выкупа, который впоследствии будет уплачен землевладельцам государством. 18 апреля эти законы, вместе с тогда же принятыми сеймом законами о муниципальном управлении, свободе печати и создании национальной гвардии, получили санкцию короля.

В венгерской дворянско-буржуазной историографии в свое время получила распространение легенда о «жертве», добровольно принесенной дворянством «на алтарь отечества». Однако уже тогда, в 1848 г., сами венгерские феодалы опровергли эту легенду. При обсуждении законопроекта в верхней палате граф Пальфи заявил откровенно: «Причина создания этого закона прежде всего та, что высшее сословие боится бунтов и беспорядков».

«Сейм отменил барщину . . . , — звучал в массах гневный голос революционного поэта Петефи, — но было бы еще лучше, если бы он это сделал раньше. Тогда дворянство могло бы честь себя великодушным, но теперь, когда оно действовало под давлением крайней необходимости, из трусости, теперь оно не может претендовать на такое наименование».⁷³

Известие об отмене феодальных повинностей всколыхнуло и крестьянские массы Закарпатской Руси, где тяжесть ненавистных урбариальных порядков умножалась жестоким национальным гнетом. С получением в Ужгороде распоряжения министра Батьяни о том, каким образом

⁷⁰ Beszédy. Napló és beszédek. Budapest, 1920.

⁷¹ А. Хевеши. Венгерское крестьянство и его борьба. М.—Л., 1927, стр. 68.

⁷² Там же, стр. 74.

⁷³ Петефи. Избранное. М., 1948, стр. 420.

следует объявлять народу об упразднении урбариальных порядков, мукачевский епископ Василий Попович, обратился к духовенству Закарпатья с таким циркуляром: «... На последнем заседании сейма был принят закон, на основании которого прежние феодальные повинности, т. е. барщина, десятина и денежный чинш, отменены и, таким образом, бедный народ освобожден от вековых тягостей. Так же было образовано мадьярское министерство, издавшее закон об общем налоговом обложении. Эти законы радуют все отечество, радуют и народ моей епархии, потому что наш народ, который живет большей частью в горах, на неурожайной земле, в течение долгих веков был придавлен налогами и угнетаем панами и потому не мог сам себя избавить от этого угнетения, а теперь новые законы дали ему человеческие права. . . Мы, как подданные нашего государства, должны благодарить всемогущего и новую власть».⁷⁴

Вслед за этим епископ предлагает в первое же воскресенье во всех церквях, объявив народу о провозглашенной новой властью свободе, отслужить благодарственный молебен. Помня предостережения министра Батьяни о том, что народ, воодушевляясь полученной свободой, может требовать большего, чем это написано в законах, и его строгий приказ в корне душил всякое «своеволие», мукачевский епископ в том же циркуляре требовал от своих подчиненных «духовных отцов» внушать народу мысль о недопустимости нарушения границ данной ему свободы.

«Приказываю вам напоминать верующим, чтобы они сохраняли порядок и спокойствие, были послушны королю, его наместнику и законам и трудились, так как свобода, которую они получают, только так может принести хорошие плоды. . . Там, где можно ожидать волнений, прошу вас, чтобы вы этот публичный молебен перенесли на более позднее время или совсем не совершали».⁷⁵ Эти слова ясно свидетельствовали о том, что Попович знал, как трудно будет удержать в спокойствии народ, столько выстрадавший и жаждавший теперь воспользоваться данной ему революцией свободой. К тому же эта торжественно провозглашенная свобода для угнетенного закарпато-украинского крестьянства не была еще реально осязаемой. И хотя в селах Закарпатья уже распевали песню:

Эй, счезла вже її панщина,
Котра людей замучила. . .
Счезла, счезла і з панами
Огидними, поганими⁷⁶

однако отовсюду поступали жалобы крестьян на то, что помещики противятся проведению новых законов, требуют от крестьян попрежнему барщины и оброков, отказываются от несения общих повинностей, а комитатские чиновники содействуют дворянам, помогая взыскивать подати и нередко задерживая публикацию новых законов.

Крестьяне с. Хомцы (близ Ужгорода) 21 июня жаловались поджупану на то, что их пан Стефан Корлат не считается с законами 1848 года об уничтожении урбариальных порядков. Они говорили, что о провозглашении этих законов они узнали только в середине мая и потом целый месяц, до 20 июня, работали еще на пана. На следующий же день они решили предьявить помещику

⁷⁴ «Protokollum Parochiae Ungvar ab Anno 1839—1857», t. I. p. 113—114, циркуляр № 1093.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Д е - В о л л а н. Угро-русские народные песни. 1885, стр. 158.

условия, что выйдут на работу только в том случае, если он будет им платить, потому что по новым законам «урбариальные подданные работать на панов перестали». Корлат же в ответ стал грозить крестьянам, что прогонит их с земли. «Пан не имеет права прогнать нас с земли», — писали крестьяне в жупу, доказывая при этом, что земля, с которой грозит согнать их Корлат, урбариальная, насильственным образом им присвоенная. Крестьяне просили поджупана принять меры к тому, чтобы и они получили то, что записано в новых законах.⁷⁷ На противозаконные нарушения их имущественных и личных прав паном Миклошем жаловались в жупу крестьяне с. Великое Солотвино.⁷⁸

Дворяне шли на всякие ухищрения, чтобы сохранить свои прежние феодальные права и не лишиться тех доходов, которые приносил им труд крепостных. Граф Балинг, имевший большое поместье в лесистой части Карпат, под предлогом заботы об обороне страны хотел спасти неприкосновенность своих лесных владений. Граф жаловался, что крестьяне рубят господский лес, ссылаясь на закон, разрешающий им это, и просил управление жупы «взять лес под замок» и прислать вооруженную охрану, чтобы пресечь «злодейство», которое чинят крестьяне «опустошая пограничные леса».⁷⁹

Мещане Ужгорода, пользовавшиеся ранее за установленную договором плату лесными пастбищами окрестных сел Доманицы и Петровцы, жаловались в жупную канцелярию, что теперь владельцы этих сел, лишившиеся труда своих крепостных, не хотят брать с них деньги и заставляют их пахать землю. Они же, ужгородские мещане, и так обременены уплатой государственных податей и содержанием расквартированного в Ужгороде войска, и эта новая повинность совсем им не под силу, а скот их подыхает с голоду. И поэтому просят они жупных начальников оградить их от незаконных требований и разрешить пастись скот на прежних условиях.⁸⁰

Как и во всей Венгрии, объявление закона об отмене крепостничества вызвало дворянское противодействие и в Закарпатской Руси. В Земплинском, Шаришском и Спишском комитатах помещики, готовя петиции правительству с требованием восстановления старых порядков, вооружались, подчеркивая этим свою решимость противиться проведению в жизнь аграрной реформы.

Новый аграрный закон во многом не удовлетворял и крестьянство. Революция принесла ему свободу, но что значила эта свобода, если она не давала земли?! Украинские крестьяне Верховины жаловались, что, «хотя они теперь получили личную свободу, но вся земля, которую они возделывают, принадлежит мадьярам, прежним помещикам».⁸¹

Крестьяне понимали новые законы по-своему: они видели в них освобождение от всех феодальных тягот, полную волю. Между тем мартовские законы совершенно не упоминали о многих повинностях, без отмены которых крестьянство не могло выпутаться из прежнего своего феодально-зависимого положения. Так, этими законами уничтожалась церковная десятина, но ничего не говорилось о другой, весьма обременительной для сельского населения Закарпатской Руси обязанности по отношению к церкви — «роковине», состоявшей из натуральной дани и крестьянских

⁷⁷ Закарпатский Облгосархив, ф. Ужанской жупы, 1848, св. 49, № 117.

⁷⁸ Там же, № 596.

⁷⁹ Там же, № 1179.

⁸⁰ Там же, № 1140.

⁸¹ М. Л и х у т и в. Записки о походе в Венгрию в 1849 г. М., 1874, стр. 86.

отработков, т. е. той же барщины. О размерах «роковины» можно судить по следующим данным: в инвентарях по Вороновскому округу значилось, что в с. Дриновой «газд» (кметь)⁸² давал в год священнику одну меру озимого зерна, одну меру ярового, а «желяры»⁸³ обязан был «едеи день в кожном роце послужити в литушних работах».⁸⁴ Из протоколов епископской визитации Марамарошской, Ужанской и Земплинской жуп⁸⁵ узнаем, что на Земплинщине газды платили в церковь по 1—2 меры пшеницы, ржи или овса, или по 1 мере зерна и 2 мерам хлеба, или по несколько снопов, по 1 возу сена, а желяры отработывали 1—2 дня; в с. Черноголове Ужанской жупы каждый газд «вызимовывал» 1 овцу и отработывал 1 день в году, в Перечине той же жупы — давал 1 меру зерна; на Марамарошине в Солотвине давали зерно и работали 1 день, в Воловом — 1 меру овса и 1 день работы, в Бедевле — 1 меру кукурузы и 2 дня работы и т. д. Можно думать, что такие же платежи составляли «роковину» и в других местах Закарпатской Руси. На сельских сходах при объявлении закона об отмене панщины крестьяне сразу же задавали вопросы: «А как с роковиной? Будут ли уничтожены повинности и попам?» Духовенство, в страхе перед возможной утратой прежних своих доходов, жаловалось епископу, что теперь оно вовсе вынуждено будет «поповское звание покинуть», потому что «освобожденные крестьяне и верующие говорят, что с этого времени они не будут платить роковину и требник [плату за отправление церковных служб. — И. М.], и действительно не платят».⁸⁶ Епископ ответил циркуляром, в котором объявлял, что в законах об отмене этих повинностей ничего не сказано, и поэтому верующие должны платить духовенству попрежнему.⁸⁷

Однако это предписание епископа не подействовало на крестьян, и они перестали платить «роковину» и другие церковные сборы. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в 1851 г. из епархии во все приходы было разослано требование взыскать с прихожан все, что они не платили церкви в течение двух лет (1848/49 и 1849/50), и прислать соответствующую часть церковных сборов в епископскую канцелярию.⁸⁸

Венгерское крестьянство пробовало было обращаться к правительству с жалобами на то, что оно не может воспользоваться плодами данной ему свободы и с требованиями земли. Министру юстиции Деаку целыми днями приходилось принимать крестьянские делегации и разъяснять им, что право частное и общественное — не одно и то же, что новый аграрный закон — общественно-правовой акт, и он не касается распределения земли и имущественных отношений. Неудивительно, что однажды в мрачном настроении Деак написал своему родственнику: «Нас могут убить наши собственные крестьяне».⁸⁹

⁸² Газд, или кметь, — крестьянин, владевший телеком — земельным надделом, записанным в поземельных книгах (см. О. Мицюк. Нариси з соціально-господарської історії Підкарпатської Руси. Прага, 1938, т. II, стр. 142—143).

⁸³ Категорию «желяров» составляли феодально зависимые крестьяне различного имущественного состояния: владели частью телека и домом, только домом, только частью телека, часто не имевшие ни земли, ни жилья; во всяком случае, их экономическое положение было еще более тяжелым, чем положение «газда», или «кметя».

⁸⁴ О. Мицюк. Ук. соч., т. II, стр. 105.

⁸⁵ В. Гаджега. Додатки до історії русинів и руських церковей. . . по Марамарошине, Ужанской и Земплинской жупах. — Наук. зб. т-ва «Просвіта», Ужгород, № VII—VIII, IX.

⁸⁶ Закарпатский Облгосархив, ф. Епископского архива, 1848, № 1225.

⁸⁷ Там же, № 1225

⁸⁸ «Protokollum Parochiae Ungvar ab Anno 1839—1857», t. I, p. 156, циркуляр № 2178 от 25/VI 1851 г.

⁸⁹ Б. Л. Ландор. Венгерская революция 1848—1849 гг. и царская интервенция, — «Исторические записки Ин-та истории АН СССР», т. IX, 1940, стр. 268.

Венгерское правительство очень опасалось, что безземельное крестьянство, неудовлетворенное отменой барщины и десятины, станет на путь «безрассудного бунта». Сам Кошут выступал с резкими речами против требуемого крестьянством расширения аграрной реформы.⁹⁰ Правительством была сделана попытка использовать в своих интересах популярность в крестьянских массах крайнего левого радикала публициста Танчича. Михаил Танчич, сын хорватского крестьянина, был в юности пастухом, батраком, потом попал в город, работал на ткацкой фабрике. Благодаря своим исключительным способностям и настойчивости, он, пройдя тяжелый жизненный путь, получил образование, изучил несколько языков, много ездил по другим странам и познакомился с современными социалистическими идеями. В 1846 г. Танчич был заключен в тюрьму за свою «Народную книгу», в которой выступал за освобождение крестьян и уничтожение крепостничества, хотя он тогда ожидал этих реформ от Собрания. Из тюрьмы Танчича освободили мартовские революционные события. И ранее тесно связанный с крестьянством, Танчич все более проникался его интересами.

Венгерское правительство, рассчитывая, что Танчич, не выдвигавший прежде революционной борьбы как средства освобождения крестьян, после двух лет пребывания в тюрьме стал еще более «умеренным», предложило ему издавать газету, чтобы «умиротворить через нее народ».⁹¹ Так начала в 1848 г. выходить «Рабочая газета» Танчича («Munkások Ujságja»). Однако, против ожидания правительства, эта газета не только не стала органом «умиротворения», а, наоборот, сразу же выступила как рупор недовольных крестьянских масс. На ее страницах писалось о том, что Национальное собрание не удовлетворяет поступающие жалобы крестьян и использует национальную гвардию для подавления крестьянских волнений. Сам Танчич, ставший смелым защитником интересов беднейшего крестьянства, заявлял: «Если собственность объявляется священной, то общинная собственность тоже должна считаться священной». «Большая часть барских владений, — писал в газете Танчича Мориц Тот, — украденное или награбленное добро . . . Часть имений присвоена помещиками хитростью, с помощью помещичьего суда или комитата, т. е. украдена или захвачена силой, награблена».⁹²

Правительство теперь смотрело на Танчича, как на «бунтовщика», и обвиняло его в «подстрекательстве», мешавшем осуществлению «великих преобразований». Опровергая подобные обвинения, Танчич писал в своей газете, что он борется лишь за правду и равенство.

«Рабочая газета», распространявшаяся по всей Венгрии, пользовалась популярностью и среди народных масс Закарпатской Руси,⁹³ что вызывало большое беспокойство у помещиков и городской верхушки Закарпатья. На заседании Земплинской жупы 4 сентября 1848 г. было принято специальное постановление, объявлявшее газету Танчича «опасной», «возбуждающей беспокойство», несущей «вред частной собственности» и требовавшее ее запрещения. 13 сентября это постановление было поддержано на заседании Бережской жупы, в состав которой входил и город Мукачево, и министру внутренних дел было отправлено требование о закрытии газеты

⁹⁰ Закарпатский Облгосархив, ф. Ужанской жупы, 1848, св. 49. — Многие печатные декреты, присланные из Пешта, — за подписью Кошута и его министров.

⁹¹ А. Хевеши. Ук. соч., стр. 79.

⁹² «Munkások Ujságja», 1848, VII.

⁹³ Экземпляры газеты «Munkások Ujságja» за 1848 г. и сейчас хранятся в Ужгородском, Мукачевском и других окружных архивах Закарпатской Украины.

Танчича.⁹¹ Подобные требования поступали в правительство от помещиков и буржуазии и из других венгерских комитатов. «Рабочая газета» была приговорена к денежному штрафу, а потом и закрыта.

Агитация, проводимая Танчичем, нашла широкий отклик и среди крестьянства Закарпатской Руси и усилила то возбуждение, которое охватило крестьянские массы Закарпатья с изданием мартовских революционных законов. Из всех комитатов поступали сообщения о том, что крестьяне обсуждают новые законы, волнуются и требуют полной свободы. Члены комиссии по вербовке в национальную гвардию, посетившие в мае 1848 г. многие села Ужанской жупы, доносили жупному начальству, что всюду крестьяне выражают недовольство тем, что у панов до сих пор осталась вся земля и что простой народ мало получил пользы от провозглашения свободы.⁹⁵ Жители села Енковцы на своем сходе требовали, возвращения им незаконно отнятых панями земли и имущества, и на все разъяснения членов комиссии, что теперь нет причин для беспокойства и что, согласно новым законам, они получают принадлежащую им часть, твердили одно, что они не видят для себя пользы от новых порядков и, как пишет в своем отчете комиссия, «остались при прежнем убеждении, что мы не работаем в их интересах».⁹⁶ В с. Карчава крестьяне, узнавшие об уничтожении панщины от священника Каменского, собирались разорить поместья своих панов, принуждавших их к прежним барщинным работам.⁹⁷

Видя, что помещики и духовенство стремятся сохранить свои прежние привилегии и сопротивляются проведению реформы, крестьянские массы решительно выступили на защиту своих прав. Сильные волнения произошли в Севлюшском округе летом 1848 г., во время выборов в Национальное собрание.

«Знаете ли вы, что произошло в Польше? [имеются в виду крестьянские волнения в Галиции в 1846 г.— *И. М.*] Там всех панов перебили, и тут надо так сделать», — говорили в селах Закарпатья.⁹⁸

Присланный в Марамарош венгерский комиссар Габриел Мигали разослал циркуляр о том, чтобы ловили и привлекали к ответственности ведущих в селах «злонамеренную» агитацию «бунтовщиков».⁹⁹ Имея специальное предписание министерства внутренних дел наблюдать за настроениями русинского населения, Габриел Мигали, посетив Мукачево и Берегово, должен был констатировать, что «народ разъярен против управителей домини и урядников жупы».¹⁰⁰

Положение в Закарпатской Руси вызывало сильное беспокойство в Будапеште. Из министерства культа был послан специальный циркуляр мукачевскому епископу, требовавший принятия мер к тому, чтобы духовенство оказывало моральное влияние на народ и всеми способами удерживало его «в порядке и мире»: С получением этого циркуляра епископский наместник И. Чургович обратился к духовенству мукачевской епархии со следующим посланием: «Хотя свобода и является не привилегией сословий и отдельных личностей, а общим благом для государства и всех его граждан, однако нет недостатка в недоразумениях и злоупотреблениях, которые имеют целью подорвать настроение народа и только что полученную

⁹¹ T. L e s h o c z k y. Beregmegeye és a munkácsi vár 1848—1849-ben, p. 45—46.

⁹⁵ Закарпатский Облгосархив, ф. Ужанской жупы, 1848, св. 49, № 1133.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Закарпатский Облгосархив, ф. Ужанской жупы, 1848, св. 49.

⁹⁹ Там же, № 1015.

¹⁰⁰ T. L e s h o c z k y. Beregmegeye és a munkácsi vár 1848—1849-ben, p. 271.

свободу в зародыше задушить . . .». Причиной возникновения различного рода «преступлений» в циркуляре признается отсутствие в селах людей, которые могли бы объяснить ему новую ситуацию. «Невозможно, — читаем в циркуляре, — чтобы народ, получивший от прошлого заседания парламента материальные и духовные блага, сошел с пути законности, если бы его поучали, что никогда и нигде привилегированные сословия не сделали добровольно того, что сделали недавно мадьярские, обязавшись нести все тяжести и отменив феодальные повинности, поднявшие тем самым народ до своего собственного положеия». Народ, — поучал епископский наместник, — должен быть признателен и благодарен за это привилегированным сословиям и, в свою очередь, оставаться в рамках законности и порядка, потому что «каждый шаг за рамки установленного законом порядка означает, что может быть утрачено благоденствие свобод». Чургович сообщал всем духовным лицам о том, что министерство культа повелевает им так поучать народ, чтобы «злые намерения не влияли на умы и на события и чтобы народ приучался к служению закону», и указывал одновременно на то, что, по имеющимся у него сведениям, в селах действуют «агитаторы», которые до такой степени взбудораживают народ, что во многих местах возникают «беспорядки», «угрожающие молодой свободе».

«Всеми способами надо поддержать целостность отечества!» — таким призывом заканчивается это епископское послание.¹⁰¹

Не особенно надеясь на то, что духовенству удастся силой морального влияния удержать народ в границах «законности и порядка», правительство Кошута принимает и более действенные меры против развивающегося в народе революционного движения, имевшего целью насильственное уничтожение остатков феодализма. Та самая национальная гвардия, которая была создана для защиты свободы и завоеваний революции, используется для подавления народных волнений. 20 мая в Будапеште был подписан приказ о том, что расходы, связанные с переброской воинских частей с места на место «по причине беспорядков», ложатся на население тех местностей, где произошли такие «беспорядки». 31 мая этот приказ был объявлен в Ужгороде.¹⁰² На Закарпатскую Русь было также распространено действие закона об учреждении в Венгрии чрезвычайных судов. 12 июня 1848 г. в Будапеште министром внутренних дел Семере был подписан следующий приказ: «В различных частях нашего государства под влиянием агитации часть темного народа не повинуетя законам, не уважает этих законов и аппарат, проводящий их в жизнь. Некоторые лица действуют тайным образом, вызывают беспокойства, указывают на неравенство в обществе, неправильно толкуют эти законы и бунтуют в народе, исходя при этом часто из национальной и религиозной ненависти. Факты такие изо дня в день повторяются все чаще и становятся все более опасными. Чтобы такие противозаконные дела и бунты не распространялись, надо их очень энергично подавлять и обеспечить личную и имущественную неприкосновенность. Приказываем ввести на территории Ужанской жупы чрезвычайный суд».¹⁰³ Подобные же приказы, в которых подчеркивается, что причиной «беспорядков» является как указание «агитаторов» на общественное неравенство, так и национальная и религиозная ненависть, были отправлены из Будапешта

¹⁰¹ «Protokollum Parochiae Ungvar ab Anno 1839—1857», t. I, p. 115—116, циркуляр № 1651 27.V. 1848 г.

¹⁰² Закарпатский Облгосархив, ф. Ужанской жупы, 1848, св. 49, № 156.

¹⁰³ «Protokollum Parochiae Ungvar ab Anno 1839—1857», t. I, p. 119.

и в другие жупы Закарпатской Руси. При учреждении чрезвычайного суда в Ужгороде епископский наместник, сообщая об этом своим подчиненным «духовным отцам», писал: «С сожалением приходится констатировать, что есть люди, которые в сердце носят и распространяют адскую агитацию и вызывают волнения . . .».¹⁰⁴

Венгерские радикальные демократы, стремившиеся к сплочению сил для выступления против габсбургской камарильи, были очень обеспокоены поведением крестьянских масс, поглощенных борьбой за уничтожение феодальных порядков и недостаточно усваивавших выдвинутые демократами лозунги национальной борьбы. Месарош, секретарь «Клуба равенства», писал: «Крестьянство очень обрадовалось тем благодеяниям, которые оно даром и неожиданно получило благодаря свободе. Но оно, повидимому, не задумывается насчет того, что делают господа . . . Оно, повидимому, стоит вне революции и лишь пассивно принимает в ней участие».¹⁰⁵ На пассивность крестьян жаловались все демократические газеты Пешта. Об этом писала даже «Рабочая газета» Танчича.

О подлинных настроениях венгерских крестьян в то революционное время можно заключить по многим письмам, которые Танчич получал со всех концов Венгрии. В одном из таких писем крестьяне писали о том, что их считают плохими патриотами, обвиняют в отсутствии чувства долга. «Мы с этим согласны, — откровенно заявляли авторы письма, — до сих пор мы ничего хорошего от свободы не имели, так как отечества еще у нас не было . . . Знаете ли вы, как нас называли? — «Бедный, налогоплательщик, бремяносящий народ», который существовал только для того, чтобы быть тягловым скотом для 200 тысяч баловней судьбы. Можно ли удивляться тому, что мы не можем сразу превратиться в хороших патриотов? Это равносильно тому, как если бы кто-нибудь, хорошенько избив другого, предложил бы ему затем выпить с ним за добрую дружбу. Так легко это не делается . . . Мы, над которыми повелителями были все, начиная с собаки помещика и кончая его гайдуком и лесничим, не можем зажечься энтузиазмом по их призыву. Еще не зажили глубокие раны, раздирающие нас; собаки еще находятся среди нас. Затем, подумайте только хорошенько, кто же наш враг? Против кого нужно восставать? Вы говорите — против венского правительства, против династии, так как они награвливают на нас хорватов, сербов, словаков. Мы охотно верим в то, что там, в Вене, хотят попрежнему класть в карман венгерское золото и серебро, но мы знаем, что и в нашей стране мало таких помещиков, которые не хотели бы прикарманивать плоды нашей барщины, драть с нас десятину. Если венскую камарилью, как вы там в Пеште называете, следует считать своим врагом за то, что она хочет восстановить старое, то как же не считать врагами этих, которые среди нас. Ведь у нас больше врагов в своем отечестве, чем в Вене. Венская камарилья не стала бы вызывать такое крупное движение, если бы она не рассчитывала на помощь наших врагов в нашей стране . . .».¹⁰⁶

Возглавлявшееся Кошутом венгерское правительство, направляя народное движение в русло национальной борьбы, стремилось тем самым отвлечь крестьянство от его главного врага — помещиков, сосредоточив все вни-

¹⁰⁴ «Protokollum Parochiae Ungvar ab Anno 1839—1857», t. I, p. 118—119.

¹⁰⁵ K. Mészáros. Kossuth levelzése a magyar szabadságharc karvezéréivel. Pest, 1848, p. 4.

¹⁰⁶ А. Хевеши. Ук. соч., стр. 82—84.

мание крестьянства на национальной борьбе, ослабить классовую борьбу. Однако, как видно, венгерское крестьянство считало главной своей задачей борьбу за свое освобождение от феодального угнетения. В этом же приведенном нами письме венгерские крестьяне выражали сочувствие национально-освободительной борьбе «немадьярских» народностей — сербов, хорватов, словаков.

Половинчатое же решение венгерскими буржуазными революционерами крестьянского вопроса ослабляло силы революции, сужало ее социальную базу и создавало для правительства серьезные затруднения в организации обороны страны. Не меньше вреда нанесла делу революции и недальновидная политика венгерского правительства в национальном вопросе.

* * *

Венгерское буржуазное национально-освободительное движение в 1848—1849 гг., несмотря на всю свою революционность, именно в силу своего буржуазного характера содержало в себе элементы национализма и шовинизма.

В конце XVIII в. венгры решительно выступили против германизаторской политики венского двора, и Венгрия вступила в полосу национального возрождения. Венгерское дворянство и нарождавшаяся венгерская буржуазия выдвинули программу создания единой «национальной мадьярской державы». Осуществление этой программы венгерские господствующие классы видели прежде всего в установлении своего полного политического и экономического господства над всеми народами, живущими в Венгрии. Естественно, что такая национальная активизация венгров влекла за собой усиление национального гнета, который и без того уже сильно ощущали на себе «немадьярские» народности Венгрии, а особенно украинское население Закарпатья, в силу неблагоприятно сложившихся для него исторических, экономических и политических условий.

«Под короной Св. Стефана могут жить только мадьяры», — писали мадьярские шовинисты. «Те, которые не знают мадьярского языка, или научатся ему или помрут с голода», — громогласно заявил еще в 1790 г. Ференц Казинций. «В Венгрии есть только одна нация — мадьярская». Такие и подобные взгляды были широко распространены в венгерской литературе, публицистике, науке и политике первой половины XIX в. Авторами этих взглядов назывались и сроки, нужные для того, чтобы в «мадьярской державе» не осталось ни одного «немадьяра» — 20, 30, 50 лет . . .

В 1830, 1836, 1840 и 1844 гг. венгерский сейм принял законы, составившие в венгерском законодательстве «юридические основы» агрессивной политики мадьяр в отношении немадьярских народов, живущих в Венгрии.¹⁰⁷ Эти законы провозглашали мадьярский язык единственным официальным языком в государстве, вводили его как обязательный в школы, в судопроизводство и администрацию, лишали другие народы права развивать свою культуру, пользоваться своим родным языком в общественной жизни. Проповедуя «святостефанскую» идею «исторического права» мадьяр на гегемонию в «венгерской долине», доказывая, что мадьяры — прирожденные господа и только им принадлежит вся земля от Карпат до Адриатики, на которой они «из милости» приютили другие народы, венгерские политики

¹⁰⁷ Jan H o l á k. Op. cit., p. 97.

разработали целый план мадьяризации, целью которого была денационализация всего «немадьярского» и прежде всего славянского населения, составляющего половину общего числа живущих в Венгрии. Осуществление этого плана в Закарпатской Руси должно было вытравить из сознания живущих в Закарпатье украинских людей свято хранимое ими чувство родства с остальным украинским и русским народами, внушить им ту мысль, что они не имеют ничего общего с русскими, славянами, живущими по другую сторону Карпат, что они — только особая разновидность «мадьярского племени» — «венгры, говорящие по-славянски», «мадьяры греко-католической веры».

Венгерские революционеры 1848 г. не отказались от национальной политики, проводимой ранее венгерским господствующим классом. Выступив против национального гнета Австрии, за создание самостоятельного венгерского государства, венгерское либеральное дворянство и венгерская буржуазия вместе с тем оставляли за собой право национального угнетения других народов, живущих в Венгрии. Известно, что сам Кошут выступал с неоднократными заявлениями, содержащими в себе прямые угрозы по адресу славян, добивавшихся национального равноправия. Стремление создать Венгрию, в которой хозяевами экономической, политической и культурной жизни были бы только венгры и в которой была бы исключена всякая возможность равноправия других народов, обнаружилось в первые же дни революции. Венгерское национально-освободительное движение оказало сильное влияние на развитие национального самосознания, на усиление борьбы за национальное освобождение и в Закарпатской Руси. Борясь вместе с венгерским народом против общего угнетателя — Габсбургов, украинское население Закарпатья стремилось освободиться и от национального гнета со стороны венгерских господствующих классов.

Национальное движение в Закарпатской Руси возглавила группа дворянской и буржуазной интеллигенции, среди которой выделялись А. Духнович и А. Добрянский. Духнович считал своим долгом работой на поприще народного просвещения открывать глаза «карпаторуссам» на их бесправное национальное положение, будить в них сознание родства с русским народом, воспитывать любовь к русскому языку, русской культуре. В то время, когда волна мадьяризации уже стала серьезной угрозой национальному существованию украинцев Закарпатья, в стихах А. Духновича прозвучали гордые слова: «Я русином был, есмь и буду!» Пользуясь своим духовным званием, Духнович вел просветительскую работу в народе, основывал русские школы, литературные общества, издавал русские книги. Им самим был написан первый букварь на народном языке — «Книжица читальная для начинающих».

Именно к 1848 г. относится начало той кипучей деятельности Александра Духновича, которая потом составила ему в Закарпатье известность народного просветителя, педагога, поэта и драматурга, публициста и историка.

Венгерские шовинисты, душившие всякое проявление национального возрождения славянских народов, не могли спокойно отнестись и к деятельности в Закарпатье Александра Духновича. 27 апреля 1849 г. он был арестован в Пряшеве и препровожден под большим конвоем в Кошицкую тюрьму. В «Записке А. Духновича от года 1861» читаем: «27 Априлія. Памятний день, ибо 1849 год сего дня от воспитанников Мадьярских, про Русское Слово и Любовь к народу русскому, аки злодей пойман и между двумя

орудиями, в проводе 400 воинов веден был до Кошиц и там в темницу заключен». ¹⁰⁸ 5 мая Духнович был освобожден из тюрьмы и возвратился в Пряшев, где находился под полицейским надзором.

Руководителем национального движения в Угорской Руси в 1848—1849 гг. выступает А. Добрянский, уже тогда известный далеко за пределами родного края, среди чехов, словаков, галицийских украинцев, как приверженец идеи славянской взаимности. Получив философское и юридическое образование в Кошицах и Ягре, Добрянский, после короткой юридической практики, приезжает в Шавницу, где в течение четырех лет изучает горное дело и лесоводство в Горно-лесной академии, куда съезжалась молодежь из различных славянских областей Австро-Венгрии: сербы и хорваты, словаки и чехи, русские и украинцы из Закарпатья и Галиции. В кругу этой молодежи живо обсуждались политические вопросы, положение на родине, читались стихи певца славянской взаимности Коллара. ¹⁰⁹ Некоторые из студентов были связаны с тайными революционными организациями. Четыре года пребывания в Шавнице оказали большое влияние на Добрянского, — в этот период он становится приверженцем идей славянской взаимности. Несколько позже, работая инженером каменноугольных шахт в Чехии и Моравии, разъезжая по Словакии, он познакомился с Ганкою, Палацким, Ригером, Шафариком, Гавличком, Штуром и другими славянскими политическими деятелями.

Еще до революции 1848 г. венгерское правительство, зная круг знакомств Добрянского, начало подозревать его в ирредентизме. Весной 1848 г. словаки в Виндшахте (около Шавницы) избрали Добрянского своим депутатом в венгерский сейм, но правительство объявило это избрание недействительным, и Добрянскому пришлось уехать из Словакии. ¹¹⁰

По своим политическим воззрениям Добрянский являлся сторонником реакционной теории австрославизма. Он наивно думал, что Габсбурги, в целях самосохранения, обеспечат федеративное существование славянских народов под австрийской короной. Еще более укрепился в своем австрославизме Добрянский, когда он принял участие в подготовке Славянского съезда, открывшегося в Праге 2 июня 1848 года.

Известно, что в подготовленную Славянским съездом петицию по предложению словацкой делегации были включены требования предоставления национальных прав словакам и русинам:

«1. Чтобы словаки и русины были признаны мадьярами особым народом и имели в сейме равные с ними права.

2. Чтобы им дозволено было иметь свои национальные сеймы с особой постоянной словацкой и русской комиссией, которая бы охраняла права словаков и русских, созывала национальный сейм и отвергала все приказы центрального венгерского министерства, содержащие опасность для словацко-русской народности.

3. Чтобы им было позволено учреждать не только народные, но и высшие школы с преподаванием на словацком и русском языках.

4. На государственный счет должны быть основаны кафедры словацко-русского языка для мадьяр и мадьярского языка для словаков и русин.

5. Чтобы все национальности в Угрии были равноправными и ни одна не являлась господствующей.

¹⁰⁸ А. Духнович. Автобиография. Ужгород. 1928, стр. 13.

¹⁰⁹ Н. Бескид. А. В. Духнович и его поэзия. Ужгород. 1930, стр. 10.

¹¹⁰ «Карпатский свет», Ужгород, 1931, № 1—2, стр. 1134.

6. Немедленное освобождение из тюрем тех словаков и русин, которые защищали народные права, и запрещение преследовать тех, которые выступают в защиту прав народа словацкого или русского.

7. Чтобы словакам и русским было позволено было учреждать общества, с целью развития их национальностей.¹¹¹

Как видим, представители словаков и украинцев Венгрии, протестовавшие против мадьярского гнета, в своих требованиях, выраженных на Славянском съезде, не шли дальше предоставления им равных с венграми прав в политической и культурной области.

Убедившись же в том, что правительство Кошута не намерено удовлетворять национальные требования славянских народов, дворянская и буржуазная интеллигенция Закарпатья, во главе с Добрянским и Духновичем, выдвигает идею автономии «Угорской Руси» и объединение ее с русской (украинской) частью Галиции, предполагая, что план этот может быть осуществлен с помощью Габсбургов.

В самом начале 1849 г. Добрянский возглавляет депутацию, вручившую в Вене императору Францу-Иосифу письмо с просьбой «о соединении русских коронных областей в одно политическое и административное целое».¹¹² А так как венскому двору, поставленному тогда в очень тяжелое положение революционными событиями в Венгрии, было очень выгодно использовать в своих интересах национальные стремления славянских народов, то такое обещание депутации Угорской Руси было дано.

После издания мартовской конституции 1849 г. Добрянский развил широкую деятельность в целях воссоединения разъединенной на две части Карпатской Руси — украинской части Галиции и Угорской Руси. Он составил об этом особый меморандум и, собрав под ним подписи, отправился в Галицию.¹¹³

Здесь его план был одобрен «Головной Руськой Радой», вручившей 20 апреля 1849 г. губернатору Галиции графу Голуховскому свой меморандум о соединении русской части Галиции с Угорской Русью, для передачи его императору.¹¹⁴ Воодушевленный достигнутым успехом, Добрянский сам поспешил в Вену.

Идея соединения Закарпатской Руси с Галицкой Русью в одно «Русское воеводство» нашла широкий отклик по обе стороны Карпат. Наиболее обстоятельное освещение ее дал в своей, напечатанной в «Зоре Галицкой», статье А. Духнович — «Состояние русинов в Угорщине».¹¹⁵

Духнович писал о том, что границы русского государства когда-то достигали Дуная. С вторжением в долину Тиссы диких мадьярских орд, возглавляемых Арпадом, «забескидские русины» оказались оторванными от остальных русских племен, живших на восток от Карпат, и были завоеваны пришельцами, при этом «азиятці поганы з русинов свободных — рабов зделати не стыдилися». С тех пор, — писал далее Духнович, — 700 000 русинов являлись только рабами Венгрии. Крестьянин не имел собственности,

¹¹¹ І. Б р и к. Славянський зїзд у Празі 1848 р. і українська справа. «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», т. 129, Львів, 1920.

¹¹² «Зоря Галицка», 1849, № 86; И. С в е н ц и ц к и й. Материалы по истории возрождения Карпатской Руси, т. II. Львов, 1909, стр. 134—135.

¹¹³ Н. Б е с к и д. Ук. соч., стр. 15; К. С т у д и н с ь к и й. Александр Духнович і Галиччина. — «Наук. зб. т. «Просвіта», Ужгород, 1924, т. III, стр. 28—94.

¹¹⁴ И. С в е н ц и ц к и й. Ук. соч., т. II, стр. 135.

¹¹⁵ «Зоря Галицка», 1849, № 31.

и его судьба была в руках шляхтича (немеша), который мог его согнать с земли, подвергнуть телесному наказанию, посадить в тюрьму, а в более давние времена и убить. Поневоленный крестьянин платил мыта, отрабатывал барщину и нес другие повинности, с покорностью терпя всякие обиды; правды в суде он не мог добиться, потому что судьями были шляхтичи. Согласно закону, в венгерское войско забирались только крестьянские сыновья. Такой была жизнь русинских крестьян под властью «свободолюбивых мадяров». Большая часть русинской шляхты отрекалась от своего «имени» и переходила в «мадярство», стараясь таким путем упрочить свое экономическое положение и получить доступ к служебным должностям, занимать которые русины не имели права. Некоторые из талантливых людей, не желая омадяриваться, покидали родные края и уезжали в Россию, где некоторые из них, как, например, Орлай, Болугянский и др., получили образование. Близким к народу было низшее духовенство, но его влияние стало падать после введения в Закарпатье церковной унии: униатские епархии были подчинены мадярскому латинскому примасу, и русские епископы с того времени являлись лишь заместителями мадярских католических церковных владык.

Изложив факты, исторически обосновавшие необходимость территориального объединения Закарпатской Руси с украинской частью Галиции, Духнович заключил статью словами: «Русины Угорскіи давнейше с галицкими слученни были, в самой Угорщине як народ самобитный узнани, бо в XIV столетію и Руским Воеводою обдарени; Русь Угорская имеет тогда и права историческя на жаданый союзок, и для того за потребно уважала, о тое так до Головной Рады Руской у Львове, якоже до его Имп. В-ва просьбу подати в той надеи, что Правительство, на просьбу ласкаво призволивши, обещающую всем народам австрийским равноправность и на племя угрорусское розширити изволит».

Связи с Галицкой Русью оказали значительное влияние на развитие национального движения среди закарпатских украинцев. Идея объединения частей украинского народа, живущего по обоим склонам Карпат, была очень популярна в народе. Но движение это возглавила в Закарпатье дворянская и буржуазная интеллигенция, которая возложила все надежды осуществления этого плана на Габсбургов. В действительности же, как известно, австрийская политика, разъединявшая народы и натравливавшая их друг на друга, являлась значительно большей преградой к установлению единства двух ветвей одного и того же украинского народа, живущего в южных и северных Карпатах, чем высокие Карпатские горы.

Ясно, что вопрос этот мог быть решен только революционно-демократическим путем, путем уничтожения реакционной Австрийской монархии. Однако руководители национального движения как в Закарпатской Руси, так и в Галиции были врагами революции и, возлагая все свои надежды на Австрийскую монархию, не могли стать на этот революционный путь.

Немалая доля вины падает и на вождей венгерской революции, не учитывая, что подлинная национальная свобода независимой Венгрии, за создание которой они боролись, несовместима с угнетением других национальностей, что, отказываясь удовлетворить национальные стремления славянских народов, они тем самым теряли опору на национальных окраинах государства и укрепляли силы контрреволюции.

* * *

Осенью 1848 г., как известно, обстановка в Венгрии особенно осложнилась. В сентябре на столицу Венгрии двинулось войско сербов и хорватов, возглавляемое Елачичем. В то же время восстали румыны Трансильвании, провозгласившие независимость от Венгрии. Австрийский двор, объявивший венгров «бунтовщиками», заканчивал последние приготовления к походу на Будапешт контрреволюционной армии Виндишгреца.

Ввиду нависшей над страной угрозы Национальное собрание передало всю полноту власти Кошуту, возглавившему новый революционный орган — Комитет национальной обороны. Комитет принимает ряд чрезвычайных мер, направленных на укрепление обороны страны. 8 октября в Будапеште Кошутом был подписан приказ, требующий от всех воинов и мирных жителей Венгрии преданности отечеству и строгого повиновения распоряжениям Комитета обороны и объявляющий, что всякий, кто осмелится не выполнять возложенные на него обязанности, будет считаться изменником родины и подвергнется немедленному аресту и казни.¹¹⁶ Приказ этот, разосланный по всей Венгрии, был объявлен и населению Закарпатской Руси. Для руководства военными приготовлениями в Ужгород был назначен подполковник Шандор Пульский. При этом военный министр, ставя в известность жителей Ужанской жупы о назначении Пульского, предупреждал, что все его распоряжения должны выполняться, «как этого требует патриотизм», безотлагательно, «под страхом строжайшей ответственности».¹¹⁷ Ввиду того, что наступление неприятеля ожидалось со стороны австрийской границы и Карпатских гор, особое внимание было обращено на приведение в боевую готовность воинских частей, сформировавшихся в Северной Венгрии. Комитет Национальной обороны обратился с воззванием к жителям Ужгорода, Берегова, Мукачева и окрестностей с призывом вооружаться и быть готовыми преградить путь врагу.¹¹⁸

В Мукачеве, где, как известно, общественное движение с первых же дней революции приобрело демократический характер, городские массы выразили свою готовность всеми силами содействовать защите отечества. На городских стенах появились лозунги: «Да здравствует отечество! Да здравствует венгерская свобода! Да здравствует Людвиг Кошут». Из вновь вербуемых воинов в Мукачеве формировался 23-й батальон Национальной гвардии, командование которым принял венгерский майор Карл Дежефи. Среди офицеров этой части были и украинцы, жители Бережской жупы: Дулько, Михаил Долинай, Антоний Киш.¹¹⁹

Согласно распоряжению Комитета национальной обороны, Бережская жупа принимала на себя все расходы по содержанию, снабжению и снаряжению дислоцированных на ее территории воинских частей. На снаряжение кавалерии решено было ассигновать 4000 форинтов, собрав эту сумму с тех, кто до революции не платил налогов. Три пятых всей этой суммы — 2400 форинтов должны были поступить с доминии графа Шёнборна. 13000 форинтов было собрано на снаряжение роты, отправляемой по приказу правительства в Банат против восставших сербов. Для получения

¹¹⁶ Закарпатский Облгосархив, 1848, ф. Ужанской жупы, св. 49, № 610.

¹¹⁷ Там же, № 626.

¹¹⁸ Там же, № 627.

¹¹⁹ Там же.

этой суммы лица, относящиеся к ранее привилегированным сословиям, были обложены 5000 форинтов, а 8000 уплачивало остальное население, облагавшееся и ранее налогами.¹²⁰

Городские власти Мукачева передали Национальной гвардии на нужды артиллерии 2 центнера пороха. Воины Национальной гвардии ставили вопрос о том, чтобы обратиться к церкви с просьбой пожертвовать колокола на пушки.¹²¹

Приведенные нами факты свидетельствуют о том, что городские массы Мукачева в момент, когда венгерской революции грозила непосредственная опасность со стороны ее врагов, прилагали усилия к тому, чтобы выполнить все распоряжения центрального правительства и тем самым способствовать защите революционных завоеваний. Позднее мы узнаем, что защитники Мукачева сложили оружие перед врагом только после капитуляции основных сил венгерской революционной армии, когда убедились в безнадежности дальнейшего сопротивления.

Крестьянские массы всей Венгрии осенью 1848 г. весьма холодно относились к призывам жертвовать всем «во имя спасения отечества». Комитету Национальной обороны потребовались огромные усилия, решительные и энергичные действия, чтобы произвести новый набор в войско и подготовить его к сражениям с неприятелем. Да и венгерское крестьянство шло в войско куда менее охотно, чем в первые месяцы революции, и мобилизация проходила с большим трудом, особенно на окраинах государства, где к этому времени резко обнаружились национальные противоречия между венграми и другими немадьярскими народами. Такой окраиной Венгрии являлась и Закарпатская Русь. Осенью 1848 г. в Закарпатье при наборе в войско частей была принудительная мобилизация. Так, крестьянин Андрей Ферко из с. Сюрте, служивший полевым сторожем у графа Барковци, жаловался главному жупану, что он лишен возможности вести хозяйство, так как остался с тремя малолетними детьми, а его 23-летнего сына 10 октября насильно забрали в Ужгород и там определили в солдаты.¹²²

Нередки были случаи сопротивления со стороны закарпатских крестьян мобилизации в венгерскую армию. В сентябре 1848 г. в с. Фаничково Севлюшского округа местной шляхтой был схвачен крестьянин Павло Киш, который вел среди своих односельчан, имевших сыновей-призывников, «злонамеренную агитацию», убеждая: «Не веди своего сына в войско, пусть идут паны, мы уже достаточно воевали по приказу цесаря, а теперь и паны хотят, чтобы мы за них воевали». Тот же Киш открыто призывал крестьян к борьбе против панов: «Не отправляй своего сына в Севлюш... Это паны придумали, чтобы итти в войско. Иди домой, бери кол и бей того, кто послал забирать твоего сына в войско».¹²³

Когда опасность вступления в Карпаты царского войска стала очевидной, вербовщики венгерской национальной гвардии насильно угоняли в рекруты поголовно все мужское население пограничных украинских селений. Начальство жуп считало необходимым применение самых строгих мер с целью увеличения численности войска. Главный жупан Ужанской жупы 17 декабря 1848 г. обратился с призывом ко всем умеющим обра-

¹²⁰ Там же.

¹²¹ T. L e s h o c z k y. Beregmegye és a munkácsi vár 1848—49-ben, p. 33.

¹²² Закарпатский Облгосархив, ф. Ужанской жупы, св. 49, № 1149.

¹²³ Документ, извлеченный из архива Угочской жупы, сообщен нам в Ужгороде Н. М. Лелекачем.

щаться с оружием жителям жупы 21 декабря прибыть в Ужгород к зданию жупы с двухдневным запасом продовольствия, грозя, что все неявившиеся «будут обвинены в грехе измены».¹²⁴

Обстановка, которая сложилась в Закарпатье к зиме 1848 г., явно неблагоприятствовала планам венгерского революционного правительства, которое вынуждено было принять войну, объявленную революционной Венгрией австрийской контрреволюцией. Не касаясь хода военной борьбы между Венгрией и Австрией, остановим внимание лишь на последней, заключительной фазе этой борьбы, когда на помощь австрийскому императору из-за Карпат пришло интервенционистское войско, присланное Николаем I. Это вмешательство русского царизма ускорило трагическую развязку событий 1848—1849 гг. в Венгрии — полное поражение венгерской революции и торжество реакции.

* * *

Военная история интервенционистского похода царской армии в Венгрию в 1849 г., как известно, очень кратка. В середине июля войска Паскевича перешли галицийско-венгерскую границу, а 13 августа армия Гёргея сложила оружие под Вилагошем.

Такое быстрое военное поражение наступило отчасти и потому, что к этому времени венгерское революционное движение было значительно ослаблено внутренними противоречиями, неблагоприятно действовавшими на его развитие. Правительство во многом утратило свою революционную решимость, как ни энергичны были действия его вождя Людвиг Кошута, возглавившего революционное сопротивление и его орган «Комитет обороны». Народные массы, безуспешно ждавшие от революции больше, чем она им дала, были истощены и утомлены, армия оказалась деморализованной, а командовавший ею генерал Гёргей, окруживший себя офицерами старой венгерской армии, выжидал и бездействовал, так что Маркс, с пристальным вниманием следивший за ходом событий в Венгрии, с полным правом заклеймил его поведение как предательское.

Силам внутренней венгерской контрреволюции принадлежит отнюдь не последняя роль в том поражении, которое было нанесено венгерской революции. В тот момент, когда над революционной Венгрией нависла грозная опасность иностранного вторжения, эти силы изнутри подорвали национальное сопротивление. Говоря о подготовке русским царизмом интервенционистского похода в Венгрию, следует иметь в виду и то обстоятельство, что русское войско было послано не только по просьбе австрийского императора, но и по ходатайству контрреволюционных кругов Венгрии. Еще в 1848 г. крупнейшие венгерские феодалы в специальной петиции просили Николая I о вооруженном вмешательстве в венгерские дела и удушении революции.

В июле 1849 г. армия Паскевича перешла Карпаты. Ожидая этого события, Кошут писал Бему: «Надо отступить на линию Тиссы, дать русским возможность продвинуться туда, смелым наступлением наброситься на Австрию и проникнуть в сердцевину ее сил... Нам нужно там добыть себе резервы и войти в контакт с народами Европы».¹²⁵

¹²⁴ Закарпатский Облгосархив, ф. Ужанской жупы, св. 49, № 1156.

¹²⁵ «Briefe Ludwig Kossuth an Feldmarschal-Leutnant Bem, hrsg. von Aladar Makray», Pest, 1870, S. 66.

Но этот план революционной войны саботировал Гёргей и его штаб. Встречая сопротивление военного командования осуществлению своего стратегического плана, Кошут стал понимать, что спасение может быть только в силе народа. «Если народ не восстанет, мы пропали», — говорил он. Возглавлявшие дебреценское правительство Кошут и Семере думали поднять всю страну на партизанскую войну. Из Дебрецена на север Венгрии, в Карпаты, откуда двигались русские и австрийцы, посылались приказы населению преграждать путь неприятелю, рыть рвы, заваливать дороги, уничтожать скот и продукты питания, сжигать помещения, которые могли бы стать убежищем для войска, подниматься на вооруженную борьбу.¹²⁶

Если бы армия Паскевича при первом же своем появлении в Карпатах была встречена народной войной, то это сразу же создало бы огромные трудности для ее дальнейшего продвижения. Она могла бы остаться без продовольствия, оказаться отрезанной от оставшихся по другую сторону Карпат, в Галиции, резервов и очутиться в грозном враждебном окружении. Но венгерское правительство и его военачальники сами должны были отказаться от сражения с русской армией в Карпатах, учтя настроения населяющих горы славян. «Народная война в Карпатах была невысказана, — читаем мы в воспоминаниях одного из офицеров русской армии, участника венгерского похода. — Славяне ненавидели мадьяр наравне с немцами и были глухи к воззваниям Кошута истреблять нас ножом и ядом».¹²⁷

Население Закарпатской Руси в течение многих веков терпело жестокий гнет немцев и мадьяр, гнет социально-экономический и национально-политический. Мартовские революционные события в Будапеште родили у него надежду на близкий конец бесправному положению.

Согласно принятым венгерским сеймом законам, крестьяне получили личную свободу и равноправие перед законом, но тем не менее закарпатское крестьянство не стало свободным. «В настоящей революции, — читаем мы в записках другого участника похода, М. Д. Лихутина, — венгерское республиканское правительство дало славянам личную свободу и равноправность перед законом; но все эти либеральные конституции и разные мероприятия, носящие звонкие имена, для славян мертвая буква, не изменяющая существа дела и положения, созданного завоеванием и утвержденным тысячу лет: земля и все государственные преимущества остались собственностью мадьяр. . .».¹²⁸

Военные действия принесли много бед жившему на Верховине украинскому населению. Видя его нежелание воевать за Венгрию, венгерское военное начальство с приближением войск Паскевича не только принудительно мобилизовало в армию всех мужчин в возрасте от 15 до 40 лет, гнало население на строительство земляных укреплений, забирало у крестьян скот и хлеб, но при сопротивлении населения сжигало целые селения, ставило виселицы.¹²⁹ Такое беззаконие не могло быть оправдано даже теми чрезвычайными обстоятельствами, которые переживала летом 1849 г. осажденная врагами Венгрия.

Гёргей уклонялся от сражения с армией Паскевича вблизи Карпат именно потому, что можно было ожидать выступления населявших горы

¹²⁶ Закарпатский Облгосархив, ф. Ужанской жупы, 1848—1849, св. 49.

¹²⁷ Д. Сонцов. Из воспоминаний о венгерской кампании (Заметки участника и очевидца). М., 1871, стр. 32.

¹²⁸ М. Д. Лихутин. Записки о походе в Венгрию в 1849 г. М., 1874, стр. 89.

¹²⁹ Там же, стр. 39—40; П. Алабин. Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854—1856, 1877—1878 гг., ч. 1. Самара, 1888, стр. 55—56.

закарпато-украинских крестьян против венгров. Следует признать вполне основательным высказанное очевидцем событий М. Лихутиным замечание о том, что «если бы Гёргей был разбит у Мишкольца, часть его войска неизбежно бы бросилась в горы; вся его армия могла быть отброшена туда и была бы там преследуема. При этом славяне могли начать ловить и бить одиноко бегущих мадьяр, потом избиение могло принять большие размеры и разгореться в общее восстание против помещиков и мадьярского господства».¹³⁰

13 августа армия Гёргея сложила оружие у Вилагоша, но держались еще гарнизоны в крепостях Кюмаром и Пегроварадин. Не сдавался и мукачевский замок, возвышавшийся в Закарпатской Руси над рекой Латорицей, над скрещением дорог с севера на юг и с востока на запад.

Мы уже знаем, какое живое участие в революционных событиях приняли жители Мукачева и крестьяне Бережской жупы. Некоторые из них добровольно вступили в национальную гвардию и теперь в ее рядах защищали стены Мукачева. Паскевич приказал генералу Карловицу очистить окрестности Мукачева. Карловиц с отрядом более 10 000 человек двинулся из Дебрецена на Мукачево. 18 августа известие о приближении русских войск было получено в Берегове. 20 августа городской совет Берегова выслал депутацию, и над городом был поднят белый флаг.¹³¹ Приняв капитуляцию Берегова, Карловиц выступил к Великим Лучкам, откуда должна была начаться атака на мукачевский замок. Хотя силы, защищавшие замок, были ослаблены уходом из него на соединение с Гёргеем полковника Казинция с 15 000 воинов, но, тем не менее, оставшиеся не хотели сдавать крепость без боя. Карловиц послал из Великих Лучек парламентаров к коменданту мукачевского замка венгерскому офицеру Мезевшию. От парламентаров Мезевший узнал о капитуляции Гёргея, но, для того чтобы убедиться в достоверности этого известия, он все же послал трех своих офицеров к Гёргею. Эти офицеры привезли от Гёргея письмо, в котором он предлагал сдать крепость.

Мукачевский замок капитулировал 26 августа, спустя две недели после Вилагоша. Принят был и ультиматум об очищении от повстанцев всей территории Закарпатской Руси до Марамароша.¹³² В тот же день русским командованием был вызван в Великие Лучки мукачевский городской судья Самуил Гати для обсуждения условий сдачи города. Город должен был выплатить семь гульденов 20 крейцеров «за большое черно-желтое [австрийское. — И. М.] знамя, сделанное по приказу московитского генерала Врангеля в ознаменование взятия замка русскими», снабжать русские части продовольствием и другими припасами. Русские войска оставались в Мукачево до середины сентября.¹³³

Известно, что помощь, присланная Николаем I австрийскому правительству и венгерским феодалам, привела к гибели венгерской революции и усилила реакцию в Европе. Контрреволюционная роль царского войска во время похода 1849 г. общеизвестна, и она оставила после себя недобрую память в венгерском народе. Но нельзя не отметить, что этот поход русской армии, совсем неожиданно для русского царизма, оказал известное

¹³⁰ М. Д. Лихутин. Ук. соч., стр. 255.

¹³¹ Т. Лешоцку. Beregvármege monographiája, p. 300.

¹³² Fl. Zapletal. A. I. Dobrjanskij a naši rusini r. 1849—51. Praha, 1927, p. 13.

¹³³ А. Шаш. Архив привилегированного города Мукачева 1376—1850 гг. Мукачево. 1927, стр. 97—98.

влияние на пробуждение национальной жизни, развитие национально-освободительного движения в Закарпатской Руси.

У народа Закарпатской Руси из поколения в поколение сохранялось сознание родства с Русью, лежащей по другую сторону Карпат, сознание единства с русским народом по вере и языку, однако в течение веков в условиях жестокого национального гнета ослабили те нити, которые связывали этот уголок украинской земли с остальным русско-украинским миром. Правда, в Закарпатье жила еще память о русской армии, побывавшей на Западе во время наполеоновских войн. Один из участников этого похода, русский офицер Данилевский, вспоминал, с каким восхищением перед силой русского оружия встретило население Закарпатья весть об истреблении наполеоновских полчищ в 1812 г. в России. «Мы радовались, — говорили ему крестьяне, пешком пришедшие в столицу Венгрии из горных карпатских селений, чтобы своими глазами увидеть русских воинов, — что Бонопарте нашел преграду завоеваниям своим посреди славянского рода».¹³⁴

Австрийские и венгерские власти принимали все меры к тому, чтобы убить в украинском народе Закарпатской Руси всякое сознание национального родства с русским народом, веру в силу и могущество России. Эта разъединительная политика сознательно преследовала цель создания таких преград, которые препятствовали бы связям и сближению живущей в Закарпатье части украинского народа с остальным украинским и русским народом.

Со стороны Карпат венгерское правительство ожидало вторжения идущей на помощь австрийцам армии Паскевича. Закарпатская Русь должна была оказаться и оказалась театром военных действий, территорией передвижения и расположения русских войск. Венгерское правительство не могло рассчитывать на то, что украинское население Карпатских гор по его призыву поднимется на борьбу, окажет сопротивление русской армии, и поэтому оно принимало меры к тому, чтобы вызвать у жителей Закарпатской Руси чувство страха перед идущими с Востока «северными варварами».

Правительство Кошута, не рассчитывавшее на поддержку его закарпатскими украинцами, предпринимало различные меры для того, чтобы вселить в них чувство страха перед идущей с Востока русской армией.

Специальными правительственными распоряжениями из Дебрецена во всех церквах Закарпатской Руси велено было устраивать молебны об избавлении от «нашествия варваров и дикарей», «москалей с песьими головами».¹³⁵

В автобиографии уже упоминавшегося нами писателя И. Сильвая (Уриила Метеора), бывшего в те годы гимназистом, мы читаем о той панике, которая под влиянием распространяемых венгерским правительством слухов охватила летом 1849 г. население Ужгорода: «... В начале лета стали носиться вести о приближении Москаля. В другой половине месяца июля беспокойство мещан про близкую опасность достигло до самой высшей степени. По ночам и ранним утрам часто производилась тревога

¹³⁴ А. М. Данилевский. Журнал путешествия из Вены в Венгрию в 1814 г. — «Сын отечества», 1816, ч. 34, стр. 205—217.

¹³⁵ Т. Lechoczky. Beregvármegeje monographiája, стр. 298; И. Ореус. Описание венгерской войны 1849 г. СПб., 1880, стр. 142; М. Д. Лихутин. Укр. соч., стр. 23—24.

биением в набат, по улицам происходила беготня, люди рассказывали вести друг другу с испуганным выражением лица, по учебным заведениям воспитанники держали свои вещи наготове, на всякий случай, чтобы с наступлением опасности спастись домой». ¹³⁶

Приготовления к отражению нападения русского войска Сильвай мог наблюдать в окрестностях своего родного Сускова, расположенного в Бережской жупе, в 19 километрах от Мукачева, куда он приехал в июле 1849 г. на летние каникулы. Мукачево и его окрестности лежали на самой границе обширной венгерской равнины, дальше начинались горы, из-за которых и ожидали появления русского войска. Приехавший в родные места Сильвай сразу же записал, что из всего виденного им по пути «можно было выводить одно только заключение, что повсюду делались приготовления к отпору супротив неприятеля и к заграждению ему пути от Галиции». ¹³⁷ Он сообщает об устройстве на всем пути от границы соломенного телеграфа, у которого круглосуточно дежурили сторожа, чтобы, в случае появления русских, сожжением связок соломы на высоких столбах передать эту весть дальше в глубь страны; об окопах, которыми было изрыто все пространство у Чинадеева, и заградительных рвах над рекой Латорицей; о срубленном лесе на горе, называемой Соколовым камнем, и завале срубленными деревьями протока у горы Розделье, который был до этого времени единственным проходом к местечку Верещки. «Наконец, насчет близкого прихода Русских никто не мог оставаться в сомнении, — пишет Сильвай, — потому что одного дня от правительственного комиссара с великой поспешностью разослано такое строгое повеление, что под угрозой смерти, в срочный день и час, все способные мужчины, без различия возраста и звания, да появятся в местечке Сваляве, как сборном пункте, для сопротивления неприятелю. В повелении стояло, что у кого есть ружье, должен появиться с ружьем, у кого нет ружья, да появится с железными вилами, косою или просто с дубиною. Священникам приказано быть вождями народа, с крестом в руках. Подписано: Карл Генч, комиссар». ¹³⁸ Далее автор сообщает, что это повеление, выраженное в такой категорической форме, произвело в народе необыкновенный переполох. Крестьяне, вместо того чтобы собираться в назначенных пунктах, убегали в горы, по селам оставались только женщины и старики. Однако вскоре страх рассеялся. Пришли сообщения о том, что русские отряды перешли границу, что они легко преодолевают воздвигнутые на их пути преграды, что не чинят мирному населению Верховины никакого вреда и теперь продвигаются в сторону Мукачева. Подтверждением этих вестей явилось и то обстоятельство, что люди из горных карпатских селений, через которые проходили русские части, как и в прежние годы, шли на богомолье в мукачевский монастырь на праздник Успенья, значит, они были спокойны за оставленные жилища. Видя это, ушедшие в горы крестьяне стали возвращаться в свои дома, к своим обычным занятиям, и скоро сами убедились, что со стороны русского войска им не грозит никакой опасности и что все распространяемые до этого правительственными агентами слухи о «зверствах москалей» были ложными.

Сам Сильвай так передает свое первое впечатление о русском войске: «Признаюсь, что я их воображал не в таком виде. В мою сущность в Унгваре [венгерское название Ужгорода. — И. М.], я слышал изображать

¹³⁶ И. Сильвай. Ук. соч., стр. 37.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же, стр. 39—40.

их дикими ордами, с видом очень безобразным, походящим более на зверей, чем на людей, по натуре своей суровыми, необузданными, кровожадными и беспощадными, которые, куда они ни приходят, производят зверские насилия и ужасы, оставляют по следам своим опустошения, подобно саранче, которых иначе и представить нельзя, как с ужасною кончукою в руках. Как они теперь проходили перед нами ровным, чинным, тихим ходом, только по отдаленности мы могли отметить черты их лица, они показались нам такими, как и наши домородные люди, только они на своих дородных лошадах и с блестящими своими шлемами и сами казались более дородными и выше обыкновенного человеческого роста».¹³⁹

Возвращавшиеся из Мукачева жители Верховины рассказывали, что в городе, уже занятом русским войском, все спокойно, что русские воины не производят никаких насилий над населением и поэтому последнее настроено к ним благожелательно и, что самое необыкновенное, — они слышали московскую речь и легко ее понимали. «Все они твердили одно, что они свободно разговаривают с москалями и без затруднений понимают их язык. Иные говорили, что видели их креститься и слышали молиться и не могли притти в себя от удивления, потому что они совсем таким образом крестились и теми же словами молились, как здешние домородные люди. Выходило, что они одного с нами языка и одной веры».¹⁴⁰

Последние слова, как вывод из слышанного, Сильвай заносит в свой дневник с крайним удивлением, еще не веря в их правдоподобие. Скоро случай дал возможность Сильваю, посетившему со своим отцом, местным священником, русский военный лагерь над рекой Латорицей, самому убедиться во всем этом.¹⁴¹

Подтверждение того, что население Закарпатской Руси с радостью встречало русские войска и воодушевлялось, убеждаясь, что пришедшие из-за Карпат «одного с ними языка и одной веры», мы встречаем и в записке о походе, составленной прикомандированным к корпусу Ридигера австрийским комиссаром.¹⁴² Русинское население Шаришской, Абауйской и Боршодской жуп массаами устремлялось к дороге из Дукли к Мишковицу, по которой двигалась русская армия, и охотно снабжало ее продовольствием и подводами. Автор этой записки отмечает, что и «русские войска были радостно удивлены, встретив в неприятельской стране столь дружественное и даже родственное население. Многие солдаты были даже искренне убеждены, что они все еще находятся в России, и все спрашивали, где же, наконец, находится земля неприятельская, мадьярская?»¹⁴³ Даже русские офицеры, участвовавшие в походе 1849 г., переходя с армией Карпаты, по их собственным словам, имели весьма смутное представление о славянах в Австрии и их отношении к венграм, о жизни населения Закарпатской Руси.

Следует заметить, что воспоминания русских офицеров о походе в Венгрию в 1849 г. содержат в себе не только записи, воспроизводящие

¹³⁹ И. Сильвай. Ук. соч., стр. 42.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Там же, стр. 43, 44.

¹⁴² Часть этой записки напечатана А. С. Будиловичем в виде приложения к его статье «О значении русского похода 1849 г. для австро-угорских народов». И. Панас в своем кратком исследовании «Карпаторусские отзвуки русского похода в Венгрию 1849 г.» («Карпаторусский сборник», Ужгород, 1931, стр. 209—229) высказал предположение, что автором этой записки является А. И. Добрянский.

¹⁴³ Там же.

военную картину событий, но и наблюдение над различными сторонами жизни края: его экономическим положением, населением, бытом его, влиянием на него революционных событий 1848 г.

«Во время разездов в Карпатах, — пишет Лихутин, — я познакомился несколько со славянским племенем, Русняками, живущими в горах, частью по северному склону их, в Галиции, и большею частью по южному склону их, в Венгрии, до самых равнин ее. Родственное сходство с нами заметно во всем. После трехдневного пребывания в Карпатах я мог объясняться с ними довольно свободно и они понимали меня».¹⁴⁴

Наблюдая жизнь «русняков», Лихутин ужасается их бедности, убогости жилищ, одежды. По его выражению, все они имеют «жалкий, забитый вид и носят видимую печать порабощения».¹⁴⁵

Другой участник похода так описывает свои впечатления: «Горе, горе мирным жителям страны, объята войной... Неурожаи нескольких последних лет сряду обездолили их совершенно, а война их доканала... Тягостны наблюдения над этим бедным народом, не развлечение, а душевную муку приносят они, нагоняют невыносимую тоску».¹⁴⁶

Сами русинские крестьяне объясняли свою бедность тем, что у них нет своей земли. Земля, на которой они живут и которую обрабатывают, принадлежит их прежним помещикам, революция дала им свободу, но к чему эта «свобода», если нет земли? Раньше можно было кое-как зарабатывать на жизнь, нанимаясь батраками в помещичьи хозяйства, лежащие в долине, а теперь военные действия лишили верховинских бедняков и этой возможности.¹⁴⁷

Мирные жители венгерских селений тоже не могли жаловаться на проходящие русские войска и отказывались от создавшегося у них под влиянием правительственных прокламаций представления о русских, как о «разбойниках и вырождаках человечества». Во всяком случае, они предпочитали их австрийцам, которых считали «действительными и природными врагами».¹⁴⁸

Ценно в этом отношении свидетельство майора венгерской национальной гвардии Фрейсейзена, которого никак нельзя заподозрить в особой симпатии к русскому войску. Отправившись в начале июля 1849 г. из Мукачева во главе отряда в горы для охраны Намьенского перевала, он уведомляет городской совет Мукачева о русских военных силах, действовавших против Гёргея, и сообщает, в числе прочего, следующее: «Вчера я возвратился из поездки, целью которой было узнать о передвижении, количестве и расположении неприятеля, и могу после этой поездки сообщить вам с абсолютной точностью, что русские еще вчера были в Ниредьгазе, в количестве 5000 человек, преимущественно кавалерии, при 15 пушках, а от Соболчского наджупана я узнал, что их еще 9000 расположилось в Киральтелеке; везде обращаются они с населением хорошо, нигде не совершено ни грабежей, ни убийств, ни краж, ни поджогов» (разрядка моя. — *И. М.*).¹⁴⁹

Во время пребывания русской армии в Венгрии наблюдалось живое общение русских солдат и офицеров с воинами венгерской революционной

¹⁴⁴ М. Д. Лихутин. Ук. соч., стр. 38.

¹⁴⁵ Там же, стр. 83.

¹⁴⁶ П. Алабин. Четыре войны..., ч. 1, стр. 40.

¹⁴⁷ Там же, стр. 41.

¹⁴⁸ G. K l a r k a. Aus meinen Erinnerungen. Zürich, 1887, S. 150.

¹⁴⁹ А. Паш. Ук. соч., стр. 96.

армии, которого больше всего опасался Николай I, писавший 7 августа 1849 г. Паскевичу: «Прошу настоятельно, чтобы не было со всей этой с . . . никаких у нас близких отношений, ибо легко от этого сближения и наша молодежь заразиться может». ¹⁵⁰

У Ореуса мы находим указание на то, что возникавшим между русскими и венграми симпатиям немало способствовали ненависть венгров к австрийцам и нерасположение к последним русских офицеров, знавших о предательской роли Австрии по отношению к России в начале XIX в., а также гуманное обращение русских с венгерскими пленными, «обращение, чуждое той враждебности и жестокости, которые выказывали к ним наши союзники (австрийцы)». ¹⁵¹

Венгерский офицер Лапинский, сражавшийся в 1848—1849 гг. в рядах национальной гвардии в чине капитана артиллерии, так характеризует русскую армию: «Русские обращаются с пленными, как положено честным солдатам, и поведение русских в стране, в сравнении с австрийцами, было таково, что первых мы должны признать за смелую культурную нацию, а других за жестокую и трусливую». ¹⁵² О сочувствии некоторых русских офицеров венграм замечает и автор упоминавшейся уже нами записки о венгерском походе 1849 г., составленной во время его пребывания при корпусе Ридигера. «Всем бросалось в глаза, — пишет он, — демонстративное братание победителей с побежденными».

Можно привести еще одно интересное свидетельство, уже прямо указывающее на то, что некоторые офицеры русской армии оказались под влиянием венгерских революционных идей и событий. Свидетельство это содержится в записях, сделанных в 1849 г. мукачевским священником Иеронимом Гайду, принимавшим активное участие в бурной общественной жизни революционных 1848—1849 гг. Гайду, остававшийся в Мукачево и во время пребывания там русских войск, отмечает, что русские офицеры «относились с братским сочувствием к мадыарским делам, народных героев и их патриотизм превозносили до небес, а, напротив, к австрийским солдатам относились с ядовитыми насмешками, называя их «цванцигерами». ¹⁵³ Среди офицеров и солдат русской армии находились и такие, которые не только сочувствовали венгерским революционерам, но и сами готовы были пожертвовать собой в борьбе за свободу. Так, русский офицер капитан Алексей Гусев со своими единомышленниками проводил агитацию в войске за отказ от выступления против восставших венгров. Как только это стало известно царскому правительству, Гусев и его товарищи были арестованы по обвинению в «государственной измене», преданы военному суду и по его приговору казнены в Минске. ¹⁵⁴

С приходом русского войска за Карпаты очень быстро установилось живое общение местного закарпатского населения с русскими солдатами, среди которых к тому же было немало украинских крестьян из-под Харькова и Полтавы.

¹⁵⁰ Кн. Щербатов. Генерал-фельдмаршал кн. Паскевич, т. VI. СПб., 1899, стр. 331.

¹⁵¹ И. Ореус. Ук. соч., стр. 299.

¹⁵² L a p i n s k y T., Feldzug der ungarischen Hauptarmee im J. 1849, S. 153.

¹⁵³ Часть этой записки, сделанной Гайду в «Записнике» приходской церкви города Мукачева, приведена И. Панасом в статье «Карпаторусские отзвуки русского похода в Венгрию 1849 года» («Карпаторусский сборник», Ужгород, 1931, стр. 219—223).

¹⁵⁴ Документы о венгерской революции и освободительной борьбе 1848—1849 гг. Будапешт. 1948, стр. 68—69.

Русское войско появилось в 1849 г. в Карпатах отнюдь не с миссией освобождения закарпатских украинцев от национального угнетения. Оно было прислано Николаем I в помощь австрийскому императору и реакционным помещичьим кругам Венгрии для удушения венгерской революции. И все-таки пребывание русского войска оказало известное влияние на пробуждение национального самосознания и развитие общественной, культурной и политической жизни, на подъем национально-освободительного движения «будителей», которое, уходя своими истоками в революционные события 1848 г., составило затем важную эпоху в истории Закарпатской Руси.

* * *

Когда участь революционной Венгрии была уже решена, на Закарпатской Руси вспомнили об обещаниях, данных в свое время австрийским императором. 10 октября 1849 г. в Вену прибыло из Пряшева «посольство Угорской Руси», во главе с А. И. Добрянским. Некоторое время участники «посольства», братья А. и В. Добрянские, Иосиф Шолтис и Александр Яницкий и присоединившиеся к ним в Вене Михаил Висаник и Викентий Алексович, совещались о том, какие пункты должны быть включены в прошение, подготавливаемое для подачи императору, а также вели переговоры с находившимися тогда в Вене галичанами — представителем «Головной Руськой Рады» Куземским, министерскими чиновниками Шамкиевичем и Вислобощиком, священником Литвиновичем и профессором Львовского университета Яковом Головацким, относительно того, следует ли включать в прошение прежнее требование о соединении украинской части Галиции и Угорской Руси.¹⁵⁵

Как уже было указано, инициатива такого соединения исходила из Закарпатской Руси и принадлежала А. Добрянскому. Когда теперь вновь встал вопрос о соединении Галицкой и Угорской Руси, представители Галиции и Закарпатья готовы были еще раз просить об этом императора. Но как только им стало известно, что австрийское правительство не желает такого соединения, то они, не желая нарушать рамки «законности», отложили осуществление своего плана до более удобного времени. В «Памятной записке», составленной в Вене для подачи министрам и императору и подписанной всеми членами депутации, отказ от прежнего требования соединения с Галицией был сформулирован следующим образом: «Так как в конституции 4 марта названия и границы прежних коронных областей появляются не уничтоженными, а мы, ничего так не желая как блага . . . соединенной Австрии, ни за что, ни под каким предлогом не хотим прибавлять новых затруднений и еще больше осложнять и без того трудные обстоятельства, то мы в настоящее время отказываемся от мысли о столь желаемом соединении, с самоотвержением приносим наше сердечное желание на святой алтарь общего блага до более благоприятного времени».¹⁵⁶ После такого верноподданнического обращения и отказа от требования, отвечающего интересам украинского народа Закарпатья и Галицкой Руси, но неугодного венскому правительству, которое после подавления революции в Венгрии уже менее щедро раздавало обещания славянским народам, следуют «просительные пункты», выразившие, по мнению их со-

¹⁵⁵ К. Кустодиев. Из истории разочарований австрийских славян. Посольство угорских русских в Вене в 1849 г. — «Русский вестник», М., 1872, т. 98, апрель.

¹⁵⁶ И. Свенцицкий. Материалы. . . , т. II, стр. 135.

ставителей, нужды и желания Закарпатской Руси. Эти пункты сводились к следующему:

1. Провозглашение конституции 4 марта в Угорской Руси.
2. Образование особых русских округов всюду, где компактно живут не менее 15 000 русских, независимо от прежних комитатских границ; признание русской национальности в Угрии.
3. Введение русского языка в школах. Учреждение в русских округах гимназий, а в Ужгороде — академии, доступ в Львовский университет молодежи из Угорской Руси.
4. Назначение русских администраторов в русских округах. Предоставление русским чиновникам, духовенству и учителям Угорской Руси таких же прав и обеспечения, как и в остальных областях государства.
5. Издание в Вене официальной русской газеты; разрешение печатания кириллицей без ограничений.
6. Создание в императорской армии русских полков с русскими офицерами и чиновниками.¹⁵⁷

После изложения всех этих просьб опять следовали заверения в том, что народ Угорской Руси «еще не заражен никаким ядом социальных пороков века» и «одушевлен преданностью династии».

Первый официальный визит, 14 октября, депутация Угорской Руси нанесла императорскому политическому комиссару барону Карлу Герингеру. Герингер обещал, что все, записанное в конституции 4 марта, полчат и русские Закарпатья и просил дать список лиц, не скомпрометировавших себя в «мятеже», для занятия официальных постов. Затем состоялась личная беседа Герингера с А. Добрянским, к которому в Вене относились с доверием и считали наиболее подходящим лицом для назначения на административный пост. На следующий день депутация была принята министром внутренних дел Бахом. Бах, также обещая распространение конституции 4 марта и на Угорскую Русь, осторожно заметил, однако, что «Русские в Венгрии теперь нежное растение, едва из земли прозябшее и требуют попечения и охраны правительства» и поэтому «русский народ» сам должен понять, что «притесняемый доселе, он не может по успехам просвещения равняться с другими народами». А поэтому, предупреждал Бах, не следует ставить в вину правительству, если не все требования будут удовлетворены.

Министр юстиции Шмерлинг, которого также посетила депутация, благосклонно заметил, что он хочет быть «министром правосудия не словом, а делом» и наобещал многое. Но от министра финансов Крауса депутация не получила даже никаких обещаний. Барон любезно рассказывал, что он родом из Галиции, имеет много добрых друзей среди русских, но уклонился от прямого обещания удовлетворить просьбы, заявив, что как министр финансов он ничего не может сделать для угорских русских.

Министр-президент и министр иностранных дел Шварценберг, выслушав жалобы депутатов на тяжелое положение Угорской Руси и вновь усиливающуюся мадьяризацию, заключил беседу краткими словами: «Еще немного терпения и все будет хорошо».

Аудиенция у Франца Иосифа вселила в представителей Угорской Руси радужные надежды на то, что австрийское правительство будет верно своим обещаниям, и с проведением в жизнь «Ольмюцкой» конституции

¹⁵⁷ И. Свенцицкий. Материалы. . . , т. II. «Высланство Русинов Угорских в Вепи. . . », рукопись, извлеченная из Пряшевской епископской библиотеки.

Угорская Русь получит желаемую национальную автономию. Эти надежды усилились, когда австрийское правительство, находившееся еще в довольно тяжелом положении, некоторыми реформами как бы подтвердило свою решимость оказать «высокое покровительство» Угорской Руси. При разделении Венгрии на национальные округа Угорская Русь и большая часть Восточной Словакии были выделены в особый русский национальный округ, с центром в Кошицах. В соответствии с одним из основных требований меморандума 25 ноября в Ужгороде была обнародована мартовская конституция. Ужгород стал административным центром русских жуп Закарпатья. Здесь помещалась канцелярия наджупана Виллетца, референтом при котором австрийское правительство определило А. Добрянского. Место секретаря наджупана занял Александр Негребецкий. Начальниками округов были назначены: в Ужгородской жупе — Иван Ляхович, Иосиф Лелович, Иван Вайда, Людвиг Черский; в Бережской жупе — Юрий Невицкий, Иван Пастели, Рудольф Добрянский, Василий Ильницкий, Иван Горзо, Иван Попович. Русские чиновники были определены и на многие другие должности.¹⁵⁸

После объявления в Ужгороде мартовской конституции и создания новой администрации общественные деятели Закарпатской Руси составили «меморандум» о нуждах национальных и экономических и направили его губернатору Венгрии, генералу Гайнау. Выражая благодарность за то, что действие мартовской конституции распространено и на Закарпатье и что к управлению краем привлечены местные русские чиновники, авторы меморандума просили Гайнау хлопотать перед императором, чтобы такие же порядки были введены не только в русских жупах Закарпатья, но и в тех соседних областях (Земплинской, Шаришской, Спишской столицах), где проживает значительное число русских.

Особенное значение имеет вторая часть меморандума, содержащая изложение экономических требований. В основном эти требования сводятся к тому, чтобы коренное славянское население Закарпатья получило право распоряжаться землей, на которой оно живет.

«Зачим народ без маетности и земли жити, себе просветити, и так до гражданства приспособите неможе, смиренно просиме, абы все земли, ораницы, нивы и луги у наших руках изостали, от которых до марта 1848 нияку дачку иному окремышню крем панцины и подымщины не давали им есме». «... Аще не сим способом разсудится о земли урбалской, — писалось в меморандуме, — народ наш при своей народности из болшей части голодом буде умирати, и состояние его горше буде, нежели было перед марта 1848...».¹⁵⁹

Ожидая ответа на посланный меморандум, Добрянский и другие буржуазные деятели Закарпатья, получившие доступ к административным должностям, старались использовать свое положение для того, чтобы осуществить идею национально-культурной автономии Закарпатской Руси. Русский язык стал официальным языком Закарпатской Руси. На нем велась вся административная переписка, русские вывески появились на ужгородских улицах, преподавание русского языка было введено в ужгородской гимназии и начальных школах. Епископ мукачевской епархии

¹⁵⁸ М. Лелекач. Нові причинки, до політичної діяльності Адольфа Добрянського. — «Науковий збірник т-ва «Просвіта» в Ужгороді». Річник XIII—XIV. Ужгород, 1938, стр. 160.

¹⁵⁹ С оригиналом этого документа, найденного в 1938 г. в архиве Мукачевской епархии, познакомил нас в Ужгороде Н. М. Лелекач.

Василий Попович, войдя в сношения с Добрянским, перевел латинскую епархиальную переписку на русскую, ввел русское преподавание в Ужгородской духовной семинарии и обязал всех священников обучаться русскому языку. Им было дано распоряжение закупить все издания Духновича и употреблять только русский календарь.¹⁶⁰ Но энергичная деятельность Василия Поповича на время была прекращена ввиду того, что он за участие в революции указом из Вены был отстранен от управления епархией и только осенью 1850 г. вновь восстановлен в епископской должности.¹⁶¹

Особенно плодотворной в области просвещения, устройства народных школ, развития русского и украинского языка в Закарпатье в эти годы была деятельность Александра Духновича. Об этом сам Духнович в «Записке», относящейся к 1861 г., вспоминал следующим образом: «По скончанию мятежа так реченного Кошутовского в Угорщине угорские русины российскими полками одушевленные зачали по народному думати, воздвигши по силам слабым письменность свою. Я в том деле был одушевлен, источив силы и деньги, выдал сей час дельце под заглавием: «Книжица для начинающих», которое дельце для простого народа в стихах, четыре раз печатенное великую принесло пользу для народного духа и для литературы. Издал сей час молитвенничок русский «Хлеб души», которое дельце с восторгом расхваченное так что четыре разы должно было его печатать. Сей час издал Альманах и Месяцеслов и пр.»¹⁶²

Считая, что «для воскресения задушенного народа наиболее потребно есть литература, а сице литература для начинающих», Духнович основывает в Пряшеве литературное общество, которое ставит своей целью издание книг для народа. «Я радовался духом, — писал Духнович в той же «Записке», — что наши забвенные русины показали пламень духовной жизни, трудился ночью и днем, боролся с препонами и врагами и заложил, учредил литературное заведение, которое порядочно издавало начальные литературные сочинения. И радостно могу сказать, что русины Епархии Пряшевской одушевились, наипаче же молодежь стала душевно ревновать за русский дух и русское слово. Девушки уже не стыдились петь русские песни, а песнь моя народная «Я русин был, есмь и буду» по всюду голосовала в обществах».

Большую заботу проявлял Духнович об устройстве школ и просвещении народа. С удовлетворением писал он в 1850 г. в «Вестнике для русинов Австрийской державы», что в Лаборском округе школу посещает более 500 крестьянских детей, в верхнем Спише — 800, в селе Койшове в школе, основанной дьяком Полкаблом, учится 60 русинских детей, делающих большие успехи в науке. Все это является доказательством, заключает Духнович, что «Русины — народ, способный к образованию» и что «его разглашенное неведомство есть токмо врагов поношение».¹⁶³

Духновичем же были предприняты попытки основания в Ужгороде русской типографии. Для этого он решил откупить привилегию на содержание типографии у ужгородского «печатаря» Эллингера и передать ее мукачевскому монастырю. Этот план был поддержан протоигуменом Як. Бованко-

¹⁶⁰ Н. Бескид. Ук. соч., стр. 47.

¹⁶¹ Иоанн Дулешкович. Жизнь и деятельность бл. п. Епископа Василия Поповича. — «Слово», Львов, 1864, № 89—90.

¹⁶² «Записка Александра Духновича от года 1861». — И. Свенцицкий. Материалы. . . , ч. II, стр. 119.

¹⁶³ «Вестник для Русинов Австрийской державы», 1850, № 15.

вичом, и дело оставалось только за епископским «соизволением». В июне 1851 г. Духнович в частной беседе изложил свои намерения еп. Василию Поповичу, который их одобрил и обещал поддержку консистории.

Тем более был удивлен Духнович, когда через три дня, прибыв на заседание консистории для изложения своего плана «о развитии литературы народной и о печатне», он встретил явное нерасположение духовного совета, и тот же еп. Попович весьма холодно спросил его, имеет ли он полномочие представлять на рассмотрение консистории такой вопрос. Пораженный неожиданным приемом, Духнович ответил: «Я вверительных грамот не имею, так как я не считал, что таковые мне будут необходимы. Между тем, я здесь известен, прихожу не из Америки, здесь при этом святом престоле был нотарием на протяжении шести лет . . . Впрочем, если бы пославшие меня предполагали, что мне нужны будут в этом месте вверительные грамоты, таковые мне написали бы». «Нет, нет, здесь никто не может ничего предлагать, если не имеет на это полномочия», — резко оборвал его епископ. Напрасно Духнович пытался доказывать, что то, что он предлагает, есть «дело общее, национальное». Его больше не хотели слушать, и, ничего не добившись, он уехал из Ужгорода. После его отъезда в Ужгороде, по рассказу самого Духновича, произошло следующее: в Цегольнянскую парафию, где он останавливался, ворвались жандармы, «вооруженны кречучи, чтоб име выдать якогость бунтовщика, возмутителя каноника Духновича, и не выследив того по целом городе разбежались, искаючи баламутника, агитатора русского и российского пропагандиста. Начальник столичный Янке сей час писал чиновное послание на епископа Поповича, чтоб выдал каноника Диновича, но епископ ответил, что он Диновича каноника не познает и что под тем именем у него никто не был. Так повадилися со мной в Ужгороде, — с горечью заключает свой рассказ Духнович, — и мои намерения в пользу народа мадыярами, больше же рускими мадыяронами так были возданы. . .».¹⁶⁴

Такое отношение консистории и властей к Духновичу было вызвано тем, что к этому времени австрийское правительство, расправившееся с революционными силами в Венгрии, не считало более нужным «покровительствовать» славянским народам и решило положить конец всяким «автономистским мечтам» национальных деятелей Закарпатской Руси. Усмотрев в национально-культурном развитии Закарпатской Руси «русскую опасность», австрийское правительство вошло в соглашение с господствующими классами Венгрии и начало оказывать содействие новому наступлению мадыяризма в Закарпатье. Это наступление выразилось прежде всего в преследовании деятелей национального возрождения Закарпатской Руси. Когда Духнович пытался добиться осуществления своего плана основания русской типографии, он не знал, что епископ Попович находится под полицейским надзором и что мадыярские и немецкие жандармы следят и за каждым его, Духновича, шагом. Целая кампания по обвинению в «русифильстве» предпринимается и против Добрянского. Считая его деятельность в Угорской Руси «опасной», правительство переводит его в Шарыш в качестве королевского комиссара по расследованию злоупотреблений чиновников.

Твердо решив снова подчинить своему господству Закарпатскую Русь, венгерское правительство принимает все меры к тому, чтобы покончить

¹⁶⁴ «Записка Александра Духновича от года 1861». — И. Свенцицкий. Материалы. . . , т. II, стр. 119—121.

со всеми теми «свободами», которыми пользовалась эта область после 1848—1849 гг. Правительственная венгерская газета «Magyar Hirlap» из номера в номер печатает статьи о «своеволии русин», требуя, чтобы из Закарпатья был изгнан «русский дух». Общественные деятели Закарпатской Руси, в свою очередь, ведут борьбу против мадьяризации. Так, когда в «Magyar Hirlap» (в № 113 за 1850 г.) появились резкие высказывания по поводу того, что в Ужгородской гимназии преподавание ведется на русском языке, что Ужанский округ разделен на три русских и одну мадьярскую часть и что 12 русских чиновников занимают должности в местной администрации, то против этих нападок выступил Духнович. Он указывал на то, что до недавнего времени русинские дети должны были обучаться в гимназии на чужом мадьярском языке, хотя русская часть Ужанского округа высылала в гимназию 300 детей, а мадьяры 5—10, что русин в этом округе 100 тысяч, а мадьяр и словаков не более 35 тысяч, и, несмотря на такую численную разницу, в Ужанском округе до сих пор служат 28 мадьярских чиновников.¹⁶⁵

Но силы были неравны, и интеллигенции Закарпатской Руси трудно было противодействовать усилившемуся наступлению мадьяризма, поддерживаемого теперь и австрийским правительством. Одна за другой отбирались у Закарпатской Руси те уступки, которые были предоставлены ей тогда, когда австрийское правительство искало поддержки у славянских народов в борьбе против Венгрии. В 1851 г., по настоянию сатмарского католического епископа, преподавание в Ужгородской гимназии вновь было переведено на венгерский язык. В искоренении всего русского особенно старателен был пряшевский епископ Иосиф Гаганец. В Вену посылались доносы о том, что угрорусские священники, писатели и «вообще все образованные» тянутся к России, находятся в тайных сношениях с русским правительством, готовят присоединение Угорской Руси к России.¹⁶⁶

Видя угрозу лишения украинского народа Закарпатья даже тех незначительных уступок, которые были предоставлены ему после обнародования мартовской конституции, общественные деятели Закарпатской Руси предпринимают попытки воспрепятствовать этому.

Весной 1852 г. в Будапеште стало известно, что на Ужанской Верховине среди населения собираются подписи под новым меморандумом, составленным на имя австрийского монарха, и что в этом меморандуме содержится протест против усиливающейся мадьяризации и изложены требования расширения национальных прав «русин».

Наджупану Ужгородской жупы было приказано расследовать этот донос, причем рекомендовалось принять во внимание, что по имеющимся в будапештском наместничестве сведениям, инициаторами этой петиции являются Адольф Добрянский и священник из Туры — Пасики Гомичко.

Наджупан обратился к заместителю начальника Березнянского округа — Иосифу Токарю и к католическому священнику в Великом Березном — Антонию Паппу, поручая им узнать из верных источников — есть ли такая петиция, кто ее автор, какое она получила распространение и какова во всем этом роль Добрянского.¹⁶⁷

¹⁶⁵ «Вестник для Русин Австрийской державы», 1850, № 55.

¹⁶⁶ «Угорская Русь», Перемышль, 1914, стр. 29.

¹⁶⁷ Закарпатский Облгосархив, ф. Презид. Ужгородской жупы, 1852, № 69.

Первым прислал донесение Токар. Он сообщал, что на Верховине действительно собирают подписи под петицией, в которой содержатся жалобы на то, что русский народ Закарпатья попрежнему остался угнетенным, и выражается требование, чтобы русский язык стал официальным не только в Ужанском округе, но и во всех других округах, где живут русины; чтобы чиновниками в администрации были русские, так как русское население имеет доверие только к ним, и назначались из лиц, заканчивающих русскую академию, которая должна быть создана в Ужгороде на государственные средства; чтобы на русском языке издавались все официальные объявления и чтобы население могло пользоваться русским языком при обращении в органы управления. Далее Токар сообщал, что данная петиция составлена русским духовенством и инициатором ее является священник Юрий Гомичко. На вопрос же о причастности к этому делу Добрянского, Токар отвечал, что у него нет сведений, так как русское духовенство держит это втайне, однако он предполагает, что влияние Добрянского возможно, так как Гомичко известен как одно из близких Добрянскому лиц и находится с ним в постоянной переписке. Вместе с тем Токар обращал внимание надзупана на то, что русское духовенство Угорской Руси ведет агитацию в народе, стремясь добиться для русин таких прав, какие имеют другие народы империи. Следы такой агитации очень заметны, и если правительство не примет решительных мер, то движение это может приобрести грозные формы и окончиться взрывом. Сейчас, правда, движение это несколько утихает, так как «главный деятель» (имеется в виду А. Добрянский. — И. М.) не живет теперь в этой местности и оставил после себя только «деморализацию», однако «пламя его деятельности не угасло, и нет надежды, что угаснет совсем». В Березнянском округе все чиновники, кроме двух, русины, да и те оба имеют сношение с народом и управляют «по-русски».

Свое донесение Токар заканчивает предложением, чтобы «элементы», которые «среди народа делают всякие пакости», были из округа удалены и чтобы это прежде всего было сделано по отношению к Ю. Гомичко.¹⁶⁸

В Березнянский округ прибыли жандармы, которые и произвели обыски у Ю. Гомичка и других лиц, причастных к составлению петиций. К компрометирующему материалу была причислена и вся найденная у Гомичко переписка с А. Добрянским.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что, хотя многие из руководителей национального движения Закарпатской Руси уже имели возможность убедиться в том, что мартовская конституция была только дипломатическим приемом австрийского правительства, с помощью которого Габсбурги обманули славянские народы, представив себя в роли защитника их национальных прав, — все же они, даже спустя несколько лет после событий 1848—1849 гг., не смогли освободиться от иллюзий, что из Вены, от Австрийской монархии, следует ждать реформ, которые могут коренным образом изменить условия национального существования Закарпатской Руси.

Прошло еще немного времени, и для этих деятелей стало очевидным, насколько коварной была вся политика Габсбургов по отношению к славянским народам Австрийской империи.

С наступлением «баховского абсолютизма» Венгрия, как писал в Россию в 1871 г. видный деятель национального возрождения Закарпатской Руси

¹⁶⁸ М. Лелекач. Нові причинки до політичної діяльності Адольфа Добрянського, стр. 161—163.

Матисов, превратилась в громадную канцелярию, переполненную немецкими бюрократами, в которой «жутко было каждому, у кого душа немного свободней шевелилась»; это был период, когда «всякая свободная мысль застывала на пути».¹⁶⁹

Известный писатель и этнограф Закарпатской Руси Андрей Дешко в середине XIX в. так писал о тяжелом положении родного края:

«Июд двойной властью, венгерской и австрийской, она [Закарпатская Русь. — И. М.] заключена в своих Карпатах, как бы отрешенная от мира; но у нее есть еще другие приятнейшие узы кровного родства с великим народом, которому принадлежит она не только по имени и языку, но и по своей любви к нему, составляющей одну из лучших стихий ее внутренней духовной жизни».¹⁷⁰

Сознание национальной общности с Россией, с русским и украинским народом всегда оказывало большое моральное влияние на украинское население Закарпатья, усиливало его сопротивляемость чужеземному национальному гнету. И когда в середине XIX в. в Закарпатье начало развиваться национально-освободительное движение, направленное против жестокой политики мадьяризации, проводимой венгерскими господствующими классами, будители — деятели этого национального движения — эту общность Закарпатской Руси с Россией, национальное родство закарпатских украинцев с русским и украинским народом, с славянами, живущими на восток от Карпат, сделали знаменем своей борьбы. Духнович, Добрянский, Раковский, Павлович и другие будители мечтали о воссоединении славянских народов, составлявших когда-то единую Киевскую Русь. Русских, украинцев и белоруссов они объединяли в общее понятие русского народа, видя только «племенные различия» между ними. Своей деятельностью они способствовали укреплению стремления закарпатских украинцев освободиться от национального гнета. Такое освобождение украинское население Закарпатья видело в воссоединении с остальным украинским и русским народом, в присоединении к России. С этим стремлением к воссоединению, проходящим красной нитью через всю многовековую историю закарпато-украинского народа, связаны были его надежды на освобождение от социального угнетения.

Буржуазная революция, вспыхнувшая в Венгрии в 1848 г., имела большое значение и для Закарпатской Украины, являвшейся тогда частью Венгрии. Революция уничтожила основы феодального строя, и крестьянские массы Закарпатья вместе с венгерским крестьянством были освобождены от феодально-крепостнической зависимости. В 1848 г. в Венгрии борьба за освобождение от ига крепостничества слилась с борьбой венгерского народа за национальную независимость, против ненавистной Габсбургской монархии. Революционное национально-освободительное движение венгров оказало сильное влияние на развитие национального самосознания, на усиление борьбы за национальное освобождение и в Закарпатской Руси. Борясь вместе с венгерским народом против общего угнетателя — Габсбургов, украинское население Закарпатья стремилось освободиться и от угнетения со стороны мадьярских господ. Однако этому стремлению закарпатских украинцев к национальному освобождению сильно препятствовали действия венгерского пра-

¹⁶⁹ М а т и с о в. Движение народной жизни в Угорской Руси. — «Беседа», 1871. кн. VI, стр. 240.

¹⁷⁰ «Киевская старина», 1887, т XIX, стр. 548.

вительства, не желавшего считаться с национальными стремлениями немадьярских народов, живших в Венгрии. Венгерские революционеры 1848 г. не понимали, что нельзя было создать свободную Венгрию, не отказавшись от угнетения других народов. В этом сказалась классовая ограниченность вождей венгерской революции, буржуазный характер венгерского революционного национально-освободительного движения.

Эта слабая сторона венгерской революции была использована ее врагом — Австрийской монархией, действовавшей согласно старому принципу: «разделяй и властвуй». Национальные устремления закарпатских украинцев, так же как и других славянских народов, живших в Австрии и Венгрии, были использованы венским двором для борьбы против революции. В Закарпатской Руси осуществление такого плана венского двора было облегчено тем, что во главе национального движения здесь оказались политические деятели типа Добрянского, Духновича, чуждые революционным идеям и верно служившие Габсбургам, веря в то, что они предоставят национальную свободу славянским народам.

Появление в 1849 г. русских войск в Закарпатье способствовало развитию национального самосознания жившего здесь украинского населения. И хотя войска царской России появились за Карпатами не с освободительной миссией, а были присланы Николаем I для подавления венгерской революции, все-таки, вопреки планам и желаниям самодержавия, появление русской армии усилило национально-освободительное движение в Закарпатье.

Отмена крепостничества, создание более благоприятных условий для развития буржуазных отношений, капиталистических порядков, с одной стороны, и развитие национально-освободительного движения, с другой стороны, — таковы главные результаты революции 1848 г. для Закарпатья.

С. С. Советов

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКЕ ПОЛЬСКИХ САТИРИЧЕСКИХ ПОЭМ В XVIII ВЕКЕ

I

Невольно возникает вопрос, почему я остановился именно на изучении жанра и языка сатирических поэм, написанных в такую отдаленную от нас эпоху, как XVIII век? Это объясняется прежде всего неразработанностью данного вопроса, отсутствием даже постановки вопроса о языке героико-комических поэм. Мне казалось, что, разбираясь в материалах столь интересного по своему содержанию века, я смог бы принести в этой области хоть маленькую, но самостоятельную лепту литературной и языковедной науке. Это во-первых. Во-вторых, мне сразу бросилось в глаза, что как сам литературный жанр, так и язык этого жанра являются в польской литературе одним из ярких видов прогрессивного сатирического направления, столь характерного для польской «эпохи просвещения». Характеристика и анализ сатирической поэмы как литературного жанра на фоне социально-экономических, культурно-бытовых и идеологических сдвигов в польском обществе XVIII в. будут мною даны в следующей статье под названием: «Социально-художественная характеристика сатирической поэмы в Польше во второй половине XVIII в.». В данной же статье я касаюсь только частного вопроса: какую положительную роль сыграла сатирическая поэма в борьбе с отдельными латинизмами и макаронизмами за национальность и демократизм польской литературной речи. Героико-комические поэмы и язык этих поэм являлись одной из интереснейших страниц в книге культурно-исторического наследия прошлых эпох. С точки зрения языковой этот жанр представлял особый интерес. Совершенно правильно проф. Булаховский во вступительной статье к своим «Историческим комментариям к литературному русскому языку» (1937), говоря о русском литературном языке XVIII в., делает следующее указание: «При охране и заботе об отборочном в художественных жанрах, обслуживающих классовые позиции верхов (ода, героическая поэма и под.), лексике бытовой, просторечию и даже выражениям грубым был открыт широкий путь в течение всего XVIII в. в жанрах полемических, юмористических и так или иначе сближавшихся с ними. Эти же жанры сообщали уже в «ломоносовский» период языку ту близость к разговорной речи, которая расшатывала чужеземную рамку его традиционного синтаксиса»

(стр. 37). К этим жанрам Булаховский относит и жанр героико-комических поэм.

К сожалению, русские слависты не занимались специально вопросами исследования языка этих героико-комических поэм. Только отдельные отрывочные фактологические замечания по этому вопросу можно найти в общих работах по истории польского литературного языка и в ряде других работ, посвященных специально изучению литературного языка XVI—XVIII вв. Между тем этот период во второй половине XVIII в. является переломным периодом в истории развития польского литературного языка и поэтому уже с этой стороны вызывает к себе значительный интерес. Русский славист А. М. Селищев в наше время охарактеризовал этот период следующими словами: «Во второй половине XVIII в. происходит языковая реформа. Польская литература этого времени формируется под сильным воздействием литературы французского классицизма. Польские классики отбросили макаронизмы и риторический хлам языка предшествующего времени. Стремление к изяществу формы, к тщательной и тонкой шлифовке каждой фразы характеризует польские произведения и язык этого времени. Таковы произведения Игн. Красицкого (1735—1801), Ад. Нарушевича (1733—1796)».¹ А польский ученый Стан. Слоньский отмечает, что «литературный язык в произведениях Трембецкого и Красицкого получает свой прежний блеск и преимущество над иностранным, французским. Всё большее биение политической жизни, борьба за реформу возвращает польскому языку принадлежавшую ему роль в общественной и полигической жизни».² Как мы увидим далее, это действительно так и есть. Характерным лейтмотивом во всем этом историко-культурном движении являлась борьба за польский национальный литературный язык, та борьба, которая нам напоминает эпоху польского возрождения в XVI в., эпоху Николая Рэя, Яна Кохановского, Луки Гурицкого и др., когда впервые формировался и выкристаллизовывался польский литературный язык.

В этом отношении чрезвычайно характерны высказывания самих литературных и общественных деятелей XVIII в. Так, например, журнал «Монитор» не раз затрагивал на своих страницах устами своих корреспондентов (1765, № 10, стр. 79; 1766, № 57, стр. 427, 441—442; 1767, № 76, стр. 662 и др.) тему о национальном языке. В одном из номеров этого журнала мы читаем: «Пусть говорят, что хотя . . . языка моего неприятели . . . Почет и слава идущего к совершенству народа всегда зависели от заботы и распространения [расширения] родной речи».³ А Игнатий Красицкий в романе «Приключения Николая Досвядчинского» устами добродетельного и мудрого старца Ксао — одного из главных представителей общества «нипуанцев», живших на уединенном острове, — высказывал следующие мысли об изучении родного языка: «Пренебрежение страны и родного языка означает легкомыслие разума и ложное [несправедливое] сердце. Вы сами повинны в том, что развиваете эти скверные и даже

¹ А. М. Селищев. Славянское языкознание, т. I. Западнославянские языки. М., 1941, стр. 293.

² St an. S ł o Ń s k i. Historia języka polskiego w zarysie. Lwów—Warszawa, 1934, s. 158.

³ «Niechaj co chcą mówią. . . języka mojego nieprzyjaciele, . . . zaszczyt i sława wzbijające się w doskonałość narodu zawdy od kształcenia i rozszerzania rodowitej mowy zawisła». (Nadołski Bronisław. Epoka stanisławowska wobec polskiego) Renesansu. — «Pamiętnik Literacki», Lwów, 1936, Rocznik XXVIII, zeszyt 2, s. 448).

вредные впечатления. Вы отбрасываете свой язык, а своим детям приказываете как можно старательнее изучать иностранные; не заботитесь о знании своей истории, заставляете молодежь как необходимость изучать то, что делается за границей. Каков же вывод из этого? Ребенок, видя, что свой язык не дает знания, а иностранные языки его приносят, считает их поэтому лучшими».⁴

Тот же Красицкий был тесно связан с журналом «Монитор», был автором многочисленных статей, помещенных в этом журнале; он не раз затрагивал на его страницах вопрос о культуре польской речи. В опубликованных проф. Людвигом Бернацким рукописных материалах из богатейшего архива Красицкого имеется любопытная надпись, сделанная лично самим Красицким в одной из его записных книжек, касающихся тематики «Монитора». Эта запись, являющаяся темой статьи, гласит следующее: «Пренебрежение родным языком». Проф. Бернацкий связывает эту надпись со статьей, помещенной в журнале «Монитор» за 1765 г. № 10, стр. 79, где мы, между прочим, читаем: «Это испытывает на себе наш польский язык, некогда богатый, в настоящее время пренебреженный и находящийся в последнем притеснении».⁵ К этому замечанию Красицкого относятся следующие слова из его же статьи, помещенной в «Мониторе» за 1766 г. в № 57, на стр. 441—442: «Мне придется еще раз напомнить о том, к чему я уже давно призывал: не будем стыдиться нашего языка».⁶

Далее, такой виднейший литературно-общественный и политический деятель, представитель польского классицизма, как Францишек Ксаверий Дмоховский, автор поэтического произведения «Искусство стихотворчества» («Sztuka rymotwórcza»), где он канонизировал законы классической поэтики, писал о языке: «Польская речь является ближе всего к славянскому источнику, больше всего сохранила в себе красочность и великолепие и ту плавную и звучащую полноту, которая является прелестью мужественной речи. [Польскую речь] . . . выработал и усовершенствовал, придав ей латинское течение, польский народ, издавна свободный, мудрый, могучий. Она несколько не изменилась в течение трех ближайших столетий. Она была в полной силе, когда среди других прославленный французский язык полтора века позднее только впервые начал сокрушать цепи [узы] варварской и почти в настоящее время непонятной речи предков. Однако же, кроме некоторых слов, забытых по недосмотру [оплошности], язык Гурницких, Кохановских, Скаргов является не только языком, но и чистейшим его образцом».⁷ Соратник Дмоховского по перу, классик,

⁴ «Wzgarda kraju i języka własnego znaczy lekkość umysłu i serce nieprawe. Tym niegodziwym i szkodliwym nader impresijom winniście sami. Porzucacie swój język, a każecie się dzieciom uczyć jak najpilniej cudzych; zaniebdyacie wiadomości własnych dziejów, a przymuszacie młodzież, żeby koniecznie wiedziała co się działo za granicą. Cóż stąd za konsekwencya? Oto ta: dziecię widząc, iż własny język nie wyciąga nauki, a cudze potrzebują, mniema je być lepszymi». Ignacy Krasicki. Mikołaja Doswiadczyńskiego przypadki, ks. II, rozdz. 5 («Biblioteka Narodowa», serja I, № 41, Kraków, 1929, s. 81).

⁵ «Doznaje tego na sobie nasz język polski niegdyś obfity, dziś wzgardzony i w ostatnim obarczeniu». L. Bernacki. Materiały do życiorysu i twórczości Ignacego Krasickiego, cz. II. («Pamiętnik Literacki», 1933, rocznik XXX, zes. 1, s. 109).

⁶ «Niech mi się godzi jeszcze raz powtórzyć, com dawniej namienił: nie wstydzmy się języka naszego». — Ludwik Bernacki, s. 114.

⁷ «Mowa polska słowiańskiego źródła najbliższa, najwięcej zachowała w sobie ozdoby i wspaniałości, najwięcej tejpłynnej, tejbzmiającej pełności, która jest wdziękiem męskiej wymowy. Wyrobił wydoskonił się, dał jej tok łańciski naród polski, zdawna wolny,

придворный поэт, Адам Нарушевич, печалился над тем, что «мы не раб от а е м н а д я з ы к о м, предоставляя его на волю мужикам и челяди».⁸

Таким образом, все приведенные нами высказывания говорят о том факте, что польский язык, главным образом в период первых разделов Польши, по мнению самих деятелей этой эпохи, является практически-необходимым орудием в борьбе за национальное самосознание польского народа, за сохранение его национальной независимости, и именно в тот момент, когда Польше угрожало полное порабощение со стороны мировых держав. Поэтому-то в ряде таких высказываний проявляется одна характерная тенденция: поставить польский язык наравне с другими иностранными языками, и даже более того, показать преимущество польского языка перед другими языками, вырвав его из сетей латинского влияния и освободив его от того пренебрежения, с каким относились к нему некоторые слои высшего шляхетского общества, предпочитавшие западноевропейские языки, главным образом французский, своей родной польской речи. Благодаря этому, по мнению передовых дворянских и буржуазных литературных и общественных деятелей, в период борьбы за «политические реформы» открывался новый путь к дальнейшему развитию родного языка, который в свое время, еще в эпоху Кюхановского, звучал в полной своей силе и играл всеми цветами радуги, являясь национальной гордостью своего народа.

II

Вторая половина XVII и первая четверть XVIII в. являлись периодом упадка в развитии польского литературного языка в связи с общим застоєм как в области экономики, так и в области политики. Дело воспитания и образования молодежи находилось исключительно в руках иезуитов. Латинский язык снова берет преимущество над польским языком, а отсюда целый поток латинизмов внедряется в польскую речь.

Проф. А. М. Селищев совершенно правильно отмечает, что «литературный язык того времени весьма беднеет в своих средствах, в особенности язык прозы . . . Из литературных форм наибольшим спросом пользовались псевдоклассические панегирики».⁹ Искусственный набор слов «высокого стиля», смешение польских выражений с латинскими, излюбленные метафорические сравнения, превратившиеся в определенный трафарет, различного рода гиперболы, тяжелая, запутанная синтаксическая конструкция на латинский манер — вот характерные языковые и стилистические черты этого вида литературных произведений, которые так остро высмеивались впоследствии Каетаном Венгерским в его мелких произве-

---

uczony, potężny. Nic się ona nie zmieniła od trzech blisko wieków. Stanęła w swojej porze, kiedy między innemi sławny język francuski półtora wieku później kruszyć dopiero począł pęta barbarzyńskiej i prawie dziś sobie niezrozumiałej przodków mowy. Wszak prócz słów niektórych zaniedbanem zatarłych, język Górnickich, Kochanowskich, Skargów jest nie tylko językiem, lecz najczyściejszym jego wzorem. — К этому можно присоединить и высказывание Т. К. Венгерского о языке: «. . . Всюду распространяется остроумный промысел [ремесло], расцветает родной язык, и благодаря раскрытию спрятанных в ученой древности богатств, звучит еще прекраснее, чем раньше, в речах, в посланиях, стихах и других произведениях, короче говоря, начинает бороться за первенство с иностранным языком». — Т. К. Węgierski. Pisma wierszem i prozą («Biblioteka klasyków polskich», VI. Lwów, 1882, s. 125).

⁸ Bronisław Nadolski. Epoka stanisławowska wobec polskiego renesansu «Pamiętnik Literacki», 1936, rocznik XXXIII, zes. 2, s. 447—450).

⁹ А. М. Селищев. Ук. соч., стр. 290—292.

дениях, а Игнатием Красицким — в сатирических поэмах: «Мышеида» и «Война монахов». Последний в своем романе «Пан Подстоли», рисуя образ «добродетельного» сельского священника (Плебана), писал: «Жсендз Плебан перед парафиальной обедней вступил на амвон, и мне показалось, что я слышу одного из древних церковных отцов; так его поучения были совершенны, способ говорения сладок, осанка приветлива, звук голоса приятен, жесты и движения живы и серьезны. Глубоко убежденный в том, что его проповедь является изложением божественных законов, он не кидался в разные стороны по амвону на манер комедиантов, не оглушал слушателей пронзительным криком, не стрелял глазами во все стороны. Вместо Филиппов Македонских и Альфонсов Арагонских, только одни тексты святого писания звучали в его устах».¹⁰ Этот отрывок любопытен именно с той точки зрения, что он совершенно откровенно высмеивает тип церковного оратора-проповедника, который, бия себя в грудь «на манер комедианта», говорил на латино-польском языке, непонятном для широких слоев польского народа. Писатель противопоставлял этому типу простого сельского священника, способ говорения которого был прост и приятен для слушателей.

Не только в церковной жизни, но и в светской (на сеймах, на суде, в собраниях) этот высмеиваемый тип ораторов был крайне распространен в описываемый нами период. Эти ораторы создавали особый стиль языка, который был весьма далек от языка широких масс шляхетства и мещанства, не говоря уже о крестьянстве, которое видело в таком ораторе просто-напросто чужеземца. Польская наука о языке не создала за этот период ничего оригинального и серьезного. Всё внимание было сосредоточено на изучении различных видов красноречия, которое шло по линии усвоения старых правил латинского церковно-ораторского языка, распространенного среди иезуитов. А если и была какая-нибудь потребность в польском языке как языке национальном, то он являлся только как бы придатком к изучению латинского языка.

Только начиная со «школьной реформы» Станислава Конарского и по мере роста национального самосознания в известных передовых кругах реформирующейся части шляхетского общества появилась потребность в создании новой польской грамматики уже на польском языке. Снова наблюдается значительный интерес к вопросу о развитии и изучении национального языка, интерес, о котором мы говорили вначале.

III

Едва ли не самым актуальным для того времени был вопрос об отношении польских «просветителей» XVIII в. к книжному латинскому языку и борьба с макаронизмами в польском литературном языке второй половины XVIII в. Этот книжно-церковный и научный феодальный язык, выступивший в лице средневековой латыни,

¹⁰ «Przed mszą parafjalną wstąpił na ambone, sam Ks. Pleban, i zdało mi się słyszeć jednego z owych dawnych ojców kościelnych, tak nauki jego były doskonałe, sposób mówienia słodki, postać ułożona, dźwięk głosu wdzięczny, akcja żywa i poważna. Przedświadczoney gruntownie, iż boskie wyroki opowiada, nie rzucił się po ambonie sposobem komedjańskim, nie głuszył słuchaczy przeraźliwym krzykiem, nie rzucił oczami na wszystkie strony. Zamiast Filipów Macedońskich i Alfonsów Arragońskich same tylko teksta pisma świętego brzmiały w jego ustach». — Ign. Krasicki. Pan Podstoli, cz. I, ks. I. rozdz. 7 («Biblioteka Narodowa», serja 1, № 101, Kraków, 1927, s. 23—24).

являвшейся господствующим языком в иезуитских школах, в особенности в течение последних ста лет, стремился закабалить и обескровить польский национальный литературный язык, сделав его совершенно непонятным и недоступным не только для широких масс польского народа, но даже для образованных его слоев. Поэтому-то, в связи с разложением феодальных общественных отношений внутри страны и с зарождением новых капиталистических тенденций, вызывавших рост национального самосознания и стремление к проведению политических реформ, под несомненным влиянием нарождающейся молодой национальной буржуазной идеологии, явилась первоочередная задача — вырвать из плена латинского влияния родную польскую речь, влить в нее свежую струю народного языка и тем самым противопоставить старому книжно-риторическому церковному латинскому языку польский литературный язык, приблизив его к более широким слоям польской общественности, как к шляхетским, так и к мещанским.

Оторванность латинского языка от польских масс сказывалась еще и в XVII в. Это видно из того, что уже тогда — в период господства католической реакции, вожжами которой были иезуиты, — в низших классах изучение латинского языка постоянно и систематически происходило на основе изучения польского языка как в области грамматики, так и в области стиля и даже чтения избранных текстов Цицерона. Учитель латинского языка должен был знать в совершенстве и польский язык; он должен был всегда иметь в запасе на каждую латинскую грамматическую форму соответствующую польскую; он должен был исправлять польский письменный перевод в отношении стиля и орфографии, а при чтении давать сперва содержание отрывка по-польски, обрабатывая перевод его вначале дословно, потом уже согласно строю польского языка. Такой характер носило изучение польского языка в низших классах иезуитской коллегии, а в высших классах почти вся школьная работа заключалась в конкретном изучении польской поэтики, стилистики и красноречия.¹¹

Начиная со второй половины XVIII в. уже ясно наметилась тенденция к замене латинских слов и выражений польскими.

Проф. А. Брюкнер в «Истории польского языка» пишет, что «в конце XVIII в. заменяли латинские слова польскими новообразованиями. Это происходило, главным образом, в последнее и предпоследнее десятилетие, вначале неумело и осторожно: писатель ставит латинское слово в кавычки, а свое польское в скобки . . .¹² Брали старые слова и придавали им новое значение, например, слово «posiedzenia» употребляли издавна в значении «zabawy, wizyty», т. е. «увеселительные собрания»;¹³ теперь же, в период работ Четырехлетнего сейма, оно было употреблено впервые в значении

¹¹ Ryszard Skulski. Z dziejów polonistyki lwowskiej. («Pamiętnik Literacki», 1936, rocznik XXXIII, zes. 3, Lwów, s. 547).

¹² Ср. с этим явлением и прием дублирования иностранных слов, происходивший в России еще в петровскую эпоху, где «рядом с иностранным словом стоит его старорусский синоним или новое лексическое определение, замкнутое в скобки, а иногда просто присоединенное посредством пояснительного союза или (даже союза и)». — В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, стр. 60.

¹³ Напр., у Красицкого в романе «Pan Podstoli» мы читаем: «Powszechny odgłos twierdził go być w przyjaźni stałym, w *posiedzeniu* uprzejmym, obywatelem dobrym. . .» (т. е. «Всеобщий голос утверждал, что он [Скарбник] являлся постоянным в дружбе, радушным [приветливым] в обществе [в собрании], хорошим гражданином. . .»). — Ign. Krasicki. «Pan Podstoli», cz. II, ks. I, rozdz. 10. (Bibl. Narod., serja I, № 101. Kraków, 1927, s. 147—148).

«заседания», вместо латинского «sesja». Еще чаще переводили просто латинский термин на польский. Правда, и в данном случае дело происходило не без протестов. Такой грамматист и большой знаток языка, как Копчиньский, в свое время сердился за новообразованное польское слово «przedstawiania» («предъявления», «донесения», «сообщения» или «театральные представления»), вместо латинского «prezentowania»; за слово «wnikanie» («проникновение») и т. п. слова. Тогда же впервые были употреблены, вместо существовавших латинских слов и такие польские слова, как «przedmiot» («objekt»), «podmiot», известное ранее в значении «podrzutek» «fałsz» (т. е. «подкидыш», «обман», «подлог»); ныне с теми же значениями и, кроме того, еще с новым отвлеченным значением: «человек», «лицо», вместо латинского «subjekt» (отсюда в грамматическом значении «подлежащее»); «przymiot», ранее со значением «choroba zaraźliwa» (т. е. «заразная болезнь»), ныне с новым значением: «качество», «достоинство», «свойство», «атрибут» (отсюда в грамматическом значении «przymiotnik» — «имя прилагательное») и др.¹⁴ Ключевский рекомендовал в своей «Грамматике» заменять латинские слова польскими, как, например, : «historja» — словом «powieść»,¹⁵ «lekcja» — «czytanie», «sesja» — «zasiadanie», «infirmierja» — «niemocnica» («больница», «дом призрения» при монастырях), «geograf» — «ziemiopis», «astronom» — «gwiazdopis», «astrolog» — «gwiazdomistrz» или «gwiazdowidz», «poeta» — «wierszopis» и «basnopis» или «basnosłów», «basnomówca» и т. д.¹⁶ Еще в свое время (XVI в.) историк Кроммер проводил в некоторых случаях эту тенденцию замены латинских слов польскими. Так, например, в первых двух своих «диалогах» он называет «костел» «pospolitym» (всеобщим), но в III диалоге пишет, что мы зовем костел «świętym, pospolitym» или лучше «powszechnym» (т. е. «всеобщим»), поскольку костел является «po wszech ziemiach, narodziech, językach, staniach wszech wieków zgromadzonych, a dla tego je zowiemy catholicam, to jest powszechny». Хербурт, Вуек, Петр Скарга приняли это слово, и отсюда оно вошло в общее употребление.¹⁷ В связи с этим интересно будет отметить и обратный случай, имевший место в том же XVI в., когда общеизвестное понятие стремились обозначить латинским словом, как словом «высокого стиля» в противоположность более «низкому» польскому национальному слову. Так, например, Рэй с Ожеховским называют понятие «ojczyzna» («родина») словом «patria», и даже сам Гурницкий пишет, что «лучше сделает тот, кто, говоря о Польше, скажет «patria moja»

¹⁴ A. I. Brückner. Dzieje języka polskiego. Lwów, 1913. — Ср. Jan Łoś. Krótka gramatyka historyczna języka polskiego. Lwów, 1927 [V том из серии: «Lwowska Biblioteka ślawistyczna»], s. 253—254; S. Łoński. Historia języka polskiego w zarysie. Lwów — Warszawa, 1934, s. 158.

¹⁵ См. у Красицкого, как это слово принимает различные семантические оттенки: «A najprzód przypominam sobie powieść ojca mego: bądź poszanowania godnym, a będziesz poszanowany». («А прежде всего припоминаю поговорку отца моего: «будь достоин уважения, и тебя будут уважать») — «Pan Podstoli», cz. II, ks. III, rozdz. 5. — «Zdała mi się być osobliwa ta powieść. . .» («Мне показалось странным это высказывание и [рассуждение]). — «Pan Podstoli», cz. I, ks. II, rozdz. 1). — «Так прежде бывало, lub nie бывало — jest powieśćią, ale nie racją» («Так прежде бывало или не бывало — является болтовней [словами], а не основанием [причиной]. «Pan Podstoli», cz. I, ks. III, rozdz. 7). — «Wiadomość historii kraju swojego pożyteczna jest. . . wierne powieści podają następującym pokoleniom żywe i dokładne wyobrazenie tego wszystkiego, co się u nas stać mogło». («Знание и истории своей страны является крайне полезным. . . правдивые рассказы дают последующим поколениям живое и точное изображение всего того, что и у нас могло бы быть»). — «Mikołaja Doświadczuńskiego przyradki», ks. II, rozdz. 5).

¹⁶ Ryszard Skulski. Op. cit., s. 557.

¹⁷ Jan Łoś. Op. cit., s. 254—255.

нежели «ojczyzna moja»,¹⁸ потому что «ojczyzna» чаще означает то, что кому-либо его отец оставил змлю». Проф. Лось на основании слов Гурницкого этот факт поясняет от себя следующим образом: слово «ojczyzna» тогда имело повсюду принятое и установившееся значение, отвечающее современному слову «ojcowizna» («отцовское наследственное имущество», «вотчина»); поэтому предпочитали ввести в польский книжный язык иностранное слово, нежели придавать своему слову менее обычный оттенок значения, из опасения, что расширение значения польского слова может привести к недоразумениям.¹⁹ Конечно, надо признать, что проникновение латинского языка в польский оправдывалось исторически тем фактом, что еще в XV в., одновременно с основанием университета в Кракове и со значительным увеличением вследствие этого числа низших и средних школ, рождалось в Польше и выросло умственное движение, за которым не могло поспевать развитие национального языка. Поэтому ясно, что для новых понятий, касающихся различных областей науки и литературы, медицинской или юридической практики, а также и религиозных диспутов и агитационных церковных проповедей, брали главным образом слова латинские и немецкие, грубым образом приспособляя их к строю польской речи и грамматики.²⁰ Созданию многочисленных латинских макаронизмов, смешению польской речи с латинской способствовал и тот факт, что, как указывает Ян Лось, устные беседы обычно проводились на польском языке, хотя писали главным образом на латинском. Яков Паркошовиц свой трактат о польской орфографии также изложил на латинском языке, а неизвестный автор вступления к этому же трактату защищал на латинском языке законные требования, «чтобы польские паны по примеру других народов выражали свои мысли на соответственном языке» без опасения ошибки и, наконец, чтобы проповедники записывали свои проповеди по-латыни, но оглашали их на польском языке.²¹ Иезуитские школы и грамматика Альвара — вот те основные рассадники макаронизмов в польской речи XVII в., способствовавшие засорению латинской лексикой. Недаром Красицкий в своем романе «Pan Podstoli» с большой долей иронии вложил в уста пана Ловчего следующие слова: «Albo się i napijmy, kochany Panie sąsiedzie, — rzekł Pan Lowczy do Pana Podstolego po pierwszej potrawie («после первого кушанья») — *laetificat cor hominis* («веселит сердце человека» — (о вине); *jam nie wielki łacinnik, ale to podobno w Alwarze; niech tam sobie wreszcie będzie gdzie chce, ale to dobrze powiedziano*».²²

Даже такой писатель XVII в., как Ян Пасек, в своих «Воспоминаниях» («Pamiętnikach») все время переплетал польский язык с латинским. Проф. Брюкнер во «Вступительной статье» к изданию этих «Записок» пишет, что «Пасек настолько сильно испортил свой язык этой школьной риторикой, что перенес эту языковую мешанину из прозы в стихи, чего семнадцатый век не допускал в полном виде, сочиняя стихи на чисто-польском языке и только в прозу упорно вводил макаронизмы».²³ Вот маленький пример:

¹⁸ «Patria jest łacińskie słowo; moim zdaniem lepiej uczyni, kto mówiąc o Polsce, rzecze: *Patria* moja, niżli: *ojczyzna* moja, bo *ojczyzna* częściej się rozumie to, co gruntu komu ociec jego zostawił». — Ł u k a s z G ó r n i c k i. Dworzaniński. Dworzaniński polski. («Biblioteka Narodowa», serja 1, № 109, Kraków, 1928, s. 70).

¹⁹ Jan Łoś. Op. cit., s. 244—245.

²⁰ Там же, s. 245.

²¹ Там же, s. 245.

²² Ign. Krasicki. Pan Podstoli, cz. II, ks. II, rozdz. 9 (в том же издании).

²³ A. L. Brückner. Wstęp do wydania «Pamiętników» Paska. («Biblioteka Narodowa», serja 1, № 62, Kraków, 1928, s. XIV—XV).

«Prędko potym wojsko zaczęło się zabierać do związku. Od hetmanskiej dywizyej ustawicznie poselstwa, listy *inwitując ad societatum, proponując communem iniuriam et commune bonum* wojska. Nasza dywizya opierała się, bo przecię uważali wielkie stąd ojczyzny *detrimentum*», что означало дословно: «После этого войско приступило быстро к союзу. От гетманской дивизии беспрестанно [посылались] послы, письма, приглашающие к объединению, разъясняющие общую неправду и общее благополучие войска. Наша дивизия противилась, так как всё же полагали, что от этого для родины [может быть] большой вред».²⁴ Мы видим здесь наглядно, что этот маленький отрывок, хотя и написан польским писателем, все же мало чем отличается от обычного латинского текста уже по одной своей тяжелой синтаксической конструкции, несмотря даже на то, что в данном отрывке фразы состоят из коротких периодов, необычных для стиля Пасека. Из 32 слов, считая и предлоги, мы имеем 10 латинских слов. В связи с этим, мне кажется, правильно суждение проф. Лося, который отмечает; что «такое прибежание к макаронизмам объясняется только современною модою и желанием выразить придворным языком свою мысль, в то время как наибольшее количество этих слов с легкостью можно было бы заменить чисто польскими словами».²⁵ Поэтому-то неудивительно, что в связи с ростом национального самосознания в известных кругах польской общественности во второй половине XVIII в. почти всеми передовыми людьми, которые боролись за чистоту и ясность польского литературного языка, осуждалось, прежде всего, это никому не нужное и только мешавшее общему пониманию частое употребление латинских слов и фраз. Борьба с макаронизмами в этот период приобретала общественно-политический смысл и явилась победным знаменем своего времени в области языкового строительства; она исходила прежде всего из кругов передовой дворянской интеллигенции, вступившей на путь умеренно-буржуазных реформ в области экономики, политики, культуры и т. п., и молодой национальной буржуазии растущих в то время городов. Эта борьба могла осуждаться только людьми такого типа, каким был реакционно настроенный ксёндз Бенедикт Хмельёвский, написавший «Новые Афины».²⁶ Наоборот, такой просвещенный деятель XVIII в., каким был Францишек Богомолец — редактор журнала «Монитор», — в своих «Беседах о польском языке» главным образом выступал против макаронизмов, разбивая заранее все аргументы, какими смог бы защитить себя, по его словам, «уничтоженный сармат».²⁷ Точно так же резко осуждал эту старую языковую традицию и Влодек. А Копчинский сетовал даже, что Яну Кохановскому ошибочно приписывали макаронические стихи, набрасывая тем самым тень на чернолесского поэта.²⁸ Во главе этого движения стояла Народная эдукационная комиссия, производившая основательную реформу в деле обучения и воспитания молодежи и требовавшая замены латинского языка западноевропейскими языками.

²⁴ Jan Chryzostom Pasek. Pamiętniki. («Biblioteka Narodowa», serja 1, № 62, Kraków, 1928, s. 122).

²⁵ Jan Łoś. Op. cit., s. 244.

²⁶ К. Венгерский следующими словами охарактеризовал «Новые Афины» Бенедикта Хмельёвского: «Книжка полна географических ошибок, сказочных описаний, фальшивых сведений. Ее давали, однако, читать детям. Я вспоминаю, что она была частью моего обучения» (примечание к песне поэмы «Organu»).

²⁷ Bronisław Nadolski, Op. cit., s. 448.

²⁸ Там же, s. 449.

Однако было бы ошибочно полагать, что в этой борьбе за освобождение польской речи из-под влияния латинского языка ставился вопрос о полном изгнании этого языка из польских школ, о полном уничтожении его, хотя бы в области науки. Такие деятели, как Красицкий, Копчинский, тот же Влодек и многие авторы — сотрудники журнала «Монитор», вовсе не являлись противниками латинского языка в его чистом виде, того языка, на котором говорил Цицерон. Это видно, например, из высказываний Красицкого в романе «Pan Podstoli» и на страницах «Монитора». В первом случае устами самого Пана Подстоли, вопреки даже мнению Эдукационной комиссии, он говорит: «Плохо сделали те, кто, отбросивши латинский язык, захотели всё писать на родном языке... В поисках иных способов говорения [Красицкий имеет в виду в данном случае современные ему западноевропейские языки] забывают родной язык. Знающие много языков, не умеют ни на одном ни говорить, ни писать. Возьми, пан, современные наши сочинения и ты увидишь по большей части, что тот, кто их писал, привыкнувши к заграничной речи и чтению, свою же французскую мысль переложил на польский язык. Отсюда способ изложения является несвойственным [нашему языку], [появляются] дикие слова, ложная конструкция предложений, чуждый стиль. Каждый язык имеет свои права, имеет свои достоинства, имеет свое лицо. Кто не усвоил этого в достаточной мере, тот может хорошо мыслить, но не умеет изложить этих мыслей. Если после общего согласия народов, один язык был бы принят за язык науки, то народы эти возвысились бы вдвойне. Я не имею особой склонности [приверженности] ни к одному языку, но следовало бы вернуть латинский язык к его прежнему состоянию. Теперь я слышу, он начинает терять свое значение; тем хуже: плохой знак, когда наукою руководит мода».²⁹

Далее, в другом месте мы читаем запись, сделанную лично рукою самого Красицкого. Он пишет: «В деле воспитания у нас имеются большие ошибки. Между ними та, что целью воспитания мы делаем латинский язык. Какое-либо осуждение, относящееся к варваризмам в латинском языке, делает то, что мы плохо говорим по-латыни, так как, боясь этого поношения, мы не осмеливаемся говорить на этом языке...». В конце он делает приписку в виде вопроса: «Является ли полезным знание многих языков или нет?»³⁰ Мысли об изучении латинского языка, родственные по содержанию замечаниям Красицкого, можно найти и в статье некоего Водницкого в «Мо-

²⁹ «Źle zrobili ci, którzy, zarzuciwszy łacinę, wszystko rodowitym językiem pisać chcieli... Szukając inszych sposobów mówienia, ojczyzstego zaniiedbywają. Wielejęzyczni nie umieją żadnym dobrze i mówić i pisać. Weż W. Pan terazniejsze nasze pisma, znajdziesz po większej części że ten, który pisał, przyzwyczajony do zagranicznej mowy i czytelnictwa, myśl swoją fancuską po polsku przetłumaczył. Stąd sposoby wyrażenia nieprzyzwoity, słowa dzikie, konstrukcja fałszywa, styl cudzy. Każdy język ma swoje prawa, ma swoje przymioty, ma swoją właściwość. Kto się w niej dobrze nie ugruntuje, może dobrze myśleć, ale tych myśli objawić i wytłumaczyć nie będzie umiał. Gdyby za wspólną narodów zgodą jeden był język wybrany do nauk, wzniosłyby się w dwójnasób. Do żadnego się w szczególności nie przywiązuję, aleby się godziło przywrócić łaciński do dawnej posesji. Teraz, słyszę, zaczyna powczechnieć; tem gorzej: zły to znak, kiedy nauką moda rządzi» («Pan Podstoli», cz. I, ks. I, rozdz. 5).

³⁰ «W edukacji u nas defecta wielorakiesą — Między innemi ten, iż celem wychowania czyniemy język łaciński — Przywiązana jakaś ochyda do barbaryzmu w języku łacińskim sprawia to, iż po łacinie źle mówimy, bojąc się ahowiem tej hańby, nie ośmielamy się mówić tym językiem». — «Wielość umiejętności języków czy pożyteczna czy nie? ...»

ниторе» за 1766 г. в № 101, на стр. 785, где говорится: «Мне кажется, что необходимо было бы уменьшить некоторым образом осуждение и посрамление солецизмов, как обычно называют в школах ошибки, совершенные против грамматики, так как сдержанная этой уздой молодежь теряет смелость говорить на этом языке, в котором самая малейшая ошибка делает всеобщим посмешищем как учителей, так и учеников».³¹

С названной статьей Водницкого, автора статей из «Монитора» (1767, № 21, 77 и 94), стоят в тесной связи статьи Бесстраницкого («Монитор», 1767, № 10), Латинопольского (1767, № 23), Фабиуса де Херонимо (1767, № 41).³² Таким образом, из сказанного видно, что к этому времени уже намечалась и некоторая другая тенденция, тенденция защиты древнего классического латинского языка, — могущего служить своего рода как бы противовесом от слишком сильно растущего влияния на польский язык западноевропейских языков, главным образом французского, — от чрезмерного засорения последним польской литературной речи и разговорного языка высших слоев шляхетского общества; иначе говоря, ставился вопрос о борьбе с излишней «французоманией».

IV

Подходя к конкретному анализу синтаксических особенностей поэтического языка сатирических поэм (Красицкого и Венгерского), особенностей, служивших противовесом латинскому влиянию, необходимо отметить:

1. Преимущественное употребление простых распространенных предложений и предложений с однородными или обособленными членами такого типа, как, например:

Wojnę domową śpiewam więc i głoszę,
Wojnę okrutną, bez broni, bez miecza.
(Kras., Mon., 1, 2)³³

Мы могли бы дать большое количество примеров на такие простые предложения различных типов (в особенности из «Войны монахов» Красицкого и значительно меньше из Венгерского), чтобы показать четкость и простоту такого типа конструкций, которые достигаются логически правильным расположением членов предложений и выражают стремление приблизить повествовательный язык к простому разговорному языку.

2. Употребление различных типов построения сложных предложений, в особенности сочинительных и бессоюзных. Тип бессоюзного предложения весьма распространен в языке Красицкого не только в «Войне монахов», но и в романе «Пан Подстоли».³⁴

³¹ «Do tego zdaje mi się, iżby potrzeba umniejszyć tę niejako hańbę i wstyd, który do solecyzmów — jak w szkołach błęd prze iw gramatyce nazywają — przywiązany jest. Tym albowiem hamulcem utrzymana młodzież traci śmiałość mówienia tym językiem, w którym najmniejszy błąd czyni ich powszechnym, tak mistrzów jako i współuczniów, dośmiewiewiskiem».

³² Ludwиг Bernacki. Op. cit., s. 118—119.

³³ Ср. с этим сложное предложение, выражающее ту же самую мысль у Яна Кохановского в его поэме «Szachy» (XVI в.):

Wojnę powiedzieć myśli serce moje,
Do którejmiecza nie trzeba ni zbroje.

³⁴ См. об этом несколько кратких замечаний во «Вступительной статье» Юлиана Кшижановского к изданию романа «Pan Podstoli» («Biblioteka Narodowa», serja I, № 101, Kraków, 1927, s. LIII. Там же приведены примеры).

Деепричастные обороты, выражающие различные функции придаточных предложений, изобилуют в языке сатирических поэм Красицкого как в прошедшем, так и в настоящем времени; у Венгерского в «Органах» они выступают почти исключительно в настоящем времени.

Как пример на сложное предложение, состоящее из нескольких придаточных предложений различных типов, можно привести отрывок из «Войны монахов»:

Chciał już Gaudenty ukarać tę śmiałość,
Już się zamieszał: lecz go kompan wstrzymał:
A miękcząc srogą umysłu zuchwałość,
Gdy postrzegł, że się coraz bardziej zżymał,
Zeby, wstrzymać poselstwa wspaniałość,
Wypchnął go za drzwi, a sam się zatrzymał.

(Kras., Mon., II, 41)

Приведенный пример является характерным типом усложненного периода, в котором мы встречаем и сложные сочинительные предложения, и подчинительные, и деепричастный оборот, служащие в сочетании или для описания какого-либо сложного действия, заключающегося в ряде энергичных поступков героев, или для выражения какой-либо сложной мысли самого автора. Однако рядом с этим мы имеем и другой тип усложненного периода, состоящего из ряда простых самостоятельных предложений, как бы сцепленных друг с другом и следующих логически, в определенной последовательности, друг за другом и завершающихся в конечном итоге сложным сочинительным предложением, как, например:

«Trzeba się z furą kochaną pożegnać.
Rzekł i zapłakał. Wtem brat Kanty leci:
«Panna Dorota do furty zaprasza».
Nic nie rzekł Rajmond. . . poseł drugi, trzeci,
Jeden go łaje, a drugi przeprasza.

(Kras., Mon., II, 29—30)

Среди этих простых предложений мы имеем и бессубъектное предложение в прямой речи, и неполное, и предложение, взятое в прямой речи вторично, указывающее на форму диалога. Это разнообразие типов простых предложений, взятых как бы в отрывистой форме, выражает очень рельефно живую сценку и различные оттенки одного общего настроения героев поэмы, а именно: настроения безнадежного отчаяния, беспокойства, некоторой беспорядочной стремительности. Такую комбинацию простых и сложных предложений, показанных нами как в первом, так и во втором примере, мы встречаем нередко в языке герои-комических поэм Красицкого. Красицкий и Венгерский в своих поэмах, даже в усложненных разнообразными типами предложениях, всегда стремились к простоте и ясности выражения своих мыслей и мыслей своих героев. В этих сложных предложениях мы имеем логически правильное расположение главных и второстепенных членов предложения и четкий порядок расположения самих придаточных предложений. Только в очень редких случаях можно отметить инверсию такого типа, как, например:

Jędza niezgody, co Parysa zbiega
Znalazła niegdyś na górnym Idasie,
Słodki raj mnichów gdy w locie postrzeża
Jęknęła w złości i zatrzymała się.

(Kras., Mon., I, 18),

вместо:

Gdy w locie postrzega słodki raj mnichów.

Или:

Na godnym kiedy cnota majestacie
Siedzie, o szczęściu wątpić się nie godzi.
(Kras., Mon., I, 18),

вместо:

Kiedy cnota na godnym majestacie siedzi. . .

В остальных случаях эти сложные предложения являются настолько ярко отточенными поэтическим резцом, что позволяют нам назвать Красицкого поистине лучшим мастером слова в XVIII в. Недаром в романе «Приключения Николая Досвядчинского» он сам говорит устами мудрого старца Ксао: «. . . *dodre słów ułożenie lepiej myśl obwieszcza. . .*» (т. е. «. . . правильное расположение слов лучше выражает мысль. . .») — кн. II, гл. 4). И тут же указывал, обращаясь к герою романа: «*Pamiętam niektóre wyrazy twoje; zdaje się byśdość gładko brzmiące; ale łożyłeś kilkuset słów na to, cobys mógł być w kilkunastu, albo nakoniec w kilkudziesią z a m k n ą ć. . .*» (т. е. «Припоминаю твои некоторые выражения; они как будто звучат довольно гладко, но ты употребил несколько сот слов там, где можно было бы обойтись, по крайней мере, несколькими десятками слов»). Краткость изложения как простых, так и самых сложных мыслей является характерной чертой для всего поэтического синтаксиса Красицкого и, в особенности, для языка его сатирических поэм.

3. Введение в контекст поэм различных стилей разговорной речи и момент их пародирования.

а) Стиль разговорной речи в форме диалога (речь деревенской кухарки и речь сельского священника — плебана):

— Stój, rzecze, gdzie ty bieżysz panie? i o kędy
Ten cię zapał porywa? Co za sposób nowy,
Iść wtenczas do kościoła, gdy obiad gotowy?
Co cię dzisiaj do postu takiego zagrzewa?
Wigilię? suchedni kalendarz opiewa?
Pomiarkuj się, ale bądź o tém przekonany,
Ze nigdy nie był dobrym obiad rozgrzewany.

(Weg., Org., I)

— A tuś mi! zawoła [pleban],
Tyś to jest, co do złości łączący odwagę,
Tak znaczną méj godności uczynił zniewagę?
I jeszcze po tej zbrodni śmiesz mi włożyć w oczy!
Zaraz ja cię!

(Weg., Org., V)

Этот языковой стиль характерен своей краткостью, отрывистостью речи, состоящей исключительно из вопросительных и восклицательных, а иногда и неполных предложений, передающих эмоциональный тон говорящего (укоризненный тон кухарки и угрожающий тон плебана). Речь построена из обычно употребляемого в разговоре словарного материала и касается самых простых, обыденных вещей, взятых из реальной жизни. Характерно, что ее так ярко отобразил в своей сатирической поэме Каетан Венгерский — этот замечательный представитель демократического напора

вления в польской классической литературе XVIII в., испытавший на своем творчестве особенно сильное влияние прогрессивных сторон реалистической буржуазной идеологии. Недаром Станислав Трембецкий, обращаясь с посланием к Венгерскому, писал: «Легкомысленный молокосос. . . . Ты стбишь органистов, органисты — тебя. Воспевай же себе певчих и дьячков, для них только пристойны твоё остроумие и *твой слог*, а нас оставь в покое». (См. В. В. Макушев. Станислав Трембецкий, замечательный сторонник России в польской поэзии конца XVIII в. — «Древняя и новая Россия», т. II. СПб, 1878, № 8, стр. 364—365.)

б) Стиль изысканной (элегантной) речи:

— Raczcie, rzekł, słuhać, bez żadnej urazy,
Ojcowie mili, poselstwa osnowę.
Jeżeli, pełniąc starszeństwa rozkazy
Znajdę umysły do względów gotowe,
Szczęśliwszym nadto, najszczęśliwszy z wielu
Zem znalazł łaskę w przeznaczym Karmielu.
Zakon wasz, jako zbawiennej ochłody,
Szacunku waszej wleebności szuka,
A chcąc dać swoich prac jawne dowody,
I w jakiej cenie u niego nauka,
Wyznacza bitwy plac na łonie zgody,
Kto zwierzchnie sędzi, pewnie się oszuka.
Nie złość, nie zemsta, te nam chęci zdarza,
Równego dzielność pragnie adwersarza.

(Kras., Mon., II, 37—38) ³⁵

В данном контексте уже совершенно иное построение речи, а именно: желание подладиться под общелитературный изысканный тон светской разговорной речи с подбором определенного лексического материала. В этой конструкции мы уже встречаем по преимуществу употребление сложных предложений, переплетенных условно-вежливым деэпричастным и сравнительным оборотами.

в) Стиль речи столичного помещика - чиновника:

Rzekł Podstoli: «To widzę nowiny pisane
Ale ja mam gazety świeżo drukowane,
Tysiąc rzeczy ciekawych. W ostatnią niedzielę,
Na wielkiem nabożeństwie było ludzi wiele,
I żeby przyzwoitą wspaniałość zachował,
Mszą pontificaliter biskup celebrował,
Ksiądz N. N. miał kazanie, wielki kaznodzieja,
Mówią, że swą wymową nawrócił złodzieja,

³⁵ В моем переводе эти строки звучат:

«Извольте выслушать, и без обид на нас,
О, милые отцы, в чем смысл желанной встречи.
И если старшего исполнивши приказ,
Вниманием умов я буду обеспечен, —
Как счастлив буду я, как счастлив много лет,
Что в Кармелите здесь я увидел привет.
Наш верный орден ждет, как утренней прохлады,
Лишь уважения — то преподобных власть,
Плоды своих работ мы показать вам рады,
В какой цене у нас к живой науке страсть.
Назначим битву мы, согласно — знак награды;
Судя по внешнему в ошибку можно впасть:
Не злоба и не месть желаньем руководит,
Отвага равных ждет — сразиться на свободе».

I odtąd poznajemy tę prawdę dość jasną;
 Nikomu nic nie wezmą, kto ma kieszeń ciasną.
 Dnia osmego Septembra wielki fest w Piotrkowie,
 Bito w armat, i liczne dopełniano zdrowie,
 Był obiad, podwieczorek, wieczerza, bal walny,
 Pan starosta odprawił wjazd swój tryumfalny.
 Za rzecz zaś osobliwszą piszą z tego miasta,
 Umarł człowiek, który miał lat już półtorasta.
 To nowiny, lecz jakie uwagi są przytem,
 Jak żartuje sposobem autor wyśmienitym,
 Jak rozsądnie przyczyny każdych nowin szuka,
 Z gazet jego wiadomość razem i nauka.
 To jest, co z doświadczenia wiem, a niezawodnie
 Można się na nich czytać nauczyć wygodnie.

(Węg., Org., VI)

Эта простая, неизысканная, размеренная речь пана Подстолия (т. е. стольника), напоминающая речь высшей городской интеллигенции и повторяющая некоторым образом стиль литературно-газетной хроники, состоит из кратких сложных повествовательных предложений, без особых оттенков эмоциональности, но с довольно большой примесью дидактического тона. Вложив эту речь в уста пана Подстолия, являвшегося по своей должности придворным чиновником, который обязан был смотреть за королевским столом, Венгерский, несомненно, спародировал штампованный обывательский язык газетных хроник, ограниченный определенным словарным материалом, тот язык, который использовался нередко столичными обывателями, желавшими показать свою образованность.

г) Стиль ораторской судейской речи:

[Więc się nadawszy, rzekł]: «*Złe konjunktury*
 Mości panowie; zaczem moja rada
 Jaę się sposobów dobrych. To co myślę,
 Opowiem krótko, i jawnie okryślę.
 Jeśli *plebejus*, zbię go bez litości,

Jeżeli szlachcic, pozwać Jegomości.
 Różne być mogą sprawy, *aktoraty*,
 A ja na wszystkich nieźle dopilnuję,
 Niechno się tylko odezwę z za kraty,
 Niech wezmę za cel; tak go odmaluję,
 Takie wynajdę nań *prejudykaty*,
 Zgoła, co umiem, co mogę, poczyję.
 Wprzód za to, że się śmiał z bluźnierstwy ozwać,
 Z *Arianismi rejestru* go pozwać.
 Mógłby i *crimen status* być na stole,
 Za to, że z królem chciał wadzić Węgrzyny,
 Lecz ja to wyższej władzy oddać wolę.
 Mnogie są dalej oskarżeń przyczyny;
 Ojcy lektory niech myślą o szkole,
 Duchowni niechaj bronią dziesięciny.
 A nasz ksiądz prałat, przez swój wielki rozum,
 Weźmie w opiekę *vitrum gloriosum*.
 Co się mnie tycze, wiem ja, co się stanie:
 Pozna Jegomość... [Wtem machnął obuchem].

(Kras., Antimon., V, 73--77)

В этой речи судьи пана Вицесгерента мы видим явную пародию на язык судейских ораторов, которые строят свою речь на подчеркивании своего высокого должностного положения и возможности в любой момент использовать свою власть, что доказывается частым употреблением личного

местоимения в I-м л. ед. ч.; на подчеркивании предстоящей угрозы обвиняемому в форме приказа, что выражается частым употреблением повелительных предложений; и, наконец, на подчеркивании своего знания латинского языка, что выявляется в речи частым переплетением с польскими выражениями латинизмов и макаронизмов, ограниченных, правда, только кругом узко профессиональной судебной терминологии. Характерно также обрамление самой речи следующими ироническими ремарками автора: «Итак, надувшись, сказал. . .» — вначале и «вдругмахнул обухом» — в конце. Они показывают в комическом виде характер поведения этого «важного» оратора во время произнесения речи.

д) Стиль публичной ораторской речи (в I-й половине XVIII в.):

Pisze Chrysypus o Alfonsie krolu,
Kiedy prowadził wojnę z Baktryjany,
Iż wpośród bitwy na licyjskiem polu
Od wojska swego będąc odbieżany,
Stanął: a wody czerpnawszy z Paktolu,
Tak się orzeźwił, iż zgnębił pogany.
Stąd poszło *Lemma* na marmurze ryte,
Pereat umbra! Lemma znamienite.
Wiem, bom to czytał w uczonym Tostacie,
Po ciemnej nocy że jasny dzień wschodzi.
Na godnym kiedy cnota majestacie
Siedzi, o szczęściu wątpić się nie godzi.

(Kras., Mon., I, 17—18) ³⁶

Контекст этой речи в поэме Красицкого чрезвычайно показателен. Он является пародией на стиль церковных и общественных ораторов, стремившихся говорить языком «высокой ораторской речи». Она слагалась из трех основных элементов: во-первых, в нее вводили, как неотъемлемый атрибут, большое количество собственных имен, имен мифологических и исторических героев, громкозвучащих географических названий и т. п.; во-вторых, усложняли как можно больше конструкцию своей речи, нанизывая один за другим ряд сложных предложений, переплетая их различными оборотами и вводя инверсию; в-третьих, смешивали с польскими выражениями латинские макаронизмы, причем польский словарный материал был чрезвычайно ограничен и беден. В конечном итоге эти бьющие на эффект трескучие фразы и слова выражали скудость мысли и чувства. Красицкий блестяще осмеял этот «высокий стиль публичной ораторской речи», вложив ее в уста монаха, который выявил себя круглым невеждой

³⁶ В моем переводе эти строки звучат:

«Когда король Альфонс — писал о нем Хризипп —
Дрался с жестокостью с народом Бактрианы,
В равнинах Лидии, где чуть он не погиб,
Своими брошенный, он встал как бездыханный;
Но воды с Пактола, где у горы изгиб,
Вкусив, воспрянул он и погубил поганных.
Отсюда надпись есть на мраморной плите:
«Pereat umbra!» Так! — Слова известны те!
Я это прочитал в Тостадовском трактате:
Восходит ясный день за темной ночью вслед.
Когда величие несет в своем объятье
Нам добродетель, тб. . . сомнений в счастье нет».

в области истории, географии, мифологии. Наконец, близко к этому при- мыкал и стиль ораторской речи панегиристов, язык которых был направлен на восхваление высших по отношению к ним лиц. Ничем не прикрытая лесть является лейтмотивом такой речи. Красицкий в «Войне монахов» дал образец-пародию на язык ораторов такого типа. Особенность этих речей заключалась еще и в том, что обычно в них мы могли встретиться со всем арсеналом трафаретных образов, используемых латинскими ораторами на основании выработанных для этой цели правил и являющихся для этих ораторов искусством высшего красноречия. Отсюда необычная растянутость сложных предложений, приподнятый, торжественный тон, туманность аллегорических выражений и гипербол, сквозь которую трудно было уловить даже смысл.

Красицкий с большим мастерством стилизовал язык этих напыщенных речей, как, например, в следующем отрывке:

Na płytkim gruncie rozbująłych fluktów
 Korab mądrości chwije się i wznosi:
 A pełen szczępu wybornego fruktów,³⁷
 Niewysławioną kiedy korzyść nosi,
 Twoich, przezacny mężu adwedyktów
 Żąda; a pewen, że względy uprosi,
 Płynie pod wielkiem hasłem, głosząc światu,
 Żeś ty jest perła konchy Perypatu.
 Słońce, co światłość znikła wydobywa
 Planety, które różne chwile dzieła,
 Księżyc, co równie wzrasta i ubywa,
 Gwiazdy, co nocną posępność wesela;
 Wszystko to w sobie zawiera Leliwa,
 I dom szacowną wsparty parentelą,
 Ostrogskich książąt, Pinczowckich margrabiów,
 Górków, Tarnowskich i Krasickich hrabiów.
 Milczcie, Burbony, lub w koncentach nowych
 Głoście szczęśliwość sarmackiej krainy.
 I wy, potomki synów Jagiellowych,
 I wy, Auzońskie Gwelfy, Gibeliny,
 Znoście wielbienia: a w pieniach gotowych
 Dziś uwielbiajcie heroiczne czyny.
 Niechaj najdalsza potomność pamięta
 Wielkość dzieł, nauk, cnót Wicesgerenta.
 Niechaj się Zoil od zazdrości puka,
 Niechaj się Syrty i Charybdy kruszą,
 Niechaj i Paktol nowych źródeł szuka,
 Niech się Olimpy i Parnasy wzruszą;
 W tobie firmament znajduje nauka:
 Tyś kraju zaszczyt, tys ojczyzny duszą.
 Przeniosłeś w sławie sfinksy i feniksy,
 W dziełach Euryppy, Bucentaury. Dixi!»

(Kras., Mon., IV, 65—68)³⁸

³⁷ «Fruktów» — плодов (польский синоним, «owoców», «owose»), здесь взято в образно-переносном смысле. Ср. у Сумарокова, который «вооружался против лексических дубликатов, заимствованных из чужих языков, как, например, Фрукты вместо плоды». — В. В. Виноградов. Ук. соч., стр. 136.

³⁸ В моем переводе эти строки звучат:

«Корабль премудрости ныряет без труда
 На той поверхности, где плещет вал за валом;
 Он выгоду отцам приносит иногда
 С плодами дивными в количестве немалом;
 Вниманья просит он, взирает на уста;
 Он жаждет, славный муж, твоих больших каналов.
 Плывет под знаменем, глася вперед, назад:

В поэме «Антимонахомахия» Красицкий с большой долей иронии мастерски охарактеризовал способ произнесения таких речей. Он писал:

Pierwszy z nich Rafał zwykle dawszy pozdrowienia,
W słowach dobranych, zwiążłych i uczonych,
Od gór libańskich wziął assumpt mówienia;
Spuścił się potem, a wszystkich zdziwionych,
I duchownego i świeckiego stanu,
Ciągłe prowadził do rzeki Jordanu.
Dopieroż stamtąd, jak się wzbił do góry,
Jak zaczął latać, z oczu wszystkich zniknął;
Głos tylko słychać, wzrok widzieć ponury,
Gest groźny, jakim zadziwiać przywyknął.
Wtem kiedy wspomniał helikońskie córy,
Wskroś, poruszony Wicesgerent krzyknął.
«To mi to mówca, co się aż człek zleknie,
Kiedy to raz wraz i górno i pięknie!»

(Kras., Antimon., V, 79—80)

т. е. «Первый из них [Рафал], как обычно полагается, изложив приветствие в специально подобранных сжатых и ученых словах, начал речь от Ливанских гор, потом спустился, а всех изумленных как духовных, так и светских, беспрерывно проводил до реки Иордань. И лишь впервые оттуда, как только взобрался на вершину горы, как только начал летать, скрылся с глаз присутствовавших; слышен был только голос, виден был только угрюмый взор, угрожающий жест, которым привык удивлять. Когда же он напомнил о геликонских дочерях, тогда крикнул взволнованный Вицесгерент: «Вот это оратор, что даже человек испугается, когда у него беспрестанно [выходит] и возвышенно и красиво!».

Таким образом, приведенные примеры, характеризующие различные языковые стили, с достаточной яркостью показывают нам, что Красицкий в борьбе за демократизацию, за чистоту своего языка пародировал именно те языковые стили ораторской речи, которые противостояли стилю языка

«Ты раковины перл, чье имя Перипат.
Дневногo солнца луч, дающий свет счастливый
Планет, что дробит иначе цель минут,
Луна, что вырастет, исчезнет прихотливо,
И звезды, что во тьме веселье нам несут; —
Всё заключает герб по имени Лелива,
Семья, скрепленная роднею там и тут,
Пильчэвских-шляхтичей, семьей князей Острогских,
Красицких-шляхтичей, и Гурков, и Тарновских.
Молчи, седой Бурбон, иль прославляй один
Сарматскую страну без меры и предела!
И вы, авзонские и Гвельф и Гибелин,
И вы, потомков род от сыновей Ягеллы,
Прочь поклонение; из каверзных глубин
Прославьте в данный час то рыцарское дело.
И вспоминает пусть потомков целый круг
Вицесгерента труд и плод его наук.
Так лопнет пусть Зоил от зависти пудовой,
С Харибдой Сырты пусть смягчатся хоть на час,
Других источников пусть Пá тол ишет снова,
Пусть поколеблятся Олимпы и Парнас;
В тебе наука зрит божественное слово:
Защитник родины, и ты душа для нас.
Ты в славе перенес и фениксы и сфинксы.
В трудах Евриппия и Буцентавра. Dixi».

герои-комических поэм, а именно: в первую очередь речи панегириста, церковного оратора и судьи пана Вицесгерента, засоренные особенно сильно всякими латинизмами и макаронизмами.

4. Употребление в большом количестве в просительных, восклицательных и повелительных предложениях, выражающих различные интонационные оттенки речи, и передача в прямой речи разговорного языка героев поэмы, что вместе взятое придавало особый эмоциональный тон всему поэтическому языку сатирических поэм.

Оживление поэтического языка посредством указанных предложений являлось опять-таки прямым следствием стремления поэтов сатирических поэм сблизить литературный язык с разговорной речью. Это было, безусловно, прогрессом в области развития польской литературной речи и обогащением ее новыми словесными выражениями. Ничего подобного не мог дать строго-размеренный сухой язык старых феодально-дворянских исторических хроник-эпопей XVII в. Даже язык прозы XVIII в. в этом отношении значительно уступал поэтическому языку герои-комических поэм, с которым роднился только язык таких жанров, как сатира и басня, созданных самим же Красицким, и язык которых поистине являлся образцом литературного языка XVIII в. В этот круг входил также и жанр комедии.

С этим вопросом были связаны и такие синтаксические особенности поэтического языка сатирических поэм, как введение в него частых словесных повторов, так наз. «синтаксических и лексических параллелизмов», что придавало особую легкость и выразительность синтаксическим конструкциям, как, например:

*Darmo dewotka i płacze i prosi,
Darmo brat Czesław butelkę przynosi*

(Kras., Mon., IV, 77)

Или:

Garniec wlał w puchar Czesław, wlał i stęknął.

(Kras., Mon., IV, 103)

и т. д., а также большое количество обращений, приложений и вводных предложений.

Эта манера повторения была свойственна языку герои-комических поэм Красицкого. У Венгерского таких повторов мы не встречаем.

5. В связи с вопросом о национальности и демократизации польского литературного языка вставал также вопрос и о влиянии на конструкцию польских предложений иностранных языков — французского и латинского. Из немногочисленных примеров, однако, видно, что в поэтическом синтаксисе герои-комических поэм Красицкого и Венгерского в отличие, например, от языка прозаических произведений, как «Пан Подстолий» или «Приключения Николая Досвядчинского», мы как раз меньше всего можем отметить иностранных наслоений. И это понятно, поскольку этот сатирический жанр обладал своеобразием словесного выражения и был направлен против всяких макаронизмов предшествующей эпохи. Здесь было явное стремление соблюсти чистоту польской речи.

6. Введение в язык героико-комических поэм готовых эпических формул, служащих как бы вступлением к речам героев, как, например:

I tak wspaniałe wyroki objawił:

(Kras., Mon., I, 21)

Nim puścił strumień łagodnej wymowy,
(Ociec Pankracy) Naprzód starszyznę i braci pozdrowił . . .

(Kras., Mon., I, 21)

и т. д. На основании этих эпических формул, которые мы встречаем в изобилии у Красицкого, можно судить о том, что поэт желал подчеркнуть «серьезность» тех задач, какие стояли перед его героями. Этот язык, перенесенный сюда из языка героических эпоев, т. е. языка «высокого стиля», резким контрастом выделялся из построения всей стихотворной речи героико-комических поэм. Но, с другой стороны, без этого «героического» языка не могла бы существовать и сама героико-комическая поэма и «эпические отступления», которые введены обоими поэтами в довольно большом количестве, в особенности у Красицкого. Однако в языке и этих, казалось бы строго-эпических, формул имеется тенденция снизить стиль языка и спародировать данный языковой прием авторов героических эпоев. Благодаря этому скрещению «высокого» языкового стиля с «низким» получался, несомненно, значительный комический эффект.

7. Наконец, в заключение необходимо отметить также введение в язык героико-комических поэм поговорок, словесных формул, как, например

I stąd przysłowie: «Prawda w winie siedzi».

(Kras., Ant., VI, 102)

Nie wszystko złoto, co się świeci z góry.

(Kras., Mon., I, 1)

или афоризмов, как, например:

Trzeba się uczyć upłynął wiek złoty!

(Kras., Mon., III, 48)

Cnota, nie odzież czyni zakonnika.

(Kras., Ant., VI, 107)³⁹

Wszak i wy ludzie, i on nie bez ale.

(Kras., Ant., VI, 107).

Эти поговорки, пословицы, афоризмы черпались Красицким по преимуществу из живой народной речи, но частично созданы и им самим, а многие из них, благодаря своей простоте, языковой отточенности, вошли в постоянный обиход живой народной речи и в разговорно-бытовой язык польской

³⁹ Ср. «odzież nie odmienia człowieka; pod czapką, turbanem i kapeluszem, również siedzi doskonałość i głupstwo, nieprawość i cnota» («Mikołaja Doswiadczyńskiego przy-
padki», ks. II, rozdz. 12).

интеллигенции, как, например, сочиненный Красицким знаменитый афоризм из «Мышеиды»:

Mimo tak wielkie płci naszej zalety,
My rządźim światem, a nami kobiety.
(Kras., Mysz., IV, 76) ⁴⁰

Таковы основные характерные стилистические черты поэтического синтаксиса сатирических поэм.

V

Из лексических особенностей языка сатирических поэм необходимо отметить следующие моменты, связанные с общим развитием польского литературного языка XVIII в. и главным образом с противоядием от внедрения в польскую речь латинизмов и макаронизмов. Мы только что отмечали, что основной характерной чертой жанра героико-комической поэмы являлось своего рода скрещение двух противоположных стилей: высокого и низкого. Наравне со словами «высокого» стиля или словами обычными, общелитературными, которые могли украшать и язык придворной оды, галантной сатиры, послания и т. п. произведений, не оскорблявшими слуха великосветского придворного общества, в язык героико-комических поэм вливался живой поток слов из разговорного языка низовых, по преимуществу городских, слоев общества, и не только «низких» по своему содержанию, но и резко отличавшихся по своему звучанию от обычных общелитературных книжных слов; в героико-комической поэме они получали свое стилистическое оформление и являлись необходимым условием создания комического эффекта. Благодаря этому поэтический язык героико-комических поэм приобретал совершенно своеобразный оттенок простой разговорной речи. Так, например:

1. Употребление польских просторечных слов и фразеологических сочетаний:

Chcąc się tēm lepiej zagrzać, łyknał przepalanki
(Węg., Org., II)

(самогона).

Nie jest to dzieło mojej słabej mózgownicy
(Węg., Org., V)

(башки).

Chytróści i podstępny nadto oczywiste
Gbura, któremu ja sam z błota wyprowadził
(Węg., Org., IV)

(мужика-грубиана, которого я сам вытащил из грязи).

Już koło furty stękały dewotki. . .
(Kras., Mon., II, 26)

(богомолки-ханжи).

Kłęknię jeśli zechcecie, będą się bił w pyski
(Węg., Org., V)

⁴⁰ В моем переводе эти строки звучат:

«Хотя наш род мужской делами превзошел,
Мы миром властвуем, а нами женский пол».

(буду отбивать поклоны, дословно: буду бить себя в рыло).

... Dobrze tak, mrospanie!
To mi to sposób, co swista nad uchem
(Kras., Ant., V, 77)

(вот это способ — свистнуть по уху, дать оплеуху).

Już ociec Błażej cos szeptał pod nosem
(Kras., Mon., II, 33)

(отец Блажей бормотал что-то себе под нос).

2. Употребление слов, имеющих значение брани, ругани, непочтительности. Причем этот оттенок приобретает особый смысл и острогу, поскольку эти слова в основном относятся к лицам из духовного звания или исходят из уст самих духовных лиц:

Nie czytając cię rzekli, żeś ladaco
(Kras., Ant., IV, 54)

(не читая тебя, сказали, что ты негодяй).

Radby był na hultaja sfrowadził pioruny
(Weg., Org., VI)

(рад бы был призвать молнии на негодяя, развратника).

Swojego koczkodana wziął do kalkowania
(Weg., Org., I)

свою рожу (образину, харю) взял для надувания мехов у органа; в литературном языке — порода обезьян).

Wstał doktor, zgraja placu ustąpiła...
(Kras., Ant., VI, 101)

(толпа, скопище — о монахах).

Porzuciła ornaty i msze zgraja święta
(Weg., Org., V)

(в том же значении; употребительней *свора* — обычно о собаках; в сочетании со словом *święta* получает совершенно особый оттенок презрительности, так как дело идет о ксендзах).

3. Употребление слов обычных для разговорно-бытовой речи и в ряде случаев быгующих в литературном языке, но взятых с особым оттенком значения или в переносном смысле. В зависимости от контекста речи, в сочетании с другими словами, они резко выделяются из всего поэтического состава слов, окружающих их. Кроме того, они обозначают в большинстве случаев реалистически, конкретные понятия, действия, явления, выхваченные из реальной жизни. Так, например:

Uciekł Honorat i mruczał
(Kras., Ant., I, 18)

(ворчал, брюзжал, бормотал; общелитературное *mruczeć* — мурлыкать (о кошке). Отсюда название одного из героев в поэме «Мышеида» — кот Мручйслав).

Właśnie natenczas ociec przeor trwożny
Dla dobrej myśli resztę kufla *dusił*

(Kras., Mon., VII, 54)

(истребил, вылакал; общелитературное *dusić* — душиить, давить; *dusiciel*: — истребитель, душегубец).

Ociec Caudenty z urzędu się *wtoczył*

(Kras., Mon., I, 19)

(вкатился; общелитературное *toczył się* — катиться, напр. о бочке).

Zdało mu się, że *klektał* modlitwe strzeliste

(Węg., Org., I)

(болтал; взято в сочетании: болтал усердные молитвы; употребительней: *klektać* — кудактать — о кугице).

Wprzód otarł z *potu* mięsiste jagody

(Kras., Mon., I, 11)

(отпота; в сочетании со словами: *otarł mięsiste jagody* — особенно ярко подчеркивается вульгарность данного слова для «героической» поэмы).

Rzekł Rafał: «prosi *przyjaciółka* nasza»...

(Kras., Mon., II, 30)

(приятельница — о монахине; в сочетании со словом наша и в устах монаха вносит необычный просторечный оттенок в значение этого слова).

Nie był nigdy zgorszeniem Chrystusa *czeladki*

(Węg., Org., IV)

(слуга Христа; в данном случае *czeladka* — уменьш. форма от *czeladź* — челядь, дворовые, слуги; приобретает некоторый презрительный оттенок в сочетании со словом «Христос»; дело идет о служителях церкви).

4. Употребление старо-польских слов в их старом значении, с одной стороны, и использование новых семантических вариаций в старом слове, с другой стороны. К числу таких слов можно отнести:

Pędzi, *księgarni* drzwi zastał otworem...

(Kras., Ant., II, 23)

(здесь в старом значении: собрание книг, библиотека; это слово имеет общепотребительное значение: книжный магазин).

Nie zna snów smacznych, *mży* za przebudzeniem

(Kras., Ant., III, 37)

(в значении: дремлет — от глг. *mżyć*; общепотребительное — *drze-mać*).

A *przemysł* chytry ochoty nie psował

(Kras., Ant., VI, 95)

(в значении: расчет, т. е. хитрый расчет; общеупотребительное значение: промысел, ремесло, промышленность).

Widziałem w tej pracy *zabawnych*
(Kras., Mon., III, 47)

(в значении: занятых, озабоченных; общеупотребительное значение: забавный, смешной).

Miesza sie, płoni, blednieje w *cholrze*
(Kras., Ant., I, 14)

(в гневе; общеупотребительное значение: холера — болезнь; для обозначения понятия гнев имеются слова: *gniew, złość*).⁴¹

Далее, интересно проследить на конкретном материале использование значения и такого слова, как *sztuka*, из которых первым и основным значением было: кусок (польское *kawałek* или более распространенное — *kasek*). Так, например:

Po dobrej *sztuce* mięsa i klarowném winie
(Węg., Org., VI)

У Красицкого в романе «Пан Подстолий»: «*Sztuka* mięsa przerastała [т. е. кусок мяса, пропитанный жиром], kapłony tuczne, jarzyny wyborne» и т. д. (I, 1, 2).

С другим переносным значением:

Jędzo niezgody! Twoje to są *sztuki*
(Kras., Ant., I, 2)

(хитрости, уловки).

У Венгерского с несколько иным оттенком:

Kto oddawał pieniądze tą nabyte *sztuka?*
(Węg., Org., II)

(проворством, обманом, хитростью).

Для первого значения, однако, в XVIII в. имелся и польский синоним *kawał, kawałek*, как это мы видим, например, у Венгерского:

Jak chcąc jeszcze pieczeni zastać *kawał* tłusty
(Węg., Org., I)

(желая застать еще толстый кусок жаркого, жареного мяса).

В старом слове *sztuka*, начиная с XVIII в., выделяется новое значение: мастерство, искусство (род какого-либо художественного творчества).⁴² Это слово в данном значении мы встречаем и у Красицкого

I żart dowcipną przyprawiony *sztuką*
(Kras., Mon., V, 79)

⁴¹ Ср. у Францишка Заблоцкого в комедии «Сарматизм» это слово с тем же значением:

[Retorka] . . . Można wpaść w *cholere*.
(Zabl., Sarm. II, 2)

т. е. в гнев, в болезненную склонность ко гневу).

⁴² Ср. Jan Łoś. Op. cit., s. 263.

(и шутка, соединенная с мастерством [искусством]).

Или:

Gdzie moc lub sztuka, tam jest sprawiedliwość

(Kras., Ant., III, 48)

(где сила [могущество] или мастерство [искусство], там — справедливость). Однако для этого же значения в XVIII в. обычно употребляли слово, взятое, как и первое, из немецкого языка: *kunst* — искусство, мастерство. Так, например, у Красицкого в тех же произведениях: искусство, мастерство:

O wdzięczna wiosno! Twoje tam zaszczyty
Kunst cudny wydał! . . .

(Kras., Mon., VI, 96).

Или:

Mieszasz się w *kunst*a, mieszasz i w nauki

(Kras., Ant., I, 1)

Таким образом, образовавшееся новое значение в старом слове *sztuka* становится синонимом слову *kunst* и постепенно впоследствии занимает господствующее положение, вытесняя слово *kunst* и в то же время расширяя функции этого значения. Так, например, в современном языке мы скажем: *piękne sztuki* — изящные искусства (*akademja sztuk pięknych*), но не употребим в этом значении слово *kunst*, за которым осталось значение только «искусства», как высокого мастерства (ремесла).

Наконец, в заключение этого раздела необходимо упомянуть и о значительном слое слов, имеющих характер «высокого стиля». Красицкий и Венгерский с большим искусством употребляют эти слова. Так, например, в эпическом вступлении, обращенном к Торквато Тассо, который описывает толпы христиан, завоевывающих Иерусалим, Венгерский пишет:

Jak pobożnych chrześcian wiodąc *kipy* sprzeczne, . . .

(Węg., Org., 1)

(толпы, с борща) и тем самым противопоставляет слово *kipy* (в самом старом его значении) слову более «низкого стиля» *zgraja* (толпа, с борще, сброд), применяемому только к церковникам и клирикам, которых осмеивал поэт.

5. Употребление латинских слов в языке героико-комических поэм. По характеру использования, по значениям их, употребляемым в той или иной общественной среде, можно разбить их на следующие группы:

а) Термины церковного быта и названия церковных должностей:

Szczęśliwszy ociec po trzecim *nokturnie*

(Kras., Mon., I, 5)

(после третьей полунощницы, известной части заутрени, состоящей из трех или более псалмов).

Nie słyszą dzwonów na *seksę* i *nonę*

(Kras., Mon., II, 10)

(на службы часа шестого и часа девятого).

Szczęśliwszy *lektor* mistycznej roboty

(Kras., Mon., I, 5)

(титул, который получал доминиканский монах после окончания богословской школы; задача лектора сводилась к чтению церковных книг).

Niegdyś promotor sławny różańcowy
(Kras., Mon., I, 16)

(орденский монах, ведающий так называемым «братством четчиков»).

Twój to jest obraz zasny jubilacie
(Kras., Mon., IV, 63)

(старший, заслуженный орденский монах).

Prowincjały i definityry
(Kras., Mon., IV, 63)

(начальники провинциальных монастырей и орденские, монастырские, чиновники, входящие в совет провинциалов).

Już się dobywał na perorę nową
Doktor . . .
(Kras., Mon., I, 13)

(громкая речь с церковной кафедры; приветствие).

Grono prałatów w kapitule słaWił.
(Kras., Mon., VI, 101)

(церковный совет, собрание).

Nawet Gaudenty w rubryceli czyta
(Kras., Mon., III, 57)

(ежегодный календарь, содержащий описание богослужений, приходских церквей, костелов, а также названия духовных в дицезиях или провинциях).

Pędem niezwykłym wpadł do refektarza
(Kras., Mon., I, 10)

(монастырская столовая, трапезная).

Obfite stypy i anniwersarze
(Kras., Mon., VI, 101)

(поминальные обеды и торжественные пиры, приуроченные к годовым праздникам).

б) Термины юридического характера:

Pan Wicesgerent śle Instygatora
(Kras., Ant., IV, 58)

(общественный обвинитель, вызывавший на суд за совершение преступления против государства, короля и учреждений).

Więc się nadawszy, rzekł [Wicesgerent]:
«Złe konjunktury . . .
(Kras., Ant., V, 75)

(стечение обстоятельств; польское «*zbleg okoliczności*»).

Takie wypajdę nań prejudykaty . . .
(Kras., Ant., V, 75)

(приговоры по какому-либо делу).

Różne być mogą sprawy, aktoraty . . .
(Kras., Ant., V, 75)

(документы, выясняющие обстоятельства дела и подводящие их под какой-либо приговор суда).

в) Термины, относящиеся к средневековой философии и к явлениям, связанным с ней:

Defendens zatem, uchyliwszy głowę
(Kras., Mon., IV, 64)

(защитник каких-либо философских проблем во время диспута).

. . . strzelił z *Baroko*
(Kras., Mon., IV, 69)

Odstrzelił zasię z *Celarent*, jak z kuszy
(Kras., Mon., IV, 70)

Raził *Oppugnans* w drugim nabijaniu
(Kras., Mon., IV, 70)

Gdyby nie puklerz, *Distinguo* dwój ręczny
(Kras., Mon., IV, 70)

(названия силлогизмов).

г) Латинские слова и выражения, введенные поэтом со специальной целью спародировать макаронизмы в речах ораторов-героев:

Twoich, przezacny mężu, *adweduktow*
Żąda . . .
(Kras., Mon., IV, 65)

(водосточных каналов).

Milczcie, Burbony, lub w *koncentach* nowych
Głóście szczęśliwość sarmackiej krainy . . .
(Kras., Mon., IV, 67)

(в новых возгласах).

Na płytkim gruncie rozbujałych *fluktów*
(Kras., Mon., IV, 65)

Chociaż się w *fiuktach* zapienionych nurzy
(Kras., Ant., I, 13)

(в морских валах, на поверхности разбушевавшихся валов).

Równego dzielność pragnie *adwersarza*
(Kras., Mon., II, 38)

(противника).

W tobie *firmanent* znajduje nauka . . .
(Kras., Mon., IV, 68)

(небесный свод, небо).

Stąd poszło *lemma* na marmurze ryte
(Kras., Mon., I, 17)

(утверждение, надпись).

«*Pereat umbral!*» *Lemma* znamienite
(Kras., Mon., I, 17)

{«Да сгниет мрак!»).

W dziełach Euryppu, Bucentaury. *Dixi*
(Kras., Mon., IV, 68)

{сказал, окончил).

Rozkazał przynieść *vitrum gloriosum*
(Kras., Mon., V, 89)

{знаменитую чашу).

Móglby i *crimen status* być na stole
(Kras., Ant., V, 76)

{государственное преступление).

Z *Arianismi rejestru* go pozwać
(Kras., Ant., V, 75)

{привлечь его — автора «Войны монахов» — к суду наравне с Арианами).

Jeśli *plebejus*, zbić go bez litości
(Kras., Ant., V, 74)

{человек низкого происхождения, плебей}.⁴³

Zapadła *pluralitas*, więc nie myśląc dłużej
Krzykną. . .
(Węg., Org., IV)

{большинство).

Obiecali obierać *per sekreta vota*.
(Węg., Org., I)

{обещали выбирать тайным голосованием).

Jeśliby mi kto przeczył, *manifest ad acta*
Zaniósłbym. . .
(Węg., Org., III)

{если бы кто противоречил мне, то я бы предъявил протест на основе документов).

Сюда же можно отнести и латинские слова, которые сознательно вложены в речи героев или употребляются самим автором с целью придать еще больший колорит к описанию тех или иных событий, несмотря на то, что данные слова с успехом могли бы быть заменены польскими. Так, например:

Nazwiska nawet uczonych niegodne.
Ich to *koncepty*. . .
(Kras., Ant., II, 27)

{выдумки; польский синоним — *wymysł*).

Nigdy z *żadnym konceptem* w życiu nie wyskoczy
(Węg., Org., II)

{в том же значении).

⁴³ Ср. комментарии в книге: I gna`cy Krasicki. *Monachomachja i Antimonachomachja*. Wydała Zofja Gąsiorowska. (Pisarze polscy i obcy, № 3).—Leon B o r o w s k i. Uwagi nad «*Monachomachją*» Krasickiego. (Dziennik Wileński. Rok 1818, t. II, № 9).

Żużmant, ozdoba dubieńskich kontraktów
(Kras., Mon., IV, 73)

(ярмарок; польский синоним — *jarmarków*; речь идет о жене пана Вицесгерента, которая носила платье, приобретенное во время ярмарки в Дубно, по фальшивым документам).

Niech oni sami nasze laury głośzą
(Kras., Mon., I, 24)

Или:

Okryty laurem kaznodziejskiej pracy
(Kras., Ant., V, 81)

(«*laur*» вместо «*sława*», как более соответствующее «высокому стилю» героической речи или описанию ораторского искусства).

д) Латинские слова, употребленные в языке самого автора:

Uczyniwszy intencję, chociaż myślał sobie...
(Węg., Org., I)

(намерение, замысел).

Dawniejszych, świeższych czasów alternata
Głupstwo i rozum stawia na przemiany
(Kras., Ant., II, 29)

(в данном примере вынужденный латинизм, имеющий то же значение, что и польское слово *przemiana* — т. е. чередование, а выражение *na przemiany* означает по очереди).

Czegoż nie dopnie animusz wspaniały
(Kras., Mon., III, 53)

(дух).

Ociec Zefiryn nie chce i wotować
(Kras., Mon., II, 42)

(голосовать).

Ociec Cherubin cytuje przykład
(Kraas., Mon., II, 42)

(ссылается [на примеры]).

W te słowa tłusty pleban sessję otworzył
(Węg., Org., IV)

(собрание, заседание; польский синоним, появившийся в конце XVIII в. с этим же значением — *posiedzenie*).

Pospolitego, tam centrum ruszenia
(Kras., Ant., IV, 70)

(там центр всеобщего ополчения).

Kupcie się bronić pospolitej rzeczy!
(Kras., Ant., II, 20)

(собирайтесь защищать всеобщее дело). Однако в другом контексте мы встречаем уже польское слово:

Na powszechnego odgłos zaproszenia
(Kras., Ant., IV, 70)

(в ответ на всеобщую просьбу).

Nic nie *probuję*, a po cóż je chwalić?

(Kras., Ant., IV, 56)

(ничего [эти стихи] не доказывают [не обнаруживают ценного]; здесь слово *probować* образовано от латинского *probare*, что значит доказать).

Таким образом, из характера приведенных примеров можно вынести заключение, что в языке героико-комических поэм встречается чрезвычайно мало латинизмов, свойственных языку самого автора. А если они и встречаются, то только потому, что эти слова вошли в польский литературный язык уже с давних времен и получили права гражданства в нем, восприняв и польское оформление. Другое дело те многочисленные латинизмы, которые введены автором для известного колорита как готовые термины, касающиеся той тематики, какая затрагивалась поэтом; или латинизмы, введенные с целью пародирования макаронической речи, т. е. с целью борьбы, направленной против самих же этих латинизмов; или, наконец, латинизмы, характерные для стилистического словесного образного оформления какого-либо события, описываемого в поэме. На долю же самого автора приходится только такие слова, которые бытовали еще и в старом польском языке и до известной степени даже не ощущались в данное время в польском литературном языке как латинизмы. Это говорит о том, что авторы героико-комических поэм, в отличие от авторов прозаических произведений, старались в языке поэм не только не употреблять излишнего количества латинизмов, но, больше того — объявляли войну этим латинским макаронизмам. Живой народный язык героико-комических поэм противопоставлялся «высокому стилю» ораторской церковно-книжной, деловой, канцелярской, судейской речи, где как раз эти латинизмы играли первенствующую роль. Самый жанр героико-комических поэм («Война монахов», «Антимонахомахия» Игн. Красицкого и «Органы» Каэтана Венгерского), осмеивавших церковный быт и нравы, был чрезвычайно удобен для осуществления на практике такого метода борьбы с макаронизмами.

VI

Проведенный нами анализ на материалах языка сатирических поэм показал, как поэтический синтаксис данного языка преодолел в решительной борьбе тяжелую усложненную конструкцию предложений смешанной польско-латинской речи, влияние которой еще сказывалось на языке прозаических сочинений того времени даже у автора героико-комических поэм Красицкого. Почерпнув свежие силы для выражения новых идей, мыслей и чувств из богатейшего источника национальной народной речи, по преимуществу из городской, мещанской среды, поэтический синтаксис этих поэм достиг поистине необычайной простоты, логической ясности и эмоциональной выразительности в своем построении, приближаясь в ряде моментов к разговорно-бытовому языку. Даже в построении сложных предложений мы имеем логически правильное расположение главных и второстепенных членов предложения и точный порядок расположения самих придаточных предложений. Для контраста приведем предложение из одного крупного польского поэта второй половины XVI в., Сэмпа-Шажиньского, отражавшего в своем творчестве признаки упадочного дворян-

ского стиля. Он строит свое произведение следующим образом: «Widzisz, jako miasta tak mocnego i trup szczęścia poważność wypuszcza pierwszego»,⁴⁴ вместо правильного оборота: «Widzisz, jako i trup miasta tak możnego wypuszcza [т. е. okazuje] poważność [т. е. wielkość] pierwszego [т. е. pierwotnego] szczęścia», что значит по-русски: «Ты видишь, как даже труп [т. е. развалины] такого могучего города [Рима] показывают величие первоначального счастья». Таким образом, при первом чтении невозможно сразу даже уловить смысл этого предложения. Такие предложения встречаются на каждом шагу не только у названного поэта, но и у других (в особенности в XVII в.).

У Красицкого такого построения предложений мы не найдем во всей поэме «Война монахов». Наоборот, пародируя определенные, чуждые ему (Красицкому) стили ораторской речи, он сознательно вводит в них разного рода инверсии, усложненность и тяжеловесность синтаксических конструкций, чтобы высмеять такого рода построения.

Подходя далее к разработке лексического материала, мы натолкнулись на два основных вопроса: это, прежде всего, вопрос о внедрении в язык героико-комических поэм народной стихии, большого количества слов и значений, взятых из разговорно-бытовой речи городских мещанских слоев населения, вопрос о снижении высокого стиля литературной речи, который в очень кратких чертах затронул проф. Булаховский, говоря о языке русской героико-комической поэмы. И в этом отношении польская сатирическая поэма родственна по языку русской героико-комической поэме. Язык «Le Lutrin» Буало построен на иной основе.

Второй вопрос — вопрос о латинизмах. При первом чтении поэмы «Война монахов» Красицкого и даже «Органов» Венгерского бросается в глаза изобилие латинизмов в то время, когда можно было бы ожидать в эту эпоху, наоборот, отсутствие латинизмов. Однако — это внешнее, обманчивое впечатление. Говоря об очищении польского языка от латинизмов и макаронизмов, нельзя представлять себе дело так, будто латинизмы должны исчезать сами по себе. Слишком исторически глубока была традиция латинского языка в польской книжной речи. С этой традицией необходимо было бороться, и анализируемый нами материал, действительно, показывает нам эту борьбу со старым латинским влиянием на польский язык. В данном случае сказалось не пассивное отношение к языку со стороны автора, а, наоборот, активное осмысление языковых фактов.

Приведенный материал наглядно свидетельствует, каков был метод борьбы с латинизмами, а именно: введение в язык большого количества латинизмов с целью борьбы с ними средствами литературной пародии, сатиры. Это была, несомненно, своеобразная постановка проблемы об искоренении латинских макаронизмов из польской речи. Ни язык сатиры и басни, ни язык политической ораторской речи и политических памфлетов не мог так ярко реализовать на практике эту борьбу. Только литературная форма героико-комической поэмы позволяла правильно разрешить эту языковую проблему. И с этой точки зрения изучение языка героико-комической поэмы представляет глубокий интерес. Далее, при анализе языкового материала этих поэм нельзя было пройти мимо того, с каким тонким искусством и мастерством Красицкий использует языковые средства для дости-

⁴⁴ Mikołaj Sęp-Szarzyński. Rytmy. Opracował Tadeusz Sinko. («Biblioteka Narodowa», serja I, № 118, Kraków, 1928, s. 55). Стихотворение: «Epitaphium Rzymowi».

жения художественной выразительности своей поэтической речи. Он, несомненно, стоит выше Венгерского в этом отношении. Об этом можно судить на основании хотя бы того факта, что спустя сто лет такой писатель-реалист, как Генрих Сенкевич, не раз использовал в большом количестве афоризмы Красицкого и главным образом из его «Войны монахов», «Мышеиды» и сатир. А разве многие частные моменты в языке писателя, в особенности мыслящего прогрессивно, не играют роли в формировании и самого общелитературного языка? Безусловно, играют. Они привносят новые элементы в общелитературный язык, обогащают его, двигают и развивают, сообщают ему новое качественное содержание, а не только пассивно отражают бытующие и словно застывшие формы общелитературного языка того времени. Мало того: они отбрасывают все то, что является старым, консервативным в языке, тормозящим его развитие. Язык находится в постоянном движении. И это блестяще и очень убедительно показывает нам язык героико-комических поэм, который отражает не только голые формы, — на что в большинстве случаев обращали внимание многие польские ученые, — но отражает в первую очередь исторический процесс самого языкового развития — один из его существеннейших моментов: борьбу с латинизмами, и именно в тот отрезок времени, когда шла борьба известной части прогрессивной дворянской интеллигенции и нарождающейся буржуазии в Польше против старых феодальных устоев мировоззрения за экономическое и политическое раскрепощение от иностранного гнета, за национальное самосознание в области литературы и языка.

СООБЩЕНИЯ

С. Б. Бернштейн

СТРАНИЦА ИЗ ИСТОРИИ БОЛГАРСКОЙ ИММИГРАЦИИ В РОССИЮ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1828—1829 гг.¹

I

К началу русско-турецкой войны 1828—1829 гг. число болгарских крестьян в Бессарабии и бывшей Херсонской губернии было весьма значительным. Заселение болгарями нашего юга началось в середине XVIII в., достигнув к 70-м годам больших размеров.² Особенно интенсивным переселение было в самом конце XVIII в. и в первые годы XIX в. при Э. О. Ришелье, который уделял ему много внимания. Большое количество болгар было переселено в Россию во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. происходило последнее переселение больших групп болгар из Болгарии. После Крымской кампании началось новое перемещение болгарского населения, но это переселение шло уже не из Болгарии, а из тех областей России, которые по Парижскому мирному трактату были от нее отторгнуты.³

Широко распространено мнение, что болгары переселялись в Россию только через Добруджу, Молдавию и Бессарабию. «Через Румынию, — пишет Л. Г. Милетич, — прошла та часть наших эмигрантов, потомки которых живут теперь в южной России и южной Венгрии».⁴ Действительно, таким путем шла большая часть болгарских переселенцев. Однако немало их прибыло в Россию морем, через черноморские болгарские порты.

В двадцатых годах XIX в. на Черном море начинается сильное развитие торгового мореплавания. Сравнительно большое число русских и зафрахтованных иностранных кораблей пересекали Черное море по всем направлениям. Однако существенным препятствием в развитии черноморского мореходства было отсутствие квалифицированных матросов и судостроителей, особенно для паровых судов. Число аварий в черноморском флоте

¹ По материалам Одесского исторического архива. Канцелярия генерал-губернатора. Вязка 75, 1829, № 50; вязка 77, 1829, № 60; вязка 89, 1830, № 25; вязка 100, 1831, № 25.

² Г. Писаревский. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. Москва, 1909.

³ См. Д. Димитров. Из Бессарабии в Таврию. — «Язык и литература», 1930, т. VI.

⁴ «Заселение на католишките българи в Седмоградско и Банат». — «Сборник за народни умотворения», кн. XIV, стр. 284.

было велико. Все это ставило под угрозу дальнейшее развитие коммерческого флота. Новороссийское генерал-губернаторство должно было найти новые людские резервы, способные удовлетворить эту растущую потребность черноморского торгового флота. Но основная масса местного населения состояла из земледельцев и не была знакома ни с мореплаванием, ни с судостроением. Нужно было искать иные источники.

Удачные военные операции Второй действующей армии в Турции натолкнули графа М. С. Воронцова на следующую мысль. Положение православного населения в Турции тяжелое. Поэтому, если дать ему значительные льготы и привилегии, то с помощью русских военных судов можно в течение двух-трех недель получить необходимое количество квалифицированных матросов и судостроителей. С этой целью Воронцов 20 февраля 1829 г. представил Николаю I рапорт, в котором писал: «Зная, сколь много ваше императорское величество обращаете внимания на улучшение нашего мореходства и чувствуя на каждом шагу великий недостаток в русских вольных матросах для купеческих судов, я осмеливаюсь представить на высочайшее воззрение ваше — предложение, что можно значительно увеличить на берегах Черноморья сей необходимый и полезный класс людей и тем уменьшить зависимость, в которой торговля наша находится от иностранных мореходцев».

Желание создать свои кадры мореплавателей и судостроителей было вызвано не столько стремлением избавить себя от иностранной зависимости, сколько боязнью остаться совсем без моряков, так как число иностранных моряков из года в год сокращалось. В письме к начальнику главного штаба, графу А. И. Чернышеву, М. С. Воронцов (от 26 мая 1829 г. за № 11235) писал: «Все важные европейские державы запретили в последнее время поданным своим служить на иностранных кораблях. В таком положении вещей нам ничего более не остается как или искать средства создать класс собственных наших моряков, или навсегда отказаться от судоходства».

Положительный ответ на рапорт Николаю I пришел очень скоро. В письме от 7 марта 1829 г. Чернышев от имени императора сообщил, что последний нашел предложение Воронцова «выгодным и полезным». Чернышев указывал на необходимость установления тесного контакта с высшим командованием Второй армии для быстрой переброски переселенцев с помощью военных судов, после занятия Фаросского залива. Успешное продвижение Второй действующей армии давало возможность русскому командованию в широких размерах организовать иммиграцию. Получив благоприятный ответ, Воронцов энергично приступил к организации иммиграции. 19 марта 1829 г. он отправил в Николаев командующему черноморской эскадрой адмиралу А. С. Грейгу письмо, в котором ознакомил его с содержанием своего рапорта Николаю I и с ответом на него Чернышева.

Воронцов отдавал себе отчет в том, что иммиграцию организовать будет не так уж легко и просто. Мало было наладить перевозку из Сизополя в Одессу переселенцев, нужно было провести агитацию среди населения за переселение в Россию (в Крым и Херсонскую губ.). Для этой цели Воронцов 23 марта отдал распоряжение о посылке трех одесских купцов, Александра Кумбари, Антонио Феогности и Константина Кокинас в Румелию. Перед самым отъездом они были приняты Воронцовым и получили от него подробную устную инструкцию. Воронцов не рассчитывал на то, что большая масса жителей сразу же пожелает переселиться в Россию. Нужно вести умело агитацию, обещать большие льготы и привилегии. Кумбари была вручена значительная сумма денег, которую он должен был

расходовать по своему усмотрению. Прибыв в Сизополь 13 апреля, одесские купцы-эmissары немедленно приступили к выполнению инструкции Воронцова и здесь же, в Сизополе, воспользовавшись большим скоплением народа по случаю Пасхи, начали «уговаривать народ».

24 марта Грейг уже ответил на письмо Воронцова от 19 марта: «Имею честь ответить, что в сем случае [для перевозки иммигрантов. — С. Б.] могут содействовать военные суда наши, в Фаросском заливе находящиеся, равно и те, кои по обстоятельствам будут обращаться между нашими и завоеванными у турок местами. Известные вашему сиятельству успехи черноморской эскадры в Фаросском заливе делают Сизополь безопасным сборным пунктом для выходцев и пунктом для отправления их». Грейг указывал на необходимость организации продовольствия переселенцев в дороге и во время пребывания в карантине в Одессе. В конце своего письма, которое носило получастный характер, Грейг высказывал свои соображения относительно переселенцев. Он полагал, что сама идея Воронцова потерпит неудачу: население областей, завоеванных русскими войсками, занимается главным образом виноделием и не пожелает стать «свободными или вольными матросами».

Неожиданно для Воронцова Николай I решил придать иной характер всей иммиграции. Этому решению предшествовали следующие события. Контр-адмирал Кумани в рапорте от 23 февраля за № 261 сообщил Грейгу: «По овладении Сизополем . . . жители соседственных с ним мест спешат искать покровительства города». Кумани ничего не сообщает о желании этих жителей переселиться в Россию. В рапорте от 10 марта об успехах русской армии и флота Грейг доносил Николаю I: «Командование эскадрой в Фаросском заливе доносит, что по овладении Сизополем жители окрестных мест, убегающие от угрожающих им бедствий, стекаются в покоренный город и отдаются покровительству России». Именно после получения рапорта Грейга Николай I решил придать более широкий характер всей иммиграции из Турции. Иммиграция даст необходимое число вольных матросов и судостроителей, без чего черноморское мореходство не может развиваться дальше. Но этим ограничиваться не следует. Нужно организовать в широких размерах и переселение земледельцев. 22 марта Чернышев, по заданию Николая, сообщает Воронцову о новых решениях в связи с иммиграцией: «Толпы румелийских болгар прибегают под защиту войск наших, занимающих Сизополь, и желают вступить в подданство России. Император повелеть мне соизволил уведомить вас, что его величеству благоугодно, дабы вы для избежания всякого скопления таковых переселенцев в самом Сизополе, изобрели средство перевезти в порты наши людей на частных мореходных судах. Снесите с главным попечителем колонистов южного края России для их устройства».⁵

Это новое предписание для Воронцова было большой неожиданностью. Оно ломало его план. Воронцов считал, что нужно сосредоточить все силы на создание необходимых кадров русских вольных матросов. Воронцов еще до получения точных сведений знал, что число свободных земель во всей Новороссии незначительно. Кроме того, переселение потребовало бы затраты больших средств, которыми в данный момент новороссийское генерал-губернаторство не располагало. Одесса не была подготовлена к приему большого числа переселенцев, так как администрация считала, что в самом

⁵ Главным попечителем переселенцев южного края в то время состоял ген. И. Н. Инзов.

лучшем случае моряков-иммигрантов будет немного. Очень остро стал бы вопрос с продовольствием. Воронцову было ясно, что решение Николая продиктовано лишь соображениями общегосударственного значения, но не заботой о развитии Новороссии. Поэтому, вопреки распоряжению Николая, Воронцов 1 апреля отправил секретное письмо в Сизополь контр-адмиралу Кумани, в котором знакомил последнего с задачами иммиграции в Россию. Он дал Кумани подробную инструкцию: нужно перевозить только тех, которые должны в России стать матросами на купеческих судах.

В тот же день, 1 апреля, Воронцов отправил письмо И. Н. Инзову с просьбой указать размеры свободной площади в Бессарабии и Херсонской губернии, на которую могут быть посажены новые переселенцы-болгары. Ответ Инзова от 13 апреля был мало утешительным. Общее количество свободных земель весьма ограничено: во всей Херсонской губернии всего только 4558 десятин. По отдельным селам эти свободные земли распределялись так: при Терновке (близ Николаева) — 1360 дес., при Парканах — 1878 дес. и при Катаржино — 1360 дес. В Бессарабии по двум Буджакским округам имеется еще много свободной земли, но эти земли не могут быть предоставлены новым поселенцам, так как предназначены на случай переезда болгар из Бабаунгской области.

Еще до получения этого ответа от Инзова Воронцов 6 апреля отправил письмо Чернышеву. Оно свидетельствует о том, что Воронцов пока не надеялся на изменение решения Николая и не осмелился открыто выступить с критикой его. Он решил принять все меры, чтобы переселение приняло тот характер, который предусмотрен его, Воронцова, планом. 6 апреля он писал Чернышеву: «Что касается до поселения в Новороссийском крае, то я полагаю разделить их на два разряда. Те выходцы, кои пожелают заниматься мореходством и судостроением, должны быть поселены при главных портах наших, как то: Одесса, Феодосия, Керчь, Херсон, Евпатория и Таганрог. Поэтому каждому начальнику семейства дать не более трех или четырех десятин под усадьбу и виноград, а не под хлебопашество, которое отвлекло бы их от настоящей задачи». Далее Воронцов предполагает предоставить этой группе следующие привилегии: дать на пять лет денежные ссуды, даром построить им дома и освободить на 25 лет от всяких податей. Всех же землепашцев передать в ведение Попечительного комитета.

Воронцов полагал, что ему удастся воспрепятствовать переселению землепашцев. Кое-какие меры, как мы видели, им были уже приняты. Эмиссарам (Кумбари, Феогности и Кокинас) Воронцов дал инструкцию приглашать моряков. Правда, эмиссарам не было дано точных указаний относительно землепашцев, так как они уехали в Сизополь еще до получения письма от Чернышева от 22 марта, но Воронцов надеялся на свое секретное письмо к Кумани, в котором просил последнего крестьян в Одессу не перевозить. Все эти меры Воронцову казались вполне надежными, чтобы направить иммиграцию в желательное для него русло. Однако Воронцов ошибся. Контр-адмирал Кумани, получив определенную инструкцию от Грейга, отправил в Одессу на двух судах 507 чел. Руководитель одесского карантина от 24 апреля сообщил в рапорте Воронцову о прибытии первой партии румелийских переселенцев, числом более 500, на австрийском судне «Никомир» и русском «Св. Николай». Через несколько дней прибыла на греческом судне вторая, небольшая партия иммигрантов. Большинство переселенцев было из областей, удаленных от моря (Малко Тырново, Ямбол и др.),

и ни один из них не был знаком ни с мореплаванием, ни с судостроением; все они были хлебопашцами, нуждавшимися в свободной земле, которой в Новороссии в это время было уже не так много.

Это обстоятельство вызвало сильнейшее беспокойство в генерал-губернаторстве. 27 апреля рапортом за № 213 Воронцов уведомил Инзова: «Контр-адмирал Кумани препроводил ко мне на-днях около 600 человек обоего пола болгар, из коих едва ли 4 или 5 человек могут водвориться в портовых городах». Он просил Инзова принять энергичные меры для предоставления этим переселенцам свободной земли. Кроме того, Воронцов отдал письменное распоряжение таврическому гражданскому губернатору и керченскому, феодосийскому и таганрогскому градоначальникам немедленно сообщить о количестве свободных земель по всей Таврической губернии.

Положение становилось серьезным. Первое же подробное донесение от воронцовских эмисаров из Сизополя показало Воронцову, что людских резервов для переселения на правах иностранных переселенцев во много раз больше, нежели может принять Новороссия. Большое беспокойство вызывала и самая деятельность эмисаров. «Мы нашли много христиан, прибежавших в Сизополь и совершенно лишенных дневного пропитания; в таком случае, несмотря на то, что они не мореходы, а имея в виду, что они страдают от голода, и основываясь на словесном наставлении, данном нам вашим сиятельством при нашем выезде, — соображаться с обстоятельствами, 15 числа мы принялись уговаривать этих несчастных переселиться в Россию, но им, хотя по нечаянному счастью избавившимся от тиранства турок, горько показалось расстаться со своей родиной. Мы принялись за другой способ: обещали им земли, кроме одесской, всякого рода покровительства и возможного вспомоществования со стороны тамошнего правительства и таким образом успели уговорить более 100 фамилий, кои вместе с холостыми составляют мужского и женского пола 507 человек». Вот эти-то 507 душ и составляли первую партию переселенцев.

Рапорт эмисаров Воронцову с достоверностью свидетельствует, что «толпы» болгар, о которых писал в конце февраля Кумани Грейгу, в действительности не существовали. Только через два месяца прибыла первая партия, навербованная эмисарами с большим трудом. Воронцову были ясны все нежелательные последствия болгарской иммиграции. Число болгар-землепашцев, в которых в данный момент не было особой нужды, могло быть очень велико, а свободных земель хватило бы лишь на первую партию. Но была опасность, что за первой партией последует вторая, третья, четвертая... В этот ответственный момент со стороны Воронцова не было проявлено решительных и энергичных действий. 29 апреля он писал Чернышеву в Петербург: «Люди сии [переселенцы. — С. Б.], бесспорно, принесут пользу России, но они не принадлежат к числу мореходцев и судостроителей, о вывозе коих я представлял государю императору и коих число не могло быть так велико». Далее Воронцов мрачными красками рисовал те условия, в которые будут поставлены новые переселенцы, явно преуменьшая количество свободных земель в Новороссии и преувеличивая число возможных иммигрантов: «Число их, по уверениям эмисаров, мною посланных в Сизополь, может простирается до нескольких тысяч».⁶

⁶ Ни о каких тысячах эмисары не сообщали. По их донесениям, им с большим трудом удалось уговорить переехать 500 человек. Не выступая с открытой критикой решения Николая о характере заселения Новороссии, Воронцов хотел фактами доказать невозможность дальнейшей болгарской иммиграции.

На другой день, 30 апреля, Воронцов отдал приказание об учреждении при генерал-губернаторстве комиссии по продовольствию переселенцев. Это распоряжение запоздало, ибо они уже несколько дней находились в одесском карантине, а организация их питания была налажена весьма скверно. Ни эмиссарам, ни Кумани Воронцов новых распоряжений не отправил.

2 мая пришло письмо от Чернышева, которое не могло быть ответом на последнее письмо Воронцова. Чернышев сообщал, что, по распоряжению царя, министр финансов Канкрин переведет в Одессу 150 000 рублей ассигнациями для организации продовольствия иммигрантов. Инзов в письме от 29 апреля из Кишинева уведомлял, что он может дать «первоначальное», т. е. временное, помещение болгарам в числе 600 чел. обоюбого пола, которые пока еще находятся в одесском карантине. Таким образом, все более или менее устроилось. Из Турции не было никаких тревожных сведений. Около 600 переселенцев заканчивали свое пребывание в одесском карантине, после чего должны были перейти в ведение Попечительного комитета.

Но не прошло и нескольких дней, как неожиданно было получено новое письмо от Кумани из Сизополя (от 2 мая), в котором он сообщал об отправке в Одессу на судне шкипера де-Бова новой, третьей, партии. 7 мая прибыла и сама группа в числе 400 чел. (один умер в дороге, как видно из рапорта одесского градоначальника от 8 мая за № 10055).

Нам неизвестно, почему Воронцов до 13 мая не предпринял никаких действий в связи с неожиданным прибытием новой группы колонистов. Можно предполагать, что между 3 и 13 мая его не было в Одессе. Повидимому, только 13 числа Воронцов получил возможность заняться болгарским вопросом, так как в этот день он отправил сразу несколько писем. Он отослал Инзову еще одно письмо, написанное в довольно искательном стиле, совсем необычном для этого вельможи. Воронцов с чувством благодарил И. Н. Инзова за согласие предоставить земли первым 600 болгарам, не упоминая ни единым словом о том, что Инзов обещал устроить их лишь временно. В конце письма Воронцов между прочим просит принять еще 400 болгар, которые прибыли в Одессу 7 мая. В тот же день, 13 мая, Воронцов отправил письмо в Петербург к Чернышеву, в котором смело критикует решение Николая о вызове болгар в Россию, указывая, что из 1000 человек вновь прибывших нет ни одного мореплавателя, все они болгары-земледельцы. Воронцов заявлял, что дальнейшую иммиграцию болгар-земледельцев он считает бессмысленной и вредной. Свободных земель в его распоряжении уже нет, и поэтому русское правительство не сможет выполнить своих обязательств перед переселенцами. Нужно отдать распоряжение командованию черноморской эскадры, чтобы перевозились из Сизополя только мореплаватели, которые в России будут заниматься морским делом.

II

Иммиграционное движение в Новороссийский край начало с конца двадцатых годов XIX в. вызывать скептическое и даже резко-отрицательное отношение со стороны некоторых высших правительственных чиновников. Эта иммиграция стоила России ежегодно больших денег, а результаты, по мнению многих, были ничтожны. Если при Александре I интенсивное заселение Новороссии еще имело основания, то теперь значительная часть последней уже заселена. Свободные земли нужно было оставить для переселения русских крестьян, так как в Новороссии русских хлебо-

пашцев в то время было очень мало. Многие петербургские администраторы отрицали политическое значение болгарской иммиграции в новых условиях николаевского времени. Эта группа, возглавляемая министром финансов графом Канкриным, начала всячески препятствовать болгарской иммиграции. По мнению Канкринина, иммиграция в Новороссию была бы только убыточна, так как никаких вольных русских матросов из них не выйдет. Получив приказание от Николая перевести Воронцову 150 000 рублей ассигнациями для продовольствия новых переселенцев из Турции, Канкрин 27 апреля за № 1187 послал отношение управляющему главным штабом Чернышеву, в котором довольно подробно изложил свои взгляды на этот вопрос:

«Вследствие отношения вашего сиятельства от 22 сего апреля сделал надлежащее распоряжение об ассигновании графу Воронцову для первоначальных издержек по переселению в Россию и содержанию румелийских жителей 150 000 рублей; относительно самого переселения из Румелии в Новороссийский край имею честь сообщить мое мнение о том, что оно едва ли принесет желаемую и соразмерную издержкам пользу по следующим причинам:

1. По моему мнению, в Новороссийский край елико можно должно избегать привлечения иностранцев, стараясь усилить число русских, хотя бы от того сей край развился несколько позже.

2. Переселение с большими издержками людей неизвестных само по себе сомнительно.

3. Усиление собственного нашего коммерческого судоходства требует времени, как и всякая промышленность, безлесие тамошнего края служит оному большим препятствием; и хотя без сомнения правительство должно содействовать успехам оного, но мерами более свойственными существу дела.

4. Не видно, что будет стоить сие переселение, хотя бы примерно, что в нынешнем положении государства есть также предмет весьма важный; и теперь уже издерживается на переходящих из Турции в Новороссийский край ежегодно значительная сумма до 150 000 рублей. Издержки должны быть немаловажны, ибо до мира по закрытии навигации людей сих, вероятно, не малою частью должно будет содержать от казны. Впрочем, как переселение уже начато, то частные рассуждения могут служить только к тому, чтобы переселению румелийцев не дать слишком большого расширения».

Это отношение в копии было в письме от 4 мая переслано Чернышевым Воронцову.

Несмотря на все неудачи, связанные с последним переселением болгар в Россию, Воронцов далеко не разделял мыслей Канкринина и его группы. Он ожидал от иммиграции реальных и практических выгод. Воронцов думал, что создать свои кадры матросов и судостроителей можно только с помощью иммиграции. К иммиграции же хлебопашцев он относился отрицательно потому, что для них уже не было свободных земель. Получив копию отношения Канкринина, Воронцов не замедлил ответить (в письме Чернышеву от 26 мая за № 11235): «Не знаю, на чем основании сие мнение [мнение Канкринина о заселении Новороссии. — С. Б.], но уверен, что население степей новороссийских необходимо. . . Значительно усилить здесь число русских невозможно, ибо вся Россия, за исключением трех или четырех губерний, нуждается в жителях. . . У нас есть все нужное для построения, есть даже суда, но нет матросов. Между тем нашими узаконениями запрещено иметь на русских судах иностранных матросов более

одной трети, а с другой части, все важные европейские державы запретили в последнее время подданным своим служить на иностранных кораблях. В таковом положении вещей нам ничего более не остается, как или искать средства создать класс собственных наших мореходцев, или навсегда отказаться от судоходства. . . Безлесье Новороссийского края, приводимое г. министром финансов, нисколько не препятствует здесь судостроению. . .» Воронцов указывал на то, что ежегодно огромное количество строевого леса сплавляется в Херсон по Днепру. Оно легко может удовлетворить все потребности черноморского флота. «Далее, г. министр хочет сказать, что будет стоить переселение. Точно я сказать не могу. Министр пишет, что ежегодно переселение стоит 150 000 рублей».

Итак, в одесском карантине в первой половине мая находилось около 1000 болгар, которых в скором времени должны были отправить на места их жительства. Была реальная «опасность», что придут еще новые партии. Нужны были срочные меры. Воронцов решил пойти по следующему пути. Число свободных рабочих рук в Новороссии в первую половину XIX в. было весьма ограничено. Особенно сильно чувствовался этот недостаток на помещичьих землях, так как, пользуясь предоставленным им еще Александром I правом, иммигранты не могли работать на помещичьих землях, а крепостных крестьян в Новороссии было очень мало. После неудачной попытки со стороны молдавских бояр в начале XIX в. закрепить на своих землях болгар всем помещикам Новороссии и Бессарабии было запрещено селить на своих землях задунайских переселенцев. Последние были переданы в ведение особого правительственного комитета.

Несмотря, однако, на это, Воронцов решил поселить всех новых иммигрантов на помещичьих землях, и 19 мая он отправил письмо (№ 11182), Инзову с изложением своего плана: «Многие из помещиков крымских, здесь находящихся, имея нужду в рабочих, просят позволения входить с упомянутыми болгарями в условия на тот конец, дабы перевести их на южный берег Крыма и употребить их на садоводстве и виноделии. Удовлетворением сих просьб можно сберечь издержки казны и принести большую пользу Крыму».

В уже цитированном нами отношении графу Чернышеву от 26 мая Воронцов обращался с аналогичным предложением к правительству. Он доказывал, что в настоящее время перевезти болгар в Бессарабию будет стоить дорого и почти буквально повторял то, что писал Инзову: «Многие херсонские и крымские помещики, имея нужду в рабочих для обрабатывания своих полей, садов или виноградников, желают брать к себе болгар по добровольному с ними условию».⁷ 21 мая Инзов ответил на письмо Воронцова. Дав свое согласие на поселение вновь прибывших болгар на помещичьих землях, Инзов выговаривал лишь право Попечительному комитету следить за выполнением условий, заключенных между помещиками и переселенцами.

Между тем беспокойство начинает проникать в правительственные круги Петербурга в связи с тем неожиданным характером, какой получила иммиграция. Под влиянием тревожных сообщений Воронцова и, может быть, в некоторой степени под влиянием отношения к этому вопросу Канкрин, Николай иначе определил задачи заселения юга России. В начале войны Николай имел преувеличенное представление о свободных

⁷ У нас нет сведений, в чем именно состояли эти «добровольные условия» между иммигрантами и владельцами новороссийских латифундий.

землях в Новороссии и Бессарабии. В этом нет ничего удивительного, так как сам новороссийский генерал-губернатор Воронцов тоже не знал количества свободных земель по Бессарабии, Херсонщине и Таврии. Как уже упомянуто, только из сообщений Инзова Воронцов узнал, что по всей Бессарабии и Херсонской губернии имелось совсем мало свободной земли.⁸ О количестве свободной земли по Таврической губ. Воронцов ничего не знал до середины мая. На свои отношения к правительственным чиновникам Таврии он получил ответы только 10—11 мая. 11 мая таганрогский градоначальник ответил, что свободной земли имеется 2464 дес., Феодосийский градоначальник от 10 мая сообщил о наличии 500 дес., керченский того же числа уведомил, что свободной земли имеется только 300 дес. Наконец, таврический гражданский губернатор сообщил о наличии свободных 5564 дес. Итого, общая площадь свободных земель по всей Новороссии, по данным Инзова и правительственных чиновников Таврии, составляла 13 386 дес., не считая свободной земли в Бессарабии, которая не могла быть предоставлена для заселения новых переселенцев (см. выше донесение Инзова).

Если Воронцов получил полное представление о количестве свободных земель в середине мая, то Николаю это стало известно лишь в конце месяца. По распоряжению Николая, Чернышев составил Воронцову отношение, в котором, наконец, задачи иммиграции формулировались в полном согласии с планами самого Воронцова. Николай приказал «дабы они [эмигранты.— С. Б.] непременно ограничились вызовом одних только людей, способных к мореходному промыслу и никак не приглашали наравне с ними других жителей». Получив это распоряжение Николая, которое давало возможность сразу же приостановить болгарскую иммиграцию, Воронцов, однако, не предпринял никаких мер, полагая, видимо, что возымет действие его секретное отношение в Сизополь к Кумани и что переселенцев-крестьян больше не будет. Последняя партия прибыла 7 мая, и в течение всей второй половины мая ни от эмигрантов, ни от контр-адмирала Кумани не было никаких известий.

Новороссийское генерал-губернаторство успокоилось и приступило к «устроению судьбы» переселенцев. Карантинный срок проходил, и нужно было решить, что с этими болгарами делать. Правительство очень боялось занесения чумы из Турции, и поэтому карантинные правила соблюдались весьма строго. В случае смерти в карантине производился строжайший медицинский осмотр трупа. По окончании карантинного срока, по приказанию министерства внутренних дел, все болгары были тщательно осмотрены врачом.

Всем переселенцам в карантине было объявлено, что знакомые с мореходством и судостроением будут приписаны к мещанам г. Керчи и освобождены от всяких податей на 25 лет. Несмотря на эти выгодные условия, из 1000 иммигрантов отозвался только 21 чел. К 30 мая прошли карантин все прибывшие переселенцы и большая часть их сразу же по выходе была

⁸ Трудно судить, насколько близки к действительности были сведения Инзова. У нас есть основание предполагать, что Инзов в своих сведениях сознательно уменьшал размеры незанятой земли. Это подтверждается, например, историей болгарского села Твардица. Нам известно, что в 1829 г. часть жителей болгарского села Твардица, что к западу от Сливена, покинула родину и, переправившись через Дунай, поселилась в бессарабской колонии Чадыр Лунга, населенной гагаузами. Начальство отказалось предоставить болгарам землю, ссылаясь на отсутствие ее. Тогда сами болгары без особого труда нашли большой свободный участок земли в нескольких километрах к северу от Чадыр Лунга, на котором они в 1830 г. и были поселены.

отправлена в Крым; незначительная часть была оставлена в Херсонской губ. Архивные данные ничего не сообщают о дальнейшей судьбе болгар, посланных в Крым.

Болгары были отправлены в Крым по личному распоряжению Воронцова. Действовал он исключительно по своему усмотрению, так как согласие Инзова, конечно, не могло отменить прав, данных болгарам при Александре I; кроме того, ответ Инзова был уклончив. От Николая Воронцов по этому вопросу ответа (ко времени окончания карантинного срока) еще не получил, но надеялся получить благоприятный ответ позже. Таким образом, к началу июня Одесса была освобождена от всех иммигрантов, которые, по мнению Воронцова, были устроены «наилучшим образом».

9 июня Воронцов неожиданно получил рапорт от своих эmissаров, в котором они сообщали, что им удалось завербовать еще 124 болгарина и что они уже отправлены в Одессу на судне «Св. Николай». С плохо скрываемым раздражением Воронцов на другой же день, 10 июня, послал письмом своим эmissарам: «Действия ваши не соответствуют целям правительства и данным вам наставлениям, ибо вы вместо матросов присылаете сюда болгар-земледельцев». 15 июня за № 337 Воронцов направил отношение Грейгу, в котором сообщал, что прибывшие 124 болгарина отправлены им на том же пароходе («Св. Николай») в феодосийский карантин. «Нужным почитаю покорнейше просить вас сделать надлежащее распоряжение, чтобы сюда более не возили болгар из Сизополя».

Действуя на свой страх и риск, Воронцов, однако, хотел получить правительственную санкцию. Еще в письме к Чернышеву от 26 мая он просил разрешение на поселение болгар на помещичьих землях, но ответа еще не получил. Это связывало в некотором отношении действия Воронцова, — дело шло о нарушении прав, дарованных им Александром I. 14 июня Воронцов написал состоявшему при царе генерал-адъютанту Эдуарду Адлербергу, указывая, что прибытие значительного количества болгар в Одессу объясняется опротестованным решением правительства, которое не было согласовано с нуждами и потребностями Новороссийского края. «Правительству должно быть известно, что болгары, ныне сюда прибывшие из Румелии, отправлены не по приглашению, а только потому, что его императорскому величеству благоугодно было из сострадания к сим несчастным повелеть контр-адмиралу Кумани принимать их под защиту российского оружия». Воронцов просил вторично разрешения поселить в Крым на землях тамошних помещиков. Уже 22 июня Адлерберг писал Воронцову: «Государь император соизволил довести вашему сиятельству, что его императорское величество в полной мере одобряет распоряжение сие и иной не полагает преграды дальнейшему переводу на том основании подобных выхолцев в Крым».

Агитационная деятельность воронцовских эmissаров начала вызывать неудовольствие и командования Второй действующей армии. Оно, еще до последних распоряжений Воронцова, запретило перевозить в Россию болгар, так как они нужны были в Сизополе для фортификационных работ. 9 июня генерал-лейтенант Паниет отдал следующее распоряжение Кумани: «Поелику для продолжения здешних фортификационных работ нужно рабочих, то предписываю Вам стараться, следуя внушениям человеколюбия, отправлять в Россию только одних бедных женщин, стариков и детей менее 10 лет; мужского же пола, превышающего сей возраст, я Вам запрещаю отправлять». Узнав от Грейга, что русское правительство решило приостановить болгарскую иммиграцию, командование Второй

армии приняло еще более решительные меры. Все это соответствовало намерению Воронцова. 28 июня он пишет Паниету: «Приветствую, что Вы, милостивый государь, весьма хорошо сделали, приостановив отправку в Одессу из Сизополя бедных болгар». Кумани не успел перевезти стариков, женщин и детей, что было ему разрешено Паниетом. Получив точные указания от правительства и письмо от Воронцова, Грейг решил совершенно прекратить перевозку болгар в Россию, ибо, по его мнению, эти перевозки отнимали много сил и внимания у командования черноморской эскадры, которая в общем стратегическом плане Второй армии выполняла ответственные задания. 19 июня в Сизополе Грейг вызвал к себе эмиссаров и, как они сами свидетельствуют в рапорте Воронцову, кричал на них и указывал на безрассудность их деятельности. После Грейга их еще сильнее бранил Паниет, который им вообще запретил вести агитацию среди местного населения.

Командование Второй армии полагало, что эмиссарам лучше уехать обратно, но Воронцов не оставил еще своей мысли о привлечении в Новороссию моряков-судостроителей и поэтому желал, чтобы эмиссары остались в завоеванных областях. 14 июля он им написал: «Вы должны стараться к переселению в Россию одних только мореходцев, кораблестроителей и винодельцев». Здесь же Воронцов указывал, что приглашать нужно только взрослое мужское население. Несмотря, однако, на желание Воронцова, командующий Второй армией генерал Дибич запретил воронцовским эмиссарам вести агитацию за переселение в Россию, а также запретил Кумани перевозить кого бы то ни было из Турции в Россию. Это энергичное распоряжение Дибича объяснялось тем, что, начиная с весны 1829 г., как мы уже упоминали, нужны были рабочие для возведения всевозможных фортификационных сооружений. Кроме того, местное мужское население в широких размерах привлекалось к несению волонтерской службы. Лишь после заключения мирного договора с Турцией Дибич любезно сообщил Воронцову из Адрианополя 8 октября 1829 г., что его эмиссары теперь могут продолжать свою деятельность. Таким образом, на весь летний период 1829 г. прекратилась иммиграция болгар в Россию. Переселилась только одна группа из г. Рахова.

Граф Чернышев в своем отношении Воронцову от 9 июля так описывает обстоятельства этого переселения: «По взятии войсками нашими 28 мая укрепленного города Рахова жители оного прибегнули к командиру отрядом генерал-адъютанту барону Гейсмару с убедительнейшей просьбой о переправе их на левый берег Дуная с их семействами и имуществом. В твердом уповании на милосердие и великодушие государя императора главнокомандующий действующей армии, согласно представлению о том барона Гейсмара, разрешил последнему удовлетворить вышеизложенному желанию раховских жителей, и об этом, доводя до сведения государя императора, испрашивает высочайшего соизволения на переселение упомянутых жителей в Екатеринославскую губернию в окрестности города Мариуполя». 23 июля Воронцов ответил, что с его стороны возражений нет.

Таким образом, первый этап болгарской иммиграции, начавшийся в апреле 1829 г., не дал ожидаемых результатов. Было много хлопот, истрачено много денег, а число мореплавателей и судостроителей не увеличилось, и черноморский торговый флот терпел острый недостаток в квалифицированных моряках. Не было и опытных судостроителей. Постройка судов на Николаевском заводе обходилась очень дорого.

Среди болгарских переселенцев XVIII и начала XIX в. было немало зажиточных семейств. При Александре I для них был установлен обязательный имущественный ценз (300 рублей серебром на двор). Многие из болгар Бессарабии имели свои стада. В ином положении находились болгары в 1829 г. Так как иммиграция весной 1829 г. была плохо организована и не было точной договоренности между начальствующими лицами, то не было и твердых решений относительно имущественного положения новых поселенцев. Кумани перевозил в Одессу бедняков, так как агитация эмигрантов, видимо, имела успех главным образом среди них. Скольконибудь значительной движимости они не имели. Большинство иммигрантов совсем не имело денег, а вся их движимость равнялась одному пуду.⁹ Эти данные свидетельствуют о том, что переселялась самая бедная часть болгарской деревни.

Болгары, прибывшие весной 1829 г., были жителями юго-восточной области Болгарии, расположенной между городами Бургас, Карнобат, Ямбол и Малко Тырново. Много переселенцев было из сел Заберно, Вульгари, Мехметкёй, Карабунар, Граматико, Чанакли, Аланкарнак; 35 чел. — из Малко Тырнова. Были переселенцы и из областей, расположенных в более северной части Болгарии; так, 9 чел. были из гор. Котел.

Установление мест первоначальных поселений болгар нашего юга имеет большое значение для диалектологии. В своем исследовании, посвященном болгарским говорам Бессарабии, Украины и Крыма, академик Н. С. Державин показал, что большинство наших болгарских говоров неоднородны по своему диалектическому составу. В очень многих поселениях (Парканы, Гюневка и др.) представлены языковые особенности, характеризующие северо-восточные и южные говоры в самой Болгарии.¹⁰

III

Русско-турецкая война 1828—1829 гг. закончилась Адрианопольским миром (2 сентября 1829 г.). 9 сентября через Одессу проследовал флигель-адъютант полковник Чевкин в Петербург для сообщения о благополучном окончании войны и заключении мирного договора. По 13-му пункту Адрианопольского мирного трактата было решено следующее: «... А потому, никто из таковых лиц [боровшихся на стороне противника. — С. Б.], за прежние поступки свои не подвергается беспокойству или преследованиям в отношении ни к личности, ни к имуществу; но каждому из них предоставляется право снова вступить во владение своею собственностью, спокойно, под покровительством закона, пользоваться оною, или, не опасаясь никаких притязаний и притеснений, продать оную в течение осьмнадцати месяцев, если пожелает переселиться с своим семейством и движимым имуществом в другую страну по его избранию». В данном случае составители

⁹ Вот один из списков имущества нескольких семейств, составленный в Одесском карантине: имущества два с половиной пуда, денег нет; ничего не имеет; денег на 20 левов, имущества $1\frac{1}{8}$ пуда; денег и серебряных вещей на 20 левов, а имущества на 3 пуда; имущества 1 пуд, денег нет; денег на 10 левов, а имущества на $1\frac{1}{2}$ пуда; имущества на 3 пуда, денег нет; денег на 5 левов, а имущества на 1 пуд; денег нет, имущества на 1 пуд; денег и серебряных вещей на 35 левов, имущества на $1\frac{1}{2}$ пуда; денег на 25 левов, имущества на 4 пуда; имущества на 1 пуд, денег нет; ничего не имеет; ничего не имеет; денег нет, имущества на 1 пуд; денег нет, имущества $1\frac{1}{2}$ пуда и т. д. Самый богатый из тысячи переселенцев был Стоян Георгий Колбан, 35 лет, имевший 600 левов и имущества на 15 пудов.

¹⁰ Н. С. Державин. Болгарские колонии в России, т. II. Язык. П., 1915.

договора имели в виду православное население Оттоманской Порты (главным образом болгар), которые получили право в течение 18 месяцев переселиться в Россию.

Прерванная в июне иммиграция болгар возобновилась вскоре после заключения договора. Характер иммиграции, однако, сильно изменился. Если во время войны переселялись почти исключительно болгары-земледельцы, то теперь среди переселенцев имеется много торговцев, ремесленников, виноделов и др.

Эмиссары Воронцова продолжали еще некоторое время оставаться в Турции. 1 октября они доносят из Месемврии Е. А. Головину: «Что касается болгар, то из них жительствующие на Балканских горах и Боллыкском округе желают переселиться в Россию на своих расходах». 16 октября Головин (из Бургаса) ответил эмиссарам, что болгары могут переселиться в Россию, но на своем продовольствии. Больше никаких сведений о деятельности эмиссаров в Турции нет. Сохранилось отношение к ним Воронцова от 2 марта 1830 г.: «Полагаю пребывание ваше в Румелии более ненужным по поручению мною вам сделанному относительно приглашения болгар к переселению в Россию; предлагаю вам не далее 1 апреля оставить турецкие владения и возвратиться в Одессу». 6 июня 1830 г. в письме к Чернышеву Воронцов просил дать Александру Кумбари (руководителю эмиссарской группы) за его заслуги золотую медаль на ленте.

Новая иммиграционная волна началась в январе 1830 г., и на этот раз захватила довольно широкие слои болгарского населения. 4 февраля из Бургаса исправляющий должность начальника главного штаба генерал-лейтенант Вахтен сообщил о желании 22 болгар из Тырнова (видимо, Малко Тырново) переселиться в Аккерман; среди них были трое земледельцев, 9 торговцев, 3 серебряника, 3 красильщика, 2 портных и 2 пастуха. Затем сообщения от Вахтена стали учащаться. Из Гёк-Тепе в Бессарабию выразили желание переехать 26 семейств болгар, среди них — 10 торговцев, 15 земледельцев и 1 серебряник.

Продолжали поступать сведения от Вахтена и в марте: 3 марта он сообщил о желании 9 болгарских семейств из города Селимно переехать в Крым (2 торговца, 1 обойщик, 1 пастух, 2 винодела, 1 пекарь, 1 плотник и 1 суконный фабрикант).

Во всех случаях новороссийское генерал-губернаторство отвечало, что означенным семействам разрешается переезд. С конца марта 1830 г. исправляющий должность начальника штаба Второй армии начинает отправлять болгар уже без разрешения новороссийского генерал-губернаторства. 31 марта из Бургаса в Крым отправлено 9 болгарских семейств (4 винодела, 1 сапожник, 1 портной и 3 земледельца). 31 марта Дибич писал Воронцову: «Сверх упомянутых жителей в Варне еще до 700 семейств объявили желание переселиться, из коих более половины требуют пособия». 11 апреля из Бургаса сообщили об отправке 60 болгарских семейств (все — хлебопашцы) из гор. Карнобата и окружающих его селений в Молдавию.

В апреле 1830 г. число переселенцев возросло. 34 болгарских семейства из гор. Василико и окрестных селений переселились в Крым, Измаил, Одессу, Аккерман. Из селений Кучук-Яллы, Русо-Кастро, Каладжилар переселились в Бессарабию 79 болгарских семейств; все — хлебопашцы. Из города Ямбола и окрестных деревень переселились 1141 болгарское семейство. Среди них были люди самых различных профессий: торговцы, красильщики, портные, хлебопеки, слесаря, серебряники, колесники, кирпичники,

каменщики, плотники, кузнецы, лудильщики, гребенщики, медники, свечники, мельники, сапожники, учителя, садовники, кожевники, оружейники, огородники и, наконец, земледельцы. Болгары поселились в Измаиле и Кишиневе. Земледельцы получили в районе Кишинева небольшие наделы.

28 апреля из Анхиола сообщали Воронцову, что фельдмаршал Дибич, согласно 13-му пункту Адрианопольского договора, разрешил переселиться в Россию 867 болгарским семействам из Сливны, Адрианополя и близлежащих селений. Из этого числа из Сливны 734 семейства болгар переселились в Бессарабию (324 хлебопашца и 410 торговцев и ремесленников). В начале мая прибыла вторая группа переселенцев из Ямбола — 520 болгарских семейств. Среди них большая часть — торговцы и ремесленники. Поселились они в Измаиле и Кишиневе. В город Измаил из села Кулькой прибыло 43 болгарских семейства (хлебопашцы), из села Фундукли — 170 семейств (торговцы, портные и хлебопашцы), из села Кояборны — 13 болгарских семейств-хлебопашцев.

Из городов Агатполя, Сизополя, Василюк, Адрианополя и Эскивара приехала большая группа переселенцев: 130 болгарских семейств и 12 цыганских. Из болгар 61 семейство хлебопашцев поселилось в Бессарабии. В Одессу прибыло 57 болгарских семейств из Румелии; все они остались в Одессе. Позже прибыло еще 8 семейств торговцев и сапожников. 13 июня в Керчь из Варны прибыли 163 человека.

Через одесский карантин до 17 июня 1830 г. было пропущено 1660 семейств, остальные шли через крымские карантинные пункты. Наиболее интенсивным переселение было в конце апреля и начале мая. С начала июня число переселенцев резко снижается и к середине июня иммиграция уже утрачивает свой массовый характер. Летом и осенью 1830 г. переселяются единицы, оседающие главным образом в торговых городах (большой частью в Одессе).

С ослаблением иммиграционной волны Воронцов приступил к «устройству быта румелийских переселенцев». Теперь он имел возможность, хотя бы частично, осуществить свой первоначальный план. Новые поселенцы были разбиты на две группы. К одной были причислены моряки, которые были записаны в матросский цех и освобождены на 25 лет от всяких налогов. Во вторую — торговцы и ремесленники, которые были приписаны в мещанство данного города (без согласия мещанского общества) и освобождены на 10 лет от податей и от рекрутской повинности. Меньше всего Воронцов думал об «устройстве быта» хлебопашцев. Никаких льгот и привилегий им дано не было. Многие из них получили в Бессарабии небольшие земельные наделы на «пустопорожних землях». Многие вынуждены были заключить договор с помещиками на аренду небольших земельных участков. 1 июня Воронцов отправил рапорт Николаю I, в котором сообщал о всех своих мероприятиях. Уже 7 июня 1830 г. управляющий личной канцелярией царя, Александр Танеев, отвечал из Варшавы, что Николай одобряет все действия Воронцова: «Государь император удостоить изволил прочтения всеподданнейшую записку вашего сиятельства от 1 сего июня, коей вы доноситесь относительно выходящих в пределы России из Румелии и Болгарии болгар и других наших единоверцев и о принятых вами мерах... чтобы ремесленникам из числа переселенцев, как то: виноделам, матросам и рыболовам — представить избрать род жизни и селиться там, где пожелают сообразно со своим занятием, не воспрещая никому водворяться в городе, в казенных селениях, на пустопорожних участках и в помещичьих имениях по обоюдным добровольным условиям, с тем, чтобы желающих приписаться к городам разделить на два класса: 1) причисляющихся в мат-

росский цех для поощрения мореходной промышленности освободить от всех податей на 25 лет, записывая их в цех на основании вновь состоявшегося о том положения, и 2) намеревающихся вступить в мещанство приписывать без согласия общества с предоставлением им десятилетней льготы от всех податей и от рекрутской повинности, и чтобы попечение о вдовах и сиротах в колониях приняло на себя колонистское начальство, а в прочих местах возложить оное на приказы общественного призрения». 9 июня из Варшавы Танеев дополнительно сообщил, что Николай приказал всех оружейных мастеров селить в Тирасполе.

Из отношения министра финансов Канкрин Воронцову мы узнаем о размерах затрат на переселенцев. «Сообщая о сем вашему сиятельству, — писал Канкрин, — я считаю нужным присовокупить, что сверх означенных 71 000 левов на первоначальные издержки для содержания прибывающих в Одессу румелийских выходцев, отпущено в распоряжение ваше в 1829 г. из Херсона 15 000 рублей, а в мае месяце 1830 г. из Одессы на продовольствие переселенцев — 50 000 рублей. Итого — 65 000 рублей.

В связи с большим наплывом болгар в апреле — мае 1830 г. встал вопрос о пошлине. Было решено, что если имущество турецкого производства, то пошлину не взимать, если же иностранного, то все имущество должно облагаться пошлиной. В связи с этим Канкрин писал Воронцову в июне 1830 г.: «В дополнение к отношению моему от 20 числа прошлого мая за № 10246 о пропуске имущества переселяющихся в Россию болгар, имею честь уведомить ваше сиятельство, что и по сему предмету имел счастье войти с докладом к его императорскому величеству общес г. министром внутренних дел и, вследствие высочайше утвержденной докладной записки нашей, предложил ныне исправляющему должность начальника бессарабского таможенного округа, чтобы и те значительные количества товаров, кои у назначенных болгаров находятся могут, если они турецкого происхождения, пропускаемы были без пошлины, так как они могут составлять их имущество, а если они суть европейские, следовательно, возрождается сомнение, что они нарочно куплены, чтобы воспользоваться случаем водворить их в России, то взыскивать пошлину».

Е. Н. Кушева

ИЗ РУССКО-СЕРБСКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ 1870-х ГОДОВ

I

При обыске 30 января 1878 г. в Одессе у арестованного после вооруженного сопротивления и позже расстрелянного революционера Ивана Мартыновича Ковальского была найдена между другими бумагами и его записная книжка. Ряд записей в ней привлек внимание производивших дознание, и копия с них была послана из Одессы в Петербург, в III Отделение собственной его величества канцелярии. Сейчас эта копия хранится в Центральном Государственном историческом архиве в Москве, в деле № 95 третьей экспедиции III Отделения, 1878 г., «По обвинению в государственном преступлении задержанных в Одессе Ивана Ковальского и других соучастников его», на лл. 51 об. — 53 об.¹ Записи Ковальского, представляющие интерес для изучения не только русского, но и сербского революционного движения, печатаются здесь по сохранившейся копии:

Адрес Каминского: в Цюрих, Rämistrasse, 28.

Адрес Штейна: в Цюрих, Oberstrasse, Stapfermey, № 206, bei Frau Meyer.

Адрес неизвестного: ² Paris, Montmartre, Rue Abbesses, № 53.³

Революция — сестра

дело — брат

подготовка — знакомая

конспирация — погода

заговор — трава

конспиратор — шут

анархия — Анна

якобинизм — Яков

тюрьма — церковь

князь — поп ⁴

воен. министр — дурак

полиция — кума

полицейский — кум

шпион — кокотка

измена — флюгер

опасность — болезнь

арест — попойка

арестован — пьян

успех — сын

неудача — дочь

общество — книги

член — страница

мужчина — филос. [оф]

женщина — артист

пропаганда — чтение

пропагандист — чтец

принцип — переплет

идея — обертка

реакция — эпидемия

знамя — адрес

расстрелять — угостить

Lib[erté] — 1

¹ ЦГИА, ук. дело.

² Эти слова, очевидно, вставлены снимающим копию чиновником.

³ В тексте копии: Montmartre, Rue A besses.

⁴ В тексте копии: пип.

Eg[alité] — 2
 Fr[aternité] — 3
 печать — рука
 суд — сплетня
 деятель — цветок
 обман — мечта
 программа — заглавие
 статут — статья
 граница — колодезь
 паспорт — portefeuille ⁵
 Маркович — Роза
 Коич — Катя
 Милович — Василиса
 Ценич — Саша
 Лютич — Леля
 Велемир[ович] — Паши
 Пашич ⁶ — Зина
 Андреевич — Анюта
 Радощ ⁷ — Надя
 Сомов — Женья
 Бибииков — Матрена
 Максимов — Сося
 Пейч — свинка
 Воинарский — Генриетта
 Афанасьев — Мари
 Самойлович — Эрнестина

Килинович — дура
 Бакун.[ин] — Мария
 Нечаев — Ольга
 Гольденберг — Адель
 Попов — Ида
 Александр.[ов] — кляча
 Каменский — Люба
 St. Just — Justin
 Robespierre — Pierre
 Louis Blanc — Людовик
 Париж — ресторан
 Белград — сад
 Цюрих — библиотека
 Дантон — Даниил
 Рашевская — Анатолий
 [Рашевская] 2 — Вася
 Вильберг — Ваня
 Константинович — Макся
 Дмитриева — Жорж
 Исаева — Лазарь
 Фронштейн — жид
 Фамилиант ⁸ — Валериан
 Обухова — Земфира
 Крюкова — Сергей
 Южакова — Николай

Общее значение записей книжки Ковальского понятно: сначала даны три адреса — два цюрихских и один парижский, а далее идет словарь для конспиративной переписки. Принцип составления словаря, в котором одни слова заменены другими, а фамилии — чаще всего чужими уменьшительными именами (для мужчин — женскими, для женщин — мужскими), заставляет вспомнить те «диксионеры», которыми широко пользовался в конце 1860-х и в 1870 году в своих конспиративных письмах М. А. Бакунин. Некоторые из бакунинских словарей были взяты при обысках в 1870 г. после лионского восстания и опубликованы в 1872 г. O. Testut в его книге: «L'Internationale et le Jacobinisme au ban de l'Europe», v. I, Paris, 1872. Приведу для сравнения со словарем Ковальского несколько выдержек из обширных словарей Бакунина:

184 Malon — Julie
 185 Beauve — Eugénie
 186 Bastelica — Eugène
 .....
 219 police — agent
 220 armée — commerce
 221 préfet — commis
 222 espion — ami
 223 dénonciation — achat
 224 poursuite — spéculation
 225 perquisition — vente
 226 arrestation — l'arrangement

227 prison — hôtel
 228 condamnation — cadeau
 229 mort — promenade
 230 fuite — maladie
 .....
 237 conspiration — relâchement
 238 organisation — conversation
 239 préparation — échange
 240 agitation — protection
 241 insurrection — négligeance
 242 révolution — négociant
 243 propagande — négociation ⁹

Аналогия идет так далеко, что заставляет предполагать прямое подражание найденного у Ковальского словаря приемам бакунинской конспи-

⁵ В тексте копии: port-feuille.

⁶ В тексте копии: Патич.

⁷ В тексте копии: Радот.

⁸ В тексте копии: Фамиман.

⁹ O. Testut. Op. cit., p. 143—151.

рации. Такое предположение обращается в уверенность после определения даты словаря Ковальского, к чему и обратимся.

Записная книжка, найденная при обыске в 1878 г., могла, конечно, содержать и более ранние записи. Для датировки воспользуемся прежде всего тем списком женских фамилий, которым заканчивается словарь. Дополнив фамилии именами и отчествами и некоторыми биографическими сведениями,¹⁰ получим такой результат.

Рашевская, Александра Григорьевна, по мужу Варзар, из Черниговской губ. В 1872—1873 гг. была студенткой Цюрихского университета. После вызова русских студенток из Цюриха правительственным сообщением от 21 мая 1873 г. переехала в Париж. В 1874 г. вернулась в Россию. В 1875—1876 гг. жила в Петербурге, позже — в Черниговской губ.

Рашевская, Анна Григорьевна — сестра Александры. В начале 1870-х годов жила за границей, в 1873 г. — в Париже, была женой эмигранта Каспара Турского. Позже умерла в Швейцарии.

Вильберг, Анна Карловна — подруга Софии Перовской. В 1872 г. уехала из Петербурга в Вену, где слушала акушерские курсы. Весной 1873 г. переехала в Швейцарию.

Константинович, Софья Александровна, по мужу Максимовская, из Чернигова. В начале 1870-х годов училась в Цюрихе. В мае 1873 г., после вызова русских студенток уехала в Париж, затем в Вену. Вернулась в Россию в мае 1874 г., а в сентябре того же года была привлечена в Саратовской губ. по делу о пропаганде в империи (дело 193-х).

Дмитриева, Софья Петровна, харьковская уроженка. В начале 1870-х годов приехала из Темир-Хан-Шуры в Цюрих, где была студенткой университета. В 1873 г., после вызова русских студенток из Цюриха, уехала в Париж, откуда в октябре 1873 г. ездила в Вену. Позже получила в Париже степень доктора медицины.

Исаева, Любовь Егоровна, из Томска. В апреле 1872 г. приехала в Цюрих, где была студенткой университета.

Фронштейн, Анна Исааковна, по мужу Серебряная, из Одессы. В начале 1870-х годов была студенткой Цюрихского университета. После вызова русских студенток уехала в 1873 г. в Берн. В 1877 г. вернулась в Россию.

Фамилиант, Дора Львовна, по мужу Овсяннико-Куликовская, из Симферополя. В 1871 г. приехала в Цюрих, где была студенткой и откуда уехала в июле 1873 г. в Париж. В 1875 г. вернулась в Россию, была арестована на границе и привлечена к дознанию по делу 193-х. В 1876 г. выслана на родину, в Симферополь.

Обухова, Екатерина Николаевна, из Саратовской губ. В мае 1872 г. поступила в Цюрихский университет. После вызова русских студенток переехала в Женеву. В 1877 г. жила в Москве.

Крюкова — в 1872 г. студентка Цюрихского университета. Работала в Цюрихе в типографии кружка чайковцев.

¹⁰ Биографические сведения для большинства из поименованных ниже лиц можно найти во II томе «Биобиблиографического словаря деятелей революционного движения в России», вып. 1—4, М., 1929—1932; в книге: Н. Г о л и ц ы н. История соц. революционного движения в России. 1861—1881. Глава десятая. СПб., 1887; в ЦГИА, в деле III Отд., 3 эксп., 1872 г., № 215, ч. 1 и 2 «О русских подданных, проживающих в Цюрихе и слушающих курсы в тамошнем университете»; в так называемых «справках» III Отделения (Е. Южакова, Александра Рашевская, Анна Рашевская, Д. Фамилиант). Сведения об Анне Карловне Вильберг даны А. И. Корниловой-Мороз.

Южакова, Елизавета Николаевна, из Одессы. В 1869—1871 гг. была студенткой Цюрихского университета. В 1871 г. вернулась в Одессу, откуда снова приехала в Цюрих осенью 1872 г. В 1872—1875 гг. жила в Швейцарии и во Франции — в Париже, Лионе и Ницце. В 1875 г. вернулась в Россию. С началом сербско-турецкой войны уехала сестрой милосердия в Сербию. Ее позднейшая революционная деятельность привела ее в 1880 г. на каторгу.

Все перечисленные лица объединяются тем, что в начале 1870-х годов жили за границей и почти все учились в университете в Цюрихе, куда съехались из разных концов России к 1872 г. и откуда, после вызова русских студенток правительством в мае 1873 г., разъехались, частью в другие города Швейцарии, частью в Париж и Вену; в 1874 г. некоторые из них уже вернулись в Россию. Очевидно, к периоду их совместной жизни за границей — к 1872 или 1873 г. — и надо отнести обнаруженные у Ковальского записи, содержавшие цюрихские и парижский адреса для переписки.

Другие русские фамилии словаря, которые удается отождествить, подтверждают эту датировку документа.

Напомню, что Бакунин жил в Цюрихе с 4 июля по 11 октября 1872 г. и приезжал туда же в апреле 1873 г.¹¹ В 1872 г. приехал в Цюрих из Парижа и Нечаев, уже давно разошедшийся с Бакуниным. Арестованный в Цюрихе 14 августа н. ст. 1872 г., Нечаев 26 октября был отправлен в Россию.¹²

Гольденберг словаря — конечно, Лазарь Гольденберг, действовавший в начале 1870-х годов в Петербурге и Петрозаводске, эмигрировавший за границу в конце июля 1872 г. и живший сначала в Цюрихе, а с сентября того же года в Женеве. В Швейцарии Гольденберг работал в типографии кружка чайковцев. Дата его приезда в Цюрих — конец июля н. ст. 1872 г. — уточняет датировку найденного у Ковальского словаря; который, очевидно, не мог быть составлен ранее появления Гольденберга за границей.¹³

Александров — вероятно, Василий Максимович Александров, эмигрировавший в 1871 г. в Швейцарию, заведовавший типографией кружка чайковцев в Цюрихе и Женеве и порвавший с чайковцами весной 1873 г.¹⁴

Попова можно отождествить с Петром Ив. Поповым, студентом Медико-хирургической академии, судившимся и оправданным по нечаевскому делу и уехавшим в 1872 г. за границу. Об эмигранте Попове, работавшем в 1873 г. в типографии кружка бакунистов в Цюрихе, не раз говорят в своих мемуарах Ралли и Сажин.¹⁵

Фамилия Бибилова постоянно упоминается в донесениях русской заграничной агентуры 1871—1873 гг. в различных комбинациях. Сообщается,

¹¹ M. N e t t l a u. Bakunin und die russische revol. Bewegung in den Jahren 1868—1873. — «Archiv für die Geschichte des Socialismus und der Arbeiterbewegung». 1915, Bd. V, S. 409, 414, 417.

¹² «Библиографический словарь деятелей революционного движения в России», т. I, ч. 2, М., 1928.

¹³ Л. Г о л ь д е н б е р г. Воспоминания. — «Каторга и ссылка», 1924, V (12).

¹⁴ Библиографический словарь . . . , т. II, вып. 1, 1929.

¹⁵ Библиографический словарь . . . , т. I, ч. 2, 1928; З. Р а л л и. Из моих воспоминаний о М. А. Бакуине. — Сб. «О минувшем», 1909, стр. 292, 339, 341, 343, 345; М. С а ж и н. Русские в Цюрихе (1870—1873). — «Каторга и ссылка», 1932, X (95), стр. 63—64, 66. — Ралли называет Попова б. студентом Политехнического института, но ему могла изменить память.

что с паспортом на имя Бибикова перешел границу в 1871 г. Ралли, что затем этот паспорт был в руках у Нечаева, который передал его В. Смирнову для поездки в 1872 г. из Швейцарии в Москву и обратно; в ноябре 1873 г. сообщалось, что Турский и Серебренников (вероятно, Владимир, близкий к Нечаеву) оба живут за границей по паспортам на имя Бибикова и собираются ехать в Петербург под этой фамилией.¹⁶ Очевидно, Бибиков словаря — псевдоним одного из русских эмигрантов.

Другая группа русских фамилий списка — Сомов, Максимов, Войнарский, Афанасьев, Самойлович, Каменский, так же, как и фамилии двух цюрихских адресов — Каминский и Штейн, — остается неясной.¹⁷

Приведенные данные показывают, что словарь Ковальского был составлен в 1872 или в 1873 г. и что он предназначался для конспиративной переписки с заграницей. В словаре названы три заграничных города — Париж, Белград и Цюрих. Список русских фамилий словаря охватывает широкий круг русских эмигрантов, живших в эти годы в Швейцарии и Париже. На сношения с заграницей указывают и включенные в список слова: *граница* и *паспорт*. Очень большой интерес вызывает группа сербских фамилий списка, которая, наряду с упоминанием Белграда, свидетельствует о связях одесских революционеров и русских эмигрантов с сербами. Но прежде чем комментировать список сербских фамилий словаря Ковальского, попытаемся определить направление тех русских революционных кружков Одессы и эмиграции, для нужд которых словарь был составлен.

Включенные в словарь Ковальского представители русской революционной эмиграции принадлежали к разным группировкам. Гольденберг, так же, как Вильберг и Крюкова, был сторонником кружка чайковцев, противников нечаевской тактики, ставивших своей задачей пропаганду в народе. Александров был связан с чайковцами до осени 1872 или до 1873 г., когда чайковцы с ним порвали. Мемуары объясняют этот разрыв этическими мотивами; иную причину дает донесение в III Отделение бернского агента, сообщавшего 24 октября ст. ст. 1872 г., что после ареста Нечаева «нечаевская организация» находится в руках Александрова и Турского.¹⁸

¹⁶ ЦГИА, ф. III Отд., 3 эксп., 1872, № 80, «Об образовавшемся в Цюрихе революционном славянском соц.-дем. обществе»; 1873, № 491, «О б. студенте Мед.-хир. академии Влад. Светловском, обвиняемом в сношениях с заграничными эмигрантами»; 1872 г., № 111, «О русских эмигрантах, намеревающихся пробраться в Россию, и о лицах, ведущих с ними переписку». Использованные в настоящей статье донесения заграничной агентуры взяты главным образом из этих дел. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. 1947, 31, 33.

¹⁷ С Ковальским могли быть связаны по Одессе два Афанасьева: один одесский учитель, муж А. В. Афанасьевой-Чернявской, умерший до 1876 г.; его жена входила позже в кружок Ковальского и была арестована вместе с ним в 1878 г.; другой — Г. Е. Афанасьев, кончивший Новороссийский университет, бывший в 1872—1873 гг. учителем истории в Одессе, позже приват-доцент всеобщей истории в Новороссийском университете; он был известен III Отд. по делам о студенческой кассе и о подписке в пользу студентов Новороссийского университета, исключенные за студенческие беспорядки в ноябре 1871 г. (справка III Отд. — Афанасьев; дело III Отд., 3 эксп., 1871 г., № 186; Д. Овсяннико-Куликовский. Воспоминания, Пб., 1923, стр. 78; Новый Энциклопедический словарь Брокгауза, т. IV; С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей, т. I, СПб., 1900). Но все фамилии словаря Ковальского, которые удастся определить, принадлежали эмигрантам или лицам, жившим в начале 1870-х годов в Швейцарии, а сведений о поездках за границу одесситов Афанасьевых нет.

¹⁸ ЦГИА, дело III Отд., 3 эксп., 1872 г., № 80, лл. 143—144 об.

Фамилиант входила в Цюрихе в кружок Жебуневых. В спорах бакунистов с лавристами в 1873 г. Фамилиант приняла сторону последних.¹⁹ Попов, наоборот, примыкал в 1873 г. к кружку бакунистов.²⁰ Анну Рашевскую агентурные сведения называют женой Турского, который, возможно, значится в словаре под фамилией Бибикова. По сведениям, сообщенным в 1871 г. из Цюриха Карлу Марксу, Турский входил в этом году в организованную Бакуниным Славянскую секцию Интернационала. В 1872 г. Турский сблизился с Нечаевым, а после его ареста объединил несколько сторонников Нечаева в кружок «Cercle slave». Позже Турский был одним из редакторов журнала «Набат» и организатором примыкавшего к этому журналу «Общества Народного освобождения». Эта небольшая народническая группа, считавшая возможным осуществление революции путем заговора, тогда же, в 1870-е годы, получила название русских «якобинцев».²¹ К «нечаевщикам» относилась иностранная агентура студентку Исаеву.²² По тем же сведениям, одесситка Фронштейн входила в кружок «наиболее ярых радикалов».²³ Позицию другой одесситки словаря Ковальского — Е. Н. Южаковой — можно определить точнее. После ареста Нечаева Южакова назвалась его невестой и была единственным лицом, с которым Нечаеву были разрешены свидания. Агентурные донесения называют ее «красной нечаевщицей» и сообщают, что на празднике Интернационала в Цюрихе 17 сентября 1872 г. она произнесла речь за Нечаева, в то время уже арестованного. Принимала она ближайшее участие и в подготовке освобождения Нечаева при переводе его из тюрьмы на вокзал. В 1873 г. Южакова вошла, повидимому, в возглавлявшуюся Турским группу, позже была связана с редакцией журнала «Набат» и вошла в названное выше «Общество народного освобождения».²⁴

Таким образом, комментирование русских фамилий словаря не дает указаний на какую-либо определенную группу: словарь называет ряд лиц из числа русских эмигрантов и учившихся за границей, из народнических кружков разных оттенков и направлений. Однако для нашей цели особое значение имеет позиция Южаковой как одесситки, которая не раз возвращалась из-за границы в Одессу и снова уезжала в Швейцарию и Францию и через которую и могли установиться связи Ковальского с эмигрантами. Такая догадка тем более вероятна, что есть — правда, более поздние — указания на сношения Южаковой в Одессе с кружком

¹⁹ Письмо Д. Л. Овсяннико-Куликовской (Фамилиант) от 14 апреля 1934; в нем Д. Л. сообщала, что Ковальского она не знала и что словарь его ей совершенно неизвестен: З. Ралли. Ук. соч., стр. 295.

²⁰ Там же, стр. 292, 339—341, 343, 345.

²¹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. 1948. стр. 42. А. Г. Рашевская-Варзар — справка III Отд.; Библиографический словарь, т. II, вып. 4, 1932. Б. Николаевский. Памяти последнего «якобинца»-семидесятника. Г. М. Турский. — «Каторга и ссылка», 1926, II (23), стр. 211—227; Е. Кушева. Из истории «Общества народного освобождения». — «Каторга и ссылка», 1931, IV (77), стр. 32, 34, 37, 40—45, 54—55.

²² Н. Голицын. Ук. соч., стр. 52, 105—106.

²³ Там же, стр. 164.

²⁴ Б. Николаевский. Ук. статья, стр. 220; М. Сажин. Русские в Цюрихе (1870—1873). — «Каторга и ссылка», 1932, X (95), стр. 73; М. Сажин. Воспоминания, 1925, стр. 37, 72; Н. Голицын. Ук. соч., стр. 44; М. Nettlau [Литографированная биография М. А. Бакунина], Bd. III, Abt. 2, прим. 3211; Библиографический словарь. . . , т. II, вып. 4, 1932; Е. Кушева. Ук. статья, стр. 49—52.

Ковальского. Сам Ковальский позже был одесским корреспондентом журнала «Набат» и, повидимому, входил в «Общество народного освобождения».²⁵

Сведения о Южаковой и Ковальском дают основания думать, что словарь записной книжки Ковальского служил для шифрованной переписки лиц «якобинского» направления. Анализ включенных в шифр слов подтверждает это предположение.

Весь подбор понятий в словаре рассчитан на переписку, связанную с активной и притом конспиративной заговорщической революционной деятельностью и с неизбежными при ней опасностями и правительственными репрессиями — арестами, содержанием в тюрьме, судом, даже, быть может, расстрелом. Среди русских эмигрантов 1872—1873 гг. были две группы, которые вели такую конспиративную деятельность заговорщического типа, — анархический кружок, вовлеченный в сферу бакунинских конспираций, и группа сторонников Нечаева, оформленная Турским в 1873 г. в кружок «Cercle slave». Как раз два эти революционные направления и введены в состав подобранных в словарь понятий под словами: *анархия* — *Анна*, *якобинизм* — *Яков*.

Включенные в шифр слова *программа* и *статут* надо скорее всего раскрыть как — программа бакунинской Славянской секции Интернационала и статут русских или славянских братьев. Однако есть все основания думать, что словарь был составлен лицами, не примыкавшими к Бакунину. В 1872 г. словари Бакунина той же системы, что и словарь Ковальского, уже были опубликованы Testut, и сам Бакунин в переписке 1872—1873 гг. со своими русскими последователями пользовался шифром иной системы — цифровой. Обращает внимание и отсутствие в словаре фамилии действовавшей в тот период в Цюрихе бакунинской четверки — Эльсница, Гольштейна, Ралли и Сажина-Росса. Правда, кто-либо из них мог значиться под псевдонимом, оставшимся не раскрытым нами. Но женские фамилии все удалось отождествить, а среди них нет ни одной из женщин-бакунисток 1872—1873 гг., список которых устанавливается по дневникам Бакунина и воспоминаниям Сажина и Ралли, — нет Смецкой, Хардиной, Ваховской, Лавровой, Луканиной и многих других.

Подбор слов, которым начинается словарь: *революция*, *дело*, *подготовка*, *конспирация*, *заговор*, *конспиратор* — дает характерную для русских «якобинцев» формулу — подготовка революции путем конспиративного заговора; ниже значатся имена Робеспьера, Сен-Жюста и Дантона. Их включение в словарь, подбор слов в котором рассчитан главным образом на переписку по практическим вопросам революционной деятельности, показывает интерес составителей словаря к французской буржуазной революции и среди ее деятелей особый интерес к якобинцам — Робеспьеру и Сен-Жюсту.²⁶ Своеобразный культ Робеспьера и Сен-Жюста перешел от французских бланкистов и к русским «якобинцам», по-своему толковавшим деятельность якобинцев Великой буржуазной революции; по воспоминаниям Ралли, Нечаев приехал в 1872 г. из Парижа в Цюрих с книгой «Mémoires authentiques de Maximilien de Robespierre» (т. I и II, Paris, 1830),²⁷ а позже

²⁵ Е. Кушева. Ук. статья, стр. 47—50; Био-библиографический словарь. . . , т. II, вып. 2, 1930 (там же подробная библиография).

²⁶ Имя Луи Блана рядом с именами деятелей французской революции указывает, по всей вероятности, на Луи Блана как автора истории этой революции, в которой он уделял особенно много внимания Робеспьеру.

²⁷ З. Ралли. С. Г. Нечаев. — «Былое», 1906, кн. VII.

речи Робеспьера и Сен-Жюста печатались в «Набате». Все изложенное заставляет полагать, что происхождение словаря из кружка «якобинского» направления наиболее вероятно.

Обратимся теперь к сербским фамилиям словаря Ковальского и попытаемся выяснить, что дает этот документ для изучения русско-сербских революционных связей.²⁸

Сербские фамилии предшествуют в словаре русским — очевидно, сербские дела имели для лиц, пользовавшихся шифром, первостепенное значение. Напомню список сербов в том порядке, в каком он дается документом: *Маркович, Коич, Милович, Ценич, Лютич, Велемир[ович], Пашич, Андреевич, Радош*, ниже — между русскими фамилиями — *Пейч и Килинович*. Только последнюю фамилию не удалось определить, остальные лица раскрываются как связанные в той или иной степени с сербским революционным движением начала 1870-х годов. Одни из них — Маркович, Ценич — видные революционеры, пострадавшие за свою деятельность; другие, как Пашич, Велемирович, затронутые социалистическими идеями в 1870-е годы, в молодости, впоследствии вошли в партию радикалов и заняли виднейшие посты в сербском правительстве.

Первым в списке стоит фамилия Марковича. Это, конечно, Светозар Маркович, известный сербский социалист конца 1860-х и первой половины 1870-х годов, умерший в 1875 г. Многие сербские фамилии словаря находят себе отождествление именно среди лиц, группировавшихся около Марковича, другие — среди его современников.

В 1866—1869 гг. Маркович учился в Технологическом институте в Петербурге, где испытал сильнейшее влияние русской общественной мысли и связался с революционно настроенной молодежью. В 1869 г. Маркович уехал из Петербурга в Цюрих для поступления в Политехникум. В Цюрихе около него собирается группа сообщников, между которыми выделяются Никола Пашич и Пера Велемирович (*Пашич* и *Велемирович* словаря). Оба вернулись из Цюриха в Сербию в 1872 г. При проезде в 1870 г. через Цюрих из Парижа учившегося там инженера Джура Лютича (*Лютич* словаря) Маркович и его товарищи составили тайный кружок, разработали программу действий и учредили

²⁸ Для этой части статьи использованы главным образом следующие работы, на которые в дальнейшем не делается особых ссылок: I. Скерлић. Светозар Марковић, његов живот, рад и идеје. Београд, 1922; Целокупна дела Светозара Марковића, вып. VII, Београд, 1893; Д. Лапчевић. Работническото движење в Србија. Софија, 1909; Е. Гоже. Историја социјализма у Србији. Београд, 1922; В. Малиоп. Histoire du socialisme, t. IV. Paris, 1885, p. 1527—1563 (Serbie); В. Малион. Svetozar Markovitch et le socialisme serbe. — «La Revue socialiste», 1888, t. VIII, p. 582—585; В. Викторов-Топоров. Светозар Маркович (страницы из истории обществ. движений в Сербии). — «Голос минувшего», 1913, III, стр. 30—51; М. Неттлау, литографиров. биография М. А. Бакунина, Bd. III, Abt. 2 и его же статья в «Архиве» Грюнберга, названная выше; З. Ралли (статья о Бакуanine и Нечаеве, названные выше); Д. Волков. Христо Ботев. М., 1923; Г. Бакалов. Христо Ботев и Сергей Нечаев. — «Летописи марксизма», 1929; IX—X. Биографии некоторых названных в словаре Ковальского сербов, многие из которых занимали впоследствии видные посты в сербском правительстве, можно найти в энциклопедическом словаре Ст. Станојевића «Народна енциклопедија српско-хрватско-словеначка», кн. I—IV. Загреб, 1925—1929. Другие специальные исследования указаны ниже в подстрочных примечаниях. Привлечены также дела Азиатского департамента министерства иностранных дел по Белграду за 1871—1873 гг. (Архив внешней политики России в Москве) и указанные дела III Отд. За ряд указаний выражаю благодарность В. Г. Карасеву.

касу кружка.²⁹ Тогда же кружок Марковича вошел в сношения с русскими революционерами, жившими за границей: в ноябре 1870 г. П. Велемирович ездил к Бакунину в Локарно. Однако Маркович и его друзья не примкнули к бакунистам. Маркович связался с Русской секцией Интернационала и поместил в № 2—3 «Народного дела» за 1870 г. статью «Политическое и экономическое положение рабочего класса в Сербии». Именно к этому периоду относится знакомство Марковича с учением Маркса, которое он назвал в одной из статей 1870 г. газеты «Панчевац» «истинным социализмом». Несомненно, Марковича и его группу имел в виду Комитет Русской секции, когда в письме К. Марксу от 12 марта 1870 г. сообщал: «Но у нас есть еще одна задача: разоблачить панславизм, втягивая молодежь славянских стран в борьбу против этих старых идей, сослуживших службу только царской империи, — империи, которая неизбежно падет и уступит место свободной федерации земледельческих и промышленных ассоциаций, связанных с рабочими всего мира общностью интересов и однородностью идей».

По возвращении в 1870 г. в Белград Маркович начал агитацию за переустройство Омладины и напечатал в газете «Панчевац» свою программу, подписанную 15 лицами. Среди подписей, кроме уже упомянутых товарищей Марковича, находим Марко Пајића (очевидно *Пейча* словаря), которого исследователь называет одним из первых учеников Светозара. В августе 1870 г. Маркович и Лютич были выбраны в руководящий центр — «одбор» — Омладины, но оба вышли из него в январе 1871 г. в виду резких разногласий с либеральным большинством. В том же году в Белграде начал выходить основанный Марковичем первый социалистический орган в Сербии «Раденик» (Работник). Издателем его был тот же Лютич, а среди сотрудников находим Николу Пашича и Миту Ценича (*Ценич* словаря).³⁰ В мае 1872 г. «Раденик» был запрещен, и Маркович уехал из Белграда в Новый Сад.

Революционное движение в Сербии в начале 1870-х годов развивалось в обстановке сильного подъема национального движения. В 1871—1872 гг. подготовкой восстания против турок руководил тайный комитет в Белграде, в который входил брат Светозара Марковича — Еврем, бывший офицер, участник польского восстания 1863—1864 гг., уволенный со службы в сербском войске «за политическую агитацию».

Белградский комитет связался с Болгарским центральным революционным комитетом в Бухаресте и с его председателем Любеном Каравеловым. Восстание намечалось на февраль 1872 г. Начать восстание предполагали

²⁹ Кроме указ. трудов, см. также: Јован Радонић. Слике из историје и књижевности. Београд, 1938; очерки: «Никола Пашић и Босанско — Херцеговачки устанак 1875» и «Никола Пашић и његов радикални програм из 1876 године».

³⁰ Вот отзыв о «Раденике» и его издателя Лютиче, приведенный в донесении от 14 июля 1871 г. русского представителя в Белграде Н. Шишкина в Петербург, в Азиатский департамент министерства иностранных дел: «В конце мая месяца сего года стала появляться в Белграде газета «Раденик» (Работник), не только не довольствующаяся оправдывать все неистовства Коммуны, но старающаяся распространить в сербском народе социально-демократические теории Международной ассоциации рабочих. Редактор-издатель этой газеты Джуро Лютич и десятка два молодых людей, служащих ему сотрудниками, не скрывают принадлежности своей к числу членов Международной ассоциации и, отрицая все старинные законы и обычаи, служащие основой общественного и государственного устройства, стремятся к введению в Сербии того порядка вещей, который оказался столь же опасным, сколько несостоятельным в Париже» (Архив внешней политики России, ф. Азиатского департамента МИД, Белград, 1871, № 258, л. 94 и об.).

в Боснии и Герцеговине. Однако надежды на осуществление плана восстания в февралю 1872 г. не оправдались. Белградский комитет пытался войти в соглашение с сербским правительством, чтобы получить от него помощь оружием и деньгами, и в декабре 1871 г. Еврем Маркович, как представитель Омладины, вел по этому поводу переговоры с управлявшими Сербией за несовершеннолетием князя Милана регентами — Блазнавацем и Ристичем. Е. Маркович получил решительный отказ — русский поверенный в Белграде Н. Шишкин был осведомлен регентами о содержании переговоров и сообщил им о неодобрительном отношении русского правительства к плану восстания. При вторичных переговорах в январе 1872 г. Еврем сообщил сербскому правительству, что подготовка к восстанию прекращена.³¹

Братья Марковичи не были единомышленниками в национальном вопросе. Еврем примыкал к националистам Омладины. Светозар строил планы создания славянской федерации на Балканах, подчеркивая необходимость одновременного решения социального и национального вопросов.

Однако некоторые из близких Светозару лиц приняли участие в подготовке восстания 1871—1872 гг.; исследователь (Скерлич) называет Перу Велемировича и Миту Ценича, как участников вербовки повстанцев, а также б. артиллерийского офицера Милоша Андреевича (*Андреевич* словаря), служившего посредником в сношениях белградского комитета с Новым Садам.

В середине 1872 г. возник новый план подготовки восстания в Сербии. На этот раз он вышел из цюрихских кружков последователей Бакунина. Вот как отразилась новая подготовка сербского восстания в донесении русского агента из Цюриха в III Отделение от 6 июня ст. ст. 1872 г.: «Уверяют, что 20 августа с. г. должна непременно вспыхнуть революция в Сербии, вследствие чего корифеи польской и русской эмиграции в настоящее время стали очень деятельны. Из Сербии приехали сюда несколько тамошних революционеров, принадлежащих к тайной организации, для личного совещания с членами здешнего социально-демократического комитета и центрального комитета. На этот раз революция разыграется в одной только Турецкой Сербии, в Австрийской же Сербии никакого движения не будет. Поэтому поляки и русские не вполне удовлетворяются революциею, но так как ее устранить или замедлить нельзя, то порешили способствовать сербам, и с этой целью почти все главные польские и русские революционеры съезжаются в Цюрих из прочих швейцарских кантонов и из Германии. Отсюда непрерывно во все стороны отправляют телеграммы, курьеров и эмиссаров. Все это сохраняется в глубокой тайне...».³²

Среди «главных русских революционеров», приехавших в 1872 г. в Цюрих, был Бакунин. К этому году относится его сближение с сербской молодежью в Цюрихе, образование кружка сербских анархистов и его планы революционной деятельности в Сербии. В мае 1872 г. у Бакунина в Локарно жил серб Эм. Эрвачанин, который, как сообщали К. Марксу

³¹ Переговоры Е. Марковича с регентами изложены в донесении Н. Шишкина в Азиатский департамент от 11 декабря 1871 г. и 21 января 1872 г. — Архив внешней политики России, ф. Азиатского департамента МИД, Белград, 1872, V, А 2, №№ 259, 260. Об оказанном русским правительством давлении см. в издании: «Писма Јована Ристића Филипу Христићу». Београд, 1931, стр. 84, 86, 88, 89—91, 96.

³² ЦГИА, дело III Отд., 3 эксп., 1872, № 80, л. 53 и сл.

из Цюриха еще в октябре 1871 г., значился в числе членов создававшейся тогда Бакуниным «Славянской секции» Интернационала.³³ По сообщению Гильома, в 1872 г. была учреждена группа «славянских братьев», т. е. славянская группа бакунинского Альянса. 4 июля н. ст. 1872 г. Бакунин приехал в Цюрих. Тогда же была образована в бакунинском Альянсе группа «сербских братьев». Дневники Бакунина за цюрихский период 1872 г. пестрят упоминаниями о его свиданиях с сербами и о сношениях сербов с Александровым, кончившихся разрывом. Есть сведения о поездке Александра в 1872 и 1873 гг. в Белград и Новый Сад.

Из сербов словаря Ковальского к Бакунину примыкали Коич (если он тождествен с упоминаемым в дневнике Бакунина 1872 г. Машой Којићем), и Милович (если это названный Скерличем в числе сербских бакунистов Влада Милојевић).

В июле 1872 г. в Цюрихе состоялся «Конгресс» сербских революционеров, на котором Светозар Маркович присутствовал в качестве делегата от революционеров Нового Сада. Агентурное донесение от 11 июля ст. ст. опять-таки связывало этот съезд с подготовкой «революции» в Сербии. «Что касается революции в Сербии, то она готова вспыхнуть, — писал агент, — и только временно теперь отложена, так как Маркевич [так!], недавно приехавший сюда, составляет с Бакуниным новый революционный план на более социальных началах. Эта же причина послужила поводом отсрочки выезда Нечаева из Цюриха. Таким образом, революция в Сербии не замедлит вспыхнуть, но трудно пока определить, когда именно».³⁴ Дневники Бакунина за июль 1872 г. отмечают несколько посещений Марковича и дискуссий с ним. Была принята сербская социалистическая программа, отражавшая сильное влияние бакунизма. Однако Маркович и его ближайшие сторонники остались «марксистами», т. е. сторонниками Маркса в Интернационале, и к концу года раскол между сербскими социалистами принял резкие формы.³⁵ Письма Марковича этого

³³ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. 1947. 42.

³⁴ ЦГИА, дело III Отд., 3 эксп., 1872, № 111.

³⁵ О том, с какой оппозицией приходилось бороться Марковичу, можно судить по письму Дмитрия Стояновича от 25 декабря 1872 г., присланному из Цюриха в Петербург учившимся там на педагогических курсах при Александровской женской гимназии сербским уроженкам Елизавете Николитч и Елизавете Маркович. Вот несколько выдержек из очень обширного письма, которые касаются и Марковича: «... Наши авторитеты достигли своей задушевной цели — они себя прославили. Такие бесхарактерные люди, подвергающие из-за всякой безделицы жизнь человека опасностям, суть истинные неприятели социализма; я их считаю обманщиками и лгунами. . . Они скоро окончат свое поприще. Обязанность всех истинных социалистов-революционеров — воспротивиться деморализующей глупости и распространению их дела между молодежью. Это составляет мою заботу, особенно со времени пребывания в Цюрихе Марковича. Нам не нужны его личные приятели, так как они такие же, как и он сам. Тратить свою силу на них было бы глупо и бессмысленно. Они все пропали для этого света, все равно как бы уже умерли природною или неприродною смертью. Я не думаю против них интриговать. Есть дело вернее, чем писать и рядить о наших социалистах, но я не мог удержаться, чтобы ничего Вам о них не сказать. Особенно потому, что нужно было показать, насколько наши социалисты годны для освобождения сербского народа от правительства, от низкой сволочи, которая им владеет морально и материально. . . социалист-революционер, который не видит в борьбе всего интереса своего существования, не более как игрушка, машина, которую всякий подвинет, как и куда захочет. . . Все в нем должно быть устремлено на общий интерес, как его мысли, так и тело; он должен иметь перед глазами только одну общую цель: торжество социальной революции! Для этого, только для этого он должен жить в этом

периода отражают его скептическое отношение к выработанной на «Конгрессе» программе и к цюрихским бакунистам, незнакомым, по его словам, «с элементарными началами социализма и социальной революции».

Агентурное донесение в III Отделение из Берна от 4 июля ст. ст. 1872 г. сообщало: «Из Цюриха нам пишут, что Бакунин пробудет в этом городе до 10 августа, а затем, вместе с образовавшимся в Цюрихе сербским революционным обществом отправится в Сербию, где предполагается сделать восстание».³⁵ Правда, из других источников нам ничего неизвестно о том, чтобы Бакунин собирался ехать в Сербию для личного участия в восстании, но вполне вероятно, что разговоры об этом были. Именно активное революционное выступление сербов имел в виду Бакунин, когда он (в письме к Ралли из Локарно от 17 дек. 1872 г.), защищая сербов Славянской секции от упреков Ралли в идеологической невыдержанности, писал: «... Вот на этом [т. е. на активном революционном выступлении. — Е. К.] их следует испробовать, а что они не усвоили нашей программы и не тверды в принципах, об этом, милый мой рыцарь, не печалься: много ли таких и среди нас...». Есть сведения о том, что в Сербию в 1872 г. для подготовки восстания ездили из Цюриха бакунисты Маша Коич, Влада Милоевич, Риста Данич и Таса Стоянович; в 1873 г. в Сербии побывали Ралли, Гольштейн и Эльсниц. Попытка бакунистов поднять восстание, конечно, не удалась. Маркович отозвался о Бакунине как об «абсолютно неспособном организаторе и очень неудачливом революционере».

Наряду с определившимися к концу 1872 г. среди сербской революционной молодежи двумя группами — сторонников Марковича и сторонников Бакунина — в Цюрихе складывается третья группа, испытывавшая на себе влияние Нечаева, а несколько позже — Турского и его якобинского кружка.

Еще в 1869 г. Нечаев старался установить связи со славянскими революционерами. Агентурные донесения сообщают, что приехавший с Нечаевым в 1869 г. в Швейцарию Владимир Бажанов (повидимому, это псевдоним сообщника Нечаева в этот период — Владимира Серебренникова) «занимался делами сербских социалистов, желая соединить их интересы с русскими», и с этой целью «ездил в Сербию с агитатором Милковым (псевдоним?) в 1871 г. . .».³⁷ Нечаев сохраняет интерес к славянским делам и в 1872 г. Агенты пишут, что в июне 1872 г. он вернулся из Парижа в Цюрих «на совещание по поводу революционных дел в Сер-

---

обществе и постоянно думать о неумолимом, неотразимом сокрушении всего нынешнего порядка, всех правительств. . . у истинных социалистов не должно быть никаких внешних связей, никаких человеческих обязанностей, никакой нравственности и т. д. У них владеет чистый расчет, они меряют все лишь самым делом, самым успехом общей цели, для которой живут, за которую готовы погибнуть». Переписка Маркович и Николитч с Стояновичем, а также Ристой Даничем была перехвачена, и обе они, учившиеся в Петербурге на казенный счет по ходатайству сербского митрополита Михаила, были высланы в 1873 г. из России, причем обе изъявили желание ехать в Швейцарию (Архив внешней политики России, дело Азиатского департамента, П. О., 1872, № 1/73, «О высылке сербских уроженок Елизаветы Маркович и Елизаветы Николитч за границу вследствие корреспонденции их с иностранными агитаторами», подлинник письма Стояновича был написан на сербском языке; в деле имеется перевод письма, сделанный в Азиатском департаменте). Скерлич называет Дм. Стояновича бакунистом. Приведенное письмо отражает несомненное влияние Нечаева.

³⁵ ЦГИА, дело III Отд., 3 экзп., 1872, № 80, лл. 89—90.

³⁷ Н. Г о л и ц ы н. Ук. соч., стр. 78; «Записка Семена Серебренникова о Нечаеве». — «Каторга и ссылка», 1934, III (112), стр. 50—51.

бии», а также передают о его намерении ехать в Турцию, «где, — как он говорит, — поблизости русской границы удобнее конспирировать, чем в Цюрихе». Осведомленный Ралли об организации Славянской секции, он живо интересуется ею и в одном из писем к Ралли (лето 1872 г.) задает вопрос: «Что сл. [авянская] секция. Извести, это всего важнее». По сообщению агентов от июля 1872 г., он ночует «попеременно то у сербов, то у Ралли, то у Турского»; серба Силича агенты называют его «подручным». После ареста Нечаева группа сербов требовала его освобождения как соотечественника (Нечаев был арестован с паспортом серба Гражданова или Грозданова) и участвовала в попытке освободить его при переводе из тюрьмы на вокзал. Среди участников этого предприятия называют сербов: доктора Радоша (*Радош* словаря Ковальского) и уже известного нам Милоша Андреевича, который был ранен, арестован и выслан из Цюриха, как и Турский, и жил после этого в Женеве и Невшателе. Та же группа «поляков и сербов», которая участвовала в попытке освобождения Нечаева, готовила покушение на выдавшего Нечаева агента Стемпковского. После неудачи этого покушения Турский, по донесениям агентуры в III Отделение, «бежал в Сербию и был, по слухам, в Львове и в Одессе».

Из группировавшихся в 1872 г. в Цюрихе вокруг Нечаева и Турского лиц в 1873 г. сформировался кружок, который в своих печатных выступлениях называл себя «Cercle slave». Территориально этот кружок разделялся на две группы — цюрихскую и парижскую, так как высланный осенью 1872 г. из Цюриха Турский обосновался в 1873 г. в Париже. Кружок имел смешанный русско-польско-сербский состав; известно, что в него входили Турский, Яницкий и, повидимому, Южакова.³⁸

Для определения состава «Cercle slave» имеет некоторое значение одно из донесений в III Отделение парижского агента, написанное в ноябре 1873 г.³⁹ Как и большинство донесений заграничной агентуры, оно крайне

³⁸ Б. Николаевский. Памяти последнего «якобинца»-семидесятника (Гаспар-Михаил Турский). — «Каторга и ссылка», 1926, II (23).

³⁹ ЦГИА, ф. III Отд., 3 эксп., 1873, № 491, лл. 14—16 об. (перевод с французского). Как указывается в сопроводительной бумаге, донесение было получено в начале ноября 1873 г. из Парижа «через посредство пребывающего там Русского посольства». Сообщая об организовавшемся после Гаагского конгресса «особом обществе» всеобщей социальной революции, агент говорит, что существуют четыре группы «отдела панславистов» этого общества:

1) Р у с с к а я. Миртов (из Киева). Серебренников (из С. Петербурга), Александра Рашевская (из Чернигова).

2) П о л ь с к а я. Томчинский. Цель этой группы — федеративная республика с пролетариатом во главе.

3) С е р б с к а я. Милоевич, Зенич.

4) Б о г е м с к а я. Фрич, Туер, Зеленич.

Девизом этих групп служит изречение: «цель оправдывает средства». Все, что препятствует осуществлению республики социальной и федеративной, вперед приговорено к смерти.

Князь Сербский во время своего пребывания в Париже подвергся угрозам со стороны Милоевича и Зенича, за что они в настоящее время арестованы.

В марте сего года Хрущинский и Смирнов получили приказание избавить Россию от ее монарха.

Хрущинский, не желая исполнить этого приказания, отправился в Париж. Смирнов был избит в Цюрихе Ралли и Светловским.

В последнее время снова для исполнения того же преступного намерения избраны двое молодых людей — Серебренников и Турский, и эти лица, оба с паспортами на имя Бибилова, должны отправиться в С.-Петербург, откуда две недели тому назад прибыл в Париж Светловский.

Наиболее деятельны отделы Парижский и Цюрихский, из коих 1-й — центральный и членами его состоят: г-жи Анна Р а ш е в с к а я, Александра Р а ш е в с к а я,

сбивчиво и фантастично и объединяет в одну группу лиц различных направлений (например, Ралли, Турского и Лаврова). Для комментария к словарю представляет интерес указание на существование «отдела панславистов» «Общества всеобщей социальной революции» и на деление его территориально на парижскую и цюрихскую группы. Среди членов первой названы Турский и Яницкий, что показывает, что «славянский кружок» Турского вошел в сферу наблюдений агента. Донесение перечисляет ряд лиц — русских и сербов, — фамилии которых вошли и в словарь Ковальского, — Анну и Александру Рашевских, Константинович, Пейча, Радоша, Милоевича, Ценича⁴⁰ (сообщение о двух последних будет рассмотрено ниже); указывается, что Турский и Серебренников имеют паспорта на имя Бибикова — фамилия, также включенная в словарь.

Приведенные сведения о планах восстания в Сербии начала 1870-х годов и о возникших в связи с ними сношениях сербских революционеров с русскими заставляют считать, что словарь Ковальского в той части, которая касалась практической революционной деятельности, имел в виду именно сербские дела. Такое толкование позволяет продолжить наблюдения над составом включенных в шифр слов.

Уже в начале списка мы находим слова: *князь, военный министр*. Отсутствие имен и каких-либо пояснений показывает, что речь шла о лицах, хорошо известных составителям шифра. Возникает догадка, что слово *князь* означало сербского князя Милана, а *военный министр* — сербского военного министра. Об отношении революционных кругов к сербскому правительству можно хорошо судить по письму от 25 дек. 1872 г., написанному из Цюриха бакунистом (по определению Скерлица) Дмитрием Стояновичем; письмо это критиковало Светозара Марковича и его друзей, считая их непригодными «для освобождения сербского народа от правительства, от низкой сволочи, которая им владеет морально и материально». Кажется, не ошибемся, считая, что приведенные в сообщениях иностранной агентуры сроки намеченного начала революции в Сербии — 10 августа в одном случае, 20 августа (нового стиля?) 1872 г. в другом — были связаны с тем, что 10 августа этого года исполнялось совершеннолетие князя Милана. Повидимому, у революционеров была мысль, начав выступление, не допустить его к власти.

Одной из причин резкого недовольства сербским правительством была его позиция в вопросе подготовки восстания против турок. Выше уже было указано, как ответили на проект восстания в конце 1871 г. регенты Блазнавац и Ристич. Об отношении к этому вопросу самого князя Милана можно

Константинович и Четвергова, г. г. доктор Вильберг, Светловский, Ралли, Турский, Пейч, Миртов (делегат), Шпейт, Серебренников, Радош, Лавров, Варзер, Яницкий. А сверх того и следующие корреспонденты: Буржинский в С.-Петербурге (журналист), Подбельский в Киеве (помещик), Шпейт в Чернигове (помещик), Гольденберг в Одессе (торговец), Мартынов и Гер (книгопродавцы).

Приметы: Турский под именем Бибикова, большого роста, белокурый, с бордой, глаза голубые, 26—28 лет.

Серебренников — лицо молодое, без бороды, глаза маленькие, впавшие, 24—26 лет, роста небольшого и обладает малою фигурой и физиономиею, что, переодевшись женщиной, не будет узнан, — паспорт на имя Бибикова.

Парижский отдел имел свои собрания в кафе Вольтер на площади Одеон. После арестования сербов некоторые члены русского отдела выехали из Парижа. Орган Гамбетты «Французская республика» поместил на своих страницах протест и корреспонденции их, доставленные г-жею Рашевской».

⁴⁰ В тексте донесения — Зенич.

судить по дипломатической переписке французского министерства иностранных дел. В августе—октябре 1873 г. Милан совершил поездку по Европе и побывал в Вене и Париже (ранее Милан ездил на свидание с Александром II в Ливадио). Французские дипломаты, считавшие нежелательным осложнение балканских дел, с удовлетворением отмечали «умеренность и благоразумие» («la modération et la sagesse») Милана, проявленные им при обсуждении положения на Балканах.⁴¹

Позиция молодого князя во внутренних делах была очень определенной. Милан вернулся из Парижа в Белград 18 (30) октября 1873 г. Через несколько дней было официально объявлено о смене министерства: несмотря на то, что в Скупщине перевес имели либералы, было составлено консервативное министерство, в котором Ристича в качестве премьер-министра заменил Маринович, а военного министра Белимарковича — Коста Протич (с августа 1872 г. до своей смерти в марте 1873 г. пост военного министра соединял с постом премьера б. регент Блазнавац).⁴² В 1873 г. Протич уволил с военной службы капитана Саву Грујића, одного из деятелей национального движения, активного участника подготовки сербского восстания в 1871—1872 гг., позже видного деятеля сербско-турецкой войны на посту военного министра. Поводом к увольнению послужили связи Грујића с издававшейся Марковичем газетой «Јавность». В январе 1874 г. газета была закрыта, а Маркович арестован.⁴³ В 1874 г. был арестован в Шабаце и Мита Ценич за попытку издавать политическую газету. На судебном процессе 1875 г. он был осужден на 8 лет каторжных работ в тяжких оковах. Помилован он был в 1880 г.⁴⁴

Тяжелая кара, которую понес Мита Ценич, была связана с более ранним эпизодом его биографии, относящимся ко времени пребывания Милана в Париже в октябре 1873 г. Находившиеся тогда в Париже Мита Ценич и Милоевич были арестованы и высланы из Парижа по обвинению в попытке совершить покушение на князя Милана. Приведенное выше донесение парижской агентуры от ноября 1873 г. сообщало, что «князь Сербский во время своего пребывания в Париже подвергся угрозам со стороны Милоевича и Зенича, за что они в настоящее время арестованы», и что «после арестования сербов некоторые члены русского отдела [революционного общества] выехали из Парижа». Обращает внимание то, что в словаре Ковальского фамилии Милоевича и Ценича также стоят рядом.

Изложенное позволяет дать такое толкование найденным у Ковальского записям. Словарь служил для конспиративной переписки Одессы с границей. Он отражает русско-сербские революционные связи, сложившиеся в период подготовки революционного выступления в Сербии в 1871—1873 гг., которое предполагалось соединить с восстанием против турок. Однако словарь относится скорее всего к тому времени, когда неудача проекта восстания стала ясна и когда в одном из революционных кружков возник план осуществить революцию в Сербии путем конспиративного

⁴¹ Documents diplomatiques français, I série, v. I — 1871—1875. Paris, 1929, p. 329.

⁴² «Голос», 1873, № 294, от 24.X и № 296 от 26.X.; Слободан Јовановић. Влада Милана Обреновића, кн. 1, Београд, 1926, стр. 161, 169 и сл., 180.

⁴³ Там же, стр. 203; см. также цит. статьи Јована Радонића и энциклопедию Ст. Станојевића.

⁴⁴ Слободан Јовановић. Ук. соч., стр. 205—206; энциклопедија Ст. Станојевића; Д. Лапчевић. Историја социјализма у Србија. Београд, 1922. — В 1881 г. Мита Ценич издал книгу «Испод земле или моја тамновања», которую мне не удалось видеть.

заговора. Повидимому, замышлялись и террористические акты, один из которых должен был быть направлен против князя Милана во время его поездки в Париж осенью 1873 г.

Одесские революционные кружки были связаны на Балканах не только с сербами. Для того же времени — начала 1870-х годов — есть известие о болгарских связях одесских революционеров. Биограф Стамбулова рассказывает о сношениях учившихся в Одессе в 1870—1871 гг. болгар, в том числе Стамбулова, с кружком русских «нигилистов», главарем которого был тот же Ковальский.⁴⁵ Стамбулов выполнял в кружке роль библиотекаря. Собрания происходили с большими предосторожностями — «in cellars», — вероятно, в одесских катакомбах. Однако кружок был открыт полицией, и болгары были немедленно высланы на родину.

Комментируя найденные у Ковальского записи, мы не всегда могли прийти к определенным выводам, в ряде случаев пришлось ограничиться лишь предположениями. Одной из неясных сторон документа остается перечисление в нем русских и сербских революционеров разных — иной раз резко расходившихся по ряду вопросов — направлений. Печатаю документ, мы надеемся, что он привлечет внимание специалистов и получит более полное объяснение.

---

⁴⁵ Hulme Beauman. M. Stambuloff. London, 1895.

С. В. Никольский

К ВОПРОСУ О ЗНАКОМСТВЕ Ф. Л. ЧЕЛАКОВСКОГО С РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКОЙ НАЧАЛА XIX ВЕКА

В марте 1949 г. исполнилось 150 лет со дня рождения одного из крупнейших чешских поэтов первой половины XIX века — Франтишка Ладислава Челаковского (1799—1852).

Творчество Челаковского составило целый этап в развитии чешской поэзии. В литературной деятельности Челаковского нашла наиболее яркое выражение одна из характерных особенностей чешского романтизма: исключительный интерес чешских поэтов к фольклору.

Как известно, насильственное онемечивание чешского населения и гонения на чешскую культуру едва не привели в XVIII в. к полному исчезновению чешской письменности. С развитием капитализма и подъемом национального самосознания чешская литература возрождается.

Высшие слои чешского общества были онемечены. Носителем национальных традиций, хранителем языковых богатств был трудовой народ. На народную культуру, на народное творчество и опиралась в своем развитии новая чешская литература. Интерес чешских поэтов к фольклору приобретает массовый характер. Обращение к народной поэзии было шагом по пути к реализму, оно свидетельствовало о демократизации литературы и о приходе в литературу поэтов и писателей из народа.

Естественно, что лучшие произведения на материале фольклора были созданы поэтами, которые лучше других знали жизнь трудового народа. Одним из таких поэтов и был Челаковский. Не случайно протест Челаковского против национального гнета имел определенную социальную окраску. Правда, в конце 30-х и в 40-е годы Челаковский стал склоняться к более правым взглядам. Показательно, что это сопровождалось и творческим кризисом: с конца 30-х годов Челаковский не создает уже ничего принципиально нового и лишь претворяет в жизнь старые литературные замыслы. Наиболее плодотворным периодом в творчестве Челаковского были 20—30-е годы, когда он издает трехтомное собрание славянских народных песен в оригиналах и переводах (1822—1827 гг.), создает цикл стихотворений на мотивы русских народных песен — «Эхо русских песен» (1829), пишет «Эхо чешских песен» (издано в 1839 г.).

Челаковский первый среди чешских поэтов сознательно обратился к народному творчеству, рассматривая его как базу для создания подлинно национальной чешской литературы, близкой и понятной народу.

Большой интерес проявлял Челаковский к фольклору других славянских народов, в первую очередь к русскому фольклору. Челаковский полагал, что культурное сближение славянских народов поможет чехам в их борьбе с немецким гнетом и в развитии национальной культуры.

Челаковский является одним из основоположников национальной чешской литературы. В связи с этим особую остроту приобретает вопрос об оригинальности его творчества. Дело в том, что многие буржуазные литературоведы объясняли обращение Челаковского к фольклору главным образом немецкими влияниями, особенно влиянием Гердера. Такой взгляд на творчество Челаковского в категорической форме был высказан в 1899 г. одним из представителей сравнительной школы, венским славистом доктором М. Мурко, написавшим целую книгу о немецких влияниях на чешский романтизм. Утверждение Мурко о влиянии Гердера на Челаковского было повторено затем в ряде работ о Челаковском. Мнение Мурко всюду проводилось, в частности, проф. Якубцем. «Можно принять утверждение, — заявляет Якубец, — что самое крупное явление чешского романтизма — интерес к народной песне и подражание ей в содержании и форме — зиждется на немецком примере»¹ (разрядка моя — С. Н.). В настоящее время чешские литературоведы указывают на необходимость пересмотра вопроса о влиянии Гердера на Челаковского.²

Объективной причиной сведения к немецким влияниям как творчества Челаковского, так и всего чешского романтизма, было, в конечном счете, характерное для буржуазного литературоведения стремление противопоставить что-либо социальному объяснению литературного процесса. Поиски всевозможных влияний, сопровождавшиеся отрывом литературного процесса от реальной жизни, означали фактически отказ от объяснения литературного процесса. Это было простое выведение причин литературных явлений за рамки национальной литературы.

Литературные влияния сами по себе ничего не объясняют в процессе развития литературы. Говорить о них имеет смысл лишь с учетом тех причин, которые породили эти влияния, лишь с учетом предпосылок этих влияний. Только в этом случае можно избежать случайных и произвольных выводов. В частности, утверждения упоминавшихся авторов противоречат тому общеизвестному факту, что рост национального самосознания в Чехии и протест чехов против немецкого гнета отталкивал чехов от немецкой культуры и усиливал интерес к культуре других славянских народов, которая противопоставлялась чехами немецкой культуре. Популярность утверждений о немецких истоках творчества Челаковского в значительной степени объясняется неразработанностью вопроса о знакомстве Челаковского с фольклористикой и критикой славянских народов, особенно с русской фольклористикой. До сих пор более или менее исследован лишь вопрос о знакомстве Челаковского с целым рядом собраний русских народных песен. Между тем, как нам удалось установить, Челаковский был знаком также с некоторыми русскими теоретическими работами по фольклору.

Целесообразно начать с одной детали, рассмотрение которой и подведет нас непосредственно к факту знакомства Челаковского с русскими статьями о народной поэзии. К тому же деталь эта является примером того, насколько произвольными могут быть даже весьма убедительные с первого

¹ *Literatura česká XIX století*, II, Praha, 1903, стр. 664.

² См., например, статью К. Дворжака в кн. Fr. Lad. Čelakovský. *Slovanské národní písně*. Kritické vydání, Praha, 1946, стр. 540.

взгляда построения о литературных влияниях, если построения эти делаются в отрыве от изучения всей системы взглядов исследуемого автора.

В 1822 г. Фр. Л. Челаковский издал в Праге первый том своего собрания славянских народных песен. Кроме чешских, моравских и словацких песен, в 1-й том вошли русские, украинские, сербские, словинские и лужицкие народные песни, напечатанные в оригиналах и в переводе Челаковского на чешский язык. К русской песне «Уж как пал туман на сине море. . .» были приложены также перевод этой песни на польский язык (Немцевича) и немецкий перевод. Последний сопровождался отсылкой: «Sm. Stimmen des Russ. Volkes von Götze.»³ Имелась в виду книга Гёца (Гёце),⁴ петербургского немца, придворного чиновника и дилетанта-переводчика русских и сербских народных песен на немецкий язык. Год и место издания переводов Гёца Челаковский не указывал. Между тем книга Гёца вышла только в 1828 г., т. е. через шесть лет после того, как Челаковский процитировал из нее упомянутый перевод и сослался на нее.

Основываясь на этом несоответствии, чешский литературовед, проф. Отокар Фишер выступил в 1932 г.⁵ с предположением, что Челаковский и Гёц переписывались между собой около 1822 г. Гёц, по предположению проф. Фишера, прислал Челаковскому свой перевод, сообщив о намерении издать целую книгу переводов русских песен под названием «Stimmen des Russischen Volkes». Выход книги затем почему-то задержался. Переписка Челаковского с Гёцем могла не сохраниться. Подкрепив это предположение указанием на сходство одного высказывания Челаковского о намерении издать славянские песни с высказыванием Гёца на ту же тему, Фишер утверждал далее, что и замысел издания «Славянских народных песен», повидимому, был у Челаковского и Гёца общим. Фишер счел возможным даже поставить вопрос о том, от кого исходила инициатива издания славянских народных песен. (Правда, вывод сделан в пользу Челаковского). Фишера поддержал и одобрил библиограф Альфред Розенбаум, к которому Фишер обратился с запросом. Розенбаум, как указывает проф. Фишер, прямо заявил, что Гёц принимал участие в издании «Славянских народных песен», так же как, например, в создании сборника немецких народных песен «Des Knaben Wunderhorn» Клеменса Брентано и Ахима фон Арним принимал участие ряд лиц, не названных на титульном листе.⁶ Таким образом, на основании одной цитаты из Гёца оспаривалась оригинальность издания, с появлением которого, собственно, и начинается в Чехии усиленный интерес к фольклору.

В статье проф. Фишера вызывает возражение уже самая постановка вопроса, потому что поиски «неславянских источников» произведений Челаковского (так проф. Фишер сформулировал цель своего исследования) являются поисками наименее характерного для творчества Челаковского и уводят нас от вскрытия закономерностей литературного процесса. Работа проф. Фишера посвящена главным образом циклу стихотворений Челаковского «Эхо русских песен». Разбор этой работы требует специальной статьи. В данном случае мы остановимся только на частном вопросе, — было ли издание «Славянских народных песен» как-то связано с Гёцем.

³ «Slovanské národní písně sebrané Fr. Lad. Čelakovským», Praha, 1822, díl. 1, стр. 151.

⁴ P. von Götze. Stimmen des Russischen Volkes in Liedern. Stuttgart, 1828.

⁵ Ot. Fischer. K Ohlasu písní ruských, в журнале «Bratislava, časopis učené společnosti šafaříkovy», Praha, 1932, ročn. VI, с. 1—2.

⁶ Там же, стр. 14—17.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что в обширной переписке Челаковского нигде не упоминается имя Гёца. Судя по сохранившимся письмам, до 1822 г. Челаковский вообще никому не писал в Россию. Возникает также вопрос: откуда Челаковский и Гёц, живя один в Праге, другой — в Петербурге, могли знать друг о друге как о переводчиках славянских народных песен, если ни тот, ни другой до 1822 г. публично никак не проявил себя в этой области? Проф. Фишер предполагает посредничество Вацлава Ганки, имевшего в России много знакомых. Однако Петр Кепшен в письме Ганке от 1/13 июня 1827 г.⁷ пишет о своем друге Гёце, как о человеке, имя которого Ганка может знать по его стихотворениям, помещенным в немецких журналах. Следовательно, Ганка не переписывался с Гёцем. Дальше, Гёц, как явствует из его писем Караджичу,⁸ с о б и р а л с я редактировать для печати свои переводы русских народных песен только в ноябре 1822 г., т. е. через 2 месяца после выхода в свет 1-го тома «Славянских народных песен» Челаковского (август 1822 г.). Удобно ли было бы Челаковскому сослаться на не вышедшую и даже не подготовленную к печати книгу, если бы он знал об этом, да еще от самого автора (что неизбежно в случае переписки Челаковского с Гёцем и пересылки последним Челаковскому своего перевода)? Может быть, правдоподобнее предположить, что упомянутый перевод Гёца был где-то напечатан до выхода книги Гёца, что Челаковский заимствовал его из какого-либо журнала, в котором было также сказано о намерении Гёца издать целую книгу переводов под заглавием «*Stimmen des Russischen Volkes*»?

Исходя из такого предположения, а также на основании данных переписки Гёца с Караджичем⁹ и указаний в «Библиографических листах на 1825 г.»¹⁰ П. Кепшена нам удалось установить, что гёцевский перевод песни «Уж как пал туман на сине море. . .» действительно был опубликован до выхода книги Гёца и даже два раза: в 1823 г. — в «*Morgenblatt*»¹¹ (это все же через год после выхода книги Челаковского) и в 1818 г. — в «Соревнователе просвещения»,¹² где этот перевод как свидетельство интереса иностранцев к русской народной песне цитируется в статье А. Г-ча¹³ «Нечто о народных русских песнях». Именно отсюда взял Челаковский перевод Гёца и узнал название замышляемой им книги. «Соревнователь просвещения» был известен Челаковскому. В цикле «Эхо русских песен» он ссылается на него в примечании к стихотворению «Невольник».¹⁴ Проф. Фишер не обратил внимания на то обстоятельство, что перевод, цитированный Челаковским, совпадает с переводом в книге Гёца лишь до 9-й строки. Дальше в тексте у Челаковского имеется свыше полутора десятка стилистических отклонений. Зато цитированный Челаковским перевод полностью совпадает с более ранним вариантом, напечатанным в «Соревнователе просвещения». Из «Соревнователя просвещения» заимствовал Челаковский для

⁷ В. А. Францев. Письма к Ганке из славянских земель. Варшава, 1905, стр. 464.

⁸ Карафић Вук Ст. Преписка, 1909, т. III, письмо Гёца Караджичу от 24 ноября 1822 г.

⁹ Там же, стр. 492, письмо Гёца Караджичу от 12/24 сентября 1823 г.

¹⁰ П. Кепшен. Библиографические листы на 1825 г. СПб., 1826, стр. 392.

¹¹ *Morgenblatt für gebildete Stände*, Stuttgart, 17 September 1823.

¹² «Соревнователь просвещения и благотворения» («Труды вольного общества любителей российской словесности»), СПб., 1818, ч. II, стр. 348—351.

¹³ А. Гевлча, как указывает Н. Трубицын в кн. «О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX в.». СПб., 1912, стр. 92.

¹⁴ Fr. L a d. Č e l a k o v s k ý. Ohlas písní ruských. Praha, 1829, стр. 54 (сноска).

своего собрания и русский текст песни, приведенный в «Соревнователе. . .» рядом с переводом Гёца. В 1822 г. Челаковский полагал, видимо, что книга переводов Гёца за 4 года успела выйти, и сослался на нее. Если бы Челаковский переписывался с Гёцем, то, несомненно, он знал бы, что книга Гёца еще не готова и не мог бы отослать к ней читателя. Таким образом, ясно, что Гёц не переписывался с Челаковским и не имеет никакого отношения ни к замыслу, ни к изданию «Славянских народных песен» Челаковского.

Сам факт знакомства Челаковского с двумя гёцевскими переводами русских песен (Гевлич цитирует еще перевод песни «Ты проходишь, дорогая, мимо кельи. . .») не может, конечно, служить основанием для утверждения о влиянии Гёца на Челаковского или о роли Гёца как посредника в ознакомлении Челаковского с русской народной поэзией. Обе русские песни Челаковский знал и помимо статьи Гевлича. В самом начале 20-х годов Челаковский уже имел у себя целый ряд собраний русских народных песен, в том числе лучшие из них: «Собрание разных песен» Чулкова (ч. 1) и «Древние российские стихотворения» Кирши Данилова (СПб., 1818).

Что же все-таки побудило Челаковского процитировать указанный перевод Гёца — единственный немецкий перевод на все три тома «Славянских народных песен»? Представляется, что дело обстояло таким образом. Австрийская цензура крайне нетерпимо относилась ко всякому проявлению национального чувства у австрийских славян. В связи с этим неприязненно встречалось любое упоминание о славянах, особенно о русских, ибо русский народ, тем более после разгрома Наполеона, был для всех славян символом силы и славы. Успехи русского оружия и развитие русской культуры содействовали росту национального самосознания у порабощенных австрийских славян. Из писем Челаковского можно видеть, что, сдавая в цензуру «Славянские народные песни», он особенно опасался за русский раздел каждого тома. Все русские песни, помещенные в 1-м томе, — лирические песни, преимущественно любовного характера. Песня же «Уж как пал туман на сине море» воспевает русского воина. Эта песня скорее других могла вызвать возражения цензуры. Чтобы и эта песня прошла, Челаковский, во-первых, поместил ее на самом незаметном месте — последней в разделе русских песен, а, во-вторых, сопроводил текст немецким переводом. Ссылка на немецкого автора была лучшим аргументом перед австрийской цензурой. Поэтому же, очевидно, Челаковский сослался не на русский журнал, откуда был взят перевод, а на книгу Гёца, о выходе которой Челаковский не имел точных сведений.

Вообще, говоря о знакомстве Челаковского с немецкими авторами, писавшими о фольклоре (Гердер), нельзя забывать, что интерес к народному творчеству у чехов был тесно связан с ростом национально-освободительных настроений, являлся реакцией на попытки онемечивания чешской культуры и поэтому был качественно отличен от интереса к народной поэзии у немцев. Для чешских поэтов разбираемого периода характерно прямое противопоставление славянской и немецкой культуры. Отсюда и ориентация чешских писателей того времени на славянские литературы, на славянский фольклор, ярчайшим примером чему является все творчество Челаковского.

Издавая «Славянские народные песни», Челаковский хотел, по его собственным словам, во-первых, способствовать культурному сближению славян между собою, во-вторых, дать образцы настоящей поэзии для чешских поэтов, нередко перепевавших немецких авторов и создававших совер-

шенно оторванные от чешской национальной жизни идиллии и пасторали. Но заимствование Челаковским перевода русской песни из «Соревнователя просвещения» свидетельствует не только о непричастности Гёца к изданию «Славянских народных песен», — в связи с другими фактами, оно позволяет сделать вывод о знакомстве Челаковского со всем изданием «Соревнователя» (1818—1825 гг.). В самом деле, перевод Гёца взят Челаковским из II части «Соревнователя» (1818 г.). В первой части (за январь—март 1818 г.) находим переведенную Челаковским повесть Ант. Дуропа «Ратмир и Всемила». ¹⁵ (Насколько нам известно, источник, из которого Челаковский взял эту повесть, до сих пор не был установлен.) Упомянутая сноска в цикле «Эхо русских песен» отсылает к части XXVI «Соревнователя» (1824 г.). Ниже будут приведены и другие факты, говорящие о знакомстве Челаковского с разными частями журнала за разные годы. Знакомство это свидетельствует в свою очередь о чтении Челаковским ряда статей по народной поэзии, помещенных в «Соревнователе», причем чтение Челаковским этих статей падает на самое начало 20-х годов. До сих пор считалось, что из работ по фольклору Челаковский знал в это время главным образом отдельные произведения Гердера. Вслед за Мурко многие литературоведы полагали, что именно у Гердера взял Челаковский мысль о национальной самобытности народного творчества, об отражении в песне «народного характера, духа, нравственности народа» и т. д. От Гердера вели эстетический подход к народной песне, проявившийся у Челаковского в отборе тех народных песен, которые, по его мнению, лучше характеризовали «национальный характер» того или иного славянского народа. Надо сказать, что все эти положения имеются и в русских статьях, помещенных в «Соревнователе» и известных Челаковскому.

Среди этих статей прежде всего следует назвать упоминавшуюся статью Гевлича «Нечто о народных русских песнях». Гевлич трактует народные песни как выражение «обычаев, характера, духа, нравственности. . . народа. . .».

«Песни, излившиеся прямо из души народа, — пишет Гевлич, — . . . суть чистые отпечатки его характера, первые, безыскусственные звуки его поэзии, в коих изображается, так сказать, душа его. . . Песни изображают нам и политические перевороты, происшедшие с каждым народом, и объясняют то влияние, какое имели они на изменение его нрава и характера». ¹⁶

Та же мысль о национальной самобытности народной поэзии проводится и в статье А. Ф. «Черты нравов и духа народа русского (извлеченные из песен)». ¹⁷ Эпиграфом, кстати, служат строки Жуковского «О родина святая, какое сердце не дрожит тебя благословляя?» (разрядка моя. — С. Н.)

В статьях К. Н. Цертелева «О свадебном русском обряде» ¹⁸ и «О народной поэзии» ¹⁹ приводятся и тексты ряда русских народных песен. Две из них взяты отсюда Челаковским для его собрания «Славянских народных песен». Это песни «Ты мой сизенькой, мой беленькой голубчик» ²⁰

¹⁵ «Соревнователь просвещения. . .», ч. I, 1818, стр. 45—66 и 196—216. Перевод Челаковского был опубликован в издании «Almanach aneb povogošepka». 1824.

¹⁶ «Соревнователь просвещения», ч. II, 1818, стр. 342.

¹⁷ Там же, ч. I, 1818 г. стр. 441—447.

¹⁸ Там же, ч. XIX, 1822, стр. 113—130.

¹⁹ Там же, ч. XXII, 1823 г., стр. 3—22.

²⁰ Там же, стр. 14.

и «На улице то дождь, то снег».²¹ (См. «Славянские народные песни», т. 2, № 3; т. 3, № 9). Перевод первой был также напечатан Челаковским в 1823 г. в «Чехославе».²² Источник, из которого Челаковский брал эти песни, до сих пор не был известен.²³

Цертелев разбирает отдельно героические и лирические песни. Оговорив в духе классицизма «грубость вкуса» некоторых «богатырских повестей», он отмечает в целом высокие поэтические достоинства народных песен, «простоту и точность выражений, силу чувствований, естественность мыслей».²⁴ Песня «Ах, кабы на цветы да не морозы. . .» противопоставляется им академическому и холодному красноречию «многих поэтов». Слог этой песни он называет «образцом чистоты и благородства старинного, простого русского языка».²⁵ Он указывает также, что «народные стихотворения» представляют собой «образцы различных гибких и приятных для слуха метров» и выражает сожаление по поводу того, что на народные размеры не обращалось достаточного внимания составителями «правил российской стихосложения».²⁶ В народных песнях «хранятся многие обычаи, черты нравов и образа мыслей наших предков, особенно же важны они [народные песни. — С. Н.] для любителя отечественной словесности, который в сих песнях видит дух старинной русской поэзии, нередко встречает истинно пиитические места, делающие честь народному гению, находит некоторые особенности языка и даже собственную гармонию стихов».²⁷

Необходимо также указать на помещенные в «Соревнователе» анонимную статью «Взгляд на состояние российской словесности от начала оной до XVIII столетия»²⁸ и трактат Ореста Сомова «О романтической поэзии».²⁹ Первая, правда, касается народных песен лишь мимоходом и любопытна более пересказом русских литературных и исторических памятников: «Слова о полку Игореве», «Повести о нашествии Мамаю», летописей и т. п. (Знакомство Челаковского с этой статьей небезынтересно в связи с его произведениями былинного характера в цикле «Эхо русских песен».) Трактат Сомова направлен против условностей классицизма. Основная мысль этого трактата: «необходимо иметь свою народную поэзию, неподражательную и независимую от преданий чуждых».³⁰ (Курсив автора.) «Пусть в их [поэтов. — С. Н.] песнях высоких отсвечивается, как в чистом потоке, дух народа и свойства языка, богатого и великолепного. . .», — пишет Сомов.³¹

Таким образом, в самом начале 20-х годов Челаковский знал целый ряд русских теоретических статей о народной поэзии.

Взгляд на народное творчество, изложенный в указанных статьях, характерен и для Челаковского. Челаковский видел в народной поэзии наиболее самобытное и яркое достояние чешской культуры, которое должно послужить базой для создания чешского литературного языка и подлинно

²¹ Там же, стр. 18.

²² «Čechoslav», 1823, č. 35 (30 srpna), стр. 278—279.

²³ См. комментарий к кн. Fr. L. Č e l a k o v s k ý. Slovánské národní písně, kritické vydání, Praha, 1946, стр. 649.

²⁴ «Соревнователь просвещения», ч. XXII, 1823, стр. 13.

²⁵ Там же, стр. 17—18.

²⁶ Там же, стр. 20.

²⁷ Там же, стр. 21—22.

²⁸ Там же, стр. 117—167 и 237—255.

²⁹ Там же, ч. XXIII, 1823 г., стр. 43—59, 151—169, 263—306; ч. XXIV, 1823, стр. 125—147.

³⁰ Там же, ч. XXIV, 1823 г., стр. 147.

³¹ Там же.

национальной поэзии, близкой народу и способной противостоять попыткам онемечивания чехов. В предисловии к «Славянским народным песням» Челаковский пишет:

«Еще раз скажу, что я говорил много раз: «Нет ничего выше удачной народной песни». Только в ней мы видим в живом поэтическом творении человеческого духа ярко выраженный национальный характер (řáz národnosti). А там, где национальное переходит в космополитизм, т. е. безродность (světobežnictví — буквально б р о д я ж н и ч е с т в о) — там не найти народного искусства».³²

Челаковский указывает, что собрание и издание славянских народных песен, уметь ориентироваться на них в поэзии имели бы очень большое значение для поработанных австрийских славян:

«. . . Мы намного приблизились бы к тому, от чего нас веками отдаляли — к народности. . . Определенно исчезли бы многие непоэтические банальности, и Муза явилась бы нам опять в своей неподдельной красе».³³

Много аналогичных высказываний и в его письмах. Например, в сентябре 1825 г. он пишет своему другу Камариту:

«Когда только славяне будут иметь все эти драгоценности, собранные вместе! — Какой прекрасный характер этого народа просвечивает (vystkvívá) всюду. Я теперь думаю, что и не может быть лучшего и более верного зеркала, чем народная песня. . .».³⁴

Нетрудно заметить, что высказывания Челаковского о народной поэзии в общем соответствуют положениям, развитым в упомянутых русских статьях. Мы, конечно, далеки от того, чтобы все взгляды Челаковского на фольклор выводить из этих статей и повторять тем самым ошибку буржуазных ученых, отрицавших у чешских писателей всякую творческую инициативу. Чешский романтизм — самобытное национальное явление, вызванное в Чехии, как и в других странах, определенными социальными изменениями в жизни общества. Основной причиной исключительного интереса к фольклору среди чешских поэтов первой половины XIX в. были, конечно, не литературные влияния, а рост национального самосознания, связанный с развитием капитализма в Чехии. Подъем национального самосознания закономерно сопровождался интересом к наиболее самобытным проявлениям чешской и вообще славянской культуры, одним из которых был и фольклор — «творчество трудовых масс» (Горький). Литературные влияния играли вторичную роль. Поскольку же они имели место, закономерно говорить о связи чешского романтизма с романтизмом других славянских народов, ибо культура этих народов была близка чешской культуре. Да и самый рост национального самосознания у чехов находил серьезную поддержку в осознании ими своей принадлежности к большой и сильной семье славянских народов. Естественно, что чешские писатели и поэты ориентировались прежде всего на славянские литературы, особенно на русскую. Говоря о Челаковском, необходимо подчеркнуть, что в период формирования его взглядов на народную поэзию (1820—1825 гг.), он читал целый ряд русских статей о народном творчестве. Последнее рассматривалось в этих статьях с той же точки зрения, какую разделял затем Челаковский.

³² «Slovanské národní písně sebrané Fr. Lad. Čelakovským», díl. I, Praha, 1822, стр. VI.

³³ Там же, стр. VIII.

³⁴ Korrespondence a zápisky Fr. Lad. Čelakovského, díl I, sešit 2, Praha, 1909, стр. 264.

А. И. Павлович

БОЖЕНА НЕМЦОВА В ОСВЕЩЕНИИ НОВЕЙШЕЙ ЧЕШСКОЙ КРИТИКИ

Было время, когда творчество Божены Немцовой воспринималось и истолковывалось в свете патриотических интересов мобилизации масс чешского народа на борьбу за национальную свободу, за права чешского языка и чешской культуры, за национально-политическую независимость. Чешская критика создала тогда облик писательницы, дорогой и близкой чешскому народу главным образом тем, что она в величавом образе бессмертной бабушки и в ряде других персонажей своих произведений воплотила лучшие черты чешского национального характера.

Но вот проходит эта пора несколько сентиментального «властенецтва», чешская прогрессивная молодежь разглядела в национально-патриотических идеалах старшего поколения таившиеся в них тенденции консерватизма, отсталости, боязни нового. Наступает период активной буржуазно-демократической национально-освободительной борьбы, и чешская критика конкретизирует, раскрывает самое понятие национального чешского характера, так называемой «народной чешской души», как она отразилась в художественных образах чешской литературы, в том числе и у Божены Немцовой. В трактовке образа бабушки Немцовой нашли свое отражение классовые позиции разных политических группировок. В то время как одни канонизируют облик бабушки — покорной судьбе труженицы, далекой от протеста против насилия и зла, ищущей примирения господ и рабов, с христианской кротостью благословляющей и добро и зло жизни, другие — видят в этом образе бабушки ноты протеста, сочувствия угнетенным, ноты гражданского понимания долга перед народом и родиной. Наконец, находятся и такие критики, которые уходят от живого дыхания общественной борьбы в свои индивидуалистические настроения и стремятся представить Божену Немцову художницей особого типа, стоящей в стороне от борьбы и политических интересов, романтической мечтательницей о людях и жизни в плане христианского гуманизма.

Примером такой критики, совершенно выхолащивающей социальную направленность творчества Немцовой и подчеркивающей в образе бабушки черты терпимости в отношении к людям, их поведению и взглядам, черты примирения со злом жизни, как национальные черты чеш-

ского, характера является статья Юл. Ланцовой: «Бабушка» Немцовой» («Němsové Babiška»), опубликованная в журнале «Женский обзор» (Ženský obzor) в 1912 г. в связи с 50-летием со дня смерти писательницы. Ланцова начинает свою статью с вопроса: что делает бабушку Немцовой близкой и дорогой современному, новому поколению чехов? И отвечает на него так. Бабушка особенно близка новым людям тем, что «она имеет мужество всегда быть и оставаться сама собой», а этого как раз и добивается каждая современная женщина. Бабушка никогда не подчиняется чужой воле, чужому взгляду, обо всем имеет свое суждение, всегда верна своему убеждению, считая, что и иные мысли, не сходные с ее мнением, могут быть полезны и нужны в иной обстановке и в других условиях, в каких живут высказывающие эти мысли. Бабушка верна народным обычаям, гостеприимна, чужда рабства и не пресмыкается перед господами, горячо любит свой народ и чешский язык, предпочитает возвращение с чужбины на родину и воспитание детей в верности чешскому языку и родине, хотя бы это грозило голодом и страшной нуждой, сытому достатку и бесплатному содержанию детей на государственный счет, если это сопряжено с изменой родному языку и родной земле. Бабушка религиозна, но почти чужда внешней, механической обрядности. Она любит труд, она разделяет народные суеверия: верит в русалок, домовых и т. п. Ей присуще чувство покорности судьбе: она твердо уверена в том, что все в жизни совершается по воле божьей, и потому она пассивно воспринимает все удары судьбы и безропотно сносит их. Она сочувствует чужому горю, помогает несчастным и обездоленным своим заступничеством перед княгиней. Такое представление о национальном чешском характере, извлеченное Ланцовой из образа бабушки Немцовой, было очень наруку чешской буржуазии кануна первой мировой войны, заинтересованной в завоевании политической независимости Чехии, но боявшейся революции и гражданской войны.

С ростом в Чехии, после первой империалистической войны, рабочего движения и активизацией политической борьбы за революционную перестройку общества чешская критика со всей остротой ставит вопрос о социальных мотивах в творчестве Божены Немцовой, о присущем ей понимании классовых отношений и путей разрешения социальных конфликтов.

Это новое отношение к литературному наследству Б. Немцовой в полной мере нашло свое отражение в критических работах, вышедших уже в пору существования независимой Чехословакии: в работе проф. Зденека Недлого «Božena Němcová» (1-е изд. в 1922 г., последнее — в 1946 г.), в работе проф. Шальды «Писательский облик Божены Немцовой» («Vápnický typ Boženy Němcové» — речь на заседании «Общества Божены Немцовой» 10 мая 1934 г.) и в посмертно изданной замечательной статье Юлиуса Фучика «Божена Немцова борющаяся» («Božena Němcová bojující»), опубликованной в сборнике критических статей Фучика «Три этюда» («Tři studie») (Прага, 1945, стр. 15—51).

Задачей настоящей статьи и является охарактеризовать выводы, к каким пришли авторы названных работ, отметить в них новое и несомненно ценное в анализе творчества Божены Немцовой, оценить их с позиций современного научного литературоведения, показать, как велика роль марксистско-ленинской теории в установлении правильного понимания литературных явлений, недоступного буржуазной критике.

* * *

Божена Немцова жила и творила в эпоху острых политических потрясений, всколыхнувших и чешскую жизнь середины XIX в.: июльская революция 1830 г., крестьянские восстания, нередко вспыхивавшие в Чехии этого времени, революционные события 1848 г., славянский съезд в Праге, душное и мрачное десятилетие баховской реакции — таковы главные вехи этой интереснейшей эпохи. Б. Немцова принадлежала к типу людей с обостренным социальным чувством, она глубоко и искренно переживала и взлеты надежд, и горечь скептицизма в оценке мартовских событий 1848 г. Не в пример большинству чешских писателей этого времени она понимала жалкую роль революционного фразерства и предательства либералов; близкая к радикальным кругам (Неруда, Фрич, Сабина), она жила и творила в живейшем общении с народными массами и для народа. Все это обязывает каждого приступающего к изучению ее творчества особенно внимательно отнестись к анализу социальных истоков ее творчества, к выяснению социально-экономических и общественно-политических процессов, происходивших в чешской деревне и городе в 1830—1860 гг.

Однако не только авторы общих курсов истории чешской литературы (Новак, Влчек, Якубец, Махал), но и авторы монографий и статей, посвященных Б. Немцовой, даже и не пытаются рассмотреть ее творческий путь в его взаимосвязях с живым потоком бытия эпохи, не делают серьезных попыток объяснить все характерное в идейном содержании и творческих приемах ее богатого литературного наследия. В этом отношении не представляет исключения и упомянутая статья проф. Шальды. Несомненной заслугой проф. Неедлого и особенно Ю. Фучика является перенесение центра исследования с фактов личной биографии Немцовой, с ее интимных переживаний, с самых деталей перипетий ее семейной драмы (чем с таким усердием занимались старые исследователи), с ее отношения к проблеме свободного чувства и новым интересам эмансипированной женщины (ср. монографию Тилле) на факты ее гражданских настроений, ее отношения к обществу и к явлениям революционной современности. Их ценнейшие наблюдения дают богатый и живой материал для понимания личности, характера, психологии и мировоззрения писательницы. Но в этих работах нет исчерпывающего прослеживания и объяснения процесса формирования ряда черт в облике Немцовой под влиянием факторов социально-экономического и общественно-политического характера, нет полного объяснения их закономерности.

Проф. Шальда чужд и враждебен позициям марксистского литературоведения; он и в работе о Немцовой не отходит от своих старых принципов импрессионистской критики с ее пониманием творчества писателя как выражения его индивидуальности, яркой, оригинальной, неповторимой; творчества, развивающегося по своим, специфическим, внутренне-суверенным, непостижимым законам, творчества интуитивного, которое бесполезно критиковать и направлять с каких бы то ни было позиций.

По убеждению проф. Шальды, всякого рода попытки расшифровать произведение как отражение действительности, как преломление известных общественных отношений, как выражение динамики и тенденций общественного развития, попытки определить объективную, познавательную ценность произведения литературы, его прогрессивность или реакционность и т. п. являются порочными. Его интересует другое:

взять творчество данного писателя в его высшем, конкретном выражении; вникнуть в него, понять его внутреннее единство, силу и красоту, его своеобразие как особого творческого акта, как особой, сугубо субъективной, по-своему звучащей «кантилены» и довести его до восприятия читателей. Отметив в начале доклада, что Б. Немцова испытала в жизни много горя и страданий (правда, ограничив последние почему-то лишь двумя сферами: сферой материальных лишений и сферой конфликта с обществом на почве защиты прав женщины на свободу), Шальда утверждает далее, что, вопреки ожиданиям, творчество Немцовой, во-первых, не пессимистично и, во-вторых, весьма далеко от чувства протеста и борьбы.

«Ее творчество не определяется тем, что она видела, познала и испытала в собственной жизни; в большей своей части оно является воплощением того, с чем она мечтала и грезила, оно по преимуществу из того же материала, из какого сотканы ее мечты и сновидения» (стр. 4).

В поэтическом мире Немцовой, продолжает Шальда, много человеческого тепла и взаимопонимания, гораздо больше, чем в реальной действительности. Как характерную черту ее творчества Шальда отмечает тот факт, что в произведениях Немцовой люди разных классов, сословий, профессий, разного общественного положения очень легко сближаются друг с другом, что среди них почти нет злых, демонических натур, что в жизни персонажей произведений Немцовой царствует и всем управляет доброе провидение, всегда во-время предупреждающее беду и несчастье и являющееся в нужный момент с помощью и утешением; это провидение принимает вид Гаеа и Маглы в «Добром человеке» («Dobrému člověku»), бабушки и Кристы в «Бабушке» («Babičce»), доктора и помещицы Скоцдополе в «В замке и возле замка» («V zámku a v podzámčí»). Характерно для Немцовой и обилие в ее произведениях бедняков, людей труда, с золотым сердцем и ангельской добротой: Розарка в «Розарке» («Rozárcce»), портной Сыкора в «В замке и возле замка».

Шальда отмечает, что хоть в жизни Б. Немцова смотрела на религию глазами «Молодой Германии», резко выступая против духовенства, церкви и внешней обрядности, но в своем творчестве якобы этого своего радикализма никак не отразила. Наоборот, ее персонажи — верующие люди, «деятельные, неутомимые христиане». Эти слова Шальды никак не вяжутся с тем фактом, что в произведениях Немцовой представители духовенства совершенно отсутствуют, что в них не встретишь никаких указаний на положительное влияние церкви на массы и что «истинными христианами» в них являются простые люди, крестьяне, швеи, возчики, что «христианство» их представлено автором как подвиг действительной любви к ближнему, помощь в нужде и горе, бескорыстное служение «униженным и оскорбленным» в жизни. Больше того, у Немцовой есть и прямые сатирические зарисовки людей, связанных с церковью, пронизанных духом обывательской пошлости, мелочность и пустоту которых автор подчеркивает, ставя рядом с ними благородных и одаренных людей из простого народа (ср. церковный причетник в рассказе «Divá Bara»).

Живую веру Б. Немцовой в чистую от природы человеческую натуру, которую лишь люди и жизнь могут портить и исказить, но все же не до конца, и ее преклонение перед природой, несущей человеку радость и обновление, Шальда приписывает влиянию Руссо. Характерен для Немцовой, по мнению Шальды, и взгляд на любовь как на источник счастья и духовного возрождения человека.

Отмечает Шальда и то, что хотя Б. Немцова, как никто до нее в чешской литературе, отразила в своем творчестве классовое расслоение общества, постоянно противопоставляя помещика и крестьянина, город и деревню, богача и бедняка, интеллигенцию и народ и т. д., но делала она это не для того, чтобы звать человека к протесту против социальной несправедливости и зла, к борьбе за переустройство общества.

«Она, возможно, первая у нас увидела борьбу классов и сословий, но не удовлетворилась одним констатированием этого факта, а, будучи в сердце социалисткой, с присущей ей настойчивостью творчески преобразовала мир борьбы в мир гармонии» (стр. 8).

Из мучительных тисков суровой действительности Б. Немцова высвобождается на крыльях воспоминаний детства и мечты о социализме, якобы, по Шальде, разбивающей оковы логики и правды жизни.

Такова интерпретация творческого писательского облика Б. Немцовой и ее человеческого облика под пером проф. Шальды.

Конечно, согласиться с этим очень обедненным, искажающим реальные пропорции и черты портретом Немцовой никак нельзя. Творчество Немцовой достаточно ярко отражает и черты горячего протеста против социального зла и гнета, и многие черты трезвого реализма во взгляде на жизнь, на человека и человеческие поступки и отношения. Многие черты в облике писательницы, отмеченные Шальдой, совершенно бесспорны, но они получили бы совершенно иной смысл и характер, если бы автор попытался объяснить их как своеобразное отражение известных сторон идеологии и психологии чешского крестьянства 40-х годов XIX в.

Наконец, порочной следует признать традиционную в практике старых чешских, да и многих иных славянских ученых манеру преуменьшать самобытность славянской культуры и, кстати и некстати, возводить все в ней к подражаниям и заимствованиям. Взгляды Немцовой на религию, и взгляды ее на неиспорченную в своей основе человеческую натуру, и преклонение ее перед умиротворяющей и обновляющей силой природы вовсе не обязательно возводить лишь к влиянию на нее «Молодой Германии» и философских взглядов Руссо. Эти идеологические и психологические черты были присущи и крестьянству Чехии времен Немцовой, есть многое в них и от традиций чешского гуситства. Немцова могла отразить здесь и итоги своего многолетнего общения с простым деревенским человеком.

* * *

Прекрасная работа о Немцовой профессора Зденека Неедлого впервые появилась в 1922 г. и написана по поручению «Клуба чешских туристов» в Чешской Скалице в связи с открытием в Ратиборжицах памятника «Бабушке» Божены Немцовой. В 1946 г. работа вышла в новом, переработанном, издании. Обстоятельства возникновения работы не могли не наложить на нее своеобразного отпечатка: автор, прекрасный знаток Ратиборжиц и их окрестностей, отводит очень значительное место внимательному и подробному анализу того, насколько точно и правдиво отразились в произведениях Немцовой, главным образом в «Бабушке», Ратиборжицы с их топографией, их людьми, их реальной жизнью и отношениями. В своем окончательном выводе, что действительные Ратиборжицы, действительная бабушка и окружавшие Немцову в детстве люди, начиная с членов семьи ее матери и кончая несчастной Викторкой, были далеко не таковы, какими мы видим их в «Бабушке»; что содержание «Бабушки» — не точная фотография действительных людей, природы и жизни по детским

воспоминаниям автора, а сложное художественное произведение, творчески переплавившее детские впечатления Немцовой, сочетавшее их со всем ее жизненным опытом и мудростью, и с домажлицкими впечатлениями, и с пражскими настроениями, — проф. З. Неedly, безусловно, прав. Из его изложения читатель получает четкое и ясное представление о творческой лаборатории Немцовой, об удельном весе всех реальных элементов конкретной действительности в ее творчестве. Все это важно и интересно, обладает большой силой убедительности, но не является принципиально новым для критика, историка литературы и рядового сознательного читателя, которые и не ищут в реалистических художественных произведениях точного, фотографического отображения явлений и людей, а видят в них лишь правдивое отражение реального мира вещей, идей и отношений в их типических проявлениях. Вся эта часть рассуждений проф. Неedlyго представляет интерес в другом отношении, а именно: в отношении вопроса о характере творческого метода Немцовой, вопроса о том, можно ли отнести Немцову к писателям-реалистам, зачинателям чешского реализма в новеллистике на деревенские темы, или следует считать ее продолжательницей традиций романтизма. Материал статьи вполне убедительно решает этот вопрос в пользу признания творчества Б. Немцовой глубоко жизненным, реалистическим.

«Божена Немцова, при всем своем идеализме, — пишет проф. Неedly, — была из тех художников, которые свое искусство оживляют реальной действительностью» (стр. 48).

Большой заслугой проф. Неedlyго является также то, что он впервые так резко подчеркнул в биографии Немцовой наличие и огромную роль общественного фактора и социального чувства.

Едва ли можно найти другого чешского писателя, из жизни которого мы бы знали столько самых интимных подробностей, сколько мы знаем их из биографии Немцовой. Но все это почти исключительно факты ее сугубо интимной жизни, касающиеся ее отношений к мужу, ее сердечных увлечений, ее борьбы за свободу личного женского чувства, факты ее физических и моральных страданий в тисках жесточайшей материальной нужды и т. п. Излагая биографию Немцовой, проф. Неedly особенно оттеняет в ее личности глубокое социальное чувство, тонкое политическое чутье, позволявшее ей давать правильную оценку современным событиям, часто вразрез с господствовавшими в ее время взглядами и оценками, чего не делали или не могли делать буржуазные биографы Немцовой.

Социальное чувство было пробуждено в Немцовой еще в раннем детстве рассказами бабушки о бедных людях и их горе. Проф. Неedly отмечает сильное звучание социальных настроений уже в сказках Немцовой. Так, в сказке «Наказанная гордость» («Potrestaná pycha») достаточно ясно показывается, как безысходно тяжела судьба несчастных тружениц, отданных на произвол бесчувственных и черствых хозяек-госпож.

Когда в 1847 г. в Домажлицком крае, в обстановке свирепствовавшего здесь голода и эпидемии холеры, писательница наблюдала запоздалые попытки местного городского мещанства притти на помощь вымирающему населению окрестных деревень, то они вызвали у нее только гнев; с гражданской прямоотой она отмечает эгоизм и бездушие горожан и помещиков.

«Когда бы барин, с колыбели воспитанный в роскоши и наслаждениях, очутился в сырой, пропитанной плесенью коморке, куда солнечный луч не заглядывает в течение всего года, когда бы он увидел это жалкое подобие мебели, это бедное ложе, на котором

немного соломы и вместо перины куски тряпья и изодранного сукна, когда бы он увидел родителей с детьми, полуодетых, высохших, изможденных от голода и холода, увидел, с какой жадностью едят они болтушку и огурубей, котоу ю не стал бы есть ни один из барских псов, и при этом молят бога, чтобы он послал им и на завтра небольшой заработок, чтобы им можно было еще раз поесть такой болтушки, — когда бы все это он видел и слышал, неужели бы и тогда не дрогнуло его сердце?» (стр. 53).

Отметив, что домажилицкие мещане вспомнили о помощи голодающим крестьянам лишь тогда, когда холера подошла вплотную к городским стенам, Немцова бичует бесчувственных мещан, идущих на благотворительность лишь из животного инстинкта самосохранения.

1848-й год вызвал большой подъем в настроениях Немцовой. Убедившись в том, что новая конституция не принесла с собой улучшения жизни городской бедноте и крестьянству, она очень рано освободилась от политических иллюзий. Проф. Неедлы в своей работе отмечает интересный факт опубликования Боженной Немцовой в «Чешской пчеле» в апреле 1848 г. открытого письма Сабине под заголовком «Деревенская политика» («Selská politika»). В этом письме-статье Немцова дает очень трезвую, с позиций трудящихся масс, оценку достижений революции 1848 г. Когда всему населению Праги было приказано в день празднования введения новой конституции принять участие в организации иллюминации, выставив в каждом окне зажженные свечи, то это вызвало справедливый гнев Божены Немцовой.

«В городах ликуют, — писала она, — в храмах совершаются торжественные богослужения, войска устраивают парады, всюду игры, песни; нашиваются кокарды: горола сверкают огнями иллюминации. В каждом окне приказано выставить зажженные свечи. . . «Да, — говорит один бедный рабочий другому, — мне нужно купить четыре свечи, а у меня и всего состояния только девять крейцеров. Купить самых дешевых свечей по цене за крейцер свеча, и то выйдет четыре крейцера. У меня останется пять, а на них мне нужно прожить целый день с женой и тремя детьми. А завтра я опять, возможно, не заработаю. Почему же богачи не дают бедным денег на свечи, если они так хотят устраивать иллюминации? Что мы имеем от того, что у нас сейчас свобода? Она не дает нам ни хлеба, ни работы». — Собеседник все же думает, что и для него кое-что принесет с собой свобода: говорят же, что позаботятся дать работу людям и что каждому разрешено протестовать, когда чинят ему неправду. Но первый рабочий возражает на это: «Господь бог не слышит лая собаки, хорошенько запомни это! Что касается работы, то жди, когда о нас позаботятся господа. Увидишь, до чего дойдешь. Кто станет заботиться о бедноте?! Никто, хотя б и оскелед бедняк с голоду». Горечь таких слов, — замечет Немцова, — не поддается описанию. Так говорили эти двое рабочих, а все же первый из них купил свечи и выставил их на окнах, иначе полицейский расколотил бы ему стекла. А вечером проходившие мимо его окон люди смеялись над выставленными им дешевыми свечами, и никто из них не задумался над тем, кто их выставил, и не подумал о том, что за этими свечами в глубине сырой комнатушки сидят пятеро голодных людей» (стр. 54).

Не верит Немцова в то, что мартовские события принесут какое-либо облегчение и крестьянам. Она приводит и отклики крестьян на события. Крестьяне, по ее словам, вспоминают о том, что и раньше неоднократно давались императором столь же торжественные заверения и обещания, практическое осуществление которых откладывалось до конца войны с французами.

«Мы делали все, — говорят крестьяне, — что было в наших силах: посылали своих сыновей на войну, отдавали императору деньги, хлеб и скот. Вскоре пришел враг, и многих из нас превратил в нищих. Можно ли увлечься тому, что в народе поднялся ропот?! Дошло и до господ, что народ волнуется. И вот пришли в деревни комиссары и стали описывать понесенные крестьянами убытки. Попли слухи, что хотят их возместить. Во всяком случае, крестьяне надеялись, что хоть что-нибудь им возместят; но сколько

они ни писали, никто не получил ни талера. А кто дерзнул напомнить об обещаниях, тому заплатили, но не деньгами, — понимаете? Ну, а теперь, господа злятся на нас за то, что мы перестали верить их словам. Ох, господские обещания — сплошной обман!» (Цитирую по книге Неедлого, стр. 54–55).

Б. Немцов возмущает революционная болтовня и пустословие примазавшихся к революции пустых и праздных людей.

Вполне уместно проф. Неедлы обращает серьезное внимание на остро сатирическую большую повесть Б. Немцовой «В замке и возле замка», которая старой критикой или совершенно замалчивалась или упоминалась лишь вскользь как якобы неудачный в художественном отношении эпизод в развитии творчества Немцовой, эпизод, свидетельствующий будто бы об упадке ее мастерства и чувства реализма. В противовес этим утверждениям, проф. Неедлы считает это произведение глубоко реалистическим, отражающим важные социальные явления с позиций подлинного народного демократа, знающего цену словам и делам помещика и буржуа.

Замечательна по силе сатирического обличения и по трезвости понимания подлинных пружин капиталистических отношений юмористическая сценка беседы двух помещиков-соседей Чмухалка и Выдржигоста, встревоженных свирепствующей в окрестных деревнях холерой, но барски равнодушных к народному бедствию, туго завязывающих свои кошельки перед крестьянской нуждой и прячущих запасы хлеба в тайной надежде крепко нажиться на народной беде.

«В батрацкой хате Завртала сегодня умерли от холеры две батрачки. Богачи пришли в ужас. «Ведь я предупреждал, — говорит один барин другому, — что если добьется и до нас эта болезнь, то во всем будет повинна эта батрацкая распущенность. Что бы вы им ни говорили, они вас не послушают. Едят что ни попало, помещений не проветривают, всюду грязь, куда ни глянешь. . . Чего же другого здесь можно ожидать? Только скажешь им что-нибудь, они сейчас вам в ответ: «Платите больше, тогда и жить будем лучше». Эти грубияны, бессовестные люди, не стыдятся бросать такие слова в глаза человеку, который делает для них все, что в его силах. Зимой я дал им работу, чтобы они не умерли с голода, и вот вам благодарность за это! Дайте им палец, они тотчас ухватятся за всю руку». — «Это мы знаем, г. Чмухалек! Делайте чорту добро, он всегда отплатит вам пеклом. Это — бездонная пропасть, ее никогда и ничем не наполнишь, хоть бы всю жизнь наполнял. Да и времена ныне не такие: платежей много, а хлеб не только не поднимается в цене, а падает. Плохи дела. Ожидал повышения цен и попридержал хлеб, и вот, думается, сглупил. . .» — «Нет, г. Выдржигост, так дальше не может оставаться. Мне сказали в Праге, что цены опять скоро начнут подниматься. Ах, если бы это случилось! У меня двести мер лежат наготове! Жду лишь выгодных цен!» (стр. 56).

В ответ на упреки барина, бранившего батраков за то, что они не проветривают помещений, едят что ни попало, чем якобы и навлекли на себя и на деревню бедствия холеры, батраки очень резонно возражают:

«Мы с величайшим удовольствием ели бы мясо и пироги, не ели бы крапивы, лебеды и картофеля, но только платите нам столько, чтобы мы могли себе это позволить. Богатый ест, что хочет, а бедный, что есть. Мы охотно проветривали бы и помещение, но лишены возможности сделать это, потому что, как изволите видеть, окно лишь в одно стекло, да и то в раме, вправленной в стену. Оставить же двери раскрытыми настежь не можем, чтобы не унесли и то немного, что у нас осталось; ведь по целым дням нас не бывает дома. И картофеля не было бы в помине, если бы не держали его в помещении. И держать ночлежников мы не станем лишь тогда, когда ваша барская милость снизит нам плату за помещение» (стр. 57).

Зная, что ему нечего возразить, барин уходит со двора. Но вот дорогой он вспоминает о том, что у него утром пропала курица. Уверенный в том, что курицу украл кто-нибудь из батрацкой бедноты, он возвращается

в халупу и разносит батраков, крича, что у каждого из них куча детей, которым нечего есть, а потому они и крадут. Ответ батраков дышит сознанием собственного достоинства и презрением к эксплуататорам:

«Господь бог лучше знает, почему дает нам больше детей. Знать, нам он больше доверяет, чем господам: ведь на бедняках весь мир держится» (стр. 57).

Повесть «В замке и возле замка» представляет собой огромный интерес во всех отношениях, и ее анализ даст ценнейший материал к пониманию творческого облика Божены Немцовой и истоков ее идейного богатства. В этой повести, между прочим, нашло свое отражение и увлечение Немцовой идеями утопического социализма, ее вера в возможность перешагнуть барьеры классовых интересов и, минуя насилие, сгладить противоречия классового общества и обновить жизнь на началах классового мира (ср. образ доктора и его беседы с помещицей о рабочих общежитиях, больницах, школах и т. п.).

Как указывает проф. Неедлы, с идеями утопического социализма Б. Немцова познакомилась в 1849 г. по статьям «Письма друга подруге о происхождении социализма и коммунизма» («Listy přítele přítelkyni o původu socialismu a komunismu»), опубликованным в «Моравской газете» («Moravských Novinách»). Эти статьи-письма были написаны священником Клацелем специально для Б. Немцовой и по ее просьбе, в ответ на выраженное ею желание познакомиться с идеями социализма, и представляют собой кратко изложение известной книги Лоренца фон Штейна «Социализм и коммунизм» («Der Socialismus und Communismus», 1848). Клацель не был знаком с «Коммунистическим манифестом» Маркса и Энгельса, и идеи научного социализма остались вне поля зрения как его самого, так и его ученицы Немцовой. Она же состояла активным членом основанного Клацелем братства — организации, целью которой ставился коллективный труд во имя братства и равенства людей.

Под пером проф. Неедлого встает перед нами величавый образ Божены Немцовой, бесстрашного борца за свои убеждения, человека волевого и принципиального. Когда Гавличек вернулся из ссылки и от него из боязни навлечь на себя опалу демонстративно отвернулись трусливые либералы, Немцова так же демонстративно и вызывающе подчеркивает свое преклонение перед Гавличком. Встретив его однажды на улице, она подошла к нему и сердечно приветствовала его; когда же Гавличек удивленно спросил ее, неужели она не боится так открыто поддерживать с ним знакомство, она ответила: «С властями у меня нет и не может быть ничего общего». Когда Гавличек умер и полицией были строго воспрещены какие-либо демонстрации и открытое выражение общественного внимания к умершему, Б. Немцова не побоялась возложить на его могилу символический венок из терновника, перевитого лаврами. Дело дошло до того, что трусливая либеральная интеллигенция стала сторониться Немцовой, избегая встреч и общения с ней.

Отметив в «Бабушке» Немцовой наличие социальных мотивов (история отдачи в солдаты Милы, чванливые бездельники из двора помещицы, тяжелая доля мужа бабушки и т. п.), Неедлы специально останавливается на упреках старой критики по адресу Немцовой в том, что она якобы слишком симпатичными чертами обрисовывает в «Бабушке» княгиню-помещицу. Неедлы берет последнюю под свою защиту, говоря, что она и на самом деле отличалась гуманностью и простотой в обращении с подданными, что

это нисколько не умаляет значения повести, так как образ княгини бледнеет перед величественным образом бабушки и нисколько не говорит о примирении автора с привилегированным положением родовитого дворянства.

Но все-таки факт остается фактом: не только в «Бабушке», но и в других произведениях Немцовой («В замке и возле замка», «Горная деревушка») антагонизм между классами, в данном случае — между помещиками и крестьянами, затушеван несомненной идеализацией дворянства и сглажен верой автора в возможность возрождения человеческих чувств в сердце эксплуататора, способного якобы на добровольный отказ от эксплуатации и угнетения в пользу гармонического разрешения социальных противоречий. Это не случайно в творчестве Немцовой, и в этом нельзя видеть лишь композиционный прием простого соседства персонажей, их целевого сопоставления. Это — прочный элемент мировоззрения Немцовой, и его нужно объяснить. Однако этого объяснения проф. Неэдлы не дает, и нам представляется, что он его не может дать, ибо сам он стоит на несколько ошибочных методологических принципах анализа творчества писателя, истолкования его произведений и отдельных моментов их формы и содержания.

При всем том работа проф. Неэдлого о Божене Немцовой представляет собой совершенно новое качество по сравнению с работой проф. Шальды. Он связывает творчество Немцовой с жизнью, раскрывает его социальную значимость. В то время как Шальда вовсе не пытается объяснить творчество Немцовой какими-нибудь факторами социального порядка, проф. Неэдлы прослеживает подробно весь жизненный путь Немцовой, говорит о круге книг и авторов, влиявших на развитие ее взглядов, ее творческих интересов и приемов, характеризует, и довольно убедительно, ее взгляды на жизнь, на людей, на общество, ее отношение к современным политическим событиям революционного 1848 г. и т. д. К сожалению, все это делается по старому биографическому методу, сторонники которого стремились все творчество писателя вывести только из его личной биографии. Самый процесс литературного творчества Немцовой, в наиболее ярком и богатом его проявлении связанный с самыми тяжелыми и мрачными годами ее жизни, проф. Неэдлы рассматривает исключительно с индивидуально-психологических позиций: тяжелая семейная жизнь, глубокий разрыв с мещанским миром блюстителей общественной нравственности, разочарование в революции 1848 г., отвращение к пошлякам-либералам, испугавшимся революции и народа, — все это, по его мнению, создает психологическую почву для ухода Немцовой из мира реальной действительности в какой-то особый, идеальный мир, сотканный из впечатлений солнечного детства, родной природы, впечатлений общения с народом, из грез и мечтаний, в мир, в котором писательница ищет и находит успокоение и радость.

В силу этого ряд очень важных вопросов творчества Немцовой не получает у проф. Неэдлого разрешения. Читатель его книги вполне законно может задуматься над таким вопросом: в чем существо идеологической концепции Немцовой, как эта концепция отразилась в ее художественном творчестве, чем объяснить отдельные характерные черты ее идеологии и ее характера, чем, например, объяснить отсутствие у Немцовой мотивов борьбы, открытого протеста; откуда у нее отрицательное отношение к городу, к крестьянству, порвавшему с землей, — к барской дворне, к затерявшимся в Вене чешским крестьянским девушкам и парням; чем объяснить ее равнодушие к вопросам религиозной обрядности и т. п. и т. д.

И эти и многие другие вопросы остаются без разрешения, потому что проф. Неядлы в своем анализе творчества Немцовой ограничивается, как было сказано, лишь двумя кругами взаимосвязей: кругом творчества писателя и кругом его жизни. Из его анализа совершенно выпал третий, важнейший круг взаимосвязей, а именно, развитие общественных отношений современной писателю эпохи. Неядлы обходит молчанием такие вопросы, как вопрос о динамике и движущих силах этого общественного развития, не показывает зависимости жизни писателя, его мировоззрения и его творчества от этих тенденций развития общественных отношений данной эпохи. Факты биографического порядка, объясняя многое в творчестве писателя, сами нуждаются в объяснении и мотивировке.

* * *

Критик-революционер, коммунист, пламенный борец против фашизма, которого не смогла заставить замолчать и затянута палачом на шею петля, Юлиус Фучик в дни тяжелых испытаний для чешского народа и для всего свободолюбивого человечества, в годы, когда Чехия стонала под гнетом гитлеровских палачей, обращается мыслью к светлому образу Божены Немцовой, воскресив его перед современниками в своей замечательной статье «Божена Немцова борющаяся», в статье, написанной в 1942 г. в подполье, когда ему пришлось скрываться от фашистских ищек.

В эти дни, когда, казалось, чешский народ был совершенно обескровлен, Фучик из подполья поднимает свой голос призыва к борьбе, голос веры в скорую, неизбежную победу над фашизмом. Он оглядывается на славный путь, пройденный чешской литературой, и его восхищенный взор останавливается на образе Божены Немцовой, образе, который кажется ему наиболее созвучным современной эпохе, образе борца и революционера, близкого по устремлениям и складу души дням великой героической борьбы против фашизма.

Только такой революционер и человек, как Фучик, мог с такой исключительной силой и глубиной раскрыть внутренний мир «борющейся» Божены Немцовой, Немцовой-революционерки по натуре, по складу характера, по жизни и мыслям.

В статье Фучика Немцова прежде всего противопоставляется подавляющему большинству современных ей чешских женщин безнадежно мещанского типа, идеалы которых ограничивались кухней, церковью и костюмами. Божена Немцова представляет собой новый тип женщины, свободной, равноправной мужчине, но женственной, не копирующей мужчину, а стремящейся стать рядом с ним в борьбе за обновление общества, помогающей ему в этом основном деле. Подобный идеал женщины, пишет Фучик, был сформулирован лишь социалистами 90-х годов, но Немцова обрисовала контуры этого идеала женщины уже за семь лет до написания ею повести «Горная деревушка» в письмах к Клацелю.

Ключом к освобождению женщины Немцова считает хорошее образование (ср. «Картины Домажлицкого края», — «Obrazy z Domažlicka», «Горная деревушка» — «Pohorská vesnice», «Варенька» — «Baruška», письма). Так, в письме к Гельцелету она пишет:

«Нехватает мне, милый Иван, высшего образования. Будь оно у меня, я могла бы уже теперь писать более хорошие произведения. С таким огромным трудом приходилось мне добиваться того, что знаю, и всем этим я обязана лишь самой себе» (Фучик, стр. 37).

Трагизм Немцовой, по мнению Фучика, в том, что ее образование было очень и очень недостаточным: в отличие от всех чешских писателей своего времени, она не имела не только высшего, но и среднего образования; она окончила лишь начальную школу и позже — курсы рукоделия. Всем своим развитием, своей огромной начитанностью она обязана исключительно упорной работе над своим самообразованием, своему разностороннему чтению.

Ее стремлений и взглядов не понимал не только ее муж, их не понимало и общество, в котором она вращалась, даже лучшие его представители. Каролина Светлая, ее бывший друг, одна из зачинательниц чешского женского эмансипационного движения, осуждает ее за дружбу с Бендлем. В Праге распускаются грязные сплетни о русском богаче, якобы вовлеченном в любовные сети Немцовой, а этот «русский богач» на деле оказывается бедняком, студентом, за чашку чая или за обед учившим Немцову русскому языку. «Опасная кокетка», «никуда не годная мать», — такими словами характеризует Немцову полиция в 1857 г. Священник Штульц, сам писатель и поэт, публично предлагает Немцовой принести покаяние и откатиться от своих «безнравственных» взглядов. Немцова мужественно выносит всю эту грязь издевательств, сплетен, общественного осуждения. В одном из цитируемых Фучиком писем она гордо заявляет:

«Кто не плетется за стадом, кто не удовлетворяется одной погоней за корытом, того свет распинает на кресте, тот всегда бывает мучеником. Но лучше быть мучеником, чем быть дармоедом, не знающим, для чего и зачем он живет» (стр. 40).

Фучик особо останавливается на чрезвычайно ценной черте Немцовой, а именно на присущем ей чувстве нового, на ее чутке к передовому, что сближало ее с самыми прогрессивными и революционными слоями общества. Ее друзья были, большей частью, людьми передовых идей, высоких исканий, натурами исключительными: Карел Сабина, видный радикальный деятель 1848 г., один из зачинателей чешского социального романа; Франтишек Матвей Клацель, автор первого чешского популярного труда о социализме; один из руководителей буржуазно-демократического направления, Иосиф Вацлав Фрич; литературный критик и экономист Ян Огерал, лучший знаток зарубежных социалистических теорий; основатель социалистической ассоциации рабочих в Америке Напрстек и др.

Выделяет Божену Немцову и чувство коллективизма, близость к массам, ее демократизм. Фучик приводит показательные в этом отношении факты биографии Немцовой.

Полицейский информатор в 1853 г. доносит, что «фантастическая жена Иосифа Немца Божена участвовала в 1848 г. в бурной студенческой демонстрации в Хебах».

Домажличкие мещане жалуются на нее Гавличку, говоря, что она «неприличная женщина» и дружит с «грубыми рабочими».

Немцова единственная из писателей старшего поколения сотрудничала в альманахе Фрича «Лада Ниола» («Lada Niola»), самом радикальном литературном и политическом органе 50-х годов прошлого века. К ней тянется и чешский литературный молодежь: Неруда, Галек и др.

Отношение Немцовой к бедным — это, по прекрасному выражению Фучика, не отношение шелка к заплатам, а отношение человека в заплатках к людям с заплатами.

Более правильно, нежели проф. Неedly, подходит Фучик к пониманию образа княгини в «Бабушке». По его мнению, бабушка противопоставлена княгине; соседство этих образов лишь подчеркивает величавость бабушки, ее мудрость, сердечность, знание жизни, с одной стороны, и никчемность княгини, ее неумение разобратся в том, что добро и что зло, незнание того, где, как и кем создаются ценности и где и как приложить их к делу.

Гораздо глубже и верней, нежели Шальда, понимает Фучик типичный для Немцовой творческий прием контраста; в противовес Шальде, видевшему в нем скорее формальный прием, Фучик вкладывает в него глубокий социальный смысл. По его словам, Немцова не просто видит горе и бедность, а всегда видит их в контрасте с богатством и праздностью: жадность в еде голодных батраков и сытость барского пса; бедняки и обкрадывающие общину ростовщики («Картины окрестностей Домажлиц» — «Obrazy z okolí Domažlic»). «Чем больше одна часть жителей богатеет от дороговизны, тем больше другая часть беднеет и опускается на дно бедствий» («В замке и возле замка»).

Оценку, данную Немцовой событиям и итогам 1848 г., Фучик называет оценкой, составившей эпоху, оценкой «с другого берега».

Имея на многое свои особые взгляды, идущие часто вразрез с взглядами большинства литераторов того времени, Немцова полностью отдает себе отчет в том, что это вполне естественно в обществе, где нет равенства в экономическом положении, где одни живут в роскоши, а другие в это же время голодают, одни властвуют и бездельничают, а другие угнетаются и работают на других до седьмого пота.

«Если мы — нищие, мир нам представляется в совершенно ином виде», — писала Немцова. Эти слова Немцовой Фучик сравнивает с марксистским тезисом: «бытие определяет сознание».

Фучик вполне справедливо указывает, что Немцова, лишенная образования, самоучка, сама доходит до таких мыслей и выводов, которые далеко, часто на десятилетия, опережали общественное мнение ее эпохи (ср. идеалистическое понимание социализма в письмах Клацеля и трезвые рассуждения Немцовой о двух правдах — правде рабочих, крестьян, бедняков и правде богачей). Трагизм ее в том, что никто из окружающих ее не мог, по многим вопросам, сказать ей больше того, что она сама знала, дойдя до всего своим умом. Трагизм ее положения заключался в том, что, установив правильные взгляды на мир, на жизнь, на людей, на отношения между людьми, она не знала и не понимала путей и средств воздействия на жизнь, ее преобразования. А окружающие, часто мнящие себя авторитетными людьми, или сами не могли дать ей нужных объяснений или давали ответы, никак не удовлетворявшие пылкий и ясный ум Немцовой. Только этим и объясняет Фучик тот факт, перед которым становились втупик многие критики, исследователи творчества Немцовой, а именно, почему такую большую роль во многих произведениях ее играет «счастливый случай», «счастливая развязка».

«Немцова творит на твердой земле, и вдруг спускает с неба серебряную нить, ведущую читателя в рай. Но делает она это просто по нужде. Для нее этот выход неизбежен. Другого выхода, более реального, более конкретного, я бы сказал, более земного, Немцова не знает. Она знала маизусть всего Гейне. Какое несчастье, что она не могла узнать и его друга — Карла Маркса» (стр. 49).

И все же согласиться с объяснением Фучика истоков ограниченности идеологического кругозора Немцовой нельзя. Трагизм Немцовой отнюдь

не только в ограниченности ее образования. Во-первых, не следует придавать такого большого значения школьному образованию, отсутствие которого часто возмещается систематической работой над самообразованием, мудрой школой жизни, широким здравым смыслом. Уже приведенных биографических фактов, так убедительно истолкованных в статье Фучика, достаточно, чтобы прийти к выводу, что запойное чтение книг, общение с богато одаренными и передовыми людьми своего времени, часто весьма авторитетными во многих областях знания и политики, суровая школа жизни, богатый жизненный опыт, вдумчивые наблюдения над жизнью простого народа — все это сторицей покрывало у Немцовой недостаток школьного образования, столь несовершенного и формального в ее время. Во-вторых, сам же Фучик подчеркивает в своей статье, что лучшие чешские писатели и общественные деятели из ее современников, имевшие почти поголовно университетское образование, во многих отношениях стояли далеко позади Немцовой, уступая ей в трезвости суждений и оценок современных событий, в умении разобраться в общественных явлениях. Немцова, не получившая школьного образования, видела многое такое, что было скрыто от многих ее современников с блестящим образованием. По многим своим взглядам она оказалась ближе к позициям научного социализма, чем бравшие над ней шефство дипломированные эрудиты, вроде Клацеля, знакомявшего нашу писательницу с социалистическим учением.

* * *

Для понимания творческой личности Божены Немцовой и правильной оценки оставленного ею богатейшего идейного наследства, оценки, даваемой без смещения исторической перспективы, несомненно, следует исходить из тезиса о том, что *Немцова является выразительницей идеалов, взглядов и настроений чешского трудового крестьянства середины XIX в. и что ее трагизм — это не только трагизм отдельного человека, а трагизм масс в эпоху, когда еще не появился пролетариат, как ведущая сила общественного развития, когда крестьяне уже остро ощущали нестерпимую тяжесть своего положения и необходимость покончить с ним и еще не знали, как это сделать, когда они еще не нашли в пролетариате своего вождя и союзника.* Для этого во времена Немцовой еще не было нужных предпосылок. Только учитывая это, мы сможем понять и объяснить все кажущиеся подчас противоречивыми и несовместимыми элементы мирозерцания и творческого метода Немцовой.

Это нам объяснит, почему Божена Немцова так сдержанно и холодно отнеслась к оценке завоеваний революции 1848 г., революции буржуазной, проходившей в атмосфере испуга буржуазии и либеральной интеллигенции перед разбухшими к жизни революционными народными массами и ни в какой степени не удовлетворявшей интересов рабочих и крестьян.

Нам станет понятным, почему Немцова так дорожит связью крестьянских персонажей с землей и деревней и так болезненно переживает оскудение деревни и уход из нее молодежи в ненавистные ей города, почему так остры в переживаниях ее героев симптомы «domáci petosí» (тоска по родине), почему и любимую бабушку она заставляет умереть не в Вене у дочери (как это было в действительности), а в Ратиборжицах.

Становится понятным столь частый в ее произведениях наивный переход от глубокой жизненной правды мрачных и тяжелых картин нужды и горя, неизбежных в классовом обществе, к радужным идиллическим грезам

в духе народных сказок о добром сердце богачей, помещиц, об изуверах, неожиданно для чигагеля превращающихся под ее пером из эксплуататоров и бездушных свидетелей народных страданий чуть ли не в борцов за счастье угнетенных и обездоленных.

Становится ясным, из какого родника питается глубокая и неискоренимая вера Немцовой в золотой жар человеческого сердца, в благородство, чистоту и бескорыстный альтруизм людей из народа, людей бедных, задавленных трудом и беспросветной нуждой.

Только с этих позиций критик может точно определить место Божены Немцовой в истории освободительной борьбы чешского народа от национального и социального гнета и ее место в истории чешской литературы.

Работы Неедлого и Фучика представляют собой ценный вклад в чешскую литературную науку, знаменуя собой решительный переход прогрессивной чешской критики на позиции марксистско-ленинского литературоведения и постепенного изживания ею бесплодных, а то и просто вредных методологических установок старой, идеалистической критики и критики Шальды.

Эти работы подготовили довольно хорошую почву для создания солидной монографии о Божене Немцовой, остается заняться изучением эпохи с углубленной характеристикой классовых отношений, анализом социально-экономических и общественно-политических процессов. На фоне выводов этого изучения можно подвести итоги всему изучению жизни и творчества писательницы и по-новому их осмыслить и объяснить. Только таким путем будут правильно решены многие недоуменные вопросы, встающие перед нами при изучении отдельных произведений или отдельных сторон творчества Немцовой. Так, например, читателю многих повестей Немцовой бросается в глаза то обстоятельство, что в них автор выводит по преимуществу не крестьян-хозяев, самостоятельных земледельцев, а крестьян, так или иначе теряющих землю, как основной источник своего благополучия и существования: это или крестьяне-ткачи, работающие на домашних станках на капиталистов, или батраки, эксплуатируемые помещиками, или пастухи, или деревенские портные, швеи, или рекруты и солдаты. С одной стороны, это может нам объяснить, почему Божена Немцова так живо интересовалась социалистическим учением, будучи разочарована печальными результатами революции 1848 г.; с другой стороны, само это обстоятельство, очевидно, стоит в связи с особым характером чешской деревни и классовых отношений в ней в годы, когда жила и наблюдала жизнь деревни Немцова.

ХРОНИКА

С. Б. Бернштейн

**ОТЧЕТ О ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЕЗДКЕ В БОЛГАРСКИЕ СЕЛА
МОЛДАВСКОЙ ССР И ИЗМАЙЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ УССР ЛЕТОМ
1947 ГОДА**

В 1915 г. вышло большое исследование академика Н. С. Державина, посвященное изучению языка болгарских крестьян нашего юга—«Болгарские колонии в России» (т. II. Язык. 1915). Им были описаны бессарабские говоры села Чешма-Варуита, города Болграда (Сливенский квартал) и села Шикирли-Китай. Ни до появления труда Н. С. Державина, ни после его опубликования никаких лингвистических описаний бессарабских болгарских сел не было. А между тем изучение их представляет большой научный интерес. Значительная часть их основана в начале XIX в. Последнее массовое переселение из Болгарии в Бессарабию происходило после заключения Адрианопольского мирного договора в 1829—1830 гг. Здесь, на чужой территории, болгары сохранили в своем языке и быту много таких черт, какие уже давно утрачены в самой Болгарии.¹

Часто в одном селе сталкиваются говоры различного типа, резко отличающиеся не только своими фонетическими признаками, но и лексическими, что в конце концов приводит к созданию совершенно новых говоров. Говоры сел обычно оказываются в новом языковом окружении, и это накладывает на них особый отпечаток, не известный говорам самой Болгарии. Бессарабские говоры болгар в течение продолжительного времени испытывают влияние русского, украинского, молдавского, румынского и гагаузского языков.

Болгарские говоры Одесской, Кировоградской и Запорожской областей УССР и Крыма были предметом специальных исследований и после издания труда Н. С. Державина. Проф. Л. А. Булаховский посвятил большое исследование языку Старого Крыма, которое, к сожалению, до сих пор еще не издано. Рано скончавшийся доцент Киевского университета Д. П. Дринов незадолго до смерти приступил к собиранию диалектологического материала. Осенью 1935 г. он выезжал в Благоевский район Одесской области, где проводил свои наблюдения. Обработать для печати собранный материал он не успел, так как скончался в следующем году. Редакция киевского журнала «Мовознавство» в № 8 за 1936 г. напечатала небольшую заметку Дринова — «Про мову болгарських колгоспників УРСР», в которой автор указывает на некоторые общие тенденции Благоевского говора.

Большое внимание изучению болгарских говоров СССР уделяла кафедра болгарского языка и литературы Одесского педагогического института, существовавшая с 1934 по 1938 г. Под моим руководством и при участии студентов-болгар были проведены две диалектологические экспедиции: в 1937 г. — в Ольшанский район и в 1938 г. — в Благоевский район. Кроме того, я выезжал в различные болгарские села Коларовского района и Крыма. Был собран большой диалектологический материал, который все еще ждет публикации. Опубликована была лишь моя статья, посвященная очень

¹ Об этом писал М. С. Дринов: «В описываемых г-ом Музыченком обычаях и обрядах нередко встречаются очень архаические черты быта, которые уже пришли в забвение в самой Болгарии или же удерживаются там пока в некоторых захолустьях». — Этнографическое обозрение», 1899, № 4.

интересному Ольшанскому говору, который не был описан Н. С. Державиным и о котором, таким образом, не было никаких сообщений.²

Научная обработка материалов, собранных в приазовских селах Коларовского района, не могла считаться законченной до тех пор, пока они не были поставлены в связь с соответствующими данными по болгарской диалектологии Бессарабии. Дело в том, что болгарские крестьяне Приазовья переселились сюда из южной Бессарабии после того, как Буджак, согласно Парижскому договору, отошел от России.³ Многие села Приазовья (Радоловка, Степановка и др.) образовались из переселенцев только одного бессарабского села, преемственно сохраняя таким образом бессарабский говор. Много подобных фактов было установлено академиком Н. С. Державиным. Однако, как хорошо известно, советские лингвисты были лишены возможности изучать говоры Бессарабии. Румынские лингвисты, среди которых есть немало и славистов, болгарскими говорами Бессарабии не интересовались и не опубликовали ни одной работы в этом направлении. Вот почему теперь сектор филологии Института славяноведения Академии Наук СССР в своих планах уделяет большое внимание систематическому и всестороннему изучению болгарских сел нашего юга.

До румынской оккупации Бессарабии не было точных сведений ни о числе болгарских сел в этом крае, ни о числе поселенцев в каждом из них. Большинство исследователей не различали болгар и гагаузов, говорящих, как хорошо известно, на различных языках. Так, на карте болгарских сел Державина указаны села Чокмейдан, Авдарма, Чадыр Лунга и др., в которых живут не болгары, а только гагаузы.

Во время румынской оккупации никаких серьезных статистических данных опубликовано не было. Официальная румынская статистика указывала на существование в Бессарабии . . . 20 000 болгарских переселенцев, тогда как, по самым минимальным данным, их здесь не меньше 130 000 человек.

Сектор филологии Института славяноведения в своих планах предусматривает создание в течение трех лет лингвистического атласа болгарских сел Бессарабии. Предполагается проведение для этой цели трех больших диалектологических экспедиций летом 1948, 1949 и 1950 гг. В настоящее время [тчет составлен в конце 1947 г. — *Ред.*] мы заняты подготовкой к первой большой экспедиции лета 1948 г., в которой примут участие студенты 4-го курса болгарского цикла славянского отделения Филологического факультета Московского гос. университета, занимающиеся в настоящее время в моем семинарии по болгарскому лингвистическому атласу.

Подготовка к экспедиции состоит прежде всего в создании специального диалектологического вопросника, который дал бы возможность собрать материал, подлежащий картографированию. Создание такого вопросника предусматривает общее предварительное ознакомление с говорами, так как иначе вопросник может не отразить того, что прежде всего подлежит картографированию. Необходимо также точно установить число болгарских населенных пунктов и маршрут экспедиции. Такие задачи стояли передо мной летом 1947 г.

Я выехал из Москвы 4 августа. Утром 6 августа прибыл в Кишинев. Директор Института языка Молдавской базы Академии Наук, депутат Верховного Совета СССР т. И. Д. Чебан предоставил в мое распоряжение автомобиль. Вместе со мной поехали старший научный сотрудник местного Института И. И. Мещеряк — хороший знаток языка и быта гагаузов и младший сотрудник Института, специалист по молдавской этнографии, Н. Ф. Николаев. До отъезда я ознакомился с каталогом книжного фонда Института, в котором богато представлена румынская филологическая и историческая литература. Многие из имеющихся здесь трудов отсутствуют в московских книгохранилищах.

Утром 9 августа мы выехали на юг в гор. Комрат. Проехали родину легендарного Котовского — село Ганчешти, которое теперь называется Котовское. Вскоре въехали в первое болгарское село, носящее молдавское название — Вале Перже (Долина слив). В селе 500 дворов, большая часть которых объединена в колхоз. Сделали часовую остановку. Село было почти пустым, так как все были в поле. Удалось побеседовать лишь с одной девочкой, язык которой ясно указывает, что говор села восточно-болгар-

² С. Б. Бернштейн. Болгарские говоры Украины (Ольшанский район). — «Наукові записки Одеського державного педагогічного Інституту», Одеса, 1939, т. I, стр. 111.

³ Об этом см. в статье: Д. Димитров. Из Бессарабии в Таврия. — «Язык и литература», Ленинград, 1930, т. VI.

ский. Об этом болгарском селе я прежде никаких сведений не находил. На карте Н. С. Державина оно не показано. Наоборот, показаны соседние села — Дезгиндже и Чокмайдан, населенные, однако, не болгарами, а гагаузами. Проехали большое молдавское село Чумешлию и вскоре въехали в небольшой районный город Комрат.

В этом старом заштатном бессарабском городе было известное реальное училище, которое окончили в свое время многие выдающиеся деятели просвещения нашего юга. В настоящее время стоит лишь остов здания: во время войны школа была разрушена и помещается теперь в соседнем здании, где прежде был интернат. Вообще город сильно пострадал от бомбардировок. Много интересного почерпнул я из беседы с местными учителями тт. Балабаном (гагауз) и Панаитовым (болгарин). Георгий Петрович Панаитов в течение всех трех дней нашего пребывания в Комрате был постоянным нашим помощником. Он проявил живейший интерес к нашей работе. Большой интерес к нашей работе проявили советские и партийные руководители города. На заседании райкома партии я сделал доклад о задачах изучения местного болгарского и гагаузского населения. Мне было задано много вопросов, относящихся даже к некоторым частностям нашей работы. Была обещана помощь при проведении летней экспедиции 1948 г.

Из старых источников мне было известно, что в Комрате основное население составляют гагаузы. Эти же источники сообщали, что болгар в городе примерно 30%. В настоящее время соотношение изменилось. В местном Загсе мне сообщили, что болгар теперь не больше 10% (т. е. 1000—1200 чел.): они ассимилировались с местным гагаузским населением. Я познакомился с многими болгарами, которые уже не говорят по-болгарски. Родным их языком стал гагаузский. Много смешанных браков. При любом сочетании дети говорят по-гагаузски. Все комратские болгары умеют говорить по-гагаузски; гагаузы же на болгарском языке не говорят.

Болгары населяют южную часть города. Отдельные семейства (главным образом интеллигенция) живут в центральной части. Здесь было нелегко найти объекты для наблюдений. Такими для меня оказались два старика: Михаил Дюлгер и Илия Начо. Первый — очень разговорчивый старик — дал мне ясное представление о местном говоре. Я производил наблюдения и на местном базаре, где имел возможность сравнить Комратский и Кирсовский говоры (говор соседнего села Кирсова). Это сравнение сразу же дало интересный материал (гл. вным обр: зом лексический) для картографирования. Последующие наблюдения в других селах еще больше подтвердили это. Привожу некоторые данные из этих наблюдений.

	Комрат	Кирсов
повозка	талига	карѹца
сапоги	чизми	бѣтѹши
серьги	обѹци	менгѹши
кукуруза	папшѹй	мамѹли

Представлены значительные различия в произношении звука *ѡ*, конечных согласных и др. За время пребывания в Комрате я собрал значительный лексический материал и записал несколько связных текстов.

Из Комрата мы выехали в южном направлении и очень скоро въехали в большое село Кирсов (местное название Баш-Кю). Оно делится пополам на две части церковью. В северной части живут болгары, в южной — гагаузы. Болгарское население живет обособленно от гагаузов и полностью сохраняет свой родной язык. Смешанных браков почти не бывает. Значительно реже, нежели в Комрате, встречаются болгары, знающие гагаузский язык. Даже в общей церкви есть часть болгарская и часть гагаузская.

В Кирсове я сделал много записей народной речи. Вот несколько образцов записей языка местной девушки Станчевой Степаниды, хорошо представляющей традиционные черты говора:

Ас сѹ руд'ѹх ф Баш-К'у. Тѹт'е¹ сѹ зѹнимѹвѹ с пулѹту. Рѹбут'и ф кѹру. Мѹмѹ дѹмѹ хаз'ѹйкѹ. Брѹт'а аз н'ѹмам. Ас сѹм нѹй-гул'ѹмѹ. Ду сигѹ хѹд'ѹх ѹ школѹтѹ. Кѹн'чѹх сѹд'ѹм клѹсѹ. Сѹгѹ рѹбут'ѹ. Сѹстрѹ ми рѹбут'и клѹдуфштѹнѹ.

. . . Ас сѹ ѹчѹх ф сѹлскѹтѹ школѹ. Кѹн'чѹх ф сѹроѹк п'ѹтѹтѹ гуд'ѹнѹ.

. . . Бѹбѹ, д'ѹду умр'ѹхѹ ф сѹроѹк шѹстѹ гуд'ѹнѹ. Уйчу н'ѹмам. Мѹмѹ н'ѹмѹ брѹтѹ. Чѹчу ѹмам. Ид'ѹн ж'ѹф, а два умр'ѹли. Тѹй Стѹнчу^ѹф Пѹтѹр. Тѹй рѹбут'и чѹзмѹриѹтѹ, чѹѹбѹтѹр'ин. Двѹте¹ ми лѹли сид'ѹт ф Коѹмрѹт. Хѹд'ѹт цу пѹзѹр'ѹ, тѹргѹвѹт. Купѹвѹт тѹй-унѹй, прудѹвѹт и сѹ хрѹн'ѹт. Мѹм'ин'ити^ѹ сѹстр'ѹ рѹбут'ѹт ф кѹлхѹзѹ^ѹ. Инѹтѹ

рабу̀т'и на ба̀штату°. Дру̀гата̀ пруда̀ва̀ па̀тладж'ан'и, пипе́р, кра̀стоџ'фи, и се́ки ида̀н зи́оле'нчу̀к, ко́йту° има̀ ф ка̀лхосу°. Ина̀та̀ купя̀ци пра̀вила. Има̀ ина̀ кра̀ва, ина̀ т'еле́, две обџи. Ле́лин'и има̀т ху̀бава̀ гра̀дина. Ту̀ка̀ има̀ зарди́ли'и, а́бълки, че́реши, сли́ви, кру̀ши, оре́фи. Има̀ дин'а, пьпе́ш. . .

. . . Имаме́ до́ма̀ грезде́ ху̀ба̀у, че́рну и б'алу. Кугату̀ до́йде́ л'ату, ур'ем, ре́жим луз'ата̀, се́ме́ житу, карто́фи, ичми́к. Проле́т се́ме́ зимни́ца. Е́се'ну° вр'ем'а̀ луз'ата̀ бирем̀ маму̀лите́ сич'м, бе́лим маму̀ли, ви́ну° пра̀вим. Имаме́ ху̀ба̀у ви́ну°. . .

. . . Пу ту́рски дувар, пу бџлгарски хурту̀ват стин'. . .
. . . Ина̀ пи́ле. Две пи́ле'ница. Пи́ле'та̀ са̀ по-гуле́м'и. Ний ду̀маме́ ол. К'ар халџ бџлгари ви́ка̀т ол'.

. . . Ти си мрџзи́лиф чил'ак. Ни́шту ни ра̀чиш да̀ пра̀виш. Ти ве́че́ си гул'ам и тр'абу̀а да̀ пумо́гнеш на̀ ба̀шт' си. Дун'ес' трио́н' се́га ша̀ ре́жим дрџва̀. Се́тн'е упр'ага̀й ко́н'ит'и° и дунес' ина̀ бџчу̀ва̀ уд'. . .

. . . На̀ с'етн'уф д'ен'уста̀на на́й-гуле́м'уф фчер да̀ ва́рди фи́ети. Чи до́ду°ха̀ два вџлџка̀, чи уха̀пили две фи́е. . .

. . . Фче́ра б'ах ф кџру°, нам'е́рих ина̀ кра̀ва, чи ја̀ на̀пу́их, чи ја̀ зех до́ма. . .

. . . На̀ тр'ет'уф д'ен'. . .

. . . Аз утре́ ша̀ ида̀ до́мъ. Ша̀ зе́ма̀ със ме́н'а̀ мо́та̀ дру̀шка. . .

Станчева грамотна по-руски и по-румынски. Болгарской грамоты, как и огромное большинство населения, она совсем не знает. Не видела никогда болгарской книги. Кроме Кирсова, была только в Комрате. Знает только два говора — Кирсовский и Комратский — и хорошо умеет их различать. Вообще, хорошими носителями традиционных черт говора в Бессарабии являются люди всех ступеней культуры, так как грамота здесь русская, румынская или молдавская. Никто из местной интеллигенции не знает болгарского литературного языка. Иначе дело обстоит в Приазовье. Здесь в той или иной степени вся интеллигенция знает литературный язык. Многие кончили школы на родном языке и совсем нередко можно встретить человека, получившего и высшее образование в Одессе на болгарском языке.

Записал я несколько текстов в семье Крушундже. Говорил с хозяйкой дома, сыном и дочерью. В беседе принимала участие еще дальняя родственница. Сразу же обратил внимание на то, что хозяйка, Анна Ивановна, говорит не так, как все остальные. Выяснилось, что она родилась и провела молодость в селе Девлетагач. Несмотря на то, что живет она в Кирсове уже 38 лет и только в окружении кирсовцев, она до сих пор сохраняет черты своего родного диалекта. Так, в ее произношении все конечные согласные твердые. Слово *ж'уф* она произносит *жиф*. Местное население говорит *камчи́к* (бич), а в произношении Анны Ивановны это слово звучит *каши́к*.

Сын Анны Ивановны, носитель кирсовского говора, сообщил, что он недавно был в болгарском селе Кирутня, где язык отличается от его родного языка:

— «Ф се́лу° Кир'у́тн'а̀ ду́ма̀т пос, ту̀ка̀ ка̀лпа́к. Ф Кир'у́тн'а̀ парал'а̀, а ту̀ка̀ су́хрџ'».

Наблюдения в других селах подтвердили, что названия одежды дают ценный материал для картографирования. Так, в селе Твардица употребляют только слово *пос* (шапка), слова *ка̀лпа́к* здесь, как и в селе Кирутня, не знают. В селе Вале Перже Чадыр-Лунгского района наоборот: говорят только *ка̀лпа́к* и *ша́пка*, слова *пос* не употребляют.

Легко убедиться из приведенных текстов, что Кирсовский говор является типичным говором северо-восточной Болгарии.

Из Кирсова мы взяли направление на юго-восток. Проехали украинское село Фиропонтовку, гагаузские села Авдарму и Кирият Лунга. Приехали в богатое и красивое село Твардицу, о которой много интересного слышали еще в Комрате. Все село утопает в зелени садов. Большие дома, многие из которых крыты железом. Большая церковь, построенная в 1842 г. Неподдалеку от нее установлен памятник в честь столетия храма. Рядом с ним — другой памятник, установленный в 1930 г. В этом году твардичане праздновали столетие со дня основания села. Это — единственное село, жители которого хорошо знают историю своего поселения. Вот что они рассказывают. В 1829 г., после заключения Адрианопольского мира, их предки, жители села Твардицы, что к западу от гор. Сливена, покинули родину и переехали в Бессарабию. Их было в то время несколько сот человек. Свободной земли Попечительный комитет предоставить им не смог. Временно они поселились в Чадыр Лунге, где и провели зиму 1829—1830 гг. В это время они самостоятельно начали искать свободный участок земли. Вскоре они решили обосноваться на высоком месте к северу от Чадыр Лунга, которое было свободным, так как предполагали, что это место засушливое. Они получили разрешение и весной 1830 г. приступили к строительству села, которое они в память своего родного села назвали также Твардица. Недостаток пахотной земли заставлял их арендовать землю не только у соседей, но даже в районе гор. Измаила.

В настоящее время это красивое и богатое село. В нем свыше 5000 жителей. Сельскохозяйственная культура местных жителей выше, нежели в соседних болгарских селах. Твардичане во всей округе славятся своим трудолюбием и способностями. Живут они замкнуто. Очень редки браки с болгарами из соседних сел. В селе два больших колхоза. Красивое здание семилетки. Я познакомился с зав. учебной частью школы и учителем истории Георгием Петровичем Калинковым, который сообщил мне много интересного о местном селе.

Мои наблюдения над языком местных жителей (главным образом над языком Дмитрия Арикова, 27 лет, по специальности бондарь) показали, что говор Твардицы является одним из говоров южнобалканских диалектов.

Монографическое изучение говора Твардицы, бесспорно, может представить большой теоретический интерес. И сейчас в Болгарии существует то село, часть жителей которого в 1829 г. переселилась в Бессарабию. Сравнительное изучение языка этих двух сел может дать богатый материал для исследования тех процессов, которые переживают обычно колониетские диалекты. Это же изучение может дать ценный материал для истории южнобалканских говоров, так как говор Твардицы очень архаичный. У нас есть основания предполагать, что язык жителей сегодняшней Твардицы очень мало отличается от языка основателей села.

Из Твардицы мы выехали в районный центр Чадыр Лунга, расположенный на дне большой котловины, со всех сторон окруженной холмами. Мы приехали в базарный день. Вся территория большого рынка была заставлена бесчисленными возами. Со всех сторон раздавалась гагаузская, болгарская, молдавская и цыганская речь. Продавцы и покупатели сехались из многих близлежащих сел. Основное население Чадыр Лунга — гагаузы. Болгары приезжают сюда только в базарные дни.

Оставив здесь своих спутников, я выехал в болгарское село Вале Перже, расположенное в 7 км к юго-востоку. Это второе Вале Перже, которое я посетил во время своей поездки. Оно показано на карте академика Н. С. Державина.

История поселения жителей Твардицы и некоторых других сел указывает, что официальные сведения о свободной земле в Бессарабии, которыми располагал руководитель Попечительного комитета ген. И. Н. Инзов, были далеки от действительности. В своей работе «Страница из истории болгарской иммиграции в Россию во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг.», публикуемой в настоящем томе, я приводил ответ Инзова на запрос М. С. Воронцова о количестве свободной земли в Бессарабии, в котором Инзов указывал, что свободной земли почти не осталось. Последующие события показали неосведомленность в этом вопросе не только И. Н. Инзова, но и всех правительственных чиновников Бессарабии. Переселенцы без особого труда сами находили свободные участки земли, на которых с разрешения Попечительного комитета и селились.

Вале Перже имеет свыше 1000 дворов. Кроме болгар, здесь имеется небольшое количество молдаван (около 150 дворов). Село имеет верхнюю и нижнюю части (*гбрня* и *дбля махалю*).

Сами крестьяне обратили мое внимание на то, что в языке (главным образом в лексике) жителей этих двух частей села есть различия. Так, в одной части говорят *кун'ё* (мн. число от «кон»), — в другой *кн'и*. Все важнейшие отличия мною были отмечены. Несомненно, что в этом селе до сих пор сохраняется два различных говора.

Совпадая во многих своих важнейших особенностях, эти два говора представляют заметные отличия в названиях одежды, утвари, отдельных частей дома и пр. Все это свидетельствует о глубоких лексических различиях в очень близких говорах самой метрополии, о том, что каждая из черт определенного говора имеет свою границу распространения. Все это мало учитывалось болгарскими диалектологами, стремившимися прежде всего охарактеризовать фонетико-морфологические особенности отдельного, замкнутого говора.

Различия в лексике никак нельзя объяснить более поздними влияниями местных языков. Эти различия отражают традиционный фонд говоров, тот фонд, с которым переселенцы пришли из Болгарии. Вообще следует указать, что болгарские говоры Бессарабии (особенно в южной части) не представляют значительных следов влияния соседних языков. Заимствованы отдельные русские и молдавские слова вместе с новыми реалиями, которые отсутствовали в жизни болгарского крестьянина на родине. Так, словом «риза» теперь обычно называют нижнюю рубашку. Верхняя же рубашка называется русским словом «рубашка»; ср. еще: «жилетка», «стакан», молд. «скаун» (стул) и еще отдельные слова. Заметно влияние русского языка в области числительных. В настоящее время наблюдается сильное русское влияние в области социально-экономической и колхозной терминологии.

Вернувшись в Чадыр Лунг, я имел возможность побеседовать с болгарами из многих близлежащих сел (Новый Троян, Ивановка, Чийшия и др.). Эти беседы дали мне богатый сравнительный материал для составления вопроса. Они как-то сразу обнаружили то, что прежде всего подлежит картографированию.

Из Чадыр Лунга мы выехали в Тараклию. Это большой красивый районный центр с планировкой города. В центре много красивых зданий. Главная улица мощеная.

Язык тараклийцев резко отличается от языка Твардицы и Вале Перже и приближается к языку Кирсова. Это тоже северо-восточный говор со всеми его характерными чертами. Говор представляет многочисленные случаи полной редукции безударных гласных: *цклб, парлия* (вм. *парлия*) и др. Имеется здесь небольшое количество шопов, с которыми мне, однако, встретиться не удалось. (Подробнее см. в отчете Е. В. Чешко.)

В Тараклии в течение нескольких лет работала учительница М. Г. Иванова. В настоящее время она заведует начальной школой в Болграде. Она написала большую работу о Тараклии. Вводная историческая и географическая части большого интереса не представляют, зато дано подробное и точное описание старых сельскохозяйственных орудий, жилища, одежды, изготовления тканей, ковров, орнамента и пр. К описанию приложены многочисленные фотографические снимки и рисунки. Специалист по этнографии найдет для себя здесь много интересного. Рукопись хранится у автора.

Из Тараклии мы выехали в гагаузское село Татар Капчак, где доцент И. И. Мешерюк производил свои наблюдения над языком. Миновали болгарские села Кубей, Болгарийку и Табаки и, наконец, прибыли в гор. Болград — культурный, а в прошлом и административный центр болгарских колонистов Бессарабии. Об истории этого города можно найти точные сведения в печати. Строить этот город начали по указанию И. Н. Инзова весной 1823 г. Благодаря своему выгодному положению город очень скоро превратился в богатый торговый центр южной Бессарабии. В 1858 г. здесь была открыта школа, которая позже стала гимназией. В этой гимназии учились несколько выдающихся болгарских ученых и политических деятелей, среди которых можно назвать ныне здравствующего маститого лингвиста А. Теодорова-Балана. История болгарской гимназии посвящена двухтомная работа К. И. Мысловского, вышедшая в 1905 г. под названием «Исторический очерк гимназии императора Александра III в Болграде». Болград известен своим самым большим в Бессарабии собором, напоминающим Исаакиевский собор в Ленинграде. Местное предание говорит, что этот собор должен был строиться в Кишиневе, но перепутали чертежи, и болгарский собор выстроили в Кишиневе, а кишиневский — в Болграде. Можно с уверенностью сказать лишь одно: кишиневский собор значительно беднее и меньше болгарского.

Жители Болграда чтут память Инзова. Есть Инзовская улица, на кладбище стоит мавзолей Инзова. Местные жители с горечью вспоминают, как румынские оккупанты разбили памятник Инзову, стоявший возле школы.

Вспоминают о Пушкине, который, по местному преданию, несколько дней провел в Болграде в домике Инзова, направляясь в Измаил. Показывают место, где стоял дуб, на котором Пушкин вырезал свою фамилию. Теперь этого дуба нет. Одна неграмотная болгарка лет 65—70 рассказала мне о событии, которое будто бы произошло здесь с Пушкиным. С некоторыми сокращениями и отклонениями она рассказала содержание «Цыган» Пушкина, заменив лишь Алеко именем Пушкина. Все это, по ее словам, произошло с самим Пушкиным во время его пребывания в Болграде. О существовании «Цыган» она, конечно, не знает. Очень интересный материал для фольклориста!

Язык Болграда подробно описан в книге академика Н. С. Державина. Автор описал основной говор города — Сливенский. Им же указано, что в городе представлен еще Ямбольский говор. «Кроме Сливенского квартала, в нашем Болграде имеется еще и Ямбольский квартал; эти два говора, хотя и очень близкие друг к другу, продолжают в Болграде сохранять свои особенности».⁴ Однако в Болграде можно найти и другие восточные говоры. Как всякий город, Болград представляет смешение различных говоров, и изучение языка Болграда требует от исследователя применения иных методов, нежели изучение говора села.

После трехдневного пребывания в Болграде мы выехали в Измаил. Сделали краткую остановку в Чемша-Варуита, говор которой подробно описан Н. С. Державиным. Это большое красивое село заселено шуменцами, как это было показано на основании анализа их языка.

Измаил небольшой, но очень красивый и живописный город. Население здесь в основном русское, отчасти украинское. На улице раздается почти только русская

⁴ «Болгарские колонии в России», т. II, стр. 58.

речь. Однако есть здесь и болгары. В Измаиле болгарское население появилось очень рано, когда еще в Бессарабии не было болгар. Павел Алеспский, посетивший вместе с отцом Измаил в середине XVII в., указал, что в Измаиле живут болгары. Бесспорно, язык современных потомков этих болгар может дать ценный материал для лингвистического атласа болгарских говоров Бессарабии.

После кратковременного пребывания в Измаиле мы вернулись в Болград и на другой день выехали в восточном направлении на Татарбунар. Первая остановка была в албанском селе Каракурт, расположенном в 7 км от Болграда. Это единственное албанское село в Бессарабии. Кроме албанцев, здесь живут болгары и гагаузы. Албанцы полностью сохраняют свой родной язык, но все говорят и на болгарском и гагаузском языках. Большинство говорит по-русски. Хорошо понимают по-румынски. Таким образом, большинство населения села знает 4—5 языков. Вообще крестьян-полиглотов в Бессарабии я встречал часто (даже детей). Сохраняя свой родной язык, албанское население, однако, утратило свои родные песни. Нет и сказок на родном языке. Поют только болгарские песни.

Когда мы проезжали болгарское село Вайсал, я разговорился здесь с местным молодым парнем. В Приазовье есть село Райновка, которое я посетил в 1937 г. Жители его выселены из этого болгарского села Вайсал. Разговаривая с парнем, я сразу же вспомнил говор Райновки. Примечательно, что мой молодой собеседник знал об этом селе и о том, что жители его выселились из Вайсала. Далее мы проехали болгарские села Бановку и Кирички. В стороне остались села Старый Троян, Шикирли-Китай и др. Говор села Шикирли-Китай описан академиком Державиным.

Татарбунар, известный своим героическим восстанием против румынских оккупантов, населен главным образом русскими и украинцами, болгарских семейств очень немного.

Здесь, в Татарбунаре, закончились наши встречи с болгарями. Из Татарбунара мы выехали в Сарату, оттуда через Волонтировку, Каушаны и Бендеры вернулись в Кишинев.

Поездка летом 1947 г. дала мне возможность познакомиться с отдельными говорами болгарских сел, получить общее представление о диалектальном типе большинства говоров и собрать обширный материал, которым следует воспользоваться при составлении вопросника — программы собирания сведений для составления диалектологического атласа болгарских сел Бессарабии. Был также установлен контакт с многими людьми, которые смогут в будущем оказать немало ценных услуг нашей экспедиции.

Е. В. Чешко

ОТЧЕТ О ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЕЗДКЕ В БОЛГАРСКОЕ СЕЛО ТАРАКЛИЮ МОЛДАВСКОЙ ССР И СЕЛО ТАБАКИ ИЗМАИЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ УССР

Моя поездка в болгарское село Тараклию явилась первой диалектологической поездкой, предпринятой с целью описания говора по программе лингвистического атласа болгарских говоров Бессарабии, над составлением которого начал работать Филологический сектор Института славяноведения.

Задача поездки заключалась в практической проверке программы путем проведения пробной записи и в подборе материала для дополнения этой программы.

Село Тараклия оказалось очень удобным пунктом для выполнения этих задач, так как в нем обнаружилось четыре говора с яркими диалектными различиями.

За период моего пребывания в селе с 28 декабря 1947 г. по 8 января 1948 г. мне удалось полностью описать по программе атласа два Тараклийских говора — Дольнииский и Шопский — и собрать ряд сведений о двух других говорах — Курлийском и Чарганском. Удалось также выявить ряд интересных для картографирования диалектных черт, которые могут служить материалом для дополнения программы.

Помимо Тараклии, я посетила село Табаки, где мне пришлось провести день в ожидании поезда. Наблюдения над говором села дали интересный материал для сравнения. Говор села Табаки значительно отличается от Тараклийских, и на фоне его ярче выступают черты, общие всем Тараклийским говорам.

Тараклия — большое селение, насчитывающее до 1600 дворов. Оно находится в 3 км от станции железной дороги и расположено на балке того же имени («Таракли»

по-тюркски значит «гребнеобразная»). Название «Тараклия» сохранилось от старого ногайского поселения, на месте которого была основана болгарская колония.

По словам уроженца села Тараклии 65-летнего Трифона Георгиевича Лисицина, болгары пришли сюда очень давно. Первым поселенцем был Георгий Кочев из болгарского села Курлуй. Он вбил здесь первый кол и остановился на жительство. Трифон Георгиевич показал мне дом Кочевых. Сейчас из этой семьи осталась в живых лишь одна женщина, но семейное предание сохранило до наших дней историю прихода Кочевых в Тараклию. Видимо, курлийцы, действительно, составляют древнейшую часть населения Тараклии; не случайно их называют «туканцами», т. е. местными. Название это дали им гагаузы. Курлийцы составляют главную часть населения «горней» (т. е. верхней) части Тараклии. Помимо них, здесь живут еще чарганцы и шопы. Чарганцев в Тараклии немного (два небольшие квартала на краю села). Название их связано с именем села Чарганы в Болгарии, откуда они ведут свое происхождение.

По типу произношения «ф» Курлийский и Чарганский говоры принадлежат к юго-восточным болгарским диалектам. Третий говор «горней» Тараклии представлен выходцами из западной Болгарии — шопами. С их именем связано название села — Шоп-Тараклия.

В административном отношении Тараклия разделена на две части: сельскую — «горняя» часть, где живут курлийцы, чарганцы и шопы (село Шоп-Тараклия), и городскую — «долняя» (нижняя) Тараклия, которая является сейчас районным центром.

Все дольнинцы говорят на одном говоре. Он считается в Тараклии образцовым и «правильным». На Дольнинском диалекте говорит большая часть населения Тараклии. Он является говором прогрессирующим, вытесняющим другие говоры. По типу произношения «ф» — это говор, принадлежащий к северо-восточным диалектам.

Проводимая мной работа вызвала большой интерес и сочувствие среди населения. Со мной охотно беседовали и делились собственными наблюдениями над тем, какие есть различия между Тараклийскими говорами в произношении отдельных слов и в названиях различных предметов. Так, например, Василиса Ивановна Нейколова, рассказывая о том, что летом болгары едят на низеньких столиках, сообщила попутно, как называются эти столики у курлийцев и шопов:

«Л'атну време дету с'адъми да идём в'ика му съ парл'а, курлийци в'икът суфр'ътх, а шопити — син'ица» или *«з'имну време пичём л'ап в к'шти ф'ф пиш'тъ, шопити в'икът — сбба»*.

Дольнинский говор был мной записан главным образом на основании наблюдений над языком Василисы Ивановны Нейколовой. Ей 48 лет. Она умеет говорить по-русски, немного читает и пишет на русском языке. Родилась в Тараклии, где жили ее отцы и деды, и нигде из села не выезжала. Она сообщила мне, что дед ее прибыл в Тараклию от «Вилидт», что значит «из отечества». Никаких более точных сведений о происхождении дольнинцев мне узнать не удалось. Василиса Ивановна оказалась очень разговорчивой, охотно говорила по-болгарски и дала мне возможность сделать много интересных записей. Кроме того, в мое присутствие к ней часто заходили знакомые и родственники. Во время их разговоров между собой я могла сделать все нужные мне наблюдения.

Активную помощь в моей работе оказал Илья Данилович Войнинский, к которому направил меня директор местной школы Леонид Иванович Чебанов. Илья Данилович познакомил меня со своими приятелями-шопами Семеном Захаровичем Дериволковым (63 г.) и Дмитрием Георгиевичем Дериволковым (52 г.) и каждый раз сопровождал меня во время визитов к ним.

Условия записи Шопского говора были несколько иными, чем условия записи говора Дольнинского. Дело в том, что Шопский говор в Тараклии является вымирающим. Большинство шопов по-шопски уже не говорит, они перешли на Дольнинский говор. Шопскую речь можно услышать только у пожилых людей, да и то не у всех, хотя отцы их говорили еще на чистом шопском диалекте.

Шопский говор еще недавно был живым говором Тараклии, но сейчас его можно восстановить только путем прямого опроса, так как в разговорной речи шопов, даже сохраняющих свой диалект, встречается немало черт, заимствованных из других говоров, главным образом Дольнинского. Так, Семен Захарович Дериволков, наиболее чисто говоривший по-шопски, часто по-разному произносил частицу будущего времени: то *итте* — по-шопски, то *же*, как в других тараклийских говорах. Влияние дольнинского говора сильно сказывается на произношении «ф». В шопском говоре старое «ф» произносится как *е* во всех фонетических позициях. В речи Дмитрия Захаровича Дериволкова, наряду с шопским произношением, можно было часто услышать 'а под ударением перед твердым согласным (*см'ах, мл'ако*) и *е* перед мягким (*см'ешен, мл'эчна*), как это свойственно дольнинскому говору. Он говорил, например: *гулём и гул'ам, сидёнка и сид'анка*, не *в'арваш ли?*, *см'ешен чул'ак* (по-шопски — *чил'эк*), *н'ама см'ах, н'ама н'што*.

Чарганский говор также представляет собой тип деградирующего говора. В сельсовете мне сказали, что только глубокие старики могут дать представление о том, как говорили чарганцы лет 30 тому назад. К сожалению, в результате войны старых людей осталось в селе немного. Меня направили к 70-летнему Георгию Георгиевичу Стоянову. Из беседы с ним, а также с другими чарганцами и курлийцами — Гирги Петром Афанасьевичем, Илиевым Степаном Афанасьевичем и Лисициным Трифоном Георгиевичем — я убедилась в действительном существовании различий между Курлийским и Чарганским говорами. Особенно интересной была беседа с Лисициным, сообщившим мне ряд сведений о заселении Тараклии. Трифон Георгиевич очень заинтересовался нашей работой и приглашал в следующий приезд остановиться у него. Отвечая на вопросы о названиях отдельных предметов, он старался вставить слова в типичные для них контексты (например: «*пдй фригнй кбн'а*», «*сидбй на кул'ана*», «*затури джамб*»), иллюстрировал свои примеры притчами, изречениями и пословицами. Говоря о названиях хозяйственных предметов, он заставил дочку принести и показать все сковороды, чтобы продемонстрировать разницу между *тавч*, *сач* и *тиганчи*.

Знакомство с говорами Тараклии показало, что различия в них относятся главным образом к области фонетики и словаря. Морфологические формы большей частью единообразны.

На анализе фонетических явлений можно увидеть, как влияние дольнинского говора распространяется на другие говоры Тараклии. В Тараклии наблюдаются все основные типы произношения «Ѣ», свойственные различным болгарским диалектам: в говоре шопов «е» на месте старого «Ѣ» во всех фонетических позициях, как в говорах западной Болгарии. В Дольнинском говоре — а с предшествующей мягкостью согласного под ударением перед твердым согласным (*мл'ако*, *см'ах*) и е в других фонетических позициях (*мл'ачна*, *см'ешен*) — произношение, характерное для говоров северо-восточной Болгарии. И, наконец, а на месте старого «Ѣ» под ударением как перед твердой, так и перед мягкой согласной, наблюдаемое в говоре чарганцев и менее последовательно в говоре курлийцев. Это юго-восточный тип произношения «Ѣ». Таким образом, в Тараклийских говорах мы наблюдаем следующее произношение:

Шопы	Дольнинцы	Курлийцы и Чарганцы
леп — лёбен	л'ап — лёбен	л'ап — л'абен
лѣту — лётен	л'ату — лётен	л'ату — л'атен
грех — грѣшен	гр'ах — грѣшен	гр'ах — гр'ашен и грѣшен
смех — смѣшен	см'ах — смѣшен	см'ах — см'ашен и смѣшен
млѣку	мл'аку	мл'аку
млѣчна крава	мл'ачна крава	мл'ачна крава
нѣмам нѣма	н'амам н'ама	н'амам н'ама

В конце слов «ѣ» во всех говорах звучит как е: *двѣ*, *къдѣ*, *дубрѣ* (у чарганцев наряду с этим встречается также произношение *дубр'а*); слова *надел'а*, *врѣме*, *направѣти*, *турѣти* у шопов, дольнинцев и курлийцев произносятся с е, и только чарганцы, наряду с общим произношением, представляют произношение с 'а — *нед'ала*, *вр'ам'а*, *ас н'аиа* (в других говорах *ас пѣиа*).

В Чарганском говоре, видимо, более последовательно произносится 'а на месте старого «ѣ», чем у курлийцев, в говоре которых наблюдается непоследовательность в произношении «ѣ» перед мягким согласным, причем мы встречаем произношение 'а там, где имеется параллельная форма с а перед твердой согласной, т. е. есть известная аналогия: *л'ато* — *л'атен*, *мл'ако* — *мл'ачна*, и находим е там, где подобной аналогии нет (*врѣме*, *неделѣ* и формы повелительного наклонения — *направѣти*, *турѣти*).

О судьбе произношения «ѣ» в Шопском говоре мы говорили выше; там, несомненно, старое шопское произношение вытесняется дольнинским. Возможно, непоследовательность в произношении «ѣ» перед мягким согласным в Курлийском говоре тоже может быть объяснена влиянием Дольнинского говора. Понятно, что это влияние коснулось в первую очередь тех случаев, где старое произношение не поддерживается аналогией.

Другое интересное различие касается произношения ударных окончаний в словах женского рода. В Дольнинском говоре здесь слышится напряженное ѣ — *тривѣ*, *вудѣ*, *брадѣ*, *рѣкѣ*, *главѣ*. Курлийцы произносят эти слова с а: *трива*, *вуда*, *брада*, *глава*, *рѣка*. Однако Трифон Георгиевич Лисицин слова *глава* и *рѣка* произносил с ѣ — *главѣ* и *рѣкѣ*, в то время как в других словах сохранял курлийское произношение с а. Может быть, такое колебание в произношении окончаний слов женского рода тоже объясняется влиянием Дольнинского говора.

В говоре шопов многие слова, в том числе и слова женского рода, произносятся с иным ударением по сравнению с Дольнинским и Курлийским говорами, например: *трéвэ, вóдэ, рька, глáвэ*, но в тех словах женского рода, где ударение падает на последний слог, на конце слышится *ъ*, как и в Дольнинском говоре: *мьгáъ, стиньъ, снъхъ, хрaнъ, врьбъ, брадъ*. Причем слово *рькъ* произносится иногда по-дольнински, с ударением на конце.

Под влиянием Дольнинского и Курлийского говоров шопы усваивают новое произношение безударного *о*. У шопов можно наблюдать на месте безударного *о*: 1) чистое «*о*» — *вiно, изрáботил*; 2) закрытое *о*, склонное к «*у*» — *рáбóута, мóумчé*; 3) наконец, чистое *у* — *вудъ, убéт*, как у дольнинцев и курлийцев, у которых безударное *о* всегда звучит как *у*.

Приведенные примеры показывают, что в говорах Тараклии происходит сложный процесс взаимодействия деградирующих и прогрессирующих говоров. Не случайно, наряду с многими различиями в этих говорах есть вместе с тем ряд общих черт, отличающих говоры Тараклии от говоров других сел, например, села Табаки.

Село Табаки находится в 7 км от города Болграда, у самой станции железной дороги. Население занимается извозом. Говор села Табаки близок к болгарскому.

Интересно, что в Тараклии и Табаках женщины одеваются по-разному: в Тараклии носят старинную одежду, длинные и широкие юбки и «рокли», на ногах — кожаные лапти — цирвули; в Табаках женщины одеваются в обычные современные платья, а цирвули носят только мужчины.

В селе Табаки я провела день в семье Ивана Афанасьевича Тащи и собрала примечательные сведения об этом говоре из беседы с его матерью, женой и детьми.

В говоре села Табаки представлен тот же северо-восточный тип произношения «*ъ*», как и в Дольнинском говоре Тараклии. Однако различий между этими говорами в фонетическом и морфологическом строе гораздо больше, чем между говорами Тараклии. Например, в Дольнинском говоре Тараклии произносятся: *нш* (ночь), *аз придъ, аз пиръ, глáвъ, рькъ*; в Табаках: *нош, аз придá, аз пирá, глáвá, рькá*. В Тараклии: *чурéш, чул'áк, жул'áзу, жувéет, но жив*. В Табаках: *чирéш, гил'áк, жил'áзу, жув*. Во всех говорах Тараклии в первом лице ед. ч. аориста конечное *х* сохраняется: *аз б'ах, куп'их, iáдох*, в Табаках конечное *х* заменяется звуком *ф*: *аз б'аф, куп'иф, ахдоф*. Слова: *бра, арéсова, рéма, óдиш, збоа* — во всех говорах Тараклии произносятся без *х* в начале слова; в Табаки: *хбра, харéсова, хрéма, ходиш, хубова* — как в болгарском литературном языке.

Краткая форма местоимения *её* во всех говорах Тараклии — *а*; в Табаках — *га*. Указательные местоимения в говорах Тараклии: м. р. *тóо* (этот), *унóо* (тот); ж. р. *тáа, унаá*; ср. р. *тoвá, твá*; в Табаках: *тоз* (этот), *унóз* (тот), *тэз, ун'эз, туй, унуи*.

Частица будущего времени в Тараклии *же*, в Табаках — *ше*. Есть и другие различия.

Сравнение с говором села Табаки показывает, что Тараклийские говоры первоначально, вероятно, весьма значительно отличавшиеся друг от друга (как говоры разных концов Болгарии), с течением времени сблизились, выработали ряд общих черт и сейчас представляют большее единство, чем, например, говоры более близкие по происхождению, но связанные между собой.

Обследование смешанных говоров представляет большие трудности. Перед нами стоит задача зафиксировать все традиционные черты, сохранившиеся до наших дней в вымирающих говорах, так как задача атласа состоит в том, чтобы раскрыть связи бессарабских говоров с говорами самой Болгарии.

Обследованные говоры дали большой материал для пополнения программы атласа. В вопросник будет введено много новых вопросов, которые не могли быть туда внесены до ознакомления с этими говорами. Сюда войдут, например, такие вопросы, как вопрос об изменении безударного «*о*» (случаи отсутствия изменения безударного «*о*» можно наблюдать в шопском и чарганском говорах), вопрос о произношении сочетаний редуцированных с плавными (в говоре шопов «*ъ*» следует за плавными, в других говорах он предшествует плавному. Ср. *слэза и сьлэзи, зрьно и зьрну, врьбъ и вьрбъ* и др.).

Будет пополнен отдел вопросника по картографированию различий в названиях отдельных предметов. Например, название окна — *прозбрец, пён'джор, джам*; название грядок — *истъци, каръци, уджъци*; название дыни — *пóпши, кáйн, карпъза*; название бурки — *упан'джак, мантáва, фёрджа* (с. Чийшия); название мизинца — *кътлеч, малешч, кúндж* (Табаки) и др.

До летней диалектологической экспедиции предполагается проведение еще одной поездки в болгарские села и лишь после этого будет выработан окончательный текст программы по собиранию материалов для лингвистического атласа болгарских говоров Бессарабии.

С. Б. Бернштейн, И. К. Бунина

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ О ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В БОЛГАРСКИЕ СЕЛА МОЛДАВСКОЙ ССР И ИЗМАЙЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ УССР

Экспедиция в полном составе приступила к работе 8 июля 1948 г. в болгарском селе Чешма-Вариута, говор которого был уже описан в апреле 1948 г. Е. В. Чешко и Л. С. Плотниковой. Начать экспедицию с общей совместной работы в одном месте было необходимо по многим причинам. В Москве была проведена, естественно, чисто теоретическая подготовка в отрыве от реальных носителей говора, поэтому необходимо было до начала самостоятельной работы вновь всем вместе проверить и уточнить наши знания в условиях полевой работы. Это необходимо было сделать, тем более, что в состав экспедиции вошла группа ленинградских студентов, мало знакомых с принципами и характером нашей работы.

Выбор пал на Чешму-Вариуту не случайно. Говор этого села, в свое время описанный академиком Державиным, очень своеобразен и интересен. Предварительное ознакомление с ним всех членов экспедиции было чрезвычайно важно для целого ряда вопросов. Впоследствии это в полной мере подтвердилось.

Работа в с. Чешма-Вариута была закончена 14 июля. В тот же день вся экспедиция в полном составе переехала в г. Болград. Здесь работа продолжалась с 15 по 21 июля.

Город Болград, ныне районный центр Измаильской области УССР, в прошлом был административным центром болгарских сел Бессарабии. Академик Н. С. Державин в свое время описал основной говор Болграда — сливенский. Летом 1947 г. удалось установить, что здесь представлено четыре говора: сливенский, ямбольский, крымский и туканский. Теперь наша задача состояла в изучении этих говоров по программе.

Здесь, в Болграде, работа членов экспедиции носила более самостоятельный характер, нежели в Чешма-Вариуте. Каждая группа работала самостоятельно в определенном районе говора. Вечером, однако, шло коллективное обсуждение собранного материала.

Проводилась также коллективная запись речи представителей местных говоров, что имело большое учебное значение.

К 21 июля работа в Болграде была закончена. Утром 22 июля началась самостоятельная работа групп в различных селах. Первая группа (руководитель Полтораднева) выехала вместе с группой гагаузоведов в г. Комрат. В течение месяца эта группа описала говоры трех населенных пунктов: Комрат, Кирсов (местные жители чаще называют его Башкю) и Новое Вале-Перже. Всего было описано 6 говоров, так как в Новом Вале-Перже обнаружилось четыре самостоятельных говора.

Вторая группа (руководитель Котова) работала в селах Исерлия, Старое Вале-Перже и Твардица. Было описано четыре говора, так как в Старом Вале-Перже было обнаружено два самостоятельных говора.

Третья группа (руководитель Плотникова) обследовала говоры сел Ново-Ивановки, Нового Трояна, Киютни, Задунаевки и Дермендере.

Четвертая группа (руководитель Чешко) обследовала наибольшее количество населенных пунктов, так как она продолжала работу до 15 сентября. Обследованы были говоры сел Чийшия, Пандаклия, Кубей, Болгарийка, Кайраклия I и Кайраклия II. В селе Кубей было записано два самостоятельных говора.

Пятая группа (руководитель Бунина) обследовала Курчи, Каракурт, Вайсал и Бановку. В с. Вайсал было записано два самостоятельных говора.

На самом юге работала шестая группа (руководитель Луцкая). Описаны говоры сел Ташбунар, Шикирлик-Китай (ныне Суворово) и Импуцита.

Большинство групп закончило работу к 22 августа. В Болграде вновь встретилось большинство участников экспедиции, и здесь в течение нескольких дней происходило обсуждение собранного материала. 26 августа все члены экспедиции, кроме четвертой группы, выехали в Москву.

Полные итоги экспедиции можно будет подвести лишь после окончательной проверки и обработки собранного материала. Но и сейчас уже можно сделать некоторые предварительные замечания, так как первичная обработка материала происходила на месте. Каждый вечер обрабатывался материал, записанный в течение дня.

Первая экспедиция была серьезной проверкой нашей программы. Надо сказать, что эту проверку она выдержала. Весь собранный материал и личные наблюдения всех

участников экспедиции подтвердили, что все наиболее картографируемые черты говоров учтены программой. На несколько вопросов программы во всех обследованных селах получили одинаковый ответ. Но впереди еще много новых сел, и нет никакого сомнения в том, что и эти вопросы дадут материал для картографирования. Нужно учесть, что в этом году экспедиция работала только в Бессарабии. Резко отличаются от бессарабских говоров болгарские говоры Кировоградской области, где будут производиться наблюдения летом 1949 г.

Многие из обследованных говоров являются смешанными. Очень часто встречаются дублетные формы. В связи с этим участники экспедиции должны были ответить на следующие вопросы. Какая форма характерна для языка стариков, а какая для молодых, какая из двух форм встречается чаще, и встречаются ли обе формы в языке одного человека? Получить ответы на эти вопросы не всегда было просто, но каждый из участников экспедиции знал, что при составлении карт ответы на эти вопросы необходимы. В большинстве случаев собранный материал дает ответы на поставленные вопросы.

В некоторых случаях было очень трудно отделить один говор от другого. Так, в с. Вайсал когда-то было два самостоятельных говора: северный и южный. Говоры эти сильно различались. В 1861 г. часть крестьян перекочевала в Таврию, где жители южной части основали с. Дяновку, а жители северной — Райновку. Здесь они живут и по сей день, каждый сохраняя свой говор. В самом же Вайсале южный говор почти исчез — победил северный. Вскрыть особенности южного говора на первый взгляд казалось невозможным, но здесь помогли материалы Н. С. Державина о дяновском говоре и С. Б. Бернштейна о райновском говоре. С помощью этих материалов удалось распутать сложный языковый переплет с. Вайсал.

Этот случай показал важность приазовских говоров для понимания прошлого бессарабских говоров.

Много интересного и важного для атласов пришлось наблюдать в Болграде. Этот небольшой городок до сих пор сохраняет четыре болгарских говора. Кроме отдельных говоров, имеется городское койнэ, возникшее на основе сливенского говора. Наблюдались здесь и профессиональные языки (например, язык сапожников).

Производились наблюдения в селе Задунаевке, где в 1866 г. был учителем выдающийся болгарский поэт-революционер Христо Ботев. Население до сих пор сохраняет память о нем.

Неожиданно для участников экспедиции пришлось обратить внимание на болгарский язык гагаузов. В большом и живописном селе Кубей живут болгары и гагаузы. Первые занимают южную часть села, вторые — северную. Гагаузы говорят на родном языке и на болгарском. Выяснилось, что их болгарский язык резко отличается от языка местных болгар. После специальных разысканий удалось установить, что говор гагаузов тот, на котором когда-то говорили и болгары, но в 1861 г. в болгарскую часть переселилось много болгар из южной части Бессарабии, которая после 1856 г. отошла от России. Новые переселенцы победили: их язык поглотил старый говор, который сохраняется теперь только у гагаузов. Конечно, были описаны оба говора.

Большой интерес для диалектолога представляет говор села Твардицы. Жители этого села живут изолированно, язык их очень архаичный и консервативный. Некоторые участники экспедиции имели возможность, кроме непосредственной работы над сбором материала для атласа, производить более углубленные наблюдения над языком отдельных сел. Это было связано с тем, что несколько студентов 5-го курса взяли описание говоров для своих дипломных работ. Были описаны говоры сел Кирсова и Твардицы.

В заключение нужно указать, что большую помощь экспедиции оказали местные партийные и советские учреждения.

СПИСОК ДИССЕРТАЦИЙ ПО СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ, ЗАЩИЩЕННЫХ ПОСЛЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ВВЕДЕНИИ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ КАНДИДАТА И ДОКТОРА НАУК в 1934—1947 гг.

С. Б. Бернштейн — «Тюркские элементы в языке дамаскинов XVII—XVIII ст. ст.». Диссертация на степень кандидата филологических наук. Защищена на заседании Ученого Совета Ленинградского научно-исследовательского института языкознания 29 мая 1934 г.

О п п о н е н т ы: проф. М. Г. Долобо, проф. Н. К. Дмитриев.

В. К. Чичагов — «Членные формы в русском и болгарском языках». Диссертация на степень кандидата филологических наук. Защищена на заседании Ученого Совета Московского института истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского в июне 1939 г.

Оппоненты: проф. А. М. Селищев, проф. Р. И. Аванесов.

К. А. Пушкаревич — «Чехи в России». Диссертация на степень доктора филологических наук. Защищена на Ученом Совете Института этнографии АН СССР в Ленинграде в 1940 г.

Оппоненты: академик Н. С. Державин, проф. Зд. Неедлы, чл.-корр. АН СССР Д. К. Зеленин.

П. Г. Богатырев — «Lidové divadlo české a slovenské». Диссертация на степень доктора филологических наук. Защищена на заседании Ученого Совета Московского института истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского в 1941 г.

Оппоненты: проф. Зд. Неедлы, проф. И. Н. Розанов, проф. М. А. Рыбникова.

П. П. Свешников — «Продуктивность конъюнктивных конструкций в балканских языках». Диссертация на степень кандидата филологических наук. Защищена на заседании Ученого Совета Московского городского педагогического института им. Потемкина 5 октября 1942 г.

Оппоненты: проф. А. М. Селищев, проф. М. В. Сергиевский.

С. С. Советов — «Язык иронии-комической поэмы как фактор развития польского литературного языка во 2-й пол. XVIII в.». Диссертация на степень кандидата филологических наук. Защищена на заседании Ученого Совета Института языка и мышления АН СССР им. Н. Я. Марра (в Алма-Ата) 19 июня 1943 г.

Оппоненты: чл.-корр. АН СССР Е. С. Истрина, чл.-корр. АН СССР Н. В. Юшманов.

В. В. Бородич — «Функции имперфекта в старославянском языке». Диссертация на степень кандидата филологических наук. Защищена на заседании Ученого Совета Московского городского педагогического института им. Потемкина 3 января 1944 г.

Оппоненты: проф. Р. И. Аванесов, проф. М. Н. Петерсон.

А. Г. Широкова — «Восточно-словацкие говоры Земплинско-Унгского комитета». Диссертация на степень кандидата филологических наук. Защищена на заседании Ученого Совета Московского городского педагогического института им. Потемкина в феврале 1944 г.

Оппоненты: проф. С. Б. Бернштейн, проф. Г. О. Винокур.

А. И. Павлович — «Иван Иванович Мажураич. Опыт литературно-критической монографии». Диссертация на степень кандидата филологических наук. Защищена на заседании Ученого Совета Казанского государственного университета им. Ленина 11 мая 1944 г.

Оппоненты: проф. Вознесенский, проф. Н. И. Кравцов.

В. П. Петрусь — «Славянская фонематическая структура типа *tblt*, *tblt*». Диссертация на степень доктора филологических наук. Защищена на заседании Ученого Совета Института русского языка и Московского отд. Института языка и мышления АН СССР им. Н. Я. Марра 1 ноября 1945 г.

Оппоненты: академик Н. С. Державин, академик С. П. Обнорский, проф. С. Б. Бернштейн.

А. Л. Каплан — «Чешско-польские культурные взаимоотношения и их отражение в польской письменности раннего средневековья». Диссертация на степень кандидата филологических наук. Защищена на заседании Ученого Совета Ленинградского государственного университета 4 октября 1946 г.

Оппоненты: проф. В. Г. Чернобаев, проф. К. А. Копержинский, доц. А. В. Разумовская.

С. Б. Бернштейн — «Язык валашских грамот XIV—XV ст. ст.». Диссертация на степень доктора филологических наук. Защищена на заседании Ученого Совета Института русского языка АН СССР в Москве 6 декабря 1946 г.

Оппоненты: академик Н. С. Державин, проф. Л. А. Булаховский, проф. М. В. Сергиевский, проф. Б. А. Ларин.

Н. И. Кравцов — «Сербский эпос». Диссертация на степень доктора филологических наук. Защищена на заседании Ученого Совета Института мировой литературы им. М. Горького 27 июня 1947 г.

Оппоненты: действ. член АН УССР проф. Н. К. Гудзий, проф. П. Г. Богатырев, проф. И. Н. Розанов.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
-----------------------	---

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА В. И. ПИЧЕТА

<i>С. В. Бахрушин.</i> В. И. Пичета как историк СССР	7
<i>Н. М. Ткаченко.</i> Работы академика В. И. Пичета по истории Украины	15
<i>С. А. Никитин.</i> Деятельность В. И. Пичета в области славяноведения	21
<i>В. Д. Королюк.</i> Рукописное наследство академика В. И. Пичета	25
Библиография трудов В. И. Пичета	35

СТАТЬИ

<i>И. И. Удальцов.</i> Из истории славянского съезда в Праге в 1848 году	57
<i>С. А. Никитин.</i> К вопросу о политическом движении сербов Воеводины в 1848 году	85
<i>И. С. Миллер.</i> Накануне отмены барщины в Галиции (Из истории идейно-политической борьбы в польском обществе в 30—40-х годах XIX столетия)	119
<i>И. Н. Мельникова.</i> Закарпатская Украина в революции 1848 года	241
<i>С. С. Советов.</i> К вопросу о языке польских сатирических поэм в XVIII веке	293

СООБЩЕНИЯ

<i>С. Б. Бернштейн.</i> Страница из истории болгарской иммиграции в Россию во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг.	327
<i>Е. Н. Кушева.</i> Из русско-сербских революционных связей 1870-х годов	343
<i>С. В. Никольский.</i> К вопросу о знакомстве Ф. Л. Ч. лаковского с русской фольклористикой начала XIX века	359
<i>А. И. Павлович.</i> Божена Немцова в освещении новейшей чешской критики	367

ХРОНИКА

<i>С. Б. Бернштейн.</i> Отчет о диалектологической поездке в болгарские села Молдавской ССР и Измаильской области УССР летом 1947 года	385
<i>Е. В. Чешко.</i> Отчет о диалектологической поездке в болгарское село Тараклию Молдавской ССР и село Табаки Измаильской области УССР	391
<i>С. Б. Бернштейн, И. К. Бунина.</i> Прелварительный отчет о диалектологической экспедиции в болгарские села Молдавской ССР и Измаильской области УССР.	395
Список диссертаций по славянской филологии, защищенных в 1934—1947 гг.	396

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *И. С. Миллер*
Технический редактор *Н. П. Аузан*
Корректор *В. Е. Посельский*
Переплет художника *Б. Б. Титова*

*

РИСО АН СССР № 3407. А-13307. Изд. № 1726.
Тип. зак. № 1279. Подп. к печати 29/X 1949 г.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Печ. л. 25 + 1 вкл.
Уч.-изд. 35³/₄. Тираж 4000.

Цена в переплете 32 руб.

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12.

УЧЕННЫЕ
ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНО-
ВЕДЕНИЯ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ
НАУК
СССР

1949